

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Берляков Д.П.</i> Роль национальной правовой психологии в российском праве	6
<i>Плутенко Д.С., Бигалиева Я.Г.</i> Практика применения сравнительно-правового метода, процедур описания и аргументирования на примере исследования принципа разделения властей	11
<i>Гаджиев А.Б., Глушков А.И.</i> Правовой статус прокурора как должностного лица, осуществляющего надзор за деятельностью следователей и органов дознания по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов).....	15
<i>Ерофеев Д.А.</i> Становление системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 гг.: структура, задачи, основные направления деятельности, правовая основа (историко-теоретический аспект).....	19
<i>Касумов Н.Ф.</i> Причины и правовое обеспечение возникновения института электронного правосудия и трансформация судебной деятельности	24
<i>Николаев В.Е.</i> Преподавание юридических дисциплин в сельскохозяйственных учебных заведениях второй половины XIX – начала XX века (на примере Саратовской губернии).....	29
<i>Самарин В.А.</i> Развитие правового регулирования применения агентурно-оперативных методов предотвращения правоохранительными органами преступности в 1940–1950-е годы.....	35
<i>Чернышев А.Е.</i> Формирование природоохранного законодательства и проблемы правоприменительной практики в сфере охраны окружающей среды в Германской Демократической Республике (конец 1940 – конец 1980-х гг.)	39
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Александров Г.Д.</i> Взаимодействие Правительства Москвы с органами местного самоуправления в городе Москве	44
<i>Бережецкая О.С.</i> Юридический механизм участия работников в управлении организацией. История возникновения, становления и полного исчезновения в России. 1917–2006 гг.....	49
<i>Богданов М.М.</i> Развитие правовой модели применения тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности	58

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагива Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.12.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Брослав А.А.</i> Проблема закрытого перечня имущества, которое может быть обращено в доход государства в рамках противодействия коррупции.....	63	<i>Кабачков П.А., Крицкий В.И.</i> Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом как разновидность договора присоединения: теоретический и практический аспекты	149
<i>Валиев Р.Г., Гилязетдинов М.Р.</i> Практика правового регулирования этнополитических отношений: к вопросу оптимизации этнополитики государства	67	<i>Китайский Д.В.</i> Финансово-правовое регулирование противодействия уклонению от уплаты налогов в США. 153	
<i>Голубев С.А.</i> Некоторые тенденции процесса функционирования банковской системы Российской Федерации	73	<i>Ковтуненко О.С.</i> Меморандумы и иные соглашения как внесудебный способ защиты авторских и смежных прав в Интернете	160
<i>Еланский И.Ю.</i> Правовой режим и особенности интеграции искусственного интеллекта в экономический оборот	83	<i>Козлова М.В.</i> Юридические лица как наследники авторов результатов творческой деятельности	165
<i>Лобченко Л.Н., Ерофеев Д.А.</i> Понятие и сущность государственной границы: история становления, эволюция научных взглядов	89	<i>Колтыгин И.Д.</i> Процедура сбора доказательств в делах о трансграничной несостоятельности	168
<i>Звонарева А.Ю., Захватов И.Ю., Васильева И.Н.</i> Основные теоретические подходы к формированию механизма разграничения отраслевой компетенции оперативных и следственных подразделений территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел	95	<i>Красоусская П.Д., Бигалиева Я.Г.</i> Понятие технологии блокчейн и ее правовая природа	174
<i>Золотовская Е.А.</i> Гражданско-правовая ответственность субъекта Российской Федерации	101	<i>Малахо Я.О.</i> О правовом статусе Обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации.....	178
<i>Кузнецов И.И.</i> Развитие конституционализма в Республике Казахстан: теоретико-правовые аспекты, национальные особенности и перспективы укрепления	107	<i>Малов Н.М.</i> Нравственность при цифровизации экономики: основные проблемы	183
<i>Федотов М.В.</i> Особый правовой статус ООПТ в обеспечении комплексного муниципального развития	113	<i>Мамаев А.А.</i> Правовые возможности взыскателей при обращении к судебным приставам-исполнителям... 188	
<i>Липски С.А.</i> Некоторые выводы и предложения по уточнению правил оборота земельных участков сельхозназначения с учетом реализации Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации	117	<i>Мельников О.О.</i> Порядок исполнения сетевой организацией своих обязательств по договору технологического присоединения	191
<i>Мухин А.И.</i> Теоретико-правовые вопросы обеспечения духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации	123	<i>Малахо Я.О.</i> Юридическая природа правового института долей в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью	196
<i>Федотов М.В.</i> Правовые проблемы использования земель особо охраняемых природных территорий.....	127	<i>Мельчаков К.М.</i> Понятие и правовой статус апартаментов.....	201
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ		<i>Моисеев С.А., Сомова О.В.</i> Доктрина «снятия корпоративной вуали» («piercing the corporate veil») в англо-американском праве.....	207
<i>Брыкина С.А., Демидов И.А.</i> Государство как субъект частноправовых отношений в сфере трансграничной электронной торговли.....	131	<i>Никитин Д.В., Камалетдинова А.В., Чепарина О.А.</i> Маркетплейсы: сравнительно правовое исследование некоторых схожих правовых категорий... 212	
<i>Грицук А.А.</i> Проблемы восстановления сроков исковой давности в гражданском праве России	135	<i>Подсушная М.В.</i> Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ	217
<i>Добровольская А.В., Кузнецов М.И.</i> Правовой статус криптовалюты в гражданском праве.....	141	<i>Попова В.О.</i> Особенности регулирования совершаемых супругами гражданско-правовых сделок	226
<i>Игнахина М.В.</i> Императивные нормы в российском наследственном праве	145	<i>Ренжин И.А.</i> Нарушения авторских прав в деятельности стриминговых сервисов	232
		<i>Саратов А.С.</i> Правовое определение критериев эффективности корпоративного управления.....	236
		<i>Куделя Н.Ю., Ганик О.Н., Соколова О.А.</i> Сравнительный анализ эффективности TOP на территории Дальнего Востока и Арктической зоны... 239	
		<i>Хронин Н.В.</i> Проблемные аспекты ограничения свободы договора в современном законодательстве.....	246

Чужакова Е.А. Содержание процесса доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях..... 250

Шохова В.А., Горбунов Т.Д. Возмещение вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды: тенденции судебной практики 254

Шумилин А.В. Особенности трудового и коллективного договоров в Бразилии..... 258

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акименко Е.С. Средства доказывания и квалифицирующие признаки состава преступления при рассмотрении судами уголовных дел о коррупции..... 263

Богатырев В.И. Законодательство об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд в России и зарубежных странах..... 268

Богунова Г.В. Подходы к определению критериев квалификации домашнего насилия в уголовном праве . 274

Вит А.С. Процессуальные особенности оспаривания действий правоохранительных органов..... 278

Короткий Ф.В. Проблемы и перспективы уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений 286

Кубрикова М.Е. Солидарность в уголовном судопроизводстве России: постановка проблемы 293

Кузнецов Д.С. Уголовно-правовая ответственность за травлю в интернете (кибербуллинг, троллинг) 298

Магунов Д.А. Криминалистическое значение суггестивных состояний, вызванных воздействием цифровых технологий 301

Михайлов П.И. Некоторые аспекты начального этапа предварительного расследования в чрезвычайной ситуации 306

Нурмухаметов Р.Н. К вопросу о повышении качества и эффективности правосудия, осуществляемого мировыми судьями..... 310

Старых С.М. Вопросы, возникающие в правоприменительной практике в отношении преступлений, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации 315

Титов М.А. Интернет-зависимость как условие совершения несовершеннолетними в их отношении преступлений..... 319

Холопов А.В. О некоторых проблемах реализации естественного и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве..... 324

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абдуллаев Э.Э. Теоретические аспекты частноправового регулирования трудовых правоотношений с участием иностранного элемента в международном праве..... 331

Аджиев А.Х. Условия, определяющие нормативный внешний контекст толкования международных договоров о правах человека..... 337

Бичурина Е.С. Регулирование воздушных сообщений в ЕАЭС как составная часть интеграционного процесса..... 342

Лю Кэсинь. Международно-правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху..... 345

Пышкин А.Ю. Основные модели частных фондов в странах романо-германской правовой системы..... 350

Разумовская В.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы..... 355

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Школик О.А. Аспекты арбитражного судопроизводства при взыскании судебных издержек по делам из публичных правоотношений 362

Бабаева В.А. Соотношение терминов ИТ и ИКТ в современных реалиях..... 369

Максимов П.В. Противодействие бандитизму в условиях реформирования правоохранительных органов советской власти на этапе завершения Гражданской войны 375

Малыгин А.И. Использование криптовалюты в легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате преступной деятельности 380

Рампино Карла. Император Павел I, Великий магистр Мальтийского ордена и католическая церковь: проблема взаимоотношений 385

Арямов П.А. Применение исковой давности к связанным требованиям в делах о банкротстве в практике Верховного Суда Российской Федерации 390

Макиев А.З. О некоторых недостатках наследственного договора в российском гражданском праве 393

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Berlyakov D.P.</i> The role of national legal psychology in Russian law.....	6
<i>Plutenko D.S., Bigaliev Ya.G.</i> The practice of applying the comparative legal method, procedures for description and argumentation on the example of the study of the principle of separation of powers.....	11
<i>Gajiyev A.B., Glushkov A.I.</i> Legal status of the prosecutor as an official supervising the activities of investigators and inquiry bodies in criminal cases (according to the legislation of the 1990s – early 2000s).....	15
<i>Erofeev D.A.</i> Formation of the system of protection of the Arctic borders of the USSR in 1920–1941: structure, tasks, main directions of activity, legal basis (historical and theoretical aspect).....	19
<i>Kasumov N.F.</i> The reasons and legal support for the emergence of the institute of electronic justice and the transformation of judicial activity.....	24
<i>Nikolaev V.E.</i> Teaching legal disciplines in agricultural educational institutions in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the Saratov Governorate).....	29
<i>Samarin V.A.</i> Development of legal regulation of the use by law enforcement agencies of agent-operational methods of crime prevention in the 1940s – 1950s.....	35
<i>Chernyshev A.E.</i> Formation of environmental legislation and problems of law enforcement practice in the field of environmental protection in the German Democratic Republic (late 1940s – late 1980s).....	39

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Alexandrov G.D.</i> Interaction of the Moscow Government with local self-government bodies in the city of Moscow.....	44
<i>Berezhetskaya O.S.</i> Legal mechanism of employees' participation in the management of the organization. History of emergence, formation and complete disappearance in Russia. 1917–2006 years.....	49
<i>Bogdanov M.M.</i> Development of a legal model for the application of tariff and non-tariff regulation of foreign economic activity.....	58
<i>Broslov A.A.</i> The issue of a closed list of assets that can be seized in favor of the state under federal law no. 230.....	63
<i>Valiev R.G., Gilyazetdinov M.R.</i> The practice of legal regulation of ethnopolitical relations: on the issue of optimizing the ethnopolitics of the state.....	67
<i>Golubev S.A.</i> Some trends in the functioning of the banking system of the Russian Federation.....	73
<i>Yelansky I.Yu.</i> The legal regime and features of the integration of artificial intelligence into economic turnover... ..	83
<i>Lobchenko L.N., Erofeev D.A.</i> The concept and essence of the state border: the history of formation, the evolution of scientific views.....	89

<i>Zvonareva A.Yu., Zakhvatov I.Yu., Vasilieva I.N.</i> The main theoretical approaches to the formation of a mechanism for delimiting the sectoral competence of operational and investigative units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional and district levels when solving crimes.....	95
<i>Zolotovskaya E.A.</i> Civil liability of a subject of the Russian Federation.....	101
<i>Kuznetsov I.I.</i> The development of constitutionalism in the Republic of Kazakhstan: theoretical and legal aspects, national peculiarities and prospects for strengthening.....	107
<i>Fedotov M.V.</i> Special legal status of protected areas in ensuring integrated municipal development.....	113
<i>Lipski S.A.</i> Some conclusions and suggestions on clarifying the rules for the turnover of agricultural land plots, taking into account the implementation of the State Program for effective involvement in the turnover of agricultural land and the development of the reclamation complex of the Russian Federation.....	117
<i>Mukhin A.I.</i> Theoretical and legal issues of ensuring spiritual and moral values in the Russian Federation.....	123
<i>Fedotov M.V.</i> Legal issues of land use in specially protected natural areas.....	127

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Brykina S.A., Demidov I.A.</i> The state as a subject of private legal relations in the sphere of transboundary electronic commerce.....	131
<i>Gritsuk A.A.</i> Problems of Restoration of Limitation Periods in Russian Civil Law.....	135
<i>Dobrovolskaya A.V., Kuznetsov M.I.</i> Legal status of cryptocurrency in civil law.....	141
<i>Ignakhina M.V.</i> Imperative Norms in Russian Inheritance Law.....	145
<i>Kabachkov P.A., Kritsky V.I.</i> Trust management of a mutual investment fund as a type of accession agreement: theoretical and practical aspects.....	149
<i>Kitayskiy D.V.</i> Financial and Legal Regulation of Counteracting Tax Evasion in the USA.....	153
<i>Kovtunen O.S.</i> Memoranda and other agreements as an extrajudicial method of protecting copyright and related rights on the Internet.....	160
<i>Kozlova M.V.</i> Legal Entities as Heirs of the Authors of the Results of Creative Activity.....	165
<i>Koltygin I.D.</i> Evidence collection procedure in cross-border insolvency cases.....	168
<i>Krasousskaya P.D., Bighaliev Ya.G.</i> The concept of blockchain technology and its legal nature.....	174
<i>Malakho Y.O.</i> On the legal status of limited liability companies in the Russian Federation.....	178
<i>Malov N.M.</i> Morality in the Digitalization of the Economy: Key Issues.....	183

<i>Mamaev A.A.</i> Legal options for creditors when applying to bailiffs.....	188
<i>Melnikov O.O.</i> The performance by the electric utility of its obligations under the grid connection agreement.....	191
<i>Malakho Ya.O.</i> Legal nature of the legal institution of shares in the authorized capital of a limited liability company.....	196
<i>Melchakov K.M.</i> Concept and legal status of apartments....	201
<i>Moiseenko S.A., Somova O.V.</i> The doctrine of “piercing the corporate veil” in Anglo-American law.....	207
<i>Nikitin D.V., Kamaletdinova A.V., Cheparina O.A.</i> Marketplaces: a comparative legal study of some similar legal categories.....	212
<i>Podsushnaya M.V.</i> Legal nature of the network interaction agreement.....	217
<i>Popova Valeriia Olegovna</i> Peculiarities of Regulation of Civil-Legal Transactions by Spouses.....	226
<i>Renzhin I.A.</i> Copyright infringement in the activities of streaming services.....	232
<i>Saratov A.S.</i> Legal definition of criteria for the effectiveness of corporate governance.....	236
<i>Kudelya N.Yu., Gunvik O.N., Sokolova O.A.</i> Comparative analysis of the effectiveness of TOP in the Far East and the Arctic zone.....	239
<i>Khronin N.V.</i> Problematic aspects of the restriction of freedom of contract in modern legislation.....	246
<i>Chuzhakova E.A.</i> The content of the evidence process in the proceedings on administrative offenses.....	250
<i>Shokhova V.A., Gorbunov T.D.</i> Compensation for damage caused to soils as an environmental object: trends in judicial practice.....	254
<i>Shumilin A.V.</i> Features of labor and collective agreements in Brazil.....	258

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Akimenko E.S.</i> Means of proof and qualifying signs of a crime when considering criminal cases of corruption by courts.....	263
<i>Bogatyrev V.I.</i> Legislation on criminal liability for crimes in the field of procurement for state and municipal needs in Russia and foreign countries.....	268
<i>Bogunova G.V.</i> Approaches to determining criteria for qualifying domestic violence in criminal law.....	274
<i>Vit A.S.</i> Procedural features of challenging the actions of law enforcement agencies.....	278
<i>Korotkii Ph.V.</i> Problems and prospects of criminal law protection of freedom of economic relations.....	286
<i>Kubrikova M.E.</i> Solidarity in criminal proceedings in Russia: problem statement.....	293
<i>Kuznetsov D.S.</i> Criminal liability for online bullying (cyberbullying, trolling).....	298

<i>Magunov D.A.</i> Forensic matter of suggestive mental states caused by the influence of digital technologies.....	301
<i>Mikhailov P.I.</i> Some aspects of the initial stage of the preliminary investigation in an emergency situation.....	306
<i>Nurmukhametov R.N.</i> On the issue of improving the quality and efficiency of justice administered by justices of the peace.....	310
<i>Starykh S.M.</i> Issues arising in law enforcement practice in relation to crimes related to fraud in the field of computer information.....	315
<i>Titov M.A.</i> Internet-addiction as a condition for minors to commit crimes against them.....	319
<i>Kholopov A.V.</i> On some problems of implementation of natural and artificial intelligence in criminal proceedings....	324

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Abdullaev E.E.</i> Theoretical aspects of private law regulation of labor relations with the participation of a foreign element in international law.....	331
<i>Adzhiev A.H.</i> Conditions that determine the normative external context for the interpretation of international human rights treaties.....	337
<i>Bichurina E.S.</i> Regulation of air services in the EAEU as an integral part of the integration process.....	342
<i>Liu Kexin.</i> International legal aspects of intellectual property protection in the digital era.....	345
<i>Pyshkin A.Yu.</i> Main models of private funds in the countries of the Romano-Germanic legal system.....	350
<i>Razumovskaya V.V.</i> Territorial disputes in the South China Sea: the current state of the problem.....	355

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Shkolik O.A.</i> Aspects of arbitration proceedings in the recovery of court costs in cases from public legal relations.....	362
<i>Babaeva V.A.</i> Correlation of terms IT and ICT in modern realities.....	369
<i>Maksimov P.V.</i> Counteracting Banditry in the Context of Reforming Law Enforcement Agencies of the Soviet Government at the End of the Civil War.....	375
<i>Malygin A.I.</i> The use of cryptocurrency in legalization (laundering) of money or other property acquired as a result of criminal activities.....	380
<i>Rampino Carla.</i> Emperor Paul I, Grand Master of the Order of Malta and the Catholic Church: the problem of relations.....	385
<i>Aryamov P.A.</i> Application of limitation periods to related claims in bankruptcy cases in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation.....	390
<i>Makiev A.Z.</i> On some shortcomings of the inheritance contract in Russian civil law.....	393

Роль национальной правовой психологии в российском праве

Берляков Денис Петрович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
E-mail: den_berlyakov@mail.ru

Актуальность исследования заключается в рассмотрении национальной правовой психологии как одного из факторов, оказывающих влияние на формирование российского права, исходя из приоритетов нации в определённый исторический период. Рассматривается роль национальной правовой психологии в различных отраслях права, сферах деятельности, при этом наблюдается преемственность российской правовой системы. Предлагается повышать уровень правосознания посредством осуществления толкования права лицами, обладающими профессиональным уровнем правосознания, с учётом совмещения практического опыта и теоретических разработок в сфере национальной правовой психологии. В ходе исследования приходим к выводу, что существенную роль в формировании права играет национальная правовая психология, определяя направление развития. Материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего совершенствования российского права посредством выделения ключевых аспектов влияния национальной правовой психологии.

Ключевые слова: национальная правовая психология, преемственность, отрасли права, правосознание.

При наличии определённой специфичности, свойственной русской нации, отметим национальную правовую психологию как один из важнейших факторов влияния на российское право. Нормативно незакреплённые чувства, эмоции граждан определяют направление в правотворчестве. Несмотря на динамизм правовой сферы, А.С. Пиголкин справедливо усматривает преемственность российской правовой системы [17, с. 490]. По нашему мнению, преемственность сохраняется, исходя из наличия влияния национальной правовой психологии на российское право, формируясь веками в виде представления о праве, правовых институтах и правосудии, оказывая влияние на правосознание и применение правовых норм. Н.М. Коркунов, рассматривая понимание психической природы человека, пришёл к объективному выводу: «...современная психологическая теория признает преемственную связь в психическом развитии чередующихся поколений и отдельную личность человека признает в самой значительной степени продуктом исторической жизни общества» [4, с. 213]. Опыт, накопленный поколениями, объективно способствует совершенствованию права.

Я.В. Бакарджиев справедливо утверждал: «Право – это объективно обусловленная природой человека и общества и выражающая степень свободы личности система регулирования общественных отношений, которой присущи общеобязательность, нормативность, формальная определенность, обеспеченность возможностью государственного принуждения и процессуальный порядок реализации» [1, с. 9]. Такие противоположные качества, как эмоциональная оценка правовой действительности, нормативно не закреплённые чувства, эмоции, настроения индивидуумов, присущие национальной правовой психологии, формирующиеся в виде обыденного правосознания, оказывают влияние на российское право.

Отличительной особенностью влияния национальной правовой психологии на российское право, по нашему мнению, является охватываемый ею широкий круг лиц, которыми осуществляется эмоциональная оценка правовых вопросов, регулируемых государством. Несмотря на то, что правом законодательной инициативы наделены конкретные субъекты правоотношений согласно Конституции Российской Федерации [3, ч. 1 ст. 104], психологические свойства представителей нации, народности также оказывают воздействие на процессы правотворчества.

На примере различных отраслей права просматривается роль национальной правовой психологии в российском праве. В.Н. Карташов верно отметил, что психологический тип факторов в пра-

вовой системе общества воздействует на правовую систему на эмоциональном, волевом и рациональном уровне [2, с. 52]. Наглядным примером проявления национальной правовой психологии в российском праве является то, что в процессе повседневной деятельности у работников органов государственной власти и органов местного самоуправления формируется групповое правосознание, состоящее из психических аспектов индивидуальных личностей, которые, объединяясь, приобретают признаки, характерные национальному духу, и оказывают влияние на государственное развитие и правовую систему. В.В. Сорокин верно отмечал, что «Нация...подобна личности человека, поскольку тоже обладает душой...» [19, с. 161]. Индивидуальные качества представителей нации, народности проявляются в общественной деятельности. Занятые в определённой сфере лица находятся в относительно одинаковых психологических условиях, в связи с этим формируется общее эмоциональное и психологическое отношение к праву.

Государством на законодательном уровне закреплено право граждан на национально-культурное самоопределение. Характерным примером особенности влияния национальной правовой психологии на российское право является национально-культурная автономия [9] как одна из видов общественного объединения граждан по национальному признаку, определяя тем самым основные конституционные ценности в виде исторических и культурных традиций этнических общностей. Следовательно, без востребования обществом такой формы самоопределения граждан, как автономия, не могло и возникнуть. Л.В. Андриченко и другие исследователи считают, что: «...с расширением правового содержания норм об иностранных источниках финансирования в рамках законодательства об иностранных агентах деятельность национальных культурных автономий будет затруднена, поскольку избежать помощи от иностранных государств или организаций в той или иной форме при организации контактов практически невозможно» [18, с. 139–140]. В ходе подобных правоотношений со стороны представителей недружественных государств возможно негативное влияние на правосознание этнических общностей. С одной стороны, в ходе установления взаимоотношений российских общественных организаций с представителями иностранных государств осуществляется интегрирование национальной правовой психологии в международное право, с другой стороны, деятельность представителей иностранных организаций может представлять угрозу национальной безопасности российского государства. Поэтому необходимо осуществлять толкование права, повышая уровень правосознания широких слоёв населения с учётом совмещения практического опыта и теоретических разработок в сфере национальной правовой психологии лицами, обладающими профессиональным уровнем правосознания, с целью ограничения влияния негативной среды в сфере национальных отношений.

Национальная правовая психология в российском праве способствует поддержанию баланса в правовой среде, проявляясь в принятии ряда законов по защите национальных интересов, которые ограничивают иностранное влияние [7], пресекают использование в противоправных целях средств массовой информации [12, ст. 4], обеспечивают защиту информации [13], запрещают наличие гражданства иностранного государства или вида на жительство, при участии в конкурсе на выборную должность в Российской Федерации и при поступлении на государственную гражданскую службу [5, п. 7 ч. 1 ст. 16; 8, п. 7 ч. 1 ст. 13], укрепляют национальную идентичность, выполняя превентивную функцию в форме защиты русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [6, ч. 1 ст. 1]. Национальная правовая психология может привести к адаптации конституционных норм в соответствии с международными обязательствами либо к конфронтации в случае противоречия их национальным традициям и устоям. Такие меры по совершенствованию законодательства ограничивают возможность влияния иностранной правовой пропаганды и «насаждения» культурных стандартов. Внутренний мир представителей нации, народности, их эмоции, чувства, по нашему мнению, определяют направление в правотворчестве, так же, как и восприятие окружающей правовой реальности ввиду наличия угрозообразующих факторов.

Влияние национальной правовой психологии на российское право может проявляться в различных сферах деятельности (в экономической, духовной, социальной, образовательной, политической и др.). Одним из примеров является деятельность общероссийского общественного движения «Народный фронт», результаты деятельности которого проявляются в общественных инициативах, способствующих принятию нормативных правовых актов. С целью сохранения национальных традиций, культуры различные общественные объединения [14], такие как «Национальные общественные организации России» («Чувашский национальный конгресс», «Федеральная национально-культурная автономия татар» и др.), некоммерческие организации: казачьи общества, общины коренных малочисленных народов, общественные и религиозные организации (объединения) [10, ст. 6, ст. 6.1, ст. 6.2] участвуют в регулировании общественных отношений в самых различных областях права. Совершенствование в сфере права, обратная связь общества и государства не может быть достигнута, по нашему мнению, без эмоциональной оценки правовой действительности, правовых норм, деятельности государственных органов в сфере правотворчества и исполнения норм права, в том числе и в различные исторические периоды.

Национальная правовая психология обладает характерным признаком субъекта правоотношений – принадлежности к определённой нации, на-

родности. Различные этносы и субэтносы, объединившись в единое централизованное российское государство, через выборных должностных лиц, опосредовано, волевыми усилиями своего психотипа влияют на российское право как в индивидуальных, так и в коллективных формах. Роль национальной правовой психологии в российском праве просматривается в формировании этнического правосознания при защите национальных интересов, сохранении прав национальных меньшинств, деятельности правозащитных организаций (Общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России» [11]). Влияние национальной правовой психологии проявляется в интеграции международных норм и стандартов российским законодательством, уважении прав и свобод представителя каждой национальности, совершенствовании образовательных программ и интерпретации в средствах массовой информации событий в межнациональной сфере.

Принятие нормативных правовых актов возможно не только по инициативе уполномоченных должностных лиц. Л.И. Петражицкий, размышляя о законном праве, полагал, что обращения могут исходить от «...частных лиц, равных другим...» [16, с. 171]. Приходим к выводу, что принятие законов осуществляется под воздействием общества и исходит из его потребностей. На примере органов местного самоуправления национальная правовая психология в российском праве проявляется опосредовано, с учётом делегирования гражданами полномочий выборным должностным лицам местного самоуправления, депутатам, членам выборного органа местного самоуправления в принятии нормативных правовых актов. Выборные лица, представляя интересы граждан, являются носителями тех же духовных ценностей, присущих населению этой территории. Несмотря на то, что закон не обязывает проживание выборных лиц на территории избирательного округа [15, ч. 10¹ ст. 40], считаем это необходимым условием для эффективного исполнения обязанностей и поддержания устойчивой связи с населением, обеспечения доступности и понимания существующих проблем, сохранения национальных традиций и культуры на соответствующей территории. Полагаем, что данные ограничения не могут нарушать права выборных лиц, так как предусматривается добровольное согласие при участии в выборах и ознакомление с возможными ограничениями по их соблюдению в случае законодательного закрепления.

Индивидуальное и коллективное правосознание, оказывающее влияние на правовую систему, форму государственного устройства, содержание, практику применения норм Конституции Российской Федерации, тем самым определяет основные конституционные ценности в виде исторических и культурных традиций многонационального российского государства. В настоящее время с учётом влияния национальной правовой психологии в России сформировалось именно такое национально-территориальное государственное устройство,

к которому стремились граждане, однако такое устройство уязвимо с точки зрения возможности влияния негативной среды в сфере национальных отношений. Осмысление правозначимых явлений индивидуальными и коллективными субъектами и в целом нацией осуществляется с точки зрения национального психотипа. Государственные органы реализуют психологические потребности коллективных и индивидуальных субъектов правоотношений с учётом их особенностей в процессуальную форму, возводя в закон.

В заключение хотелось бы отметить, что национальной правовой психологией определяется направление законотворчества. Таким образом, в результате преемственности, исходя из приоритетов нации в различных отраслях права и сферах деятельности, усматривается основополагающая роль национальной правовой психологии в формировании российского права. Чувства, эмоции широких слоёв населения выражают потребность совершенствования законодательства. Толкование права широким слоем населения с применением исследований в сфере национальной правовой психологии, лицами, обладающими профессиональным уровнем правосознания, объективно способствует повышению уровня правосознания граждан и совершенствованию норм права. Проживание выборных должностных лиц органов местного самоуправления на территории избирательного округа будет способствовать активному участию в развитии жизни округа и устойчивой связи с населением. Понимание и соблюдение законов широкими слоями населения, доверие к органам власти, безусловно, является наивысшим критерием оценки уровня национальной правовой психологии. Теоретические аспекты исследуемого вопроса в складывающейся общественно-политической обстановке особенно востребованы и способствуют совершенствованию российского права.

Литература

1. Бакарджиев, Я.В. Теория государства и права в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / Я.В. Бакарджиев, В.А. Рыбаков, Р.А. Ромашов. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 304 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-02098-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/537808> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебник для вузов / В.Н. Карташов. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 283 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06940-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/540177> (дата обращения: 08.11.2024).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодатель-

- ства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 352 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-07620-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538272> (дата обращения: 23.09.2024).
 5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 25.12.2023), с изм. и доп. вступ. в силу с 30.12.2023 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3215.
 6. О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 06.06.2005. – № 23. – Ст. 2199.
 7. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 14.07.2022, № 0001202207140018.
 8. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.03.2007. – № 10. – Ст. 1152.
 9. О национально-культурной автономии: Федер. закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2965.
 10. О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 145.
 11. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России»: Указ Президента РФ от 13.11.2020 № 701 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 13.11.2020, № 0001202011130009.
 12. О средствах массовой информации: Закон Верховного совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124–1 // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. – 13.02.1992. – № 7. – Ст. 300.
 13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31. – Ст. 3448, (часть I).
 14. Об общественных объединениях: Федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 22.05.1995. – № 21. – Ст. 1930.
 15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.10.2003. – № 40. – Ст. 3822.
 16. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 2 / Л.И. Петражицкий. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 343 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-08033-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538437> (дата обращения: 08.11.2024).
 17. Пиголкин, А.С. Теория государства и права: учебник для вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев; под редакцией А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 516 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01323-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535405> (дата обращения: 25.09.2024).
 18. Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики: научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, А.Е. Постников, Л.Н. Васильева и др.; отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 296 с.
 19. Сорокин, В.В. Правовая психология: учебник для вузов / В.В. Сорокин. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 297 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13706-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/543987> (дата обращения: 21.02.2024).

THE ROLE OF NATIONAL LEGAL PSYCHOLOGY IN RUSSIAN LAW

Berlyakov D.P.
Altai State University

The relevance of the research lies in the consideration of national legal psychology as one of the factors influencing the formation of Russian law, based on the priorities of the nation in a certain historical period. The role of national legal psychology in various branches of law and spheres of activity is considered, while the continuity of the Russian legal system is observed. It is proposed to raise the level of legal awareness through the interpretation of law by persons with a professional level of legal awareness, taking into account the combination of practical experience and theoretical developments in the field of national legal psychology. In the course of the study, we come to the conclusion that national legal psychology plays an essential role in the formation of law, determining the direction of development. The materials of the publication can be used to further improve Russian law by highlighting key aspects of the influence of national legal psychology.

Keywords: national legal psychology, continuity, branches of law, legal awareness.

References

1. Bakargiev, Ya.V. Theory of State and Law in 2 Parts. Part 2: a textbook for universities / Ya.V. Bakargiev, V.A. Rybakov, R.A. Romashov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 304 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-02098-4. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/537808> (date of access: 09/23/2024).
2. Kartashov, V.N. Theory of the Legal System of Society: a textbook for universities / V.N. Kartashov. – Moscow: Yurait Pub-

- lishing House, 2024. – 283 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-06940-2. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/540177> (date accessed: 08.11.2024).
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 04.08.2014. – No. 31. – Art. 4398.
 4. Korkunov, N.M. Lectures on the General Theory of Law / N.M. Korkunov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 352 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-07620-2. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538272> (date of access: 23.09.2024).
 5. On the state civil service of the Russian Federation: Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ (as amended on 25.12.2023), with amendments and add. entered into force on 30.12.2023 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 02.08.2004. – No. 31. – Art. 3215.
 6. On the state language of the Russian Federation: Federal Law of 01.06.2005 No. 53-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 06.06.2005. – No. 23. – Art. 2199.
 7. On control over the activities of persons under foreign influence ... Law of 14.07.2022 No. 255-FZ (as amended on 24.07.2023) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), 14.07.2022, No. 0001202207140018.
 8. On Municipal Service in the Russian Federation: Federal Law of 02.03.2007 No. 25-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 05.03.2007. – No. 10. – Art. 1152.
 9. On National-Cultural Autonomy: Federal Law of 17.06.1996 No. 74-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. – No. 25. – Art. 2965.
 10. On non-profit organizations: Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 15.01.1996. – No. 3. – Art. 145.
 11. On the establishment of the All-Russian public-state organization “Assembly of the Peoples of Russia”: Decree of the President of the Russian Federation of 13.11.2020 No. 701 // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), 13.11.2020, No. 0001202011130009.
 12. On the mass media: Law of the Supreme Council of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124–1 // Bulletin of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 13.02.1992. – No. 7. – Art. 300.
 13. On information, information technologies and information protection: Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 31.07.2006. – No. 31. – Art. 3448, (Part I).
 14. On public associations: Federal Law of 19.05.1995 No. 82-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 22.05.1995. – No. 21. – Art. 1930.
 15. On general principles of local self-government organization in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 06.10.2003. – No. 40. – Art. 3822.
 16. Petrazhitsky, L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality in 2 Parts. Part 2 / L.I. Petrazhitsky. – Moscow: Publishing House Yurait, 2024. – 343 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-08033-9. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538437> (date accessed: 08.11.2024).
 17. Pigolkin, A.S. Theory of State and Law: textbook for universities / A.S. Pigolkin, A.N. Golovistikova, Yu.A. Dmitriev; edited by A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 516 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-01323-8. – Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535405> (accessed: 09/25/2024).
 18. Legal regulation of interethnic relations in the Russian Federation: problems of theory and practice: scientific and practical manual / L.V. Andrichenko, A.E. Postnikov, L.N. Vasilyeva et al.; ed. L.V. Andrichenko, A.E. Postnikov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. – 296 p.
 19. Sorokin, V.V. Legal Psychology: a textbook for universities / V.V. Sorokin. – Moscow: Publishing house Yurait, 2024. – 297 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-13706-4. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/543987> (date of access: 02/21/2024).

Практика применения сравнительно-правового метода, процедур описания и аргументирования на примере исследования принципа разделения властей

Плутенко Даниил Сергеевич,

студент, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: plutenko_daniil@mail.ru

Бигалиева Яна Гератовна,

студент, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: y.bigaliev@ngsu.ru

В статье авторами исследуются отдельные методы и процедуры, используемые юридической наукой для исследования государства и права, такие как сравнительно-правовой метод, процедуры описания и аргументирования. Порядок применения указанных методов и процедур продемонстрирован на примере исследования такого государственно-правового явления как принцип разделения властей. Исследование данного государственно-правового явления производится в аспектах, которые могут быть изучены путем применения указанных методов и процедур, причем изучаются проявления принципа разделения властей как в рамках правовой системы Российской Федерации, так и в иных правопорядках.

Ключевые слова: юридическая наука, методы юридической науки, процедуры юридической науки, сравнительно-правовой метод, процедура описания, процедура аргументирования, методология юридической науки, теория государства и права.

Государственно-правовые явления и процессы сложны и многообразны, поэтому для их всестороннего исследования требуется применение в совокупности различных методов и процедур, выработанных юридической наукой. В рамках данной работы авторами проиллюстрировано использование некоторых из них на примере исследования принципа разделения властей.

Изучение принципов применения рассматриваемых методов и процедур следует начать с рассмотрения и практических примеров применения сравнительно-правового метода, который является одним из основных и наиболее известных частонаучных, а именно специально-юридических, методов и применяется юридическими науками для изучения государства и права. Одно из детальных определений содержания сравнительно-правового метода было дано В.М. Сырых, который понимает сравнительно-правовой метод как способ, с помощью которого выявляются факты сходства и различия, присущие законодательствам различных юрисдикций, государств, либо конфедеративных образований. Объектом исследования, по отношению к которым применяется сравнительно-правовой метод, выступают тексты законов и иных нормативных правовых актов. Результаты проведенного анализа сводятся к установлению совокупности фактов сходства или различия сравниваемых законодательных систем [2]. Также разумно осветить взгляд О.Ф. Скакуна на сущность сравнительно-правового метода, который при его характеристике отметил, что при применении рассматриваемого метода исследователь проводит сопоставление однопорядковых юридических понятий, явлений, процессов и определяет имеющиеся между ними сходства и различия [2]. Справедливо заметить, что обязательным условием для применения данного метода является сопоставимость объектов исследования, под которой понимается наличие у объектов сравнения определенных форм, которые могут быть подвергнуты сравнению, либо расположение самих исследуемых явлений на уровнях правовой системы, между которыми может быть произведено сравнение.

Реализация сравнительно-правового метода происходит в четыре этапа. На первом этапе разрабатываются критерии сравнения объектов. На втором этапе проводится сравнительный анализ. После этапа сравнительного анализа происходит объяснение и оценка результатов. Последним этапом является опубликование результатов исследования [1].

В рамках характеристики сравнительно-правового метода видится разумным рассмотреть виды сравнения и проиллюстрировать их примерами. Так, в зависимости от принадлежности объектов исследования к определенной правовой системе, сравнение может быть внутренним и внешним. Внутреннее сравнение происходит в рамках национальной правовой системы конкретного государства или иного политико-территориального образования. Например, в рамках российского правового порядка внутренним признается сравнение норм статей 71 и 72 Конституции РФ, в которых определены, соответственно, аспекты, входящие в предмет ведения Российской Федерации и совместного ведения федеральных и региональных органов власти (разделение властей по вертикали). В случае, если сравниваются принципы организации и полномочия ветвей власти в России и Германии, так как оба государства являются федеративными и принадлежат к романо-германской правовой системе, такое сравнение будет называться внешним региональным. Внешнее универсальное сравнение имеет место в случае, когда сравниваются подобные институты в государствах с разными правовыми системами, например, при сравнении принципа разделения властей в Российской Федерации и в США. Так, например, правовой прецедент признается источником права в странах англо-американской правовой системы. Соответственно, суды в таких государствах выносят решения, которые признаются источниками права. Для стран континентальной системы права такие особенности не характерны и органы судебной власти не наделены полномочиями по принятию актов, являющихся источниками права.

В тесной связи с внутренним и внешним сравнением находятся формы сравнения. Сравнительно-правовой метод может применяться всего в двух формах: сопоставления или противопоставления. В случае применения сравнения в форме сопоставления, каждый из сравниваемых объектов одновременно является и тем объектом, который сравнивается, и тем объектом, с которым сравнивается первый объект. Например, сравнивая полномочия ветвей власти в РФ, исследователь сопоставляет их, указывая, что исполнительная власть вырабатывает основные направления государственной политики в определенной сфере, тогда как судебная власть призвана осуществлять правосудие, а законодательная – принимать нормативные правовые акты. Противопоставление, которое в научной литературе также зачастую именуется контрастным сопоставлением, реализуется через выделение одного объекта и постановку его в статусе главного, после чего этот главный объект противопоставляется иным объектам, с которыми он сравнивается. Например, в отличие от РФ, где руководство деятельностью прокуратуры осуществляет Генеральный прокурор, в государствах англо-саксонской правовой системы главой прокуратуры является министр юстиции.

По отношению к историческому прошлому выделяют диахронное (историческое) и синхронное сравнение. При диахронном сравнении в качестве предмета исследования выступает процесс развития и изменения какого-либо объекта, а не объект сам по себе. В рамках такого сравнения изучается последовательность состояний предмета сравнительного исследования. Так, исследуя порядок формирования Правительства РФ следует указать, что Поправками 2020 года в Конституцию РФ были внесены изменения, вследствие которых Президенту РФ предоставлены полномочия по назначению ряда министров, руководство деятельностью которых он осуществляет, тогда как другая часть министров по-прежнему назначается Председателем Правительства и подчиняется ему. До указанных изменений все министры назначались Главой Правительства и находились в его подчинении. Таким образом, можно наблюдать фактическое сближение Президента РФ и исполнительной ветви власти при сохранении формально закрепленной обособленности Президента от ветвей власти. Примеры синхронного сравнения, при котором объекты сравниваются в один исторический период существования, были представлены выше.

Применение сравнительно-правового метода для сопоставления различных государственно-правовых систем, выявления общего и особенного между ними характеризуется рядом особенностей и предполагает особую классификацию видов. Такое сопоставление проводится на двух уровнях. Во-первых, на микроуровне, в таком случае предметом исследования надлежит считать правовые нормы и институты. Такое сравнение имеет место, например, в случае сравнения порядка, по которому формируется высший орган законодательной власти в РФ и США, и на макроуровне – на уровне правовых систем. Во-вторых, сравнение может проводиться на макроуровне. Показательным примером такого сравнения служит сопоставление объема контрольных полномочий министерства юстиции над судами, который в странах романо-германской правовой системы реализуется путем наделения данного государственного органа правом на проведение аттестации судей, осуществлении контроля над кадровой политикой судов и иными. В системах права, построенных по англо-американской модели, наоборот, министр юстиции является лишь главой прокуратуры и обладает значительно меньшим объемом контрольных полномочий в целом».

Переходя от рассмотрения сравнительно-правового метода к рассмотрению отдельных процедур, используемых юридической наукой, обратимся к процедуре описания. Исследуемая процедура сущностно имеет своей основой систематизацию получаемого эмпирического материала. В результате систематизации изначальный материал выстраивается в систему и излагается с соблюдением определенной структуры, продиктованной спецификой описываемого правового явления или процесса. Цель применения процедуры описания

заключается именно в придании системного характера и последовательном изложении информации о предмете исследования [3].

Процедура описания предполагает три основные стадии, в результате прохождения через которые информация структурируется и приобретает целостность.

Первой стадией представляется сбор и анализ исходного эмпирического материала. На данной стадии информация о предмете исследования проходит этапы, в которых используются методы толкования норм права, социальных правовых исследований, критики исторических источников и ряд иных.

Вторая стадия предполагает систематизацию собранного и проанализированного на первой стадии материала. На ней проводится обстоятельный анализ собранной информации, установление зависимостей и взаимосвязей внутренних элементов, формирование их иерархии, выясняется, что составляет суть исследуемого явления или процесса, а что имеет случайный или второстепенный характер.

Финальной стадией описания является изложение структурированной ранее информации в определенном порядке, отражающем ключевые аспекты предмета исследования и позволяющем осознать особенности его содержания иным лицам.

Проиллюстрируем применение процедуры описания примером. В России последовательно реализуется принцип разделения властей. В соответствии со статьей 10 Конституции РФ, реализация власти в РФ осуществляется органами государственной власти и иными государственными органами, разделенными на три официально установленные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Это деление называется горизонтальным. Компетенция органов, относящимся к разным ветвям власти никаким образом не пересекается и устанавливается соответствующими Федеральными конституционными законами. К основным полномочиям органов законодательной власти относятся принятие, изменение и отмена законов; утверждение бюджета; определение налоговой политики и т.д. Так как Россия – федеративное государство, принцип разделения властей реализуется не только на уровне высшей государственной власти (федеральной), но и на уровне субъектов РФ, что представляет вертикальное деление власти. Положениями статей 71, 72 и 73 Конституции РФ разграничиваются предметы ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов. Так, органы власти субъектов самостоятельно осуществляют государственную власть вне предметов ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов...

Последней процедурой, применение которой будет проиллюстрировано в данной работе, является аргументация.

Вторая процедура, используемая юридической наукой, подлежащая исследованию в рамках настоящей работы – это процедура аргументации.

Применение обозначенной процедуры производится в целях обоснования вывода о достоверности или ложности определенного научного положения. Вывод об истинности или ложности формулируется в результате применения различных научных положений, будь то эмпирические, теоретические или методологические подходы.

Аргументация может проводиться на двух уровнях, на каждом из которых в разной степени обосновывается истинность суждения. Полное обоснование формирует убеждение и уверенность в истинности положения вне всяких существенных сомнений благодаря тому, что все возможные аргументы, свидетельствующие в сторону ложности проверяемого положения исследованы, проанализированы и обоснованно отвергнуты. Частичное обоснование не обладает соизмеримой с полным степенью чистоты вывода об истинности положения, так как в данном случае не только обнаруживаются и подтверждаются аргументы в пользу признания положения истинным, но также сохраняются аргументы, свидетельствующие против его истинности, устранить которые не представляется возможным. Полученное в результате частичной аргументации частично подтвержденное положение признается не истиной, а гипотезой [4].

Как и в процедуре описания, в аргументации можно выделить три основные составляющие: тезис – положение, истинность которого подлежит обоснованию, аргументы – основания истинности или ложности, а также демонстрацию – представление в логической структуре аргументов в пользу истинности суждения либо как в пользу истинности, так и ложности, если таковые имеются.

Обычно результатом аргументации выступает связный логически выстроенный и зачастую структурированный текст, в котором последовательно обосновывается истинность соответствующего положения.

Проиллюстрируем использование частичной аргументации на примере. Тезис: на данном этапе развития российского государства и права целесообразно выделять контрольно-надзорную ветвь власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной. В соответствии со статьей 10 Конституции РФ, власть в Российской Федерации реализуется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Однако статьей 129 Конституции РФ предусмотрено существование еще одного органа, на который также возложены функции по поддержанию законности и правопорядка – Прокуратура РФ. Хотя данная норма и расположена в главе, в которой раскрывается построение судебной власти в стране, положения статьи 1 специального Федерального закона, посвященного Прокуратуре РФ предусматривает, что данным органом осуществляется надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, в отличие от судов, призванных защищать правосудие. В пользу признания прокуратуры органом государственной власти говорит также наличие у нее собственных властных

полномочий, содержащихся в статьях 22–25 указанного ранее ФЗ. Помимо прокуратуры, в структуру контрольно-надзорной ветви власти следует включить и специализированный орган финансового контроля – Счетную палату РФ, полномочия которой зафиксированы в статьях 26 и 27 специального Федерального закона. Эти полномочия включают, в частности, право принимать и направлять обязательные для исполнения представления и предписания. Пунктом 4 статьи 3 указанного закона установлена организационная и функциональная независимость контрольно-счетных органов. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о возможности выделения указанных органов в самостоятельную ветвь власти – контрольно-надзорную.

Подводя итог проведенной работе, следует обратить внимание, что содержание сравнительно-правового метода представляется комплексным и позволяет изучить путем сопоставления государственно-правовые явления и процессы, существующие как в рамках одной правовой системы, так и в разных правовых системах, как в определенный момент времени, так и в разные периоды, что позволяет увидеть их изменение и развитие. Процедура описания позволяет систематизировать материал и представить его в целостном, системном виде. Процедура аргументации представляет собой обоснование достоверности определенного тезиса, в результате которого тезис может быть признан истинным (в случае полного обоснования) или поставлен в статус гипотезы (при сохранении противоречий в случае частичного обоснования). Совокупное применение рассмотренных и иных методов и процедур юридической науки необходимо при исследовании различных государственно-правовых явлений и процессов, так как именно использование различных средств позволяет провести такое исследование всесторонне и сделать обоснованные теоретические выводы относительно сущности, происхождения и целей существования исследуемых явлений и процессов.

Литература

1. Варламова Н.В. Предмет, цели и принципы сравнительно-правовых исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 120–128.
2. Воронцова Е.А., Иванова С.А. Сравнительно-правовой метод и сравнительное правоведение: проблема определения категорий // Образование и право. 2018. № 6. С. 21–24.
3. Просвирин Е.В. Описание как метод общенаучного познания в уголовно-процессуальном доказывании // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. С. 96–101.
4. Толстик В.А. Специфика аргументации в юридической науке // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 28–34.

THE PRACTICE OF APPLYING THE COMPARATIVE LEGAL METHOD, PROCEDURES FOR DESCRIPTION AND ARGUMENTATION ON THE EXAMPLE OF THE STUDY OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS

Plutenko D.S., Bigalieva Ya.G.

Novosibirsk National Research State University

In this article, authors examine individual methods and procedures used by legal science to study the state and law, such as the comparative legal method, description and argumentation procedures. The order of application of these methods and procedures is demonstrated by the example of a study of such a state-legal phenomenon as the principle of separation of powers. The study of this state-legal phenomenon is carried out in aspects that can be studied by applying these methods and procedures, and the manifestations of the principle of separation of powers are studied both within the legal system of the Russian Federation and in other legal systems.

Keywords: Legal science, methods of legal science, procedures of legal science, comparative legal method, description procedure, argumentation procedure, methodology of legal science, theory of state and law.

References

1. Varlamova N.V. The subject, goals and principles of comparative legal research // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2014. No. 1. pp. 120–128.
2. Vorontsova E.A., Ivanova S.A. Comparative legal method and comparative jurisprudence: the problem of defining categories // Education and Law. 2018. No. 6. pp. 21–24.
3. Prosvirin E.V. Description as a method of general scientific knowledge in criminal procedural evidence // Legality and law and order in modern society. 2010. pp. 96–101.
4. Tolstik V.A. The specifics of argumentation in legal science // Legal technology. 2013. No. 7. pp. 28–34.

Правовой статус прокурора как должностного лица, осуществляющего надзор за деятельностью следователей и органов дознания по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов)

Гаджиев Адам Бабаевич,

аспирант, кафедра юриспруденции, Государственный университет «Дубна»

E-mail: adam.gadgiev2016@yandex.ru

Глушков Александр Иванович.

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой юриспруденции,

Государственный университет «Дубна»

E-mail: gai_dubna@list.ru

Статья посвящена изучению правового статуса прокурора как надзорного органа за работой следователей и дознавателей по уголовным делам в России в 1990-х – начале 2000-х годов. Анализируются законодательные акты, определявшие полномочия прокурора в уголовном процессе, его роль в обеспечении законности на стадии предварительного расследования. Рассматриваются ключевые функции прокурора: надзор за процессуальной деятельностью органов следствия, право давать указания, отменять незаконные решения, продлевать сроки следствия и содержания под стражей. Отмечаются изменения в статусе прокурора после принятия УПК РФ 2001 года и реформы 2007 года, приведшие к ограничению надзорных полномочий. Делается вывод о необходимости поиска баланса между процессуальной самостоятельностью следователя и эффективностью прокурорского надзора. Перспективы развития института прокурорского надзора связываются с дальнейшей оптимизацией правового регулирования на основе анализа правоприменительной практики.

Ключевые слова: прокурор, правовой статус, уголовный процесс, надзор, предварительное расследование, законность.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что указанный временной отрезок характеризовался кардинальными преобразованиями в системе государственных органов России, обусловленными распадом Советского Союза и формированием новой российской государственности, что потребовало пересмотра роли и места прокуратуры в системе органов государственной власти, а также адаптации ее функций и полномочий к изменившимся социально-экономическим и политическим реалиям.

Правовой статус прокурора в рассматриваемый период регламентировался рядом нормативно-правовых актов, центральное место среди которых занимали Конституция Российской Федерации 1993 года, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 года, а также Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, действовавший до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2001 году [1], [4], [2], [3].

Указанные правовые акты в своей совокупности определяли место и роль прокурора в системе уголовного судопроизводства, очерчивали круг его полномочий и функций, а также устанавливали гарантии независимости и самостоятельности прокурорской деятельности.

Согласно положениям действовавшего в тот период законодательства, прокурор выступал в качестве ключевой фигуры, призванной обеспечивать законность и соблюдение прав участников процесса на всем протяжении досудебного производства по уголовному делу. В арсенале правовых средств, находившихся в распоряжении прокурора, были сосредоточены обширные властно-распорядительные полномочия по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Так, прокурор был наделен правом возбуждать уголовные дела, принимать их к своему производству и проводить расследование в полном объеме, пользуясь при этом всеми полномочиями следователя. Данная норма свидетельствовала о том, что прокурор рассматривался не только как блюститель законности, но и как активный участник процесса расследования, способный своими действиями восполнять пробелы и устранять недостатки в работе следственных органов.

Характерной особенностью правового положения прокурора являлось наличие у него права давать следователям и органам дознания обяза-

тельные для исполнения указания о производстве процессуальных действий, применении мер процессуального принуждения, квалификации преступления и объеме обвинения. Это полномочие позволяло прокурору непосредственно влиять на ход и направление расследования, добиваться его полноты, объективности и всесторонности, своевременно выявлять и устранять нарушения закона, допущенные следователями и дознавателями. Обязательность указаний прокурора для органов расследования подчеркивала его главенствующее положение в системе органов уголовного преследования и свидетельствовала о наличии действенных рычагов процессуального контроля.

Большое значение имело право прокурора отменять незаконные и необоснованные постановления следователей и лиц, осуществляющих дознание. Данное полномочие выступало эффективным инструментом прокурорского реагирования на нарушения закона и являлось весомой гарантией соблюдения прав и законных интересов участников процесса. Отменяя незаконные процессуальные акты, прокурор устранял препятствия для дальнейшего продвижения дела, обеспечивал быстрое и оперативное расследование.

Прокурору было предоставлено исключительное право продлевать сроки следствия и содержания обвиняемых под стражей. Реализация данного полномочия позволяла прокурору держать под контролем соблюдение разумных временных границ расследования, не допускать неоправданного затягивания сроков производства по делу. Решение вопросов о продлении процессуальных сроков являлось прерогативой прокурора, что подчеркивало его ответственность за обеспечение быстроты и эффективности уголовного судопроизводства.

Существенную роль в обеспечении законности на стадии возбуждения уголовного дела играли полномочия прокурора по надзору за приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлениях. Действуя в этом направлении, прокурор предупреждал факты укрывательства преступлений от учета, пресекал случаи фальсификации материалов доследственных проверок и необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, тем самым способствуя неукоснительному соблюдению принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания.

Направляя уголовное дело для производства дополнительного расследования, прокурор был обязан четко указать, какие нарушения закона были допущены и какие обстоятельства подлежат дополнительной проверке. Данное полномочие служило действенным средством устранения пробелов предварительного следствия, обеспечивая надлежащую полноту, всесторонность и объективность исследования обстоятельств дела.

Принятие в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ознаменовало собой начало нового этапа в развитии института прокурорского надзора за предварительным расследованием [3].

Несмотря на то, что УПК РФ в целом сохранил ключевую роль прокурора в системе процессуального контроля, он, тем не менее, внес ряд существенных коррективов в объем и характер его полномочий. Магистральной линией изменений стало усиление акцента на надзорной составляющей деятельности прокурора и постепенный отказ от восприятия его в качестве субъекта, непосредственно осуществляющего уголовное преследование.

В частности, новый УПК расширил полномочия прокурора по отмене незаконных и необоснованных процессуальных решений. Если ранее такое право распространялось лишь на постановления следователя и лица, производящего дознание, то теперь им были охвачены и акты нижестоящего прокурора. Это позволило создать дополнительные гарантии законности в досудебном производстве, обеспечив возможность оперативного реагирования на ошибки и нарушения, допущенные в ходе прокурорского надзора на местах.

Наделение прокурора полномочием отменять незаконные и необоснованные решения должностных лиц, осуществляющих процессуальный контроль и надзор, имело принципиальное значение с точки зрения обеспечения иерархической подконтрольности и управляемости системы прокурорского надзора. Реализуя данное право, вышестоящий прокурор получил возможность эффективно корректировать работу нижестоящих прокуроров, обеспечивая тем самым единство и согласованность прокурорской практики.

Вместе с тем, наиболее радикальные изменения в процессуальном статусе прокурора произошли в 2007 году, когда был принят Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ, существенно перераспределивший полномочия между прокурором и руководителем следственного органа [5]. Данный закон преследовал цель обеспечить необходимую степень процессуальной самостоятельности и независимости следователя от прокурора, создать условия для принятия следователем ответственных процессуальных решений, основанных на всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела. Предполагалось, что освобождение следователя от необходимости получать согласие прокурора на производство ключевых следственных действий и вынесение важнейших процессуальных актов будет способствовать повышению оперативности и качества предварительного следствия.

Однако практическая реализация концептуальных положений Закона № 87-ФЗ вызвала неоднозначную реакцию среди ученых и практических работников. Многие из них высказывали опасения, что столь существенное ограничение надзорных полномочий прокурора может негативно отразиться на состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия, привести к росту нарушений прав участников процесса. Звучали мнения о том, что передача функций процессуального руководства расследованием от прокурора руководителю следственного органа ослабит га-

рантии независимости и беспристрастности процессуальных решений, поскольку последний в силу своего должностного положения и ведомственной принадлежности не обладает достаточной степенью организационной обособленности от органов предварительного следствия.

Указывалось также на то, что изъятие у прокурора полномочий по надзору за законностью процессуальных действий и решений следователя на досудебных стадиях производства по делу может затруднить реализацию им функции поддержания государственного обвинения в суде, поскольку прокурор будет вынужден основывать свою позицию на материалах уголовного дела, собранных при отсутствии должного прокурорского контроля.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что на протяжении большей части анализируемого периода (1990-е – начало 2000-х годов) прокурор занимал главенствующее положение в системе надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Правовые средства прокурорского реагирования, закрепленные в законодательстве того времени, позволяли прокурору эффективно выявлять и устранять нарушения уголовно-процессуального закона, активно влиять на ход и результаты расследования, обеспечивать соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, в научной и профессиональной среде не было единства мнений относительно оптимальной модели соотношения прокурорского надзора и процессуальной самостоятельности следователя. Сторонники сильной прокурорской власти выступали за сохранение широких надзорных полномочий прокурора, рассматривая их как фундаментальную гарантию законности и обоснованности процессуальных решений. Приверженцы идеи процессуальной независимости следователя, напротив, ратовали за последовательное разграничение функций надзора и уголовного преследования, усматривая в этом залог успешной реализации принципа состязательности.

Представляется, что при решении данного вопроса необходимо руководствоваться не абстрактными теоретическими схемами, а реальными потребностями практики борьбы с преступностью, конкретными социально-правовыми условиями функционирования системы уголовной юстиции на том или ином этапе развития государства и общества [7, с. 5–7], [14, с. 12–15].

Думается, что оптимальная конфигурация процессуальных полномочий прокурора должна, с одной стороны, обеспечивать эффективность прокурорского надзора как средства обеспечения законности предварительного расследования, а с другой – не создавать излишних препятствий для реализации органами расследования своих функций, не приводить к дублированию и параллелизму в работе правоохранительных органов.

Как показывает исторический опыт, чрезмерная концентрация полномочий в руках прокурора не способствует повышению качества и оператив-

ности предварительного следствия, а напротив, может вести к снижению инициативности и ответственности следователей, формированию у них своеобразного иждивенческого отношения к своим процессуальным обязанностям. В то же время полный отказ от активного прокурорского вмешательства в ход расследования также вряд ли оправдан, поскольку лишает прокурора действенных рычагов влияния на деятельность органов расследования и затрудняет своевременное устранение допущенных нарушений закона.

Думается, что наиболее приемлемой является такая модель организации прокурорского надзора, при которой, с одной стороны, за прокурором сохраняются достаточные полномочия для эффективного выявления и устранения нарушений закона, а с другой – следователь наделяется необходимой степенью процессуальной самостоятельности в рамках руководимого им уголовного дела [6], [8, с. 34–36], [13, с. 58–62].

Иными словами, оптимальное соотношение между прокурорским надзором и процессуальной независимостью следователя достигается тогда, когда обеспечивается разумный баланс между требованиями законности и оперативности уголовного судопроизводства.

Безусловно, поиск такого баланса – сложная и многоаспектная задача, требующая глубокого анализа правоприменительной практики, обобщения положительного опыта и учета реальных потребностей борьбы с преступностью. Перспективы дальнейшего развития института прокурорского надзора за предварительным расследованием во многом зависят от того, насколько удастся обеспечить оптимальное сочетание процессуальной самостоятельности следователя и эффективности прокурорского надзора, найти разумный баланс между требованиями оперативности расследования и гарантиями законности и обоснованности процессуальных решений.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что правовой статус прокурора как должностного лица, осуществляющего надзор за деятельностью следователей и органов дознания по уголовным делам в период 1990-х – начала 2000-х годов, характеризовался наличием обширных властно-распорядительных полномочий, позволявших прокурору эффективно реагировать на нарушения закона и активно влиять на ход и результаты предварительного расследования. Несмотря на существенное ограничение надзорных полномочий прокурора в результате реформы 2007 года, он по-прежнему остается ключевой фигурой, призванной обеспечивать законность и обоснованность процессуальных решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Дальнейшая оптимизация правового регулирования прокурорского надзора за предварительным расследованием должна осуществляться на основе тщательного анализа правоприменительной практики, с учетом необходимости соблюдения разумного баланса между процессуальной самостоя-

тельностью следователя и действенностью механизмов прокурорского реагирования на нарушения закона.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
5. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
6. Рекомендация Rec(2000)19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия (принята Комитетом министров 6 октября 2000 г. на 724-м заседании заместителей министров) // Журнал российского права. 2001. № 8.
7. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.
8. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Проспект, 2006.
9. Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве предварительного следствия: учебное пособие. М.: Экзамен, 2006.
10. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя. М.: Юридическая литература, 1981.
11. Козусев А.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2001.
12. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986.
13. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975.
14. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000.
15. Шадрин В.С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы прокуроров и следователей. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2009.

LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR AS AN OFFICIAL SUPERVISING THE ACTIVITIES OF INVESTIGATORS AND INQUIRY BODIES IN CRIMINAL CASES (ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE 1990S – EARLY 2000S)

Gajiyev A.B., Glushkov A.I.
State University "Dubna"

The article is devoted to studying the legal status of the prosecutor as a supervisory authority over the work of investigators and interrogators in criminal cases in Russia from the 1990s to the early 2000s. It analyzes the legislative acts that defined the prosecutor's powers in criminal proceedings and their role in ensuring the rule of law at the preliminary investigation stage. The key functions of the prosecutor are examined, including supervision over the procedural activities of investigative bodies, the right to give instructions, cancel illegal decisions, and extend investigation and detention periods. Changes in the prosecutor's status after the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001 and the reform of 2007, which led to a limitation of supervisory powers, are noted. The article concludes that it is necessary to find a balance between the procedural independence of the investigator and the effectiveness of prosecutorial supervision. Prospects for the development of the institution of prosecutorial supervision are associated with further optimization of legal regulation based on the analysis of law enforcement practice.

Keywords: prosecutor, legal status, criminal procedure, supervision, preliminary investigation, legality

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.
2. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 27.10.1960) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 592.
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
4. Federal Law of 17.01.1992 No. 2202–1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472.
5. Federal Law of 05.06.2007 No. 87-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law 'On the Prosecutor's Office of the Russian Federation'" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 24. Art. 2830.
6. Recommendation Rec(2000)19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on the role of public prosecution in the criminal justice system (adopted by the Committee of Ministers on 6 October 2000 at the 724th meeting of the Ministers' Deputies) // Journal of Russian Law. 2001. No. 8.
7. Bagautdinov, F.N. (2004). Ensuring public and personal interests in the investigation of crimes. Moscow: Yurilitinform [pp. 5–7].
8. Bessarabov, V.G. (2006). Prosecutor's supervision: textbook. Moscow: Prospekt [pp. 34–36].
9. Vinokurov, A.Yu. (2006). Prosecutor's supervision over the execution of laws in the production of preliminary investigation: study guide. Moscow: Ekzamen.
10. Gulyaev, A.P. (1981). Procedural functions of the investigator. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Kozusev, A.F. (2001). Prosecutor's supervision over the execution of laws in operational-search activities: modern problems of theory and practice. Moscow: Yurilitinform.
12. Larin, A.M. (1986). Investigation in a criminal case: procedural functions. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Savitsky, V.M. (1975). Essay on the theory of prosecutorial supervision in criminal proceedings. Moscow: Nauka [pp. 58–62].
14. Solovyov, A.B., Tokareva, M.E., & Khaliulin, A.G. (2000). Prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of crimes. Moscow: Yurilitinform [pp. 12–15].
15. Shadrin, V.S. (2009). Criminal pre-trial proceedings: answers to questions from prosecutors and investigators. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

Становление системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 гг.: структура, задачи, основные направления деятельности, правовая основа (историко-теоретический аспект)

Ерофеев Денис Андреевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
E-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

Арктика, будучи стратегически важным регионом, в XX столетии стала ареной интенсивной геополитической борьбы, а также экономического освоения. Становление системы охраны соответствующих рубежей СССР в 1920–1941 годы является уникальным явлением, отразившим нюансы взаимосвязи между военными, хозяйственными, научными подходами в контексте проявляющихся и усиливающихся вызовов, разного рода угроз. Актуальность обсуждаемой темы обусловлена современным интересом к Арктике как к региону с высоким природным и экономическим потенциалами, а также необходимостью анализа исторического опыта для выработки эффективных стратегий касательно освоения. Цель исследования заключается в систематизации структуры, задач, основных направлений деятельности, правового обеспечения становления рассматриваемой охранной системы, выявлении ключевых особенностей и недостатков советской политики. В ходе анализа обнаружены противоречия в оценке успешности проектов: с одной стороны, подчеркиваются достижения в военно-стратегическом укреплении, с другой – указывается на сложности в социальной, инфраструктурной организации Арктики. Особое внимание уделяется правовым актам, легитимировавшим претензии СССР. Резюмировано, что характеризуемая система охраны была успешной с точки зрения территориального закрепления, но имела изъяны в координации экономической политики. Особую ценность представляет опыт интеграции научных и военных подходов. Статья будет полезна историкам, исследователям геополитики, международных отношений.

Ключевые слова: Арктика, арктические рубежи, безопасность, границы, освоение, Северный морской путь, система охраны, СССР, суверенитет

Введение

Арктика всегда представляла собой стратегически важный регион, играющий ключевую роль в геополитических, экономических интересах государств.

Для СССР освоение и защита арктических рубежей стали одними из центральных аспектов национальной безопасности, хозяйственного развития (с момента его образования). На фоне международной политической нестабильности 1920-х годов, когда Россия, а затем и Советский Союз, столкнулись с угрозами со стороны других держав, обеспечение контроля над северными территориями приобретало исключительное значение.

Становление системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 гг. было многоступенчатым процессом, представленным как дипломатическими шагами, так и формированием мощной военно-стратегической инфраструктуры, освоением природных ресурсов региона, усовершенствованием транспортных, научных технологий.

В данной статье дана характеристика структуры, задач, основных направлений деятельности, а также правовой основы становления анализируемой системы. Особое внимание уделено интеграции различных государственных и военных институтов, нацеленную на защиту, освоение Арктики.

Методы и материалы

При подготовке статьи использовались сравнительный анализ, систематизация, ретроспективный метод, обобщение. Исследования, посвященные раскрытию содержательных сторон темы, охватывают широкий круг вопросов, в том числе, военно-стратегические аспекты, развитие транспортной инфраструктуры, освоение природных ресурсов, использование пропаганды.

Так, военный аспект охраны арктических рубежей отражён в публикациях у многих авторов. В работе Е.В. Бея [1] анализируется опыт создания сети аэродромов в Арктике в довоенные годы, что стало основой для развития дальней авиации в регионе. В.М. Курмышов, А.А. Никифорова [7] подробно рассматривают формирование Северного флота и его роль в защите северных границ СССР. М.В. Штоль [12], в свою очередь, проводит общий анализ системы безопасности в характеризуемой зоне в советский период, фокусируясь на сочетании военных и дипломатических мер.

В.П. Карпов, М.В. Комгорт [3] исследуют первые проекты строительства поселений в Арктике,

подчеркивая значение социальной инфраструктуры. В другой работе В.П. Карпов [4] рассматривает проблемы комплексного освоения с позиции экономической стратегии государства. Н.А. Коначина [6] анализирует долгосрочные стратегические ориентиры СССР.

М.Ю. Киселев [5] делает упор на описании деятельности Академии наук СССР, благодаря которой удалось организовать масштабные экспедиции, проекты. А.И. Тимошенко в двух статьях [9, 10] анализирует роль Северного морского пути в геополитической расстановке, а также общую государственную политику в Арктике, уделяя особое внимание международным спорам о территориальном суверенитете.

А.А. Попеляев [8] рассматривает освоение региона как инструмент «мягкой силы» СССР, направленный на демонстрацию его достижений. А.А. Турков [11] проводит анализ Челюскинской эпопеи 1934 года как ключевой элемент советской пропаганды, ориентированный на формирование положительного имиджа страны.

Обзор материалов показывает, что авторы действуют варибельные подходы к раскрытию темы – от анализа конкретных событий и структур (например, создание аэродромов [1], развитие Северного флота [7]) до рассмотрения общей государственной политики [10], геополитической стратегии [9]. Однако выявляется ряд противоречий. Так, в работах В.П. Карпова [3, 4] вопросы социального освоения Арктики подаются преимущественно как успешные проекты, а Н.А. Коначина [6] указывает на значительные трудности в оценке реальных достижений.

Помимо этого, некоторые аспекты остаются недостаточно изученными. М.В. Штоль [12] затрагивает проблематику обеспечения безопасности, но мало трудов посвящено нюансам взаимодействия военных и научных организаций. Экологические последствия упоминаются вскользь или вовсе игнорируются. Пропагандистская сторона освещена слабо (в сопоставлении с реальной экономической и военно-стратегической деятельностью).

Результаты и обсуждение

Формирование системы охраны арктических территорий СССР в период 1920–1941 годов было обусловлено необходимостью защиты северных границ страны, обеспечения транспортной инфраструктуры, а также освоения природных ресурсов. Центральной организационной единицей стала интеграция различных институтов – от военных структур до научно-исследовательских организаций, что позволяло решать широкий круг задач.

Важнейшим звеном структуры были военно-морские подразделения. В 1933 году создана Северная военная флотилия, преобразованная в Северный флот в 1937 году. Он обеспечивал охрану акватории Северного Ледовитого океана, защищал подходы к ключевым портам (например, Мурманску, Архангельску), контролировал «горло» Бе-

лого моря. Уже к 1941 году он включал эскадренные миноносцы, подводные лодки, сторожевые, минно-тральные суда, а также авиацию, способную проводить разведку, поддерживать береговую оборону.

В целях защиты сухопутных и морских границ создавались пограничные заставы, которые оснащались современным для того времени оборудованием. Пограничники патрулировали побережье, защищали рыболовецкие, зверобойные промыслы, препятствовали проникновению иностранных судов в советские воды.

Для координации экономической и транспортной деятельности в Арктике в 1932 году было основано Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть). Это ведомство отвечало за навигацию по СМП, строительство ледоколов, портов, за исследование ледовой обстановки. Оно играло определяющую роль в обеспечении стратегической транспортной артерии, связующей европейскую часть СССР с Сибирью, Дальним Востоком.

В рамках системы охраны функционировали дрейфующие полярные станции, стационарные научные базы. Их задачей было не только изучение климата, геологии, но и подтверждение территориальных претензий СССР через принцип «эффективного присутствия».

Авиация была интегрирована в систему охраны Арктики для разведывательных операций, транспортного обеспечения, демонстрации возможностей государства в регионе. Беспосадочные перелеты через Северный полюс (например, рейс Чкалова в 1937 году) имели не только пропагандистское значение, но и практическую ценность в разработке стратегических маршрутов.

На схеме (рис. 1) перечислены основные задачи системы охраны арктических рубежей СССР в характеризующий период.

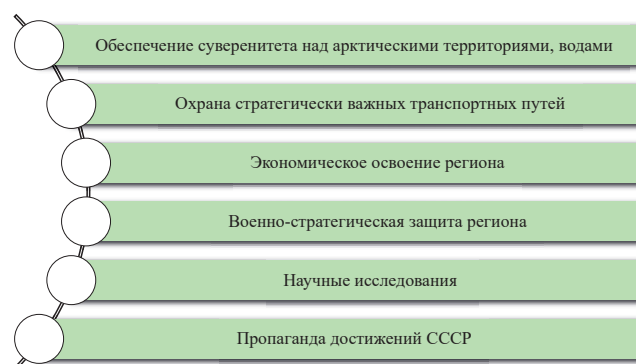

Рис. 1. Систематизация задач системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 гг. (составлено автором на основе [1–4, 6, 8, 10–12])

Так, в 1926 году постановлением Президиума ЦИК СССР был закреплен советский сектор Арктики, включавший территории от Кольского полуострова до Берингова пролива. Однако реальное закрепление этих земель требовало активного присутствия – строительства полярных станций, патрулирования, контроля за акваторией.

Северный морской путь рассматривался как ключевая транспортная артерия, которая не зависела от международных маршрутов. Поддержание безопасности СМП опиралось на борьбу с ледовыми условиями, защиту судов от потенциальных нападений.

Исследование и использование природных ресурсов Арктики, в частности, имеются в виду цветные металлы (например, открытие Норильского месторождения), требовали создания инфраструктуры, обеспечения надёжной защиты объектов хозяйственной деятельности.

Постоянная угроза со стороны других арктических государств (США, Канады, Норвегии) актуализировала потребность в создании мощной системы обороны. Это было представлено развитием военно-морского флота, авиации, созданием системы береговой обороны.

Организация экспедиций, научных проектов служила не только практическим задачам, но и укрепляла международный имидж Советского Союза как лидера в освоении Арктики. Успешные операции (к примеру, спасение челюскинцев в 1934 году [11]) широко задействовались в пропаганде.

Далее следует перейти к рассмотрению основных направлений деятельности в рамках характеризуемой системы. Они систематизированы на рисунке 2.

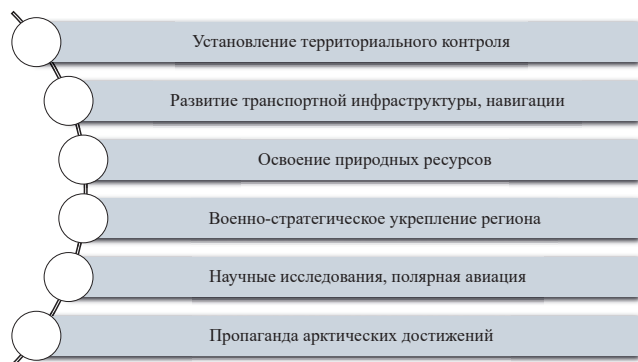

Рис. 2. Базовые направления деятельности в рамках функционирования системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 гг. (составлено автором на основе [3, 5–7, 9–12])

Так, становление началось с определения границ советской Арктики. Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года провозгласило, что все земли и острова, открытые или потенциально открываемые в секторе между меридианами 32°4′35″ восточной долготы и 168°49′30″ западной долготы, принадлежат Советскому Союзу. Это решение стало базисом территориального суверенитета в характеризуемом регионе.

Важным направлением стало физическое закрепление территорий через:

- размещение флагов;
- строительство полярных станций;
- патрулирование побережья;
- высадку экспедиций, которые подчеркивали присутствие СССР.

Примером служат действия по установлению контроля над островом Врангеля (1924 г.), Землёй Франца-Иосифа (1920-е гг.). Соответствующие шаги были необходимы из соображений укрепления международного признания советских прав.

Одним из ключевых ориентиров было освоение и обеспечение безопасности Северного морского пути – кратчайшего маршрута из Европы на Дальний Восток. Главсевморпуть позволила централизовать управление. В 1930-е годы началась постройка ледоколов, к примеру, «Красин», и усилилось развитие портовой инфраструктуры, в том числе, Мурманск, Архангельск, Диксон.

Успешное использование СМП доказывалось рядом экспедиций, например, плаванием ледокольного парохода «Александр Сибиряков» (1932 г.), прошедшего весь путь за одну навигацию. Данные проекты содействовали укреплению арктических позиций СССР, а также повышению международного статуса.

Экономическое освоение Арктики играло фундаментальную роль в системе охраны. В рамках плана ГОЭЛРО начались исследования природных богатств региона:

- уголь;
- нефть;
- цветные металлы.

Геологические изыскания на Таймыре привели к открытию Норильского месторождения, ставшего основой крупнейшего горно-металлургического комплекса.

Обеспечение охраны добывающих предприятий и транспортных маршрутов, а также защита рыболовства, зверобойного промысла дополняли направления деятельности по экономическому развитию.

В 1930-е годы СССР осознавал возрастающую геополитическую конкуренцию в Арктике. Для защиты северных рубежей создавались специализированные военные подразделения. Беломоро-Балтийский канал, открытый в 1933 году, соединил Белое и Балтийское моря, обеспечив оперативный доступ военно-морских сил. Также была развернута система береговой обороны, авиационных баз.

СССР выстроил систему научных станций, что позволяло собирать информацию о ледовой обстановке, географии, климате, биоресурсах. Беспосадочные перелеты через Северный полюс (полет В.П. Чкалова, 1937 г.), служили укреплению международного престижа, демонстрации возможностей в экстремальных условиях.

Советское руководство использовало успехи в освоении Арктики как средство укрепления внутреннего и внешнего авторитета. Помимо этого, литература, кинематограф 1930-х годов активно популяризировали арктические экспедиции, что положительным образом сказывалось на воспитании патриотизма.

Обращаясь к правовой основе системы охраны арктических рубежей, целесообразно выделить следующие моменты.

Так, после Первой мировой войны вопрос этих территорий стал важной частью международной политики. Советская Россия была вынуждена признать суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген (Парижский договор 1920 г.), но при этом сохраняла право на экономическую деятельность в регионе. Однако СССР проводил активную политику, ориентированную на закрепление своей юрисдикции над советским сектором Арктики.

Постановление Президиума ЦИК СССР от 1926 года – акт, который стал фундаментальным документом, закрепляющим территориальные претензии. С помощью него определялись границы советского сектора, включавшего земли до Северного полюса, и накладывалось обязательство на правительство развивать присутствие.

Первым шагом в правовом закреплении северных рубежей стал Декрет СНК РСФСР от 1921 года; он регламентировал использование природных богатств, устанавливал советскую юрисдикцию над водами в пределах 12-мильной зоны.

Подобные нормативные акты стали базисом для урегулирования экономической, а также экологической деятельности в регионе.

В условиях нарастания угрозы со стороны других арктических держав в 1930-е годы были приняты регламенты, касающиеся охраны акваторий, воздушного пространства. Решения о создании Северной флотилии и расширении Северного флота подтверждали стремление СССР к милитаризации региона.

Помимо этого, подписывались соглашения с зарубежными государствами, которые, с одной стороны, регулировали взаимодействие в Арктике, а с другой – ограничивали присутствие иностранных судов в советских водах (в качестве примера уместно привести решение о закрытии Белого моря для иностранного судоходства в 1939 году).

В рамках основного международно-правового подхода того времени предполагалось, что страна должна демонстрировать активное использование территории для обоснования своих претензий. СССР следовал данному принципу: строил станции, осваивал природные ресурсы, разрабатывал маршруты, проводил регулярное патрулирование.

Выводы

Таким образом, становление системы охраны арктических рубежей СССР в 1920–1941 годах представляло собой сочетание военно-стратегических, экономических, научных инициатив.

Комплексный подход позволил Советскому Союзу закрепить свои позиции в Арктике, что стало весьма значимым элементом как национальной безопасности, так и хозяйственного развития.

Сочетание дипломатической работы, внутренних нормативных актов с масштабной деятельностью на местах позволило государству результативно обеспечить контроль над своими арктическими территориями, сформировать уникальный

механизм охраны, который стал «фундаментом» для последующего развития региона.

Литература

1. Бей Е.В. Опыт вооруженных сил СССР по созданию сети аэродромов в Арктике / Е.В. Бей // 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России. Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. – Москва: 2020. – С. 261–267.
2. Бочаров А.А. «Первая арктическая гонка»: борьба советской России (СССР) за свои интересы в Арктике: военные и правовые аспекты / А.А. Бочаров, А.А. Михайлов // Арктика: история и современность. Труды Второй международной научной конференции. – Санкт-Петербург: 2017. – С. 67–75.
3. Карпов В.П. «Построим образцовый советский поселок»: первые проекты СССР в Арктике / В.П. Карпов, М.В. Комгорт // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 3 (29). – С. 218–230.
4. Карпов В.П. Север и Арктика в «генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения / В.П. Карпов // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 1 (50). – С. 91–99.
5. Киселев М.Ю. Исследования Арктики и Академия наук СССР / М.Ю. Киселев // Инновационная наука. – 2015. – Т. 2. – № 6 (6). – С. 121–124.
6. Коначина Н.А. Теория и практика оценки уровня освоения Арктики СССР и Россией / Н.А. Коначина // Стратегические приоритеты развития российской Арктики. Сборник научных трудов. – Москва: 2014. – С. 269–283.
7. Курмышов В.М. Начало освоения СССР Арктики и создание Северного флота в 20–30 гг. 20 в. / В.М. Курмышов, А.А. Никифорова // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2022. – № 4 (24). – С. 251–258.
8. Попеляев А.А. Освоение Арктики как инструмент «мягкой силы» СССР / А.А. Попеляев // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2018. – № 34. – С. 231–234.
9. Тимошенко А.И. Арктика и Северный морской путь в геополитической стратегии СССР (1920–1980-е гг.) / А.И. Тимошенко // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – № 2 (83). – С. 36–43.
10. Тимошенко А.И. Государственная политика СССР в Арктике в 1920–1930-е гг. / А.И. Тимошенко // Полярные чтения – 2019. Арктика: вопросы управления. Материалы седьмой научно-практической конференции. – Санкт-Петербург. 2020. – С. 219–236.
11. Турков А.А. Челюскинская эпопея 1934 года как ключевой элемент советской пропаганды освоения Арктики / А.А. Турков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2017. – № 2 (55). – С. 37–44.

12. Штоль М.В. Обеспечение безопасности в арктической зоне в советский период (1920–1991 гг.) / М.В. Штоль // Обозреватель. – 2024. – № 5 (406). – С. 62–72.

FORMATION OF THE SYSTEM OF PROTECTION OF THE ARCTIC BORDERS OF THE USSR IN 1920–1941: STRUCTURE, TASKS, MAIN DIRECTIONS OF ACTIVITY, LEGAL BASIS (HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT)

Erofeev D.A.

Murmansk Arctic University

The Arctic, being a strategically important region, in the 20th century became the scene of intense geopolitical struggle, as well as economic development. The formation of the system of protection of the relevant borders of the USSR in 1920–1941 is a unique phenomenon that reflected the nuances of the relationship between military, economic, and scientific approaches in the context of emerging and increasing challenges and various kinds of threats. The relevance of the topic under discussion is due to the current interest in the Arctic as a region with high natural and economic potentials, as well as the need to analyze historical experience in order to develop effective development strategies. The purpose of the study is to systematize the structure, tasks, main areas of activity, legal support for the formation of the security system in question, and identify key features and shortcomings of Soviet policy. The analysis revealed contradictions in assessing the success of projects: on the one hand, achievements in military and strategic strengthening are emphasized, on the other hand, difficulties in the social and infrastructural organization of the Arctic are pointed out. Special attention is paid to the legal acts that legitimized the claims of the USSR. It is summarized that the characterized security system was successful from the point of view of territorial consolidation, but had flaws in the coordination of economic policy. The experience of integrating scientific and military approaches is of particular value. The article will be useful for historians, researchers of geopolitics, and international relations.

Keywords: Arctic, Arctic borders, security, borders, development, Northern Sea Route, security system, USSR, sovereignty

References

1. Bey E.V. The experience of the Armed Forces of the USSR in creating a network of airfields in the Arctic / E.V. Bey // 75th anniversary of the Great Victory: historical experience and modern problems of military security of Russia. Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference. – Moscow: 2020. – pp. 261–267.
2. Bocharov A.A. “The first Arctic race”: the struggle of Soviet Russia (USSR) for its interests in the Arctic: military and legal aspects / A.A. Bocharov, A.A. Mikhailov // The Arctic: history and modernity. Proceedings of the Second International Scientific Conference. – St. Petersburg: 2017. – pp. 67–75.
3. Karpov V.P. “Let’s build an exemplary Soviet settlement”: the first projects of the USSR in the Arctic / V.P. Karpov, M.V. Komgort // Socio-economic and Humanitarian Journal. – 2023. – No. 3 (29). – Pp. 218–230.
4. Karpov V.P. The North and the Arctic in the “general perspective” USSR: problems of complex development / V.P. Karpov // Ural Historical Bulletin. – 2016. – No. 1 (50). – Pp. 91–99.
5. Kiselev M. Yu. Arctic research and the Academy of Sciences of the USSR / M. Yu. Kiselev // Innovative science. – 2015. – Vol. 2. – No. 6 (6). – Pp. 121–124.
6. Konakhina N.A. Theory and practice of assessing the level of development of the Arctic by the USSR and Russia / N.A. Konakhina // Strategic priorities for the development of the Russian Arctic. Collection of scientific papers. – Moscow: 2014. – pp. 269–283.
7. Kurmyshov V.M. The beginning of the development of the USSR Arctic and the creation of the Northern Fleet in 20–30 years. 20th century / V.M. Kurmyshov, A.A. Nikiforova // Actual problems of military scientific research. – 2022. – No. 4 (24). – Pp. 251–258.
8. Popelyaev A.A. Development of the Arctic as an instrument of “soft power” of the USSR / A.A. Popelyaev // Diary of the Altai School of Political Studies. – 2018. – No. 34. – pp. 231–234.
9. Timoshenko A.I. The Arctic and the Northern Sea Route in the geopolitical strategy of the USSR (1920–1980-ies) / A.I. Timoshenko // Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – 2014. – No. 2 (83). – Pp. 36–43.
10. Timoshenko A.I. State policy of the USSR in the Arctic in the 1920s–1930s / A.I. Timoshenko // Polar readings – 2019. The Arctic: management issues. Materials of the seventh scientific and practical conference. – St. Petersburg, 2020. – pp. 219–236.
11. Turkov A.A. Chelyuskinskaya epic of 1934 as a key element of Soviet propaganda for the development of the Arctic / A.A. Turkov // Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin. – 2017. – No. 2 (55). – Pp. 37–44.
12. Stoll M.V. Ensuring security in the Arctic zone during the Soviet period (1920–1991) / M.V. Stoll // Obzrevatel. – 2024. – No. 5 (406). – Pp. 62–72.

Причины и правовое обеспечение возникновения института электронного правосудия и трансформация судебной деятельности

Касумов Нихад Фирдовсиович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
E-mail: knf.art@yandex.ru

Предмет исследования образует система предпосылок формирования глобального и открытого информационного сообщества, которые стимулируют государство к разработке и внедрению концепции электронного государства. Целью статьи является формирование современной формы взаимодействия общества, государства для упрощения, повышения доступности юридических процедур, судебной защиты для физических, юридических лиц. Методологическая основа, образована совокупностью следующих методов исследования: формально-юридический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и обобщение, метод системно-структурного анализа, функциональный, а также общенаучные методы познания. В работе исследуется интеграция общепризнанных направлений и элементов общественного прогресса с особыми обстоятельствами их реализации занимает ключевое место в осмыслении жизнедеятельности общества; и несмотря на достижение социальной наукой значительных высот и разрешение множества базовых нерешенных вопросов, остаются аспекты, которые продолжают требовать углубленного анализа и изучения. Выводы статьи могут быть полезны для концептуального осмысления правовой природы и сущности инновационной среды в пределах которой воплощаются в жизнь стратегические задачи внедрения электронного правосудия.

Ключевые слова: электронное государство, инновации, общественный прогресс, концепция, цифровизация, электронная юстиция, суд, автоматизация.

Судебные системы являются основными структурами, которые имеются в демократическом строе. Тогда как развитие электронного правосудия – фундаментальный компонент электронной демократии для повышения эффективности судов, качества правосудия с улучшением доступа граждан к участию в демократических процессах, институтах. Электронное правосудие желает достичь улучшения судебных услуг, прозрачности за счет применения информационных коммуникационных технологий.

Судебная власть, являясь фундаментом легитимности государства, должна выполнять учет ключевых направлений развития общества. Получается, что происходит адаптация судебной системы к современным технологическим, экономическим, социальным требованиям, приступая к использованию научно-технического прогресса, обновлению процессуальных форм, механизмов.

Суды, осознавая возросшую роль информационных технологий (ИТ) в современном мире, в том числе в области управления государством, активно работают над интеграцией принципов электронной демократии в свою работу. Этот прогресс в области ИТ помогает устанавливать партнерские отношения между отдельными личностями, гражданским обществом и государственными органами, способствуя созданию среды взаимодействия и поддержки [8].

В соответствии с 75.1 статьей Основного закона РФ, утверждаются основополагающие принципы, направленные на активизацию экономического прогресса и подъем жизненного уровня граждан; укрепляется взаимное доверие между государственными структурами и общественностью; обеспечивается защита человеческого достоинства и прав работников; налаживается баланс прав и долгов граждан; способствуется социальному взаимодействию и единству в разнообразных аспектах, в частности, экономическом, политическом и социальном аспектах (данные положения Конституции отражают понимание важности глобальных технологических сдвигов, охватывающих экономическую сферу и управленческие процессы, в контексте улучшения благосостояния населения).

За 2023 год зафиксировано порядка 11 миллиардов обращений пользователей к государственной автоматизированной системе ГАС «Правосудие» [11].

Цифровизация сферы правосудия значима в повышении прозрачности, доступности судебного процесса. Тогда как для динамичного развития

технологий необходима непрерывная модернизация, оптимизация информационных систем для обеспечения высокой эффективности, справедливости судебной системы [7].

Заложенная концепция электронного правосудия олицетворила собой совокупность инновационных, правовых и структурных трансформаций, которые стали возможны благодаря эволюции законодательных норм в материальном и процессуальном праве. В.В. Глоба подчеркивает, что основы функционирования цифрового государства и электронного правосудия в России основаны на принципах прозрачности и гарантии свободного доступа к информации о судебной системе. Для их закрепления создаются соответствующие законодательные акты, направленные на регламентацию деятельности государственных регулирующих органов.

Электронное правосудие, представляющее собой основу информационного оснащения судебных учреждений, ставит целью не только гарантировать гражданам эффективный доступ к защите их прав, но и служить катализатором развития информационного общества. Инструменты электронного правосудия трансформируют некоторые процессуальные взаимодействия в свою виртуальную форму, опираясь на достижения научно-технического прогресса [4].

Значительный толчок для создания, использования правосудия в электронной среде, исходил от Федеральной целевой программы под названием «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы», которая утверждена Правительством РФ в ноябре 2001 г.

В феврале 2024 года на встрече с председателем высшей инстанции Вячеславом Лебедевым Президент РФ Владимир Путин констатировал успешное применение цифровых технологий в российской судебной системе, отметив, что в прошлом году около 9 миллионов документов было подано в суды различных инстанций в электронном виде. Президент выразил мысль о том, что современный мир располагает обширным арсеналом технологических достижений, которые открывают перед человечеством перспективы для значительного прогресса в повышении стандартов жизни, в обновлении экономической структуры, в совершенствовании инфраструктурных элементов и в усовершенствовании механизмов управления государством; упомянутые возможности предоставляют уникальный шанс для качественного скачка в развитии общества и государства в целом.

Стратегический документ, охватывающий период с 2020 г. по 2030 г. и известный как директива по информационной политике судебной системы, был утвержден Советом судей Российской Федерации в 2019 г. [2]; упомянутый документ определяет информационную политику судебной системы непосредственно как серию мероприятий различного характера – от законодательных до научных исследований и публикаций – целью которых является синхронизация взаимодействий между

судебной властью и общественностью, формирование у граждан понимания целей и сути проводимых судебных реформ, а также нейтральное и точное представление работы судов в СМИ [6].

В рамках разделов 5.3.3 и 5.3.4 Концепции, подразумевается внедрение соответствующих инноваций:

1. В контексте реализации национальной стратегии по переходу на цифровые технологии в рамках государственного управления, особое внимание уделяется запуску инновационного сервиса, получившего название «Правосудие онлайн»; упомянутый сервис предназначен для обеспечения процесса электронной подачи юридически значимых документов, как со стороны физлиц, так, собственно, и юрлиц, через унифицированный портал госуслуг и муниципальных услуг, что является частью более широкой федеральной программы «Цифровое государственное управление» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; при этом такой сервис как «Правосудие онлайн» призван стать ключевым элементом в упрощении взаимодействия граждан с судебной системой, предоставляя платформу для беспрепятственной электронной коммуникации.

2. Планируется использование соответствующих программных комплексов для распознавания речи; они будут в автоматическом режиме осуществлять создание протоколов заседаний, которые сопровождаются аудио и видеозаписями.

3. Внедрение технологий, которые в значительной степени облегчают доступ к различной интересующей пользователя информации о функционировании судов и в то же время повышают комфортность использования независимости от устройств: персональные компьютеры, ноутбуки, а также планшеты, смартфоны практически на любых ОС [3]. Эти технологические новшества в скором времени позволят перейти к безбумажному взаимодействию между гражданами, организациями и судебными инстанциями, а также минимизировать необходимость физического присутствия людей в судебных учреждениях.

Важные изменения в законодательстве, связанные с внедрением системы «Электронное правосудие» в контексте конституционного судопроизводства, были выполнены благодаря принятию и последующему введению в действие ФКЗ от 8 июня 2015 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», который начал действовать с 01 августа 2015 г. (Таблица 1).

Система электронного правосудия обеспечивает прозрачность и доступность информации о судебной деятельности в России. В рамках Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее по тексту – ГАС «Правосудие») [12] предоставляются следующие возможности:

– Электронная подача заявлений и других юридически значимых документов.

- Получение подробной информации о режиме работы суда, его составе, приемной, а также о компетенции, подсудности и подведомственности. Мониторинг статуса дела, изучение материалов, оплата государственной пошлины и получение реквизитов для оплаты штрафов также осуществляются в электронном виде.
- Отслеживание статуса дела через специализированные веб-ресурсы.
- Получение уведомлений о датах судебных заседаний и решениях через СМС и электронную почту.
- Проведение судебных заседаний с онлайн-трансляцией.
- Доступ к актуальной информации о работе судебных органов.
- Использование специализированного программного обеспечения для учета документации, обмена данными между судами и доступа к электронным ресурсам законодательства и судебной практики Российской Федерации [9].

Таблица 1. Краткий анализ изменений в нормах ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»»

Норма	Суть изменения
Обращение в Конституционный Суд (ч. 1 статьи 37 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)	Сегодня возможность обратиться в КС РФ предоставляется и в электронном формате через официальный веб-ресурс суда; заявитель может воспользоваться специализированной формой на веб-сайте для подачи своего обращения – удобный и быстрый способ связи, который не требует физического присутствия заявителя; в качестве варианта, предусмотрена возможность для заявителя предоставления документа в электронном виде; данный документ должен быть заверен усиленной квалифицированной электронной подписью (действие не только укрепляет защиту предоставляемой информации, но и служит надежным свидетельством ее достоверности). Взаимодействие с заявителем может происходить непосредственно в электронной форме, что упрощает процесс общения и ускоряет обмен информацией.
Прилагаемые документы (статья 38 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)	В эпоху цифровизации, Конституционный Суд Российской Федерации предоставляет возможность подачи документов и материалов в электронном формате, что безусловно облегчает процесс подачи обращения и ускоряет его рассмотрение; в соответствии с новыми регламентами, личное присутствие в судебных учреждениях для предоставления документации не является обязательным; к тому же, в процессе подачи заявления, от заявителя не требуется предоставление физических копий заявления, сопутствующих документов и также прочих материалов, что, конечно, значительно облегчает саму процедуру подачи и также сокращает весь объем бумажной работы, необходимой именно для подготовки.
Информация о заседаниях (ч. 2 статьи 51 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)	Конституционный Суд Российской Федерации предоставляет информацию о датах и времени своих заседаний через различные каналы: Информация о заседаниях, включая такие данные, как даты и время, публикуется непосредственно на официальном сайте суда, доступном в ИТС “Интернет”, что дает широкий доступ к информации непосредственно для всех заинтересованных сторон; К тому же расписание судебных заседаний аккуратно вывешивается в общедоступных помещениях судебного здания; это мера предоставляет удобный доступ к актуальной информации для лиц, которые посещают данные учреждения; таким образом, облегчается процесс ознакомления с необходимыми сведениями на месте; Также сведения о заседаниях распространяется посредством средств массовой информации, благодаря чему обеспечивается широкое распространение информации и доступ к ней для большого числа людей.
Трансляция в режиме онлайн (через интернет) заседаний (ч. 2 статьи 54 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)	В ИКС “Интернет” предоставляется такая возможность непосредственно по запросу КС РФ или же после получения судебного разрешения по ходатайству непосредственно тех людей, что принимает участие в деле, а также присутствующих непосредственно на самом заседании; в то же время сам порядок выполнения определяется Регламентом КС РФ.

Десятый Всероссийский съезд судей, прошедший в декабре 2022 года, сосредоточил внимание на поддержке и расширении развития судебной системы России. Важным аспектом, выдвинутым на съезде, стала заметная роль Российской Федерации как лидера в области интеграции современных информационных технологий в судопроизводство на европейском и мировом уровнях. Введение таких технологий углубляет доступ граждан к правосудию и усиливает возможность реализации процессуальных прав участников судебного процесса [10].

Среди ключевых задач, определенных на съезде, присутствует технологическое обновление судебной системы и дальнейшее продвижение цифровых подходов и расширение электронного правосудия. Отдельным направлением стало обсуждение внедрения систем искусственного интеллекта, нацеленного на выполнение аналитической работы, ранее возложенной на сотрудников суда. Упомянута идея постепенного внедрения так называемого «слабого» искусственного интеллекта для решения конкретных специализированных задач, что в данный момент находится на стадии обсуждения.

Важная задача – понимание того, что работа данной инновационной технологии должна являться прозрачной, открытой для общества для укрепления доверия к судебной системе.

Однако указывается, что воплощение элементов ИИ в практику деятельности суда не способно полностью заменить профессионального судью по причине недоступности для ИИ такого понятия, как: справедливость.

Параллельно, была затронута тема юридического обеспечения подобных технологических изменений, которые требуют доработки действующего законодательства. Это подтверждает вступление в силу 1 января 2022 года Федерального закона № 440-ФЗ, содержащего ряд положений, касающихся развития электронного правосудия в стране. Закон вводит множество новшеств: возможность подачи процессуальных документов в электронном виде, использование системы ИКС для доступа к материалам дела в арбитраже, направление судебных актов через электронные платформы, а также участие в судебных заседаниях дистанционно с помощью веб-конференций при определенных условиях.

Таким образом, съезд ярко подчеркнул амбициозный план модернизации судебной системы России с акцентом на технологические инновации и улучшение доступности и прозрачности правосудия для граждан.

Использование цифровых систем судебного управления представляет собой один из наиболее часто встречающихся примеров применения ИКТ в судебной деятельности, обеспечивающих автоматизацию процессов обработки и регистрации юридических документов, а также упрощающих коммуникацию между судебными органами, адвокатами и участниками процесса. Практика некоторых стран свидетельствует о том, что цифровые системы управления способны значительно уменьшить сроки рассмотрения дел и повысить продуктивность функционирования судебных инстанций [5].

С введением поправок в процессуальное законодательство с 2022 года [1], появилась возможность в режиме онлайн участвовать в судебных слушаниях, при условии доступности необходимых технических средств. Притом изменения коснулись порядка подачи процессуальных документов: иски, апелляции, ходатайства и прочие. Ныне подача документов возможна через портал государственных услуг в Российской Федерации (Госуслуги) – «Правосудие онлайн»; а до этого момента документацию принимали исключительно через специализированные формы на официальных веб-сервисах судов.

Электронное правосудие – это концепция, возникшая в результате цифровизации общественных отношений; у нее есть потенциал для улучшения качества судебного процесса, ускорения разрешения споров и упрощения обработки документов, и она способствует (при всем вышесказанном) формированию системы общественного контроля

над государственными органами, включая судебные органы.

1. Цифровизация в судебном процессе должна соответствовать конституционным принципам; не нарушать права на доступ к суду и судебную защиту.

2. Электронная юстиция должна рассматриваться именно в качестве дополнительной гарантии права на доступ к судебной системе.

3. Право на доступ к суду включает: обращение в суд и его гарантии; открытость, гласность и публичность судебной системы; правовые ожидания справедливого и беспристрастного судебного разбирательства, доступ к судебным актам непосредственно с целью их обжалования.

Потребность трансформации судебной системы как органа государства в рамках информационного общества обусловлена необходимостью оптимизировать работу судов, а также сам процесс судопроизводства.

Развитие сервисно-ориентированных процедур взаимодействия общества и государства с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, совершенствование законодательства в информационной среде актуально как для общества, так и для Российской Федерации. Одним из направлений развития социально ориентированного государства данная программа выделяет создание электронного государства. В электронном государстве так же, как и в любом другом, существует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 1, 10.01.2022
2. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019)//СПС Консультант-Плюс, 2024
3. Анисимова А.С. Электронное правосудие как показатель информационного развития общества и государства // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 3 (7). С. 15.
4. Борисова Л.В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (08). С. 32.
5. Грибань Д.А. Уровень информатизации Российской Федерации как один из факторов становления электронного правосудия // Вопросы права. 2023. № 4. С. 36.
6. Егорова Д.В., Швецов М.Д., Наумкина А.В. Нормативно-правовое регулирование и информационные сервисы электронного правосудия // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 5 (25). С. 49
7. Кузнецов А. А., Гриценко В.Д. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Наукосфера. 2022. № 4–1. С. 210.

8. Неволин И.А. Проблемы внедрения электронного правосудия в России // Вестник Науки и Творчества. 2023. № 6 (88). С. 44.
9. Пеленицына М.В. Проблемы реализации электронного правосудия в России и перспективы его развития // Вестник. Государство и право. 2022. № 2 (33). С. 16.
10. Снижение нагрузки, споры вне суда и YouTube-канал: что нового предложил Верховный суд – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/237209/> (дата обращения: 13.02.2024 г.)
11. Правосудие онлайн // <https://pravosudieonline.ru/%F0%9F%93%88-za-2023-god-zafiksirovano-poryadka-11-milliardov-obrashhenij-polzovatelej-k-gosudarstvennoj-avtomatizirovannoj-sisteme-gas-pravosudie/> (дата обращения: 06.06.2024)
12. Официальный сайт Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие») Интернет-портал <https://sudrf.ru/> (дата обращения 29.03.2024).

THE REASONS AND LEGAL SUPPORT FOR THE EMERGENCE OF THE INSTITUTE OF ELECTRONIC JUSTICE AND THE TRANSFORMATION OF JUDICIAL ACTIVITY

Kasumov N.F.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The subject of the study forms a system of prerequisites for the formation of a global and open information community, which stimulate the state to develop and implement the concept of an electronic state. The purpose of the article is to form a modern form of interaction between society and the state in order to simplify and increase the accessibility of legal procedures and judicial protection for individuals and legal entities. The methodological basis is formed by a combination of the following research methods: formal legal method, analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and generalization, method of system-structural analysis, functional, as well as general scientific methods of cognition. The paper examines the integration of generally recognized trends and elements of social progress with the special circumstances of their implementation, which occupies a key place in understanding the life of society; and despite the achievement of significant heights by social science

and the resolution of many basic unresolved issues, there remain aspects that continue to require in-depth analysis and study. The conclusions of the article can be useful for a conceptual understanding of the legal nature and essence of the innovative environment within which the strategic objectives of the introduction of electronic justice are implemented.

Keywords: electronic state, innovation, social progress, concept, digitalization, electronic justice, court, automation.

References

1. Federal Law No. 440-FZ dated 12/30/2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, No. 1, 10.01.2022
2. The concept of information policy of the judicial system for 2020–2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on 05.12.2019)//SPS ConsultantPlus, 2024
3. Anisimova A.S. Electronic justice as an indicator of the information development of society and the state // Civics: law and process. 2019. No. 3 (7). p. 15.
4. Borisova L.V. On the main directions of the formation and development of electronic justice in modern Russia // Law and digital economy. 2020. No. 2 (08). p. 32.
5. Griban D.A. The level of informatization of the Russian Federation as one of the factors of the formation of electronic justice // Legal issues. 2023. No. 4. p. 36.
6. Egorova D.V., Shvetsov M.D., Naumkina A.V. Regulatory and legal regulation and information services of electronic justice // Theory of law and interstate relations. 2022. Vol. 1. No. 5 (25). p. 49
7. Kuznetsov A. A., Gritsenko V.D. Problems and prospects of development of electronic justice // Naukosphere. 2022. No. 4–1. P. 210.
8. Nevolin I.A. Problems of the introduction of electronic justice in Russia // Bulletin of Science and Creativity. 2023. No. 6 (88). p. 44.
9. Pelenitsyna M.V. Problems of implementation of electronic justice in Russia and prospects for its development // Herald. State and law. 2022. No. 2 (33). p. 16.
10. Load reduction, disputes outside the court and YouTube channel: what is new proposed by the Supreme Court – [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravo.ru/story/237209/> (date of application: 02/13/2024)
11. Justice online // <https://pravosudieonline.ru/%F0%9F%93%88-za-2023-god-zafiksirovano-poryadka-11-milliardov-obrashhenij-polzovatelej-k-gosudarstvennoj-avtomatizirovannoj-sisteme-gas-pravosudie/> (accessed 06.06.2024)
12. The official website of the State automated System of the Russian Federation «Justice» (GAS «Justice») Internet portal <https://sudrf.ru/> (accessed 03/29/2024).

Преподавание юридических дисциплин в сельскохозяйственных учебных заведениях второй половины XIX – начала XX века (на примере Саратовской губернии)

Николаев Владимир Евгеньевич,

доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: nivlev@list.ru

На основе архивных источников и опубликованных материалов показан процесс становления преподавания юридических дисциплин в учебных заведениях системы средних и высших сельскохозяйственных учебных заведений России в XIX – начале XX вв. Рассмотрены основные этапы создания нормативно-правовой базы преподавания законоведения и связанных с ним предметов, определена их роль в процессе подготовки специалистов сельскохозяйственного профиля, охарактеризовано содержание преподаваемых курсов.

Сделан вывод о том, что преподавание дисциплин, связанных с правом, в сельскохозяйственных учебных заведениях осуществлялось с начала их создания, получив закрепление в учебных планах на уровне, прежде всего, среднего, а затем и высшего образования. Усложнение экономических отношений в аграрном секторе, особенно заметное с конца XIX – начала XX вв., привело не только к расширению объема преподавания юридических дисциплин, но и к разделению единого предмета на базовую и специальную части с последовательным прохождением курсов общего и сельскохозяйственного законоведения.

Ключевые слова: сельскохозяйственное образование, законоведение, сельскохозяйственное законоведение, межевое право, землемерно-таксаторские классы, сельскохозяйственные курсы.

Подготовка квалифицированных кадров является важным условием развития российского аграрного сектора. В настоящее время ведется активный поиск оптимальной модели сельскохозяйственного образования, предусматривающей использование междисциплинарных предметных связей. Важной компонентой такого подхода является получение будущими специалистами юридических знаний, необходимых им, в первую очередь, как участникам гражданского оборота. В связи с этим особый интерес представляет исторический опыт возникновения и развития преподавания юридических дисциплин в сельскохозяйственных учебных заведениях Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Целью настоящего исследования является изучение и анализ процесса преподавания юридических дисциплин в учебных заведениях системы среднего и высшего сельскохозяйственного образования России второй половины XIX – начала XX вв. на примере Саратовской губернии, крупного аграрного центра, остро нуждавшегося в квалифицированных специалистах.

Изменение характера аграрных отношений во второй половине XIX в., произошедшее после отмены крепостного права, потребовало не только количественного увеличения числа специалистов, занятых в сельском хозяйстве, но и создания новой системы сельскохозяйственного образования, способной к подготовке кадров вновь возникающих массовых профессий, в т.ч. управляющих, приказчиков, землемеров и т.д.

Подготовка необходимых кадров осуществлялась в системе сельскохозяйственных учебных заведений. Ряд сельскохозяйственных специальностей в силу своей специфики предполагал тесную связь с правом. Наиболее близко стояла к нему профессия землемера, чья землеустроительная деятельность была невозможна без знания не только геодезии, но и межевого законодательства. Развитие аграрного сектора во второй половине XIX в. повлекло за собой необходимость и в других специалистах, которые не только бы обладали специальными знаниями в своей области, но и начатками правовых знаний, необходимых им в их коммерческой деятельности.

Сельскохозяйственное образование в пореформенной России складывалось из трех звеньев: начального (низшие сельскохозяйственные школы, землемерно-таксаторские классы), среднего (землемерные училища) и высшего (сельскохозяйственные институты и курсы).

С началом реформ Александра II начался длительный процесс формирования земельного рынка, требовавшего, прежде всего, качественно нового уровня учета земельных ресурсов. Развитие межевого дела носило до середины XIX в. ограниченный характер. Готовившаяся крестьянская реформа предполагала обширные межевые работы. Действующий штат землемеров и ранее не обеспечивал выполнения стоящих перед ними задач, реформа 1861 г. и вовсе вызвала острейший дефицит кадров.

С конца 1850-х при уездных училищах и классических гимназиях были организованы двухлетние землемерно-таксаторские классы для подготовки землемеров и оценщиков из лиц всех сословий. В начале 1860-х гг. они были открыты и при Саратовской губернской гимназии.

Классы учреждались согласно Высочайшему повелению от 28 октября 1859 г. [1, с. 217–218] с целью подготовки лиц, которые могли бы заниматься производством съемок и оценкой земельных участков. Курсы организовывались при губернских гимназиях и находились в заведовании управляющего Межевым корпусом и под наблюдением гимназического начальства, а также директора народных училищ Саратовской губернии¹.

Курс обучения на втором году обучения предполагал в числе специальных предметов изучение межевых законов (2 урока в неделю). Преподавание специальных предметов велось местными специалистами или чинами межевого ведомства.

Степень значимости этого предмета можно оценить на основе следующих данных. В декабре 1865 г. назначенный исправляющим должность губернского землемера Вельтицев обратился к директору училищ Саратовской губернии с просьбой допустить его к занятию должности инспектора и учителя межевых законов. В качестве аргументов в пользу этого решения Вельтицев использовал знание отраслевого законодательства. Топография и нивелировка читались в это время в классах гражданским топографом Лебедевым. По словам его нового начальника, предметы эти, тесно связанные с межевыми законами, должны были быть изучаемы учениками «как со стороны технической, так и со стороны юридической», почему и преподавать их следовало одному преподавателю. Сам же он, по его словам, уже имел опыт такого преподавания, ведя соответствующий курс в течении пяти лет в Рязанской гимназии, за что был награждаем. Какой из аргументов – должностное положение или уровень квалификации – возымели решающее воздействие, не известно, однако уже в начале февраля 1866 г. управляющий Межевым корпусом согласился на все вышеизложенное².

В классы обычно принимались ученики самой гимназии однако были и другие желающие: дети купцов, мелких чиновников, писцов, вольнослуша-

тели, уволенные их духовных семинарий, отставные военные³. Желающих из самой гимназии было сравнительно немного как в силу сложности предмета, так и невысоких карьерных перспектив: в рамках учебной программы не преподавался латинский язык, чье знание было обязательно для поступления в университет. Не случайно 19 апреля 1862 г. в педагогическом совете была рассмотрена просьба учеников, слушающих законоведение, держать дополнительный экзамен по латинскому языку, чтобы приобрести право поступления в университет без экзамена⁴.

До 1867 г. классы находились на содержании министерства народного просвещения, затем – губернских земских учреждений⁵. Спешность подготовки, несовершенство учебных программ и недостаток преподавательского состава привели к постепенному закрытию классов. Делегат Саратовского отделения Общества русских землемеров А.Е. Наконечный, выступая в 1914 г. с докладом на VII Съезде русских землемеров, оценивал результат их деятельности следующим образом: «Наделение крестьян землей необходимо было вести спешно, безотлагательно и потому за землемерный труд взялись самые разнообразные лица, в том числе не имеющие никакой подготовки. Следствием этого явилось то, что многие планы отграниченных в то время крестьянских наделов совершенно негодные, так как технически неверны, не соответствуют ни другим документам, ни фактическому владению крестьян и лучшее их назначение быть уничтоженными» [2, с. 66].

Формирование системы средних учебных заведений в Саратовской губернии начинается с учреждения в 1837 г. министерства государственных имуществ, в круг полномочий которого входило курирование системы сельскохозяйственных учебных заведений. В 1837 г. министерством с целью распространения рациональных сведений по сельскому хозяйству путем приготовления из государственных и помещичьих крестьян опытных хозяев и производства опытов в сельском хозяйстве на основании высочайше утвержденного 28 мая 1841 г. положения и штата учебных ферм [3, с. 407–415] было открыто несколько подобных заведений, в т.ч. Саратовская (Мариинская) в 1844 г., располагавшаяся в Николаевском Городке Саратовского уезда. Воспитанниками, обучающимися на ферме, были молодые люди 17–20 лет, чьей задачей становилось получение общего и некоторого специального сельскохозяйственного образования в рамках четырехгодичного курса, преимущественно практического. В числе прочих предметов предусматривалось в частности, изучение обязанностей поселян, изложенных в полицейском уставе [4, с. 6].

Впоследствии учебные фермы были преобразованы в земледельческие училища. В 1862 г. было получено Высочайшее соизволение на учреждение

¹ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1138. Л. 1–10.

² См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1077. Л. 1–2, 5–5 об.

³ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 871. Л. 1–87; Д. 961, 1083.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 956. Л. 2–2 об.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1164. Л. 1–101.

земледельческого училища при Мариинской ферме. Специального устава оно не получило и должно было руководствоваться уставом Горьгорецкого училища, высочайше утвержденному 8 декабря 1859 г. [5, с. 334] Открытие училища состоялось только в январе 1865 г. в виду недостатка преподавательского персонала [4, с. 14, 34, 43; 6, с. 6–7, 78–79]. Согласно уставу в число вспомогательных предметов были включены «нужнейшие сведения по части законоведения».

30 мая 1878 г. пять действующих земледельческих училищ получают общий устав и подчинение министерству государственных имуществ. Шестилетний курс обучения предусматривал подготовку по такому предмету как «Краткое изложение Русских законов, необходимых для сельского хозяина». Завершившим обучение в училищах выдавались аттестаты I и II разрядов, дававшие право на присвоение звания «ученых управителей» или их помощников по подтверждении установленного стажа практических работ в сельском хозяйстве. После успешного окончания курса ученики, кроме аттестата, могли получить также особое свидетельство, дававшее право на поступление в высшие учебные заведения ведомства министерства государственных имуществ после прохождения проверочных испытаний [7, с. 379–382].

Согласно высочайше утвержденному «Положению о сельскохозяйственном образовании» от 26 мая 1904 г. [8, с. 544–553] Мариинское земледельческое училище было отнесено к типу средних сельскохозяйственных училищ. В структуре шестилетнего курса предусматривалось преподавание законоведения в объеме, необходимом для сельских хозяев.

В 1905–1907 гг. в связи с предстоящим преобразованием училища по новому положению и штату педагогическим советом училища прежняя программа обучения подверглась пересмотру. Преподавание законоведения предполагалось в VI классе, где в осеннем и весеннем триместрах предполагалось по 2 теоретических и по 1 демонстративному уроку в неделю. Практические занятия отводились как для рассмотрения различных теоретических вопросов, так и для письменных упражнений в грамотном составлении различного рода актов и договоров¹. Преобразование Мариинского сельскохозяйственного училища в соответствии с Положением 1904 г. состоялось в 1911 г. [6, с. 6–7, 78–79; 9, с. 81] В части преподавания законоведения программа не претерпела существенных изменений. По традиции, как и во многих других средних учебных заведениях, предмет преподавался директором².

С конца XIX в. подготовка специалистов сельскохозяйственного профиля велась также в низших сельскохозяйственных школах, имевших, как правило, трехгодичный срок обучения: низшей сельскохозяйственной школе I разряда при д.

Шмитовке (с 1909 – в с. Терсе) Вольского уезда (открыта в 1894 г., в 1907 г. преобразована в низшее сельскохозяйственное училище) и низшей сельскохозяйственной школе II разряда при с. Облязове Кузнецкого уезда (открыта в 1908 г.), Злобовской школе садовых рабочих в имении Н.П. Корбутовского при д. Злобовке Саратовского уезда (открыта в 1902 г., преобразована в 1913 г.), Олсуфьевской практической школе садоводства и огородничества имени графа Д.А. Олсуфьева при с. Студенке Камышинского уезда (открыта в 1912 г.) [6, 8–9, 44–47, 80–81, 104–107; 10, с. 21; 11]. Их деятельность регулировалась нормами Высочайше утвержденного «Нормального положения о низших сельскохозяйственных школах» от 27 декабря 1883 г. [12, с. 491–494], а затем высочайше утвержденного «Положения о сельскохозяйственном образовании» от 26 мая 1904 г. [8, с. 544–553].

Согласно положению 1883 г. в общих или специальных низших сельскохозяйственных школах первого разряда ученикам сообщались преподавались «главнейшие законы, относящиеся до крестьянского быта». В учебных планах школ второго разряда юридические дисциплины отсутствовали. Положение 1904 г. также предусматривало изучение «главнейших законов, относящихся до сельского хозяйства» только для низших школ первого разряда. Для вновь установленного типа низших сельскохозяйственных учебных заведений – низших сельскохозяйственных училищ было предусмотрено сообщение ученикам «сведений о главнейших законах, относящихся до сельского быта». Для специальных школ перечень предметов определялся министром государственных имуществ сообразно с профилем школы, совпадая в целом с перечнем, определенным для общих школ.

Программа еще одного типа низших учебных заведений, установленных Положением 1904 г., низших практических сельскохозяйственных школ предусматривала преподавание лишь самых необходимых теоретических дисциплин, в число которых сведения из области юриспруденции не входили. Сохранившиеся материалы о деятельности Злобовской школы это подтверждают³.

С началом Столыпинских реформ потребности в специалистах по сельскому хозяйству резко увеличились. Такому крупному аграрному региону, каким была Саратовская губерния, требовалось значительное число специалистов не только со средним, но и с высшим образованием. Однако учебных заведений, предусматривавших подготовку специалистов в области сельского хозяйства, в стране было крайне мало – на протяжении всего XIX в. открылись всего три самостоятельных высших учебных заведения, в трех политехнических институтах действовали специализированные отделения. В рамках классической университетской системы целям высшего сельскохозяйственного образования служили отделения (кафедры) сельского хозяйства при физико-математических факультетах, однако открытие в 1909 г. в Саратове

¹ См.: ГАСО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 11 л. 11а об.–11 б., 12 об., 20 а, 48 об.–49.

² См.: ГАСО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

³ См.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–38.

Императорского Николаевского университета произошло лишь в составе одного медицинского факультета, появление остальных предполагалось лишь в отдаленном будущем.

С началом XX столетия был взят курс на открытие специализированных сельскохозяйственных институтов, а также высших аграрных курсов. Созванный при Главном управлении землеустройства и земледелия в 1910 г. сельскохозяйственный совет определил очередность создания шести институтов, и лишь после их учреждения в последнюю очередь было намечено создание агрономического факультета при Саратовском университете [с. 13, 272]. Органы местного земства и другие заинтересованные организации решили не дожидаться своей очереди и ходатайствовать об учреждении в Саратове высших сельскохозяйственных курсов. Разрешение на открытие было получено весной 1913 г., официальное открытие состоялось 15 сентября¹.

Согласно «Положению о высших сельскохозяйственных курсах Саратовского общества сельского хозяйства», утвержденному Главным управлением землеустройства и земледелия 4 мая 1913 г., курсы учреждались Саратовским обществом сельского хозяйства с целью сообщения «высшего агрономического образования лицам, окончившим среднюю школу»². Курсы находились в ведении Главного управления землеустройства и земледелия и содержались на счет пособий последнего, а также губернского и уездного земств и городского управления, платы со слушателей, ассигнований Саратовского общества сельского хозяйства, различных частных пособий и пожертвований. Разрешение на открытие было получено весной 1913 г., официальное открытие состоялось 15 сентября³.

На курсы принимались лица обоего пола, получившие свидетельства об окончании курса среднего учебного заведения. Курс обучения продолжался четыре года и разделялся по триместрам. Обучение на первом и втором триместрах в году велось в Саратове, летние были посвящены практическим занятиям. Учебный план курсов подразделялся на общеобразовательную и специальную части. Первая определялась «Положением...» (в нее, в частности, входило общее законоведение), вторая – педагогическим советом (в ее составе было отведено место сельскохозяйственному законоведению)⁴.

Для преподавания общего законоведения отводился 10-й триместр на четвертом курсе, сельскохозяйственного – 11-й (по 3 и 2 лекционных часа в неделю соответственно)⁵ [14, с. 7; 15, с. 12]. Первые занятия по указанным предметам состоялись в 1916/1917 учебном году. Сохранившиеся отчеты о работе библиотечной комиссии курсов за 1916 г.

также указывают на создание в структуре курсов отдельной кафедры законоведения⁶.

Однако преподавание по указанным выше программам просуществовало недолго. Постановлением Народного комиссариата земледелия от 03 апреля 1918 г. курсы были включены в общую сеть правительственных учебных сельскохозяйственных заведений с переименованием в Саратовский сельскохозяйственный институт⁷.

К моменту открытия курсов законоведение как дисциплина уже прочно «прописалось» в программах высших сельскохозяйственных курсов, однако выделение из общего законоведения – сельскохозяйственного было еще редким явлением, не было четко определено и его место в учебных планах.

По сведениям, сообщаемым профессором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства Т.В. Локоть объем учебных часов и уровень подготовки слушателей профильных высших сельскохозяйственных учебных заведений предполагал курс общего законоведения, весьма ограниченный в своей специальной части. В рамках учебных планов университетов по сельскохозяйственному законоведению давались лишь разрозненные сведения в рамках полицейского (административного) права.

В 1914–1915 г. курс сельскохозяйственного законоведения начинает читаться студентам одного из ведущих высших учебных заведений – Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства (Новая Александрия Люблинской губ.) [16, с. 4]. Выпущенный руководителем курса профессором Т.В. Локоть учебник по сельскохозяйственному законоведению содержал такие разделы как землеустройство, переселение, сельскохозяйственный и мелиоративный кредит, описание структуры, функций и полномочий Главного управления землеустройства и земледелия и его местных органов, а также деятельности профильных учебных и опытных учреждений. В будущем его также предполагалось расширить за счет других разделов, помещенных в «Уставе сельского хозяйства» (т. XII, ч. 2 Свода законов). Для сравнения – на Стебутовских курсах в столице преподавалось общее законоведение на первом курсе в объеме 4 лекционных часов в неделю в первом триместре и 2 лекционных часов – во втором. На Каменноостровских и Голицынских курсах законоведение преподавалось на втором курсе в четвертом триместре (4 и 1 лекционных часа соответственно), а затем в пятом (2 и 1 лекционный час соответственно). На Каменноостровских курсах преподавалось также сельскохозяйственное законоведение – на четвертом курсе в одиннадцатом триместре (2 лекционных часа) [15, с. 26].

Необходимость включения в программу сельскохозяйственных учебных заведений юридических дисциплин и увеличения их объема поддерживалась и профессиональным сообществом. Так, VII Съезд общества землемеров в Санкт-

¹ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

² ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

³ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 об.–2.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–1 об., 4 об., 5, 19 об., 20.

⁶ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об.

⁷ См.: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 1–1 об.

Петербурге в 1914 г., отмечая необходимость изучения не только общего правоведения, но и земельного законодательства и крестьянского права, постановил в целях содействия в получении необходимых юридических знаний практикующими землемерами пригласить за плату лицо со специальным юридическим образованием для организации и проведения занятий по юридическим наукам [2, с. 84, 92].

Таким образом, можно констатировать, что преподавание дисциплин, связанных с правом, в сельскохозяйственных учебных заведениях Саратовской губернии осуществлялось практически с начала их создания, получив закрепление в учебных планах на уровне среднего, а затем и высшего образования. Круг сообщаемых учащимся знаний зависел от профиля подготовки и вида учебного заведения, и имел первоначально исключительно утилитарный характер. Усложнение экономических отношений в аграрном секторе, особенно заметное с конца XIX – начала XX вв., привело не только к расширению, сравнительно с предыдущими периодами, объема преподавания юридических дисциплин, но и к разделению единого предмета на базовую и специальную части с последовательным прохождением курсов общего и сельскохозяйственного правоведения.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 34. Ч. 2. № 35054. СПб., 1861.
2. Бюллетень Саратовского отделения общества русских землемеров. 1914 год. № 1. Саратов: тип. Л.А. Амелист, 1914.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 16. Ч. 1. № 14585. СПб., 1842.
4. Знатоков Н. Исторический очерк 25-летия Мариинского земледельческого училища (1865–1890) и извлечение из годового отчета за 1889 год. Саратов: типо-литогр. П.С. Феокритова, 1891.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 34. № 35220. СПб., 1861.
6. Краткие статистические сведения по подведомственному департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Вып. 4: Сведения к 1 января 1915 г. Пг.: департамент земледелия министерства земледелия, 1915.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 53. № 58586. СПб., 1880.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 24. № 24628. СПб., 1907.
9. Справочник по среднему образованию. Ч. 3: Программы и правила технических и профессиональных средних учебных заведений / Сост. Д. Марголин. СПб. – Киев: Книгоиздательство «Сотрудник», 1912.
10. Сборник статей по сельскому хозяйству Саратовской губ. с отделом справочных и кален-

дарных сведений на 1910 г. Саратов: Саратовское общество сельского хозяйства, 1910.

11. Устав Вольского низшего сельскохозяйственного училища с дополнительным отделением для подготовки инструкторов Саратовского губернского земства. Чернигов, 1910.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 3. № 1919. СПб., 1886.
13. Вадемекум по высшему женскому образованию / Сост. Д. Марголин. Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1915.
14. Медведев Б.Х. Краткий исторический очерк десятилетия жизни Саратовской высшей сельскохозяйственной школы // Известия Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелиорации. 1925. Вып. 2. С. 1–46.
15. Отчет о деятельности Саратовского общества сельского хозяйства за 1912 год. Саратов: тип. «Товарищество энергия», 1913.
16. Локоть Т.В. Сельскохозяйственное законоведение. Пг.: типография Главного управления уделов, 1915.

TEACHING LEGAL DISCIPLINES IN AGRICULTURAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV GOVERNORATE)

Nikolaev V.E.

Saratov State Law Academy

In the article, the process of formation of teaching legal disciplines in educational institutions of the system of primary, secondary and higher agricultural educational institutions of Russia in the 19th – early 20th centuries is analyzed based on archival sources and published materials. The main stages of creation of the regulatory framework for teaching jurisprudence and related subjects are considered, their role in the process of training agricultural specialists is defined, the content of the taught courses is characterized.

It is concluded that the teaching of law-related disciplines in agricultural educational organizations has been conducted since the beginning of their foundation, having been consolidated in the curricula at the level of, first of all, secondary and then higher education. The increasing complexity of economic relations in the agricultural sector, particularly noticeable since the late 19th and early 20th centuries, has led not only to an expansion in the teaching of legal subjects, but also to the division of a single subject into basic and specific parts with successive courses in general and agricultural jurisprudence.

Keywords: agricultural education, jurisprudence, agricultural jurisprudence, landmarking law, land surveying and taxation classes, agricultural courses.

References

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 34. Part 2. № 35054. St. Petersburg, 1861.
2. Bulletin of the Saratov branch of the Society of Russian Surveyors. 1914. № 1. Saratov: Type. L.A. Ametist, 1914.
3. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 16. Part 1. № 14585. St. Petersburg, 1842.
4. Znotokov N. Historical sketch 25-letya Mariinskoye zemdelche schools (1865–1890) and an extract from the annual report for 1889. Saratov: tipo-lithogr. P.S. Theocritova, 1891.
5. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 34. Part 2. № 35220. St. Petersburg, 1861.
6. Brief statistical information on agricultural educational institutions subordinate to the Department of Agriculture. Issue 4: Information as of January 1, 1915. Pg.: Department of Agriculture of the Ministry of Agriculture, 1915.
7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 53. № 58586. St. Petersburg, 1880.

8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 24. № 24628. St. Petersburg, 1907.
9. Handbook of secondary education. Part 3: Programs and rules of technical and vocational secondary educational institutions / Comp. D. Margolin. St. Petersburg–Kyiv: Sotrudnik Publishing House, 1912.
10. Collection of articles on agriculture in Saratov province with a section of reference and calendar information for 1910. Saratov: Saratov Society of Agriculture, 1910.
11. Charter of the Volsk Lower Agricultural School with an additional department for training instructors for the Saratov Provincial Zemstvo. Chernigov, 1910.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 3. № 1919. St. Petersburg, 1886.
13. Vademecum on Higher Women's Education / Comp. D. Margolin. Kyiv: I.I. Samonenko Publishing House, 1915.
14. Medvedev B. Kh. Brief historical essay on a decade in the life of the Saratov Higher Agricultural School // News of the Saratov State Institute of Agriculture and Land Reclamation. 1925. Issue 2. P. 1–46.
15. Report on the activities of the Saratov Society of Agriculture for 1912. Saratov: print. "Energy Partnership", 1913.
16. Lokot T.V. Agricultural jurisprudence. Pg.: Printing house of the Main Administration of Appanages, 1915.

Развитие правового регулирования применения агентурно-оперативных методов предотвращения правоохранительными органами преступности в 1940–1950-е годы

Самарин Владимир Александрович,

к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Санкт-Петербургская академия следственного комитета
E-mail: samarin_v_a@rambler.ru

В статье рассматривается развитие методов агентурно-оперативной работы советской правоохранительных органов по борьбе с уголовной преступностью в 1940–1950-е годы. Автором проанализированы особенности правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в данные годы, в том числе и в тюремных учреждениях.

Автором отмечена тенденция совершенствование методов агентурно-оперативной работы в тюрьмах с целью расследования уголовных преступлений. Исследование построено на анализе нормативных документов того времени, а также научно-исследовательских работ, посвященных деятельности советских правоохранительных органов в 1940–1950-е годы. Проведенный анализ показал, что одним из самых эффективных способов расследования преступлений, а также их предотвращения в советское время выступала агентурная работа в местах лишения свободы. Проанализированы конкретные примеры взаимодействия оперативных сотрудников тюрем НКВД (МВД) СССР с оперативно-следственным аппаратом милиции в расследовании различных преступлений. В статье делается вывод об усовершенствовании оперативными работниками тюрем различных методов втутрикамерных разработок, особенностей взаимодействия органов милиции и тюрем по расследованию преступлений. Применение данного метода позволило снизить уровень преступности в 50-е годы XX века в Советском Союзе. Следовательно, данный метод зарекомендовал себя в оперативной работе.

Ключевые слова: история советской милиции, тюрьма, преступность в СССР, агентура, общество, оперативная работа, внутри камерная разработка.

С момента основания правоохранительных органов основой оперативно-розыскной и связанной с ней деятельностью служили различные методы агентурной работы. Суть данного метода состояла в установлении агентами и осведомителями связей с представителями преступного мира с целью определения совершенных и готовящихся преступлений [1]. Особую роль в этой работе проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, содержащихся под стражей в 40-е годы XX века в тюрьмах с целью расследования преступлений, изобличения преступников, нарушения режима содержания и предотвращения побегов.

Также на протяжении практически всей российской истории до 90-х годов XX века эта деятельность была предельно закрыта от общества и регулировалась как правило подзаконными секретными нормативно правовыми актами. Особенно это касалась периода 30-х – начала 50-х годов XX в., в рамках которого именно агентурная работа позволила выявить большой пласт преступлений различной тяжести. В действующем на начало 1940-х годов уголовно-процессуальном законодательстве содержались лишь нормы, косвенно регламентирующие оперативно-розыскную деятельность. Например, статья 93 УПК РСФСР 1923 г. содержала упоминание о необходимости негласность проверки анонимных заявлений перед решением о возбуждении уголовного дела [2]. Однако дальнейшего развития законодательная практика не получила, а правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности, в том числе и в тюрьмах полностью перешло в плоскость ведомственного нормотворчества.

Таким образом организационная деятельность тюрем было определена в приказе НКВД СССР от 27 октября 1939 г. № 001289 с объявлением «Положения о Главном тюремном управлении НКВД СССР» в котором руководство всеми тюрьмами СССР было возложено на Главное тюремное управление (далее – ГТУ) и соответствующие управления (отделы) на местах [3, с. 53].

Важно было не только определить ответственный орган, но и установить направление такой деятельности. Это было осуществлено посредством указания целей агентурной работы в рамках инструкции НКВД СССР от 07 июня 1939 года. Согласно ему основными целями такой работы выявление:

- скрытой от следствия и суда преступной деятельности заключенных и их сообщников, находящихся на свободе;

- планируемых преступных действий заключенных как в местах лишения свободы, так и после их освобождения;
- форм, методов и фактов нелегальной связи между камерами и внешним миром;
- попыток побега из тюрем.

Одним из самых тяжких преступлений признавалась контрреволюционная деятельность. Именно поэтому агентурная работа проводилась в целях выявления именно данных преступлений. Однако важно отметить, что, несмотря на особую значимость данного рода преступлений, подчёркивалась необходимость распространения указанного метода на расследование преступлений иной направленности [4]. Такое положение было обусловлено необходимостью снижения общего уровня преступности в стране.

Особую значимость агентурная работа приобрела в военный и поствоенный период, когда число преступлений возросло. Однако осуществление данного метода регулировалось старыми инструкциями и нормативными правовыми актами [5]. Основным недостатком правового регулирования состоял в том, что нормативные правовые акты в большей степени регулировали вопросы организации агентурной работы и не содержали конкретизирующих норм.

Особое внимание при подготовке кадров, а также их профессиональной переподготовке и повышении квалификации уделялось изучению методов агентурной работы. С этими целями были внедрены оперативные обзоры, в рамках которых рассматривались конкретные примеры мероприятий, проводимых в рамках такой работы. Практика показала, что самым эффективным методом выступала внутрикамерная работа с задержанными [6, с. 41].

Согласно указанию Министерства внутренних дел СССР от 03 декабря 1946 года перед тюремными учреждениями МВД была поставлена задача по активизации работы с информаторами. Например, начальнику Тюремного отдела Управления МВД по Ленинградской области полковнику П. Васильеву приказом начальника управления от 11 февраля 1947 года, были даны четкие указания в первую очередь наладить агентурное освещение криминогенной среды, сосредоточив усилия на выявлении нерасследованных преступлений и правонарушителей, которые избежали наказания. Полученные сведения должны были быть направлены в соответствующие оперативные подразделения.

Сотрудникам милиции поручалось формулировать перед начальниками тюрем конкретные задачи по выявлению неопознанных связей арестантов и их уголовной деятельности, а также обеспечивать дальнейшую разработку преступников в кооперации с оперативными частями учреждений. От оперативного состава тюрем ожидалось совершенствование агентурно-оперативной работы среди заключенных как в соответствии с задани-

ями руководства, так и по личной инициативе [7, с. 95–96].

Действующие нормативные документы того времени определяли количество информаторов, исходя из численности осужденных в камере. Так, минимальное количество информаторов при количестве осужденных от 7 до 25 равнялось двум, в случае, если количество заключенных было больше – не менее трех. Информаторы помогали установить дополнительные факты, которые помогали в следственной и оперативной деятельности [8].

Для агентурной работы в местах лишения свободы привлекались наиболее опытные лица. Как правило, агентами и информаторами становились бывшие заключенные. Такой выбор был обусловлен необходимостью установления доверительных отношений между заключенными. Такие информаторы знали «законы», существовавшие в тюремной иерархии, владели лагерным жаргоном. Важно отметить, что выполнение агентурной работы заключенными обеспечивалось выплатами им вознаграждения, размер которого составлял от 250 до 300 рублей [9, с. 110]. Такие выплаты позволяли обеспечить выполнение возложенных на агентов функций.

Кроме того, велась подготовка также профессиональных агентов, чьей задачей выступало внедрение в преступные группировки. Для такой работы требовались более опытные заключенные, имевшие связи в преступном мире и обладавшие навыками вычисления преступлений. Выплаты таким агентам были постоянными и составляли от 250 до 300 руб. ежемесячно.

К субъектам, которые могли инициировать проведение агентурной работы относились тюремные оперативные подразделения. Их деятельность координировалась МВД. Кроме того, доступ к полученной в ходе осуществления агентурной работы информации имел также суд и органы прокуратуры, которые осуществляли общий контроль и надзор.

Сведения о преступлениях задержанных, полученные в результате агентурной работы, направлялись в структурные подразделения МВД и МГБ для осуществления непосредственной оперативной деятельности. Такая совместная работа позволяла раскрывать большее количество преступлений, а также предотвращать готовящиеся.

Так, например, в августе 1947 года прокуратура Ленинградского военного округа задержала военнослужащего, обвиняемого в торговле оружием. В ходе агентурного сбора информации в тюрьме № 1 было установлено, что он продал шесть пистолетов «ТТ» преступникам. В результате работы агента в сентябре 1947 года были задержаны три крупных мошенника и семь грабителей. В первой половине 1948 года работа в той же тюрьме привела к уголовному преследованию 26 грабителей и 5 членов банды.

С 1950 по 1952 год, когда в результате очередной реорганизации тюрьмы были переданы в систему МВД, а милиция – в МГБ, в организацию агентурно-оперативную работу были внесены рад

изменений. Многие из них касались организационной работы, однако были установлены и новые важные правила регулирования агентурной работы. В частности, было установлено, что выбранных для агентурной работы заключенных переводили в Дом предварительного заключения Управления милиции [10, с. 413–414].

При проведении внутрикамерной работы оперативным сотрудникам указывалась на некоторые особенности работы с агентами-заключенными. Прежде всего приходилось учитывать, что данная агентура враждебна советской власти, антиобщественна и озлоблена репрессиями, она часто хорошо знает методы противодействию оперативной работе и рассматривает сотрудничество с правоохранительными органами как способ скорейшего освобождения из тюрьмы или как способ помешать следствию.

Однако, учитывая данные особенности, можно было проводить успешную деятельность по раскрытию и предотвращению преступлений.

Кроме этого, в работе с заключенными в тюрьмах для содержания подследственных имелась ещё одна особенность в виде отбытия заключенных по приговорам судов в другие места заключения. Поэтому оперативному составу рекомендовалось не реже одного раза в десять дней пересматривать агентурно-осведомительную сеть среди заключенных, отмечая выбывших и принимая меры к вербовке новых агентов и осведомителей [4].

Несмотря на определённые успехи, взаимодействие оперативных подразделений по-прежнему характеризовалось недостатками.

В первом квартале 1949 года активная работа оперативных частей тюрем позволила расширить агентурно-осведомительную сеть на 23 человека, доведя её общий состав до 574 человек. Благодаря агентурной информации удалось предотвратить подготовку двух бунтов в камерах и 109 попыток побега заключенных. Также с помощью агентуры были задержаны 65 преступников, находившихся на свободе. По материалам камерной агентуры у бандитского элемента было изъято 10 револьверов, 70 патронов и 15 тысяч рублей.

Вместе с тем, оперативный состав не всегда своевременно использовали полученные из тюрем агентурные данные. Так, 7 февраля 1949 года оперативной частью одной из тюрем была получена важная информация от осужденной Р. Перезовой о наличии бандитской группы в Ленинграде под руководством В. Митюка. Однако начальник РОВД Ленинского района города Ленинграда проигнорировал полученную информацию на протяжении двух месяцев, не дав ответа оперативной части тюрьмы [7, с. 110].

В сентябре 1949 года два члена преступной группировки были задержаны по обвинению в кражах. В ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных сотрудниками тюрьмы, было установлено, что трое сообщников задержанных незаконно хранили четыре единицы огнестрельного оружия. Данная информация была передана в 12

отделение милиции, однако по ряду бюрократических причин осталась без должного рассмотрения и в течение двух месяцев циркулировала между различными ведомствами, после чего была заархивирована. В результате преступники, продолжавшие свою противоправную деятельность, были задержаны сотрудниками Управления уголовного розыска только в конце 1949 года [10, с. 424].

Активно применялась агентурно-оперативная работа по расследованию преступлений по всей территории СССР. Например, в отчёте о деятельности следственных подразделений МВД Туркменской ССР за 1954 год сообщается, что за этот год было выдано 107 заданий для оперативного состава тюрем, направленных на проведение внутрикратерных разработок, в результате которых был достигнут успех в расследовании даже таких сложных дел, как убийства. Согласно отчетам о деятельности органов милиции Украинской ССР за 1952 год в ходе успешного применения этого метода при расследовании дел о хищении социалистической собственности, только ОБХСС УМВД по Херсонской области была разоблачена преступная группа в составе 13 человек. Сумма изъятых денежных средств составила 32 802 рубля, облигаций государственного займа – 24 530 рублей. Также было описано имущество на сумму 50 471 рубль [6, с. 41].

Увеличение числа преступлений в послевоенные годы стало причиной дальнейшего развития агентурной работы. Возникла необходимость более тщательной подготовки кадров, а также необходимость в проведении дополнительного обучения по освоению методов и способов осуществления агентурной работы.

Важно отметить, что методы агентурной работы совершенствовались с учётом тенденций развития преступности в стране. Основной особенностью выступало увеличение числа преступников, которые ранее не участвовали в преступной деятельности. Такая тенденция породила проблему более сложной процедуры обнаружения субъектов преступления. С учётом данной проблемы были разработаны новые методы проведения агентурной работы. Особое внимание уделялось методической подготовке будущих агентов и сотрудников милиции. Кроме того, разрабатывались методы конфиденциальной работы с целью сокращения случаев выявления агентов и информаторов.

Опыт применения агентурной работы показал, что он выступает действенным способом борьбы с преступностью в условиях возрастных долей профессиональных преступников. Так, именно при помощи активного внедрения агентурной работы удалось в разы снизить уровень преступности, а также разработать эффективные методы раннего предупреждения совершения преступлений.

Литература

1. Теория оперативно-розыскной деятельности (учебник; издание пятое, испр. и доп.) (коллек-

тив авторов; под ред. д.ю.н., проф. К.К. Горяинова, д.ю.н. В.С. Овчинского). – М.: «Норма: ИНФРА-М», 2021. – 795 с. // <https://study.garant.ru/#/document/77165313/paragraph/29:0> (дата обращения 25.11.2024).

2. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. // СПС Консультант плюс.
3. Сорокин М.В. Предупреждение правонарушений в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 40-х гг. XX в / М.В. Сорокин, О.Е. Сорокина // Вестник Самарского юридического института. – 2014. – № 3(14). – С. 52–56.
4. Тюремное дело: учеб. пособие по чекистской работе. Сост. Галкин А.Г. Зильберман К.С., Волхонский К.А., Достовалов Л.П., Мальцев П.И. Составлено на основании приказа Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР тов. Берия Л.П. Москва, 1939. 128 с. // <https://info.wikireading.ru/hyrsGPaq4n> (дата обращения: 25.11.2024).
5. Федоров А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А.В. Федоров, А.В. Шахматов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 335 с. // <https://mirbukv.net/chitat/pravovoe-regulirovanie-sodeystviya-grazhdan-organam-shahmatov?p=46#tx> (дата обращения: 26.11.2024).
6. Попова А.Д. «В нашем деле и «мелочи» важны» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 36–47.
7. Самарин В.А. Борьба с бандитизмом в Ленинграде во второй половине 40-х годов (Исторический аспект): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Самарин Владимир Александрович. – Санкт-Петербург, 2001. – 233 с.
8. Елеуханова С.В. Роль негласных методов работы в пенитенциарной системе советского государства в 1930–1950-е годы // <https://articlekz.com/article/5311> (дата обращения: 26.11.2024).
9. Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах / И.В. Говоров // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 109–119.
10. Говоров, И.В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Говоров Игорь Васильевич. – Санкт-Петербург, 2004. – 712 с.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE USE BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF AGENT-OPERATIONAL METHODS OF CRIME PREVENTION IN THE 1940S – 1950S

Samarin V.A.
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

The article examines the development of methods of intelligence and operational work of the Soviet law enforcement agencies to combat criminal crime in the 1940s – 1950s. The author analyzes the features of the legal regulation of operational investigative activities in these years, including in prison institutions. The author notes the tendency to improve the methods of intelligence and operational work in prisons in order to investigate criminal offenses. The study is based on the analysis of normative documents of that time, as well as research papers on the activities of Soviet law enforcement agencies in the 1940s – 1950s. The analysis showed that one of the most effective ways to investigate crimes, as well as to prevent them in Soviet times, was agent work in places of deprivation of liberty. The specific examples of the interaction of operational prison officers of the NKVD (Ministry of Internal Affairs) of the USSR with the operational investigative apparatus of the police in the investigation of various crimes are analyzed. The article concludes that prison operatives have improved various methods of in-cell development, features of interaction between police and prisons to investigate crimes. The use of this method made it possible to reduce the crime rate in the 50s of the XX century in the Soviet Union. Therefore, this method has proven itself in operational work.

Keywords: history of the Soviet police, prison, crime in the USSR, agents, society, operational work, in-camera development.

References

1. Theory of operational-search activities (textbook; fifth edition, corrected and supplemented) (collective of authors; edited by Doctor of Law, prof. K.K. Goryainov, Doctor of Law V.S. Ovchinsky). – М.: «Norma: INFRA-M», 2021. – 795 p. // <https://study.garant.ru/#/document/77165313/paragraph/29:0> (date of access 11/25/2024).
2. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1923 On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR // SPS Consultant plus.
3. Sorokin M.V. Prevention of offenses in prisons and pre-trial detention centers of the NKVD of the USSR in the 40s of the twentieth century / M.V. Sorokin, O.E. Sorokina // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2014. – No. 3 (14). – P. 52–56.
4. Prison business: a textbook on Chekist work. Comp. Galkin A.G., Zilberman K.S., Volkhonsky K.A., Dostovalov L.P., Maltsev P.I. Compiled on the basis of the order of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR Comrade Beria L.P. Moscow, 1939. 128 p. // <https://info.wikireading.ru/hyrsGPaq4n> (date of access 11/25/2024).
5. Fedorov A.V. Legal regulation of citizens' assistance to bodies carrying out operational-search activities / A.V. Fedorov, A.V. Shakhmatov. – St. Petersburg: Legal center Press, 2005. – 335 p. // <https://mirbukv.net/chitat/pravovoe-regulirovanie-sodeystviya-grazhdan-organam-shahmatov?p=46#tx> (date of access 11/26/2024).
6. Popova A.D. "In our business, even the "little things" are important" (on the practice of the Soviet criminal investigation department in the 1940–1950s) // Vestn. Sev. (Arctic) federal. University. Series: Humanitarian and social sciences. 2022. Vol. 22, No. 1. Pp. 36–47.
7. Samarina V.A. The fight against banditry in Leningrad in the second half of the 40s (Historical aspect): specialty 07.00.02 "Domestic history": dissertation for the degree of candidate of historical sciences / Samarina Vladimir Aleksandrovich. – St. Petersburg, 2001. – 233 p.
8. Eleukhanova S.V. The role of covert methods of work in the penitentiary system of the Soviet state in the 1930–1950s // <https://articlekz.com/article/5311> (date of access 11/26/2024).
9. Govorov I.V. Covert agents of the Soviet police in the 1940s / I.V. Govorov // Questions of History. – 2004. – No. 4. – P. 109–119.
10. Govorov, I.V. The State and Crime in Soviet Russia 1945–1953 (based on materials from Leningrad and the Leningrad Region): specialty 07.00.02 "Domestic History": dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences / Govorov Igor Vasilyevich. – St. Petersburg, 2004. – 712 p.

Формирование природоохранного законодательства и проблемы правоприменительной практики в сфере охраны окружающей среды в Германской Демократической Республике (конец 1940 – конец 1980-х гг.)

Чернышев Андрей Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: ae-ch@mail.ru

Статья посвящена проблемам истории формирования экологического законодательства Германской Демократической республики и реализации правоприменительной практики в природоохранной сфере. Констатируется, что природоохранная деятельность на территории Восточной Германии характеризовалась характеризовалась собственной векторальностью, а основной целью законодательства ГДР в сфере экологии являлось не столько защита природных богатств, как таковая, а недопущение оскудения сырьевой базы. Отмечается, что в течение первых десяти существования ГДР государство обращалось к вопросам состояния окружающей среды эпизодически, и правовая политика в этой сфере характеризовалась бессистемностью. Характеризуются нормативные основы экологической политики Восточной Германии, анализируется содержание Закона «О сохранении родной природы и по уходу за ней» (1954 г.) и Закона о земельной культуре (1970 г.), содержание соответствующих статей Конституции ГДР и норм партийного права. Анализируется состояние государственных и общественных структур в природоохранной сфере и результативность природоохранной политики в 1960–1970-е гг. Отмечается нарастание негативных тенденций и стагнация экологического курса в конце 1970–1980-е гг., детерминируются причины этих явлений. Формулируется вывод о том, что забвение одного из базовых прав человека и гражданина – права на безопасную окружающую среду может привести к губительным для государства последствиям.

Ключевые слова: Германская Демократическая Республика, история экологического законодательства Восточной Германии, природный ландшафт, охрана окружающей среды.

Сложные геополитические процессы, связанные с итогами II Мировой войны привели к формированию на некогда единой территории германского государства трех самостоятельных субъектов международного права – двух суверенных государств – Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германия, и квазигосударственного образования – Западного Берлина. Политика ГДР, созданной на территории восточно-германских земель, являвшейся государством, находящимся в сфере советского влияния и входящей в состав военно-политических (ОВД) и экономических (СЭВ) организаций мировой социалистической системы, характеризовалась собственной векторальностью. Данное утверждение полностью применимо и к характеристике экологического законодательства Восточной Германии.

Отметим, что как и правящая элита ФРГ, партийно-государственное руководство Восточной Германии, уделяя главенствующее внимание проблемам восстановления экономического потенциала и последующего индустриального развития, в течение первых десяти существования социалистического немецкого государства обращалось к вопросам состояния окружающей среды эпизодически; правовая политика в этой сфере характеризовалась бессистемностью.

Определенный перелом наметился в 1954 г. Руководство страны во главе с В. Ульбрихтом пришло к выводу о необходимости принятия нового Закона об охране природы, который учитывал бы существующие хозяйственные и общественные отношения в ГДР и формулировал экологические нормы с учетом последних.

В августе 1954 г. Народной Палатой ГДР был принят Закон «О сохранении родной природы и по уходу за ней» (Закон об охране природы), определивший цель природоохранной политики, иерархию природоохранных органов и основные направления их деятельности.

Анализ экологической ситуации в Восточной Германии во 2-й половине 1950-х гг., однако, свидетельствует о том, что и после принятия данного узаконения, никаких изменений к лучшему, в первую очередь, в индустриальных южных регионах, так и не последовало. Многие исследователи утверждают, что определенную роль в этом сыграла пробельность и противоречивость самого закона 1954 г. Детальный анализ его содержания свидетельствует о том, что декларированная законом стратегическая цель природоохранной поли-

тики не была подкреплена конкретными задачами в рамках ее реализации. Нуждалось в детализации и нормативном закреплении понятие «природного ландшафта», охрана которого, судя по тексту закона, и являлась целью экологической политики ГДР. Наконец, следовало определиться и с предметным содержанием этой политики.

К началу 1960-х гг., когда в контексте экономического развития стал примерно определяться круг задач экологического порядка, подлежащих разрешению (борьба с шумом, обеспечение чистоты воды и воздуха, утилизация отходов), работа в области совершенствования природоохранного законодательства была продолжена. С 1968 г. работа над новым законом велась под руководством заместителя председателя Совета министров Германской Демократической Республики В. Тителя. Созданная эти партийным функционером рабочая группа, состоящая из общественных активистов, представителей организации «Друзья природы и культурного наследия», проанализировала «культурную ситуацию на земле» и подготовила аналитическую справку «О развитии социалистической культуры земли и ее конкретных задачах» [7, с. 22].

Планы общественников соответствовали общим настроениям партийно-государственной элиты. Свидетельством этого стало закрепление охраны природы и окружающей среды в качестве государственной задачи в статье 15 Конституции ГДР 1968 г., которая гласила: «В интересах благосостояния граждан государство и общество заботятся об охране природы. Содержание в чистоте воды и воздуха, а также охрана растительного и животного мира и природных красот родины должны обеспечиваться компетентными органами; это является, кроме того, делом каждого гражданина» [4, с. 9]. Впрочем, конституционное признание этой задачи сделало еще более очевидным контраст между ее значимостью и сохраняющейся практической неэффективностью охраны окружающей среды в ГДР.

14 мая 1970 г. Народная палата Германской Демократической Республики приняла Закон о государственной культуре земли (Закон о земельной культуре, Закон о планомерном развитии социалистической культуры ландшафта) (LKG), пришедший на смену Закону об охране природы 1954 г. и ставший, по настоящему, поворотным моментом в развитии экологической политики и экологического права Восточной Германии.

Для единого государственного управления и координирования комплексного развития окружающей среды в ноябре 1971 г. создано Министерство по охране окружающей среды и водному хозяйству. С 1973 г. мероприятия по охране окружающей среды включаются в годовые планы предприятий, советов округов и районов. Ежегодно в республике проводится Неделя социалистической охраны природы и окружающей среды. Только в 1973 г. государство выделило свыше 1 млрд марок на улучшение условий окружающей среды, причем две трети этой суммы были направлены в крупные промыш-

ленные районы округов Котбус, Галле, Дрезден, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт, Берлин [14, с. 315]. Значительные средства для этих целей выделили предприятия.

Важнейшие проблемы охраны окружающей среды (преобразование и охрана почвы и вод, сохранение чистоты воздуха, борьба с шумом, утилизация и удаление бытовых отходов и промышленных отходов и др.) отразил закон о планомерном развитии социалистической культуры ландшафта от 14 мая 1970 г. [9, с. 67]. Сельскохозяйственные и лесные угодья, которые использовались горнорудными предприятиями, после прекращения их деятельности возвращаются земледельцам в рекультивированном состоянии. Площади, которые оказалось невозможно рекультивировать, отошли под зоны отдыха. Из-за недостаточной обеспеченности водными ресурсами в ГДР актуальна проблема водоснабжения. По прогнозу на 1985 г., двух-трехкратный оборот используемой воды должен стать нормой для всей республики [5, с. 171].

Все сказанное выше обеспечило существенный прогресс в развитии природоохранной сферы Восточной Германии, ставший очевидным в 1970-е гг.

В начале 1970-х гг. в ГДР трубы промышленных предприятий и жилых домов выбрасывали в атмосферу 15 млн т. летучей пыли. Необходимо было сократить степень загрязнения воздуха пылью и газами прежде всего теплоэлектростанциями, химическими, металлургическими предприятиями, а также промышленности строительных материалов. По всей республике развернулась работа по оборудованию предприятий пылеуловителями. Если в 1971 г. пылеуловительные установки имели только 70% теплоэлектростанций, то в 1973 г. – уже 80–85%. На вводимых в строй теплоэлектростанциях эффективность отделения летучей золы составила 98–99%, осуществлялась реконструкция старых теплоэлектростанций, где этот показатель равнялся лишь 75–80% [10, с. 59]. Для соблюдения установленных законом предельных параметров и выявления основных источников загрязнения воздуха силами предприятий, государственных органов, учреждений здравоохранения, Палаты техники разрабатывалась единая контрольно-измерительная система. К значительному снижению загрязнения воздуха ведет использование советского природного газа и нефти. В течение 1964–1973 гг. по нефтепроводу «Дружба» в республику поступило 190 млн т. нефти, около 40 предприятий ГДР к концу 1973 г. работали на советском газе [3, с. 176].

Большое значение в ГДР придавалось сбору и утилизации бытовых отходов и отходов. Так, в 1970 г. здесь было собрано свыше 400 тыс. т. макулатуры, но около 150 тыс. т. – попало на свалки. По подсчетам специалистов ежегодно на свалки выбрасывалось утильсырья на 700 млн марок. Поэтому в 1973 г. были открыты 1 тыс. новых пунктов по приему утильсырья, большинство из них – передвижные [2, с. 26].

Борьба за уменьшение шума считалось в ГДР постоянной задачей государства, хозяйственных органов, предприятий и каждого гражданина. При строительстве новых сооружений, расширении транспортной сети, разработке производственных процессов учитывались карты очагов шума. Местные органы народной власти координировали мероприятия предприятий, кооперативов и учреждений по охране окружающей среды. Перед ними отчитывались директора промышленных предприятий, председатели кооперативов. При местных народных представительствах работали постоянные или рабочие комиссии по охране окружающей среды. Они контролировали выполнение обязательств государственными и хозяйственными органами, вносили рекомендации и предложения, участвовали в подготовке соответствующих решений и постановлений. Мероприятия по охране окружающей среды нашли отражение в коммунально-бытовых договорах между городами или общинами и предприятиями. Например, в 1973 г. в округе Эрфурт такими договорами предусматривалось выполнить 70-ти мероприятий по очистке воздуха [13].

Активно включились в борьбу за охрану природы участники движения «Сделаем прекрасней наши города и села; участвуй и ты!». В январе 1974 г. Национальный Совет Национального фронта ГДР призвал население посеять в честь 25-летия республики 2 тыс. га леса и создать 250 парков отдыха. В октябре это задание было перевыполнено [8, с. 18].

В ГДР отсутствовала специализированная общественная организация по охране природы типа Всероссийского общества по охране природы, существовавшая в СССР или Лиги охраны природы в Польше. Охраной окружающей среды здесь занимались Общество любителей природы и родного края при Культурбунде ГДР, Общество по распространению научных знаний «Урания», Палата техники, Общество германо-советской дружбы. Большой вклад в охрану природы вносили и представители научной общественности. При Академии наук ГДР было открыто отделение «Человек и окружающая среда», образована комиссия по исследованию окружающей среды, а при Академии сельскохозяйственных наук – секция «Культура земледелия и охрана природы». В вузах Берлина, Ростока, в Техническом университете Дрездена читались курсы лекций по охране природы. Только в 1973 г. свыше 50-ти научных учреждений ГДР работали над темами, связанными с исследованием и охраной окружающей среды [12].

В 1971 г. в рамках Совета экономической взаимопомощи было подписано межгосударственное соглашение «О разработке мероприятий по охране природы». Этот договор стал основой двухсторонних договоров государств социалистического лагеря. Так, в протоколе о дальнейшем развитии сотрудничества между СССР и ГДР в области охраны окружающей среды, подписанном в ноябре 1972 г. в Москве, предусмотрены кооперация в прогнозировании и долгосрочном планировании меропри-

ятий по охране природы, совместная разработка стандартов и нормативов по охране биосферы, расширение научно-технического сотрудничества в этой области и другие мероприятия [11].

Таким образом, за 1971–1975 гг. Германская Демократическая Республика обеспечила весомыми гарантиями положения ст. 15 своей Конституции. Свидетельством понимания важности ее содержания стала институционализация природоохранной политики в партийном законодательстве. В Программе СЕПГ, принятой IX съездом партии, говорилось: «Социалистическая единая партия Германии выступает за охрану окружающей среды и ее формирование в интересах постоянного улучшения условий труда и жизни трудящихся и эффективности народного хозяйства... Природу как источник жизни, материального богатства, здоровья и радости людей необходимо оберегать и рационально, на научной основе, использовать, с тем, чтобы она могла служить обеспеченной и счастливой жизни грядущих поколений в коммунистическом обществе [6, с. 130].

По странному совпадению, именно 1977 г. – год принятия новой партийной программы немецких коммунистов, стал началом периода стагнации политики в сфере охраны природной среды, приведшего к резкому ухудшению экологической ситуации в ГДР.

С нашей точки зрения, снижение результативности природоохранной политики было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, на состоянии природоохранной политики повлияла смена партийно-государственного руководства ГДР. «На Востоке, со сменой во главе государства СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) (нем. Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, SED) от Вальтера Ульбрихта к Эриху Хонеккеру и его постулируемому единству экономической и социальной политики, экологические вопросы перестали быть в центре внимания, не говоря уже о затратах, которые повлекут за собой меры по охране окружающей среды» [1, с. 139].

Во-вторых, доктринальные особенности политики ГДР в природоохранной сфере, расширительное толкование этой политики, способствовали «растворению» вопросов природоохраны в общей концепции природопользования. Очевидное для руководства ГДР суждение о том, что экономическое развитие – важнее вопросов охраны окружающей среды привело к тому, что Германская Демократическая Республика оказалась к концу десятилетия «на задворках» экологической повестки.

В-третьих, ГДР, как субъект мирового социалистического лагеря, не могли обойти стороной негативные процессы, имевшие место в социалистических государствах рассматриваемого периода, в том числе, тенденция бюрократизации общественной сферы. Реализацию природоохранной политики затрудняло появление все большего количества инструкций, распоряжений, иных предписаний, имевших отношение к общим или специальным задачам охраны природы [1, с. 246].

В-четвертых, сказывались и негативные тенденции, формировавшиеся в экономической конъюнктуре рубежа 1970–1980-х гг. Из-за нехватки иностранной валюты и сырья ГДР в первую очередь приходилось добывать отечественный бурый уголь в качестве источника энергии. Сжигание бурого угля привело к особенно высоким уровням загрязнения воздуха диоксидом серы, пылью и золой, что было особенно заметно в крупных промышленных центрах Галле, Дрездене, Лейпциге и Карл-Маркс-Штадте. В результате, в 1980-х годах в ГДР был самый высокий уровень загрязнения диоксидом серы в Европе, а самой грязной рекой на континенте была восточная Эльба и ее притоки.

Таким образом, относительно недолгий период реализации политики охраны окружающей среды и природоохранного законодательства в Германской Демократической Республике демонстрирует особую векторальность экологического курса в условиях суверенной восточногерманской государственности и существенные особенности правового регулирования охраны окружающей среды.

Соответственно основной целью законодательства ГДР в сфере экологии являлось не только, и не сколько, защита природных богатств, как таковая, а недопущение оскудения сырьевой базы.

Подобный подход таит в себе угрозы абсолютизации сугубо хозяйственных интересов и превращение задачи охраны окружающей среды в задачу второстепенную, не имеющую собственной значимости. Печальная судьба «первого в истории социалистического государства на немецкой земле» показала, к каким последствиям может привести забвение одного из базовых прав человека и гражданина – права на безопасную окружающую среду.

Литература

1. Бауэр Р., Вайничке Х. Забота о ландшафте и охрана природы. – М.: Прогресс, 1971. – 263 с.
2. Герекке Л. Как мы защищаем нашу окружающую среду? – Берлин, 1974. – 172 с.
3. Исследования и разработки в странах-членах СЭВ. / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1977. – 247 с.
4. Конституция Германской Демократической Республики / пер. с нем. – М.: Юридическая литература, 1977. – 32 с.
5. Проблема окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях. – М.: Мысль, 1976. – 359 с.
6. Программа Социалистической единой партии Германии // Материалы IX Съезда Социалистической единой партии Германии. Берлин, май 1976 г. – Dresden: Zeit im Bild, 1976. – 193 с.
7. Свилас С.В. Проблемы охраны окружающей среды в ГДР (1971–1975 гг.) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. 1981. № 2. – С. 21–23.

8. Biclmer M. Probleme der Zusammenarbeit der staatlichen Organe mit der Nationalen Front der DDR und gesellschaftlichen Organisationen bei der Losung von Aufgaben der sozialistischen Landeskultur einschliesslich des Umweltschutzes. – Potsdam-Babelsberg, 1975. – 363 S.
9. Gesetzblatt der DDR. 1970, T I. 1. Nr. 12. S. 67.
10. Misgeld G. Sozialistisches Gesundheitswesen: Eine Information aus der DDR. – Berlin, 1972. S. 59.
11. Neues Deutschland. 1972. 19. November.
12. Neues Deutschland. 1973. 28. Januar.
13. Neues Deutschland. 1973. 3. Marz.
14. Sindermann H. Erfolgreich voran auf dem Kurs des VIII. Parteitages: Ausgewählte Reden und Aufsätze. – Berlin, 1975. – 487 S.

FORMATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC (LATE 1940S – LATE 1980S)

Chernyshev A.E.

Kemerovo State University

The article is devoted to the problems of the history of the formation of environmental legislation of the German Democratic Republic and the implementation of law enforcement practice in the environmental sphere. It is stated that environmental activities in the territory of East Germany were characterized by their own vectoriality, and the main goal of the GDR legislation in the field of ecology was not so much the protection of natural resources as such, but the prevention of depletion of the raw material base. It is noted that during the first ten years of the existence of the GDR, the state addressed issues of the state of the environment episodically, and legal policy in this area was characterized by unsystematicity. The article characterizes the regulatory framework for environmental policy in East Germany, analyzes the content of the Law on the Preservation and Care of Native Nature (1954) and the Law on Land Culture (1970), the content of the relevant articles of the GDR Constitution and party law. It analyzes the state of state and public structures in the environmental sphere and the effectiveness of environmental policy in the 1960s and 1970s. It notes the growing negative trends and stagnation of the environmental course in the late 1970s and 1980s, and determines the causes of these phenomena. It is concluded that neglect of one of the basic human and civil rights – the right to a safe environment – can lead to disastrous consequences for the state.

Keywords: German Democratic Republic, history of environmental legislation in East Germany, natural landscape, environmental protection.

References

1. Bauer R., Weinichke H. Landscape Care and Nature Conservation. – Moscow: Progress, 1971. – 263 p.
2. Gerecke L. How Do We Protect Our Environment? – Berlin, 1974. – 172 p.
3. Research and Development in the CMEA Member States. / translated from German. – Moscow: Progress, 1977. – 247 p.
4. Constitution of the German Democratic Republic / translated from German. – Moscow: Legal Literature, 1977. – 32 p.
5. The Problem of the Environment in the World Economy and International Relations. – Moscow: Mysl, 1976. – 359 p.
6. Program of the Socialist Unity Party of Germany // Materials of the IX Congress of the Socialist Unity Party of Germany. Berlin, May 1976 – Dresden: Zeit im Bild, 1976. – 193 p.
7. Svilas S.V. Problems of environmental protection in the GDR (1971–1975) // Bulletin of the Belarusian State University named after V.I. Lenin. Series 3. History. Philosophy. Scientific communism. Economics. Law. 1981. No. 2. – pp. 21–23.
8. Biclmer M. Problems of cooperation between state bodies, the National Front of the GDR and social organizations in solving

- the problems of socialist national culture, including environmental protection. – Potsdam-Babelsberg, 1975. – 363 p.
9. Law Gazette of the GDR. 1970, Part 1. No. 12. P. 67.
 10. Misgeld G. Socialist health care: Information from the GDR. – Berlin, 1972. P. 59.
 11. Neues Deutschland. 1972. November 19th.
 12. Neues Deutschland. 1973. January 28th.
 13. Neues Deutschland. 1973. March 3rd.
 14. Sindermann N. Successfully moving forward on the course of the 8th Party Congress: Selected speeches and essays. – Berlin, 1975. – 487 p.

Взаимодействие Правительства Москвы с органами местного самоуправления в городе Москве

Александров Григорий Дмитриевич,

аспирант Департамента экономики, управления и права ГАОУ
ВО «Московский городской педагогический университет»
E-mail: alexgrig@yandex.ru

В динамичном преобразовании системы государственного управления в условиях нестабильной внешнеполитической обстановки, а также ввиду влияния недружественных стран, сфера взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления также не может оставаться стабильной, поскольку коллинеарное развитие управления всеми сферами государственно-общественной жизни – вопрос эффективности управления территориями различного масштаба. В статье рассматривается правовая модель взаимодействия Правительства Москвы с органами местного самоуправления в городе Москве, эффективность такого взаимодействия с учетом особенностей законодательства Российской Федерации и законодательства города Москвы с учетом самобытных особенностей города Москвы как города столицы Российской Федерации, а также в условиях федеральных особенностей, установленных в сфере местного самоуправления для городов федерального значения. Анализ правового обеспечения взаимодействия вышестоящего исполнительного органа власти города Москвы с органами местного самоуправления, а также его реализации, не только позволяет заимствовать положительный опыт государственного управления, но и порождает необходимость в постановке вопроса об установлении особенностей в сфере организации местного самоуправления субъектами Российской Федерации, являющихся не только городами федерального значения, но и для столицы Российской Федерации.

Ключевые слова: Правительство Москвы, органы местного самоуправления, взаимодействие, город федерального значения.

Динамика развития властных механизмов в условиях влияния на нее различных общественно-значимых факторов, предопределяет трансформацию государственного управления во всех сферах.

Для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и процветания региона требуется эффективное сотрудничество между региональными и местными органами субъекта [4, с. 196].

В условиях конституционных поправок 2020 года, устанавливающих в том числе вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, одновременно не принадлежащих системе органов государственной власти, взаимодействие органов государственной власти субъектов с органами местного самоуправления вынуждено отвечать вызовам законодательных изменений, проводимых в условиях политико-правовых трансформаций, особенно на территориях субъектов с особым статусом, их самобытными особенностями, уровнем управления, обширностью и сложностью проблем, решаемых государственными органами власти субъектов Российской Федерации в рамках единства городского хозяйства.

Идея единства органов местного самоуправления с иными органами власти субъекта рассматривалась учеными правоведами, например Атаманчуком Г.В., Васильевым В.И., Тихомировым Ю.А. При этом исследования вопросов взаимодействия таких органов на региональном уровне, в том числе на примере конкретных субъектов в целом в научной литературе несправедливо представлены достаточно узко.

Принимая во внимание распространение общих правовых положений, регулирующих организацию и деятельность органов местного самоуправления в субъектах в числе которые закреплены Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» следует отдельно остановиться на некоторых из них.

Конституцией Российской Федерации в соответствии с положениями статей 12 и 72 признается и гарантируется осуществление местного самоуправления, а также принадлежность установления общих принципов организации системы местного самоуправления к предметам совместного ведения. Данное положение Конституции РФ рассма-

тривается учеными как некая гарантия политико-правового характера местного самоуправления [3]. При этом вопросы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов Российской Федерации представлены достаточно кратко – установлена возможность наделения органов местного самоуправления отдельными полномочиями при условиях их обеспечения. Учитывая общий характер указанного взаимодействия, присущего для всех систем органов государственной власти субъектов Российской Федерации следует отметить также об установлении Конституцией Российской Федерации основополагающих положений:

Во-первых, принцип самостоятельности местного самоуправления и не вхождения в систему органов государственной власти (ст. 12). Они неподконтрольны напрямую государственной власти. Государственные органы могут контролировать законность действий муниципалитета, но не вправе вмешиваться в его полномочия по управлению территориями. Данное положение Конституции РФ можно рассматривать, как некую гарантию политико-правового характера местного самоуправления.

Во-вторых, самостоятельный характер в принятии решений населением в вопросах местного значения (ст. 130).

В-третьих, закрепление одной из форм взаимодействия органов государства с местными органами – наделения муниципальных органов власти отдельными государственными полномочиями (ст. 132).

И, в-четвертых, закрепление совместного ведения РФ и ее субъектов в вопросе правового регулирования местного самоуправления (ст. 72).

Таким образом, Конституция РФ закрепляет основу взаимодействия между региональными и местными органами, в том числе и взаимодействие Правительства Москвы с местными органами города Москвы. Именно это послужило более подробному раскрытию такого взаимодействия в иных правовых актах.

Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в целом устанавливает общие положения, регулирующие вопросы местного самоуправления, а также особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения, которым также является город Москва. Указанные особенности заключаются в осуществлении муниципального управления в рамках внутригородских территорий, отнесении вопросов образования, изменения границ или упразднения внутригородских территорий к ведению субъекта, установлении перечня вопросов местного значения и источников доходов местных бюджетов законами субъекта Российской Федерации, а также определение состава муниципального имущества.

Положения Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации публичной власти в субъектах Российской Федерации», касающиеся рассматриваемого взаимодействия, более подробно раскрывают его характер. В рамках статьи 6 указанного закона предусматривается содействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации развитию местного самоуправления, обеспечение ими гарантий прав населения на осуществление местного самоуправления, правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, а также участие органов государственной власти субъекта Российской Федерации в формировании органов местного самоуправления. Таким образом создается возможность для отчетливого правового влияния органов государственной власти на органы местного самоуправления.

При рассмотрении вопросов взаимодействия Правительства Москвы как высшего постоянно действующего коллегиального органа исполнительной власти города Москвы, занимающего особое место в системе органов государственной власти города Москвы, руководящего деятельностью органов исполнительной власти города Москвы, в том числе территориальных, что в целом также составляет особую специфику его деятельности [1, с. 111] с органами местного самоуправления в городе Москве следует отметить, что существующая система управления городом начала складываться и далее развиваться с 1991 года, когда стали в корне изменять всю управленческую систему государством [2].

Федеральное законодательство в условиях такого развития установило особенности взаимодействия Правительства Москвы как органа государственной власти города федерального значения с местным самоуправлением на федеральном уровне для того, чтобы гарантировать работу местных органов управления в достаточно широких рамках, установленных законами, обеспечить возможности для формирования и развития местного самоуправления в необходимой для обеспечения единства городского хозяйства создания уникальной управленческой правовой модели в рамках координации деятельности вопросов, непосредственно связанных с местным самоуправлением. Особенности организации местного самоуправления в городах федерального значения, таким образом, заключаются в функциональных ограничениях, что также исследуется и подтверждается представителями научного сообщества [7, с. 89].

На уровне законодательства города Москвы вопросы местного самоуправления, а также взаимодействие с такими органами закреплено в Законе города Москвы от 28 июня 1995 года «Устав города Москвы», где, в частности, в статье 58 устанавливается, что органы государственной власти города Москвы, в том числе и Правительство Москвы, оказывают органам местного самоуправления содействие в осуществлении их полномочий, принимают соответствующие правовые акты города Москвы

в сфере местного самоуправления и заключают соответствующие соглашения и договоры, в том числе о передаче полномочий.

Законом города Москвы от 06 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» в статье 5 вопросы рассматриваемого взаимодействия отражаются довольно широкими категориями. В частности, устанавливается формирование благоприятной среды для развития и укрепления местного самоуправления, также возможность заключения вышеуказанных договоров и соглашений, в том числе по вопросам их взаимодействия, а также создание совместных рабочих органов. Для координации деятельности органов местного самоуправления могут создаваться временные и постоянно действующие органы, устанавливается методическое, кадровое и организационное содействие органам местного самоуправления и контроль за их деятельностью в сфере соблюдения законодательства города Москвы.

С учетом специфики территориального управления в городе Москве, как уже отмечалось, в Москве создан и осуществляет свою деятельность на основе постановления Правительства Москвы от 29 апреля 2011 года № 170-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте территориальных органов исполнительной власти города Москвы» соответственно Департамент территориальных органов исполнительной власти города Москвы, который осуществляет в том числе руководство деятельностью территориальных органов исполнительной власти города Москвы – префектур административных округов города Москвы и управ районов города Москвы, деятельность которых осуществляется на территориях, границы которых совпадают с границами муниципальных образований.

Данный орган исполнительной власти в соответствии с положением:

- 1) подчиняется Правительству Москвы;
- 2) осуществляет функции по разработке и реализации политики в сфере территориального управления, территориального устройства города, организации и государственной поддержке местного самоуправления;
- 3) является уполномоченным органом Правительства Москвы по рассматриваемому взаимодействию;
- 4) проверяет муниципальные нормативные акты на соответствие федеральным и правовым актам города Москвы.

Также следует отметить, что его роль по рассматриваемому вопросу определяется также в следующих аспектах.

1. Согласование деятельности территориальных органов городской исполнительной власти.
2. Изучение предложений и разработка законопроектов для города Москвы, касающихся уточнения схемы территориального деления и границ муниципальных образований.

3. Создание и обновление законодательства, регулирующего деятельность местных органов власти.
4. Оказание правового, организационного и кадрового характера управления на местах.
5. Обеспечение решения управлениями на местах по важным общегородским вопросам (проведение учёта избирателей, проведение переписи населения и др.).
6. Помощь в организации и проведении встреч руководителей органов исполнительной власти с населением города, а также анализ эффективности деятельности управ районов.
7. Согласование организационной структуры территориальных подразделений исполнительной власти, включение в процесс выбора сотрудников на ключевые позиции в префектурах и управах.

Как показывает анализ норм, регулирующих взаимодействие Правительства Москвы с органами местного самоуправления в городе Москве, складывается устойчивое мнение о том, что объединяемые правовые механизмы такого взаимодействия в одну систему возможно охарактеризовать как деятельность взаимоорганизация подчиняемого и подчиняющего.

Также при анализе законов города Москвы о передаче органам местного самоуправления отдельных полномочий города Москвы, которыми наделены органы местного самоуправления муниципальных округов в городе Москве в сфере организации деятельности управ управ районов города Москвы и городских организаций представлены достаточно узко, где важный момент влияния на городское управление представляет собой механизм выражения недоверия главам управ района, который не может характеризоваться гарантированным методом в случае несогласия с общегородской политикой ведения городского хозяйства со стороны органов местного самоуправления, особенно в отсутствие правоприменительной практики. Вторая часть указанных полномочий является скорее декларативной, поскольку представляет собой лишь информирование органов местного самоуправления о деятельности организаций на территории соответствующего муниципального образования, либо их участие в принятии каких-либо управленческих решений, принятие участия в их согласовании «без права решающего голоса».

Даже в условиях, как уже указывалось, наличия законодательства, в соответствии с которым органам местного самоуправления переданы некоторые полномочия, органы власти не могут отказаться от осуществления влияния на реализацию таких полномочий, так как на них также возлагается ответственность перед жителями города Москвы за их результат, что опосредует механизмы контроля органов местного самоуправления.

Как верно представляется, в настоящий момент развитие местного самоуправления в Москве представлено в ограниченном виде, что заключено в передаче органам местного самоуправления

некоторых государственных полномочий по мере развития органов местного самоуправления на организационном уровне, что подтверждает позицию исследователей, занимающихся вопросами взаимодействия таких органов, например Н.В. Кузнецова [5].

Роль органов местного самоуправления в городе Москве характеризуется особой значимостью и уникальностью практического отражения в рамках городского управления, осуществляемого в большей степени Правительством Москвы, которым в свою очередь создана самобытная система взаимодействия с первыми, позволяющая ограниченно реализовывать властное замещение их функций на функции, осуществляемые органами исполнительной власти в угоду единства городского хозяйства.

В обобщении изложенного полагается необходимым сделать следующий вывод. Согласно нормам основного закона город Москва является городом федерального значения и столицей России. Региональные и местные органы находятся в постоянных взаимоотношениях для реализации своих функций. Высшим исполнительным органом в Москве выступает Правительство Москвы, именно оно в большей мере контактирует с органами местного самоуправления в сложной многоуровневой системе. Их взаимодействие сегодня урегулировано многими правовыми актами и представляет собой уникальную систему, характеризующуюся как взаимодействие двух неравных субъектов, где Правительство Москвы обладает высокой степенью влияния. В условиях, так или иначе установленных общих границ взаимодействия высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации с органами местного самоуправления на федеральном уровне, где столичное законодательство вынуждено «лавировать» для более эффективного государственного управления в угоду единства городского хозяйства, в Закон «О статусе столицы РФ», который является основным законом в сфере регулирования правового статуса города Москвы, следует рассмотреть возможность внесения нормы об особенностях местного самоуправления в городе Москве как столицы Российской Федерации, в частности рассмотреть вопрос об установлении особенностей рассматриваемого взаимодействия. Предлагаемый механизм должен быть призван для установления самобытных столичных особенностей управления и раскрытия управленческого потенциала, где конкретные особенности, требующие нормативно-правового закрепления, представляются важным и открытым вопросом, поскольку, например установление особенностей при регулировании сферы делегирования отдельных полномочий органам местного самоуправления в столичном мегаполисе должно учитывать его специфику, степень готовности их исполнения [6], обеспечения, а также различные риски в случае правовой и организационной «турбулентности» указанной сферы, что требует особой подготовки и рассмотрения.

Литература

1. Александров, Г.Д. Актуальные аспекты правового статуса Правительства Москвы / Г.Д. Александров // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6(193). – С. 110–112.
2. Бахарева, В.В. Особенности организации местного самоуправления в Москве / В.В. Бахарева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 52 (290). – С. 347–349. – URL: <https://moluch.ru/archive/290/65866/>
3. Кальгина А.А. Об особенностях статуса города Москвы как субъекта Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-statusa-goroda-moskvy-kak-subekta-rossiyskoy-federatsii>
4. Куулар, Ш.С. Понятие и формы взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с органами местного самоуправления / Ш.С. Куулар. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 17 (516). – С. 195–197. – URL: <https://moluch.ru/archive/516/113421/>
5. Кузнецов Н.В. Практические аспекты организации и деятельности органов местного самоуправления г. Москвы // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2010. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-aspekty-organizatsii-i-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-g-moskvy> (дата обращения: 28.10.2024).
6. Мусинова Нина Николаевна Местное самоуправление в Москве: модели и эволюция // Управленческие науки. 2013. № 1 (6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-moskve-modeli-i-evolyutsiya> (дата обращения: 16.12.2024).
7. Туровский Р.Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pronunc. 2015. № 1. С. 82–98.

INTERACTION OF THE MOSCOW GOVERNMENT WITH LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE CITY OF MOSCOW

Alexandrov G.D.

Moscow City Pedagogical University

In the dynamic transformation of the public administration system in an unstable foreign policy environment, as well as due to the influence of unfriendly countries, the sphere of interaction between the executive authorities of the subjects of the Russian Federation and local governments also cannot remain stable, since the collinear development of management in all spheres of public life is a question of the effectiveness of managing territories of various scales. The article examines the legal model of interaction between the Government of Moscow and local self-government bodies in the city of Moscow, the effectiveness of such interaction taking into account the peculiarities of the legislation of the Russian Federation and the legislation of the city of Moscow, taking into account the distinctive features of the city of Moscow as the capital city of the Russian Federation, as well as in the context of federal peculiarities established in the field of local self-government for cities of federal significance. The analysis of the legal support for the interaction of the supreme executive authority of the city of Moscow with local self-government bodies, as well as its implementation, not only allows us to borrow positive experience of public administration, but also creates the

need to raise the issue of establishing specifics in the field of local self-government organization by the subjects of the Russian Federation, which are not only cities of federal significance, but also for the capital of the Russian Federation.

Keywords: Moscow government, local government, interaction, federal city.

References

1. Alexandrov, G.D. Actual aspects of the legal status of the Government of Moscow / G.D. Alexandrov // Eurasian Legal Journal. – 2024. – № 6(193). – Pp. 110–112.
2. Bakhareva, V.V. Features of the organization of local self-government in Moscow / V.V. Bakhareva. – Text: direct // Young scientist. – 2019. – № 52 (290). – Pp. 347–349. – URL: <https://moluch.ru/archive/290/65866/>
3. Kalgina A.A. On the peculiarities of the status of the city of Moscow as a subject of the Russian Federation // Bulletin of Economic security. 2022. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-statusa-goroda-moskvy-kak-subekta-rossiyskoy-federatsii>
4. Kuular, S.S. The concept and forms of interaction of public authorities of the subjects of the Russian Federation with local governments / S.S. Kuular. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – № 17 (516). – Pp. 195–197. – URL: <https://moluch.ru/archive/516/113421/>
5. Kuznetsov N.V. Practical aspects of the organization and activities of local governments in Moscow // Innovative economics: information, analytics, forecasts. 2010. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-aspekty-organizatsii-i-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-g-moskvy> (date of reference: 10/28/2024).
6. Musinova Nina Nikolaevna Local self-government in Moscow: models and evolution // Managerial Sciences. 2013. No.1 (6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-moskve-modeli-i-evolyutsiya> (date of application: 12/16/2024).
7. Turovsky R.F. Local self-government in Russia and the evolution of the political regime // Pro nunc. 2015. No. 1. pp. 82–98.

Юридический механизм участия работников в управлении организацией. История возникновения, становления и полного исчезновения в России. 1917–2006 гг.

Бережецкая Ольга Сергеевна,

аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

E-mail: Bolgas81@yandex.ru

Статья посвящена истории становления и развития в России очень примечательного и неоднозначного по своей сути юридического механизма взаимодействия между работниками и работодателями по вопросам управления производством и предприятием, ставший впоследствии одним из основных принципов трудового права Российской Федерации – принцип обеспечения права работников на участие в управлении организацией. Этот механизм рассматривается в ней применительно к различным социально-политическим и экономическим строям нашего государства, в различных формах и объемах их существований с момента зарождения и до момента полного юридического исчезновения в 2006 году. В статье критически осмыслены все имевшиеся формы данного механизма в России, показано несовершенство законодательства тех лет. Цель настоящей работы – сформировать видение важности практической реализации этого принципа с обязательным учетом тех критических замечаний, которые приводили и могут приводить к негативным последствиям в сфере государственного управления обществом, трудом и трудовыми коллективами.

Ключевые слова: государственная политика, управление, комитеты, нормативное регулирование, организация, принципы, рабочие, право на участие, предприятие, правотворчество, революция, рыночная экономика, советы, система, социальное партнерство, трудовые коллективы, управление, фабрики.

Введение

Участие работников в управлении организацией – не только важный принцип трудового права, не нашедший до сих пор своей полной проработки и практического раскрытия, но и механизм повышения уровня удовлетворенности персоналом, который при правильной его проработке и применении может принести действительный положительный социальный и экономический эффект. Данная форма взаимодействия незаслуженно не нашла своего должного применения, так как в социальном государстве с демократической формой правления и рыночной экономикой этот грамотно раскрытый в отдельном институте трудового права как науки, так и отрасли принцип, может дать реальную возможность как государству, так и гражданам формировать свое аргументированное, обоснованное видение и более качественно влиять на ту сферу общественных отношений и правоотношений, которая напрямую связана с жизнеобеспечением и качеством жизни людей – труд. Автор ставит перед собой цель рассмотреть и проанализировать этапы возникновения и развития данного юридического механизма в Советской России и его состояние в настоящее время.

Февральская буржуазно-демократическая революция и постреволюционный период 1917–1921 гг.

Вопрос участия работников в управлении организацией и производством и его практическая реализация поднимались в различные периоды 20 века неоднократно и само это явление прошло длительную эволюцию. В советское время он достаточно органично вписывался в существующий государственно-политический уклад так как при диктатуре пролетариата совершенно естественным было правление пролетариата и в сфере труда. Причем говорить стоит именно об управлении, а не об участии, так как «участие пролетариата в управлении, осуществляемом пролетариатом – логический нонсенс» [12, с. 184].

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года внесла существенные изменения не только в политический строй, но и в экономику государства, которая развивалась на основании политико-идеологических лозунгов и принципах большевиков – огосударствление промышленности, централизация экономики, ликвидация частной собственности на землю и на средства

производства, передача власти пролетариату в том числе и на предприятиях.

Руководствуясь этими лозунгами, начиная с марта 1917 года на предприятиях и фабриках начали стихийно образовываться фабрично-заводские комитеты (ФЗК). Какого-либо нормативного акта, регулирующего эту инициативу, не было. Основным двигателем данного процесса стал призыв Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о необходимости пролетариату взять власть на фабриках и заводах, где они работают, в свои руки. Изначально Фабричные комитеты должны были полностью контролировать посредством самих рабочих производство продукции и распределение доходов на предприятиях. В рамках этих прав они могла самостоятельно регулировать рабочий день, решать вопросы оплаты труда, установления расценок на работы и производимую продукцию. А если условный собственник предприятия хотел его закрыть или сократить объемы, ФЗК могли брать на себя функции управления в тех случаях, когда предприниматели хотели закрыть производство или сократить объемы [5].

Стихийное образование ФЗК не осталось без внимания Временного правительства, возникший хаос необходимо было остановить и направить в регулируемое русло. Таким образом, появилось Постановление уже сформированного к тому времени Временного правительства «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях» от 23 апреля 1917 года, которое фактически утвердило «соглашение» Петроградского совета с обществом заводчиков и фабрикантов, которое давало возможность формирования фабрично-заводских комитетов на правовой основе. Данным Постановлением деятельность ФЗК была структурирована и поставлена под контроль Правительства. Были установлены конкретные вопросы, по которым рабочие могли взаимодействовать с администрацией предприятия и сам порядок этого взаимодействия (представительства). Это были вопросы, касающиеся внутренних взаимоотношений между предпринимателями и рабочими – заработная плата, правила внутреннего трудового распорядка, представительство работников в правительственных и общественных организациях, а также другие мероприятия, направленные на улучшение трудовой и внеуродовой жизни работников. При этом речь об управлении производством и распределении продукции представителями рабочих уже не шла, этот вопрос оставался в полном ведении собственников и администрации предприятия. Всего до октябрьской революции 1917 года ФЗК действовали на 2151 предприятии и 69% из них – на средних и крупных производствах [8].

Одновременно с ФЗК формировались и профессиональные союзы, которые должны были способствовать «осознанию рабочими общепрофессиональных и общеклассовых интересов», что, в свою очередь, должно было, по мнению чиновников-меньшевиков, способствовать воспитанию гражданской ответственности у рабочего

класса [2]. Но подобная форма взаимодействия не дала положительного эффекта ввиду наличия противоречий у обеих форм представительств работников того времени.

После Октябрьской революции 1917 года ФЗК были объединены с профессиональными союзами и потеряли свое влияние. Окончательно деятельность ФЗК прекратилась в декабре 1918 года.

10 декабря 1918 года был принят первый в истории нашего государства Кодекс законов о труде РСФСР – первый кодифицированный документ, устанавливающий трудовые права и обязанности граждан в новом социалистическом государстве. Помимо того, что в ведении им регламентировалось, что «предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества, трудящимся должно быть предоставлено под руководством Центральной Советской власти самое широкое самоуправление», механизм такого самоуправления прописан нигде не был, а главным приоритетом в регулировании общественно-трудовых отношений КЗоТ 1918 г. определил трудовую повинность. Сама формулировка «трудовая повинность» не подразумевает никакого участия работников в управлении организацией, а накладывает всеобщую обязанность трудиться. Таким образом, профсоюзы не только поглотили ФЗК, но стали помощниками государства в реализации политики общей трудовой повинности, повышению производительности труда и трудовой дисциплины. А управление трудом осуществлялось на основании документов, вырабатываемых профессиональными союзами по соглашению с руководителями или владельцами предприятий и утверждаемых Центральной Советской Властью в лице Народного Комиссариата Труда.

Таким образом, не смотря на провозглашенную диктатуру пролетариата, непосредственное самоуправление пролетарского класса на предприятиях не получило своего развития, что вполне разумно, так как малообразованные люди не могут и не должны управлять сложным хозяйственным механизмом. И их малообразованность нельзя считать негативным фактором применительно к рассматриваемому периоду, так как это исторически сложившийся факт, вызванный уровнем развитости производства и производственных отношений, а также уровнем всеобщего образования – по итогам переписи 1897 года доля грамотных в стране составляла 21%, при этом в грамотные записывали людей, едва умеющих читать. В 1910 гг. этот процент увеличился до 27. И если следовать И.В. Сталину, его «приводам и рычагам» [12], посредством которых реализуется диктатура пролетариата, то было очевидно уже тогда, что участие рабочих в управленческой деятельности пролетариата возможно только через пролетарскую партию – «демократический централизм», а контроль за деятельностью администрации возможно вести также только пролетарскую партию либо через профессиональные союзы. Непосредственно-же самим рабочим и их образова-

ниям на местах была предоставлена возможность участвовать в таких формах самодеятельности рабочих масс, как производственные совещания, социалистические соревнования, ударничество и иные, находящиеся под непосредственным руководством профсоюзов и администрации предприятий. Назвать эти формы самоуправлением нельзя, так как это в большей степени является формами вовлечения рабочих в активную трудовую деятельность с целью повышения эффективности и производительности труда. Следовательно, эти методы являются способами управления трудовыми массами посредством придания этим мероприятиям видимости участия в управлении. Но необходимый социально-управленческий эффект достигался, ФЗК стали источником для формирования советско-пролетарского аппарата хозяйственного управления.

Если говорить об экономическом эффекте таких преобразований, а применительно к управленческим преобразованиям он всегда имеет отложенный характер, то в 1921–1922 годах страну охватил страшный голод и Россия впервые обратилась за помощью к международному сообществу.

Эпоха Новой Экономической Политики (1921–1928) и Военные и послевоенные годы (1939–1970)

Государство продолжало свое не очень плавное движение к эпохе новой экономической политики. И в процессе этого движения изменялось и отношение к рабочему классу. В начале 1920-х годов после завершения острой фазы Гражданской войны и окончательного утверждения у власти большевиков остро стал вопрос полной разлаженности в жизни общества. Крестьянские восстания, голод, повсеместная разруха явно показали всю неэффективность управления новой пролетарской власти в период «военного коммунизма». В марте 1921 года Партийное руководство созвало съезд РКП (б), на котором был провозглашен переход к новой экономической политике (НЭП). Ключевой задачей НЭП было укрепление социальной базы советской власти и снятие напряженности в обществе. Первыми мероприятиями НЭП стали отмена продразверстки и замена ее натуральным налогом, частичная денационализация промышленных предприятий и создание концессий с привлечением иностранного капитала, вводился принцип хозрасчета и появилась возможность арендовать некоторые промышленные предприятия. Таким образом собственность перестала быть полностью государственной и в стране появился плюрализм работодателей. Все это не могло не повлиять на необходимость изменения трудовых отношений – трудовая повинность и обязательное распределение рабочей силы не могли быть эффективными в условиях НЭП.

Итогом всех преобразований в сфере управления производством и экономики стало принятие постановления ВЦИК от 09 ноября 1922 года, которое вводило в действие КЗоТ РСФСР 1922 го-

да, о котором В.И. Ленин говорил как о «... громадном завоевании Советской власти..., который прочно устанавливает основы рабочего законодательства» [7]. Это постановление в ст. 156. определяет, что профессиональные союзы – единственный правомочный орган, наделенный правом представлять и защищать интересы рабочих и служащих перед администрацией предприятия. Всякое самоуправление и участие в управлении организацией непосредственно рабочих и их собраний, коллективов, исключалось, так как в соответствии со ст. 157 КЗоТ «никакой иной комитет в предприятиях, учреждениях или хозяйствах..., кроме утвержденного профессиональным союзом, не мог пользоваться правами профессионального (производственного) союза».

В конце 20-х годов XX в. Всероссийской Коммунистической партией большевиков был провозглашен курс на индустриализацию и коллективизацию, который позволил СССР сохранить экономическую независимость в военные годы.

В 1939 началась Вторая мировая война, которая плавно перетекла Великую Отечественную Войну 1941–1945 гг. По понятным причинам ни о каких вопросах развития производственной демократии и соблюдении трудовых прав работников на предприятиях в военный и поствоенный периоды не могло быть и речи. Весь народ работал круглосуточно на Победу и для Победы. А уже в 1943 году было принято Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которым предусматривались только количественные производственные и сельскохозяйственные показатели, которых необходимо было достичь в короткие сроки. Непосредственно в период войны только в пищевой промышленности были построены 9 сахарных заводов, 15 заводов масложировой промышленности, 12 консервных фабрик и 12 хлебных заводов [1]. Соответственно ни о каких поблажках в отношении условий труда и речи быть не могло. Действовало правило всеобщей трудовой мобилизации, ужесточения трудовой дисциплины, на фабриках и заводах произошел переход с семи- на восьмичасовую смену с семидневной рабочей неделей вместо довоенной 6-ти. От рабочих требовалось беспрекословное соблюдение требований приказов, инструкций, норм выработки и режима рабочего времени. Их нарушение преследовалось уголовным законодательством.

На восстановление разрушенной войной экономики и производства потребовалось 4 пятилетки с момента ее окончания в 1945 году.

А КЗоТ 1922 года, полностью исключивший всякое самоуправление работниками на предприятиях, просуществовал до 1972 года и вошел в историю Российской правовой науки как первый правовой акт, посредством которого была сделана попытка «сформировать трудовое право, призванное функционировать в условиях государственного

социализма, признающего жестко регулируемую рыночную экономику, трудовое право с оптимальным, с точки зрения правящей партии, сочетанием публично-правовых и частно-правовых начал, трудовое право, учитывающее реалии и специфику России того времени, ее прошлый дореволюционный и революционный опыт» [3].

Впоследствии, право рабочих и служащих участвовать в управлении организацией возродится только в 1970 году в Основах законодательства СССР и союзных республик о труде – по истечении почти 50-ти лет с момента утверждения КЗоТ 1922 г.

Возрождение самоуправления трудовых коллективов 1960–2006 гг.

Толчком к возрождению в СССР производственной демократии послужил ряд причин социального и экономического характера.

Ближе к 1960-м годам страна оправилась от потрясений военных лет, жизнь людей стабилизировалась, минимальный уровень человеческих потребностей был удовлетворен и люди стали задумываться о качестве своей жизни. Шкала человеческих потребностей ползла вверх, что вызывало необходимость перехода к интенсивным методам экономики, которые позволяли-бы производить больше качественных и разнообразных товаров народного потребления, строить более качественное жилье и расширять социальную инфраструктуру.

Административные методы понуждения к труду больше не действовали, необходим был иной механизм. Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1965 году выступил с докладом, основной идеей которого был отказ от валового показателя в оценке работы предприятий и переход на принцип хозрасчета, что неизменно влекло за собой изменений производственных отношений. Партия одобрила предлагаемые меры, и страна пошла по пути экономических преобразований, основы которых были определены в Постановлении ЦК КПСС, Совета министров от 04 октября 1965 года № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Применительно к рассматриваемому вопросу данный документ декларировал, что в стране «не создана должная материальная заинтересованность работников в улучшении общих итогов работы предприятия, в использовании своих внутренних резервов и повышении рентабельности производства», при этом предусматривалось изменение принципа оплаты труда работников для достижения прогресса в данной сфере, а именно, ЦК КПСС и СМ считали необходимым поставить оплату труда работников промышленности в непосредственную зависимость не только от результатов его личного труда, но и от общих итогов работы предприятия.

Методы экономического стимулирования работников были выделены в отдельный раздел Постановления, которым предусматривалось создание фондов материального поощрения, который формировался за счет роста прибыли и рентабельности, а также фондов социально-культурных мероприятий и фонда жилищного строительства, формируемых из тех-же источников и на тех же принципах. Средства между фондами перераспределялись директорами предприятий по согласованию с профсоюзными органами. Одновременно, данным Постановлением была поставлена задача Государственному Комитету Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Министерству финансов СССР, Госплану и ВЦСПС при участии профильных Министерств и ведомств не только обеспечить деятельность фондов нормативной документацией, но и разработать проекты нормативов отчислений от прибыли в фонды по отраслям. В свою очередь Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы совместно с ВЦСПС и соответствующих министерств и ведомств должны были разработать предложения о порядке и сроках пересмотра норм выработки в промышленности. Понятно, что о понижении уже действующих норм не могло быть и речи. Одновременно с этим, в этот же день 04 октября 1965 года Постановлением Совета Министров СССР № 731 было утверждено очень противоречивое Положение «О социалистическом государственном производственном предприятии», устанавливающее правило о том, что «предприятие осуществляет свою деятельность по материально-техническому обеспечению своего производства на основании обоснованных заявок на распределяемые в плановом порядке материальные ресурсы, а также реализует материальные ресурсы, выделенные по фондам. Развитие эта норма получила в Постановлениях Совмина СССР от 14 марта 1966 года № 197 и от 30 сентября 1968 года № 778, которые с одной стороны устанавливали хозрасчетную систему ведения хозяйственной деятельности, а с другой планово-административные методы и ответственность за «невыполнение планов и заданий по поставкам продукции», что являлось грубым нарушением производственной и, что более серьезно, государственной дисциплины.

Такая сложная, непонятная и противоречивая для большинства рабочих система, вносила массу недопониманий в трудовые коллективы, появились недовольные «непрозрачным» перераспределением и расходованием средств фондов. Много вопросов к руководству предприятий и действующей власти возникало в связи с поощрением за норму выработки, так как действовало правило увеличения в оплате их труда той части, которая непосредственно зависит от улучшения общих итогов работы предприятия», а размер отчислений от прибыли в фонды материального поощрения определялся многоступенчатым порядком.

Так, 15 июля 1970 года был принят Закон СССР № 2 «Об утверждении Основ законодательства СССР и союзных республик о труде», который закреплял право рабочих и служащих участвовать в управлении производством посредством обсуждения вопросов развития производства, внесения предложений по улучшению работы предприятия и по вопросам социально-культурного и бытового обслуживания, а на администрацию была возложена обязанность создавать все условия для реализации работниками этого права. При этом было установлено достаточно большое количество форм такого участия, что, несомненно, вносило путаницу и усложняло зарождающуюся в России систему производственной демократии. Данный документ еще не отдает всю полноту власти в управлении предприятиями трудовым коллективам, а лишь ограничивается установлением права граждан СССР на труд социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительности и устранение хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Но совсем скоро, 09 декабря 1971 года, будет принят Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года, а в его преамбуле будет задекларировано, что в «советском обществе трудящиеся управляют предприятиями, составляющими всенародную (государственную) собственность через Советы депутатов трудящихся и создаваемые ими органы государственного управления». Статья 227 КЗоТ 1971 года законодательно установила право рабочих и служащих участвовать в управлении производством, а именно участвовать в обсуждении и решении вопросов развития производства, вносить предложения об улучшении работы предприятий, учреждений, организаций, а также по вопросам социально-культурного и бытового обслуживания. Предоставленные права могли быть реализованы посредством профсоюзов и иных общественных организаций, органов народного контроля, общих собраний, производственных совещаний, конференций и иные различные формы общественной самодеятельности рабочих и служащих.

Вводилось новое право – участвовать в разработке проектов производственных планов, планов внедрения новой техники, капитального строительства предприятия, учреждения, организации, проектов планов строительства и ремонта жилых домов и культурно-бытовых объектов, а также планов социального развития коллектива, но только посредством комитетов профессионального союза различных уровней – статья 228 КЗоТ 1971 года. А администрация была обязана «создавать условия, обеспечивающие участие рабочих и служащих в управлении производством и своевременно рассматривать критические замечания и предложения рабочих и служащих и сообщать им о принятых мерах, независимо от той формы, в которой реализовывалось это участие» – статья 229 КЗоТ. Но широкого фактического распространения эта форма не получила, так как основной правовой формой хозяйствующих субъектов было «государ-

ственное предприятие», идти в разрез с государством, хоть и пролетарским, никто не решался.

1977 год знаменателен тем, что трудовые коллективы получили особый конституционный статус, а их роль в управлении производством получила уже конституционное значение. Норма об «участии трудовых коллективов в обсуждении и решении государственных и общественных дел...» была введена в 1 главу Конституции СССР «Политическая система», таким образом трудовые коллективы становились субъектами политической системы государства, а не только субъектами трудовых отношений, что существенно повышало их статус и наделяло достаточно широкими правами и обязанностями. Так, статья 8 Конституции СССР 1977 года устанавливала на высшем государственном уровне права трудовых коллективов на участие в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшениями условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства. Эта норма получила свое распространение и в Конституциях союзных республик СССР, подчеркивая тем самым всеобщий государственный статус трудовых коллективов.

После введения данной конституционной нормы планировалось достаточно быстро выпустить закон о трудовых коллективах, но государственный аппарат блокировал многочисленные редакции рассматриваемого документа, затягивая тем самым процесс его принятия. Данное поведение государственного аппарата было обоснованным, предыдущая практика показала, что на одном пролетарском энтузиазме сложно построить новую систему государственного управления экономикой и производственной системой страны.

Спустя 5 лет, 17 июня 1983 года был принят нашумевший Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» (далее – «Закон о трудовых коллективах», «Закон о ТК»). В соответствии с данным законом трудовой коллектив являлся основной ячейкой социалистического общества, а их деятельность базировалась на социалистической собственности на средства производства и плановом развитии экономики. Органы государственной власти и управления обеспечивали государственное руководство их деятельностью в пределах своей компетенции. При этом сами трудовые коллективы осуществляли экономические, социальные и политические функции, направленные на развитие общественного строя. Основным долгом и обязанностью трудовых коллективов были высокопроизводительный труд, претворение в жизнь решений партии, неуклонное исполнение советских законов и постановлений правительства..., повышение эффективности и качества производства, государственной, производственной и трудовой дисциплины, воспитание

членов коллектива в духе моральных принципов строителей коммунизма.

Ключевая цель внедрения данной формы производственной демократии в СССР прослеживается в ее принципах – гармоничное сочетание интересов государства, общества, коллектива и личности при условии единоначалия администрации в сочетании с широким участием трудящихся в управлении. Для реализации этой цели трудовые коллективы должны были осуществлять экономические, социальные и политические функции, направленные на «всемерное укрепление и развитие общественного строя СССР, социалистического образа жизни...», вовлечение трудящихся в производственную, общественную и государственную жизнь, в управление предприятиями, учреждениями, организациями

Для достижения этой цели трудовые коллективы наделялись достаточно широкими полномочиями как в решении государственных, экономических и общественных вопросов, так и в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Они были наделены полномочиями в сферах экономического, социального и производственного развития, сохранении социалистической собственности, разумном использовании имеющихся ресурсов и распределении фондов экономического стимулирования работников. Кроме этого трудовые коллективы должны были принимать активное участие в побуждении работников к социали-

стическому соревнованию и развитию их трудовой и творческой активности, они обладали правом выдвигать из числа рабочих кандидатов на повышение квалификации и непосредственно участвовать в расстановке кадров, обращали свое внимание на условия труда и охрану труда, на достаточность социального обеспечения работников, организацию санаторно-курортного лечения и многое другое.

Свои полномочия они реализовывали посредством общих собраний трудовых коллективов, а в промежутках между ними – администрацией и выборными органами партийных, профсоюзных и комсомольских организаций и иными организациями, определенными в статье 19 Закона «О трудовых коллективах».

Таким образом, закон фактически закрепляет две схемы взаимодействия (рис. 1).

1. Схема 1. Установлена статьей 3 Закона «О трудовых коллективах» – Взаимодействие Трудовых коллективов с органами государственной власти. В ней мы видим простую систему управления, выдача заданий (следовательно и контроль их выполнения) и информирование от субъекта к объекту и рассмотрение мнений, предложений и иных вопросов, выдвигаемых объектом на основании полученного от тех общественных отношений и, следовательно, тех субъектов, на которые они были направлены. Все предельно понятно и просто.

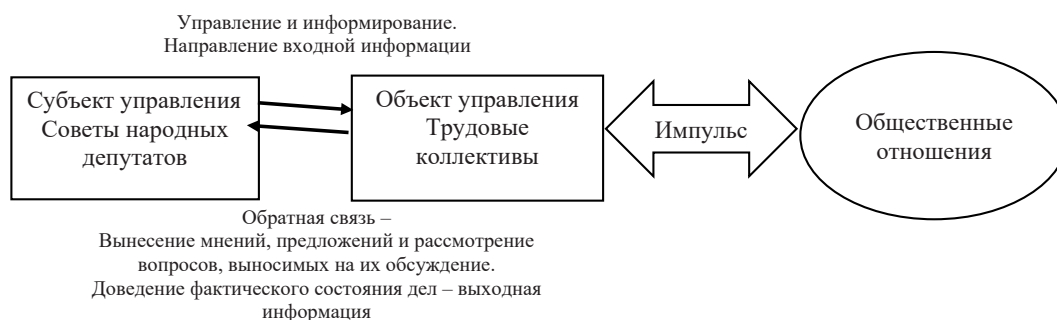

Рис. 1

2. Схема 2. Определена в части третьей рассматриваемого Закона «О осуществлении полномочий трудовых коллективов в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Статьи 6–18 Закона устанавливают основные полномочия трудовых коллективов в различных сферах деятельности предприятий. Важно отметить, что основные слова – глаголы участвуют, рассматривают, принимают, обсуждают, вносят. Прямо такие полномочия, как непосредственно управление не прописаны. При этом, ч. 2 статьи 21 Закона «О ТК» устанавливает, что «решения собрания (конференции) трудового коллектива, принятые в соответствии с его полномочиями и действующим законодательством, обязательны для администрации предприятия, учреждения, организации»¹. Таким об-

разом, не смотря на установленный в статье 4 рассматриваемого автором Закона, принцип «Единоначалия администрации в сочетании с широким участием трудящихся в управлении» вся власть фактически была отдана трудовым коллективам, так как принятые ими решения носили обязательный для администрации характер. Налицо серьезная правовая коллизия, так как обязательность выполнения администрацией предприятия решений трудового коллектива полностью исключает принцип «единоначалия в сочетании с широким участием», да и сама формулировка «единоначалие в сочетании с широким участием в управлении» уже размывает само понятие «единоначалия».

Отдельного внимания заслуживает неразбериха с периодами осуществления полномочий трудовых коллективов. Непосредственно полномочия трудовых коллективов осуществлялись общими собраниями/конференциями трудовых коллекти-

¹ Закон СССР от 17.06.1983 года «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» статья 21.

вов, а вот в период между собраниями/конференциями они осуществлялись «совместно с администрацией и выборными органами партийных, профсоюзных и комсомольских организаций и иных общественных организаций, действующих в коллективах»¹. Это вторая правовая коллизия в данном законе – одна и та же статья содержит два способа реализации полномочий, установленного Основным законом страны такого государственно-правового субъекта, как трудовой коллектив – управление посредством принятия решений на общем собрании трудового коллектива, т.е. самими работниками, и управление в период между собраниями совместно с администрацией и иными органами.

Тут мы и видим, что решения, принятые на собраниях, не всегда могли соответствовать реальному положению дел на предприятии, как с экономической, так и с организационной точки зрения. При этом они были обязательны к исполнению. У партии, профсоюза и администрации могло быть иное видение на вопросы, поднимаемые трудовым коллективом и прийти к консенсусу и фактической реализации решений ТК, которые зачастую шли вразрез с экономикой (пусть и командно-административной) и правилами управления как предприятием, так и государством, порой было просто невозможно. Одновременно с этим, следуя логике законодателя, администрация могла отойти от исполнения решений, принятых на собраниях/конференции трудового коллектива в период между ними, подкрепившись мнением профсоюза, партийных и комсомольских органов и ведя свою операционную деятельность. Подобная противоречивая система управления производственной демократией зачастую вела не к исключению «классового конфликта» в обществе, а наоборот, к его разрастанию и не могла долго существовать, так как вызывала массу недовольств. Усилению имеющихся противоречий поспособствовал и принятый в рамках «хозяйственного права» Закон СССР от 30 июня 1987 года «О государственном предприятии (объединении)»², который установил, что деятельность предприятия осуществляется в соответствии с принципом социалистического самоуправления. Он радикально увеличил степень независимости предприятий и, соответственно, столь же сильно уменьшил контроль государства над производственными и экономическими процессами. Кроме того, закон серьезно ограничил административные возможности руководства предприятий по отношению к работникам, резко усилив при этом влияние трудовых коллективов на принятие экономических решений (распределение доходов предприятия, назначение менеджмента и т.д.). Для исключения этих коллизий в 1988 го-

ду Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС утвердил Постановление от 08.02.1988 № 68а/14–18а³. Данное Постановление вводит правило избрания в совет трудовых коллективов уже и представителей администрации предприятия в количестве не более одной четвертой от общего количества членов. Рекомендовалось также не избирать председателями советов Трудовых коллективов руководителей предприятия. Но маховик уже был запущен, потеря госконтроля над предприятиями для плановой советской экономики имела разрушительные последствия. Трудовые коллективы совершенно по – другому видели эффективность производственной деятельности и правила распределения прибыли, основная масса прибыли уходила на увеличение заработной платы рабочим, инвестиции в развитие отошли на второй план, впереди маячил затяжной экономический и политический кризис, последствия которого привели к развалу СССР.

Существенное изменение статуса и полномочий трудовых коллективов произошло уже в 1990-м году. 24 декабря 1990 года принимается Закон РСФСР «О собственности в РСФСР», которым устанавливаются Российской Федерации могут создаваться и действовать предприятия, находящиеся в частной, государственной, муниципальной собственности и собственности общественных организаций⁴. А 25 декабря 1990 года принимается Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности», которым полномочия прав трудовых коллективов разграничивались и наделялись разной полнотой в зависимости от того, на предприятии какого вида собственности были эти коллективы сформированы. Отдельно выделены частные предприятия и государственные или муниципальные предприятия, а также предприятия, в имуществе которого вклад государства или местного Совета составляет более 50%. Исходя из этого разделения и устанавливался объем полномочий трудовых коллективов. Так, статья 32 указанного закона определяла понятие и полномочия трудового коллектива, а именно следующее.

1. Трудовой коллектив предприятия составляют все граждане, участвующие своим трудом в его деятельности на основе трудового договора.

2. Трудовой коллектив предприятия, независимо от его организационно-правовой формы:

- решает вопрос о необходимости заключения с администрацией коллективного договора, рассматривает и утверждает его проект;
- рассматривает и решает вопросы самоуправления трудового коллектива в соответствии с уставом предприятия;

¹ Закон СССР от 17.06.1983 года «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» статья 19.

² URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44513#FSULhVUMPYQvWu> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и Секретариата всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 08 февраля 1988 года № 68а/14–18а.

⁴ URL: <https://base.garant.ru/3961922/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/> (дата обращения: 06.12.2024).

- определяет перечень и порядок предоставления работникам предприятия социальных льгот из фондов трудового коллектива;
- определяет и регулирует формы и условия деятельности на предприятиях политических партий, религиозных и других общественных организаций.

Таким образом, в непосредственно в ведении трудовых коллективов остаются только вопросы социального характера, участия и действия на предприятиях различных общественных объединений, а вопросы организации самоуправления трудового коллектива ставятся уже в зависимости от Устава предприятия, который, как известно, разрабатывается и утверждается его собственником/собственниками.

При этом более расширенными правами были наделены предприятия, в имуществе которого вклад государства или местного Совета составляет более 50%. Помимо вышеуказанных возможностей они могли совместно с учредителем предприятия определять условия контракта при найме руководителя и принимать решение о выделении из состава предприятия одного или нескольких структурных подразделений для создания нового предприятия.

С распадом СССР и возникновением дикой, стихийной экономики роль трудовых коллективов необратимо снижалась. Несмотря на все прописанные в законодательстве права и гарантии, вся полнота хозяйской власти была отдана в руки собственникам предприятий, которые взаимодействовали с коллективом исключительно по своему усмотрению. Трудовой кодекс Российской Федерации, принятый в 30 декабря 2001 года уже не содержал ни понятия «трудовых коллективов», ни их полномочий, но при этом сохранял свое действие Закон СССР «О трудовых коллективах», которым еще некоторые коллективы пытались пользоваться в своих интересах. Но с принятием в 2006 году Федерального закона от 30 июня 2006 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, и признании не действующим на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», Закон СССР от 17 июля 1983 года «О трудовых коллективах» был признан утратившим силу и возможность самоуправления работников на предприятиях окончательно исчезла.

Заключение

Таким образом, система производственной демократии в виде самоуправления на предприятиях трудовыми коллективами и участия в управлении предприятия прошла в России длинный эволюционный путь, менялась в зависимости от политического и экономического строя в государстве, ее различные формы и наполнения были обусловлены рядом исторических и управленческих факторов

и претерпевали изменения, начиная от практически безраздельной власти рабочих в революционный и постреволюционный период до практически полного бесправия в военный и поствоенный период, а также время фактического возрождения и перерождения в период перестройки и угасания в начале зарождения рыночной экономики и ее развития.

Пройденный нашим государством опыт необходимо учитывать для строительства эффективных и гармоничных отношений между органами государственной и муниципальной властей, администрацией предприятий и трудовыми коллективами в настоящее время и на перспективу, ведь не смотря на то, что законодательно такая форма взаимоотношений работника и работодателя как трудовые коллективы не установлена, фактически трудовые коллективы продолжают существовать и их влияние на производственные и политические отношения в регионах их проживания нельзя не учитывать.

Литература

1. Бутаков П.В. Промышленная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. – 2013. – № 4. – С. 61–73.
2. Евдошенко И.В. Временное правительство и реформы трудовых отношений в России (февраль – октябрь 1917 г.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2006.- № 13. С. 67–73.
3. Киселев И.Я. Трудовое право России: учебник / И.Я. Киселев. – М., 2001. С. 142.
4. Кудрин. А.С. О правовом регулировании трудовых отношений в годы новой экономической политики // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 4. С. 204–213.
5. Кудрин. А.С. Об участии представителей работников в управлении организацией в России: исторический аспект // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – № 1. С. 104–111.
6. Куренной, А.М. Производственная демократия и трудовое право: монография / А.М. Куренной. – М.: Изд-во Московского университета, 1989. – 215 с.
7. Ленин В.И. Речь на 5 сессии ВЦИК 9 созыва 31 октября 1922 г. // Полн. Собрание сочинений.: в 55 т. М., 1964 Т. 45 С. 246.
8. Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале 20 века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861-февраль 1917 г.
9. Рудык, Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. Учебное пособие / Э.Н. Рудык. – М.: Букинист, 2002. 216 с.
10. Смирнов, О.В. Основные принципы советского трудового права: монография / О.В. Смирнов. – М.: Юридическая литература, 1977. 216 с.

11. Сталин И.В. К вопросам ленинизма. (Раздел 5. Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата) // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М. 1939ш. С. 118 и сл.
12. Хохлов, Е.Б. История правового регулирования хозяйства и труда в СССР: учебное пособие: в 3 т. Том 1. Хозяйство и труд в условиях становления социалистического общества. – М.: Проспект, 2023. – 738 с.
13. Хохлов, Е.Б. Экономические методы управления и трудовое право: монография / Е.Б. Хохлов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 208 с.

LEGAL MECHANISM OF EMPLOYEES' PARTICIPATION IN THE MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION. HISTORY OF EMERGENCE, FORMATION AND COMPLETE DISAPPEARANCE IN RUSSIA. 1917–2006 YEARS

Berezhetskaya O.S.

Academy of Labor and Social Relations

The article is devoted to the history of formation and development in Russia of a very remarkable and ambiguous in its essence legal mechanism of interaction between employees and employers on issues of production and enterprise management, which later became one of the basic principles of labor law of the Russian Federation – the principle of ensuring the right of employees to participate in the management of the organization. This mechanism is considered in this article in relation to different socio-political and economic systems of our state, in various forms and volumes of their existence from the moment of their inception to the moment of their complete legal disappearance in 2006. This article critically comprehends all available forms of this mechanism in Russia, shows the imperfections of the legislation of those years and aims to form a vision of the importance of the practical realization of this right with the obligatory consideration of those criticisms that have led and may lead to negative consequences in the sphere of state management of society, labor and labor collectives.

Keywords: public policy, management, committees, normative regulation, organization, principles, workers, right to participate, enter-

prise, law-making, revolution, market economy, councils, system, social partnership, labor collectives, management, factories.

References

1. Butakov P.V. Industrial policy of the USSR during the Great Patriotic War // Problem analysis and state management design: political science, economics, law. – 2013. – № 4. – С. 61–73.
2. Evdoshenko I.V. Provisional government and reforms of labor relations in Russia (February – October 1917) // Bulletin of SU-SU. Series: Law. – 2006.- № 13. С. 67–73.
3. Kiselev, I. Ya. Labor law of Russia: textbook / I. Ya. Kiselev. – М., 2001. С. 142.
4. Kudrin. A.S. On the legal regulation of labor relations in the years of new economic policy // Vestnik VSU. Series: Law. – 2017. – № 4. С. 204–213.
5. Kudrin. A.S. On the participation of employee representatives in the management of the organization in Russia: historical aspect // Vestnik VSU. Series: Law. – 2021. – № 1. С. 104–111.
6. Kurenoy, A.M. Production democracy and labor law: a monograph / A.M. Kurenoy. – Moscow: Moscow University Publishing House, 1989. – 215 с.
7. Lenin V.I. Speech at the 5th session of the VTsIK of the 9th convocation on October 31, 1922 // Full. Sobranie sobranie sobranie: in 55 vol. М., 1964. VOL. 45 P. 246.
8. Mikhailov N.V. Self-organization of labor collectives and psychology of Russian workers in the early 20th century // Workers and intelligentsia of Russia in the era of reforms and revolutions, 1861 – February 1917.
9. Rudyk, E.N. Production democracy: theory, practice, problems of formation in Russia. Study guide / E.N. Rudyk. – Moscow; Bookist, 2002. 216 с.
10. Smirnov, O.V. Basic principles of the Soviet labor law: a monograph / O.V. Smirnov. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1977. 216 с.
11. Stalin, I.V. To the questions of Leninism. (Section 5. Party and working class in the system of the dictatorship of the proletariat) // Questions of Leninism. 11th ed. М. 1939sh. С. 118 and sl.
12. Khokhlov, E.B. History of legal regulation of economy and labor in the USSR: textbook: in 3 vol. Volume 1. Economy and labor in the conditions of formation of socialist society. – Moscow: Prospect, 2023. – 738 с.
13. Khokhlov, E.B. Economic methods of management and labor law: a monograph / E.B. Khokhlov. – Л.: Leningrad University Publishing House, 1991. – 208 с.

Развитие правовой модели применения тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности

Богданов Максим Михайлович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
E-mail: urcom03@gmail.com

В статье проведено исследование процессов реализации мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности как фактор обеспечения экономической безопасности России. В статье проанализировано влияние мер тарифного и нетарифного регулирования на внешнеэкономическую деятельность и экономическую безопасность государств, а также выделены главные принципы их внедрения. Акцентируется внимание на гибкости системы государственного регулирования тарифных и нетарифных мер, которые изменяются в соответствии с ситуацией на отдельном рынке товаров, к которым они применяются, и учитывая состояние национальной экономики в данный момент, также международные обязательства страны. Важно обеспечивать повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации и ее позиций в мировом рейтинге ведения бизнеса благодаря созданию более благоприятных условий для международной торговли. Для дальнейшего совершенствования таможенной политики Российской Федерации и с целью оптимизации мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности как фактор обеспечения экономической безопасности России к таможенному законодательству и таможенным процедурам стран ШОС и БРИКС необходимо проводить ряд реформ, определяющих и реформирование таможенного дела. Реформирование таможенного тарифа является более щепетильной задачей и требует оценки влияния этих реформ на бюджетно-налоговую безопасность.

Ключевые слова: регулирование внешнеэкономической деятельности, тарифные меры, нетарифные меры, факторы, экономическая безопасность.

Введение

В последние годы в России произошло изменение вектора внешнеэкономической политики и возросли роль и значение азиатских интеграционных аспектов развития [1]. На сегодня особенно актуальным выступает исследование внешних и внутренних угроз экономической безопасности России, при этом весьма важным аспектом этого является идентификация опасностей и угроз в таможенной сфере [2]. Нуждается в совершенствовании таможенно-тарифное регулирование, которое является одной из приоритетных задач в направлении укрепления экономических отношений со странами Европы и мира в целом. Тарифные и нетарифные меры регулирования напрямую влияют на особенности экспорта-импорта товаров и соответственно эффективность отдельной внешнеторговой операции. Учитывая, что сокращение тарифной защиты является одним из условий вступления России в такие внешнеэкономические объединения, как Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), БРИКС и китайскую инициативу Экономический пояс Шёлкового пути, растет потребность в исследовании влияния таких изменений на бюджетную и внешнеэкономическую безопасность России [3]. Меняющаяся конкурентная среда, изменение общей ситуации в мировой и национальной экономике нуждается в дальнейшем исследовании данного вопроса.

Анализ последних исследований и публикаций. Весомый вклад в исследование таможенной составляющей экономической безопасности внесли Н.И. Химичева, И.Г. Бережнюк, Е.В. Покачалова, О.Ю. Бакаева, А.Г. Бидык, Н.И. Гавловская, М.А. Губа, О.И. Губа, Е.В. Додин, О.В. Комаров, В.П. Мартынюк, К.И. Новикова, Н.В. Осадчая, М.М. Левко, П.В. Пашка и другие. Исследованиями вопросов влияния мер тарифно-нетарифного регулирования и особенностей и принципов их применения в аспекте обеспечения экономической безопасности государств занимаются такие ученые как Ватагович М.И., Подра О.П., Петришин Н.Я., Ноджак Л.С. И другие. Однако, несмотря на значительное научное наследие специалистов в сфере таможенно-тарифного регулирования, все же нерешенными остаются вопросы, которые существенно влияют на экономическую безопасность государства и требуют научного обоснования путей их решения.

Целью статьи является исследование процессов реализации мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности

как фактор обеспечения экономической безопасности РФ.

Изложение основного материала исследования.

Регулировка внешнеэкономической деятельности торговли осуществляется, прежде всего, с помощью ряда экономических и технических мер государственного регулирования, которые делаются на две следующие группы:

- тарифные, базой применения которых является, прежде всего, Таможенный тариф России, а также дополнительно особыми и специальными видами пошлин, установленными Законами России [4];
- нетарифные, включающие лицензирование, тарифные квоты, субсидирование, ограничения по срокам расчетов с контрагентами по внешнеэкономическим контрактам и т.д.

Надо отметить, что тарифные методы регулирования по своему содержанию являются фактически экономическими методами, поскольку их действие напрямую связана с ситуацией на отдельном рынке товаров. Они направлены прежде всего на поддержку отечественного производителя товаров путем внедрения определенного механизма, который позволяет повысить стоимость импорта товара и, соответственно, снизить стоимость экспорта товара, следствием чего является прямое влияние на эффективность внешнеторговых операций и общая прибыль компаний государственного и частного секторов экономики.

Меры нетарифного регулирования имеют запретно-ограничительный характер, которые прямо или косвенно влияют на объем импорта определенных товаров и услуг, или вообще могут запрещать их ввоз в страну иностранных товаров или услуг на внутреннем рынке страны.

Как уже отмечалось выше, система таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности реализуется через совокупность взаимосвязанных элементов [5]:

- таможенный тариф, содержащий в себе ставки пошлины с указанием способа начисления;
- методы определения таможенной стоимости товаров, прежде всего импортированных, поскольку это прямо влияет на размер уплаты таможенных платежей;
- процедура подтверждения страны происхождения ввозимых в страну товаров, поскольку от этого зависит дальнейшее применения, как тарифных, так и нетарифных методов;
- тарифные преференции в соответствии к подписанным международным договорам по торговому сотрудничеству.

Отметим, что сам уровень установки и последующего применения определенных ставок пошлины зависит от целого ряда факторов [6]:

- разница в уровне цены на выбранный товар в определенной стране и мировой;
- уровень специализации страны в производстве определенных категорий товаров;
- состояние национальной экономики в настоящее время и необходимость поиска дополни-

тельных источников наполнения государственного бюджета;

- необходимость развития собственного производства и поддержки отечественного производителя.

Проследив тенденцию роста ставок пошлины, можно заметить прямую связь между кризисным состоянием в экономике и их повышением. Соответственно, в период стабилизации экономики таможенные тарифы постепенно снижаются.

Естественно, что основным элементом таможенного тарифа является пошлина, уплата которой является обязательным для импортеров или экспортеров. Если рассматривать экономическое содержание пошлины, то оно фактически относится к рыночным регуляторам внешнеторгового оборота, а с точки зрения экономической сущности является разницей между импортной ценой и внутренней ценой. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что пошлина выполняет как фискальную роль (наполнение бюджета страны), так и регулируемую роль. Фактически пошлина увеличивает цену импортного товара и, соответственно, снижает его конкурентоспособность по отношению к отечественным товарам по цене. Однако необходимо подчеркнуть, что политика государства в этом вопросе должна быть адаптирована к изменениям на рынке как страны, так и мировому. Пошлина, которая является основным элементом системы тарифного регулирования, имеет экономическое содержание, в то время как меры нетарифного регулирования направлены прежде всего на защиту отечественного товаропроизводителя и внутреннего рынка от товаров, не отвечающим определенным техническим и санитарным нормам.

Исследуя сущность государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в аспекте экономической безопасности, необходимо подчеркнуть, что данная система включает в себя набор средств тарифного и нетарифного регулирования, которые изменяются в соответствии с ситуацией на отдельном рынке товаров, к которым они применяются, и учитывая состояние национальной экономики на данный момент. Еще один важный аспект, касающийся применения мер тарифно-нетарифного регулирования – обязательства государства согласно подписанным международным договорам, поскольку независимо от насущных потребностей внутреннего рынка каждое обязательство по международным договорам должны обязательно выполняться [6].

Анализируя мировой опыт, отметим, что при осуществлении международной экономической деятельности и налаживании эффективного сотрудничества между странами-партнерами, причем не только в торговом аспекте, но и политическом, важно максимальное приведение требований к «единому знаменателю» и постепенная унификация таможенных правил, в том числе применение тарифно-нетарифных методов регулирования внешнеэкономической деятельности в аспекте экономической безопасности стран. Среди эконо-

мических союзов в области гармонизации таможенных процедур, таможенных правил и требований к экспортируемым или импортируемым товарам образцом сейчас является Европейский союз, которому присущий на данный момент наивысшая степень экономической интеграции, включая и выше указанные методы.

В современных условиях нетарифные ограничения являются одними из наиболее часто используемых средств ограничения доступа к внутренним рынкам и поддержке отечественного производителя, однако их использование должно быть тщательно взвешено и просчитано.

Мировой опыт свидетельствует о действенности и важной роли нетарифных мер регулирования внешнеэкономической деятельности, которые прямо часто связаны с определенными политическими мотивами. Относительно нетарифных мер регулирования к ним, кроме указанных в начале необходимо также отнести дискриминационные торговые соглашения. В современных условиях нетарифные ограничения являются одними из наиболее часто используемых средств ограничения доступа к внутренним рынкам и поддержке отечественного производителя, однако их использование должно быть тщательно взвешенным и просчитанным. К ним прежде относятся такие протекционистские меры, как правительственные субсидии, количественные ограничения (квотирование, лицензирование), необходимость выполнения определенных санитарных, фитосанитарных и технических норм, а также отдельные административные процедуры. Выше было указано о ведущей роли в данных процессах международных организаций, например Всемирная торговая организация активно выступает за уменьшение (в идеале – полное отличие) нетарифных мер, однако в настоящее время большинство все-таки активно их применяют, причем странами-лидерами в этом плане являются США, Япония. и страны Европейского Союза [7, 8]. То есть, страны с наиболее высоким уровнем развития экономики прежде всего применяют именно нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности, в то время как развивающиеся страны – в основном таможенное регулирование.

Отметим, что в применении мер нетарифного регулирования можно проследить определенную связь с развитыми странами, поскольку это преимущественно технические барьеры в торговле, а также санитарные и фитосанитарные мероприятия. Наблюдается также активное использование таких методов нетарифного регулирования в качестве антидемпинговых пошлин и количественных ограничений, однако часто эти меры преследуют помимо экономической цели также и политическую [8]. Однако подчеркнем, что, применяя определенные меры регулирования внешнеэкономической деятельности, как тарифные, так и нетарифные, необходимо помнить, что со стороны стран, к которым они применяются, скорее все будут аналогичны ответные меры, а следовательно, необходимо сравнить ожидаемый эффект от введения

ограничений с возможными потерями от действия подобных мер от стран-партнеров.

Вступление России в такие внешнеэкономические объединения, как Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), БРИКС и китайскую инициативу Экономический пояс Шёлкового пути предусматривает регулирование таких мер тарифного и нетарифного регулирования:

- образование свободного рынка товаров и услуг при полной отмене или максимального снижения ставки ввозной пошлины [9];
- «асимметричная» отмена ввозных пошлин в пользу Российской Федерации. В отличие от стран ШОС и БРИКС, российский рынок не так быстро открывает свои двери, поскольку только небольшая часть тарифных линий будет либерализована Россией в течение первого года. В основном переходный период для Российской Федерации составляет от трех до десяти лет, а, например, для автомобильного сектора – пятнадцать лет. В то же время, страны ШОС и БРИКС должны достичь полной либерализации тарифов в течение семи лет. Это позволит отечественным предприятиям постепенно адаптироваться к новым конкурентным условиям [8].

Страны ШОС и БРИКС и Российская Федерация согласились предоставить друг другу преференциальный режим торговли товарами [2, с. 20]. Это означает, что одна из сторон не может устанавливать на импорт или экспорт другой стороны более высокие таможенные налоги или сборы, чем те, которые она установила для любой другой страны. Стороны также не могут устанавливать более жесткие условия торговли или применять большее количество форм таможенного контроля, чем предусмотрено соответствующим соглашением. В то же время России предоставлено право временно вводить количественные ограничения на импорт для защиты особенно чувствительных отраслей экономики. Правда, этот механизм Россия не использует, но чаще всего, принимая протекционистские меры, прибегает к применению тарифных и налоговых механизмов [10].

Процессы обеспечения экономической безопасности России в рамках ШОС и БРИКС должны включать такие особенности использования тарифных и нетарифных мер – рис. 1.

Следует отметить, что сегодня процесс вхождения в экономику стран ШОС и БРИКС становится много ориентированным. Поэтому требует определения роли государства в регулировании ВЭД, в частности, с помощью таможенно-тарифных инструментов, поскольку применение рыночных инструментов и развитие свободной торговли является прерогативой адаптации экономик стран-участниц.

Рассмотрев опыт мировых кризисов, мы видим, что отвергнуть государственное вмешательство в развитие экономик невозможно, однако государственное регулирование должно перейти на новый уровень и приобрести не императивный, а декла-

ративный и дискреционный характер. Для дальнейшего совершенствования таможенной политики Российской Федерации и с целью оптимизации мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности как фактор обеспечения экономической безопасности России к таможенному законодательству и таможенным процедурам стран ШОС и БРИКС необходимо проводить ряд реформ, определяющих и реформирование таможенного дела [1, 5].

Рис. 1. Направления процессов обеспечения экономической безопасности России в рамках ШОС и БРИКС при использовании тарифных и нетарифных мер [10]

Разработка таких дорожных карт является стандартной практикой большинства стран ШОС и БРИКС, они являются одним из наиболее эффективных методов государственного регулирования разных сфер экономики. Дорожная карта интеграционных реформ в таможенной сфере была принята с целью реализации ряда шагов, способствующих дальнейшей евроинтеграции таможенной политики.

Важную роль в процессе реформирования играют международные программы и организации в сфере обеспечения таможенной безопасности, способствующие обмену информацией с целью развития институциональной способности, необходимой для адаптации национального законодательства, и государственному управлению институтами для их эффективной работы в рамках ШОС и БРИКС; усвоению масштабного правового наследия стран ШОС и БРИКС и сокращению переходного периода, экономическому и социальному сближению [5].

Выводы

Тарифные и нетарифные ограничения оказывают непосредственное влияние на объемы внешней торговли и, соответственно, условия осуществления

внешнеэкономической деятельности. Применение данных методов, как правило, происходит в комплексе и имеет цели выполнения нескольких функций, прежде всего защитной (в контексте защиты национальной товаропроизводителя и потребителя от некачественных товаров) и фискальной (как источник наполнения государственного бюджета). Однако, применение как тарифных, да и нетарифных мер должно происходить на основе всестороннего анализа ситуации как на внутреннем рынке, так и на внешнем, поскольку зеркальный ответ стран-партнеров может оказать более негативное влияние на экономику страны, чем ожидаемый эффект от введения вышеуказанных мер. Важно обеспечивать повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации и ее позиций в мировом рейтинге ведения бизнеса благодаря созданию более благоприятных условий для международной торговли. Для дальнейшего совершенствования таможенной политики Российской Федерации и с целью оптимизации мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности как фактор обеспечения экономической безопасности России к таможенному законодательству и таможенным процедурам стран ШОС и БРИКС необходимо проводить ряд реформ, определяющих и реформирование таможенного дела.

Литература

1. Жебрик Э.Л. Обеспечение экономической безопасности таможенными органами Российской Федерации в контексте управления рисками // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 2 (359). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-tamozhennymi-organami-rossiyskoy-federatsii-v-kontekste-upravleniya-riskami> (дата обращения: 09.08.2024).
2. Химичева Н.И. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 800 с.
3. Аксенов Р.В., Полежаева Н.В. Таможенно-тарифное регулирование и обеспечение экономической безопасности РФ // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhenno-tarifnoe-regulirovanie-i-obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rf> (дата обращения: 09.08.2024).
4. Паньков В. Экономическая безопасность: новые аспекты проблемы // Внешняя торговля. 1992. № 6. С. 26.
5. Бакаева О.Ю. Таможенное право: учебное пособие / О.Ю. Бакаева, Н.Н. Лайченкова. – Москва: Юридическое издательство Норма, 2019. – 592 с.
6. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. // Вопросы экономики. 1994. №12. С. 5.

7. Солодухина О.И. Методы таможенного регулирования в системе обеспечения экономической безопасности // Финансовые рынки и банки. 2023. № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-tamozhennogo-regulirovaniya-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 09.08.2024).
8. Яшин Г.М. Методы государственного управления обеспечением экономической безопасности региона на основе противодействия теневой экономике. Автореф. дис. канд. экон. наук. – СПб, 2004. – С. 52.
9. Климонова А.Н. Основные подходы к исследованию понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность государства» / А.Н. Климонова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. No 8. С. 54.
10. Васильев Р.И. Использование системы управления рисками в механизме контроля таможенной стоимости // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 3. С. 77–8.

DEVELOPMENT OF A LEGAL MODEL FOR THE APPLICATION OF TARIFF AND NON-TARIFF REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Bogdanov M.M.

Saratov State Law Academy

The article studies the processes of implementing tariff and non-tariff regulation of foreign economic activity as a factor in ensuring economic security of Russia. The article analyzes the impact of tariff and non-tariff regulation measures on foreign economic activity and economic security of states, and highlights the main principles of their implementation. Attention is focused on the flexibility of the system of state regulation of tariff and non-tariff measures, which change in accordance with the situation in a separate market of goods to which they are applied, and taking into account the state of the national economy at the moment, as well as the international obligations of the country. It is important to ensure an increase in the competitiveness of the Russian economy and its position in the world ranking of doing business by creating more favorable conditions for international trade. For further improvement of the customs policy of the Russian Federation and in order to optimize tariff and non-tariff regulation of foreign economic activity as a factor in ensur-

ing Russia's economic security, it is necessary to carry out a number of reforms that determine and reform customs affairs to the customs legislation and customs procedures of the SCO and BRICS countries. Reforming the customs tariff is a more sensitive task and requires an assessment of the impact of these reforms on budget and tax security.

Keywords: regulation of foreign economic activity, tariff measures, non-tariff measures, factors, economic security.

References

1. Zhebrik E.L. Ensuring economic security by customs authorities of the Russian Federation in the context of risk management // National interests: priorities and security. 2018. No. 2 (359). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-tamozhennymi-organami-rossiyskoy-federatsii-v-kontekste-upravleniya-riskami> (date of access: 08/09/2024).
2. Khimicheva N.I. Financial law: textbook / rep. ed. N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. – 6th ed., revised. and additional – M.: Norma: INFRA-M, 2019. – 800 p.
3. Aksenov R.V., Polezhaeva N.V. Customs tariff regulation and ensuring economic security of the Russian Federation // Current problems of aviation and astronautics. 2022. No. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhenno-tarifnoe-regulirovanie-i-obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rf> (date of access: 08/09/2024).
4. Pankov V. Economic security: new aspects of the problem // Foreign trade. 1992. No. 6. P. 26.
5. Bakaeva O. Yu. Customs law: textbook / O. Yu. Bakaeva, N.N. Laichenkova. – Moscow: Legal Publishing House Norma LLC, 2019. – 592 p.
6. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. // Economic Issues. 1994. No12. S. 5.
7. Solodukhina O.I. Methods of customs regulation in the system of ensuring economic security // Financial markets and banks. 2023. No. 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-tamozhennogo-regulirovaniya-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (access date: 08/09/2024).
8. Yashin G.M. Methods of state management to ensure the economic security of the region based on countering the shadow economy. Author's abstract. dis. Ph.D. econ. sciences. – St. Petersburg, 2004 – P. 52.
9. Klimonova A.N. Basic approaches to the study of the concepts of "economic security" and "economic security of the state" / A.N. Klimonova // Socio-economic phenomena and processes. 2014. T. 9. No. 8. P. 54.
10. Vasiliev R.I. Using a risk management system in the customs value control mechanism // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2012. No. 3. P. 77–8.

Проблема закрытого перечня имущества, которое может быть обращено в доход государства в рамках противодействия коррупции

Брослав Александр Анатольевич,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: a.broslav@yandex.ru

В статье исследуются проблемы правоприменения норм Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в контексте обращения взыскания на имущество публичных служащих. Особое внимание уделено анализу регулирования закрытого перечня объектов имущества, установленного законодательством, и его расширительной интерпретации в судебной практике. Рассмотрены примеры противоречивых судебных решений, включая позиции судов общей юрисдикции, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Подчеркивается необходимость законодательного вмешательства для устранения существующих противоречий.

Ключевые слова: коррупция, обращение в доход государства, контроль за расходами, антикоррупционное законодательство, перечень имущества.

В современных условиях обеспечение прозрачности имущественного положения публичных служащих для государства является важной задачей развития антикоррупционного законодательства. Одной из значимых проблем в этой сфере является определение имущества, в отношении которого осуществляется контроль. Законодатель четко обозначил перечень таких объектов – это земельные участки, недвижимость, транспортные средства, ценные бумаги, доли участия в капиталах организаций, а также цифровые активы. Однако ограниченность данного списка приводит к тому, что правоприменители, во имя благой цели – противодействия коррупции, расширяют обозначенные рамки, что порождает правовую неопределенность, и ставит законность такой практики под вопрос.

Исследуя противоречивость судебной практики, теоретики давно задаются вопросом о возможности обращения взыскания на предметы роскоши¹, которые не могут быть приобретены на законные доходы государственного служащего.

Так, к примеру, по иску, поданному заместителем Генерального прокурора Российской Федерации, обращено взыскание на имущество губернатора Сахалинской области, его сына и супруги, которое составили:

- четыре квартиры;
- шесть машино-мест;
- жилой дом;
- нежилое помещение;
- четыре земельных участка;
- 6 автомобилей;
- денежные средства в иностранной валюте, денежные средства в российских рублях;
- ювелирные изделия и ценности на общую сумму <данные изъяты>;
- дорогие часы².

В отношении полковника Министерства Внутренних дел Дмитрия Захарченко и его семьи в доход государства было обращено: «374 909 230 рублей, 140 678 501,5 долларов США, 2076 220 евро, слиток из золота весом 500 гр., 12 квартир, 15 нежилых помещений в виде машиномест, 4 автомобиля»³.

¹ Смотреть, например: Марасов Ю.Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции // Российский судья. 2018. № 4. С. 22–26.

² Решение Южно-Сахалинского городского суда № 2–328/2016 2–328/2016(2–7393/2015;)-М-5912/2015 2–7393/2015 М-5912/2015 от 20 мая 2016 г. по делу № 2–328/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RVqAHJcmUerb/> (дата обращения: 17.10.2023).

³ Решение Никулинского суда об обращении в доход государства имущества Д. Захарченко от 22.03.2018 [Элек-

В квартире заместителя председателя Ростовского областного суда Юровой Т.В., при обыске изъяли 200 млн рублей, одежду ведущих брендов, парфюмерию, украшения и аксессуары знаменитого дома Gucci, Louis vuitton, золотые украшения, швейцарские часы фирмы Longines¹.

В иных делах у государственных служащих изъяли и обратили в доход государства деле в отношении государственного служащего, в доход государства было обращено коллекционные ружья, пистолет, 500 миллионов рублей наличных, коллекция швейцарских часов, среди которых имеется и фирмы Breguet, стоимость которых свыше 5 миллионов рублей².

Таким образом, суды вопреки позиции законодателя, суды переходят к расширительному толкованию данной нормы, что допускает Конституционный Суд Российской Федерации, отметивший, что по решению суда возможно обращение взыскания в доход государства любого имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, ввиду того, что данная мера является особой в случае нарушения антикоррупционного законодательства³.

Закрытый перечень объектов имущества, принадлежащего государственному служащему, на который распространяется обращение взыскания, и его практическое расширение при реализации судом, не единственная проблема. Представленная ранее схема об иных ходатайствах, которые заявляет прокурор совместно с исковыми требованиями об обращении взыскания могут быть не реализованы в силу того, что имущество является предметом залога у кредитной организации.

Примечательно, что у судов, при рассмотрении подобных дел, отсутствует единая позиция, что в свою очередь, может стать причиной нарушения прав.

Так, например по одному из дел, автомобиль государственного служащего находился в залоге у кредитной организации, в связи с чем последняя в судебной инстанции ссылалась на нарушение своих прав, вызванных обращением взыска-

ния на спорный автомобиль взыскания в бюджет государства.

В свою очередь суд подчеркнул приоритет норм Федерального закона № 230-ФЗ перед нормами гражданского законодательства о залоге, указав, что кредитная организация вправе потребовать досрочного исполнения, обеспеченного залогом обязательства, в связи с утратой собственности предмета залога у залогодателя, либо его замены⁴.

В противовес данному решению Свердловский областной суд отметил приоритет договора ипотечного кредитования, перед нормами законодательства об обращении взыскания на имущество государственных служащих⁵.

Противоречивость судебной практики относительно объектов, подлежащих обращению взыскания в доход Российской Федерации, дополняет и неясность позиции Верховного Суда Российской Федерации. Так, например, по делу Азизян Ю.С. и его семьи об обращении в доход государства объектов недвижимого имущества в размере 2/3 доли в праве на квартиру от застройщика, площадью 118 м², 1/3 доли в праве на эту же квартиру, принадлежащую его супруги. Азизян Ю.С также принадлежат два машино-места и доля в праве собственности на помещение («кладовую»)⁶.

Именно так Верховный Суд Российской Федерации затребовал расписать имущество государственного служащего и аргументировать, почему обращению в доход государства подлежит именно квартира, а не кладовая или машино-место, возвращая дело на новое рассмотрение, несмотря на то, что изначально первая и апелляционная инстанция удовлетворили требования прокурора.

Подводя итог анализу судебной практики по данной проблеме, следует отметить ее разрозненность и неоднозначность, так, если суды общей юрисдикции в большинстве случаев удовлетворяют требования прокуроров о взыскании имущества, не представленного в ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ, мотивируя свои решения ссылками на нормы Федерального закона № 230-ФЗ и пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, устанавливая их абсолютный приоритет, что одобряет Конституционный Суд Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, требует от нижестоящих судебных органов конкретики обращения взыскания на тот или иной предмет имущества государственного служащего. Полагаем, что данное противоречие невозможно устранить только лишь

тронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/reshenie-nikulinskogo-suda-ob-obrashhenii-v-dohod-gosudarstva-imushhestva-d-zaharchenko-ostavleno-v-sile> (дата обращения: 17.10.2023).

¹ «Дело судей»: в Москве арестованы экс-председатель Ростовского облсуда Золоторева и её зам [Электронный ресурс] // URL: <https://bk55.ru/news/article/220618/> (дата обращения: 18.10.2023).

² Смотреть, например: Решение Гагаринского суда города Москвы от 17.12.2021// «СПС Консультант Плюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf>(дата обращения:20.09.2023).

⁴ Решение Южно-Сахалинского городского суда № 2–3831/2016 2–3831/2016–М-3760/2016 М-3760/2016 от 12 декабря 2016 г. по делу № 2–3831/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dZgnBzBI8ELy/> (дата обращения: 17.10.2023).

⁵ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.01.2017 по делу № 33–31/2017 // «СПС Консультант Плюс».

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 78-КГ22–12-К3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12072022-n-78-kg22-12-k3/?ysclid=l8e1aemt467128488>(дата обращения:20.10.2023).

соответствующими разъяснениями Высших судов и ситуация требует четкого законодательного вмешательства, посредством установления в 17 Федерального закона № 230-ФЗ открытого перечня видов имущества.

Анализ практики применения данного института позволяет заключить, что за более чем двенадцатилетнее существование института обращения взыскания имущества должностных лиц, он вполне себя оправдывает. В связи с осуществлением коррупционной деятельности государственными служащими и выполнением своей профессиональной деятельности сотрудниками прокуратуры, практически ежегодно в государственный бюджет поступают десятки миллиардов рублей. Стоит отметить, что изначально работа данного института не была заметна, однако, многочисленные законодательные поправки исправили положение, чему подтверждением является приводимая Генеральной Прокуратурой РФ статистика. И, тем не менее, повышению эффективности данного института препятствуют существующие многочисленные проблемы, вызванные законодательными недоработками.

Приведенный анализ судебной практики демонстрирует, что при всей эффективности деятельности прокуратуры, предоставляющей в судебные органы требуемые материалы, для обращения в доход государства имущества государственных служащих, происхождение которого последние не могут обосновать, большинство дел «разваливается» в суде, в силу отсутствия единых позиций и соответствующих законодательных положений.

Иную проблему составляет перечень объектов контроля, на которые может быть обращено взыскание. Закрытый перечень объектов на практике приводит к тому, что правоприменитель в большинстве случаев удовлетворяет требования прокуроров о взыскании имущества, не представленного в ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ, мотивируя свои решения ссылками на нормы Федерального закона № 230-ФЗ и пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, устанавливая их абсолютный приоритет, что одобряет Конституционный Суд Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, требует от нижестоящих судебных органов конкретики обращения взыскания на тот или иной предмет имущества государственного служащего.

Полагаем, что данное противоречие невозможно устранить только лишь соответствующими разъяснениями Высших судов и ситуация требует четкого законодательного вмешательства, посредством установления в ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ открытого перечня видов имущества.

Литература

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.01.2017 по делу № 33-31/2017 // «СПС Консультант Плюс».

2. «Дело судей»: в Москве арестованы экс-председатель Ростовского облсуда Золоторева и её зам [Электронный ресурс] // URL: <https://bk55.ru/news/article/220618/> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Марасов Ю.Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции // Российский судья. 2018. № 4. С. 22–26
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 78-КГ22-12-К3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12072022-n-78-kg22-12-k3/?ysclid=18e1aemt467128488>(дата обращения:20.10.2023).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf>(дата обращения:20.09.2023).
6. Решение Гагаринского суда города Москвы от 17.12.2021// «СПС Консультант Плюс».
7. Решение Никулинского суда об обращении в доход государства имущества Д. Захарченко от 22.03.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/reshenie-nikulinskogo-suda-ob-obrashhenii-v-dohod-gosudarstva-imushhestva-d-zaharchenko-ostavleno-v-sile> (дата обращения: 17.10.2023).
8. Решение Южно-Сахалинского городского суда № 2–328/2016 2–328/2016(2–7393/2015;)~М-5912/2015 2–7393/2015 М-5912/2015 от 20 мая 2016 г. по делу № 2–328/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RVqAHJcmUerb/> (дата обращения: 17.10.2023)
9. Решение Южно-Сахалинского городского суда № 2–3831/2016 2–3831/2016~М-3760/2016 М-3760/2016 от 12 декабря 2016 г. по делу № 2–3831/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dZgnBzBI8ELy/> (дата обращения: 17.10.2023).
10. Федеральный закон № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц их доходам» от 03 декабря 2012 года // Собрание законодательства РФ. 10.12.2012. № 50 (часть IV). Ст. 6953.

THE ISSUE OF A CLOSED LIST OF ASSETS THAT CAN BE SEIZED IN FAVOR OF THE STATE UNDER FEDERAL LAW NO. 230

Broslov A.A.

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article studies the problems of law enforcement of the norms of the Federal Law of 03.12.2012 № 230-FZ “On control over the compliance of expenditures of persons holding public office and other persons with their income” in the context of foreclosure on the property of public servants. Special attention is paid to the analysis of regulation of the closed list of property objects established by the legislation and its expansive interpretation in judicial practice. Examples of contradictory court decisions are considered, including the positions of courts of general jurisdiction, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The need for legislative intervention to eliminate existing contradictions is emphasized.

Keywords: corruption, recourse to the state, expenditure control, anti-corruption legislation, property list.

References

1. Appellate ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 09.01.2017 in case No. 33–31/2017 // “SPS Consultant Plus”.
2. “The case of the judges”: former chairperson of the Rostov Regional Court Zolotareva and her deputy were arrested in Moscow [Electronic resource] // URL: <https://bk55.ru/news/article/220618/> (date of access: 18.10.2023).
3. Marasov Yu.G. Control over the expenses of individual officials as one of the main measures to prevent corruption // Russian judge. 2018. No. 4. P. 22–26
4. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 12, 2022 No. 78-KG22–12-K3 [Electronic resource] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12072022-n-78-kg22-12-k3/?ysclid=l8e1aemt467128488>(date of access: 10/20/2023).
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 2, 2019 “on the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Dmitry Viktorovich Zakharchenko and Marina Aleksandrovna Semynina regarding the violation of their constitutional rights and the constitutional rights of their minor daughter by the provisions of the federal laws “On control over the compliance of expenses of persons holding government positions and other persons with their income”, “On combating corruption” and “On the state civil service of the Russian Federation” [Electronic resource] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf> (date accessed: 09/20/2023).
6. Decision of the Gagarinsky Court of the City of Moscow of December 17, 2021 // “SPS Consultant Plus”.
7. Decision of the Nikulinsky Court on the transfer of D. Zakharchenko’s property to the state budget dated March 22, 2018 [Electronic resource] // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/reshenie-nikulinskogo-suda-ob-obrashhenii-v-dohod-gosudarstva-imushhestva-d-zaharchenko-ostavleno-v-sile> (date accessed: October 17, 2023).
8. Decision of the Yuzhno-Sakhalinsk City Court No. 2–328/2016 2–328/2016(2–7393/2015;)-M-5912/2015 2–7393/2015 M-5912/2015 dated May 20, 2016 in case No. 2–328/2016 [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RVqAHJcmUerb/> (date of access: 17.10.2023)
9. Decision of the Yuzhno-Sakhalinsk City Court No. 2–3831/2016 2–3831/2016~M-3760/2016 M-3760/2016 dated December 12, 2016 in case No. 2–3831/2016 [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dZgnBzBI8ELy/> (date of access: 10/17/2023).
10. Federal Law No. 230-FZ “On Control over Compliance of Expenses of Persons Holding Government Positions and Other Persons with Their Income” dated December 3, 2012 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12/10/2012. No. 50 (Part IV). Art. 6953.

Практика правового регулирования этнополитических отношений: к вопросу оптимизации этнополитики государства

Валиев Рафаиль Газизуллович,

д.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: raf.val.111@yandex.ru

Гилязетдинов Марат Рамилевич,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН
E-mail: giliazetdinovmarat@ya.ru

Статья посвящена правовой актуализации идеи социальной солидарности как принципа интернациональной этнополитики государства в условиях этнополитических конфликтов. Методологическую основу исследования составили методы наблюдения, сравнения, а также метод выборки и анализа данных отдельных практик правового регулирования этнополитических отношений, в порядке использования которых выявлены закономерности и противоречия конфликтогенного потенциала этнонационализма в этнополитике государства, которые целесообразно учитывать при преодолении этнополитического конфликта. В контексте экскурс-анализа основных тенденций практики правового регулирования этнополитических отношений рассмотрена природа этнополитических конфликтов, сопряженных с этнополитикой государства, в том числе этнополитикой соседствующих государств, граничащей с территориальными аспектами их развития. Авторами постулируется двойственное (негативное и позитивное) значение интернационализации – как процесса выхода этнополитического и межэтнического конфликта на международный уровень и как исторически апробированного этнополитической практикой цивилизационного способа преодоления этнополитического конфликта и кризисных состояний в динамике развития межэтнических и этнополитических отношений. Исходя из значимости консенсусных условий развития для достижения единства и сплоченности полиэтничного общества в преодолении этнополитического конфликта, актуализируется идея социальной солидарности как гуманитарной ценности и фактора межэтнического и этнополитического единства. По мнению авторов, интернациональная государственная этнополитика позволяет консолидировать этнические и общенациональные интересы, в силу чего имеет значение потенциала гармонизации и стабилизации правового регулирования межэтнических и этнополитических отношений.

Ключевые слова: полиэтничное общество, этнополитика, этнополитические отношения, этнополитический конфликт, правовое регулирование, социальная солидарность, интернационализм, интернационализация.

Введение

Сложная конфигурация полиэтничного общества, основанная на многообразии этнокультурной дифференцированности, значительно усложняет развитие не только межэтнического взаимодействия, но и собственно этнополитических отношений, которые зависят от этнополитики государства. Опыт государственной этнополитики в условиях полиэтничного и, в особенности, поликонфессионального общества требует просвещенного, выверенного подхода к анализу ее основных тенденций. В силу нормативно-правовых оснований этот опыт обретает статус практики правового регулирования этнополитических отношений [1, 54–56]. Практика правового регулирования этнополитических отношений государств с полиэтничной структурой общества характеризуется определенными противоречиями, представляющими угрозу стабильности как межэтническим, так и этнополитическим отношениям.

В мировой этнополитической практике есть два противоположных пути правового регулирования межэтнических отношений – позитивный и негативный. Первый путь находит выражение в правовом регулировании защищенности этнических прав, в том числе прав национальных меньшинств или малочисленных народов, на уровне гражданских прав. Наряду с декларированием этнических прав, нормативные правовые акты, запрещающие этническую, расовую и прочую дискриминацию. Так, на международном уровне показательными акты Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью – общеполитические рекомендации¹. На национально-государственном уровне показательна этнополитическая практика Российской Федерации, в которой защита от дискриминации, религиозного радикализма, экстремизма и противодействие межэтническим конфликтам основывается на правовом запрете соответствующих дискриминационных действий, включая уголовно-правовой запрет действий, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, наци-

¹ См., например, рекомендации: № 1 о борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью от 04.10.1996; № 3 о борьбе с расизмом и нетерпимостью в отношении рома/цыган от 06.05.1998; № 5 о борьбе с нетерпимостью и дискриминацией в отношении мусульман от 06.05.2000; № 7 о национальном законодательстве по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией от 13.12.2002; № 9 о борьбе с антисемитизмом от 25.06.2004; № 13 о борьбе с антицыганскими настроениями и дискриминацией в отношении рома/цыган от 24.06.2011; № 16 о защите нерегулярных мигрантов от дискриминации от 16.03.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/recommendation-no.1> (дата обращения: 15.02.2022).

ональной или религиозной ненависти или вражды¹. Другой путь характеризуется дискриминационным правовым регулированием этнических прав национальных меньшинств или малочисленных народов, что порождает перманентный кризис в этнополитических отношениях, актуализирующий проблему оптимизации этнополитики государства. Именно этот путь характеризующийся дискриминационной этнополитикой государства, составляет предмет нашего исследования.

В полиэтничествах государствам противостоят не только внешние, но и внутренние угрозы. Так, весьма распространённой угрозой сепаратизма для целостности отдельных западноевропейских государств явились референдумы о независимости их территориальных автономий. Референдум о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года сохранил её прежнее положение в составе Великобритании. Референдум о независимости Каталонии 1 октября 2017 года, признан незаконным, а его организаторы объявлены сепаратистами. Одним из новейших вызовов для этнополитики государств выступает проблема миграции. Усиление миграционных процессов, нередко сопровождается противоправными действиями мигрантов, демонстрирующими пренебрежение к культурным основаниям коренного населения. Так, игнорирование вековых традиций народов России при очевидном этническом эгоизме молодого поколения мигрантов порождает националистические чувства у коренных жителей страны. Возникает замкнутый круг, характеризующийся известной закономерностью: этнический эгоизм одних порождает этнический национализм других, порождающий межэтнический конфликт.

Межэтнический конфликт является наиболее драматичной по своим последствиям угрозой стабильности общественного развития, национальной и региональной безопасности. Природа межэтнических конфликтов, как впрочем и конфликтогенная природа полиэтничества общества, весьма многогранна. На наш взгляд, конфликтогенная природа полиэтничества общества потенциально «обусловлена его этнокультурной фрагментацией, которой характерны противоречия, обусловленные противоположностями языковой, этнокультурной и религиозной идентичности» [2, 117]. Рост самосознания этносов и усиление этнической идентичности в условиях поляризации полиэтничества общества закономерно обуславливают те или иные формы проявлений позитивного или негативного этнонационализма. Вместе с тем природа межэтнических конфликтов в значительной степени тесно взаимосвязана с этнополитикой. В этом аспекте характер складывающихся в обществе межэтнических отношений является показателем этнополитического взаимодействия. Стабильность межэтни-

ческих, равно как и этнополитических отношений во многом зависит от характера проводимой государством этнополитики, в том числе этнополитики соседствующих государств, граничащей с территориальными аспектами их развития.

Мы разделяем конструктивистский подход к природе этнополитического конфликта, что сама по себе этничность его не порождает. Вместе с тем следует согласиться, что этнополитический конфликт является результатом рациональной деятельности актора, одной из негативных издержек которой выступают крайние формы этнического эгоцентризма. Хорошо известно, что недочеты или просчеты в этнополитике государства обуславливают кризисные явления в этнополитических отношениях. Так, например, этнополитическая практика свидетельствует, что одним из судьбоносных факторов развития полиэтничества выступает языковая проблема. Неадекватная этнополитика в этом вопросе усложняет этнополитическую ситуацию как в развитии межэтнических, так и этнополитических отношений, которые в переходные периоды развития приводят к общесоциальной напряжённости. Вопрос о природе этнополитического конфликта имеет судьбоносный характер для полиэтничества общества и государства, поскольку, будучи одной из детерминант усиления межэтнических конфликтов, этнополитический конфликт детерминирует развитие центробежных тенденций, чреватых угрозой национальной безопасности.

Одним из факторов детерминации кризисных состояний в этнополитических отношениях является дискриминационный характер этнополитики. Возникновение и эскалация этнополитических конфликтов решающим образом обусловлены действиями элит, которые мобилизуют этничность и используют ее для реализации собственных целей. Так, например, существенным фактором дестабилизации в развитии этнополитического общества выступает национал-экстремизм политических элит. Там, где в этнополитике допускаются проявления социокультурной дискриминации, там неизбежно возникает ответная реакция в виде роста этнонационализма с теми или иными формами его крайних проявлений, умаляющих социокультурные основания развития этносов.

Характер локальных конфликтов в странах Азии, Ближнего Востока и Европы позволяет полагать, что их природа predeterminedена проблемами этнополитики, сопряженной с проявлениями крайних форм этнического национализма (этнонационализма). Такая практика в равной мере характерна и для этнополитики соседствующих государств, в силу которой «местные этнические конфликты интернационализируются, распространяются в региональном пространстве, выходят за пределы государства и создают угрозу международной безопасности» [3,78]. Крайние формы этнического национализма в этнополитике выступают катализатором процесса негативной интернационализации этнополитического конфликта – выхода этнополи-

¹ См., например: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. № 138–139. 30.07.2002; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 9.11.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

тического и межэтнического конфликта на международном уровне. На таком уровне развития, как представляется, находится практика многих соседствующих государств Евразийского пространства.

Опыт этнополитического кризиса в ряде государств Евразии со всей очевидностью демонстрирует отсутствие компромиссов в этнополитике соседствующих государств, что порождает этнополитический кризис, сопряженный с территориальными претензиями соседствующих государств. Такова, например, практика таких соседствующих государств, как Великобритания и Ирландия, Израиль и Палестина, КНДР и Республика Корея, Албания и Сербия, Армения и Азербайджан, Абхазия и Грузия, Грузия и Южная Осетия. Обозначенная проблемная ситуация со всей очевидностью свидетельствует, что решение проблемы преодоления этнополитических конфликтов требует изучения динамики современной практики правового регулирования этнополитических отношений на предмет выявления ее основных тенденций и закономерностей.

Основные тенденции и закономерности практики правового регулирования этнополитических отношений

В условиях объективной невозможности унифицировать этносы их мирное сосуществование как акторов этнокультурного многообразия в немалой степени зависит от принципов этнополитики государства: способствуют ли они гармоничному развитию межэтнических и, соответственно, этнополитических отношений или выступают конфликтогенным фактором развития полиэтнического общества. Представляется, что эта вариативность в немалой степени зависит от принципов этнополитики государства, лежащих в основе практики правового регулирования этнополитических отношений. Так, например, весьма показательной в этом отношении выступает практика правового регулирования этнополитических отношений в Испании, где коренное население представлено такими этническими группами, как испанцы, баски, каталонцы и галисийцы.

Основным нормативным актом, регулирующим вопросы этнополитических отношений в Испании, является ее Конституция, принятая 27 декабря 1978 года. Согласно статье 2 Конституции Испании, признается и гарантируется автономия национальностей и районов, ее составляющих и солидарность между всеми ними. Конституция в рамках автономии отдельных территориальных образований закрепила их право на использование своего языка, а также иные гарантии культурного и традиционного бытия. Вместе с тем вопросы национальной идентичности отдельных народностей Испании так и не были решены. Как отметил американский политолог Х.Х. Линц, «Испания – это государство для всех испанцев, национальное государство для значительной части населения и только государство, но не нация – для влиятельных меньшинств» [4, 99]. И такими меньшинствами выступают, в том

числе, каталонцы. «Каталония, как национальность, осуществляет свое самоуправление, созданное как автономное сообщество в соответствии с Конституцией и настоящим Уставом, который является ее основной институциональной нормой»¹. На референдуме, проведенном властями Каталонии 1 октября 2017 года из 2,2 миллиона жителей Каталонии 90% проголосовали за независимость от Испании². Таким образом, практика правового регулирования этнополитических отношений в Испанском королевстве характеризуется центробежной тенденцией. Это, на наш взгляд, обусловлено недостаточным учетом исторической идентичности этнических общностей и должным оформлением их социокультурных прав на уровне автономии. Возможно, Испании следовало бы перенять Российский опыт и закрепить в Основном законе государства понятие «многонациональный испанский народ», как основную составляющую интернационализации этнополитических отношений.

Интересной представляется практика правового регулирования этнополитических отношений в Бразилии, где проживают различные группы этнических меньшинств. В государстве на конституционном уровне были закреплены различные правовые нормы, устанавливающие правила межэтнического социокультурного проживания. Так, параграф 1 статьи 215 Конституции Бразилии закрепляет, что государство должно и обязано защищать любые проявления народной, индейской и афро-бразильской культуры, а также культур других групп, участвующих в национальном цивилизационном процессе³.

Уникальным для этнополитической ситуации в Бразилии является тот факт, что многие этнические меньшинства проживают в своем определенном ареале обитания и являются неконтактными. В связи с чем глава VIII Основного закона полностью посвящена коренным малочисленным индейским народам и закрепляет за ними и ареалом их обитания особый правовой статус. Согласно закону, земли, которые традиционно занимают индейские племена и на которых они живут на постоянной основе считаются их традиционными. Сами индейцы имеют исключительное право на пользование землями, реками и озерами для ведения своего хозяйства. Параграф 5 статьи 132 Конституции Бразилии прямо запрещает выселение коренных народов с их земель, за исключением случаев, таких как катастрофа или эпидемия, представляющие опасность для населения или в интересах суверенитета страны. При этом гарантируется, что

¹ Ley Orgánica 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-13087> (дата обращения: 17.04.2024).

² За независимость проголосовали 38% каталонцев. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dailystorm.ru/news/nezavisimost-progolosovali-38-kataloncev> (дата обращения 17.04.2024)

³ Constitution of the Federative Republic of Brazil. – URL: <https://www2.camara.leg.br/english/the-brazilian-parliament> (дата обращения: 28.04.2024).

при любых обстоятельствах возвращение будет немедленным, как только исчезнут указанные выше обстоятельства¹. Отметим, что подобный опыт в чем-то схож с правовым регулированием обитания коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, где также существует особый правовой статус племен и правовой режим территории их обитания. Вместе с тем нельзя не отметить дискриминационность этнополитики Бразилии: при сохранении расового и этнического неравенства ее характеризует репрессивная языковая проблема, обусловленная стремлением ассимиляции автохтонных индейских этносов на основе замещения их языка португальским языком.

Неоднозначной является этнополитическая практика Австрии, в которой права этнических групп включают в себя возможность использования родного языка в качестве официального в государственных учреждениях, которые базируются на их территории проживания. Существуют специальные положения в области получения школьного образования на родном языке, а также система двуязычных или многоязычных топографических знаков в области дислокации немемецких народностей. Однако эти и другие права распространяются только на национальные меньшинства, которые признаны этническими группами и имеют австрийское гражданство. Часть 2 параграфа 1 Федерального закона о правовом положении народностей в Австрии от 07 июля 1976 года к этническим группам относит австрийских граждан, проживающих в различных землях государства, для которых немецкий язык не является родным. Свое действие закон распространяет только на шесть автохтонных этнических групп: хорватскую, чешскую, венгерскую, словенскую, словацкую и цыганскую. Остальные же австрийские граждане других национальностей не могут претендовать на них, несмотря на то что проживают на территории Австрийского государства. Это, по мнению, Ф. Хафиза, говорит об Австрии, как стране с ограничительными законами о гражданстве, и довольно однородной идеей австрийской идентичности [5].

Особые условия правового регулирования этнополитических отношений сложились в Швейцарии. Опыт политики мультикультурализма в Швейцарии, сопровождавшийся формированием единой нации на основе Швейцарского гражданства и состоящей из разных этнических и языковых групп, является достаточно позитивным. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в Швейцарии наблюдаются процессы конкуренции среди больших этнических групп в части усиления их правового положения, что является потенциальной угрозой кризиса в межэтнических отношениях и разделению швейцарцев на основе этнизации швейцарского общества.

Непростой представляется этнополитическая практика в Турецкой Республике. Важным документом, гарантирующим права меньшинств Тур-

ции, является Лозаннский мирный договор 1923 года. Так, согласно статье 39 указанного документа, немусульманские меньшинства пользуются всеми гражданскими и политическими правами, которыми пользуются турки-мусульмане, в том числе правом на использование родного языка в суде². После становления республики возникает усиливается тюркизация нетюркоязычных национальных меньшинств. В рамках политики тюркизации, запускается идеологическая кампания «Гражданин, говори по-турецки». Национальные меньшинства были обязаны говорить по-турецки. В некоторых муниципалитетах в отношении лиц, говорящих на другом языке, были введены штрафы.

Результаты исследования

Таким образом, практика правового регулирования этнополитических отношений свидетельствует о зависимости этнополитических конфликтов от этнополитики государств. Анализ выборки этнополитической практики в контексте предпосылок и причин этнополитического кризиса позволяет констатировать общие закономерности возникновения межэтнических и этнополитических конфликтов, в равной мере коррелирующих с этнополитикой государства и которые необходимо учитывать при урегулировании этнополитического конфликта.

Во-первых, там, где этнополитика государства допускает дискриминационные действия в отношении автохтонных меньшинств, там усиливается рост этнонационального сознания и возникает движение за самоопределение, характеризующееся проявлениями оппортунизма и центробежными тенденциями. В этом контексте можно согласиться с исследователями, рассматривающими этническую политику в качестве одной из основных причин внутренней нестабильности и что она может привести к конфликтам, если государство не обеспечивает защиту этнической идентичности [6]. Такова, например, этнополитическая практика в Турции, в которой межэтнический конфликт между турками и курдами сопряжен с этнополитическим конфликтом во взаимодействии курдов и государства Турции. Крайние проявления государственного этнонационализма весьма часто оказываются непосредственной причиной этнополитических конфликтов или обретают значение конфликтогенного фактора развития этнополитических отношений.

Во-вторых, центробежные тенденции усиливаются всякий раз и в той мере, в какой обостряются этнополитические конфликты, в силу которых непосредственным образом усугубляется этнополитика. Практика правового регулирования этнополитических отношений свидетельствует, что тенденции развития государственного этнонационализма в форме проявлений этнокультурной дискриминации могут иметь своим следствием тен-

² Лозаннский мирный договор 24 июля 1923 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://citizenship-western-armenia.info/ru/archives/12836> (дата обращения: 28.04.2024).

денцию к этнокультурному и политическому размежеванию этносов, затрагивающему территориальную организацию государства. Обозначенные тенденции в особенности усиливаются в переходных состояниях динамики этнополитической практики. Одна из существенных тенденций находит выражение в дискриминационном характере языковой политики. Усложнение этнополитической ситуации проявлениями этнополитического конфликта усугубляет отсутствие в этнополитике единого подхода к урегулированию языкового вопроса, поскольку в условиях полиэтничного состава общества весьма сложно в равной мере удовлетворить запросы на равный статус всех языков.

Такого рода тенденция чревата центробежными тенденциями и попытками сепаратизма, что характеризует собой состояние этнополитического кризиса.

Практика правового регулирования этнополитических отношений характеризуется определенными противоречиями, одно из которых заложено историческими условиями становления государств с полиэтничным составом общества. В частности, в полиэтничном обществе проблема реализации права на этнокультурное самоопределение народов находится в противоречии с принципом целостности государства, политике которого характеризуется свойственно стремление к унитаризации территориального государственного устройства. Однако по мере усиления политики унитаризации территориального государственного устройства усиливается стремление определенных этносов к сохранению или созданию условий реализации права на самоопределение. Здесь, как представляется, следует помнить о закономерной истине – каждый народ характеризуется этнической идентичностью и его этнокультурное развитие основано на этнокультурном самоопределении. Этнокультурное самоопределение этноса выступает в качестве гарантии свободы его этнокультурного развития, что, на наш взгляд, является существенным условием стабильности в развитии полиэтничного общества и государства, которая зависит от различных факторов. От состояния урегулированности этого вопроса и юридического оформления форм этнокультурного самоопределения во многом зависит динамика этнополитических отношений, стабильность этих отношений и национальная безопасность в целом.

В условиях невозможности унифицировать этносы представляется востребованным мирное сосуществование этносов как акторов этнокультурного многообразия. Поскольку этносы являются субъектами межэтнических отношений и отношений с государством, то они олицетворяют собой объект воздействия этнополитики государства, в реализации которой судьбоносное значение имеют инновационные идеи. Изучение практики правового регулирования этнополитических отношений позволяет утверждать, что формированию этнонационализма как конфликтного потенциала межэтнических и этнополитических отношений способ-

ствует отсутствие идеологических основ единения и сплочения полиэтничного общества. На наш взгляд, основой такой идеологии может служить исторически апробированная идея интернационализма, главным содержанием которого является социальная солидарность. Идея интернационализма в современном контексте имеет не только социокультурную, но и этнополитическую ценность, так как способна служить фактором достижения консенсусных условий развития межэтнических и этнополитических отношений.

Изученный срез динамики этнополитической практики свидетельствует о сложной диалектике взаимодействия этносов и государства. Эта диалектика, имея не только положительный, но и отрицательный потенциал, предполагает меры по оптимизации государственной этнополитики и этнополитических отношений, выражающейся в поиске и реализации наиболее благоприятных вариантов этнополитического взаимодействия, что является важной задачей государственного управления для любого полиэтничного государства. Представляется, что эта вариативность в немалой степени зависит от принципов этнополитики государства. Этнополитическая практика обуславливает необходимость переосмысления прежних подходов к историческим принципам этнополитики. Одним из таких принципов выступает интернационализм.

Интернационализм как принцип этнополитики государства актуален в качестве идеологической основы интернационализации межэтнических и этнополитических отношений на уровне социальной культуры и духовной жизнедеятельности полиэтничного общества. Интернационализация же, будучи основана на принципе интернационализма, важна для оптимизации функционирования специальных этнополитических институтов на уровне деятельности государственных и муниципальных служащих, осуществляющих взаимодействие с гражданами, этнонациональными объединениями и конфессиональными организациями. Поэтому исторически интернационализации этнополитики постулируется нами как исключительно актуальная мера ее оптимизации и цивилизационный способ преодоления этнополитического конфликта.

В условиях этнополитического кризиса, обусловленного усилением межэтнических конфликтов, интернациональная этнополитика, как представляется, может способствовать консолидации полиэтничного общества на уровне этнонациональных и общенациональных интересов, в силу чего имеет прикладное значение потенциала оптимизации и гармонизации этнополитических и межэтнических отношений. С этой точки зрения актуальна правовая актуализация интернационализма на уровне национального законодательства. Нормативное закрепление интернационализма как принципа этнополитики в практике правового регулирования этнополитических отношений актуально в силу его возможности обеспечивать баланс интересов как в отношениях государства и этноса, так и в межэтнических отношениях.

Литература

1. Валиев Р.Г. Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания // Теория государства и права. – 2021. – № 4. – С. 54–66.
2. Валиев Р.Г., Гилязетдинов М.Р. Интернационализация и этноконфессиональная социализация как превентивные механизмы преодоления межэтнических конфликтов осужденных // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 4 (35). – С. 115–122.
3. Гулиев М.А. Интернационализация этнического конфликта в современном мире // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Социология и политология». – 2006. – С. 73–78.
4. Linz J.J. Early State Building and Late Peripheral Nationalism against the State: The Case of Spain. Building States and Nations. Ed. by Eisenstadt S.N., Rokkan S. Beverly Hills, London, Sage, – 1973. – pp. 32–116.
5. Hafez F. Ostarrichislam. Gründe der korporatistischen Hereinnahmedes Islams in der Zweiten Republik. – URL: // https://www.researchgate.net/publication/317586929_
6. Рехана Саид Хашми, Gulshan Majeed. Politics of Ethnicity: A Theoretical Perspective. A Research Journal of South Asian Studies. – Vol. 30, – No.1, – January – June 2015. – pp. 319–331.

THE PRACTICE OF LEGAL REGULATION OF ETHNOPOLITICAL RELATIONS: ON THE ISSUE OF OPTIMIZING THE ETHNOPOLITICS OF THE STATE

Valiev R.G., Gilyazetdinov M.R.

Kazan (Volga Region) Federal University, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service

In the context of an excursus analysis of the practice of legal regulation of ethnopositional relations, the nature of ethnopositional conflicts associated with the ethnopositional politics of the state, including the ethnopositional politics of neighboring states bordering on the territorial aspects of their development, is considered. The methodological basis of the

study was made up of methods of observation, comparison, as well as a method of sampling and analyzing data from individual practices of legal regulation of ethnopositional relations, in the order of use of which patterns and contradictions of the conflictogenic potential of ethnonationalism in the ethnopositional policy of the state were revealed, which it is advisable to take into account when overcoming an ethnopositional conflict. Based on the importance of consensual development conditions for achieving unity and cohesion of a multi-ethnic society in overcoming an ethnopositional conflict, the idea of social solidarity is postulated. Taking into account the humanitarian value of social solidarity as a factor of interethnic and ethnopositional unity, its legal actualization is proposed as a principle of the international ethnopositional policy of the state and the legal regulation of ethnopositional relations. According to the authors, international state ethnopositional politics makes it possible to consolidate ethnic and national interests, is of applied importance potential for harmonization and stabilization of legal regulation of interethnic and ethnopositional relations, as well as the factor of national security. The authors postulate the dual (negative and positive) significance of internationalization – as a process of bringing ethnopositional and interethnic conflict to the international level and as a historically proven ethnopositional practice of a civilizational way to overcome ethnopositional conflict and crisis states in the dynamics of interethnic and ethnopositional relations.

Keywords: multiethnic society, ethnopositional politics, ethnopositional relations, ethnopositional conflict, legal regulation, social solidarity, internationalism, internationalization.

References

1. Valiev R.G. Practice of legal regulation: actualization and categorization of general theoretical knowledge // Theory of state and law. – 2021. – No. 4. – P. 54–66.
2. Valiev R.G., Gilyazetdinov M.R. Internationalization and ethnoconfessional socialization as preventive mechanisms for overcoming interethnic conflicts of convicts // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2019. – No. 4 (35). – P. 115–122.
3. Guliev M.A. Internationalization of ethnic conflict in the modern world // News of universities. North Caucasian region. Social sciences. Special issue “Sociology and political science”. – 2006. – P. 73–78.
4. Linz J.J. Early State Building and Late Peripheral Nationalism against the State: The Case of Spain. Building States and Nations. Ed. by Eisenstadt S.N., Rokkan S. Beverly Hills, London, Sage, – 1973. – pp. 32–116.
5. Hafez F. Ostarrichislam. Gründe der korporatistischen Hereinnahmedes Islams in der Zweiten Republik. – URL: // https://www.researchgate.net/publication/317586929_
6. Rehana Saeed Hashmi, Gulshan Majeed. Politics of Ethnicity: A Theoretical Perspective. A Research Journal of South Asian Studies. – Vol. 30, – No.1, – January – June 2015. – pp. 319–331.

Некоторые тенденции процесса функционирования банковской системы Российской Федерации

Голубев Сергей Александрович,

д.ю.н., профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: nikoarte@yandex.ru

Банковская система Российской Федерации более чем за тридцать лет своего существования претерпела определенные изменения, рассмотреть которые представляется необходимым, поскольку любой анализ, в конечном счете, может стать основой для принятия важных решений, влияющих на экономическое развитие страны. Произошедшие с 1990 года по настоящее время события существенным образом повлияли на все общественные и экономические процессы жизни страны, затронув и структурные элементы банковской системы.

Ключевые слова: банковская система, её определения, элементы банковской системы, закономерности построения, структурные элементы, объекты государственного управления, социальная система, тенденции функционирования кредитных организаций, финансовый рынок.

Банковская система Российской Федерации более чем за тридцать лет своего существования претерпела определенные изменения, рассмотреть которые представляется необходимым, поскольку любой анализ, в конечном счете, может стать основой для принятия важных решений, влияющих на экономическое развитие страны. Произошедшие с 1990 года по настоящее время события существенным образом повлияли на все общественные и экономические процессы жизни страны, затронув и структурные элементы банковской системы.

Банковская система России столкнулась с вызовами начального периода своего существования (90-е годы), с первым финансово-экономическим кризисом (1998), последующим глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг., резким изменением политических реалий и последующим санкционным давлением Запада на экономическую и финансовую сферы страны (2014), неоправданным усилением политики санкций в отношении структурных элементов банковской системы, вызванных событиями февраля 2022 года (начало специальной военной операции).

Через призму этих событий предлагается вновь коснуться и теоретических аспектов понятия банковской системы, определив, что в философском плане, система представляет собой множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство.

Представляют интерес закономерности построения системы, ее функционирования, направления развития, приобретения структурными элементами системы новых качеств, изменения совокупности внутренних связей.

В работе «Правовое регулирование государственного управления банковской системой в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ» автором рассматривались теоретические аспекты, касающиеся определения понятий банковской системы России и ее структурных элементов (1).

Тем не менее, не будет лишним вновь обратиться к этой теме, учитывая необходимость проанализировать основные тенденции тридцатилетнего периода деятельности банковской системы России.

Определение понятия и элементного состава банковской системы Российской Федерации позволит выявить круг объектов государственного управления в этой сфере, т.е. на кого направлено управляющее воздействие органов государственного управления и для кого управленческие реше-

ния компетентных органов государства являются обязательными.

При описании банковской системы целесообразно исходить из привычного для юристов, финансистов и социологов понятия социальной системы. Обычно под социальной системой понимается некоторое множество разнообразных институтов и учреждений, которые находятся во взаимодействии, определяемом их ролевыми функциями и внешней средой.

Само применение понятия системы означает относительно высокую интеграцию выделенной группы элементов, наличие у всех элементов группы общих существенных признаков, отличающих эту группу от иных групп, взаимную зависимость элементов одной группы и некоторую закрытость или специфичность по отношению к внешней среде. В этом смысле система может быть рассмотрена как открытая, что в большей степени отвечает взаимосвязи и переплетению социальных процессов, и как закрытая. Подход к системе как к закрытой во многом условен и применяется в основном в научных целях для выявления ее специфики (наиболее существенных признаков), в связи с чем, необходимо абстрагирование от некоторых ее взаимодействий с внешней средой.

Такой подход вполне согласуется с хорошо известными общими определениями понятия «система». «Под системой, – писал В.Г. Афанасьев, – понимается совокупность компонентов, взаимодействие которых порождает новые (интегративные, системные) качества, не присущие ее образующим... Важнейшей особенностью целостной системы является наличие в ней интегративных, системных качеств, не сводимых к сумме свойств образующих ее компонентов» (2).

Кроме того, согласно теории Л.Ф. Берталанфи любая система должна обладать следующими признаками: целостность (принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого: зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого), структурность (возможность описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений системы; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры), взаимосвязь системы и среды (формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия), иерархичность (каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы), множественность описания каждой системы (в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы), а также наличие управляющего

субъекта, поскольку банковская система относится к классу социальных систем (3).

Если с экономической точки зрения для признания совокупности компонентов системой необходимо обозначение общих функций и потребностей, с управленческой – новых свойств, то с юридической нужно говорить об одновременном наличии нескольких признаков:

- а) наличие единой правовой основы и упорядоченных средств правового регулирования;
- б) сопоставимый правовой статус отдельных элементов системы;
- в) правовая регламентация разнообразных связей между элементами, диктуемая соображениями экономической целесообразности и правовой непротиворечивости;
- г) наличие и согласование правил и обычаев делового оборота, на основе которых функционируют элементы системы, обеспечивающие определенный уровень их соблюдения;
- д) правовые последствия выхода каждого отдельного звена из правовых связей, создающих единство системы (4).

Известно, что к какой-либо системе можно относить только те организации, которые непосредственно осуществляют функции или деятельность, в которых воплощается свойство системы. Иными словами к элементам банковской системы можно отнести только организации, выполняющие банковские операции. Это узкий и не вполне адекватный подход к определению состава системы. Более адекватным является широкий подход, предполагающий отнесение к системе не только тех образований, которые непосредственно осуществляют определенный вид деятельности, но и организаций, составляющих инфраструктуру этой деятельности, обеспечивающих основную функцию системы.

Как правило, банковские системы являются двухуровневыми. Нижний или первый уровень составляют коммерческие банки и иные кредитные организации, их ассоциации и союзы, банковская инфраструктура и банковский рынок (согласно широкому подходу), а верхний или второй уровень – банковские центры, сформированные в разных странах по-разному. В европейских странах верхний уровень чаще всего представлен национальными или центральными банками этих стран и надзорно-контрольными ведомствами. Например, в Германии верхний уровень банковской системы представлен Немецким Федеральным банком и Федеральным ведомством надзора за кредитным делом. Во Франции на этом уровне действуют Банк Франции, Банковская комиссия, Комитет по кредитным учреждениям и Комитет по банковской регламентации. Банковская система и Германии и Франции являются примером централизованной кредитно-банковской системы.

В определенной степени децентрализованной банковской системой является Федеральная резервная система США. Здесь верхний уровень образуют Совет управляющих Федеральной Резерв-

ной Системы, двенадцать Федеральных резервных банков, Служба контролера денежного обращения и Федеральная корпорация страхования депозитов.

Существующая сегодня в России банковская система также как и большинство банковских систем мира является двухуровневой, ее организационные формы и другие характеристики непосредственно регулируются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон о Банке России), «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках), другими федеральными законами, а также нормативными актами Банка России.

Легальное определение банковской системы России содержится в статье 2 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Согласно названной статье банковская система Российской Федерации включает в себя Банк России, кредитные организации, а также представительства иностранных банков.

По мнению ряда авторов этот перечень неполон, поскольку нормы федерального закона «О банках и банковской деятельности» содержат сведения о союзах и ассоциациях кредитных организаций (ст. 3), о банковских группах и банковских холдингах (ст. 4).

Более полным представляется определение, сформулированное в Российской банковской энциклопедии. В ней банковская система интерпретируется как совокупность банков, банковской инфраструктуры, банковского законодательства, банковского рынка (5).

Однако и это определение вызывает некоторые возражения.

Во-первых, банковское законодательство является не элементом банковской системы, а способом, формой, инструментом государственного управления ею.

Вопрос о таком элементе банковской системы, как банковское законодательство, вызывает много споров. Интересно в этом контексте проанализировать статью 83 Федерального закона России «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», где законодателем дан исчерпывающий перечень элементов системы Банка России, среди которых банковского законодательства нет.

Право, как категория надстроечная, может перестать существовать в определенные периоды времени, например, при смене социально-экономических формаций (революции) и не выполнять регуляторной функции.

Во-вторых, в этом определении ничего не говорится о небанковских кредитных организациях, которые являются одним из основных, наряду с банками, элементов банковской системы.

В-третьих, представляется необходимым включить в этот перечень также союзы и ассоциации кредитных организаций, которые представляют

важный элемент механизма самоуправления банковской системы.

Прежде чем перейти к перечислению элементов банковской системы России, сложившейся к настоящему времени, следует отметить изменение банковского законодательства и исключение с 2013 года из перечня элементов системы филиалов иностранных банков (это еще один пример того, как один элемент банковской системы, если его считать таковым, а именно банковское законодательство, ликвидировал другой элемент этой же системы. Кроме того, именно праву предоставлена возможность ликвидировать и верхний уровень банковской системы – Банк России – ст. 87 Закона о Банке России).

Исключение филиалов иностранных кредитных организаций из российской банковской системы можно объяснить тем, что упомянутые кредитные организации, действуя на территории нашей страны через сеть филиалов, имели возможность предоставлять дешевый денежный ресурс и обеспечивать высокий уровень обслуживания клиентов. Понятно, что кредитные организации России проигрывали бы в конкурентной борьбе своим иностранным коллегам. Кроме того, филиалы иностранных банков не проходили бы организационных процедур, существующих в стране для кредитных организаций-резидентов.

В России действовал единственный филиал иностранного банка (Армения), который был по российскому законодательству реорганизован в кредитную организацию в 2004 году.

Однако в настоящее время ситуация изменилась и 08 августа 2024 года был принят Федеральный закон № 275 «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в банковскую систему страны были вновь включены филиалы иностранных банков, о чем сказано в статье 2 закона. Это решение было вызвано стремлением российских кредитных организаций и юридических лиц осуществлять расчеты с зарубежными партнерами. В настоящее время расчеты крайне затруднены из-за введенных западных санкций. Надежда на то, что филиалы иностранных банков решат эту проблему, по мнению автора, крайне мала, поскольку в отношении кредитных организаций, решивших открыть филиалы в России, также могут быть введены санкции.

По состоянию на 15 декабря 2024 года филиалов иностранных банков в России не зарегистрировано.

Итак, банковскую систему современной России составляют:

1. Центральный банк Российской Федерации – верхний уровень;
2. кредитные организации – резиденты;
3. филиалы иностранных банков;
4. представительства иностранных банков;
5. союзы и ассоциации кредитных организаций – резидентов;

6. банковская инфраструктура;
7. банковский рынок.

При этом все элементы, кроме первого, представляют нижний уровень банковской системы России.

О тенденциях функционирования Банка России и кредитных организаций

Критерием отнесения элементов к тому или иному уровню является их положение в системе, обусловленное отношениями субординации. Так, Банк России расположен на верхнем уровне, поскольку уполномочен государством регулировать и контролировать систему в целом, т.е. осуществлять функцию управления всей системой. Что же касается коммерческих банков и остальных элементов банковской системы, то они в этом отношении должны быть однопорядковыми, полностью равноправными во взаимоотношениях друг с другом, в связи с чем и составляют нижний уровень системы (6).

Центральный банк Российской Федерации (Банк России) занимает особое место в банковской системе России, поскольку именно он является единственным органом государства, наделенным специальной компетенцией в сфере управления банковской системой.

Как уже упоминалось, с момента принятия первой редакции Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» прошло более 30-ти лет. За этот период банковское законодательство во многом изменилось, изменялись и нормы, регулирующие правовое положение Банка России. По-прежнему оставаясь важнейшим элементом банковской системы страны, он был наделен широкими полномочиями по регулированию как банковского, так и финансового рынков.

Финансовый рынок, на котором действовали некредитные финансовые организации, с 2013 года полностью перешел под регулирование, контроль и надзор Банка России, получившего статус мегарегулятора.

В соответствии со ст. 76.1 Закона о Банке России к некредитным финансовым организациям отнесены профессиональные участники рынка ценных бумаг; управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов; специализированные депозитарии этих фондов; акционерные инвестиционные фонды; лица, осуществляющие клиринговую деятельность; деятельность по осуществлению функций центрального контрагента; деятельность организатора торговли; деятельность центрального депозитария; деятельность субъектов страхового дела; негосударственные пенсионные фонды; микрофинансовые организации; кредитные потребительские кооперативы; жилищные накопительные кооперативы; бюро кредитных историй; актуарии; рейтинговые агентства; сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы; ломбарды.

Итак, Банк России был наделен новыми полномочиями в отношении некредитных финансовых организаций. Можно с большой долей уверенности предположить, что при сложившемся положении Банк России становится органом государственного регулирования и одновременно элементом верхнего уровня для различных финансовых систем (страховая система, система негосударственных пенсионных фондов, система микрофинансовых организаций и т.д.). Научное исследование этих новых систем и их роль в сфере развития финансового рынка представляет значительный интерес.

Однако, значение банковской системы трудно переоценить и поэтому по-прежнему первоочередными целями деятельности Банка России на законодательном уровне были и остаются защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы, обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы, наряду с развитием финансового рынка, обеспечением стабильности финансового рынка (ст. 3 Закона о Банке России).

Для развития и укрепления банковской системы Банк России выполняет следующие функции (ст. 4 Закона о Банке России):

- является кредитором последней инстанции для кредитных организаций и организует систему их рефинансирования;
- устанавливает правила осуществления расчетов;
- устанавливает правила проведения банковских операций;
- принимает решение о государственной регистрации кредитных организаций, выдает кредитным организациям лицензии на осуществление банковских операций, приостанавливает их действие и отзывает их;
- осуществляет надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп;
- осуществляет самостоятельно или по поручению Правительства России все виды банковских операций и иных сделок;
- утверждает стандарты бухгалтерского учета для кредитных организаций, Банка России, план счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядок его применения, план счетов для Банка России и порядок его применения.

Как уже отмечалось, Центробанк в банковской системе занимает верхний уровень, поскольку обладает государственно-властными полномочиями по отношению к другим элементам банковской системы. Банк России контролирует процесс создания новых кредитных организаций, расширения сферы деятельности и реорганизации уже существующих путем осуществления государственной регистрации учредительных документов и вносимых в них изменений и дополнений, а также путем выдачи лицензий на право проводить банковские операции. Кроме того, лица, назначаемые в органы управления кредитных организаций, должны отвечать установленным квалификационным тре-

бованиям и быть согласованы с Банком России. В целях обеспечения устойчивости кредитных организаций Банк России устанавливает им обязательные нормативы. В случае нарушений кредитной организацией банковского законодательства, в том числе нормативных актов Банка России, регулятор имеет право применить к кредитным организациям установленные законом меры, вплоть до отзыва лицензии.

Анализируя имеющиеся полномочия Банка России по банковскому регулированию и банковскому надзору, следует определить их в качестве весьма значительных. За исследуемый исторический период эти полномочия Банка России существенно расширились и банковский надзор стал всеобъемлющим.

В рассматриваемом временном периоде, в начальной его фазе, можно отметить одну из первых тенденций деятельности Банка России – направленность на создание в стране новой банковской системы. Известно, что до 1987 года в СССР существовало три банка – Госбанк СССР, Стройбанк СССР, Внешторгбанк и система государственных трудовых сберкасс. В дальнейшем были образованы ВЭБ, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк.

Новое время потребовало новых подходов по скорейшему созданию банковской системы России. С принятием в 1990 году упомянутых ранее банковских законов, в деятельности Банка России явно **обозначилась тенденция по интенсивному строительству банковской системы** – в 1993 году уже существовало 2019 банков, в 1994 году – 2517 банков (242 из них имели генеральные лицензии). В 1996 году действовало уже 2599 банков – апогей количественного показателя действовавших кредитных организаций.

Поскольку многие вновь созданные кредитные институты были в значительной степени финансово неустойчивыми, одновременно шел процесс отзыва лицензий – с 1991 по 1993 годы была отозвана 31 лицензия, в 1994 году – 45 лицензий, в 1995 году – 225 лицензий. Кризисные явления 1998, 2008 годов, а также надзорные требования при приеме банков в систему страхования вкладов сократили количество функционирующих кредитных организаций. Так, в 2001 году в стране действовали 1311 кредитных организаций, в 2008 году – 1136, в 2013 году – 956.

Взятый Банком России курс на укрепление банковской системы, на повышение финансовой устойчивости кредитных организаций нашел отражение **в тенденции сокращения численности и удаления с банковского рынка не соответствующих новым требованиям** организаций путем отзыва банковских лицензий по основаниям, указанным в законах.

В 2013 году Банком России отозвано 30 лицензий, в 2014 году – 86, в 2015 году – 94, в 2016 году – 99, в 2017 году – 51, в 2018 году – 66, в 2019 году – 28, в 2020 году – 3 лицензии.

По состоянию на 1 марта 2023 года в России действовало 362 кредитные организации (327 бан-

ков и 35 небанковских кредитных организаций), в системе страхования вкладов состоит 304 банка.

Массовый отзыв лицензий (в 2016 году по 7–8 лицензий в месяц) негативным образом повлиял как на собственников кредитных организаций, так и на поведение клиентов банков, пытавшихся сохранить свои денежные средства. Агентство по страхованию вкладов (АСВ) выплачивало вкладчикам-физическим лицам лишь гарантированные законом денежные средства. Если же вклады превышали этот размер, то возврат денежных средств через процедуру банкротства банков становился неразрешимой проблемой. Еще большей проблемой становилось получение денежных средств через процедуру банкротства для юридических лиц.

На финансовом рынке имели место панические настроения, банковская система находилась в крайне нестабильном состоянии. Вкладчики и клиенты банков стали переводить денежные средства в крупные банки, считая их более надежными, широко распространился термин «системообразующие банки».

Анализ показывает, что термин «системообразующие банки» в средствах массовой информации чаще всего (и совершенно необоснованно) применяется в следующих близких по смыслу значениях:

- как банки, имеющие высокое экономическое и социальное значение для России в целом или для региона (субъекта Федерации);
- как банки, доля которых на рынке банковских услуг Российской Федерации или субъекта Федерации существенна;
- как крупные банки.

Подобные способы интерпретации упомянутого термина нельзя признать верным с теоретической точки зрения, они чрезвычайно вредны и с позиции практики.

Если банк определяется как «системообразующий», то без данной кредитной организации банковская система в принципе существовать не может. Отсюда следует, что данный банк в обязательном порядке заслуживает каких-либо преференций и льгот (например, первоочередное оказание финансовой помощи). Такой подход прямо противоречит принципам поощрения конкуренции и недопустимости монополии на банковских рынках и не соотнобразуется с принципом равенства коммерческих банков как субъектов одного уровня (второго) банковской системы.

Во всех этих случаях понятие «системообразующий» банк подменяется понятиями «крупный» или «социально-значимый» банк, в то время как системообразующим является такой элемент системы, баз которого принципиально невозможно ее существование и дальнейшее развитие.

Следовательно, коммерческий банк, каким бы крупным он не был – это всего лишь крупный банк однопорядковый с другими (средними и мелкими) банками и равный им без каких-либо изъятий и исключений (7).

Банк России, являясь совместно с антимонопольным органом также органом контроля за соблюдением кредитными организациями антимонопольного законодательства на рынке банковских услуг (ст. 32 Закона о банках), в течение длительного времени избегал экономических оценок, могущих повлиять на конкурентные преимущества тех или иных банков.

Появлялись списки банков (рейтинги), составленные различными аналитическими организациями, с указанием размера уставного капитала, собственных средств (капитала), размера привлеченных денежных средств вкладчиков, других экономических показателей, но никогда банки не обозначались как системообразующие и как самые финансово устойчивые.

Однако, в соответствии с Указанием Банка России от 16 января 2014 года № 3174-У «Об определении перечня системно значимых кредитных организаций», Банк России по определенным критериям стал выделять такие кредитные организации, являвшиеся важнейшими финансовыми институтами. При этом перечень не публиковался, а включение кредитных организаций в число системно значимых доводилось до сведения этой организации.

В дальнейшем было принято Указание Банка России 3737-У от 22 июля 2015 года № «О методике определения системно значимых кредитных организаций», в соответствии с которым впервые на официальном сайте Банка России стали публиковаться перечни системно значимых кредитных организаций.

Заметим, что к этому времени, с 2013 года, Банком России было отозвано свыше 200 банковских лицензий (в 2015 году – 94 лицензии).

В настоящее время действует Указание Банка России от 13.04.2021 № 5778-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций», в соответствии с которым регулятор продолжает осуществлять полномочия по периодической публикации перечня таких банков (8). Термины «системообразующие» и «системно значимые» без сомнения различаются с правовой точки зрения, однако, на практике это различие уже не имело существенного значения, поскольку именно перечисленные в перечне Банка России кредитные организации получили реальный статус важнейших в банковской системе (второй уровень).

Так, в последний перечень Банка России от 3 октября 2022 года вошли ЮниКредитБанк, АО Газпромбанк, ПАО Совкомбанк, Банк ВТБ ПАО, АО Альфа-банк, ПАО Сбербанк, ПАО Московский кредитный банк, ПАО Банк ФК Открытие, ПАО Росбанк, АО Тинькофф-банк, ПАО Промсвязьбанк, АО Райффайзенбанк, АО Россельхозбанк.

В 2022 году на долю этих 13 организаций приходилось свыше 77% всех активов кредитной системы России. При этом из перечисленных банков 6 являются банками с государственным участием.

Конечно, публикации перечней Банка России с конкретным указанием системно значимых кре-

дитных организаций вызвали неоднозначную реакцию в банковской и финансовой среде, эксперты критически оценивали принятые регулятором решения, говоря о нарушении антимонопольного законодательства, о создании конкурентных преимуществ конкретной группе банков, о нарушении принципа единства требований органа надзора. Понятно и то, что в условиях массового отзыва лицензий, юридические и физические лица не имели объективных ориентиров надежности кредитных организаций, открывали счета и размещали вклады в банках, которые также лишались лицензий. Уже упоминалось, что это приводило к утрате денежных средств, создавало реальную угрозу ухудшения инвестиционного климата в России.

Не отрицая неоднозначности принятого Банком России решения о периодической публикации перечня системно значимых банков, отметим все же, что это решение предоставило возможность значительному кругу субъектов хозяйственной деятельности принимать правильные решения о надежном размещении денежных средств. Стало понятно, что и в условиях нарастающего санкционного давления стран Запада в отношении банков России, перечисленные кредитные организации будут пользоваться финансовой поддержкой со стороны регулятора и государства.

Хотелось остановиться еще на одной из тенденций, возникшей в ходе реализации Банком России мероприятий по укреплению финансовой устойчивости банковского сектора. В период массового отзыва банковских лицензий (2014–2020 гг.) неоднократно возникали ситуации, влияющие на финансовую и социальную стабильность отдельных регионов из-за прекращения деятельности кредитных организаций – недовольство вкладчиков, денежные потери юридических лиц.

Для этих случаев в законодательстве были определены меры по предупреждению банкротства банков. В России действовал Федеральный закон № 127 от 26.02.2002 «О несостоятельности (банкротстве)», который предполагал оказание инвестором финансовой помощи кредитным организациям при условии, что банк-инвестор или Агентство по страхованию вкладов приобретает доли в кредитной организации (не менее 75%).

В дальнейшем в банк вводилась временная администрация, инвестор-санатор применял меры по финансовому оздоровлению, которые могли привести к восстановлению деятельности банка (докапитализация, реорганизация, реструктуризация долгов, выкуп проблемных активов, частичная компенсация убытков и др.). Предусматривалась и возможность признания банка несостоятельным, то есть банкротом, что влекло отзыв лицензии, передачу обязательств по вкладам другому банку либо назначение банка-агента для выплат возмещения по вкладам через систему страхования.

Однако, ситуация на банковском рынке складывалась таким образом, что отзыв лицензий у крупных банков нес риск катастрофических социально-экономических последствий, о чем уже упомина-

лось – паника среди населения, кризис неплатежей, огромные финансовые потери.

Система санации через АСВ и банки-инвесторы все чаще критиковалась как неэффективная, банки-инвесторы часто решали свои собственные финансовые проблемы за счет средств, выделенных для санации, используя их не для достижения обозначенной цели – финансового оздоровления. При этом к 2019 году по различным оценкам задолженность АСВ перед Банком России составляла уже 1 трлн рублей. Количество банков, прошедших процедуру санации, приближалось к 70, из которых у 17 банков были отозваны лицензии, остальные банки или завершили санацию или находятся в процессе санации.

В сложившейся ситуации Государственной Думой был принят Федеральный закон ФЗ № 84 от 01 мая 2017 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», которым меры по повышению финансовой устойчивости в качестве основного инвестора осуществлял Банк России с использованием денежных средств вновь созданного регулятором Фонда консолидации банковского сектора (ФКБС). Была также создана Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора, в уставном капитале которой 100% долей принадлежало Банку России. Именно через эту компанию Банк России приобретал акции, доли в уставных капиталах saniруемых банков.

Таким образом, Банк России становился в одном лице и регулятором, надзорным органом и собственником saniруемого банка – возникла новая тенденция санации и осуществления мер по финансовому оздоровлению кредитных организаций.

В 2017–2018 гг. Банк России фактически стал собственником банка ФК «Открытие», Росгосстрахбанка, БИН-банка, Промсвязьбанка, банка «Советский», банка ТРАСТ, Азиатско-Тихоокеанского банка, Московского индустриального банка и др. В органы управления кредитными организациями стали входить служащие Банка России.

Понятно, что решения были приняты на законодательном уровне, однако, при таких условиях появились опасения по снижению конкуренции и усилению монополизации, получению преимуществ при кредитовании регулятором, по ухудшению качества надзора за saniруемыми Банком России кредитными организациями, возникновению конфликта интересов.

Следует напомнить, что при возникновении банковской системы в новой России, активную помощь в становлении и развитии этой системы оказывали международные финансовые институты, действовавшие, исходя из собственного опыта и своих интересов. Одним из важнейших принципов деятельности органа банковского регулирования и надзора (Банка России) был запрет на участие в капиталах кредитных организаций. Этим обеспечивалась функциональная независимость

центрального (национального) банка любой страны.

В одной из первых редакций Закона о Банке России, перечислялись кредитные организации, в капитал которых участвовал регулятор – Сбербанк и ВТБ (Россия), а также заграничные банки – Донау-банк (Австрия), Ист-Вест Юнайтед банк (Люксембург), Евробанк (Франция), Московский народный банк (Великобритания), Ост-Вест Хандельсбанк (Германия). Под давлением международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Банк международных расчетов и др.) Банк России продал доли своего участия во всех указанных кредитных организациях, кроме Сбербанка России, для которого был создан особый правовой механизм уменьшения доли Банка России. Кстати, на сегодняшний день он реализован, и главный элемент банковской системы больше не имеет доли своего участия в Сбербанке России.

Обратный процесс, позволяющий Банку России вновь участвовать в капиталах кредитных организаций (формально через Управляющую компанию ФКБС), как уже отмечалось, в конкретно сложившихся экономических условиях, был объясним. Однако длительность процесса санации (5 лет для банка «Открытие») и уже упомянутые негативные явления (монополизация, сжатие банковского рынка, конкурентные преимущества, конфликт интересов) объективно имеют место, как бы к ним не относились участники событий.

В рассматриваемый период массового оздоровления кредитных организаций проявилась тенденция огосударствления банковской системы.

Участники банковского рынка отмечали начавшуюся в 2013–2014 гг. консолидацию и огосударствление банковского сектора. В уставных капиталах кредитных организаций участвуют Банк России, Министерство финансов России, Росимущество, Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства, Внешэкономбанк (ВЭБ.РФ), различные государственные корпорации, субъекты Федерации, муниципальные образования и др. По данным рейтингового агентства АКРА в 2018 году доля государственной собственности в банках выросла до 70% с 61% в 2015 году (9), а их количество по разным оценкам увеличилось к 2023 году до 50.

Участие предполагается различными способами: в силу закона, полного или частичного контроля государственных структур, прямого или косвенного их присутствия в капитале, по видам создаваемых структур (правительственные, субъектов Федерации, муниципальных образований), а также создание по инициативе кредитных организаций с государственным участием новых банков. К примеру, акции Россельхозбанка, РНКБ банка, Промсвязьбанка (передан в 2020 году от Банка России после санации) на 100% принадлежат Росимуществу; 52% акций Сбербанка находятся в собственности Министерства финансов, в Газпромбанке

доля Росимущества составляет 49,8%, Новикомбанк принадлежит государственной корпорации «Ростех», банк ФК «Открытие» принадлежит ВТБ, который поглотил также банк Транскредит, банк Возрождение, Саровбизнесбанк и создал с Почтой России «Почта банк», банк АК БАРС почти на 72% принадлежит Республике Татарстан и т.п.

При этом стоит отметить, что бывшие частные банки ФК «Открытие», Промсвязьбанк стали государственными.

Среди 13 системно значимых банков 6 являются банками с государственным участием, о чем уже упоминалось (Сбербанк, Газпромбанк, ВТБ, банк ФК «Открытие», Промсвязьбанк, Россельхозбанк).

Тенденция огосударствления банковской системы негативно оценивается многими экономистами, которые отмечают антирыночный характер данного явления – возможность вмешательства в управление банками, создание неравных конкурентных условий, использование при необходимости финансового и административного ресурса, желание исключить репутационные риски для государственных структур.

Однако нельзя не отметить, что эта тенденция во многом возникла из-за политических процессов, сопровождавших деятельность банковской системы России: с 2014 года западные страны приняли многочисленные санкции в отношении российских юридических лиц. Санкционное давление многократно усилилось с началом в феврале 2022 года специальной военной операции.

Под санкциями США, Евросоюза, Канады, Швейцарии, Японии, Великобритании, Норвегии, Южной Кореи и других стран оказалось значительное число российских кредитных организаций, среди которых ВТБ, ФК «Открытие», Росбанк, Московский кредитный банк, Совкомбанк, Промсвязьбанк, Сбербанк, Альфа-банк, Россельхозбанк, банк «Россия», Газпромбанк, Россельхозбанк, ВЭБ.РФ, Уралсиб, банк Zenit, Росэксимбанк и многие другие (10).

Главным содержанием санкций для банковской системы России является прекращение кредитования со стороны западных инвесторов и запрещение использования международных платежных систем для осуществления трансграничных переводов (Виза, Мастеркард).

В сложившихся условиях именно кредитные организации с государственным участием сравнительно успешно продолжили свою деятельность, в том числе по обслуживанию предприятий оборонно-промышленного комплекса. При этом банки получают государственную финансовую поддержку, обслуживают национальные проекты, продолжают кредитовать юридических и физических лиц, привлекают денежные средства во вклады, стабилизируют экономические показатели, активно продвигают расчеты в национальных валютах с дружественными странами и т.п. Понятно, что денежным ресурсом в сложившихся условиях являются рубли и деятельность осуществляется на финансовых рынках внутри страны. Изоляция

в некоторой степени оградила банковскую систему России от негативных кризисных явлений, возникших в западных странах.

В данной статье не стоит вопрос перечисления всех антисанкционных мероприятий, проводимых Правительством России, Банком России, другими государственными органами. Отметим только, что именно банки с государственным участием в непростых условиях обеспечили нормальное функционирование финансовой системы и важнейших отраслей экономики и сельского хозяйства.

Классическая иерархическая структура банковской системы сохраняется (Банк России – кредитные организации), однако приходится констатировать появление новых качеств у целого ряда кредитных организаций с государственным участием и **возникновения нового элемента подсистемы**, то есть относительно независимой части системы, обладающей ее свойствами. При этом новый элемент системы не создается и предел членения системы не нарушается.

Банк России и кредитные организации остаются основными элементами банковской системы, получившими за прошедшие годы существенное внутреннее развитие и новое содержание.

Банковские группы и банковские холдинги не являются юридическими лицами, это не вновь возникший элемент банковской системы, а формы организации банковской деятельности, объединения банков и иных субъектов хозяйственной деятельности, различающихся внутренними связями. В 2013 году в стране существовало 150 банковских групп и 40 банковских холдингов, в настоящее время действуют 84 банковских группы и 29 банковских холдингов.

Представительства иностранных банков

Правовое положение представительств иностранных банков не изменилось и по-прежнему регулируется Законом о банках (ст. 2, 22). Отмечается, что представительствами кредитной организации являются ее обособленные подразделения, расположенные вне места нахождения кредитной организации, представляющие ее интересы и осуществляющие их защиту. Представительства кредитной организации не имеют права осуществления банковских операций. Юридическим лицом они также не являются.

Представительства иностранных кредитных организаций подлежат аккредитации Банком России в установленном им порядке, и осуществляют свою деятельность с момента этой аккредитации.

Задачами представительств иностранных кредитных организаций являются изучение экономической ситуации в банковском секторе России, осуществление консультационных услуг своим клиентам, расширение контактов с российскими кредитными организациями, развитие международного сотрудничества.

На 01 января 2023 года в России действовали 28 представительств иностранных кредитных организаций (Германия, Италия, Кипр, Южная Корея,

США, Япония, Швейцария). За прошедший период времени изменялось лишь количество представительства.

Союзы и ассоциации кредитных организаций

Особое положение в банковской системе занимают союзы и ассоциации кредитных организаций. Понятия «союз кредитных организаций» и «ассоциация кредитных организаций» содержатся в ст. 3 Закона о банках. Согласно этой статье кредитные организации имеют право создавать союзы и ассоциации для защиты и представления интересов своих членов, координации их деятельности, развития межрегиональных и международных связей, удовлетворения научных, информационных и профессиональных интересов, выработки рекомендаций по осуществлению банковской деятельности и решению совместных задач кредитных организаций.

Союзы и ассоциации в своей деятельности не должны преследовать цели извлечения прибыли и им запрещено осуществлять банковские операции.

Несмотря на то, что закон о банках не включает союзы и ассоциации кредитных организаций в состав банковской системы, и они не осуществляют банковские операции, все же такие образования следует признать неотъемлемой частью современной банковской системы России. Это объясняется тем, что их создание способствует процессам налаживания связей между различными банками и небанковскими кредитными организациями, как в России, так и за рубежом, формирования банковской этики, в значительной степени упрощает процесс координации и согласованности действий кредитных организаций. Иными словами союзы и ассоциации кредитных организаций обеспечивают стабильность и развитие банковской системы России. Кроме того, союзы и ассоциации кредитных организаций являются органами самоуправления банковской системой.

Располагаясь в настоящее время на нижнем уровне этой системы, они являются важным компонентом механизма ее самоуправления. Они относятся к элементам нижнего уровня системы, так как не наделены законом властными полномочиями по отношению к коммерческим банкам-участникам союзов и ассоциаций. Например, решения Ассоциации Российских банков (АРБ) для банковской системы России не носят обязательного характера.

Среди российских банковских ассоциаций ведущая роль по праву принадлежит Ассоциации региональных банков и Ассоциации банков России. В регионах также действуют ассоциации и союзы кредитных организаций – Ассоциация банков Северо-Запада, Московский банковский союз, Уральский банковский союз, Алтайский банковский союз, Ассоциация кредитных организаций Тюменской области, банковская ассоциация Татарстана и т.д. Всего в стране насчитывается около 50 банковских ассоциаций и союзов.

Следует отметить, что роль региональных ассоциаций и союзов в последнее время снизилась, что объясняется решениями Банка России, который перевел надзор за территориальными банками в центральный аппарат. Территориальные учреждения Банка России лишились надзорных и контрольных полномочий на местах.

Под банковской инфраструктурой как элементом банковской системы следует понимать все те предприятия, организации и учреждения, функционирование которых непосредственно направлено на обеспечение жизнедеятельности кредитных организаций и банковской системы в целом.

За прошедший период банковская инфраструктура значительно расширилась, возникли организации, без которых существование кредитных организаций невозможно. Огромную роль играет государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов, обладающее широкими правами в области санации банков, их финансового оздоровления, выдачи гарантированных законом вкладов гражданам. Нельзя не упомянуть межбанковские биржи, Национальную систему платежных карт, систему быстрых платежей, Фонд консолидации банковского сектора и его управляющую компанию, Национальный расчетный депозитарий, бюро кредитных историй, Финтех, уполномоченных по банковскому и финансовому рынкам, консорциум для внедрения новых технологий на финансовых рынках, рейтинговые агентства и др.

Важным элементом банковской системы, несомненно, является **банковский рынок**, на котором концентрируются банковские ресурсы и осуществляется торговля банковскими услугами.

Из сказанного следует, что элементный состав банковской системы не ограничивается организациями, которые непосредственно осуществляют банковские операции. В число ее элементов входят также органы и организации, непосредственно регулирующие или обслуживающие деятельность банковской системы, которые сами могут не совершать банковских операций. При этом выдвигается лишь одно условие: данный орган должен быть специализированным органом управления или обслуживания банковской системы. Его основной функцией должно быть решение вопросов, имеющих непосредственное отношение к деятельности этой системы.

Литература

1. С.А. Голубев. Правовое регулирование государственного управления банковской системой в Российской Федерации и зарубежных странах. М., Юстицформ, 2004.
2. В.Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., 1973.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2000.
4. О.М. Олейник. Основы банковского права. М.: Юрист, 1997.

5. Российская банковская энциклопедия. Гл.ред. О.И. Лаврушин, М., 1995.
6. Г.А. Тосунян. Банковское дело и банковское законодательство России (проблемы, перспективы), М., изд. АРБ, 1999.
7. Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин, А.Л. Экмальян. Банковское право Российской Федерации. М., Юрист, 1999.
8. Указание Банка России № 5778-У от 13.4. 2021. «О методике определения системно значимых кредитных организаций». Сайт Банка России.
9. Журнал «Бизнес, общество и власть». № 2, октябрь 2020.
10. WWW.Vedomosti.ru

SOME TRENDS IN THE FUNCTIONING OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Golubev S.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The banking system of the Russian Federation has undergone certain changes over more than thirty years of its existence, which must be considered, since any analysis can ultimately become the basis

for making important decisions that affect the economic development of the country.

The events that have occurred since 1990 to the present have significantly affected all social and economic processes in the life of the country, affecting the structural elements of the banking system.

Keywords: banking system, its definitions, elements of the banking system, patterns of construction, structural elements, objects of public administration, social system, trends in the functioning of credit institutions, financial market.

References

1. S.A. Golubev. Legal regulation of state management of the banking system in the Russian Federation and foreign countries. M., Yustitsform, 2004.
2. V.G. Afanasyev. Scientific management of society. M., 1973.
3. Philosophical encyclopedic dictionary. M., Astrel, 2000.
4. O.M. Oleinik. Fundamentals of banking law. M., Jurist, 1997.
5. Russian banking encyclopedia. Ed. O.I. Lavrushin, M., 1995.
6. G.A. Tosunyan. Banking and banking legislation of Russia (problems, prospects), M., ARB Publishing House, 1999.
7. G.A. Tosunyan, A. Yu. Vikulin, A.L. Ekmalyan. Banking Law of the Russian Federation. M., Jurist, 1999.
8. Bank of Russia Instruction No. 5778-U dated 13.4. 2021 "On the Methodology for Determining Systemically Important Credit Institutions". Bank of Russia Website.
9. Business, Society and Power Magazine. No. 2, October 2020.
10. WWW.Vedomosti.ru

Правовой режим и особенности интеграции искусственного интеллекта в экономический оборот

Еланский Игорь Юрьевич,

аспирант, кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: elanskiyimos@mail.ru

Современные цифровые реалии, возникшие в связи с новыми технологическими возможностями, стали составной частью жизни человека: например, цифровая подпись стала привычной и нашла свое закрепление в праве, а виртуальные объекты и искусственный интеллект уже не воспринимаются как нечто невероятное. Но в то же время они пока не интегрированы надлежащим образом в отечественную правовую систему. Возникла необходимость адекватного правового регулирования зарождающейся цифровой экономике. Основываясь на цивилистической методологии, автор проанализировал понятие, правовую природу, а также правовой режим искусственного интеллекта в сфере экономического оборота. При подготовке статьи применялись сравнительно-правовой, системно-структурный методы научного познания, а также метод моделирования. Методологической особенностью настоящего исследования является сочетание теоретического и эмпирического уровней познания. Использование вышеуказанного комплекса методов позволило рассмотреть вопросы правовой квалификации и правового режима искусственного интеллекта в свете неоднозначных доктринальных и практических подходов к их решению.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, инновации, программное обеспечение, цифровая экономика, интеллектуальная собственность.

Законодательный перечень объектов интеллектуальной собственности не является исчерпывающим, он постоянно обновляется и уточняется, что отражает динамичное развитие правовой системы в ответ новым вызовам и потребностям общества. Этот процесс является естественным и закономерным, соответствующим общемировым трендам в области интеллектуальной собственности. В последние десятилетия мы стали свидетелями стремительного прогресса в области технологий, что повлияло на необходимость адаптации законодательства. В частности в законодательных актах были закреплены новые объекты, такие как топологии интегральных микросхем. Компьютерные программы и базы данных, что можно увидеть в статьях 1260, 1261 и 1448 Гражданского кодекса Российской Федерации. Эти изменения стали ответом на бурное развитие цифровых технологий и информационных систем, которые начали активно внедряться в повседневную жизнь и бизнес-практику. На стыке XX и XXI веков мы наблюдаем три ключевых тренда: физический, цифровой и биологический. Цифровой блок, в свою очередь, включает в себя такие инновации, как Интернет вещей, блокчейн и искусственный интеллект.

Ускоренное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации стало очень заметной тенденцией последних лет, обусловленной значительными инвестициями в эту область. Страна активно внедряет передовые решения, направленные на совершенствование различных сфер жизни и экономики. Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года была разработана непосредственно с целью достижения прорывных результатов в области технологий, а также их применения.

Национальная стратегия, принятая указом Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490, официально называется «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [2]. Упомянутый указ представляет собой стратегический документ, который детализирует ключевые направления и приоритеты в развитии ИИ. Документ содержит конкретные цели, планы действий, механизм реализации стратегических инициатив в рамках обозначенного временного горизонта до 2030 года.

В рамках стратегии в п. 24 выделены несколько основных направлений: Во-первых, поддержка исследований с целью опережающего развития ИИ включает финансирование проектов, направленных непосредственно на создание и внедрение новых технологий. Примером же может служить под-

держка разработок в области нейросетей, – они применяются с целью создания интеллектуальных систем распознавания изображений и речи; во-вторых, акцент на разработку интеллектуального программного обеспечения подразумевает создание решений, способных улучшить автоматизацию процессов. Так, например, это могут быть системы для анализа больших данных, которые помогают в принятии решений на основе предсказательной аналитики.

В международной частноправовой практике ИИ часто рассматривается как вещь или товар, подлежащий правовому регулированию в рамках коммерческого оборота. Так, допустим, МКТУ включает «роботов человекоподобных с ИИ», – это безусловно подчеркивает необходимость более точного определения правового статуса таких объектов. В России виртуальные ИИ-системы регулируются соответствующими нормами части 4 ГК РФ как непоименованные объекты авторских прав, что создает дополнительную правовую неопределенность.

Перспективы правовой охраны ИИ непосредственно связаны с его признанием как компьютерной программы для целей правовой защиты, что закреплено в статье 1259 ГК РФ [1]. Тем не менее, ИИ-системы не всегда соответствуют определению программ для ЭВМ, приведенному в статье 1261 ГК РФ, что создает правовую неопределенность. В этом контексте возникает предложение признать ИИ сложным объектом интеллектуальной собственности, что соответствует статье 1240 ГК РФ, открывая путь к более комплексному и всеобъемлющему правовому регулированию.

Таким образом, текущая ситуация в области правового регулирования ИИ требует дальнейших изменений и доработок. Необходимы дополнительные законодательные инициативы с целью уточнить правовой статус ИИ, его права, обязанности в разнообразных контекстах. Важно принимать во внимание стремительное развитие технологий, адаптировать законодательство непосредственно к новым вызовам, дабы обеспечить баланс интересов всех сторон, помимо этого, создавать все условия безопасного, эффективного использования ИИ в разнообразных сферах [10].

Признание систем искусственного интеллекта (ИИ) в качестве объектов права допускает возможность дальнейшего уточнения законом особенностей их правового регулирования – в зависимости от формы (виртуальная или киберфизическая) и уровня развития; например, определение категорий для продвинутых киберфизических систем. Однако такой подход вызывает критику – по нескольким причинам [3].

Во-первых, системы ИИ сложно причислить к категориям вещей. Вещи характеризуются материальной природой и присутствием в физическом мире; ИИ, обладающий уникальными параметрами (характеристиками), не имеет конкретной физической формы; например, ПО – элемент, используе-

мый в цифровой среде, но не существующий как физический объект.

Во-вторых, вещи создаются для удовлетворения потребностей человека и имеют конкретное назначение. Существование, применение их обусловлены волей человека – использования в конкретных целях. Сегодня ИИ-системы создаются разработчиками, действия которых часто зависят от пользовательских запросов; однако способность к самообучению и поиску решений – без predetermined алгоритмов – указывает на автономную сферу, не полностью подконтрольную человеку; так, например, чат-боты, которые учатся на основе взаимодействий с пользователями и могут принимать самостоятельные решения в рамках заданных параметров.

В-третьих, свойство повышенной опасности связано непосредственно с объектами или деятельностью (могут причинить вред окружающей среде они или же человеку). Системы ИИ, управляемые алгоритмами разработчиков, также потенциально несут риски: от кибератак до непреднамеренного использования данных. Даже автономные области деятельности ИИ остаются частично под контролем человека, но теоретически способны выйти за рамки заложенных параметров. Беспилотные автомобили, например, которые принимают решения на дороге без прямого вмешательства оператора, но могут ошибаться в условиях, не предусмотренных программным обеспечением [8].

С.А. Соменков подчеркивает: искусственный интеллект – источник повышенной опасности; развитие технологий ИИ усиливает риск, поскольку отсутствуют моральные установки и этические принципы; так, например, автономные системы, использующие ИИ в управлении транспортом – способны привести к авариям в условиях непредвиденных ситуаций; алгоритмы, принимающие решения в финансовой сфере, – потенциально создают угрозу экономической стабильности, влияя на рынки в неконтролируемом режиме.

Кроме того, нужно отметить, что использование ИИ в военных целях – увеличивает вероятность создания автономных вооружений, способных действовать непосредственно без участия человека. Упомянутое, конечно, добавляет новые риски непосредственно для самой безопасности общества [9]. Некоторые исследователи считают, что предоставление правосубъектности ИИ сейчас неуместно. ИИ пока не обладает полной автономностью. Например, беспилотные автомобили еще не могут действовать сами по себе.

Другие ученые предлагают создать «электронное лицо», как юридическое лицо, для упрощения правоприменения. Д. Гришин предложил законопроект о «роботе-агенте». Такой робот будет участвовать в гражданском обороте и зарегистрирован в специальном реестре. Законы для юридических лиц могут применяться к таким роботам.

Данную точку зрения поддерживает и другой автор А.В. Нечкин [7]. Он считает, что не нужно разделять правосубъектность ИИ на правоспособ-

ность и дееспособность, как, собственно, это делается для людей; так, допустим, нельзя сравнивать правосубъектность ИИ с правами человека, ИИ должен иметь правосубъектность, аналогичную правосубъектности организаций, таких как компании. Решение же о правосубъектности ИИ должно принимать компетентный орган, например, государственный регулятор [5].

Третья группа ученых предлагает ограниченную правосубъектность ИИ для агентских задач. Очень важно установить статус интеллектуальных агентов, которые заключают договора. П.М. Морхат предлагает непосредственно два возможных решения упомянутого нами вопроса [11]. Первый – интерпретация машины или же инструментов. Второй – наделение их определённой правосубъектностью.

Четвертая группа ученых считает следующее: ИИ должен иметь права, аналогичные правам человека. Крысанова Н.В. выделяет непосредственно 2 важнейшие причины, почему именно это важно [6]. Автор полагает, что подход к определению ИИ как правосубъекта позволит четко установить, кто несет ответственность за негативные последствия, вызванные действиями ИИ – данный шаг существенно упростит непосредственно сам процесс привлечения ответственности, что в свою очередь снизит риски для юридических лиц, занимающихся разработкой и эксплуатацией ИИ – создаст это более безопасную среду для инвестиций, поскольку инвесторы будут уверены в том, что правовые риски минимизированы; так, если ИИ совершает ошибку в финансовых расчетах, установленная ответственность за это позволит избежать судебных разбирательств с разработчиком или компанией, и в результате, инвестиции в технологии ИИ могут увеличиться, так как риски будут четко определены и устранены.

В рамках концепции определения ИИ как объекта гражданских правоотношений существует мнение, что ИИ представляет собой результат человеческой интеллектуальной работы. Арзамасов Ю.Г. подчеркивает, что ИИ является современным технологическим достижением; его же можно улучшать и модифицировать. При соблюдении юридических требований, ИИ может быть запатентован, продан или сдан в аренду. Так, разработчик нового алгоритма может патентовать свою разработку, а затем, собственно, продавать лицензии на использование этой технологии другим компаниям [12].

ИИ, как важная часть современных технологий, требует четких правовых норм, кроме того, защиты как объект интеллектуальной собственности. И в данный момент нерешенный вопрос защиты и правового статуса ИИ актуальна как никогда; важно обновить, усовершенствовать правовые понятия, касающиеся интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность стала важным ресурсом, способствующим непосредственно росту экономики, общества.

Например, если компания разрабатывает новый ИИ-алгоритм, она должна иметь возможность зарегистрировать его как интеллектуальную собственность, дабы защитить свои права, получить прибыль от его использования. В Гражданском кодексе РФ перечислены виды интеллектуальной собственности, которые охраняются законом; перечень при этом является закрытым ИИ, и кроме того, сами технологии ИИ в нем не упоминаются.

Примеры практической реализации защиты прав на ИИ.

Авторское право (ПО для машинного перевода или чат-боты; программы защищены авторским правом как произведения программной инженерии).

Патенты: решения технического характера в области ИИ, например, алгоритмы улучшения распознавания речи или изображений (решения могут быть запатентованы именно как изобретения).

ИИ определяется непосредственно как комплекс технологий, имитирующих когнитивные функции человека, в т.ч. самообучение и поиск решений без заданного алгоритма. Примеры:

- Машинное обучение: Системы, обучающиеся на больших объемах данных (с целью предсказания потребительского поведения).
- Системы рекомендаций: ИИ, используемые непосредственно в интернет-магазинах для предложения товаров на основе предыдущих покупок.

Решения технологического характера включают следующие компоненты:

- 1) ИКС, в которую входят системы, предназначенные для осуществления обработки необходимой информации, телекоммуникационные сети и прочие технические средства;
- 2) программные продукты, в том числе те, что используют алгоритмы машинного обучения;
- 3) процессы и услуги, ориентированные на обработку данных и нахождение оптимальных решений; непосредственно под технологическим решением понимается комбинация технологий, программных комплексов, баз данных и рекомендаций по их наиболее эффективному использованию.

Элементы, формирующие систему ИИ:

- 1) компьютерные программы – наборы инструкций и данных, создающие определенные результаты, в том числе подготовительные материалы, визуальные компоненты, сгенерированные непосредственно в процессе разработки;
- 2) БД– структурированные наборы информации, – их можно находить, анализировать с помощью компьютеров (охраняются как оригинальные произведения);
- 3) процессы и услуги анализа данных, выработки решений.

ИИ рассматривается именно как комплексный объект, включающий интеллектуальные результаты, защищенные самим законом (статья 1225 ГК РФ), такие как программы и БД. Хотя ГК РФ выделяет соответствующие сложные объекты, например, фильмы, БД, мультимедийные продукты, их

точные параметры при этом не указываются. С целью определения сущности сложного объекта можно обратиться непосредственно к «Обзору судебной практики по спорам о защите интеллектуальных прав» от 23 сент. 2015 г. [3]».

Согласно пункту 17, сложный объект представляет собой объединение нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в единое целое. Попытка использования его частей по отдельности приведет к утрате исходной идеи автора и разрушит целостность – исключит это, конечно, возможность дальнейшего применения объекта [4].

Стоит предпринять меры с целью определения правового положения ИИ в российском гражданском обороте.

Во-первых, принять отдельный закон – он будет фиксировать статус ИИ, его основные признаки, условия правоспособности и ответственность.

Во-вторых, пересмотреть нормы о защите ПД с учетом всех особенностей ИИ, дабы гарантировать открытость информации о данных, право граждан управлять ими, в т.ч. возможность удаления.

В-третьих, установить правила непосредственно в области авторского, патентного права с целью охраны интеллектуальной собственности, созданной с помощью ИИ, с учетом вклада как человека, так, собственно, и самой программы.

Активное развитие искусственного интеллекта требует срочной корректировки правовых норм в сферах, охватывающих авторские права, патенты и промышленные образцы. ИИ обладает потенциалом фундаментально изменить правовые отношения в этих областях; именно в этой связи очень важно создать эффективные правовые механизмы, регуляторы, учитывающие его влияние. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), опираясь на поддержку своих членов, приступила к созданию коллекций ключевых документов, регулирующих использование ИИ и защиту интеллектуальной собственности. Регулярное уведомление государств-членов ВОИС о внесении соответствующих изменений в нормативные акты по ИИ позволит своевременно учитывать новые тенденции и обеспечить правовую гармонизацию в международной практике.

Интеграция технологий ИИ тесно связана с глобальными и региональными процессами реструктуризации экономики. Искусственный интеллект рассматривается в качестве движущей силы экономического роста, формирования новых инвестиционных циклов, выхода из стагнации. Поддержка интереса к ИИ является отражением реальных тенденций в мировой экономике, стремящейся к инновациям и модернизации. Примером служит активная политика России, которая видит в ИИ стратегическое направление для долгосрочных инвестиций, способствующих устойчивому развитию. Реализация проектов по внедрению ИИ в административные и коммерческие процессы требует создания продуманной инвестиционной стратегии, на-

правленной на обеспечение среднесрочных, и кроме того, долгосрочных экономических целей.

ИИ представляет собой мощный инструмент улучшения инвестиционного планирования в российской экономике. Так, автоматизация с применением ИИ позволяет минимизировать трудозатраты, материальные издержки. Может привести к дальнейшему пересмотру глобальных экономических связей, сокращению издержек в производственных цепочках. Системы ИИ предоставляют возможность более точного анализа больших объемов данных, прогнозирования финансовых, операционных рисков. Такая аналитика помогает компаниям повышать уровень эффективности принимаемых решений, избегая при этом излишних финансовых потерь. Однако важно понимать такой момент: внедрение ИИ связано с рядом рисков: алгоритмической предвзятостью, уязвимостью кибератак, ошибками программирования, юридическими, репутационными угрозами. Использование ИИ в неэтичных целях или кибератаки на его системы могут привести к серьезным репутационным потерям и финансовым убыткам (для самих организаций).

Активное развитие искусственного интеллекта требует срочной корректировки правовых норм в сферах, охватывающих авторские права, патенты и промышленные образцы. ИИ обладает потенциалом фундаментально изменить правовые отношения в этих областях; именно в этой связи очень важно создать эффективные правовые механизмы, регуляторы, учитывающие его влияние. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), опираясь на поддержку своих членов, приступила к созданию коллекций ключевых документов, регулирующих использование ИИ и защиту интеллектуальной собственности. Регулярное уведомление государств-членов ВОИС о внесении соответствующих изменений в нормативные акты по ИИ позволит своевременно учитывать новые тенденции и обеспечить правовую гармонизацию в международной практике.

Вопрос о правовой природе искусственного интеллекта – один из самых сложных и дискуссионных в современной юриспруденции. Существующие правовые конструкции, разработанные для материальных объектов или даже традиционных информационных технологий, с трудом применимы к такой динамичной и многогранной сущности, как искусственный интеллект. Среди различных подходов, предлагаемых учеными особого внимания заслуживает концепция искусственного интеллекта как цифрового актива. Этот подход позволяет учесть специфику искусственного интеллекта более полно, чем традиционные правовые модели. Законодательство пока не дает четкого определения этого термина. Однако, анализируя работы отечественных и зарубежных исследователей, можно выделить ключевые характеристики цифрового актива:

1) технические: двоичная форма существования, при которой объект не нуждается в материализации в реальном мире, созданный код суще-

ствуется только в цифровой среде и не имеет аналога в материальном мире;

2) экономические: реальная или потенциальная экономическая ценность, выступающая одним из обязательных условий для легитимации объекта права, наличие в новом объекте потребительских свойств и способность к участию в гражданском обороте.

Искусственный интеллект обладает рядом признаков, которые позволяют его отнести по правовой природе к цифровому активу. Только указанный подход может учесть все особенности, присущие искусственному интеллекту, в то время как квалификация ИИ в качестве того или иного существующего объекта гражданских прав выхватывает из его свойств какое-то лишь одно и ставит его во главу угла.

В рамках формирования правил оборота также требуется дальнейшее развитие в следующих направлениях.

Во-первых, следует признать необходимость формирования механизмов подтверждения правообладателя. В целях исполнения государственных программ, направленных на стимулирование цифровой экономики, уже вводятся новые инструменты оформления сделок и (или) идентификации субъектов оборота (такие как смарт-контракты, использование ЭЦП или ЭДО, идентификация лиц с помощью государственных электронных систем и т.д.). Однако представляется заслуживающим внимания проведение механизмов интеграции методов идентификации в рамках взаимодействия государственных информационных систем и частного сектора.

Во-вторых, требуется выделение особой категории инфраструктурных объектов: появляются новые средства, создающие условия для развития оборота и методы его стимулирования (например, онлайн-платформы, цифровые площадки, интернет-реклама и т.д.), которые в настоящий момент осуществляют деятельность на основе применения законодательства по аналогии либо функционируют на основании внутренних правил информационных систем ввиду отсутствия профильного регулирования.

В-третьих, существует проблема недостаточности механизмов защиты нарушенных прав «владельцев» цифровых объектов в случае неправомерного выбытия таковых из-под контроля добросовестного лица. На наш взгляд, эта сфера требует особого внимания в двух направлениях: реформирование законодательства, а также формирование инфраструктуры – например, системы добровольной регистрации в едином реестре.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // «Парламентская газета», № 214–215, 21.12.2006.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного ин-

теллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

3. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2015.
4. Гуляева, Ю.Р. Правовая охрана искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта как объекта интеллектуальных прав в Российской Федерации / Ю.Р. Гуляева, Ю.С. Межуева // Политехнический молодежный журнал. – 2022. – № 11(76).
5. Коротченкова, М.В. Искусственный интеллект: объект или субъект гражданского права / М.В. Коротченкова // Альманах молодого исследователя. – 2022. – № 13. – С. 33–36.
6. Крысанова Н.В. Правовые вопросы искусственного интеллекта // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16–1. – С. 586–589.
7. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex Russica. – 2020. – № 8 – С. 78–85.
8. Плахотная, И.С. Проблемы определения правового положения искусственного интеллекта в российском гражданском праве / И.С. Плахотная // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 167–175.
9. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. – № 2 (54) – С. 75–85.
10. Филипова, И.А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? / И.А. Филипова, В.Д. Коротеев // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 359–386.
11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в области права интеллектуальной собственности: проблемы гражданского права: Дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2018. – 420 с.
12. Арзамасов Ю.Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта. / Ю.Г. Арзамасов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-opredeleniyuiskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 14.10.2023).

THE LEGAL REGIME AND FEATURES OF THE INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO ECONOMIC TURNOVER

Yelansky I.Yu.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Modern digital realities that have arisen in connection with new technological opportunities have become an integral part of human life: for example, a digital signature has become familiar and has found

its way into law, and virtual objects and artificial intelligence are no longer perceived as something incredible. But at the same time, they have not yet been properly integrated into the domestic legal system. There is a need for adequate legal regulation of the emerging digital economy. Based on the civilistic methodology, the author analyzed the concept, legal nature, as well as the legal regime of artificial intelligence in the field of economic turnover. Comparative legal, systemic and structural methods of scientific cognition, as well as the modeling method were used in the preparation of the article. The methodological feature of this study is the combination of theoretical and empirical levels of cognition. The use of the above-mentioned set of methods made it possible to consider the issues of legal qualification and legal regime of artificial intelligence in the light of ambiguous doctrinal and practical approaches to their solution.

Keywords: artificial intelligence, information technology, innovation, software, digital economy, intellectual property.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part four) of 12/18/2006 № 230-F3 (as amended on 30.01.2024) //»Parliamentary Newspaper», No. 214–215, 12/21/2006.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 (as amended on 02/15/2024) «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030») // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 14.10.2019, No. 41, art. 5700.
3. Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 09/23/2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 11, November, 2015.
4. Gulyaeva, Yu.R. Legal protection of artificial intelligence and artificial intelligence technologies as an object of intellectual rights in the Russian Federation / Yu.R. Gulyaeva, Yu.S. Mezhuyeva // Polytechnic Youth Journal. – 2022. – № 11(76).
5. Korotchenkova, M.V. Artificial intelligence: an object or subject of civil law / M.V. Korotchenkova // Almanac of a young researcher. – 2022. – No. 13. – pp. 33–36.
6. Krysanova N.V. Legal issues of artificial intelligence // Russia: trends and prospects of development. – 2021. – No. 16–1. – pp. 586–589.
7. Nechkin A.V. Constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: the present and the future // Lex Russica. – 2020. – No.8 – pp. 78–85.
8. Plakhotnaya, I.S. Problems of determining the legal status of artificial intelligence in Russian civil law / I.S. Plakhotnaya // Issues of Russian justice. – 2023. – No. 28. – pp. 167–175.
9. Somenkov S.A. Artificial intelligence: from object to subject? // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. – No. 2 (54) – pp. 75–85.
10. Filipova, I.A. The future of artificial intelligence: an object or a subject of law? / I.A. Filipova, V.D. Koroteev // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, No. 2. – pp. 359–386.
11. Morkhat P.M. The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: problems of civil law: Diss. ... doct. Jurid. sciences: 12.00.03. – Moscow, 2018. – 420 p.
12. Arzamasov Yu.G. An integrated approach to the definition of artificial intelligence. / Yu.G. Arzamasov. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-opredeleniyuiskusstvennogo-intellekta> (date of application: 14.10.2023).

Понятие и сущность государственной границы: история становления, эволюция научных взглядов

Лобченко Людмила Николаевна,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет

Ерофеев Денис Андреевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет
E-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

Статья посвящена анализу эволюции представлений о сущности государственной границы, включая её юридические, исторические, географические, технологические аспекты. Актуальность темы предопределяется трансформацией функций и значений границы в условиях глобализации, цифровизации, климатических изменений, потрясений, которые ставят перед государствами новые вызовы, в том числе, киберугрозы, миграционные кризисы, необходимость адаптации территориального управления к нынешним реалиям и с прицелом на перспективу. Цель исследования – выявить основные подходы к пониманию сущностных сторон характеризуемого концепта, их эволюцию (с опорой на ретроспективный анализ), современные проблемы. В работе выявлены расхождения в трактовке дефиниции рассматриваемого феномена между правовыми, историко-географическими, технологическими подходами. Автор приходит к выводу о необходимости междисциплинарного анализа и создания единой методологической базы, в которой были бы учтены нынешние вызовы – различной природы и остроты проявления. Новизна заключается в формулировке авторского определения термина, а также в выработке рекомендаций относительно конкретизированного раскрытия темы в последующих изысканиях. Материалы, изложенные в статье, будут полезны научным сотрудникам, изучающим проблемы государственной границы, международных отношений, территориального управления, а также практикам в области миграционной политики, пограничного контроля.

Ключевые слова: геополитика, государственная граница, история, киберпространство, климатические изменения, культура, международное право, правовой статус, суверенитет, территория, эволюция.

Введение

Государственная граница – это концепт, который отражает политическую, культурную, а также социальную организацию общества на протяжении всей истории. Её понимание, функционал претерпели значительные изменения, высвечивая эволюцию государственности, технологий, глобальных процессов. Анализ исторического осмысления границы даёт возможность выявить ключевые этапы формирования представлений о ней, их влияние на современную систему международных отношений.

Проблема исследования заключается в необходимости переосмысления сущности государственной границы в условиях глобализации, цифровизации, климатических трансформаций и потрясений. Современные вызовы (прежде всего, подразумеваются транснациональные миграционные потоки, киберугрозы, экологические катастрофы) требуют формирования новых концептуальных подходов к управлению. Это обуславливает актуальность анализа исторических этапов эволюции рассматриваемого концепта и разработки рекомендаций по последующим изысканиям.

Методы и материалы

При подготовке статьи использован сравнительный анализ, ретроспективный метод (выделение исторических этапов и их содержания), систематизация, обобщение. Изыскания, посвящённые теме, демонстрируют разнообразие подходов, взглядов, что подчёркивает сложность, многогранность анализируемого феномена. Литературу целесообразно условно разделить на несколько категорий, объединённых тематикой, а также методологией.

Юридические и правовые аспекты государственной границы достаточно широко представлены в современных работах. В.М. Бондаренко [2] рассматривает конституционно-правовой статус, подчёркивая ключевую роль характеризуемого концепта в обеспечении суверенитета. Описания Е.Ю. Довгополова [4] касаются принципов установления, изменения границ, включая поддержание правовых отношений. И.А. Колосков [5] сосредотачивается на административно-правовом режиме.

Историко-теоретические подходы раскрыты в трудах многих авторов. А.А. Гурьянов [3] изучает эволюцию понятия, акцентируя внимание на методологических, международно-правовых аспектах осмысления сущности. Л.Р. Мелконян [6] анализирует государственную границу как элемент терри-

тории, делая акцент на современных подходах к её содержанию. О.А. Хлопов [10] обращает внимание на историческую память, рассматривая её влияние на восприятие, формирование границ.

Географический и пространственно-временной анализ также представлен в научных публикациях последних лет. А.С. Соколов, В.Н. Минат [8] применяют научный синтез истории и географии для изучения эволюции государственной территории. А.И. Стрельцова [9] анализирует значение границы с точки зрения её роли в системе международных отношений.

В свою очередь, технологические и глобальные аспекты государственности отражены в работе Я.А. Абделькарима [1], который исследует демаркацию киберпространства, рассматривая её в контексте национальных интересов, суверенитета. Это направление акцентирует внимание на новых вызовах, возникающих в условиях цифровизации.

Социально-политические функции исследуются в труде Т.А. Прихидько [7], где упор сделан на границе как гаранте стабильности территории. В изыскании выделяется увязка темы с поддержанием внутренней стабильности государства.

Итак, по результатам обзора материалов, источников обнаруживается многоаспектность исследований, однако остаются определённые противоречия, пробелы. Например, в юридических и исторических подходах отсутствует согласованность в интерпретации понятия границы. Более того, недостаточно проработан вопрос интеграции киберпространства, экологических аспектов в теорию и практику. Слабо освещёнными являются следующие проблемы: уточнение правового статуса границ в условиях цифровизации, влияние вызовов на трансграничное сотрудничество, нюансы социально-экономической интеграции приграничных зон, разработка универсальных методик для анализа исторических, пространственных изменений.

Результаты и обсуждение

Первые упоминания о границах в человеческой истории восходят к эпохе античных цивилизаций. В государствах Древнего Египта, Междуречья, Китая они первоначально имели сакральный, утилитарный характер; нередко определялись природными барьерами: реками, горами, пустынями. Эти рубежи не только защищали от внешних угроз, но и символизировали власть правителей над территорией, сакрализованной через ритуалы [7].

Позднее произошли существенные трансформации в понимании рассматриваемого концепта. Римская империя впервые внедрила *limes* – пограничные укрепления, которые определяли как территориальные пределы, так и сферу влияния. В это время граница становилась не просто рубежом, но и зоной взаимодействия с внешними народами: торговли, культурного обмена, военных конфликтов.

В Средневековье, с размыванием централизованной власти, предшествующие идеи уступили

место разветвленной системе вассальных отношений. Территории нередко находились в совместном владении нескольких феодалов, что делало границы подвижными, неопределёнными. Показательным примером подобного подхода служит Священная Римская империя, где юридическая природа границ определялась правами земельных владельцев [3].

С эпохой Возрождения и появлением абсолютистских монархий вновь наметились серьёзные изменения в понимании сущностных особенностей. Развитие картографии стало важнейшим инструментом в фиксации территориальных пределов. Границы стали рассматриваться в качестве политического инструмента, отражающего баланс сил. Вестфальский мир 1648 года стал знаковым этапом: был заложен «фундамент» современного международного права, что придало характеризующему концепту незыблемый статус символа суверенитета.

Индустриализация, стремительное развитие коммуникаций в XIX веке ускорили процессы демаркации. Новая роль границ как средства регулирования миграции, торговли, таможенных сборов стала очевидной. В это время она перестала быть лишь линией разделения территорий, превращаясь в достаточно сложный механизм взаимодействия между государствами.

XX столетие ознаменовалось новыми формами конфликтов, а также сотрудничества. Первая мировая война продемонстрировала уязвимость государственных границ, установленных по политическим соглашениям, но не учитывающих этнические, культурные реалии. Версальская система, заложившая основы нового территориального порядка, породила множество «спящих противостояний» (в частности, подразумеваются проблемы германо-польской границы, спорные территории в Центральной Европе и т.п.) [8].

Во второй половине прошлого века процесс деколонизации изменил представления о рассматриваемом концепте. Новые государства, возникавшие на основе бывших колоний, зачастую сохраняли искусственные границы, созданные предшествующими администрациями. Это стало источником множества этнополитических конфликтов.

Современность диктует новые вызовы, задачи. Глобализация стирает экономическое значение, но усиливает политическую, культурную функцию. В XXI столетии появляются концепции «цифрового рубежа», отражающие развитие технологий, транснациональных процессов.

Итак, по результатам анализа ретроспективы представляется целесообразным составить сводную таблицу 1, в которой систематизированы этапы эволюции представлений.

Итак, история эволюции представлений о государственной границе отражает динамику политических, экономических, культурных процессов. От сакральных и природных рубежей в древности до современных гибридных форм контроля – каждый этап демонстрирует адаптацию к новым ус-

ловиям, появляющимся дополнительным вызовам. В нынешнем мире рассматриваемый остаётся значимым инструментом регулирования международ-

ных отношений, принимая новые формы, в рамках которых учитываются как традиционные, так и цифровые моменты.

Таблица 1. Развитие знаний и понимания сущности государственной границы

Этап	Характеристика границы	Основные функции и роль	Примеры
Древние цивилизации и античность	Граница связана с природными барьерами, сакрализована через ритуалы	Охрана от внешних угроз, сакральное обоснование власти, символ устойчивости государства	Египетская граница по Нилу, Великая китайская стена
	Появление пограничных зон (<i>limes</i>), граница как зона взаимодействия с внешним миром	Определение сферы влияния, контроль над территорией, стимулирование культурного, экономического обмена	Римские <i>limes</i> , Греческие колонии
Средневековье	Подвижные, размытые границы из-за феодальной раздробленности	Регулирование вассальных отношений, передача прав на землю, минимизация прямых столкновений через династические браки	Священная Римская империя, договоры феодалов в Европе
Абсолютизм	Фиксированные границы, поддерживаемые развитием картографии, юридических соглашений	Утверждение суверенитета, экономическое планирование, политическая стабильность	Вестфальский мир 1648 года, государственные карты Франции
Индустриальная эпоха	Четкое демаркирование с учетом экономических, социальных реалий	Регулирование миграции, установление таможенных барьеров, территориальная экспансия	Колониальные границы в Африке, договоры о границах в Европе
XX век	Перераспределение границ после войн, создание искусственных рубежей в процессе деколонизации	Устранение старых противоречий, но порождение новых конфликтов, фиксация международного права через границы	Версальская система, обозначения на карте ООН
Современность	Гибкость, усиление цифрового, правового контроля, пересмотр роли суверенитета	Регулирование миграционных потоков, обеспечение безопасности, управление трансграничной инфраструктурой	Шенгенская зона, цифровые границы

Источник: составлено автором на основе [3, 7, 8].

Далее уместно привести примеры современных определений понятия, встречающиеся в научных изысканиях.

Так, Е.Ю. Довгополов предлагает понимать под государственной границей линию и проходящую по ней вертикальную поверхность, определяющие пределы территории государства, включая сушу, воды, недра, воздушное пространство, зафиксированные в международных договорах, законодательных актах. Как представляется, данная формулировка характеризуется юридическим уклоном [4].

С геополитических позиций под анализируемым концептом подразумевается инструмент политико-территориального разграничения, определяющий суверенитет над определённой частью пространства и выполняющий функции защиты, контроля, регулирования взаимодействия с внешним миром [1].

Также в публикациях встречаются определения с культурологическим акцентом. Речь идёт о символической черте, которая отделяет одну культурно-историческую общность от другой, выражает различия в языке, традициях, ценностях, социальном устройстве [10].

Наконец, интерес представляет и экономический ракурс раскрытия дефиниции: зона пересечения товарных, финансовых, трудовых потоков, регулирующая хозяйственное взаимодействие между странами посредством таможенных, миграционных механизмов [9].

С учётом обозначенных выше формулировок предлагается авторская трактовка, в соответствии с которой государственная граница – это пространственно закреплённый и юридически определённый рубеж, который фиксирует территориальные пределы суверенитета, обеспечивая контроль над ресурсами, движением людей, товаров, а также выполняя роль медиатора в политических, экономических, культурных процессах взаимодействия с внешним миром.

В условиях глобализации, технологических преобразований концепция государственной границы претерпевает существенные трансформации, отражая новые вызовы, потребности общества. Современные подходы уместно дифференцировать на несколько ключевых направлений (рис. 1).

Так, с юридической позиции исследуемый концепт рассматривается в качестве элемента международного права, регламентирующего суверенитет государства. Пристальное внимание уделяется во-

просам демаркации, делимитации, правовой защиты, а также цифрового закрепления в современных геоинформационных системах.

Рис. 1. Систематизация современных подходов к пониманию и раскрытию сущности государственной границы

Источник: составлено автором на основе [2, 3, 6, 7, 9].

С учётом геополитического ракурса граница понимается как инструмент утверждения силы государства на мировой арене. Учёные исследуют её роль в распределении влияния, военно-

стратегическом планировании, управлении миграционными потоками.

В рамках социально-культурного подхода граница трактуется не только как физическая линия, но и как зона взаимодействия, разделения языков, традиций. Исследуются вопросы трансграничной идентичности, ассимиляции, обмена. Например, в Европейском союзе анализируемый концепт приобретает характер точек сопряжения культур, а не барьеров.

В экономическом контексте границы выступают в роли регуляторов торговли, инвестиций, миграции. Они определяют таможенную политику, налоговое регулирование, механизмы транснациональных сделок. Примечательно, что новейшие изыскания концентрируются на минимизации препятствий для свободного перемещения ресурсов при сохранении государственного контроля.

Наконец, весьма значим и технологический подход при раскрытии сущностных сторон. С развитием digital-разработок появляется концепция «цифровой границы». При этом предусматривается использование систем видеонаблюдения, биометрии, искусственного интеллекта в целях управления потоками людей, товаров. Важнейшей задачей становится защита киберпространства как нового измерения государственной территории.

С опорой на охарактеризованные выше подходы предлагается ряд ориентиров для последующих исследований, позволяющих более детализировано и конкретизировано раскрыть тему (табл. 2).

Таблица 2. Рекомендации по дальнейшим направлениям изыскания в области понимания сущности государственной границы

Векторы исследования	Описание, задачи	Перспективы
Юридические аспекты киберграниц	Изучение правового статуса цифрового пространства как части государственной территории	Формирование норм международного права для защиты киберграниц
Экологическая составляющая	Анализ влияния пограничных режимов на экологические системы	Разработка трансграничных природоохранных стратегий
Трансграничное культурное взаимодействие	Исследование влияния границ на сохранение, трансформацию национальных культур	Создание программ культурного обмена для укрепления международных связей
Границы в условиях климатических изменений	Изучение миграционных потоков, вызванных изменением климата, и их воздействия на госграницы	Формирование адаптационных механизмов для регулирования «климатических мигрантов»
Интеграция искусственного интеллекта в управление	Разработка алгоритмов для прогнозирования миграционных потоков, автоматизации пограничного контроля	Ускорение обработки данных, снижение затрат на поддержание безопасности
Социальная устойчивость приграничных территорий	Анализ социальных, экономических условий в зонах границ	Устранение дисбаланса в уровне жизни приграничных регионов и остальной территории страны

Источник: составлено автором.

Выводы

Эволюция представлений о государственной границе – это «зеркало» изменений, происходящих в обществе. От сакрального символа в древности до сложной политико-правовой конструкции в современном мире, характеризуемый концепт продол-

жает играть ключевую роль в формировании структуры международных отношений. Анализ истории позволяет не только понять причины, механизмы территориальных споров, но и выработать подходы к их разрешению в условиях глобальных преобразований, разного рода потрясений.

Современные подходы к изучению государственной границы отражают её многоаспектную природу. Она перестала быть исключительно фи-

зической линией, трансформировавшись в сложные социально-правовые конструкции. Перспективы дальнейших исследований включают решение вопросов, связанных с глобальными вызовами (в частности, подразумеваются цифровизация, климатические изменения, культурная интеграция и т.п.).

Литература

1. Абделькарим Я.А. Демаркация киберпространства: политико-правовые последствия применения концепции национальных интересов суверенных государств / Я.А. Абделькарим // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – Т. 2. – № 2. – С. 262–285.
2. Бондаренко В.М. Конституционно-правовой статус государственной границы: некоторые теоретические и правовые особенности / В.М. Бондаренко // *Право. Экономика. Психология*. – 2022. – № 1 (25). – С. 3–8.
3. Гурьянов А.А. Государственная граница: исторические, теоретико-методологические, международно-правовые и технологические аспекты совершенствования определения понятия / А.А. Гурьянов // *Право и государство: теория и практика*. – 2022. – № 8 (212). – С. 25–29.
4. Довгополов Е.Ю. Юридическое содержание принципов установления и изменения прохождения государственной границы, установления и поддержания правоотношений на государственной границе / Е.Ю. Довгополов // *Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского научного конгресса*. – Москва: 2020. – С. 22–31.
5. Колосков И.А. Понятие и классификация административно-правового режима государственной границы России / И.А. Колосков // *Вестник науки*. – 2024. – Т. 1. – № 4 (73). – С. 179–189.
6. Мелконян Л.Р. Государственная территория, государственная граница, современные подходы к их содержанию / Л.Р. Мелконян // *Научные вести*. – 2020. – № 12 (29). – С. 194–208.
7. Прихидько Т.А. Государственная граница – гарант стабильности государственной территории / Т.А. Прихидько // *Per aspera ad astra – Через тернии к звездам. Сборник научных статей международных научных слушаний*. – Ставрополь: 2022. – С. 75–79.
8. Соколов А.С. Изучение пространственно-временной эволюции государственной территории и государственной границы на основе научного синтеза истории и географии / А.С. Соколов, В.Н. Минат // *Теория и практика современной аграрной науки. Сборник III национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием*. – Новосибирск: 2020. – С. 427–432.
9. Стрельцова А.И. К вопросу о понятии и значении государственной границы / А.И. Стрельцо-

ва // *Материалы международного научного форума обучающихся «Молодежь в науке и творчестве»*. – Гжель: 2022. – С. 205–206.

10. Хлопов О.А. Историческая память в контексте исследований государственных границ / О.А. Хлопов // *Наукосфера*. – 2022. – № 4–2. – С. 171–178.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE STATE BORDER: THE HISTORY OF FORMATION, THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS

Lobchenko L.N., Erofeev D.A.
Murmansk Arctic University

This article is devoted to the analysis of the evolution of ideas about the essence of the state border, including its legal, historical, geographical, and technological aspects. The relevance of the topic is predetermined by the transformation of the functions and meanings of the border in the context of globalization, digitalization, climate change, shocks that pose new challenges to states, including cyber threats, migration crises, the need to adapt territorial management to current realities and with an eye to the future. The purpose of the study is to identify the main approaches to understanding the essential aspects of the characterized concept, their evolution (based on a retrospective analysis), modern problems. The paper reveals discrepancies in the interpretation of the definition of the phenomenon under consideration between legal, historical, geographical, and technological approaches. The author comes to the conclusion about the need for an interdisciplinary analysis and the creation of a unified methodological framework that would take into account the current challenges of various nature and severity of manifestation. The novelty lies in the formulation of the author's definition of the term, as well as in the development of recommendations regarding the concretized disclosure of the topic in subsequent research. The materials presented in the article will be useful to researchers studying the problems of the state border, international relations, territorial administration, as well as practitioners in the field of migration policy, border control.

Keywords: geopolitics, state border, history, cyberspace, climate change, culture, international law, legal status, sovereignty, territory, evolution.

References

1. Abdelkarim Ya.A. Demarcation of cyberspace: political and legal consequences of applying the concept of national interests of sovereign states / Ya.A. Abdelkarim // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – Vol. 2. – No. 2. – pp. 262–285.
2. Bondarenko V.M. Constitutional and legal status of the state border: some theoretical and legal features / V.M. Bondarenko // *Right. Economy. Psychology*. – 2022. – No. 1 (25). – Pp. 3–8.
3. Guryanov A.A. State border: historical, theoretical and methodological, international legal and technological aspects of improving the definition of the concept / A.A. Guryanov // *Law and the state: theory and practice*. – 2022. – No. 8 (212). – Pp. 25–29.
4. Dovgoplov E. Yu. The legal content of the principles of establishing and changing the passage of the state border, establishing and maintaining legal relations on the state border / E. Yu. Dovgoplov // *Higher School: scientific research. Materials of the Interuniversity Scientific Congress*. – Moscow: 2020. – pp. 22–31.
5. Koloskov I.A. The concept and classification of the administrative and legal regime of the state border of Russia / I.A. Koloskov // *Bulletin of Science*. – 2024. – Vol. 1. – No. 4 (73). – Pp. 179–189.
6. Melkonyan L.R. State territory, state border, modern approaches to their content / L.R. Melkonyan // *Scientific news*. – 2020. – No. 12 (29). – Pp. 194–208.
7. Prikhidko T.A. The state border is the guarantor of the stability of the state territory / T.A. Prikhidko // *Per aspera ad astra – Through thorns to the stars. Collection of scientific articles of international scientific hearings*. – Stavropol: 2022. – pp. 75–79.

8. Sokolov A.S. Studying the spatial and temporal evolution of the state territory and the state border on the basis of scientific synthesis of history and geography / A.S. Sokolov, V.N. Minat // Theory and practice of modern agricultural science. Collection of the III national (All-Russian) scientific conference with international participation. – Novosibirsk: 2020. – pp. 427–432.
9. Streltsova A.I. On the question of the concept and meaning of the state border / A.I. Streltsova // Materials of the international scientific forum of students “Youth in science and creativity”. – Gzhel: 2022. – pp. 205–206.
10. Khlopov O.A. Historical memory in the context of research on state borders / O.A. Khlopov // Naukosphere. – 2022. – No. 4–2. – pp. 171–178.

Основные теоретические подходы к формированию механизма разграничения отраслевой компетенции оперативных и следственных подразделений территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел

Звонарева Анна Юрьевна,

к.с.н., начальник кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru

Захватов Игорь Юрьевич,

к.ю.н., доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
E-mail: zakhvatov-iu@mail.ru

Васильева Ирина Николаевна,

к.с.н., заместитель начальника кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
E-mail: dinikoll@mail.ru

Актуальность темы статьи заключается в нормативной неопределенности разграничения полномочий различных уровней территориальных органов МВД России при совпадении отраслевой компетенции по ряду направлений оперативно-служебной деятельности, что часто приводит к выполнению одинаковых функций по противодействию преступности на одной территории несколькими подразделениями. Цель исследования состоит в необходимости разработки организационно-правовых механизмов разграничения отраслевой компетенции подразделений регионального и районного уровней, гипотеза – в предположении о том, что их разработка может стать средством повышения результативности деятельности ОВД, задачей исследования стал поиск путей формирования этих механизмов на основе анализа законодательства, существующих теоретических подходов к организации этой деятельности, ее регионального и зарубежного опыта, что предопределило применение общенаучных и частно-научных методов научного познания в качестве методологической основы исследования, результатом чего стала подготовка аналитического обзора с предложениями по определению критериев разграничения названного сегмента отраслевой компетенции ТО МВД России регионального и районном уровнях.

Ключевые слова: компетенция, разграничение, органы внутренних дел, раскрытие, расследование преступлений.

Система органов внутренних дел Российской Федерации и их основного, решающего звена – территориальных органов МВД России (далее также – ТО МВД России, ОВД) имеет многоуровневое организационное построение, основанное на сочетании линейного (территориального) и отраслевого (функционального) принципов [3, с. 90]. Специфика осуществления ОВД своей оперативно-служебной деятельности оказывает влияние на понимание сущности ее организационно-правовых механизмов и сопутствующих их формированию проблем отраслевой компетенции.

Для современного руководителя органа (подразделения) внутренних дел эта область профессиональной компетенции приобретает особую значимость. Реформирование системы МВД России, направленное на выполнение главной цели правоохранительной системы – достижения социально одобряемого уровня деятельности органов правопорядка, что соответствует ожиданиям общества, неразрывно связано с обеспечением способности органов внутренних дел к адекватному реагированию на конкретные угрозы, непосредственно влияющие на криминальную ситуацию.

Последовательное усложнение правоохранительных функций и специализации труда обуславливает потребность в поиске механизмов разграничения отраслевой компетенции органов и подразделений системы МВД России. Их сущность заключается в стремлении оптимизировать управленческий процесс, предложить такую схему управления функциональными (отраслевыми) подразделениями органов внутренних дел, которая в наибольшей степени соответствовала бы интересам всей системы государственного управления в правоохранительной сфере.

В теории управления проблема совершенствования организационно-правовых механизмов рассматривается в контексте обеспечения управляемости в разных организационных структурах, в определенных границах или на территории применительно к деятельности органов внутренних дел [8, с. 28].

Важно отметить, что институциональный контекст обеспечения управляемости в разных организационных структурах может быть различным, исходя из особенностей возникающих субъектно-объектных взаимоотношений, которыми опосредо-

вана структура системы управления применительно к деятельности органов внутренних дел, что напрямую связано с разнообразием их организационного построения и компетенции [4, с. 84].

Проблема достижения управляемости или так называемой «административной эффективности», связанная с поиском и использованием продуктивных методов снижения трудоемкости, повышения организации и профессионализма в системе государственного управления, превращения бюрократии в инструмент эффективного управления на основе принципов иерархии и разделения функций далеко не нова как для отечественных ученых, так и для зарубежных исследователей.

В самом начале 1990-х гг. в связи с масштабными политическими, экономическими и социальными изменениями в нашей стране ряд научных представлений, относящихся к теории управления органами внутренних дел, был пересмотрен. Возникла настоятельная и объективная потребность в новом методологическом понимании путей преодоления кризисных явлений, посредством активизации правоохранительных. Ориентация ОВД на защиту интересов общества привела к преобразованиям механизма управления. Например, территориальному органу МВД России органу регионального звена на государственном уровне было предоставлено право осуществления управленческих полномочий [9, с. 185].

Считалось бесспорным, что в процессе целеполагания должна проследиваться связь цели подсистемы с целью системы. Не допускалась их идентичность, ибо каждая из подсистем функционировала на основе традиционной специализации: предварительное следствие – на расследовании уголовных дел, профилактике преступлений процессуальными методами; оперативные подразделения органов внутренних дел – на выявление, пресечение и раскрытие преступлений посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

При этом изменилось отношение не только к компетенционным, но и к организационно-структурным вопросам, решение которых призвано, в том числе, оптимизировать численность аппарата управления, выстроить баланс между ним и непосредственными исполнителями правоохранительных функций, но и к самой ключевой идее как в принципе должна выстраиваться система управления органами внутренних дел. А это неизбежно вызвало потребность в переосмыслении всего массива правовых, организационных и методологических подходов к решению данной проблемы.

В настоящее время ценность сущностных характеристик организационно-правовых механизмов и сопутствующих их формированию организационно-функциональных состоит, в первую очередь, в том, что они оказывают влияние на определение нагрузки сотрудников отраслевых подразделений, а также позволяют уточнить их отраслевую (функциональную) компетенцию.

В этом проявляется стремление оптимизировать управленческий процесс, а также предложить такую схему управления функциональными (отраслевыми, профильными) подразделениями органов внутренних дел, которая в большей степени соответствовала бы интересам системы государственного управления в правоохранительной сфере. В идеале это позволило бы избавиться от лишних, неэффективных управленческих звеньев, добиться исключения параллелизма и дублирования, в итоге – упростить аппараты управления теми структурами, которые выполняют основной объем полномочий в области охраны правопорядка, снизить бюджетные расходы на их содержание.

Характеризуя указанные организационно-правовые механизмы, нельзя не отметить то, что участвующие в их функционировании субъекты, которые включены в единую систему органов внутренних дел, имеют признаки, присущие конкретной отрасли правоохраны [10, с. 143]. Одновременно, это диктует острую потребность во взаимодействии индивидуальных и групповых акторов с целью решения какой-либо проблемы [5, с. 26].

Данный подход к формированию организационно-правовых механизмов, присущих органам правоохраны, получил развитие в рамках зарубежных и отечественных научных школ и позволил ввести в научный оборот новую управленческую терминологию либо институализировать давно сложившиеся в управленческой практике понятия, что способствовало также и формированию междисциплинарных знаний, касающихся управления в правоохранительной сфере.

Помимо прочего, эта дает возможность выстроить единую логическую схему, состоящую как из терминов, относящихся к управленческой практике, так и активно применяющихся в сфере противодействия преступности.

Проблема достижения управляемости или «административной эффективности» полиции, связанная с поиском и использованием продуктивных методов снижения трудоемкости, повышения профессионализма кадров, превращения бюрократии в инструмент эффективного управления на основе принципов «иерархии и разделения функций» далеко не нова и по-прежнему вызывает интерес как у отечественных ученых, так и у зарубежных исследователей.

Так, идеи Ф. Гуднау, В. Вильсона, М. Вебера стали теоретической основой для конкретных правил и процедур административно-государственного управления, в том числе в полицейской деятельности зарубежных государств. В США и ряде стран Европы на основе системно-аналитического подхода подготовлены рекомендации по улучшению работы государственных служб [11, с. 29].

Основополагающие элементы инноваций в этой сфере внедрены в Германии, Австрии, Швейцарии и преобразованы в соответствии с реалиями этих стран. В Германии появилась «новая модель управления», в Швейцарии – «административное управление, ориентированное на достижение эф-

фективности». Общим для них (наряду с другими элементами, характерными для «нового государственного управления») стало смещение фокуса управления с ресурсов на результаты управленческой деятельности. Политические установки переориентированы не на средства, а на результат (эффективность). Это одно из важнейших последствий реформы. Например, в связи с введением административного управления, ориентированного на достижение высокой эффективности, во многих коммунах Германии изменена спецификация бюджета. Теперь бюджет обосновывается не затратами, а результатами, в том числе правоохранительных усилий.

Предполагается, что такой подход способствует как эффективности деятельности «ex ante» (согласно бюджету), так и ее прозрачности «ex post» (согласно расчету). Проведенный анализ сложившейся за рубежом практики постановки задач полиции позволил выявить как общие черты, так и существенные различия в их определении. Единство царит в отношении основных (правоохранительных) задач полиции, а также при определении желаемой эффективности и формирования чувства безопасности у населения.

Различия выявлены в двух сферах. Во-первых, при определении таких элементов, как связь целей и результатов, а также критериев, касающихся результатов, целей и показателей. Во-вторых, подходов к показателям оценки путей достижения результатов. Свои подходы к организации деятельности органов правопорядка демонстрируют и страны ближнего зарубежья. В последнее десятилетие в государствах постсоветского пространства проводится курс на реформирование правоохранительной системы, сопровождающийся отказом от советского (российского) формата и использованием западных моделей, предполагающих передачу ряда функций центрального аппарата управления гражданским служащим. Это обусловлено стремлением избежать проблем, связанных с разграничением отраслевой компетенции между подразделениями различного уровня в рамках реализации управленческих и правоприменительных полномочий.

Например, в структуре полиции Армении отсутствуют обособленные следственные подразделения и подразделения дознания. Кроме того, в рамках проводимого в этой стране реформирования полиции рассматривается перевод персонала центрального аппарата в категорию гражданской службы, создание института детективов, объединяющих в себе функции оперативных сотрудников и следователей. В министерствах внутренних дел Республики Казахстан и Азербайджанской Республики следствие и дознание объединены в один департамент (главное управление), который вместе с оперативными подразделениями подчинен первому заместителю министра внутренних дел.

В других странах ближнего зарубежья (республики Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика и др.) вопросам разграничения управленческих

и правоприменительных функций органов правопорядка также уделяется внимание, хотя есть и существенные различия в организационных подходах (например, УПК Республики Казахстан от 05 ноября 2022 г. № 157-VII по примеру европейских стран практически совмещает нормы уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства). Как правило, в статусных документах этих стран законодатель ограничивается перечислением органов, входящих в правоохранительную систему государства.

На ведомственном уровне это выглядит более детально. Так, Инструкция, утвержденная приказом МВД Республики Казахстан от 16 марта 2015 г. № 220, предписывает, что следственные управления департаментов внутренних дел областей как непосредственно расследуют уголовные дела ряда категорий (как правило, по фактам совершения особо тяжких преступлений), так и выполняют большой объем управленческих функций, связанных с организацией мероприятий, направленных на усиление работы по предупреждению, раскрытию и расследованию уголовных правонарушений, укреплению законности, методическое обеспечение подчиненных следственных подразделений, контроль их деятельности и т.п. (всего 20 функций). Ведомственная правовая конкретизация организационных функций, присущих ТО МВД России на региональном уровне выглядит примерно одинаково.

Что касается разграничения полномочий по раскрытию и расследованию преступлений между территориальными уровнями (звеньями) полицейских формирований, которое практикуется в ряде западных стран, здесь все зависит от того, насколько централизованы национальные полицейские силы того или иного государства, каковы традиционные подходы к определению роли и места полиции в системе органов исполнительной власти [7, с. 140].

Так, в США, где полицейская система децентрализована, управления шерифов графства или города не подчинены начальнику полиции штата, хотя и имеют возможность получения необходимых данных из Национального центра криминалистической информации ФБР при обращении с запросом в орган управления полицией штата.

В ФРГ основную массу преступлений раскрывают и расследуют органы уголовной полиции земель – региональные структуры, имеющие подчиненные им местные отделения национальной полиции (муниципальные полицейские формирования расследованием преступлений не занимаются). Национальные полицейские структуры к расследованию уголовных дел привлекается по просьбе земельных органов либо, по указанию федерального Министерства внутренних дел, прокурора или поручению судебного следователя.

В Австрии, где структура полицейских органов унифицирована, принято разграничение компетенции между судебной и исполнительной властью. Функции определения виновности принадлежат судебным инстанциям, а полиция Австрии призвана

обеспечить надлежащие условия для этого. Более того, полиция Австрии находится подчинении с судебных властей [6, с. 83].

Во Франции функции судебной полиции осуществляют комиссары и офицеры национальной полиции, которые в полном объеме осуществляют расследование большей части уголовных дел. Следственный судья, формально отвечающий за ход расследования, лишь ожидает результатов полицейского расследования события, о котором его предварительно информировали, а сами офицеры полиции вправе производить расследование на всей территории страны по требованию прокурора любого вышестоящего прокурора.

Таким образом, различия российского и зарубежного законодательства в сфере охраны правопорядка в целом, а по вопросам организации раскрытия и расследования преступлений, в частности, достаточно существенны. Даже страны с относительно централизованной или интегрированной (не говоря уже о децентрализованной) системой построения национальной полиции не могут быть примером рационального распределения отраслевой компетенции для отечественных органов правопорядка. Как правило, полицейские структуры различных территориальных уровней действуют обособленно, в четко очерченных законом правовых рамках, без крайней необходимости не пересекаясь, и под началом судебных органов. В связи с этим рассматривать упомянутый зарубежный опыт как некий пример для организации деятельности отечественных органов внутренних дел нецелесообразно.

Анализ теоретических подходов, к формированию организационно-правовых механизмов разграничения отраслевой компетенции органов охраны правопорядка (полиции) различных территориальных уровней при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, а также практики организации этой деятельности позволяет сделать вывод об отсутствии в них единства. Это связано как с особенностями национальных правоохранительных систем, обращением к ряду популярных инноваций, основанных на мировом опыте, так и со стремлением максимально сократить расходы на содержание государственного аппарата. Но при этом во главу угла ставится достижение правоохранительного результата, ожидаемого обществом и высшим политическим руководством страны.

Между тем, в условиях отсутствия критериев разграничения полномочий в рамках многоступенчатой системы МВД России неизбежно происходит увеличение нагрузки на сотрудников, сказывающееся на эффективности функционирования органов внутренних дел. Проблема усугубляется тем, что нормативными правовыми актами совокупность прав и обязанностей органов внутренних дел в части основного функционального блока правоохранительной направленности, связанного с противодействием преступности, охраной общественного порядка и обеспечением безопасности, каких-либо ограничений для районного уровня

не содержит. В определенной мере это касается и сотрудников подразделений предварительного следствия, дознания, а также лиц, наделенных оперативно-розыскными полномочиями.

Так, согласно уголовно-процессуальному закону, расследование уголовных дел, отнесенных к компетенции органов внутренних дел, как правило, производится следователями и дознавателями по месту совершения преступления. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется органами внутренних дел в целом, но при этом какая-либо правовая предопределенность для выборочной реализации полномочий территориальными органами МВД России регионального или районного уровня отсутствует.

В ходе изучения возможности оптимального распределения названных полномочий установлено, что существующее разграничение во многом носит условный характер и начинается на ведомственном уровне (это типовые положения о территориальных органах МВД России [1, 2], их подразделениях, инструкции, положения, наставления, устанавливающие полномочия по отдельным направлениям служебной деятельности, а также отдельные решения руководителей и т.п.). При этом сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии системности принимаемых мер. Более того, проблематика законодательного закрепления за органами внутренних дел прямо не предусмотренных статусными документами полномочий усугубляется схожей практикой ведомственного нормотворчества.

Между тем, полномочия являются элементом правового статуса органа публичной власти, нашедшие свое отражение в нормативных правовых актах различного уровня. Практически идентичные по смыслу и содержанию пункты типовых положений о ТО МВД России на региональном и районном уровнях определяют их полномочия и основные принципы организации деятельности. Однако среди структурных элементов типовых положений нет целевого и функционального блоков, что затрудняет четкую дифференциацию предназначения территориальных органов названных уровней.

Вместе с тем результаты анализа статусных документов свидетельствуют, что значительное количество полномочий регионального и районного звеньев являются либо частично, либо полностью идентичными, что обесценивает управленческую роль вышестоящих структур и не позволяет разграничить их предназначение в реализации правоохранительных функций.

И дело здесь не только в правовой предопределенности названных полномочий, а точнее – размытости либо смешения до полной аналогии. По способу изложения одни из них дублируют друг друга дословно, а другие – с незначительными отличиями в лексических конструкциях, не меняющими общего смысла (использование синонимов, перестановка слов местами и т.д.).

Зачастую такие полномочия имеют бланкетный способ изложения. Так, исследование показало,

что приведенная особенность характерна для значительной части полномочий, содержащихся в отмеченных документах – около 60% от всего объема сформулированы с использованием выражений «в пределах компетенции» или «в соответствии с законодательством».

Часто при описании полномочий используются термины, не приведенные к единообразной форме (наряду с наиболее типичными видовыми группами «осуществляет», «обеспечивает», «участвует» используются формулировки «осуществляет обеспечение», «принимает участие», «участвует в осуществлении» и т.д.). Большинство полномочий начинается с глаголов «осуществляет» (29,5%), «обеспечивает» (23%) и «участвует» (20,5%), а на региональном уровне – «обеспечивает» (31,5%), «организует и осуществляет» (14%), а также «осуществляет» (21%).

Отсутствие нормативно закреплённого значения указанных терминов затрудняет единообразное понимание полномочий применительно к различным уровням управления, что препятствует оценке их фактического объема и не позволяет судить о дублировании тех из них, которые содержатся в типовых положениях, а также оставляет широкие возможности для интерпретаций. Кроме того, существующая терминологическая неопределенность является препятствием для установления четких функциональных границ и содержательной дифференциации правоприменительных и организационно-управленческих полномочий отраслевых (профильных) подразделений ТО МВД России на региональном уровне.

Анализ упомянутых, ряда других терминов и лексических конструкций, чаще всего используемых в правовой работе и правоприменительной практике позволяет сделать вывод о том, что правовое закрепление этих терминов могло бы способствовать устранению неопределенности, препятствующей выстраиванию схемы соответствующих полномочий. Это подтвердила и информация, запрошенная авторами исследования из регионов.

Так, большинство опрошенных руководителей территориальных органов МВД России отметили, что отсутствие критериев разграничения полномочий многоступенчатой системы органов внутренних дел влечет увеличение нагрузки на сотрудников полиции и следственных органов, причем в первую очередь – именно районного уровня. При этом недопустимо занижать роль оперативных и следственных подразделений регионального уровня в раскрытии особо тяжких, тяжких и резонансных преступлений, а также при расследовании уголовных дел повышенной сложности. На районном же уровне специалистов требуемой квалификации, как правило, или очень мало или их совсем нет, что обусловлено известными объективными причинами.

Таким образом, выстраивание понятной конкретным руководителям ОВД системы организационно-правовых механизмов разграничения компетенции оперативных и следственных

подразделений является сложной наукоемкой задачей. Для четкого определения критериев требуется сравнительный анализ реальных объемов и содержания правоохранительной деятельности, а также фактических нагрузок сотрудников соответствующих подразделений, что возможно лишь при непосредственном участии заинтересованных подразделений центрального аппарата и территориальных органов системы МВД России, профильных образовательных и научных организаций.

Литература

1. Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: утверждено Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: утверждено приказом МВД России от 05 июня 2017 г. № 355 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Алиуллов Р.Р. Механизм управления органами внутренних дел: вопросы теории, методологии и практики: дисс. ... докт. юрид. наук: М.: Академия управления МВД России, 2004.
4. Руководитель территориального органа МВД России на районном уровне как организатор правоохранительной деятельности: правовые и организационные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2018.
5. Бушкова-Шиклина Э.В. Механизмы принятия управленческих решений: проблема концептуализации // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2007 № 1 (6).
6. Быков А.В., Кикоть-Глухоедова Т.В. Полицейская система современного демократического государства: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА Закон и право, 2014.
7. Кикоть-Глухоедова Т.В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование): монография М.: Изд-во + дизайн-бюро «ред», 2021.
8. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е изд., доп. и перераб. / под общ. ред. А.М. Кононова, И.Ю. Захватова. М.: Академия управления МВД России, 2017.
9. Пашин В.М. Региональные системы управления (на примере регионального управления органами внутренних дел): монография. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2007.
10. Руденко Л.С. Механизмы принятия управленческих решений в государственной гражданской службе: дисс. ... канд. социолог. наук: М., 2010.
11. Теория и практика социального управления: словарь-справочник / автор-составитель

THE MAIN THEORETICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF A MECHANISM FOR DELIMITING THE SECTORAL COMPETENCE OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE UNITS OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AT THE REGIONAL AND DISTRICT LEVELS WHEN SOLVING CRIMES

Zvonareva A.Yu., Zakhvatov I.Yu., Vasilieva I.N.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of the article lies in the regulatory uncertainty of the delimitation of powers of various levels of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the coincidence of sectoral competence in a number of areas of operational and service activities, which often leads to the performance of the same functions to combat crime in one territory by several units. The purpose of the study is the need to develop organizational and legal mechanisms for delimiting the sectoral competence of regional and district level units, the hypothesis is in the assumption that their development can become a means of increasing the effectiveness of the activities of the Internal Affairs Directorate, the task of the study was to find ways to form these mechanisms based on the analysis of legislation, existing theoretical approaches to the organization of this activity, its regional and foreign experience, which predetermined the use of general scientific and specific scientific methods of scientific knowledge as a methodological basis for the study, the result of which was the preparation of an analytical review with proposals for determining the criteria for delimiting the named segment of the sectoral competence of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional and district levels.

Keywords: competence, delimitation, internal affairs agencies, disclosure, investigation of crimes.

References

1. Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian

Federation dated December 21, 2016 No. 699 // SPS "ConsultantPlus".

2. Regulation on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level: approved by the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 5, 2017 No. 355 // SPS "ConsultantPlus".
3. Aliullov R.R. Mechanism for managing internal affairs bodies: issues of theory, methodology and practice: diss. ... Doctor of Law: Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.
4. Head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level as an organizer of law enforcement activities: legal and organizational aspects: diss. ... Cand. Law. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018.
5. Bushkova-Shiklina E.V. Mechanisms for making management decisions: the problem of conceptualization // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2007 No. 1 (6).
6. Bykov A.V., Kikot-Glukhoedova T.V. Police system of a modern democratic state: monograph. M.: UNITY-DANA Law and Right, 2014.
7. Kikot-Glukhoedova T.V. Administrative and legal support of national security in Russia, the USA and European countries (comparative study): monograph M.: Publishing house + design bureau "ed", 2021.
8. Organization of management of internal affairs bodies: textbook, 2nd ed., supplemented. and revised. / under the general editorship of A.M. Kononov, I. Yu. Zakhvatova. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.
9. Pashin V.M. Regional management systems (on the example of regional management of internal affairs bodies): monograph. M.: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.
10. Rudenko L.S. Mechanisms for making management decisions in the state civil service: diss. ... Cand. Sociology. Sciences: M., 2010.
11. Theory and practice of social management: dictionary-reference / author-compiler E.F. Yaskov. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.

Золотовская Елена Анатольевна,

ст. преподаватель, кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Институт права, Владивостокский государственный
университет
E-mail: elena-zlato@rambler.ru

Статья посвящена участию в гражданских правоотношениях государственного образования – субъекта Российской Федерации, или региона Российской Федерации. Государство для решения стоящих перед ними публичных, общенациональных или иных общественных (региональных, местных) задач вынуждено участвовать в имущественных отношениях. При этом должны быть учтены особенности статуса таких образований, обладающих публичной властью, но не являющихся, в то же время, полностью независимыми (политическими суверенами), которые сами определяют правопорядок, в том числе случаи и пределы собственного участия в гражданских правоотношениях. С другой стороны, необходимо в полной мере соблюсти интересы участников имущественного оборота, как юридически равных собственников имущества, находящихся в частноправовых, а не в публично-правовых отношениях друг с другом. Этими обстоятельствами и определяются особенности участия региональных публично-правовых образований в гражданском (имущественном) обороте.

Ключевые слова: публичная власть, субъект РФ, вред, возмещение вреда, властный акт, должностное лицо, властные полномочия.

Развитие гражданского общества в СССР привело к необходимости признания этим государством ряда гражданских прав, в том числе – права на компенсацию вреда, причиненного вследствие неправомерного поведения самого советского государства. Так в 1981 году появился Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 18.05.1981) [1].

На конституционном уровне впервые положение об ответственности публичной власти за вред, причиненный частным лицам, появилось в 1992 году, в качестве изменений в действующую тогда Конституцию РСФСР. Согласно ст. 62–2, дополненной в эту Конституцию, «каждый имеет право на возмещение государством всякого вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» [2]. Это положение было включено в действовавшую тогда российскую Конституцию в качестве правовой идеи, сформированной в 80-е годы прошлого века и закрепленной в статье 38 Декларации прав и свобод человека и гражданина [3]. Как отмечалось выше, впоследствии это положение перешло в статьи 52 и 53 Конституции РФ.

Гражданско-правовое закрепление этого правила также происходило поэтапно: сначала соответствующая норма появилась в ст. 16 Гражданского кодекса РФ (1994 г.), согласно которой убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. Дополнительное – уже среди деликтных институтов гражданско-правовое закрепление данное положение получило спустя еще несколько лет (в 1996 г. вступили в силу статьи 1069–1071 Гражданского кодекса РФ).

Согласно статье 1069 ГК РФ, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Таким образом, в полной мере институт возмещения публичной властью вреда, причиненного ее противоправными актами, действует более четверти века.

За это время сформировалась и практика применения данного института. Были приняты:

- определение (программное) Конституционного Суда РФ, которым, в частности, право на возмещение вреда было расширено до права возмещения расходов на представителя по делу, решением по которому с субъекта публичной власти (государственного или муниципального образования) был взыскан причиненный вред [4]. Следует отметить, что Конституционный Суд РФ принял по поводу возмещения гражданам вреда, причиненного публичной властью, уже несколько судебных актов, последний из которых касается вопросов возмещения вреда, причиненного в административном судопроизводстве [4];
- несколько обзоров в системе арбитражных судов [5];
- отдельное Постановление Пленума Верховного Суда РФ о субъекте исполнения судебных актов, которыми органам публичной власти предписывается возмещение деликтного вреда, причиненного гражданам [6].

Названные нормы выделяют несколько специфических признаков этих обязательств.

1. Действие по причинению вреда носит властный характер и именуется актом власти. В советское время под актом власти понимали «весь комплекс властных предписаний соответствующих органов при осуществлении ими государственно-властных функций» [7, с. 52]. Иначе говоря, под ним понимали издание как нормативного акта, так и индивидуального властного предписания (индивидуальные правовые акты). Однако после принятия ГК РФ – это понятие было еще более расширено и под ним стали понимать также фактические действия, которые осуществляются должностными лицами при исполнении ими своих должностных полномочий. Проблему в настоящее время представляет лишь комплекс отношений, возникающих в связи с принятием третьего вида правовых актов: актов толкования. Считать ли неправомерное издание официального (как правоприменительного, так и аутентичного) акта толкования – актом власти, обладающим достаточными для возмещения причинения вреда признаками – у практики пока ответа нет.

2. Противоправный характер данного действия (а точнее, деяния, поскольку ГК РФ предполагает ответственность также и за бездействие). В частности, ст. 16 ГК РФ называет их «не соответствующими закону», «не соответствующими иному правовому акту». Однако, как было указано по одному из дел, «тот факт, что законное проведение мероприятий налогового контроля и выражение при этом оценки законности действий налогоплательщика имело для налогоплательщика неблагоприятные имущественные последствия о противо-

правности поведения налогового органа не свидетельствует и достаточных оснований для возмещения вреда не образует. Иное бы означало, что по правилам возмещения вреда возмещаются расходы за сам факт участия налогоплательщика в предписанных НК РФ административных процедурах» [8]. Однако необходимо учитывать, что презумпция противоправности (в отличие от общих случаев (принципа) генерального деликта, установленных ст. 1064 ГК РФ) – находится на стороне государства. Иначе говоря, всякий акт власти предполагается правомерным – хотя бы он и причинял вред, пока в судебном порядке не доказано обратное [9, с. 11]. При этом противоправность властного акта должна иметь место не только в области гражданско-правовой, сколько в области тех отношений, в рамках которых действует публичная власть (административная, налоговая, правоохранительная противоправность). В то же время бремя доказывания правомерности правового акта при его оспаривании (а без этого оспаривания невозможно и возмещение вреда) «должно быть возложено на соответствующие органы публичной власти» [10, с. 104–107], при этом признание неправомерности акта власти и возмещение вреда могут быть произведены как в одном, так и в различных судопроизводствах.

3. Различие между противоправно действующим субъектом (субъектом правонарушения) – должностным лицом, и специальным субъектом гражданско-правовой ответственности – Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием. В частности, согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, публично-правовое образование является ответчиком в случае предъявления гражданином или юридическим лицом требования о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов [11]. Такое требование подлежит рассмотрению в порядке искового производства. Однако, как следует из абзаца второго этого же пункта, предъявление гражданином или юридическим лицом иска непосредственно к государственному органу или к органу местного самоуправления, допустившему нарушение, или только к финансовому органу само по себе не может служить основанием к отказу в удовлетворении такого иска. В этом случае суд привлекает в качестве ответчика по делу соответствующее публично-правовое образование и одновременно определяет, какие органы будут представлять его интересы в процессе. Таким образом, в данной ситуации участвуют в разных статусах три различных субъекта: причинитель вреда; публично-правовое образование, платежные функции которого, в свою очередь, выполняют – финансовые органы.

Еще одно основание классификации – потерявший. Их можно разделить на физических лиц и юридических лиц. В частности, в случаях, ког-

да потерпевшим является физическое лицо, оно вправе, помимо возмещения материального вреда (общего с юридическими лицами) потребовать возмещения морального вреда (чего организации потребовать не вправе). В то же время, для организаций актуальны вопросы возмещения репутационного вреда.

К числу оснований классификации видов гражданско-правовой ответственности за акты власти можно отнести ее содержание. Так, возмещение убытков может производиться как в натуре (в случае, например, обращения взыскания на товар или его ареста в уголовном судопроизводстве, в форме снятия с него ареста или его физического возврата), так и в денежной форме.

Данная ответственность может быть классифицирована также на первичную (первоначальную) и регрессную. В цивилистической теории «регрессные обязательства возникают в случаях, когда на должника возлагается долг, ранее уплаченный другим лицом (должником по первичному обязательству)» [12]. Если первый из видов гражданско-правовой ответственности закреплен в ст.ст. 1069–1071 ГК РФ, то второй – в статье 1081 ГК РФ. В данной статье обращают на себя внимание две нормы: пунктов 1 и 3.

Согласно пункту 1 ст. 1081 ГК РФ, лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом. Таким образом, общее правило регрессной ответственности ограничивается ссылкой на «закон». В свою очередь, к числу таких «законов» относится ст. 241 Трудового кодекса РФ, устанавливающего материальную ответственность за причиненный ущерб в размере среднего месячного заработка [13]. Данное положение, в силу принципиального положения статьи 73 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ, распространяется и на должностных лиц государственной гражданской службы [14]. Напротив, сотрудники органов внутренних дел несут полную материальную ответственность (регрессную), что прямо закреплено в п. 5 ст. 15 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ [15] и корреспондирует общему положению статьи 1081 ГК РФ. Поскольку законодательство о службе в национальной гвардии не устанавливает никаких специальных правил, можно также сделать вывод, что должностные лица, противоправно причинившие вред, также несут полную регрессную ответственность на основании ст. 1081 ГК РФ. Наконец, два специальных правила о регрессной ответственности закреплены в пункте 3 и 3.1 статьи 1081 ГК РФ. Согласно первому из них, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда, причиненного судьей при осуществлении им правосудия, имеют право регресса к этому лицу, если его вина установле-

на приговором суда, вступившим в законную силу. Согласно второму из них, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ, а также по решениям Европейского Суда по правам человека имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение. Нельзя не отметить, что последнее из этих правил, еще недавно широко обсуждавшееся, в настоящее время существенно ограничено в своем применении – вследствие выхода Российской Федерации из Римской Конвенции и Совета Европы в целом.

Всякое основание наступления гражданско-правовой ответственности можно рассматривать двояким образом. Во-первых, для ее наступления должно существовать правовое основание, или норма права, на основе которой эта ответственность наступает. Во-вторых, для ее наступления необходим юридический факт – гражданское правонарушение, особенности состава которого закреплены в вышеуказанной норме права. Как отмечалось, к числу правовых оснований относятся Конституция РФ (ст. 53) и гражданско-правовой институт возмещения вреда, установленный ст.ст. 16, 1069–1071 и 1081 ГК РФ.

Одним из основных признаков ответственности публичной власти является неправомерный акт власти. Этот признак в рамках состава гражданского правонарушения можно рассматривать с трех точек зрения. Во-первых, противоправные деяния должны содержать в себе властные полномочия, во-вторых, в качестве последствий данного деяния частному лицу должен быть причинен имущественный или личный вред, в-третьих, субъектом этого правонарушения должно являться должностное лицо, реализующие публично-властные (государственные или муниципальные) полномочия.

Среди названных условий одну из основных научных и практических проблем представляет собой определение того, кого в момент причинения вреда следует считать должностным лицом, а также определение того, реализует ли, причиняя вред, должностное лицо свои властные полномочия, или оно действует в качестве частного лица. Например, как указал по одному из дел Верховный Суд РФ, «если после возбуждения исполнительного производства должник располагал денежными средствами и иным имуществом, достаточным для погашения задолженности перед взыскателем в полном объеме, однако в результате бездействия судебного пристава-исполнителя такая возможность была утрачена, взыскатель вправе требовать возмещения вреда в порядке, установленном ст. 1069 ГК РФ» [16].

Также следует установить причинную связь между актом власти и возникновением вреда. На значение этой связи как самостоятельного и специфического условия давно было указано арбитражными судами: «в соответствии со статья-

ми 16 и 1069 ГК РФ необходимым условием ответственности государственного органа в результате издания не соответствующего закону акта является наличие причинной связи между недействительностью данного акта и убытками. Сумма налога не влияла на финансовые результаты деятельности предприятия, а лишь увеличивала продажную цену винно-водочных изделий. Решение суда первой инстанции об отказе в иске оставлено в силе» [17];

Еще одним условием может быть специальный субъект причинения вреда – должностное лицо, наделенное публично-властными полномочиями, которые были неправомерно осуществлены (или не осуществлены). В науке обычно принимается понятие должностного лица, как оно сформулировано в Примечании 1 к статье 285 УК РФ [18]. Однако представляется, что в настоящее время (последний раз определение должностного лица изменялось в 2021 году) далеко не всех названных в этом Примечании лиц можно определить, как «должностных» в смысле отправления публичной власти. Представляется, что среди должностных лиц, указанных в данной статье, к числу должностных в целях ст. 1069 ГК РФ можно отнести лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющих функции представителя власти либо выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных внебюджетных фондах, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Все иные лица (в частности, осуществляющие свои полномочия в публичных учреждениях, госкорпорациях, госкомпаниях, публично-правовых компаниях, на унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах (в том числе в АО с использованием «золотой акции») – рассматриваться в качестве должностных с позиций ст. 1069 ГК РФ не могут, если только они не реализуют государственную или муниципальную власть. Все возникающие на практике вопросы при таком подходе должны решаться, как представляется, исходя из наличия у данного субъекта власти. Например, раскрывая вопрос о том, что такое «специальное полномочие», Пленум ВС РФ указал: оно «означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом» (пункт 6 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 [19]). Аналогичным образом, т.е. через признак наличия у должностного лица властных полномочий, раскрывает Пленум Верховного Суда РФ и иные понятия, соответствующие признакам должностного лица: функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. В част-

ности, необходимо отметить, что в смысле ст. 1069 ГК РФ должностным лицом может пониматься лишь то лицо, в функции которого входят не любые организационно-распорядительные, а именно властные (публичные) полномочия, осуществление которых влечет публично-правовые последствия.

Еще одна особенность гражданско-правовой ответственности субъекта РФ – возможность возникновения ее в субсидиарном порядке, то есть за действия созданных субъектом РФ учреждений (а при наличии установленных судом виновных действий учредителя – и унитарных предприятий). В частности, субсидиарная ответственность субъекта РФ как учредителя (участника) юридического лица возможна:

- в общем порядке – по долгам учрежденного коммерческого юридического лица (как хозяйственного общества, в котором имеется такая доля регионального участия, которая создает аффилированность субъекта РФ с данным коммерческим юридическим лицом). Эта ответственность реализуется на основе п. 3 ст. 56 ГК РФ в процедуре признания такого юридического лица несостоятельным;
- ответственность учредителя по долгам созданного им казенного предприятия (п. 5 ст. 115 ГК РФ) и учреждения (бюджетного и автономного) на основе регионального имущества (п. 2 ст. 120 ГК РФ).

Итак, особенность участия в гражданских правоотношениях субъекта Российской Федерации состоит в том, что он, хотя и не суверенен в смысле гражданско-правовой «внутренней компетенции государства» (чем и отличается от Российской Федерации, регулирующей гражданские правоотношения и одновременно участвующей в них) [20], все же является одним из наиболее сложных субъектов гражданского права, поскольку обладает специальной правоспособностью публичного образования, осуществляет свои гражданско-правовые полномочия различными органами и должностными лицами, имеет специфические полномочия на создание юридических лиц и на участие в их уставном капитале, на приватизацию и, напротив, на принятие выморочного имущества, вступает в обязательственные отношения преимущественно на основе единообразного порядка, установленного законодательством о закупках, несет специальную ответственность как за причинение вреда при принятии актов власти, так и субсидиарную ответственность по долгам созданных им юридических лиц. К сожалению, данный субъект, сравнительно с хозяйственными обществами, крайне слабо исследован в современной цивилистической науке и для определения его гражданско-правового статуса необходимы более широкие исследования.

Литература

1. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций,

- а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 № 4892-Х (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=jxtlUQ&base=LAW&n=4665&dst=100017&field=134#dyoYkDT6hkflKst01> (дата обращения: 20.11.2024)
2. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 // СПС «Гарант». – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/?ysclid=l6gr7aq2ez526507170 (дата обращения: 20.11.2024)
 3. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920–1 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/ (дата обращения: 20.11.2024)
 4. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 22-О // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36439/ (дата обращения: 20.11.2024)
 5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116799/ (дата обращения: 12.11.2024)
 6. О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325778/ (дата обращения: 12.11.2024)
 7. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учебное пособие / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Ленинград: ЛГУ, 1983. – 152 с.
 8. Определение Верховного Суда РФ от 10.06.2020 N 306-ЭС19–27836 по делу № А12–39006/2018 // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=QrzNBw&base=ARB&n=631204#KxBsfDTINqs56314> (дата обращения: 12.11.2024)
 9. Кун А.П. Возмещение вреда, причиненного гражданину актами власти / А.П. Кун. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 188 с.
 10. Маковский А.Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика / А.Л. Маковский. – Москва: БЕК, 1998. – С. 104–107.
 11. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 20.11.2024)
 12. Регресс по ГК РФ – это .. Понятие. Взыскание в порядке регресса. Примеры регресса. Суброгация. – Текст: электронный // Логос. Правовой центр: [сайт]. – URL: <https://logos-pravo.ru/articles/regress-po-gk-rf-eto-ponyatie-vzyskanie-v-poryadke-regressa-primery-regressa-subrogaciya?ysclid=l6hz383vtd352103219> (дата обращения: 12.11.2024)
 13. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 268-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 28.11.2024)
 14. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (посл. ред. от 14.02.2024 № 10-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 16.11.2024)
 15. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (посл. ред. от 04.08.2023 № 436-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 20.11.2024)
 16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.06.2019 № 5-КГ19–56 / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=587690&demo=1> (дата обращения: 06.11.2024)
 17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.09.1998 № 3430/98 // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=6626#EyCIW5U6fJgK0B7O1> (дата обращения: 15.11.2024)
 18. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред. от 09.11.2024 № 387-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.11.2024)
 19. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009

№ 19 (ред. от 11.06.2020) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/#dst100011 (дата обращения: 15.01.2024)

20. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (ред. от 20.12.1971) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 02.11.2024)

CIVIL LIABILITY OF A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zolotovskaya E.A.

Vladivostok State University

The article is devoted to participation in civil legal relations of a state entity – a subject of the Russian Federation, or a region of the Russian Federation. In order to solve the public, national or other public (regional, local) tasks facing them, the state is forced to participate in property relations. At the same time, the specifics of the status of such entities that have public authority, but are not, at the same time, completely independent (political sovereigns), who themselves determine the rule of law, including the cases and limits of their own participation in civil law relations, should be taken into account. On the other hand, it is necessary to fully respect the interests of participants in property turnover, as legally equal owners of property in private law, and not in public law relations with each other. These circumstances determine the specifics of the participation of regional public legal entities in civil (property) turnover.

Keywords: public authority, subject of the Russian Federation, harm, compensation for harm, act of authority, official, authority.

References

1. On compensation for damage caused to a citizen by illegal actions of state and public organizations, as well as officials in the performance of their official duties: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 05/18/1981 No. 4892-X (expired) // SPS “Consultant Plus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=jxt-IUQ&base=LAW&n=4665&dst=100017&field=134#dyoYk-DT6hkflKst01> (accessed: 11/20/2024)
2. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic dated 04/12/1978 // SPS “Garant”. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rfsr/1978/red_1978/5478721/?ysclid=l6gr7aq2ez526507170 (accessed: 11/20/2024)
3. On the Declaration of Human and Civil Rights and Freedoms: Resolution of the Supreme Council of the RSFSR dated 11/22/1991 No. 1920-1 // SPS Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/ (date of appeal: 11/20/2024)
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 22-O dated 02/20/2002 // SPS Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36439/ (accessed: 11/20/2024)
5. Review of the practice of consideration by arbitration courts of cases on compensation for damage caused by state bodies, local governments, as well as their officials: Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 05/31/2011 No. 145 // SPS “Consultant Plus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116799/ (date of request: 12.11.2024)
6. On some issues of application by courts of the norms of the Budget Code of the Russian Federation related to the execution of judicial acts on foreclosure on Funds from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation: Resolution of the

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 13 dated 05/28/2019 // SPS Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325778/ (date of request: 12.11.2024)

7. The general doctrine of tort obligations in Soviet civil law: a textbook / V.T. Smirnov, A.A. Sobchak. Leningrad: LSU, 1983. 152 p.
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/10/2020 N 306-ES19–27836 in case no. A12–39006/2018 // SPS Consultant Plus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=QrzNBw&base=ARB&n=631204#KxBsfDTINqs56314> (date of application: 12.11.2024)
9. Kuhn A.P. Compensation for harm caused to a citizen by acts of power / A.P. Kuhn. – Leningrad: LSU, 1984. – 188 p.
10. Makovsky A.L. Civil responsibility of the state for acts of power // The Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice / A.L. Makovsky. – Moscow: BECK, 1998. – pp. 104–107.
11. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 // SPS Consultant Plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (accessed: 11/20/2024)
12. Regression under the Civil Code of the Russian Federation is .. The concept. Recovery by way of recourse. Examples of regression. Subrogation. – Text: electronic // Logos. Legal Center: [website]. – URL: <https://logos-pravo.ru/articles/regress-pogk-rf-eto-ponyatie-vzyskanie-v-poryadke-regressa-primery-regressa-subrogaciya?ysclid=l6hz383vtd352103219> (date of request: 12.11.2024)
13. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated 12/30/2001 (post-ed. dated 08.08.2024 No. 268-FZ) // SPS “Consultant Plus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed: 11/28/2024)
14. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of 07/27/2004 (post-ed. dated 02/14/2024 No. 10-FZ) // SPS “Consultant Plus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed: 11/16/2024)
15. On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 342-FZ of 11/30/2011 (post-ed. dated 08/04/2023 No. 436-FZ) // SPS “Consultant Plus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (accessed: 11/20/2024)
16. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/04/2019 No. 5-KG 19–56 / Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/25/2019) // SPS “Consultant Plus”. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=587690&demo=1> (date of application: 06.11.2024)
17. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09/15/1998 No. 3430/98 // SPS Consultant Plus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=6626#EyCIW5U6fJgK0B7O1> (date of application: 11/15/2024)
18. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 06/13/1996 (post-ed. dated 09.11.2024 No. 387-FZ) // SPS “Consultant Plus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 11/15/2024)
19. On judicial practice in cases of abuse of official authority and abuse of official authority: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 (ed. from 06/11/2020) // SPS “Consultant Plus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/#dst100011 (date of application: 01/15/2024)
20. The Charter of the United Nations (Adopted in San Francisco on 06/26/1945) (as amended on 12/20/1971) // ATP Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (accessed: 11/22/2024)

Развитие конституционализма в Республике Казахстан: теоретико-правовые аспекты, национальные особенности и перспективы укрепления

Кузнецов Илья Иванович,

преподаватель кафедры менеджмента, Московский гуманитарный университет; соискатель кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: anarki2006_66@rambler.ru

Развитие конституционализма является фундаментальным процессом для построения демократического общества, ориентированного на защиту и отстаивание прав и свобод человека и гражданина. Закрепление основ конституционного строя и их повсеместное реформирование особенно актуально для постсоветских государств, в том числе, Республики Казахстан, которая обрела независимость в 1991 г. Конституционализм Казахстана сочетает в себе традиционные правовые нормы, международные стандарты и уникальные исторические и культурные элементы, что создает особую правовую базу, определяющую его развитие. Данное исследование направлено на анализ теоретических и правовых аспектов конституционализма в Казахстане с конкретизацией национальных особенностей и исторического пути в целях формирования оценки перспектив его дальнейшего укрепления.

Использование междисциплинарного подхода, базирующегося на научно-правовом анализе и социологических исследованиях, предоставляет возможность изложить всестороннюю картину эволюции конституционализма в стране. Конституция 1995 г. стала поворотным моментом в построении правового государства, однако глобализация, социально-экономические изменения и рост гражданского общества ставят новые задачи, требующие реформ, направленных на укрепление правовых институтов и конституционных принципов. В этом исследовании подчеркивается потенциал Казахстана стать сильным демократическим государством, где конституционализм в сочетании с национальными обычаями служит основой устойчивого развития.

Ключевые слова: развитие конституционализма; правовое государство в Казахстане; национальные правовые особенности; укрепление конституционных принципов; глобализация и право; правовая культура и традиции; демократические реформы.

Введение

В современных условиях развития государства и права конституционализм как концепция государственного устройства и правопорядка представляет собой один из важнейших факторов, обеспечивающих развитие демократического общества. Целью реализации рассматриваемого процесса является формирование правового государства, где права и свободы человека признаются высшей ценностью. Республика Казахстан является страной с постсоветского пространства, в которой установление конституционных рамок приобретает особую актуальность в контексте трансформации общественных институтов и адаптации к новым социально-экономическим условиям. Актуальность исследования соотносится со сложным и многогранным историческим становлением Казахстана в качестве независимого государства, сохранившего свою национальную идентичность в совокупности с советским прошлым и адаптированными международными принципами.

Конституция 1995 г. ознаменовала новый этап в государственном строительстве, заложив основы для формирования правового государства. Однако уникальность казахстанского конституционализма заключается в его способности интегрировать традиционные правовые нормы и международные стандарты, что обусловлено богатым историко-культурным наследием страны. Этот синтез позволяет учитывать особенности казахского правового обычая и современные требования глобализации.

Современные вызовы (глобальные политические и экономические изменения, усиливающееся влияние гражданского общества и необходимость повышения правовой культуры) требуют дальнейшего совершенствования конституционной системы Казахстана. Сегодня в стране предпринимаются последовательные шаги для укрепления демократических основ, модернизации судебной системы и создания условий для активного участия граждан в управлении государством. Целью данного исследования является анализ теоретико-правовых аспектов развития конституционализма в Казахстане, выделение его национальных особенностей и перспектив дальнейшего укрепления. Применение комплексного подхода, изучение нормативно-правовых актов, научной литературы и данных социологических исследований позволяет получить всестороннюю картину эволюции казахстанского конституционализма.

Обзор литературы

Конституционализм является политико-правовой концепцией, подразумевающей верховенство конституции в качестве основного закона государства, регулирующего функционирование всех органов власти и обеспечивающего защиту прав и свобод граждан. Согласно теории конституционализма, власть должна быть ограничена, а ее использование – подчинено строгим правовым нормам, что исключает авторитаризм и гарантирует подотчетность власти обществу.

В соответствии с научно-правовым анализом С.В. Бочкарева, конституционализм не только является отражением статей в основном законе, но и характеризуется саморегулированием властных органов и граждан в соответствии с изложенными принципами. По мнению автора, конституция реализуется только в условиях легитимации ее через народный суверенитет, в связи с чем, данный правовой становится верховным и незыблемым [6, с. 13–14].

В Казахстане конституционализм получил свое формальное закрепление в Конституции 1995 г., в которой были закреплены базовые принципы государственного устройства, республиканская форма правления, демократизм, верховенство права, разделение властей и защита прав и свобод человека [1]. В числе прочего, были сформированы основные контрольные механизмы над властной деятельностью, реализуемые через конституционный надзор и судебную систему.

Важной особенностью Конституции является установление сильной президентской власти, отражающей особенности политической культуры страны в постсоветский период. Вместе с тем, в последние годы наблюдается тенденция к укреплению роли парламента и судебной системы, что свидетельствует о постепенном переходе к более сбалансированной системе власти. Международные пакты, подписанные государственными органами Казахстана (в том числе, Международный пакт о гражданских и политических правах 1996 г. [3]), и реципированные конституционные нормы о правах и свободах человека и гражданина выполняют глобализационную функцию с целью интеграции страны в международное пространство.

Национальные особенности казахстанского конституционализма связаны с историко-культурным контекстом, этническим многообразием и уникальными традициями государственного управления. Многонациональность населения определяет важность обеспечения равенства и недопущения дискриминации. Культурное наследие страны, в особенности, традиции биев и аксакалов, продолжает оказывать влияние на современное правосознание.

Исследование А.М. Бакировой продемонстрировало важность для казахстанского народа возрождения тысячелетних институтов, одним из которых является Совет биев, вновь введенный в систему, апробация которого покажет, насколько воз-

можно сосуществование традиционных и инновационных институтов [5, с. 232–233]. Институт биев в традиционном казахском обществе представлял собой важнейший элемент правовой системы, обеспечивающий разрешение споров и поддержание общественного порядка. Бии (от араб. «судья») были высоко уважаемыми личностями, обладали глубокими знаниями обычного права, мудростью и ораторским мастерством. Они выполняли функции судей, арбитров и советников и разрешали конфликты внутри общины и между различными племенами и родами. Помимо судебных функций на них были возложены административные (участие в управлении общинами, защита от внешних угроз, рассмотрение вопросов землевладения) и дипломатические (контроль мирных соглашений между племенами в качестве переговорщика).

После установления советской власти в начале XX века институт биев был упразднен, так как советская правовая система не принимала традиционные формы правосудия, считая их пережитком феодального общества. Однако в последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к институту биев, особенно в контексте развития альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация, в том числе для снижения нагрузки на судебные органы [8]. Современные Советы биев, созданные в рамках различных общественных организаций, стремятся адаптировать традиционные практики к современным условиям, обеспечивая эффективное и справедливое разрешение конфликтов на основе традиций и обычаев казахского народа. Следовательно, институт биев представляет собой уникальное явление, отражающее богатую правовую культуру и традиции казахского народа, играя важную роль в обеспечении справедливости и гармонии в обществе. Помимо прочего, особенности казахстанского конституционализма проявляются в гибкости управления и децентрализации власти. Создание местных представительных органов позволяет учитывать региональные интересы, что особенно важно для крупной страны с разнообразным населением.

В целях сохранения государственной идентичности и обеспечения национальной обособленности, в 2010 г. была принята Доктрина национального единства, в которой сформулированы концептуальные подходы к построению Республики Казахстан в качестве правопреемника многовековой государственности казахского народа. Изучаемый процесс, несмотря на множество сложных исторических испытаний, направлен на утверждение независимости государства. В данном контексте в документе акцентируется внимание на реализации принципов суверенитета, равенства граждан и толерантности, которые, в свою очередь, становятся основой для консолидации нации и поддержания межэтнического согласия [4].

Особое внимание уделяется важности формирования нового типа сплоченности общества в условиях глобализации и геополитических изменений, что требует от властных органов и на-

рода Казахстана осознания единства в условиях изменяющегося мирового порядка. Следовательно, принятие подобных документов позволяет рассматривать национальные аспекты формирования конституционализма в качестве ключевого инструмента для укрепления государственной целостности и социальной гармонии. В этом контексте, анализируя данные акты, можно указать, что они служат важным шагом к выявлению общих ценностей и принципов, а также к обеспечению дальнейшего социально-экономического и политического развития страны. Основной идеей документа является утверждение, что единство народа – это не только основа для сохранения государства, но и гарантия его стабильного и успешного будущего.

Генезис казахстанского конституционализма

Развитие конституционализма в Казахстане обусловлено глубокими историческими факторами, основанными на традициях государственного устройства, характерных для народов региона. Изучаемые традиции, складывающиеся веками, продолжали оказывать влияние на политическую и общественную жизнь даже после вхождения Казахского ханства в состав Российской империи с 1731 г. и в советский период [11, с.1].

На формирование конституционных основ в Казахстане преимущественно повлияли события 1917–1920 гг., во время которых происходили сложные процессы диалектических столкновений, повлиявшие на правотворчество. Указанный период характеризовался двумя процессами, разнонаправленными по своей сути, так, казахские политические элиты через попытки создания автономии в рамках Советской России стремились сохранить элементы традиционной независимости государственного устройства, а с другой стороны, совершали имплементацию советских моделей организации государственной власти, что шло в разрез местным традициям. По итогу был достигнут компромисс и в 1920 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР была сформирована Автономная Киргизская/Казахская Социалистическая Советская Республика (АКССР), которая путем дальнейших преобразований была переименована в Автономную Казахскую ССР (1925 г.), а затем в Казахскую АССР (1936 г.) [10].

В период советской власти динамика развития казахстанского конституционализма была тесно связана с общими процессами, происходившими в рамках союзного конституционного регулирования. В 1924 г. была принята Конституция СССР, а в 1926 г. на её основе была разработана Конституция Казахской АССР. В дальнейшем изменения на союзном уровне, такие как принятие Конституции СССР 1936 г., находили отражение в правовой системе Казахстана, например, в Конституции Казахской ССР 1937 г. Аналогичный процесс произошел в 1977 г., когда новая Конституция СССР привела к принятию Конституции Казахской ССР 1978 г.

В соответствии с масштабным историческим исследованием, проведенным Я. Залесны, И.Ю. Остапович, характерной чертой казахстанской правовой системы в этот период было сочетание формально действующего советского законодательства с сохраняющимися местными правовыми обычаями. Несмотря на стремление советской власти к унификации законодательства, традиционные элементы правового устройства Казахстана, такие как родовые и семейные нормы, продолжали играть весомую роль в регулировании общественных отношений.

Правовой обычай в Казахстане оказывает влияние на формирование общественных и правовых отношений, например, в советский период это проявлялось в сохранении традиционной структуры власти, где назначение на ключевые государственные посты учитывало родоплеменную принадлежность, так представители жузов (родственных объединений) занимали определенные позиции в руководстве республики: пост первого секретаря компартии республики, председателя Совета министров и председателя Президиума Верховного Совета распределялись между представителями Старшего, Среднего и Младшего жузов соответственно [9, с. 127–130]. После распада СССР и обретения Казахстаном независимости перечисленные особенности переключались в современную правовую систему, и гармонизировали национальные традиции с международными правовыми стандартами.

Современные исследователи рассматривают период 1986–1991 гг. как начало перехода от советской модели власти к новым политическим институтам, что стало последствием уменьшения центрального влияния Москвы и усиления общественных движений. Принятие новой Конституции Казахской ССР в 1989 г. стало важным шагом для дальнейшей демократизации, что аргументируется введенными положениями о политической ответственности для ослабления монополии коммунистической партии и созданием предпосылок для появления института президентства (первый Президент Н. Назарбаев был избран в 1990 г.) [13, с. 132–133].

Следующим этапом формирования конституционализма стало принятие Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР (25.10.1990 г.) и Соглашения о создании СНГ (1991 г.), которое закрепило формально распад союза и позволило уже в декабре этого же года поменять название страны на Республика Казахстан. В связи с обретением независимости был принят соответствующий закон «О государственной независимости Республики Казахстан», ознаменовавший переход от советского конституционализма к национальному суверенитету [2]. Провозглашение независимости поставило перед государством задачу создания новой системы государственного управления, первые изменения в котором были направлены на демонтаж устаревших советских институтов. Выбор эффективной модели управления

был затруднен отсутствием подходящих примеров среди других постсоветских стран, а мировой опыт не подходил к социально-политическим реалиям Казахстана, что требовало выработки уникальных подходов.

Дискуссионным вопросом была территориальная структура Казахстана, в вопросе которого предстояло выбрать между федеративным и унитарным устройством страны. Выигрышным был принят осторожный подход – унитарный с учетом исторического деления без автономных единиц, так как оставался страх разделения жителей и возникновения сепаратистских движений. Вопросы территориального устройства остаются актуальными и сегодня, так как эффективное управление требует баланса между централизованной властью и местным самоуправлением.

Роль института президентства на постсоветском пространстве был особо чувствителен, так как он становился ключевой фигурой принятия решений, в задачи которого входило объединение и гармонизация деятельности государственных органов. В новой Конституции 1995 г. президент получил полномочия, позволяющие ему выполнять роль арбитра, регулирующего деятельность других органов власти, что отвечало задачам укрепления суверенитета и государственного единства. С другой стороны, рассматриваемый институт стал катализатором пересмотра системы взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями власти [9, с. 131–133].

Следовательно, дальнейшие шаги по закреплению конституциональных основ в Республике были направлены на конкретизацию сформулированных правовых норм и на реализацию их в жизнь. Период 1993–2000 гг. характеризуется гармонизацией и законодательным оформлением должностных полномочий всех государственных органов и аппарата. Подчеркивалась президентская форма правления, где президент занимал центральное место, определял ключевые направления внутренней и внешней политики и выполнял функцию гаранта стабильности и единства государства. В том числе, он координировал взаимодействие всех ветвей власти в целях минимизации конфликтов и обеспечения реализации общественных благ. В числе прочего, произошло учреждение двухпалатного парламента (Мажилис и Сенат), в котором часть сенаторов назначалась президентом, а остальные избирались региональными представителями. Усиление роли Президента отражало реалии того времени, задачи по установлению государственного суверенитета, а также отвечало правовым обычаям страны. Несмотря на это, введение конституционных поправок 2007 г. ознаменовало новый этап развития политической системы, которая предусматривала усиление роли парламента и сокращение президентских полномочий, что было отражено в возможности выражения вотума недоверия правительству и инициирования законодательных изменений. Демократизация отражалась в рефор-

мировании выборных механизмов, способствовавших развитию многопартийности.

Конституционализм, в его глобальном понимании, утвердился и расширился благодаря реформе 2017 г., с помощью которой был реализован переход к классической концепции разделения властей. Президент передал частично полномочия парламента и правительству, чем усилил их самостоятельность, но, в то же время, сохранялся формальный механизм участия Н. Назарбаева в политике через Совет безопасности, который был конституционализирован в 2018 г. Механизмы были приняты в целях обеспечения преемственности власти и позволяли первому президенту сохранять влияние на стратегические решения государства [9, с. 133–137].

Результаты исследования

Сохранение традиционных элементов правовой системы Казахстана позволило стране избежать утраты культурной идентичности в процессе модернизации и построения новой государственности. Однако современный этап развития конституционализма связан с необходимостью адаптации к быстро меняющимся условиям, что требует создания актуальных правовых инструментов, задачей которых будет обеспечение баланса между традицией и современными вызовами. Ранее был описан институт медиации (Совет биев), который необходим для укрепления роли правового обычая в качестве регулятора общественных отношений, особенно в условиях многонационального состава страны, что приведет к сохранению стабильности и предотвращению социальных конфликтов.

Перспективы развития конституционализма в Казахстане связаны с дальнейшей демократизацией политической системы, укреплением роли парламента и усилением независимости судебной власти. В 2022 г. был запущен ряд реформ, направленных на модернизацию государственного управления, в том числе, повышение прозрачности избирательных процессов. Благодаря чему, в Республике предприняты внушительные шаги по укреплению конституционализма, направленные на перераспределение властных полномочий, усиление роли парламента и защиту прав граждан, в их числе:

1. Конституционная реформа 2022 г. На республиканском референдуме (более 6 млн граждан) были одобрены поправки к Конституции, предусматривающие переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным парламентом. Изменения затронули 33 статьи Конституции (внесено 56 поправок) и составили треть от всего документа, в связи с чем, можно назвать их глобальными шагами к модернизации конституционных устоев страны [7, с. 1].

2. Изменение системы выборов было произведено в рамках реформы была изменена система выборов в Сенат и Мажилис, что способствовало

повышению представительности и эффективности законодательной власти.

3. Воссоздание Конституционного суда, которое стало одним из ключевых результатов реформы и усилило механизмы защиты прав и свобод граждан [12].

4. Конституционная реформа предусматривает сокращение властных полномочий президента (7 лет) и способствует сбалансированному распределению полномочий между ветвями государственной власти.

Параллельным направлением является повышение правовой культуры граждан и развитие гражданского общества, требующее внедрение образовательных программ, направленных на повышение осведомленности населения о правах и обязанностях, закрепленных в Конституции. Одним из ключевых направлений демократизации является совершенствование системы конституционного контроля, необходимого для обеспечения прозрачности избирательных процессов и повышения доверия граждан к государственным институтам. Международное сотрудничество также является необходимым, поскольку Казахстан активно участвует в деятельности международных организаций (ООН, ОБСЕ), что способствует внедрению лучших практик в национальную правовую систему. Перечисленные меры направлены на модернизацию политической системы Казахстана, усиление демократических институтов и обеспечение более эффективной защиты прав и свобод граждан.

Выводы

История становления и развития конституционализма в Казахстане представляет собой многогранный процесс, отражающий взаимодействие традиционных национальных ценностей и современных правовых стандартов. Научный анализ свидетельствует о том, что влияние правового обычая, несмотря на многолетние попытки его нивелирования, сохраняет свою значимость и продолжает участвовать в регулировании общественных отношений. Рассматриваемый элемент национальной правовой культуры способствует формированию уникального облика казахстанского конституционализма и обеспечивает его устойчивость и преемственность.

Верховенство конституционных норм и принципов в Казахстане находится в процессе активного формирования, что обусловлено современными вызовами и необходимостью адаптации к глобальным стандартам. Однако для обеспечения долгосрочного эффекта требуется дальнейшая работа в нескольких стратегически важных направлениях, среди которых, углубление демократических преобразований, модернизация судебной системы, развитие механизмов гражданского участия и повышение уровня правосознания общества.

Анализ в настоящей статье продемонстрировал, что проведение реформ последних лет показывает готовность страны к интеграции междуна-

родных стандартов, предоставляющих основания рассматривать Казахстан в качестве государства, способного создать уникальную правовую модель, органично сочетающую национальные особенности с общепризнанными принципами демократии и верховенства закона. Перспективы укрепления казахстанского конституционализма тесно связаны с совершенствованием правовых институтов, дальнейшим развитием гражданского общества и углублением международного сотрудничества в правовой сфере. Перечисленные шаги позволят Казахстану укрепить свои позиции на мировой арене как демократического, социально ориентированного государства, где права и свободы человека являются высшей ценностью. Следовательно, исследование и укрепление конституционализма подчеркивают национальную идентичность и обеспечивают устойчивое развитие государства и общества в условиях глобальной трансформации.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) //Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. ст. 217.
2. Конституционный закон Республики Казахстан от 16.12.1991 г. «О государственной независимости Республики Казахстан» //Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991 г. № 51. ст. 622.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах, ратифицированный Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91-III //Казахстанская правда. 2005. № 333–334.
4. Доктрина Национального единства Казахстана (одобрена Администрацией Президента и направлена в Правительство 29.04.2010 г., одобрена на состоявшемся 19.04.2010 года заседании Совета Ассамблеи народа Казахстана) //СИС Юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 22.12.2024).
5. Бакирова А.М. Совет биев как архетип традиционной правовой культуры казахов в XXI в. (из серии статей про архетипы) //Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – Т. 7. – № 2. – С. 231–239.
6. Бочкарев С.В. Правовое регулирование и социентальный конституционализм: соотношение понятий //Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 2 (42). – С. 8–17.
7. Думанкызы Д., Байгазин А. Конституционная реформа изменила систему госуправления страны // АО «Агентство «Хабар». – URL: <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/163859-konstitutsionnaya-reforma-izmenila>

sistemu-gosupravleniya-strany?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 22.12.2024).

8. Есть ли необходимость возрождения института биев? // РОО «Центр развития медиации». – URL: https://mediator-kz.com/?p=2651&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 22.12.2024).
9. Залесны Я., Остапович И.Ю. Конституционализм в Республике Казахстан: генезис, особенности и перспективы // Антиномии. – 2021. – № 3. – С. 125–147.
10. Киргизская / Казахская автономная ССР // Официальный сайт российского центра вексиллогии и геральдики. – URL: <https://www.heraldicum.ru/kazakstn/kassr.htm> (дата обращения: 22.12.2024).
11. Началось присоединение Казахстана к России // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». – URL: <https://www.prlib.ru/history/619652> (дата обращения: 22.12.2024).
12. Полонская Ю. Конституционная реформа показала свою эффективность // Казахстанская правда: официальный портал. – URL: https://kazpravda.kz/n/konstitutsionnaya-reforma-pokazala-svoyu-effektivnost/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 22.12.2024).
13. Тимченко А. Республика Казахстан: конституционный «каркас» цезаризма и его прочность // Издательство Свободного Университета. Палладион. – 2022. – № 2. – С. 132–147.

THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS, NATIONAL PECULIARITIES AND PROSPECTS FOR STRENGTHENING

Kuznetsov I.I.

Moscow Humanitarian University; Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The development of constitutionalism is a fundamental process for building a democratic society focused on protecting and upholding human and civil rights and freedoms. Consolidating the foundations of the constitutional system and their widespread reform is especially important for post-Soviet states, including the Republic of Kazakhstan, which gained independence in 1991. Kazakhstan's constitutionalism combines traditional legal norms, international standards and unique historical and cultural elements, which creates a special legal framework that determines its development. This study is aimed at analyzing the theoretical and legal aspects of constitutionalism in Kazakhstan, specifying national characteristics and historical path, which allows us to assess the prospects for its further strengthening.

The use of an interdisciplinary approach based on scientific and legal analysis and sociological research provides an opportunity to present a comprehensive picture of the evolution of constitutionalism in the country. The 1995 Constitution marked a turning point in building a State governed by the rule of law, but globalization, socio-economic changes, and the growth of civil society pose new chal-

lenges that require reforms aimed at strengthening legal institutions and constitutional principles. This study highlights Kazakhstan's potential to become a strong democratic state where constitutionalism combined with national customs serves as the foundation for sustainable development.

Keywords: development of constitutionalism; rule of law in Kazakhstan; national legal features; strengthening constitutional principles; globalization and law; legal culture and traditions; democratic reforms.

References

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 19.09.2022) // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 1996. No. 4. Article 217.2.
2. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated December 16, 1991. "On the State Independence of the Republic of Kazakhstan" // Bulletin of the Supreme Council of the Kazakh SSR, 1991, No. 51, Article 622.3.
3. International Covenant on Civil and Political Rights, ratified by the Law of the Republic of Kazakhstan dated November 28, 2005, No. 91-III // Kazakhstanskaya pravda. 2005. № 333–334.
4. The Doctrine of National Unity of Kazakhstan (approved by the Presidential Administration and sent to the Government on 04/29/2010, approved at the meeting of the Council of the Assembly of People of Kazakhstan on 04/19/2010) // SIS Lawyer. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=5;-108#pos=5;-108 (date of request: 22.12.2024).
5. Bakirova A.M. The Council of Jews as an archetype of the traditional legal culture of the Kazakhs in the 21st century (from a series of articles about archetypes) // Bulletin of Kemerovo State University. – Series: Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 7. – No. 2. – pp. 231–239.
6. Bochkarev S.V. Legal regulation and social constitutionalism: the relationship of concepts // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. – Series: Legal Sciences. – 2021. – № 2 (42). – pp. 8–17.
7. Dumankyzy D., Baigazin A. Constitutional reform has changed the country's public administration system // Agency Khabar JSC. – URL: https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/163859-konstitutsionnaya-reforma-izmenila-sistemu-gosupravleniya-strany?utm_source=chatgpt.com (date of request: 22.12.2024).
8. Is there a need to revive the Biy institute? // NGO "Mediation Development Center". – URL: https://mediator-kz.com/?p=2651&utm_source=chatgpt.com (date of request: 22.12.2024).
9. Zalesny Ya., Ostapovich I.Y. Constitutionalism in the Republic of Kazakhstan: genesis, features and prospects // Antinomies. – 2021. – No. 3. – pp. 125–147.
10. Kirghiz / Kazakh Autonomous SSR // Official website of the Russian Center for Vexillology and Heraldry. – URL: <https://www.heraldicum.ru/kazakstn/kassr.htm> (date of request: 22.12.2024).
11. Kazakhstan's accession to Russia has begun // Boris Yeltsin Presidential Library. – URL: <https://www.prlib.ru/history/619652> (date of request: 22.12.2024).
12. Polonskaya Yu. The constitutional reform has shown its effectiveness // Kazakhstanskaya Pravda: the official portal. – URL: https://kazpravda.kz/n/konstitutsionnaya-reforma-pokazala-svoyu-effektivnost/?utm_source=chatgpt.com (date of request: 22.12.2024).
13. Timchenko A. The Republic of Kazakhstan: the constitutional "framework" of Caesarism and its strength // Free University Press. Palladion, 2022, No. 2, pp. 132–147.

Особый правовой статус ООПТ в обеспечении комплексного муниципального развития

Федотов Михаил Вячеславович,

аспирант Государственного университета по землеустройству
E-mail: mvfmisha@gmail.com

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) выступают национальным достоянием Российской Федерации. Природоохранные зоны обладают многогранной ценностью, включая научную, культурную, эстетическую составляющие, а также рекреационный и оздоровительный потенциал. Использование этого потенциала может положительно влиять на развитие муниципалитетов. В данной статье рассмотрено, какую роль играет особый правовой статус ООПТ в комплексном муниципальном развитии территорий. Установлено, что влияние особого правового статуса ООПТ в обеспечении комплексного муниципального развития проявляется двояко – с одной стороны особый правовой статус данных территорий становится ограничителем для местных властей с точки зрения возможностей использования их в коммерческих целях. С другой стороны – сами по себе ООПТ являются центрами притяжения туристов, а значит могут служить объектами инвестирования, что создает дополнительные рабочие места и повышает налоговый, экономический потенциал муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальное образование, правовой статус, правовая охрана, земельное законодательство, экологический туризм.

Земельное законодательство Российской Федерации определяет статус особо охраняемых природных территорий как объектов федерального, регионального либо муниципального значения, допуская различные формы собственности на данные земли. Законодательством предусматривается возможность включения частных земельных владений физических лиц и организаций в состав охраняемых природных зон при соблюдении установленных требований и регламентов.

Муниципальные нормативно-правовые документы, включающие Положения, Постановления глав районов и Паспорта ООПТ, закрепляют юридический статус рассматриваемой категории территорий.

Расширение площади охраняемых природных объектов напрямую влияет на экологическую безопасность и рекреационный потенциал муниципальных образований, обеспечивая надежную защиту от негативного влияния человеческой деятельности. Динамичные изменения окружающего пространства выявляют существенные пробелы в адаптационных механизмах управленческой структуры местных природоохранных территорий.

Влияние правового статуса ООПТ на развитие муниципального образования проявляется по нескольким направлениям.

1. Ограничения на использование территории.

Законодательство о специальных природоохранных зонах регламентирует строгие нормативы землепользования внутри установленных границ. Федеральные нормы накладывают существенные ограничения на хозяйственную деятельность, включая полный запрет промышленного строительства, разработки месторождений и аграрного производства ради сохранения уникальных природных экосистем.

Территориальные ограничения особо охраняемых природных зон накладывают существенные рамки на экономическую деятельность муниципальных образований, включая жилищное строительство и промышленное освоение земель. Замедление темпов хозяйственного роста местных территорий компенсируется сохранением уникальных экосистем и поддержанием природного баланса региона [2].

С одной стороны, Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 17 сентября 2024 года № 18-КГ24–138-К4 установил специальный правовой режим ООПТ, предусматривающий полное либо частичное исключение хозяйственной деятельности в их границах. Это накладывает дополнительные ограничения

на возможности использования ООПТ в развитии муниципалитетов.

С другой – местные территориальные ограничения создают благоприятные условия для развития природоохранного туризма, организации культурно-досуговых мероприятий и проведения экопросветительских программ. Администрации муниципальных образований активно развивают инфраструктурные проекты, формируют новые рабочие места и привлекают дополнительные инвестиционные потоки в регион.

2. Развитие инфраструктуры.

Устойчивое функционирование муниципальных территорий напрямую зависит от степени развития инфраструктурного комплекса. Особо охраняемые природные территории, благодаря своему юридическому статусу, создают благоприятные условия для модернизации транспортных коммуникаций, энергетических сетей, телекоммуникационных линий, а также расширения рекреационных зон и туристических объектов.

Отметим, что нормы градостроительного законодательства рассматривают земельные участки преимущественно как объект развития, игнорируя природоохранный статус. Значительная доля особо охраняемых территорий располагается в границах населенных пунктов, что создает риск утраты земель с особым правовым статусом при реализации положений Градостроительного кодекса РФ. Отсутствие четко зафиксированных границ территорий как базового признака объекта землеустройства ставит под угрозу сохранность охраняемых зон.

Развитие инфраструктуры особо охраняемых природных территорий предоставляет широкие возможности для туристической деятельности. Строительство экологических маршрутов, информационных центров и комфортабельных средств размещения создает благоприятные условия для активного отдыха посетителей. Привлечение инвестиций в муниципальные проекты способствует формированию новых вакансий и развитию локальной экономики [1].

По вопросу развития экологического туризма и рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях в 2021 году, нашла отражение в Федеральном законе от 18.03.2023 № 77 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Например, были установлены критерии, особенности организации и осуществления экологического туризма на ООПТ, вопросы строительства некапитальных строений, сооружений и объектов благоустройства, допускаемых к созданию на ООПТ.

Планомерное совершенствование транспортной и социальной инфраструктуры муниципального образования создает благоприятные условия для местных жителей, открывая новые возможности использования природного потенциала региона и способствуя комплексному развитию территории.

3. Сохранение природных ресурсов.

Создание особо охраняемых природных территорий служит фундаментальным инструментом сбережения природного наследия. Законодательная база ООПТ гарантирует всестороннюю защиту экологических систем от антропогенного влияния.

Рациональное природопользование создает благоприятные условия для гармоничного развития экосистемы муниципального образования. Грамотная политика сбережения природных богатств привлекает внимание туристического сектора и представителей инвестиционных компаний, ценящих экологически благополучные места [3]. Для сохранения природных ресурсов необходимо усиление контроля за состоянием ООПТ. С 07 ноября 2024 года на особо охраняемых природных территориях в качестве контрольных мероприятий будут производиться постоянные рейды (Федеральный закон от 08.08.2024 № 308-ФЗ). Инспекторский состав получил расширенные полномочия по осуществлению круглосуточного мониторинга заповедных зон. Законодатели утвердили новый формат надзорной деятельности, включающий регулярное патрулирование контрольных пунктов и маршрутов передвижения. Сотрудники природоохранных служб будут осуществлять комплексный контроль над перемещением транспорта, деятельностью организаций и действиями физических лиц в границах охраняемых территорий. Анализ текущей ситуации, представленный разработчиками закона, выявил существенное снижение результативности применяемых ранее методов контроля. Внедрение системы постоянного патрулирования направлено на повышение качественных показателей природоохранной деятельности и профилактики правонарушений.

Местные органы власти должны выстраивать продуктивное взаимодействие с профильными государственными структурами по охране заповедных территорий, совместно разрабатывая природоохранные инициативы. Комплексный подход включает проведение фундаментальных исследований экосистем, регулярную оценку экологического состояния и внедрение превентивных мер защиты уникальных природных комплексов от антропогенного воздействия.

4. Создание рабочих мест.

Муниципальные власти уделяют первостепенное внимание формированию дополнительных рабочих мест для местного населения. Особо охраняемые природные территории, обладающие специальным правовым режимом, открывают широкие возможности трудоустройства граждан в различных направлениях природоохранной деятельности, включая развитие экотуризма, организацию отдыха населения и проведение просветительских программ.

Развитие экологического туризма становится приоритетным направлением использования местных особо охраняемых природных территорий. Данный подход способствует привлечению частных инвестиций через механизмы партнерства с государственными и муниципальными структурами.

ми, сохраняя при этом природное и ландшафтное многообразие. Минимизация традиционных массовых туристических потоков позволяет достигнуть баланса между рекреационными возможностями и природоохранными задачами ООПТ. Биосферный туризм представляет собой наиболее щадящую форму природопользования, требующую минимального расхода природных ресурсов охраняемых территорий. Грамотная организация экотуристической деятельности предполагает функциональное зонирование пространства с учетом интенсивности рекреационной нагрузки [4].

Модернизация туристской инфраструктуры особо охраняемых природных территорий способствует формированию новых вакансий в сферах гостеприимства, общественного питания и пассажирских перевозок. Растущая занятость местного населения в обслуживающих отраслях приводит к заметному улучшению социально-экономических показателей региона.

Расширение природоохранного сектора занятости позволяет достичь двойного эффекта, направляя усилия граждан на защиту окружающей среды и параллельно формируя у населения глубокое понимание значимости экологического баланса.

5. Привлечение инвестиций.

Муниципальные образования нуждаются в постоянном притоке инвестиционных средств для полноценного развития территорий. Присвоение статуса особо охраняемой природной территории открывает новые возможности для привлечения капитала в развитие туристической инфраструктуры, создание рекреационных зон и формирование образовательных экологических программ.

Формирование туристической инфраструктуры, включающей гостиничные комплексы, предприятия общественного питания, природные маршруты и информационные центры, привлекает внимание потенциальных инвесторов, способствуя расширению туристического потока и развитию региональной отрасли гостеприимства.

Правовое положение особо охраняемых природных территорий создает благоприятные условия для привлечения капитала предпринимателей, ориентированных на природоохранную деятельность и внедрение экологических производств. Подобная инвестиционная активность способствует укреплению экономического потенциала муниципалитета, повышая его привлекательность среди других регионов. Следует отметить, что распределение туристических маршрутов должно учитывать уникальность и ценность природных комплексов каждой зоны. Создание экологических троп выступает естественным регулятором потока посетителей, равномерно распределяя нагрузку между различными участками охраняемой территории. Развитие внутреннего экологического туризма становится альтернативой дорогостоящему зарубежному отдыху.

6. Развитие местного сообщества, вовлечение граждан в природоохранные процессы.

Активное вовлечение локальных групп населения в процессы администрирования особо охраняемых природных территорий создает благоприятные условия для комплексного развития муниципальных образований. Жители прилегающих районов способствуют рациональному природопользованию, расширению туристической инфраструктуры и формированию новых рабочих мест в регионе.

Механизмы общественных слушаний и консультаций предоставляют местному населению возможности влиять на процессы управления особо охраняемыми природными территориями. Активное вовлечение граждан в разработку программ территориального развития способствует учету социальных потребностей и интересов жителей прилегающих районов.

Становление особо охраняемых природных территорий создает благоприятные условия для местных жителей, предоставляя рабочие места, модернизируя инфраструктуру региона и способствуя росту социально-экономического благополучия населения.

Эффективное взаимодействие муниципальных администраций с федеральными структурами, курирующими особо охраняемые природные территории, создает прочный фундамент рационального природопользования и способствует комплексному развитию местных поселений.

Федеральные структуры передают муниципалитетам актуальные данные об экологическом состоянии природоохранных зон, включая стратегические планы территориального развития и комплекс природосберегающих мероприятий. Местные администрации разрабатывают собственные инициативы по развитию особо охраняемых природных территорий, внося вклад в общую систему природопользования.

Грамотно выстроенное партнерство открывает широкие возможности для рационального природопользования, защиты видового разнообразия флоры и фауны, а также создания экологически сбалансированных регионов.

Таким образом, особый правовой статус ООПТ для муниципальных образований с одной стороны – ограничивает возможности использования таких территорий в хозяйственной и коммерческой деятельности, с другой – позволяет развивать определенные виды деятельности, делая ООПТ местом для притяжения инвестиций и туристов. Можно сделать вывод о значимой роли ООПТ в комплексном развитии муниципальных образований, учитывая, что ряд ООПТ является местом притяжения туристов из других регионов, что ведет к росту инвестиций, появлению рабочих мест, развитию государственно-частного партнерства.

Литература

1. Гаврикова Т.В. Развитие особо охраняемых природных территорий России. Экотуризм и инфраструктура // Дизайн XXI века: Сборник

статей VIII Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием, Тула, 15–21 апреля 2024 г. Тула: Тульский государственный университет, 2024. С. 12–17.

2. Гарбузова Т. Г., Воскресенская А.Э. Бизнес возможности в развитии устойчивого экотуризма на особо охраняемых природных территориях России и Европы // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). 2021. № 14(16). С. 158–164.
3. Тропина Д. В., Рахаева В.В., Сурикова А.М. Новые правила развития туризма на особо охраняемых природных территориях // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 103–107.
4. Турцева К.П. Стейкхолдеры региональной экологической политики в России. *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 3. С. 323–325.

SPECIAL LEGAL STATUS OF PROTECTED AREAS IN ENSURING INTEGRATED MUNICIPAL DEVELOPMENT

Fedotov M.V.

State University of Land Management

Specially protected natural areas (SPNA) are a national treasure of the Russian Federation. Protected areas have multifaceted value, including scientific, cultural, aesthetic components, as well as recreational and health potential. The use of this potential can have

a positive effect on the development of municipalities. This article examines the role of the special legal status of SPNA in the integrated municipal development of territories. It has been established that the influence of the special legal status of SPNA in ensuring integrated municipal development is manifested in two ways – on the one hand, the special legal status of these territories becomes a limitation for local authorities in terms of the possibilities of using them for commercial purposes. On the other hand, SPNA themselves are centers of attraction for tourists, and therefore can serve as investment objects, which creates additional jobs and increases the tax and economic potential of the municipality.

Keywords: municipality, legal status, legal protection, land legislation, ecotourism.

References

1. Gavrikova T.V. Development of specially protected natural areas of Russia. Ecotourism and infrastructure // Design of the XXI century: Collection of articles of the VIII All-Russian scientific and practical Internet conference with international participation, Tula, April 15–21, 2024. Tula: Tula State University, 2024. Pp. 12–17.
2. Garbuzova T. G., Voskresenskaya A.E. Business opportunities in the development of sustainable ecotourism in specially protected natural areas of Russia and Europe // Economy and management of the national economy (St. Petersburg). 2021. No. 14 (16). Pp. 158–164.
3. Tropina D. V., Rakhaeva V.V., Surikova A.M. New rules for the development of tourism in specially protected natural areas // Law and state: theory and practice. 2023. No. 8(224). P. 103–107.
4. Turtseva K.P. Stakeholders of regional environmental policy in Russia. *Ars Administrandi* (The Art of Management). 2021. Vol. 13, No. 3. P. 323–325.

Некоторые выводы и предложения по уточнению правил оборота земельных участков сельхозназначения с учетом реализации Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации

Липски Станислав Анджеевич,

д.э.н., доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
E-mail: lipski-sa@yandex.ru

С 2021 г. в стране успешно реализуется Госпрограмма вовлечения в оборот заброшенных сельхозземель. Анализ хода ее осуществления привел к выводу о целесообразности уточнения некоторых положений регулирования оборота сельхозземель применительно к брошенным участкам. Это относится как к дополнительным требованиям к их будущим хозяевам, так и к снятию ряда ограничителей при приобретении таких участков. Также предлагается наряду с принудительным прекращением прав на заброшенные угодья их текущих правообладателей и их последующим выставлением на земельные аукционы применять меры экономического регулирования, побуждающие текущих правообладателей реосвоить свои же земли.

Ключевые слова: изъятие, земельные участки, госпрограмма, оборот, законодательство, землеустройство.

Уже три года реализуется Госпрограмма эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации¹ (далее – Госпрограмма). Как следует из официальной отчетности² практически по всем целевым параметрам она реализуется с опережением заданных показателей.

Проведенные в рамках исследования хода ее реализации опросы органов госвласти (как федеральных, так и региональных) указывают на целый ряд проблем при реализации данной Госпрограммы (в частности, мораторий на проверки состояния и использования сельхозучастков; их фактическое зарастание – так как заброшены уже давно; сложность доказывания в судах фактов неиспользования участков; трудности поиска покупателей/арендаторов для давно заброшенных земель), а это ставит под сомнение целесообразность и возможность последующего сельхозприменения заброшенных угодий.

Если учесть, что значимой (если не ключевой) причиной возникновения самого феномена брошенных участков в постреформаторском сельхозземлепользовании стала неоптимальность сначала правовых актов, которыми регулировались аграрно-земельные преобразования 1990-х гг., затем способов их исправить, да и последующие решения законодателя и федерального Правительства также неоднократно корректировались ввиду трудноприменимости их на практике в изначально принятом виде, то нынешняя ситуация с осуществлением Госпрограммы стала явным поводом критически пересмотреть некоторые правила оборота сельхозземель.

Соответствующий Федеральный закон³ (далее – Закон об обороте сельхозземель) и его принципы действуют уже почти четверть века. За это время его базовые положения и принципы не менялись (в 2005 г. сменился лишь носитель преи-

¹ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731) // Собр. законодат. Рос. Федерации – 2021 – № 21 – ст. 3583.

² <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/60e/f3efndq2h1aju6jsas5j1kjavrgsj52s.pdf?ysclid=m1kyz0oajn454329911> (дата обращения – 27.09.2024).

³ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с послед. доп. и изм.). // Рос. газ. – 2002–27 июля.

мущественного права покупки сельхозучастков – от публичной власти это право перешло к агрохозяйствам и фермерам¹). С учетом изменившейся за это время ситуации в отечественном АПК (уверенные темпы его развития позволяют ставить задачу увеличения менее чем за десятилетие объемов агропродукции на четверть, а ее экспортной составляющей – вдвое²) можно задаться вопросом о пересмотре целого ряда положений этого закона. Ведь в момент его принятия отечественные аграрии были не способны конкурировать с международными агрогигантами, в т.ч. и на рынке сельхозземель. Но предмет данной статьи – уже. Рассмотрим лишь, требуются ли корректировки в отношении участия в обороте заброшенных сельхозучастков и возможности их приобретения, а равно – всего современного отечественного механизма вовлечения в оборот заброшенных земель.

Начнем с того, что принятие и последующая корректировка Закона об обороте сельхозземель, а также развивающих его положения подзаконных актов позволили сформировать механизм передачи заброшенных земель сельхозназначения более эффективным собственникам и арендаторам, ключевыми участниками которого являются:

1) структуры госземнадзора (терорганы Россельхознадзора и их должностные лица), выявляющие и фиксирующие нарушения законодательства в виде фактов забрасывания сельхозучастков, они же применяют первичные санкции к правообладателям таких участков и уведомляют региональные администрации, если эти первичные меры не дали результата в виде возобновления хозяйственного использования земли;

2) указанные администрации, обращающиеся в суды с исками об изъятии заброшенных участков;

3) суды, прекращающие в принудительном порядке права на такие участки;

4) кадастровые инженеры, дооформляющие при необходимости участки до требований земельного аукциона (лот, представляющий собой поставленный на кадастровый учет сельхозучасток с установленными границами);

5) организаторы торгов, а также их участники – потенциальные новые хозяева участков;

6) лица и органы, проводящие (чаще по запросу судов) землеустроительную экспертизу, которой, фактически и ограничена роль землеустройства в данном механизме (что не в полной мере задействует потенциал отечественных землеустроителей³).

¹ Липски, С.А. Правовой механизм государственного регулирования рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения в современной России: особенности формирования, тенденции и перспективы / С.А. Липски // Право и экономика. – 2011. – № 12. – С. 18–24; Рыженков А.Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2017. № 6. С. 101–109.

² Пп. г) п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Рос. Газ. – 2024–11 мая.

³ Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения

Сам же этот механизм включает в себя несколько составляющих:

1) нормы, закрепленные в соответствующих законах федерального уровня (Земельный и Гражданский кодексы, Закон об обороте сельхозземель), в региональных законах, в развивающих их положения подзаконных актах, а также в решениях судов, в т.ч. высших судебных инстанций, обобщающих решения нижестоящих судов (правовая составляющая данного механизма). Причем, регулирование оборота сельхозземель в настоящее время в полной мере соответствует конституционному требованию о совместном федерально-региональном ведении в данном вопросе (ключевые положения – максимально и минимально допустимые размеры участков, полномочия местных органов при реализации публичных интересов в отношении продаваемых частными лицами сельхозучастков) рамочно урегулированы федеральным центром, а детализированы региональными законодателями⁴;

2) систему уполномоченных госорганов федерального (органы госземнадзора) и регионального уровней (администрации, обращающиеся в суды), судов (рассматривающих иски этих госорганов) и муниципальных органов, а также обеспечивающих судебные разбирательства адвокатских, экспертных и т.п. структур (организационная составляющая данного механизма);

3) специальные госреестры и фонды данных, а также проводимые уполномоченными структурами обследования и наблюдения за сельхозземлями (посредством дистанционного зондирования сельхозземель, их межевания и мониторинга, землеустроительных и иных инвентаризаций (информационно-регистрационная и землеустроительная составляющая данного механизма).

При этом нормы, составляющие этот механизм, имелись весь постсоветский период, но:

– в конце XX в. их применение было неоправданным с позиции состояния аграрного сектора экономики⁵, кроме того все те годы еще продолжались дооформление результатов приватизации сельхозугодий и поиски варианта законодательного закрепления их нового статуса; суды же, без участия которых изъятие участка невозможно⁶, в то время всячески уклонялись от решения земельных вопросов в силу пробельности законодательной базы⁷ и отчасти –

в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2018. – 344 с.

⁴ Устюкова В.В. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения в субъектах Российской Федерации. // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2004, № 7, С. 60–71.

⁵ Липски С.А. Изменение земельных отношений. // Экономист. – 2003. – № 5. – С. 84–91.

⁶ «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда» – ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации.

⁷ Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РФ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.

- сугубой новизны возникающих споров и подаваемых исков;
- реализация этого механизма в «нулевые» годы, когда потребность возврата в сельхозпроизводство выбывших из него земель стала очевидной, оказалась затруднена неоптимальностью действовавших тогда соответствующих правовых норм (это относилось не столько к кодексам – земельному и гражданскому, сколько к специальному закону (об обороте сельхозземель) и еще больше – к развивающим их положения подзаконным актам;
 - следующее десятилетие стало периодом «донастройки» этих норм (причем неоднократно – в 2010 г, 2016 г. и 2022 г.). Эти корректировки были обусловлены как усложнением системы аграрно-земельных правоотношений¹, так и просчетами при принятии конкретных законодательных решений. Причем, речь не столько об изначальной редакции тех или иных документов, например, Закона об обороте сельхозземель (его изначальные идеологические установки, а также его базовые положения следует оценить, как верные и соответствующие как стратегическим запросам аграрного производства, так и текущим задачам государства в сфере АПК² – несмотря на сложные условия их принятия, изначальные подходы этих актов тщательно прорабатывались), сколько о впоследствии внесенных в них поправках. Наиболее явно это проявилось в отношении обеспечивающего процесс реосвоения заброшенных угодий землеустройства – в его рамках, с применением его инструментария должны и выявляться заброшенные угодья, и оцениваться варианты их реосвоения, и обосновываться иски к лицам, допустившим запущение своих земель, и формироваться новые участки оптимальных размеров и конфигурации для предоставления будущим собственникам и арендаторам. Но принятый еще в 2001 г. Закон о землеустройстве не только не получил развития в этом направлении, а наоборот, начиная с 2008 г. из него регулярно исключаются нормы о ключевых и традиционных для отечественного землеустройства (землемерия) видах работ, таких как межевание участков, установление границ различных зон и др. Тем не менее, в результате всех этих корректировок удалось добиться применимости рассматриваемого механизма в практической деятельности. И, казалось бы, совокупность изначальных и скорректированных (а также дополнительных) норм

¹ Конокотин Н.Г., Конокотин Д.Н., Фаткулина А.В. Некоторые правовые вопросы продовольственной безопасности и вовлечения неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в оборот // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 5. С. 59–65.

² Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстуна и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.

стала достаточной, но не хватало организационного начала³;

- лишь утверждение Госпрограммы исправило эту ситуацию, но как показала ее реализация, для успешного достижения заданных показателей важен постоянный анализ действенности соответствующих правовых норм, их применения и судебной практики.

В настоящее время фактически имеются различные варианты реосвоения заброшенных участков сельхозназначения, некоторые из них законодательно закреплены (основной из них – возврат в хозоборот с прежними назначением и видом использования), другие требуют такого закрепления (трансформация пашни в кормовые угодья и наоборот; изменение вида использования; рекреационное использование окончательно заросших бывших сельхозугодий и т.п.).

Наряду с принудительным прекращением прав на заброшенные угодья их текущих правообладателей и последующим выставлением на земельные аукционы (как способом передачи этих земель новым, более эффективным собственникам и арендаторам) механизм «работы» с такими землями должен предусматривать и другие – более «мягкие» меры, побуждающие текущих правообладателей реосвоить свои же земли. Одним из способов мотивировать их к этому могут стать более присущие рыночной экономике (нежели административное изъятие) экономические регуляторы. В частности, – дифференциация ставок земельного налога. Для этого даже не нужно менять нормы налогового законодательства: статьей 394 соответствующего кодекса уже предусмотрена разница в максимально возможном размере ставки: 1) пониженная (не более 0,3% кадастровой стоимости) для сельхозземель при условии их использования в сельхозпроизводстве (пункт 1); 2) общая ставка (до 1,5%) – в остальных случаях, когда такого использования нет (хотя на уровне муниципалитетов конкретизировать размеры ставок все-таки потребуются). Для того чтобы задействовать такой налоговый регулятор (5-кратная разница) нужно лишь организовать информационной взаимодействии (межведомственный обмен данными) органов госземнадзора, выявляющих заброшенные сельхозугодья, и налоговых структур. Уже сейчас названные органы, выявив заброшенные сельхозземли, сначала применяют «свои» меры реагирования (штрафуют нерадивых хозяев участков, выдают им предписание приступить к хозяйственному использованию этих земель), а затем, если этого недостаточно, направляют соответствующее уведомление в региональный госорган (которому впоследствии, если правонарушение в виде неиспользования земли так и не будет устранено, придется обращаться в суд с иском об изъятии участка). Аналогичное уведомление следует направлять

³ Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М.: ГУЗ, 2020. – 296 с.

и в налоговую службу. Так уже несколько лет организовано взаимодействие терогранов Россельхознадзора и ФНС России, в Московской и ряде других областей Центрального федерального округа.

Другой мерой экономического побуждения может стать запрет для правообладателей заброшенных сельхозземель на получение мер господдержки (например, по поддержанию и повышению уровня плодородия земель¹) даже в отношении ведения хозяйства на других принадлежащих им (арендуемых ими) сельхозучастках.

В числе иных возможных корректировок правил оборота сельхозземель также – предложение вернуться к рассмотрению вопроса об ограничении круга потенциальных приобретателей сельхозучастков лицами и организациями, соответствующими определенным требованиям. Установление таких квалификационных требований обсуждалось при разработке первоначальной версии Закона об обороте сельхозземель. Да и зарубежный опыт свидетельствует о применимости такого подхода². Причем текущая работа по реосвоению заброшенных земель как раз актуализирует «новый подход» к этому варианту регулирования оборота сельхозземель. Ведь для заброшенных участков, переходящих к новым правообладателям, уже применяются особые требования в части оснований для их повторного изъятия (ускоренного – уже через один год неиспользования³). Представляется уместным и вполне обоснованным допускать к торгам по изъятим по причине неиспользования сельхозучасткам только такие организации и фермеров, которые уже занимаются сельхозпроизводством либо обладают необходимыми опытом, ресурсами и технологиями. Для этого потребуются внести соответствующую норму в статью 6 Закона об обороте сельхозземель.

Другим изменением, указанного Закона, также уточняющим требования к потенциальным покупателям выставляемых на торги заброшенных сельхозучастков, является возможность превышения максимального размера общей площади концентрируемых таким образом у одного лица сельхозугодий. Это исключение предлагается распространить только на аукционное предоставление заброшенных участков (общее правило по ограничению концентрации отменять не надо). Суть этой новации в том, что если имеется «крепкий» хозяйственник-сельхозтоваропроизводитель, которому уже принадлежат на праве собственности сельхозугодья такой площади, что больше он при-

¹ Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2017. № 6, С. 14–17.

² Волков, С.Н. Липски С.А. Зарубежный опыт законодательного обеспечения землеустройства. – М.: Гос. университет по землеустройству, 2019. – 272 с.

³ Пп. 4 п. 1 ст. 6 Закон об обороте сельхозземель (в ред. Федерального закона от 05.12.2022 N 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. Законод. Рос. Федерации 2022 – N 50 (Ч. III) – ст. 8801.

купить не может в силу законодательного запрета, разрешить ему даже превышая этот запрет покупать на торгах заброшенные участки.

Наряду с уточнением требований к покупателям сельхозучастков следовало бы перенастроить и систему регуляторов их оборота. Так, действующие сейчас ограничители – принадлежность к целевой категории «сельхозназначение», вид использования, зоны с особым правовым режимом, запрет покупки иностранными лицами – следует сохранить. А вот требование относительно лимитирования предела концентрации сельхозугодий у одного лица в пределах муниципалитета – как отмечено выше, скорректировать, имея в виду, что площадь приобретаемого (в частности в рамках Госпрограммы) заброшенного сельхозучастка не должна учитываться при превышении установленного максимально допустимого предела.

Что касается введенного с 2022 г. запрета на самостоятельное отчуждение заброшенного участка, то в целях дополнения мер реализуемых в рамках указанной Госпрограммы инструментами саморегулирования (всего заброшенных угодий более 40 млн га, а программные мероприятия рассчитаны лишь на 13 млн. га) можно было бы рассмотреть вопрос о временном приостановлении этого запрета на 2–3 года (объявление амнистии). В этом предложении есть определенный риск, связанный с тем, что у ненадлежащих хозяев, стремящихся «защитить» свои участки от изъятия по Госпрограмме, появится дополнительный инструмент – перепродажа друг другу (которым они и пользовались до 2022 г.). Но если эта амнистия будет всего в 2–3 года никакой «временщик» покупать неиспользуемый участок не будет, зная, что затем он все равно пойдет под изъятие. Тогда как за 2–3 года амнистии механизм рыночного урегулирования проблемы заброшенных сельхозугодий (как дополнительный к основному – к Госпрограмме), позволит перераспределить к более рачительным хозяевам еще какую-то часть пока пустующих площадей, причем без задействования для этого государственных и муниципальных ресурсов.

Тогда и весь механизм передачи заброшенных земель сельхозназначения более эффективным собственникам и арендаторам станет несколько иным – схематическая суть его изменения отображена на рисунке 1.

Впрочем, одних лишь правовых мер для активного реосвоения заброшенных сельхозземель недостаточно. Только разработка и реализация комплекса мер, включающих в себя наряду с совершенствованием правового механизма также проведение инвентаризации земель, предоставленных для производства сельхозпродукции, создание специальных оргструктур (например, специализированного фонда реосвоения или воссоздание землеустроительной службы), финансовая и консультационная помощь государства, научное обеспечение и другие меры, является необходимыми условиями, позволяющими успешно реализовать Госпрограмму. Поэтому уточнение правовой со-

ставляющей механизма передачи заброшенных сельхозучастков более эффективным собственникам и арендаторам следует рассматривать как важный, но лишь компонент в комплексе мер по решению актуальной проблемы заброшенных

сельхозземель, и, в конечном итоге, – обеспечения надежной продбезопасности страны, ее активной и успешной роли на мировых продовольственных рынках, сохранения и приумножения потенциала отечественных сельхозугодий.

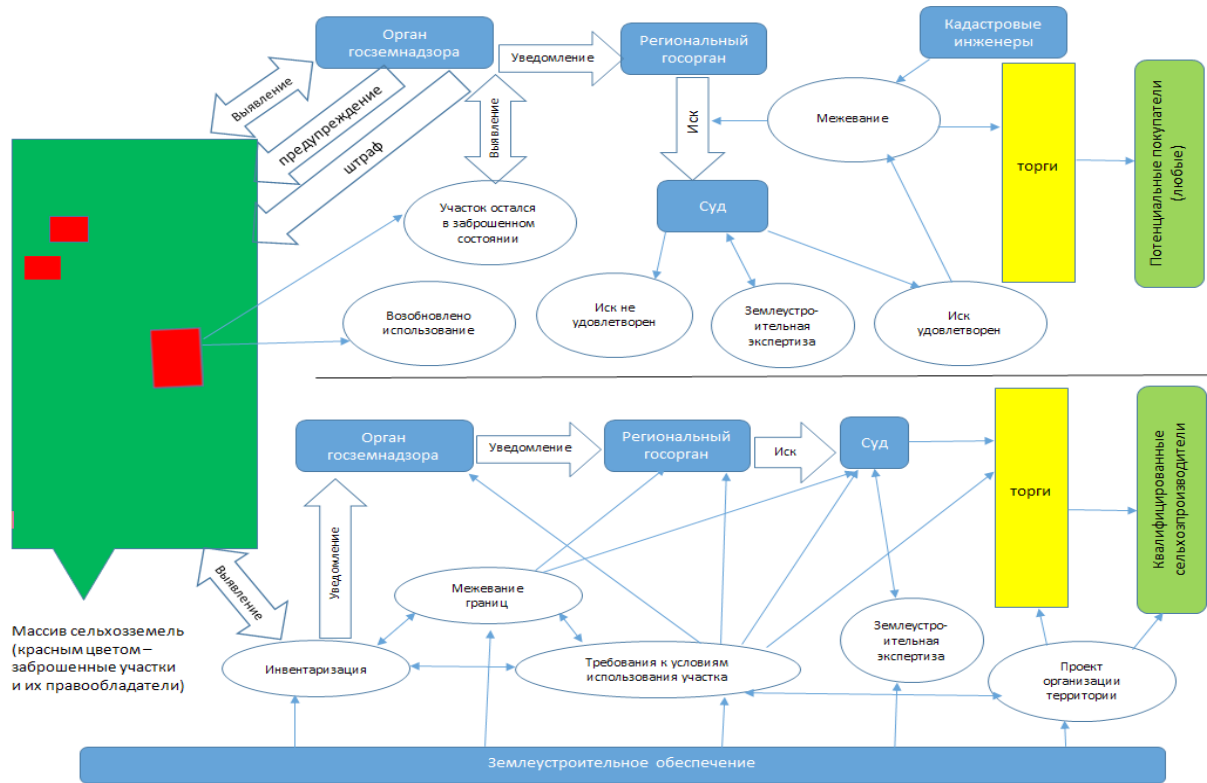

Рис. 1. Схематическое отображение механизма передачи заброшенных сельхозучастков более эффективным собственникам и арендаторам (сверху – действующий механизм, снизу – предлагаемый)

Литература

1. Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.
2. Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2017. № 6, С. 14–17.
3. Волков, С.Н. Липски С.А. Зарубежный опыт законодательного обеспечения землеустройства. – М.: Гос. университет по землеустройству, 2019. – 272 с.
4. Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству, 2018. – 344 с.
5. Конокотин Н.Г., Конокотин Д.Н., Фаткулина А.В. Некоторые правовые вопросы продовольственной безопасности и вовлечения неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в оборот // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024. № 5. С. 59–65.
6. Липски С.А. Изменение земельных отношений. // Экономист. – 2003. – № 5. – С. 84–91.
7. Липски, С.А. Правовой механизм государственного регулирования рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения в современной России: особенности формирования, тенденции и перспективы / С.А. Липски // Право и экономика. – 2011. – № 12. – С. 18–24.
8. Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстуна и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.
9. Рыженков А.Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2017. № 6. С. 101–109.
10. Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М: ГУЗ, 2020. – 296 с.
11. Устюкова В.В. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения в субъектах Российской Федерации. // Имуще-

SOME CONCLUSIONS AND SUGGESTIONS ON CLARIFYING THE RULES FOR THE TURNOVER OF AGRICULTURAL LAND PLOTS, TAKING INTO ACCOUNT THE IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM FOR EFFECTIVE INVOLVEMENT IN THE TURNOVER OF AGRICULTURAL LAND AND THE DEVELOPMENT OF THE RECLAMATION COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lipski S.A.

Safety University of Land use Planning

Since 2021, the country has been successfully implementing a state program to involve abandoned agricultural lands in the turnover. An analysis of the progress of its implementation led to the conclusion that it is advisable to clarify some provisions of the regulation of agricultural land turnover in relation to abandoned plots. This applies both to additional requirements for their future owners, and to the removal of a number of restrictions when purchasing such plots. It is also proposed, along with the compulsory termination of the rights to abandoned lands of their current rightholders and their subsequent putting up for land auctions, to apply economic regulation measures that encourage current rightholders to redevelop their own lands..

Keywords: seizure, land plots, state program, turnover, legislation, land use planning.

References

1. Adamenko A.P. et al. Actual problems of business, corporate, environmental and labor law: monograph. – M.: RG-Press, 2019. Vol. 2. – 608 p.
2. Vershinin V.V., Lipsky S.A. On the state of fertility of agricultural lands and measures for its reproduction. // International Agricultural Journal, 2017. No. 6, pp. 14–17.
3. Volkov, S.N. Lipsky S.A. Foreign experience of legislative support for land management. – M.: State University of Land Management, 2019. – 272 p.
4. Volkov S.N., Khlystun V.N. et al. The main directions of use of agricultural lands in the Russian Federation in the future. – M.: State University of Land Management. 2018. – 344 p.
5. Konokotin N.G., Konokotin D.N., Fatkulina A.V. Some legal issues of food security and the involvement of unused agricultural land in circulation // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 5. P. 59–65.
6. Lipsky S.A. Changes in land relations // Economist. – 2003. – No. 5. – P. 84–91.
7. Lipsky, S.A. Legal mechanism of state regulation of market turnover of agricultural land in modern Russia: features of formation, trends and prospects / S.A. Lipsky // Law and Economics. – 2011. – No. 12. – P. 18–24.
8. Organizational and economic mechanisms for involving in circulation, use and protection of agricultural land: Monograph / under the scientific. ed. V.N. Khlystun and A.A. Murasheva. – M.: FGBOU VO GUZ, 2020. – 568 p.
9. Ryzhenkov A. Ya. Principles of agricultural land turnover and their legal significance // Property relations in the Russian Federation, 2017. No. 6. Pp. 101–109.
10. Khlystun V.N. et al. Legal aspects of involving unused and unclaimed agricultural land in economic circulation: Monograph. – M: GUZ, 2020. – 296 p.
11. Ustyukova V.V. Legal regulation of agricultural land turnover in the constituent entities of the Russian Federation. // Property relations in the Russian Federation, 2004, No. 7, Pp. 60–71.

Теоретико-правовые вопросы обеспечения духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации

Мухин Алексей Игоревич,

аспирант Высшей школы государственного аудита МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 3893958@mail.ru

Статья рассматривает теоретико-правовые вопросы нормативно-правовой регламентации понятий традиционных ценностей и некоторые факторы воздействия на их обеспечение в Российской Федерации. На сегодняшний день мы все чаще и чаще сталкиваемся с понятиями «традиционные ценности», «духовные столпы», «культурная идентичность», правовое понимание данных дефиниций позволит не только сохранить национальное единство, но и обеспечить неразрывную солидарность поколений на основе принципа справедливости. Россия является государством с федеративной формой правления и включает в себя многие национальности и конфессии, сочетает в себе неразрывную связь субъектов с федеральным центром и в то же время наделяет их самостоятельностью. Данный факт закрепляет преамбула, пункт 1 статьи 14 и статья 67 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с поправками от 01.07.2020 г.)

Материалы и методы научного исследования. Материалами исследования является действующее нормативно-правовое акты в исследуемой сфере. В данной работе использовались различные методы научного познания, в том числе: исторический, сравнительно-правовой, анализ, синтез, логический, индукции, дедукции и другие.

Обсуждение результатов. Вопрос сохранения традиционных ценностей на сегодняшний день является приоритетным и стратегически важным. Для нормального функционирования российского общества и государства необходимым является четкое законодательное формулирование основных принципов присущих данной категории. Представляется важным и актуальным выявление и анализ основных рисков связанные с обеспечением и сохранением традиционных ценностей в Российской Федерации.

Заключение (выводы). Духовно-нравственные ценности формируют культурный код российского общества и позволяют защищать национальный суверенитет. Выработка правовых подходов интеграции традиционных ценностей в правовую систему позволит своевременно противодействовать деструктивному влиянию и решать стратегические задачи.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, традиции, право, стратегическое развитие, нормативно-правовое регулирование, защита интересов общества и личности.

Современное государство не может существовать без такого общественного регулятора как правовая норма – формально определенное правило поведения, превентивно обеспечивающееся и охраняемое государством в лице компетентных органов и служб. Любая норма права построена на принципе баланса публичного и частного интереса, таким образом, реализуется принцип сдержек и противовесов, так как при данной системе учитываются интересы значительного количества людей. Помимо строго определенных норм и правил поведения существуют и духовно-нравственные и религиозные обычаи, каноны поведения, соблюдение которых обеспечивается за счет внутреннего морального состояния отдельно взятого индивида. Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что постоянное взаимодействие правовых и моральных норм образуют синергию, тем самым своевременно и адекватно способствуют решению возникающих противоречий между индивидуальным и общественным интересом. С помощью такой солидарности, сформированной за долгие годы, обеспечивается национальное единство, а также сохраняется внутренний и внешний суверенитет. На сегодняшний день существует множество элементов, воздействующих на внутренние ценности, например размытие культуры и нравственности, незаконная миграция, абсолютизация свободы личности, психоэмоциональное воздействие (путем насаждение деструктивных идей, телекоммуникационного влияния, санкционного воздействие на общество и личность).

Исходя из Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности можно разделить на основные элементы, такие как: жизнь, права и свободы человека и гражданина, мораль и нравственность, семейно-родственные отношения, созидательность, религия и другие.

Рассматривая содержание вышеназванных понятий и смыслов необходимым, является осознание того, что жизнь не только физиологический процесс, но и социальный неразрывно связанный с нахождением индивида в обществе. Данная ценность уже давно нашла свое отражение в основном законе как неотъемлемая и основополагающая. Сохранение качественной жизни каждого из членов общества позволит сформировать и солидарное правопреимство поколений. Известно, что права и свободы за многовековую историю могут искажаться и происходит это из-за того, что

нарушаются базовые правовые принципы, появляются всяческого рода современные веяния, которые становятся фундаментом для неправомερных решений, недопонимания, злоупотребления, произвола и множества других негативных общественных процессов. Понимание нравственности, к сожалению, часто сопряжено и зависит от распространения и восприятия искаженной информации, трактовки пороков, аморального поведения, наносящего дестабилизирующий общественный характер и иных негативных проявлений.

Таким образом, стратегическим приоритетом является сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей в вышеперечисленных сферах. Руководствуясь положением пункта 12 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (далее – Указ № 400) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – вопрос сохранения традиционных ценностей требует принятия неотложных мер.

Так, в пункте 4 Указа № 400 впервые сформулировано и раскрыто понятие «традиционные ценности», что очевидным образом демонстрирует особую стратегическую важность данной проблематики. Под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение, передаваемые из поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства. К концу настоящего года планируется завершить работу над внедрением глоссария, способствующего выведению ценностной сферы в правовую плоскость, более того в Государственной Думе Российской Федерации создается «фильтр» проверки соответствия вносимых законопроектов на предмет традиционным ценностям. Все эти и другие усилия позволят в будущем противодействовать формированию безнравственности и аморальности.

Однако, на сегодняшний день, разработка указанной тематики находится в зачаточном состоянии и не носит системного характера. В данном контексте, представляется возможным определение ряда задач, необходимых для разрешения общей проблемы, среди которых основными являются: противодействие радикальному ревизионизму, сохранение своей уникальности и духовно-культурного достояния, сохранение солидарности поколений и другие. Необходимо также учитывать тот факт, что, защищая духовно-нравственные ценности мы отстаиваем не конкретный перечень традиций, обычаев и норм, который без всякого сомнения будет законодательно сформулирован, а мы противопоставляем формированию культурно-нравственной деградации.

Рассматривая вопрос обеспечения духовно-нравственных ценностей необходимо учитывать тот факт, что Конституция закрепила в качестве основных – права и свободы, государственную целостность и неприкосновенность, в том числе наделив Правительство Российской Федерации полномочиями по сохранению и укреплению института

семьи и просветительской деятельности. Так, для выполнения задач по воспитанию подрастающего поколения законодатель устанавливает в качестве ключевых направлений деятельности – развитие гражданской осознанности и патриотичности. Данное направление позволит сформировать устойчивый исторический образ подвигов и традиций россиян, что отражено в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации».

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет понятие воспитательной деятельности, под которой следует понимать – активную форму образовательной деятельности, в том числе направленную на расширение понимания духовности, нравственности и уважения к исторической памяти.

Обеспечение защитных мероприятий должно осуществляться при помощи культуры, средств массовой информации, образования и религии. Еще в 2018 году был утвержден вектор и комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 года, в котором указаны мероприятия по доведению ценностей до граждан и информационно-просветительская работа с молодежью.

За последние несколько лет общество сформулировало запрос на обеспечение и сохранение исконных российских традиций, что повлияло на включение соответствующих положений как в основной закон, так и стратегические документы планирования, где были определены основные цели и задачи государственной политики в этом направлении. Определение указанных целей стало драйвером для разработки механизмов их выполнения, однако, на сегодняшний день, они скорее несут в себе декларативный характер, нежели практический.

Следует обратить внимание и на тот факт, что для практической работы над обеспечением духовно-нравственных принципов необходимо приложить серьезное правовое усилие, возможно понадобится обратить внимание на пункт 1 статьи 13 Конституции Российской Федерации, закрепляющий многообразие идеологий. Ведь, исходя из этимологии это системно и формально определенные идеи отражающие смыслы, приоритеты, идеалы различных социальных групп. Исходя из пункта 4 Указа Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» – Россия является государством-цивилизацией, а следовательно, уже обладает ценностями и культурным кодом.

Статья 10 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ разъясняет вопросы правового положения граждан России с гражданством или подданством других стран, данный факт может быть камнем преткновения в вопросе размытия многовековых традиций и ценностей.

Еще одним из актуальных вопросов, требующим своего разрешения является сформировавшийся принцип приоритета материальных ценностей над духовными, конечно, исходя из нынешней экономической системы (рыночной) цель в зареботке имеет место быть, но не стоит забывать и про духовные ценности. К исконным традициям можно отнести противоположный принцип «приоритета духовного над материальным», так исходя из неправильной трактовки этого принципа можно попытаться запретить любую коммерческую деятельность, но это было бы не верно, а правильным было бы направить усилия на формирование баланса условий для поддержания социально-духовной сферы за счет денежных потоков, в том числе полученных от предпринимательской деятельности, таким образом, будут формироваться социально-культурные предпосылки и наследие для следующих поколений.

Духовно-нравственные ориентиры формируются в человеке на разных этапах его становления – начиная с «детского сада», в процессе учебы, работы и в любых других процессах. На сегодняшний день, к сожалению, одной из господствующих идей является всеобщая конкуренция, которая заставляет людей постоянно соревноваться и бороться друг с другом, зачастую невзирая на используемые методы и способы такой борьбы, что в конечном итоге разрушает человека как личность или делает из него «робота» или «механизм», ценность которого заключается в эффективности и тяжести.

Во исполнение пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Министерство Внутренних Дел Российской Федерации выступило с законодательной инициативой (исходя из законопроекта от 07.11.2024) предложив наделить полицию соответствующими полномочиями в данной сфере. Исходя из пояснительной записки к данному законопроекту указанные нововведения не повлекут за собой существенных материальных затрат по реализации механизмов осуществления соответствующих мероприятий. В первую очередь, данные мероприятия затронут вопросы осуществления миграционной политики, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности».

Резюмируя вышеперечисленные факторы влияния на обеспечение духовно-нравственных ценностей, существует множество правовых аспектов, требующих незамедлительного внимания, на сегодняшний день уже проделана глобальная работа над внедрением некоторого числа документов стратегического планирования, в которых, однако, большую долю занимают декларативные цели и задачи, которые расплывчато сформулированы и в большей части не структурированы. Не стоит

также забывать, что вопрос нормативно-правовой регламентации института традиции несет не только идеологический характер, но и стратегический, неразрывно связанный с обеспечением суверенитета нашей страны, противодействия дестабилизирующему влиянию, в связи с чем, требует не только косметических усилий, но и кардинальных законодательных изменений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г., № 52, ст. 7477.
3. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г., № 50, ст. 7074.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г., № 20, ст. 2901.
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г., № 30, ст. 4884.
6. Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2021 г., № 27, ст. 5351.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2022 г., № 46, ст. 7977.
8. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 18.09.2024) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // Собрание законодатель-

ства Российской Федерации от 2024 г., № 26, ст. 2820.

9. Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 2024 г., № 35, ст. 5322.
10. Рудакова О.Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4 (220).

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF ENSURING SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mukhin A.I.

Lomonosov Moscow State University

The present article considers theoretical and legal issues of normative and legal regulation of the concepts of traditional values and some factors of influence on their provision in the Russian Federation. To date, we are more and more often encountering the concepts of «traditional values», «spiritual pillars», «cultural identity», the legal understanding of these definitions will allow not only to preserve national unity, but also to ensure the unbreakable solidarity of generations on the basis of the principle of justice. Russia is a state with a federal form of government and includes many nationalities and confessions, combining an inseparable link between the constituent entities and the federal center and at the same time giving them independence. This fact is enshrined in the preamble, paragraph 1 of Article 14 and Article 67 of the Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended on 01.07.2020)

Materials and methods of scientific research. The materials of the research are the current normative-legal acts in the investigated sphere. Various methods of scientific cognition were used in this work, including: historical, comparative-legal, analysis, synthesis, logical, induction, deduction and others.

Discussion of the results. The issue of preserving traditional values today is a priority and strategically important. For the normal functioning of the Russian society and the state it is necessary to have a clear legislative formulation of the basic principles inherent in this category. It seems important and relevant to identify and analyze the main risks associated with the provision and preservation of traditional values in the Russian Federation.

Conclusion (conclusions). Spiritual and moral values form the cultural code of Russian society and allow to protect national sovereignty. The development of legal approaches to the integration of traditional values in the legal system will allow timely counteract destructive influence and solve strategic problems.

Keywords: spiritual and moral values, traditions, law, strategic development, normative-legal regulation, protection of the interests of society and the individual.

References

1. Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved in the course of all-Russian voting on 01 July 2020) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2012, No. 52, Art. 7477.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 № 646 «On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2016, No. 50, Art. 7074.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 «On the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 years» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2017, No. 20, Art. 2901.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // *Collected Legislation of the Russian Federation* of 2020, No. 30, Art. 4884.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2021, No. 27, Art. 5351.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022, No. 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2022, No. 46, Art. 7977.
8. Decree of the President of the Russian Federation from 22.06.2006 № 637 (ed. from 18.09.2024) «On measures to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad» (together with the «State Programme for Assistance to Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad» (together with State Programme for Assistance to Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation» (together with «State Programme for Assistance to Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation»). Abroad») // *Collected Legislation of the Russian Federation* of 2024, No. 26, Art. 2820.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 19.08.2024 No. 702 «On providing humanitarian support to persons who share traditional Russian spiritual and moral values» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 2024, No. 35, Art. 5322.
10. Rudaikova O.N. Legal support of traditional values as the basis of constitutional values // *Law and State: theory and practice*. 2023. № 4 (220).

Правовые проблемы использования земель особо охраняемых природных территорий

Федотов Михаил Вячеславович,

аспирант, Государственный университет по землеустройству
E-mail: mvfmisha@gmail.com

На современном этапе имеется ряд правовых проблем в сфере использования земель особо охраняемых природных территорий. К их числу можно отнести сложности с переводом земель из одной категории в другую, проблемы правового регулирования распределения полномочий между уровнями власти, необходимость согласования правовых норм с интересами населения и с учетом экологических требований. Цель статьи заключается в рассмотрении правовых проблем использования земель особо охраняемых природных территорий. Задачи: 1) проанализировать направления усовершенствования правового поля для обеспечения поддержки охраняемых земель; 2) выделить сложности развития туризма на землях с особым статусом и способы согласования интересом местного населения; 3) обозначить направления развития законодательства с учетом принципов устойчивого развития. Методы: общеправовые, общенаучные, специально-научные и собственно правовые методы. Результаты. Нормативно-правовая база использования и регулирования особо охраняемых природных территорий требует значительной доработки для устранения неточностей и противоречий в действующих нормах. Отдельного внимания заслуживают вопросы контроля над целевым использованием земель и подходы к их зонированию.

Ключевые слова: правовые проблемы, правовой режим, перевод земель, ESG, закон, туризм, контроль, полномочия, принципы.

Введение

Национальные заповедники, природные парки и резерваты, входящие в состав особо охраняемых природных территорий (ООПТ) представляют неопценное достояние государства, выполняя множество значимых функций для сохранения экосистем, развития научных исследований, поддержания культурного наследия и обеспечения рекреационных возможностей населения.

Природоохранные территории выступают гарантом сохранения уникальных природных объектов, минимизируя антропогенное воздействие и обеспечивая преемственность национального достояния для потомков. Административное управление заповедными зонами распределяется между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, включая научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения государственного подчинения [1].

ООПТ окружены специальными защитными поясами, предназначенными для минимизации вредного воздействия человеческой деятельности на уникальные природные комплексы.

Комплексная трансформация землепользования в границах особо охраняемых природных территорий и прилегающих к ним зонах сталкивается с множеством препятствий. Ключевые барьеры включают недостаточное финансирование природоохранных мероприятий, устаревшую нормативно-правовую базу и низкую вовлеченность местных сообществ. Актуальными остаются вопросы эффективного мониторинга экологического состояния земель и внедрения современных методов неистощительного природопользования. Существенное влияние оказывает недостаточная координация между различными уровнями управления и отсутствие единых стандартов оценки результативности природоохранных мер.

Таким образом, цель статьи заключается в рассмотрении правовых проблем использования земель особо охраняемых природных территорий.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели использован комплексный подход к проведению исследования, что предполагает применение широкого круга общеправовых, общенаучных, специально-научных и собственно правовых методов, а именно: исторического, диалектического, формально-логического, системно-структурного, историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического и других.

Результаты и обсуждения

Итак, первой проблемой является необходимость обеспечения поддержки ООПТ, в том числе путем закрепления соответствующих норм в правовом поле.

Региональные власти воспринимают особо охраняемые природные территории преимущественно как обременение, ограничивающее социально-экономическое развитие субъектов РФ, считая природоохранные зоны непригодными для ведения хозяйственной деятельности и выключенными из региональных экономических процессов [2].

Особо охраняемые природные территории выступают гарантом стабильности благоприятных условий среды обитания, включая климатические факторы, создавая комфортную среду для жизнедеятельности людей, параллельно предлагая возможности отдыха и экологического образования местному населению.

Законодательство об особо охраняемых природных территориях претерпело значительные преобразования с начала осени 2023 года. Федеральный закон № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» дополнен специальным разделом, регламентирующим туристическую деятельность в заповедных зонах. Новые положения существенно расширяют возможности использования природоохранных территорий для организации отдыха посетителей. Законодательные поправки разрешают возведение инфраструктурных объектов в национальных парках, включая гостиничные комплексы, центры экологического просвещения, пункты питания, объекты бытового обслуживания и транспортные развязки для передвижения гостей природных территорий [3].

Развитие экотуристических проектов в границах особо охраняемых природных территорий создаст дополнительные возможности для экономического роста регионов.

Соответственно, одной из проблем является согласование в нормативных документах интересов индустрии туризма и целей охраны ООПТ.

Согласно государственному стандарту ГОСТ Р 56642–2021 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» под категорией экологического туризма подразумевается организованное взаимодействие путешественников с природными объектами, направленное на познавательную деятельность, изучение культурного наследия местности при обязательном соблюдении природоохранных мер и активном участии в сохранении естественной среды.

Динамичный рост экологического туризма обусловлен существенным разнообразием особо охраняемых природных территорий Российской Федерации, предоставляющих широкие возможности для развития данного направления путешествий. Масштабная сеть заповедников, национальных парков и природных резерватов создает благоприятные условия для организации познавательных

маршрутов различной сложности в уникальных природных комплексах страны [4].

Экологический туризм выступает уникальным направлением предпринимательства, генерирующим стабильный доход для поддержания особо охраняемых природных территорий. Местные жители получают возможность трудоустройства благодаря созданию новых вакансий в туристической индустрии. Комплексный подход к организации экотуризма способствует сохранению природного наследия, формированию экологической культуры посетителей и бережному отношению к природным богатствам, культурным ценностям и традициям коренного населения региона [5, с. 109].

Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» не содержит систематизированного подхода к разграничению форм экологического туризма, не устанавливает зависимость допустимых видов рекреационной деятельности от статуса природоохранных зон, специфики режима охраны и первоначальных целей создания заповедных территорий.

Другой проблемой, свидетельствующей о недостаточной правовой регламентации режима охраны ООПТ, являются конфликты с населением, проживающим на ООПТ и на территориях, близко расположенных к ООПТ, трудности оформления прав на земельные участки в границах ООПТ.

Комплексное решение вопросов сосуществования местных жителей с особо охраняемыми природными территориями требует тщательного баланса между сложившимся укладом населения и сохранением уникальных природных объектов, представляя серьезную управленческую задачу для региональных властей.

Местные жители испытывают неудобства из-за противоречий между земельно-имущественными правами и природоохранными требованиями особо охраняемых территорий. Законодательные изменения 2020 года значительно упростили порядок землепользования для населенных пунктов, расположенных внутри установленных границ охраняемых зон.

В тоже время действующее природоохранное законодательство содержит пробел, позволяющий заинтересованным субъектам вносить корректировки в нормативные акты особо охраняемых природных территорий при отсутствии четких законодательных ограничений, легализуя определенные виды хозяйственной активности в границах охраняемых зон. Так, Верховный Суд Российской Федерации вынес Определение касательно памятника природы «Верховья рек Пшеха и Пшехаша». Высшая судебная инстанция признала недействительными ранее внесенные изменения в режим особой охраны территории. Согласно решению высшей судебной инстанции, запрещается проведение любых сплошных рубок леса и возведение линейных объектов в границах охраняемой природной зоны [6, с. 65].

В тоже время судебная практика демонстрирует неоднозначность правовых позиций в отношении национальных парков. Верховный суд Российской Федерации принял решение № АКПИ17–822 от 13.11.2017, подтвержденное апелляционной инстанцией 09.01.2018 № АП17–527, которым признал недействительными нормы положения о национальном парке «Мещерский». Нормы касались вопросов строительства и реконструкции хозяйственных объектов, жилых построек, дорожной инфраструктуры, линий электропередачи и иных линейных сооружений в границах охраняемой территории при сохранении хозяйственной эксплуатации данных объектов [7, с. 117].

Многочисленные особо охраняемые природные территории входят в перечень объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, где любая хозяйственная активность может послужить причиной исключения природного памятника из официального реестра при возникновении угрозы сохранности уникальных характеристик. Рассмотрение подобных вопросов требует предельной внимательности, направленной на достижение равновесия между сохранением естественной среды и нуждами местных жителей, проживающих в границах охраняемых зон.

Правовое регулирование хозяйственной активности в границах особо охраняемых природных территорий требует комплексного анализа существующих нормативных актов. Формирование эффективной системы природоохранных зон различного статуса выступает приоритетным вектором государственной экологической политики России. Детальное изучение действующей межотраслевой нормативно-правовой базы позволит разработать оптимальные механизмы сохранения уникальных природных комплексов [8].

Федеральное законодательство об особо охраняемых природных территориях требует закрепления главенствующей роли при регулировании правоотношений над смежными природоресурсными нормативными актами. Приоритетность применения норм природоохранного права создаст надежный фундамент для сохранения уникальных экологических систем.

Одним из направлений дальнейшего совершенствования законодательства является углубление использования принципов устойчивого развития (ESG).

Адаптация принципов ESG-стандартов, включающих экологическое, социальное и корпоративное управление, позволяет совершенствовать законодательную базу по защите особо охраняемых природных территорий. Методология оценки природоохранной деятельности, разработанная корпоративным сектором, предлагает эффективные инструменты для модернизации нормативно-правовой системы ООПТ [9, с. 212].

Анализ отечественных ESG-рейтингов регионов выявил минимальное присутствие показателей землепользования среди оценочных критериев. Текущие методики учитывают лишь отдельные

аспекты земельной сферы через призму восстановления нарушенных территорий, функционирования карбоновых полигонов и управления охраняемыми природными зонами. Максимальную глубину проработки земельных вопросов демонстрирует рейтинговая система Агентства стратегических инициатив, включающая оценку длительности регистрационных действий с недвижимостью и количества требуемых процедур при совершении сделок. Формирование комплексных региональных ESG-рейтингов существенно затрудняет недостаточность верифицируемых публичных данных по землепользованию.

ESG-трансформация землепользования на особо охраняемых природных территориях сталкивается с существенными препятствиями. Региональные власти рассматривают природоохранные зоны исключительно как барьер для экономического роста субъектов, требующий значительных финансовых вложений при отсутствии хозяйственной отдачи. Развитие экологического туризма способно кардинально изменить сложившуюся ситуацию.

Социальная составляющая стандартов ESG раскрывает принципы ответственности перед обществом и долгосрочного устойчивого прогресса территорий. Применительно к особо охраняемым природным территориям данный аспект подразумевает комплексный учет нужд локальных жителей, гарантированный доступ населения к природным богатствам, формирование необходимой туристической инфраструктуры для гостей заповедных мест [10].

Внедрение стандартов ESG открывает новые возможности для расширения гражданского участия при управлении особо охраняемыми природными территориями. Последовательная реализация экологических и социальных инициатив создает предпосылки для формирования дополнительных рабочих мест, модернизации существующей инфраструктуры прилегающих районов, прямо влияя на благосостояние жителей данных территорий.

Выводы

Таким образом, правовое регулирование использования земель особо охраняемых природных территорий сталкивается с рядом существенных затруднений. Законодательная база требует значительной доработки для устранения неточностей и противоречий в действующих нормах. Множественные коллизии между федеральными и региональными правовыми актами создают препятствия для эффективного управления природоохранными зонами. Несовершенство механизмов контроля над целевым использованием земельных участков приводит к нарушениям установленного режима. Недостаточная проработанность вопросов зонирования территорий затрудняет рациональное природопользование в границах охраняемых объектов. Законодательная база Российской Федерации требует существенной доработки касательно распределения

управленческих функций между государственными структурами и муниципальными органами в сфере землепользования особо охраняемых природных территорий. Действующие нормативно-правовые акты значительно отстают от международных экологических стандартов и принципов рационального природопользования. Принимаемые меры по сохранению и восстановлению природоохранных земель демонстрируют низкую результативность в достижении поставленных целей.

Литература

1. Мухлынина М.М. Совершенствование правового регулирования особо охраняемых природных территорий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 284–286.
2. Баранников М.М., Топурия Б.Л. Уголовно-правовая охрана особо охраняемых природных территорий // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 6 (26). С. 8–11.
3. Мамедов С.Н.О., Авраменко М.В. Регулирование режима земель национальных парков и развитие туристической деятельности // Туризм: право и экономика. 2023. № 3. С. 7–10.
4. Шагивалеева И.З., Шаповалова М.В. Административная ответственность за нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 4 (67). С. 571–578.
5. Тихомирова, А.В. Экологический туризм на особо охраняемых природных территориях / А.В. Тихомирова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21, № 2. С. 109–114.
6. Круглов В.В., Гаевская Е.Ю. О некоторых организационно-правовых мерах обеспечения экологической безопасности в России // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 65–70.
7. Вагина О. В., Гаевская Е.Ю. Новые направления правового регулирования отношений по охране окружающей среды // Вестник Московского университета. 2021. № 1. С. 117–121.
8. Рассказов А.А. Проблемы охраны земель особо охраняемых природных территорий // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 374–381.
9. Борисов М.В., Бакаева Н.В., Черняева И.В. Нормативно-техническое регулирование в области озеленения городской среды // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15, № 2. С. 212–222.

10. Анисимов А.П., Иванова С.В. Правовая охрана экологических систем в России: вопросы теории // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 104–126.

LEGAL ISSUES OF LAND USE IN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Fedotov M.V.

State University of Land Management

At the present stage, there are a number of legal problems in the sphere of the use of lands of specially protected natural territories. These include difficulties with the transfer of lands from one category to another, problems of legal regulation of the distribution of powers between levels of government, the need to harmonise legal norms with the interests of the population and taking into account environmental requirements. The purpose of the article is to consider the legal problems of the use of lands of specially protected natural territories. Tasks: 1) to analyse the directions of improvement of the legal field to ensure the support of protected lands; 2) to highlight the difficulties of tourism development on lands with special status and the ways to coordinate the interests of the local population; 3) to outline the directions of development of legislation taking into account the principles of sustainable development. Methods: general philosophical, general scientific, special scientific and legal methods. Results. The normative-legal base for the use and regulation of specially protected natural territories requires significant improvement to eliminate inaccuracies and contradictions in the current norms. The issues of control over the targeted use of lands and approaches to their zoning deserve special attention.

Keywords: legal issues, legal regime, land transfer, ESG, law, tourism, control, powers, principles.

References

1. Mukhlynina M.M. Improving the legal regulation of specially protected natural areas // Law and state: theory and practice. 2024. No. 7 (235). P. 284–286.
2. Barannikov M.M., Topuria B.L. Criminal-legal protection of specially protected natural areas // Theory of law and interstate relations. 2022. Vol. 1. No. 6 (26). P. 8–11.
3. Mamedov S.N.O., Avramenko M.V. Regulation of the land regime of national parks and the development of tourism activities // Tourism: law and economics. 2023. No. 3. P. 7–10.
4. Shagivaleeva I.Z., Shapovalova M.V. Administrative liability for violation of the rules for the protection and use of natural resources in specially protected natural areas // Alley of Science. 2022. Vol. 1. No. 4 (67). P. 571–578.
5. Tikhomirova, A.V. Ecotourism in specially protected natural areas / AV Tikhomirova // Bulletin of SUSU. Series “Law”. 2021. Vol. 21, No. 2. P. 109–114.
6. Kруглов V.V., Gaevskaya E.Y. On some organizational and legal measures to ensure environmental safety in Russia // Russian Law Journal. 2020. No. 5. P. 65–70.
7. Vagina O.V., Gaevskaya E.Y. New directions of legal regulation of relations on environmental protection // Bulletin of Moscow University. 2021. No. 1. P. 117–121.
8. Rasskazov A.A. Problems of protection of lands of specially protected natural areas // Issues of Russian justice. 2022. No. 22. P. 374–381.
9. Borisov M.V., Bakaeva N.V., Chernyaeva I.V. Normative and technical regulation in the field of greening of the urban environment // Bulletin of MGSU. 2020. Vol. 15, No. 2. P. 212–222.
10. Anisimov A.P., Ivanova S.V. Legal protection of ecological systems in Russia: theoretical issues // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2024. No. 52. P. 104–126.

Государство как субъект частноправовых отношений в сфере трансграничной электронной торговли

Брыкина Софья Александровна,

ассистент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: br.sonya2013@yandex.ru

Демидов Иван Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: ivan.demidov@mail.ru

В статье исследуется роль государства как субъекта частноправовых отношений в сфере трансграничной электронной торговли. Рассматривается понятие государства в качестве частноправового субъекта, а также правовые основы и международно-правовые аспекты его участия в данной сфере. Анализируются различные формы участия государства, включая государственные закупки через электронные площадки и иные формы его участия трансграничной электронной торговле. В том числе поднимается проблема правовой квалификации деятельности государства, вопросы согласования публичного и частного регулирования, а также защита прав и законных интересов частных лиц в отношениях с государством. В заключении авторы приходят к выводу о том, что указанные проблемы требуют комплексного подхода к правовому регулированию для обеспечения равного положения субъектов в трансграничной электронной торговле.

Ключевые слова: государство, частноправовой субъект, трансграничная электронная торговля, государственные закупки, соотношение частноправовых и публичных интересов, формы участия государства.

Современный мир характеризуется стремительным развитием информационных технологий и глобализацией экономических процессов, что ведет к активному росту трансграничной электронной торговли, которая, преодолевая национальные границы, предоставляет уникальные возможности для развития бизнеса, расширения потребительского выбора и интеграции мировых рынков. Однако, вместе с тем, она модернизирует существующие правовые механизмы, особенно в части регулирования частноправовых отношений. Традиционно государство рассматривается как регулятор, устанавливающий «правила игры» для частных субъектов, но в условиях цифровой экономики оно все чаще выступает как непосредственный участник этих отношений, взаимодействуя с частными лицами на равных, в том числе и в сфере трансграничной электронной торговли. Это ставит вопрос о правовой природе такого участия государства, его правах и обязанностях в частноправовых сделках, а также о пределах его ответственности.

Проблематика исследования заключается в противопоставлении между наиболее традиционным пониманием государства как суверена и регулятора правоотношений, и его ролью как участника трансграничных гражданских правоотношений. Эта двойственная роль порождает ряд вопросов, связанных с определением правового статуса государства, механизмов защиты прав частных субъектов в отношениях с государством в контексте электронной торговли, а также иных аспектов, возникающих в трансграничных правоотношениях. Несмотря на возрастающую роль значимость данного вопроса, роль государства как участника частноправовых отношений в трансграничной электронной торговле пока не получила достаточного научного освещения.

Первоначально необходимо определить понятие и признаки государства. Так, В.Л. Кулапов определяет его, как «особая суверенная территориальная организация политической власти, которая на основе права с помощью специально созданного аппарата обеспечивает управление делами всего общества, используя для этого его национальные ресурсы» [11, с. 362]. Н.А. Ушаков, рассматривая государство в системе международно-правового регулирования, пишет о том, что ему присущи такие признаки, как «территория, население и публичная власть», которые взаимосвязаны через основополагающий критерий – суверенитет, отражающий наиболее общие свойства государства [12, с. 34].

Также необходимо отметить, что в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств

и их собственности государство определяется, как «государство и его различные органы управления; составные части федеративного государства или политические подразделения государства, которые правомочны совершать действия в осуществление суверенной власти и действуют в этом качестве; учреждения или институты государства либо другие образования в той мере, в какой они правомочны совершать и фактически совершают действия в осуществление суверенной власти государства; представителей государства, действующих в этом качестве» [1].

Соответственно, государство в первую очередь необходимо понимать как организацию публичной власти, обладающую суверенитетом. Между тем, рассматривая формы его участия в международных отношениях, необходимо отметить, что они не ограничиваются лишь публично-правовым характером. Так, И.А. Демидов отмечает, что государство может вступать в отношения как суверен, то есть носитель публичной власти, а также как хозяйствующий субъект и в данном случае выступает в качестве носителя частного интереса [10, с. 36]. На данное обстоятельство также указывают и другие авторы [8, с. 65; 9, с. 226].

Определяя статус государства как субъекта частноправовых отношений, следует обратиться к положениям ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые устанавливают, что «Российская Федерация выступает в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами» [3]. В рамках настоящего исследования, целесообразно рассматривать государство не как обычного участника гражданских правоотношений, а как уникальный субъект частноправовых взаимодействий, обладающий специфическими характеристиками. Его правовая природа, обусловленная публично-правовыми функциями и суверенитетом, не позволяет ему в полной мере приравниваться к традиционным юридическим лицам. При вступлении в гражданский оборот, государство, хотя и обладает равными с другими субъектами правами и обязанностями, одновременно сохраняет своим качества суверена, что выражается, в частности, в наличии юрисдикционного иммунитета и возможности действовать исходя из публичных интересов.

Эта двойственность формирует особый правовой режим для государства как участника гражданских правоотношений. В отличие от юридических лиц, чья цель – получение прибыли, государство может вступать в частноправовые сделки для достижения публичных целей, таких как развитие инфраструктуры, реализация социальных программ и т.д. Это подразумевает, что мотивы и цели государства как участника частноправовых отношений могут быть иными, чем у обычных субъектов. Более того, юрисдикционный иммунитет, которым обладает государство, означает, что оно не может быть принудительно привлечено к ответственно-

сти в суде другого государства без своего согласия, что обеспечивает его особую защиту.

Данные выводы коррелируют с положениями ст. 1204 ГК РФ, устанавливающая, что «к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, с участием государства правила настоящего раздела применяются на общих основаниях, если иное не установлено законом» [4].

Примером таких отношений могут являться отношения в сфере трансграничной электронной торговли, под которой понимается международная форма электронной коммерции, при которой сделки совершаются между участниками, находящиеся в различных государствах, с использованием электронных платформ, и характеризующаяся трансграничным перемещением товаров или предоставлением услуг. Соответственно, как упоминалось ранее, в рассматриваемом контексте государство, помимо регуляторных функций, может выступать в качестве равноправного участника частноправовых отношений.

Учитывая особенное правовое положение государства, необходимо отметить следующее: «от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов» (п. 1 ст. 125 ГК РФ). То есть, характеризуя деятельность государства в трансграничной электронной торговле, необходимо в первую очередь учитывать, что законодателем установлены допустимые его формы участия.

Основной формой участия государства в торговле являются государственные закупки – совокупность действий, осуществляемых в установленном Федеральным законом от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд [5]. Вопросы государственных закупок через электронные площадки более детально урегулированы Распоряжениями Правительства Российской Федерации от 21 марта 2016 года № 471-р «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» [6] и от 12 июля 2018 года № 1447-р «Об утверждении перечней операторов электронных площадок и специализированных электронных площадок, предусмотренных Федеральными законами от 05.04.2013 № 44-ФЗ, от 18.07.2011 № 223-ФЗ» [7].

Возвращаясь к трансграничной торговле через электронные площадки, необходимо отметить, что наиболее ярко в настоящее время механизм государственных закупок раскрывается на простран-

стве стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). С момента начала функционирования ЕАЭС до настоящего времени наблюдается значительный рост объемов взаимных государственных закупок. В частности, их количество увеличилось в 15 раз, достигнув 419,99 млн долларов, а объем товаров, работ и услуг, происходящих из стран-членов ЕАЭС, вырос в 26,5 раза. Кроме того, в сфере государственных закупок доминируют открытые и конкурентные способы проведения закупок, при этом 99% из них осуществляется в электронном формате [13].

Представленные статистические данные демонстрируют существенный прогресс и интеграционные процессы в сфере государственных закупок ЕАЭС. Многократный рост объемов свидетельствует о повышении экономической интеграции и укреплении внутреннего рынка Союза. При этом, доминирование открытых конкурентных процедур, проводимых в электронном формате, подчеркивает стремление стран ЕАЭС к повышению прозрачности и эффективности государственных закупок, а также к созданию равных условий всех участников рынка. Широкое использование электронных инструментов также способствует снижению коррупционных рисков и повышению доступности информации о проводимых закупках.

Вопросы регулирования государственных и муниципальных закупок регламентируются ст. 88 Договора о ЕАЭС, закрепляющий «обеспечение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков и поставщиков государств-членов к участию в закупках, проводимых в электронном формате, путем взаимного признания электронной цифровой подписи, изготовленной в соответствии с законодательством одного государства-члена, другим государством-членом» [2]. Несмотря на наличие публично-правовых элементов, в данном случае государство проявляет себя как субъект частноправовых отношений, взаимодействуя с поставщиками из стран ЕАЭС при проведении государственных закупок через электронные площадки.

В данном случае можно выделить следующие особенности: государство выступает в качестве заказчика наравне с другими участниками рынка; правоотношения, возникающие в данном случае, регулируются как нормами национально законодательства (вышеуказанным федеральным законодательством, нормами гражданского права, подзаконными актами), а также международными актами, принятыми в рамках ЕАЭС; при проведении государственных закупок через электронные площадки на отношения распространяют свое действие отдельные нормы непосредственного применения, связанные в первую очередь с требованиями, установленными к поставщикам, порядку проведения государственных закупок, строго определенным перечнем электронных площадок и т.д.

В заключении следует отметить, что участие государства в частноправовых отношениях в сфере трансграничной электронной торговли представляет собой сложный и динамично развивающийся

феномен. В настоящее время государство выступает в качестве активного субъекта частноправовых отношений, используя разнообразные инструменты для достижения своих экономических целей, в связи с чем наиболее оптимальной формой участия государства в электронной торговле на данный момент является конструкция государственных закупок, осуществляемых через электронные площадки. Интеграция норм частного и публичного права в сфере электронной торговли является необходимым условием для создания эффективной правовой среды. Необходимость международного сотрудничества и гармонизации правовых норм также проявляется в рамках трансграничной электронной торговли. Взаимодействие между государствами должно продолжаться в целях гармонизации законодательства стран-участниц ЕАЭС в целях создания беспрепятственного доступа иностранных поставщиков на российский рынок в контексте импортозамещения.

Литература

1. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности Принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи от 02 декабря 2004 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 13.12.2024).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 16.01.2015.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья). от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.
5. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652; 2024. – № 49 (часть IV). – Ст. 7423.
6. Распоряжение Правительства РФ от 21 марта 2016 г. № 471-р (ред. от 31.10.2022) «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 13. – Ст. 1880.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 1447-р

«Об утверждении перечней операторов электронных площадок и специализированных электронных площадок, предусмотренных Федеральными законами от 05.04.2013 № 44-ФЗ, от 18.07.2011 № 223-ФЗ» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550635888> (дата обращения: 13.12.2024).

8. Ануфриева Л.П. Международное частное право: учебник. В 3-х т. Том 2. / Л.П. Ануфриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 656 с.
9. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 511 с.
10. Демидов И.А. Государство как субъект международного частного права: дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2005. – 172 с.
11. Теория государства и права: учебник / В.Л. Кулапов. – М.: КНОРУС, 2017. – 384 с.
12. Государство в системе международно-правового регулирования: Учеб. пособие / Н.А. Ушаков. – М.: ИГПАН, 1997. – 60 с.
13. Динамика взаимного участия в госзакупках поставщиков стран ЕАЭС // Альта-Софт. – URL: https://www.alt.ru/ts_news/111221/?ysclid=m4t9lddb7k836008341 (дата обращения: 13.12.2024).

THE STATE AS A SUBJECT OF PRIVATE LEGAL RELATIONS IN THE SPHERE OF TRANSBOUNDARY ELECTRONIC COMMERCE

Brykina S.A., Demidov I.A.
Saratov State Law Academy

The article examines the role of the state as a subject of private law relations in the sphere of cross-border e-commerce. The concept of the state as a private law subject, as well as the legal basis and international legal aspects of its participation in this sphere are considered. In particular, the problem of legal qualification of state activities, issues of coordination of public and private regulation, as well as protection of rights and legitimate interests of individuals in relations with the state are raised. In conclusion, the authors come to the conclusion that these problems require an integrated approach to legal regulation to ensure equal status of subjects in cross-border e-commerce.

Keywords: state, private law subject, cross-border e-commerce, government procurement, ratio of private and public interests, forms of state participation.

References

1. UN Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property Adopted by General Assembly resolution 59/38 of 2 December 2004 // Official UN website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (accessed: 13.12.2024).
2. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 25.05.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 24.06.2024) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 16.01.2015.
3. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301; 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4933.
4. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552; 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4933.
5. Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended on November 30, 2024) “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652; 2024. – No. 49 (Part IV). – Art. 7423.
6. Order of the Government of the Russian Federation of March 21, 2016 No. 471-r (as amended on October 31, 2022) “On the List of Goods, Works, and Services, in the Event of Procurement of Which the Customer is Obligated to Hold an Auction in Electronic Form (Electronic Auction)” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 13. – Art. 1880.
7. Order of the Government of the Russian Federation of July 12, 2018 No. 1447-r “On approval of the lists of operators of electronic platforms and specialized electronic platforms provided for by Federal Laws of 05.04.2013 No. 44-FZ, of 18.07.2011 No. 223-FZ” // Electronic fund of legal and normative-technical documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550635888> (date of access: 13.12.2024).
8. Anufrieva L.P. International private law: textbook. In 3 volumes. Volume 2. / L.P. Anufrieva. – 2nd ed., revised. and add. – M.: BEK Publishing House, 2002. – 656 p.
9. Getman-Pavlova I.V. International private law: textbook for universities / I.V. Getman-Pavlova. – 7th ed., revised. and add. – M.: Yurait Publishing House, 2024. – 511 p.
10. Demidov I.A. The state as a subject of international private law: diss. ... Cand. of Law. – Saratov, 2005. – 172 p.
11. Theory of state and law: textbook / V.L. Kulapov. – M.: KNORUS, 2017. – 384 p.
12. The state in the system of international legal regulation: Textbook. manual / N.A. Ushakov. – M.: IGPAN, 1997. – 60 p.
13. Dynamics of mutual participation in public procurement of suppliers of the EAEU countries // Alta-Soft. – URL: https://www.alt.ru/ts_news/111221/?ysclid=m4t9lddb7k836008341 (date of access: 13.12.2024).

Проблемы восстановления сроков исковой давности в гражданском праве России

Грицук Александр Андреевич,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: gritsalekc@yandex.ru

Актуальность статьи обуславливается тем, что институт исковой давности играет ключевую роль в обеспечении стабильности гражданского оборота и защите прав его участников. В процессуальной сфере остаются нерешенными проблемы восстановления срока исковой давности в условиях коллизии норм гражданского права.

Цель исследования: выявить и проанализировать процессуальные проблемы применения исковой давности.

Задачи исследования: проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие институт исковой давности, судебную практику, выявить коллизии и пробелы в законодательстве, оценить их влияние на защиту прав субъектов гражданских правоотношений, разработать предложения по совершенствованию законодательства.

Предмет исследования: коллизия нормы ГК и закона «О рынке ценных бумаг» ограничивает восстановление срока исковой давности по требованиям, связанным с ценными бумагами.

Методы исследования: теоретический, сравнительно-правовой. Исследование показало, что ГК РФ и ФЗ «О рынке ценных бумаг» содержат противоречия в регулировании восстановления сроков исковой давности. Для устранения представляется изменить статью 26 указанного закона, пересмотреть подход Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: исковая давность, восстановление срока, ценные бумаги, коллизия норм, защита прав.

Введение

Институт исковой давности, несмотря на свою многолетнюю историю и обширное теоретическое осмысление, сохраняет актуальность и порождает новые вопросы в современной юридической науке. Хотя сфера действия исковой давности не распространяется непосредственно на личные неимущественные права и нематериальные блага, её роль в регулировании имущественных отношений трудно переоценить. Исковая давность выступает важным инструментом обеспечения стабильности гражданского оборота, стимулируя своевременную реализацию прав и защищая интересы как кредиторов, так и должников. Ограничивая временные рамки для обращения в суд, исковая давность способствует правовой определенности и предотвращает возникновение проблем, связанных с доказыванием обстоятельств дела по истечении длительного периода времени. Более того, она позволяет разрешать материально-правовые споры, возникающие из договорных и внедоговорных обязательств, путём обеспечения баланса интересов сторон и предотвращения злоупотребления правом на судебную защиту (Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15.02.2016 № 3-П) [6].

Временная определённость – неотъемлемая характеристика любых правоотношений. Установление временных границ для реализации субъективных прав служит гарантией стабильности гражданского оборота и предсказуемости действий его участников. Институт сроков в целом, и институт исковой давности в частности, формируют эти временные рамки, обеспечивая защиту нарушенных прав согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 43 [4]. Для всестороннего понимания механизма действия исковой давности необходимо учитывать материально-правовые, процессуальные аспекты, тесно взаимосвязанные и влияющие друг на друга. Функциональная же взаимосвязь этих двух аспектов позволяет достичь баланса интересов сторон и обеспечить эффективную защиту их прав (Ильичев П.А.) [10].

Значительный вклад в развитие учения об исковой давности внесли известные юристы и ученые: Балакина М.Г., Белов В.А., Гонгало Б.М., Ильичёв П.А., Кириллова М.Я., Захарова В.В., Агутин А.В., Крашенинников П.В., Крашенинников Е.А., Макарова Е.А., Терещенко Т.А., Шевченко О.М. Их труды посвящены различным аспектам данного института, включая теоретические основы, проблемы правового регулирования и практики применения исковой давности.

Материалы и методы исследований

Исследование основывалось на теоретическом анализе нормативно-правовых источников, а именно, Гражданского кодекса Российской Федерации и федерального закона, регулирующего рынок ценных бумаг. Особое внимание уделялось решениям Конституционного и Верховного Судов, отражающим актуальную судебную практику. Также изучены научные труды ведущих экспертов в области гражданского права Ильичева П.А., Гонгало Б.М., Балакиной М.Г., и других признанных специалистов, – это позволило сформировать комплексный подход к исследуемой проблематике.

Результаты и обсуждения

Ст. 195 ГК РФ [2] закрепляет правовое понятие исковой давности, под которой понимается временной промежуток, в течение которого лицо, чье право было нарушено, может обратиться в суд с целью его защиты. В постановлении КС РФ от 31 октября 2024 года № 49-П [5] данное положение было признано не соответствующим Конституции РФ [1] в его взаимосвязи с иными нормами права. Такое решение подчеркивает необходимость переосмысления законодательного регулирования сроков защиты гражданских прав, а также механизмов их применения на практике.

Сроки исковой давности играют ключевую роль в обеспечении баланса между стабильностью гражданского оборота и возможностью восстановления нарушенных прав. Согласно исследованию М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинникова, срок может рассматриваться в двух аспектах: как временной интервал, характеризующий продолжительность периода, в течение которого право может быть защищено, либо как фиксированный момент, определяющий начало или окончание определенного обязательства [9]. Эти категории применяются в зависимости от характера регулируемых отношений и особенностей их правовой природы.

Обычно у человека есть три года, чтобы подать обращение в суд с целью защитить своих прав – это именуется общим сроком давности (исковой). Если потребителю продали сломанный телефон, он может обратиться в суд с претензией в течение гарантийного срока, срока годности или в течение двух лет с момента покупки, если такие сроки не установлены согласно Закону «О защите прав потребителей» [7]. Или, если сосед затопил его квартиру, у него тоже есть три года, чтобы потребовать с виновника компенсацию. Но бывают и другие сроки, короче или длиннее трёх лет, которые называются специальными [2]. Так, если страховая компания не хочет платить по страховке машины после аварии, то у пострадавшего есть всего один год, чтобы пойти в суд. В общем, чаще всего действует срок в три года, но для некоторых ситуаций есть свои особые сроки, которые нужно смотреть в законе или уточнять у юриста (Крашенинников Е.А.) [10].

Ключевой принцип регулирования сроков исковой давности закреплен в статье 198 ГК РФ: их продолжительность, порядок течения, перерывы и приостановления не могут быть изменены соглашением сторон. Следует отметить, что упомянутый императивный характер норм исключает возможность сторон договариваться об условиях, противоречащих закону, и направлен на предотвращение злоупотреблений, которые могли бы поставить одну из сторон в заведомо невыгодное положение. Любые попытки изменить установленный законом порядок признаются ничтожными (В.А. Белов) [7].

Приостановление/перерыв срока исковой давности, согласно нормам ст. 202 и 203 ГК РФ [2] имеют строгую юридическую силу, определяя основания, условия изменения установленного порядка течения указанного срока. Приостановление допускается исключительно при наличии обстоятельств исключительного характера; в их перечень входят непреодолимые силы, временное ограничение прав или же невозможность инициировать судебное разбирательство (она носит объективный характер). Перерыв срока исковой давности возникает при наличии действий со стороны должника, явно свидетельствующих о признании долга; такими действиями может быть, например, частичное исполнение обязательства либо письменное подтверждение его существования; с момента прерыва течения срока исчисляется вновь.

В ст. 200 ГК [2] указан конкретный момент отсчета срока исковой давности. То есть человек должен был осознать тот факт, что его права были нарушены, действуя при этом очень внимательно, а также разумно. Предполагается, что каждый участник гражданских отношений проявляет должную осмотрительность и заботится о защите своих интересов. Например, вернемся к примеру с затоплением квартиры. Момент, когда человек узнал о нарушении своего права – это, очевидно, момент, когда он обнаружил, что его квартира затоплена. Другие примеры:

1. Некачественный ремонт. Человек отремонтировал машину, а позже узнал, что использовали плохие запчасти. Срок давности начнётся, когда он это обнаружит.
2. Продажа с нарушением прав. Купили квартиру, а через год выяснили, что продавец не имел права её продавать. Срок начнётся с момента, когда узнали об этом.
3. Ошибочное списание денег. Банк списал средства без причины. Срок начнётся, когда клиент заметил ошибку в выписке.

Исключение из рассматриваемого нами ГК РФ: если купили квартиру, но сделка изначально незаконна, срок начнётся с момента передачи имущества, а не с осознания проблемы (ничтожная). Т.е. такой подход базируется на самой природе ничтожности, предполагающей недействительность сделки с момента её заключения; это исключает возможность применения стандартного механизма расчета временного интервала. Использование данного порядка подчёркивает специфику

регулирования ничтожных сделок, направленного на устранение последствий их заключения в рамках правовой системы. Таким образом, надо сказать, что институт исковой давности в российском праве представляет собой совокупность правовых норм. Одновременно они направлены непосредственно на то, чтобы обеспечить защиту частных интересов участников оборота, и помимо этого, на то, чтобы укрепить его стабильность. Сроки давности, и кроме того, сами правила выполнения их расчёта строго регулируются упомянутым нами законом; нельзя их менять по соглашению сторон; упомянутое же помогает сохранить ясность, предсказуемость непосредственно в правоотношениях.

Разрешение конфликтных ситуаций нередко требует привлечения судебных инстанций. Когда гражданин обращается в суд, защищая свои права, течение времени, отведенного для подачи иска (исковая давность), останавливается. Это правило зафиксировано в статье 240 ГК РФ [2]. Такая, так скажем, «пауза» длится всё время, пока идет судебное разбирательство, до момента, когда решение суда обретает законную силу. Необходимо четко осознавать такой аспект: истечение срока исковой давности не влечет за собой автоматического прекращения самого обязательства; оно лишь означает утрату возможности принудительного осуществления права требования исполнения данного обязательства непосредственно в судебном порядке. Иными словами, надо сказать, что материальное право кредитора на получение исполнения сохраняется, но при этом оно лишается самой судебной защиты. В связи с обозначенным нами выше, в соответствии со ст. 199 ГК [2], суд, даже при пропуске упоминаемого нами срока, обязан принять к рассмотрению исковое заявление непосредственно о защите нарушенного права, и помимо этого, исследовать его по существу. Важно отметить, что данная обязанность суда истекает именно из самого принципа доступности правосудия, а также необходимости выполнения всестороннего рассмотрения дела с той целью, чтобы вынести решение, которое будет законным, и кроме того, обоснованным. В рамках упомянутого рассмотрения суд, в частности, устанавливает наличие или же отсутствие самого спорного правоотношения. Он может учесть причины пропуска срока исковой давности, если это заявлено стороной. Также надо отметить тот факт, что в соответствии с положениями, прописанными в соответствующем п. 2 ст. 199 ГК, упомянутое заявление есть основание для отказа в иске.

В этом случае многое будет зависеть от следующего аспекта: может ли истец убедительно просить о восстановлении срока и есть ли для этого основания.

Согласно ст. 205 ГК РФ [2] подразумевается временной промежуток, в рамках которого можно обратиться в суд за защитой собственного права (нарушенного). Пропуск этого срока может привести к отказу в иске. Однако в некоторых случаях суд может восстановить пропущенный срок, и это

происходит, если причина пропуска была уважительной. Что может считаться уважительной причиной? Закон не даёт исчерпывающего перечня, но приводит примеры. Суды учитывают обстоятельства, связанные в т.ч. с личностью истца, например:

- тяжёлая болезнь, которая лишала возможности осознавать происходящее или обратиться в суд;
- беспомощное состояние, например, после тяжёлой травмы или инсульта;
- неграмотность (*после дефиса маленькие буквы*), когда человек не мог самостоятельно составить исковое заявление и не знал, куда обратиться за помощью;
- стихийные бедствия, чрезвычайные происшествия или другие форс-мажорные обстоятельства, которые объективно препятствовали обращению в суд;
- нахождение в длительной командировке, экспедиции или местах лишения свободы;
- сложная ситуация (ухода за членом семьи);
- угрозы непосредственно от ответчика или же иных лиц.

В контексте рассмотрения вопросов, связанных с применением сроков исковой давности, необходимо принимать во внимание ряд существенных аспектов. Следует отметить, что на возможность восстановления пропущенных процессуальных сроков законодательство РФ устанавливает жесткие ограничения, особенно когда речь касается юридических лиц, ИП. Для упомянутых нами субъектов предпринимательской деятельности круг оснований в отношении восстановления сроков значительно уже (в отличие от физических лиц). Упомянутое, конечно, обусловлено презумпцией того, что профессиональные участники оборота должны с должной осмотрительностью подходить к осуществлению своих прав, в том числе в судебном процессе, и самостоятельно нести риски негативных последствий, связанных с пропуском сроков.

Рассмотрим далее примеры, иллюстрирующие собственно применение этих правил на практике.

ООО «Стройград» понесло убытки из-за нарушения сроков поставки стройматериалов ООО «Кирпич». Срок исковой давности для взыскания убытков – три года. Однако компания «Стройград» обратился в суд только через три года и два месяца, ссылаясь на незнание точного срока исковой давности. Суд отказал в восстановлении срока, поскольку незнание закона не является уважительной причиной.

В другом же случае, гражданин Иванов, получивший тяжелые травмы в ДТП, длительное время находился в коме. Виновник ДТП был известен. Срок исковой давности для предъявления требований о возмещении вреда здоровью – три года. Иванов обратился в суд с иском о возмещении вреда через три года и шесть месяцев после ДТП, приложив к иску ходатайство о восстановлении срока и медицинские документы, подтверждающие его

состояние. Суд удовлетворил ходатайство, признав причины пропуска срока уважительными.

Рассмотрим далее пример из сферы предпринимательской деятельности. Итак, ИП Петров выполнил ремонт автомобиля гражданина Сидорова, но оплату не получил. Срок исковой давности, непосредственно для взыскания задолженности, составляет три года. Петров обратился в суд спустя три года и один месяц, объясняя пропуск срока высокой загруженностью. Суд отказал в восстановлении срока, указав: загруженность в рамках предпринимательской деятельности не является уважительной причиной. И предприниматель при этом обязан контролировать все сроки предъявления требований – данные примеры демонстрируют следующее: суды применяют строгий подход к соответствующему вопросу восстановления пропущенных сроков, особенно в сфере предпринимательской деятельности, также требуют наличия действительно уважительных причин (для обеспечения удовлетворения соответствующих ходатайств).

Однако, при всей важности данного процессуального действия, следует помнить, что одного лишь ходатайства в данном случае недостаточно. Лицо, обращающееся с таким ходатайством, обязано представить суду веские и неопровержимые доказательства, которые со всей очевидностью будут свидетельствовать о наличии действительно уважительных причин, в силу которых своевременное обращение за судебной защитой оказалось невозможным. В отсутствие таких убедительных доказательств, с большой долей вероятности, можно прогнозировать, что суд примет решение об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства о восстановлении срока (Балакина М.Г.) [6].

Общая и специальная регламентация восстановления срока

Анализ ст. 205 ГК РФ [2] иллюстрирует следующее: нормы касательно восстановления срока не подразумевают каких-либо ограничений касательно категорий дел или же предмета спора.

Как было отмечено нами ранее, ст. 205 ГК позволяет восстановить срок исковой давности, но только в особых случаях (то есть если суд решит, что причина пропуска срока была уважительной и связана с самим истцом из-за всех тех причин, которые мешали ему подать иск вовремя). Суд проверяет тот факт, что истец не мог подать иск из-за этих обстоятельств.

Однако в ФЗ № 39 [3] предусмотрены исключения. Так, п. 9 ст. 26 данного закона устанавливает императивный трехмесячный срок исковой давности для оспаривания действительности выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ЦБ, без восстановления его (вне зависимости от уважительности причин пропуска).

Пример: гражданин, из-за тяжелой болезни или введения в заблуждение, не смог обратиться в суд в установленный трехмесячный срок после

обнаружения незаконности выпуска ценных бумаг. Согласно Закону о рынке ценных бумаг, восстановление срока невозможно. Это ставит лиц с нарушенными правами в неравное положение: если украдено имущество, срок может быть восстановлен по ГК РФ, а при аналогичных обстоятельствах с ценными бумагами – нет. Упомянутое подчеркивает необходимость внесения изменений в законодательство для устранения противоречий и создания условий для равной защиты прав всех участников гражданского оборота.

Рассмотрим более конкретно проблемы практического применения и законодательные противоречия.

Жесткие ограничения, установленные Законом о рынке ценных бумаг [3], вызывают вопросы о соответствии принципам правосудия и доступности правовой защиты. Кроме того, отсутствует четкое определение термина «объект исковой давности», что создает правовую неопределенность и усложняет единообразное применение норм.

Отдельно стоит отметить ограничения по восстановлению срока исковой давности в случаях, когда прошло более 10 лет с момента нарушения права, даже при наличии уважительных причин. Например, если кредитор по уважительным причинам (например, из-за болезни) не мог обратиться в суд в течение 10 лет, восстановление срока становится невозможным, что ущемляет права таких лиц [11].

Но при этом есть определенные исключения, установленные непосредственно п. 2 Постановления № 43 [4]. Для недееспособных лиц срок исковой давности отсчитывается с момента восстановления их дееспособности. Это правило обеспечивает защиту наиболее уязвимых категорий граждан (Шевченко О.М.) [13].

Прерывание срока исковой давности

В правовом поле возникают споры относительно сроков исковой давности по ценным бумагам. С одной стороны, Гражданский кодекс РФ (статья 203) допускает прерывание срока исковой давности действиями должника, такими как признание долга. Упомянутое означает, что если, к примеру, долг признаётся спустя девять лет, кредитор получает ещё три года для судебного обращения. С другой стороны, Закон о рынке ценных бумаг устанавливает жесткие ограничения на восстановление пропущенного срока, даже при наличии уважительных причин, что противоречит принципам справедливости и доступности правовой защиты, закреплённым в ГК РФ [2]. Такая коллизия создаёт правовую неопределённость, а также затрудняет единообразное применение норм, в том числе, в свете отсутствия чёткого определения такого понятия как «объект исковой давности» [12]. В результате, кредиторы, как сказано ранее, имеющие объективно уважительные причины, пропуска срока (например, тяжёлая болезнь в течение десяти лет), могут быть лишены возможности защитить свои права. Тем не менее,

важно отметить, что Постановление Пленума ВС РФ № 43 предусматривает исключение для недееспособных лиц, исчисляя срок исковой давности с момента восстановления дееспособности.

Выводы

Исследование института исковой давности в материальном и процессуальном аспектах выявляет ряд проблемных моментов, требующих решения.

Проблематика

Коллизия норм: Выявлено противоречие между п. 9 ст. 26 ФЗ № 39 [3] и нормами ГК РФ (ст. 205, п. 2 ст. 199) в плане возможности восстановления упомянутого нами срока (исковой давности). ФЗ № 39-ФЗ исключает восстановление срока, в то время как ГК РФ предусматривает такую возможность при наличии уважительных причин.

Ограничение судебной защиты: Данное противоречие ограничивает право на судебную защиту участников рынка ценных бумаг, нарушая принципы равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) [1] и права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) [1].

Неопределенность толкования: П. 8 Постановления № 43 [4] усугубляет правовую неопределенность, не позволяя в некоторых ситуациях эффективно защитить нарушенные права (возможность восстановления десятилетнего срока исковой давности исключается).

Недостаточная проработка вопроса: Специфика применения на рынке ценных бумаг института исковой давности остается недостаточно проработанной.

Пути решения: для устранения правовой неопределенности и разрешения коллизии между пунктом 9 статьи 26 ФЗ № 39-ФЗ и упомянутыми нами нормами Гражданского кодекса РФ целесообразно опираться на разъяснения, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда № 43. Документ регулирует применение сроков исковой давности и предусматривает единые подходы к восстановлению сроков в случаях, предусмотренных гражданским законодательством. Такой подход позволяет устранить противоречия в правоприменительной практике, при этом нет необходимости прибегать к проверке конституционности нормы.

Совершенствование законодательства

В целях совершенствования правового регулирования защиты прав участников долевого строительства предлагается рассмотреть два варианта внесения изменений в ФЗ № 39-ФЗ).

Вариант 1: Корректировка пункта 9 статьи 26 ФЗ № 39-ФЗ.

Представляется целесообразным дополнить п. 9 ст. 26 ФЗ № 39-ФЗ положением, предусматривающим возможность восстановления срока исковой давности по аналогии с правилами, установленными статьей 205 ГК РФ. Восстановить пропущенный срок в суде можно только в исключительных случаях, например, из-за тяжелой болезни.

Вариант 2: Имплементация в ФЗ № 39-ФЗ [3] нормы о пресекательном сроке.

Предлагается дополнить ФЗ № 39-ФЗ [3] нормой, аналогичной по своему содержанию п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 43 [4]. Данная норма устанавливает предельный (пресекательный) срок для восстановления пропущенного срока исковой давности. По закону № 39-ФЗ у человека есть срок, обычно год, в течение которого можно обратиться в суд после осознания нарушения своего права. Введение пресекательного срока позволит ограничить период неопределенности в правоотношениях, связанных непосредственно с долевым строительством, и будет способствовать обеспечению баланса интересов участников инвестиционной деятельности.

Унификация судебной практики: Верховному Суду РФ следует дать разъяснения по применению п. 9 ст. 26 ФЗ № 39-ФЗ в контексте общего порядка восстановления сроков исковой давности, установленного ГК РФ. Представляется целесообразным рассмотреть возможность применения соответствующей ст. 10 анализируемого нами ГК РФ («Пределы осуществления гражданских прав») непосредственно в тех случаях, когда отказ в восстановлении срока по данной категории дел будет явно несправедливым и несоразмерным.

Заключение

Коллизия между нормами ФЗ «О рынке ценных бумаг» и ГК РФ относительно сроков исковой давности требует комплексного решения, включающего совершенствование законодательства, возможно, с учетом позиции Конституционного Суда РФ, и выработку такой судебной практики, которая будет носить единообразный характер. Важны последующие научные исследования в упомянутой нами области с целью оптимизации способов защиты прав тех лиц, которые участвуют непосредственно в гражданском обороте, в частности, на рынке ЦБ.

Литература

1. Конституция РФ (принята 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020).
2. ГК РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
5. Постановление КС РФ от 31.10.2024 № 49-П // Собр. законодательства РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.
6. Постановление КС РФ от 15.02.2016 № 3-П // Собр. законодательства РФ. 2016. № 8. Ст. 1167.

7. Постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) // Бюл. ВС РФ. 2015. № 11.
8. Балакина М.Г. Особенности пропуска и восстановления сроков исковой давности // Экономика. Право. Общество. 2020. № 4. С. 91–96.
9. Белов В.А. Гражданское право. М., 2022. 496 с.
10. Ильичёв П.А. Исковая давность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
11. Кириллова М. Я., Крашенинников П.В. Сроки в гражд. праве. М., 2016. 80 с.
12. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. 85 с.
13. Макарова Е.А. Правовая природа срока исковой давности // Совр. право России. М., 2020. С. 330–335.
14. Терещенко Т.А. Понятие исковой давности: автореф. дис. СПб., 2006. 28 с.
15. Шевченко О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о РЦБ // Актуал. пробл. рос. права. 2022. Т. 17. № 11. С. 76–86.

PROBLEMS OF RESTORATION OF LIMITATION PERIODS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Gritsuk A.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The relevance of this article is due to the fact that the statute of limitations plays a key role in ensuring the stability of civil turnover and protecting the rights of its participants. In the procedural sphere, the problems of restoring the statute of limitations in the context of a conflict of civil law norms remain unresolved.

The purpose of the study is to identify and analyze the procedural problems of the application of the statute of limitations.

Research objectives: to analyze the normative legal acts regulating the institution of limitation of actions, judicial practice, to identify conflicts and gaps in legislation, to assess their impact on the protection of the rights of subjects of civil relations, to develop proposals for improving legislation.

The subject of the study: the conflict between the norms of the Civil Code and the law «On the Securities Market» limits the restoration of the limitation period for claims related to securities.

Research methods: theoretical, comparative and legal.

The study showed that the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law «On the Securities Market» contain contradictions in regulating the restoration of the limitation period. To eliminate it, it is proposed to amend article 26 of the said law, to reconsider the approach of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: limitation periods, restoration of terms, securities, conflict of norms, rights protection.

References

1. Constitution of the Russian Federation (1993, amended 2020).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part 1, 1994, No. 51-FZ, amended 2023) // Collection of Legislation. 1994. No. 32, Art. 3301.
3. Federal Law on the Securities Market (1996, No. 39-FZ, amended 2023) // Collection of Legislation. 1996. No. 17, Art. 1918.
4. Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court No. 43 (2015, amended 2021) // Bulletin of the Supreme Court. 2015. No. 11.
5. Resolution of the Constitutional Court No. 49-P (2024) // Collection of Legislation. 2024. No. 46, Art. 7029.
6. Resolution of the Constitutional Court No. 3-P (2016) // Collection of Legislation. 2016. No. 8, Art. 1167.
7. Law on Consumer Protection (1992, No. 2300–1, amended 2024) // Collection of Legislation. 1992. No. 15, Art. 766.
8. Balakina, M.G. Particularities of Limitation Periods in Civil Law // Economics. Law. Society. 2020. No. 4, pp. 91–96.
9. Belov, V.A. Civil Law. Vol. 1. Moscow: Yurait, 2022.
10. Ilyichev, P.A. Limitation Periods: PhD dissertation. Moscow, 2014.
11. Kirillova, M. Y., Krasheninnikov, P.V. Limitation Periods in Civil Law. 3rd ed. Moscow: Statut, 2016.
12. Krasheninnikov, E.A. The Concept of Limitation Periods. Yaroslavl, 1997.
13. Makarova, E.A. The Legal Nature of Limitation Periods // Contemporary Law of Russia, 2020, pp. 330–335.
14. Tereshchenko, T.A. The Concept of Limitation Periods: PhD dissertation. St. Petersburg, 2006.
15. Shevchenko, O.M. Impact of New Technologies on Securities Market Legislation // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 11, pp. 76–86.

Добровольская Анастасия Владимировна,

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: aleksa2808.aa@gmail.com

Кузнецов Максим Игоревич,

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: Mr.MaxibonXD@mail.ru

Криптовалюта как новый виток в мире финансов и что представляют собой данные виды платежных систем.

На данный момент количество криптовалют составляет более 9168, это показывает рост крипторынка и расширением функций криптопроектов.

Основные криптовалюты, такие как Bitcoin и Ethereum, – это новое явление в мире финансов, которые не поддаются целенаправленному регулированию в РФ, что вызывает ряд гражданско-правовых вопросов, требующий самого быстрого разрешения. Анонимность и децентрализованный характер использования криптовалюты создают диссонанс в разрешении споров в гражданско-правовой практике. Данная тема требует привлекает к себе внимание и требует анализа, разработки законодательных проектов и внедрение новых методов воздействия на рынок криптовалют, который позволит бороться с правонарушениями, связанными с криптовалютами.

Современные гражданские кодексы и иные нормативно-правовые акты не успевают за модернизациями в сфере цифровых активов, что затрудняет правоприменение. Проблемы международной юрисдикции и отсутствие унифицированных правил также ухудшают ситуацию.

Итак, криптовалюта, на сегодняшний день в этом слове видят будущее в инвестиционном сегменте, с целью получения законного и обоснованного дохода, а также с оборотом, продажей, покупкой и накоплением, позволяющем своему потребителю извлечь выгоды. В статье рассматриваются проблемы определения места в гражданском праве. Анализируя законодательство РФ, судебную практику и положения доктрин, автором выражается мнение о необходимости определения криптовалют как объекта гражданских прав.

Ключевые слова: криптовалюта, токены, биржа, экономика, криптокошелек, цифровизация, средство платежа, цифровая валюта.

Введение

Гражданско-правовой статус криптовалюты представляет сегодня из себя сложный и многоаспектный вопрос, охватывающий как правовые, так и практические аспекты использования валют в цифровом пространстве. Криптовалюты, такие как Ethereum и Bitcoin, представляют из себя новые формы активов в цифровом виде и пространстве, которые становятся все более популярными в современном обществе. Первая криптовалюта была создана разработчиками для удаленного и обезличенного перевода денежных средств.

В рамках правового регулирования РФ в состав общественных отношений значимая роль была отведена гарантийным механизмам, а также гарантиям восстановления всех нарушенных прав, законных интересов и свобод потребителей. Таким образом, регулирование различных криптовалют неотъемлемо связано с гражданской правовой ответственностью. Криптовалюты могут сочетать в себе определенные признаки большей части гражданских прав, и в полной мере допускается их возможность не соответствовать ни одному из этих признаков. Поэтому относить криптовалюту к другому имуществу допустимо в действующем законодательстве и без какого-либо создания новейших объектов права со спорами касательно правовых режимов.

Разработчик хотел создать возможность обмена и использования электронных денежных средств, за счет отсутствия каких-либо финансовых учреждений и иных третьих лиц, либо управления и контроля со стороны государства или других заинтересованных участников.

На сегодня переводы происходят по средствам использования таких систем как блокчейн, не отслеживаемой и не подконтрольной государству и третьим лицам.

На этапах становления курсы криптовалют были достаточно низкими, так называемые монеты добывались свободно легко и независимо, а потребители, добывающие их, не имели возможности распоряжаться данным платежным средством.

Сегодня, криптовалюта рассматривается как валюта, находящаяся в цифровом пространстве, и не имеет четкого определения в большинстве юрисдикций.

Такой статус у криптовалют затрудняет её квалификацию в праве и применение существующего на территории РФ законодательства.

В части стран криптовалюты могут рассматриваться как товар, при этом, также используются и применяются как валюта.

При этом, на территории РФ существующие криптовалюты не были признаны в полной мере объектом в гражданском праве.

Подобная позиция объясняется и обуславливается тем, что допустимыми критериями объектов в гражданском праве могут являться так называемые «индивидуализация» и «персонализация», а у крипто валюты практически невозможно определить ее собственника.

Кроме того, нет понимания в качестве какого вида объекта гражданских прав криптовалюту стоит признать, так как она может являться как товаром, так и имеет возможность платежеспособности.

Однако, в случае принятия криптовалюты как отдельного объекта в праве несет за собой весомый ряд преимуществ для РФ.

К примеру таких, неотъемлемых преимуществ и плюсов для страны будут являться следующие возможности:

- дополнительный объект налогообложения;
- пополнение массы банкрота;
- возможность для уголовного преследования преступников в данной сфере (незаконные операции и мошенничество);
- реструктуризация и сокращение споров в судах;
- безопасность при осуществлении сделок с использованием криптовалют;
- вопросы наследственного характера.

Некоторые законодательные акты в сфере использования криптовалют

На территории РФ законодательные акты не имеют в своем содержании запретов прямых или косвенных на использование криптовалют в обороте, т.е. закон по своей сути не возражает против развития и распространение данной индустрии, однако не представлено четкого и объективного указания касаясь закрепления в законе.

К примеру в статье 128 ГК РФ прямо указано, что к объектам прав граждан относятся предметы/вещи (включающие в себя денежные средства и ценные бумаги), а также иное имущество, в число которого входят имущественные права, кроме прочего, оказание услуг или результаты работ, охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности, а также интеллектуальная собственность и различные блага [1].

Таким образом, усматривается, что представленный законом перечень не может являться полным и имеет необходимость своего дополнения, термином «криптовалютой», так как это указано, к примеру, в постановлении, опубликованном Девятым арбитражным апелляционным судом от 15.05.2018 № А40–127678/18.

Одним из существенных действий к принятию валюты в цифровом пространстве отмечается принятие ФЗ от 18.03.2019 № 34-ФЗ, дополненная статьей 141.1 обозначенной как «Цифровые права».

Статьей 141.1 ГК РФ закреплены цифровые права и допущена их передача, залог, обременение и ограничение.

В январе 2021 г. в силу вступил ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ о цифровых финансовых активах, цифровой валюте.

В ФЗ от 31 июля 2020 № 259ФЗ установлены возможные способы обращения с цифровыми активами и указаны прямые запреты использование цифровой валюты как оплаты за предоставляемые товары, работы, оказываемые услуги и иные способы, позволяющие осуществлять оплату товаров по средствам такой валюты, также закреплен запрет на распространение возможной информации, приеме, распространении цифровой валюты как предоставления.

В этой связи, законодатель осуществляет попытки в принятии и развитии криптовалюты в экономике, а также гражданской обороте.

На данный момент не установлено, допустимо ли применять криптовалюту в качестве объекта гражданских прав и (или) материальной ценности.

Авторы отмечают, что в нормативно-правовых актах не имеется полного представления о механизме так называемого регулирования: порядка налогообложения; приобретения; отчуждения; правового статуса среди владельцев криптовалют, помимо прочего не установлена возможность обращения для судебного взыскания, а также способа защиты прав граждан в данной сфере.

Предпосылки закрепления криптовалют в гражданских правах

На территории РФ суды в настоящее время в сфере рассмотрения гражданских, уголовных и административных дел имеет достаточно вопросы неоднозначного характера, по поводу принятия и (или) отказа в принятии криптовалют в целом как объекта гражданских прав.

На данный момент в судах рассмотрены заявления, принятые с прямым или косвенным участием криптовалют по следующим категориям:

- споры, о взыскании неосновательного обогащения;
- споры, о реализации имущества банкротов;
- споры, по обжалованию действий финуправляющего во время формирования конкурсной массы должника;
- споры, по взысканию различных убытков, возмещениям морального вреда, неустоек и штрафов в рамках законов о ЗПП;

По этим вышеуказанным категориям гражданских дел, судами были вынесены решения, в которых суды не пришли к однозначному определению криптовалют, данное обстоятельство прямо говорит о необходимости создания законодателем отдельного нормативно-правового акта посвященно-го криптовалютам.

Участие граждан РФ на рынке криптовалют

Важными предпосылками в этой сфере является участие граждан РФ на рынке криптовалют.

На сегодня на территории РФ отчетливо прослеживается активное использование (продажа, покупка, майнинг) криптовалюты по всем направлениям участия в потреблении, распространении и использовании.

Количество сделок с использованием криптовалют на территории РФ в 2019–2024 гг. по соотношению с численностью населения и масштабами экономики выявился достаточно высокий уровень использования таких сделок, при этом такой уровень оказался значительно меньше, при изучении показателей стран таких как США, Китай, Япония, Канада и др. Так 2021 г. наша страна находилась на 18 месте в индексе показателей.

Согласно представленным данным из обзора финансовой стабильности Мирового валютного фонда за период с 2019 по 2024 г. РФ находилась в списке числа лидирующих стран, по количеству обращений и посещений сайтов криптовалютной биржи, в числе таких бирж значатся такие как: Nuobi, Binance, Bitfinex и Bithumb и кроме этого согласно данным, которые представлены на официальном сайте Кембриджского центра по альтернативным финансам, который демонстрирует потребление, использование и расход электроэнергии для проведения всевозможных операций по переводам и транзакциям в биткоинах за 2021 год основная масса исходящих объемов вычислительных мощностей, для добывания и создания приходится на такие страны как РФ, Казахстан и США.

Центральным банком Российской Федерации был произведен опрос находящихся в стране кредитных организаций и по примерным оценкам данный опрос показал примерный объем операций совершенных физическими лицами РФ с криптовалютами, который превысил сумму транзакций более 5000000000 долларов США за год.

Граждане РФ будущими потребителями в данной сфере пользуются правами приобретения, обмена, продажи, и покупки криптовалют и кроме того, одной из базовых целей приобретения электронных валют являются спекуляции, инвестиции и уход от существующих требований ПОД/ФТ и трансграничных переводов.

С учетом привлеченности граждан на рынке криптовалют, должны быть рассмотрены вопросы об организации четкой, безопасной и структурированной системы обращения, которая не будет создана без законодательного закрепления.

Ограничения на ввоз криптовалют на территорию РФ

На сегодняшний день, для ввоза в РФ не имеется определенных нормативно-правовых актов, посвященных непосредственно для ввоза/вывоза криптовалют. Также в уставе Таможенного союза не представлено такой отдельной категории как «криптовалюта», однако имеется указание на то, что необходимо наличие лицензии, а также установлен порядок ввоза подобных товаров. В случае определения криптовалюты как товара и при значительной

его стоимости, а именно: более 100000 рублей, он не подпадает под критерий принадлежности такого товара к товарам личного пользования.

Однако, для примерного уточнения имеется список категорий продукции, которые являются шифрованными или криптографическими средствами, а также имеющих шифровальные и (или) криптографические средства, кроме того, характеристики технического и криптографического характера подлежащие нотификации, что утверждено в решении ЕАЭС за № 30 от 21.04.2015 про меры нетарифного регулирования. В данном решении имеются положения для ввоза/вывоза на территорию ЕАЭС шифровальных и криптографических технических средств, в отношении которых установлен порядок ввоза/вывоза на территорию таможенного союза подобных товаров и продукции.

Налогообложение на доходы от операций и транзакций криптовалют

По своей сути, данные электронные денежные средства могут использоваться как обычные электронные деньги, на которые допустимо приобретать различные товары, а также услуг на сайтах торговых площадок.

Это допускает их в качестве инструмента инвестирования, так как курс криптовалют меняется от спроса/предложения.

Такие денежные средства имеют возможность проводить переводы на международном уровне и могут храниться в качестве ценностей.

Для хранения таких средств существуют специализированные электронные кошельки (хранилища), для допуска к которым имеются ключи доступа.

На сегодняшний день имеется два основных вида кошельков, так называемый «Холодный кошелек», это физическое электронное устройство, не подключенное к сети интернет, такой тип кошелька обеспечивает высокий уровень безопасности, однако требует от пользователя иметь определенный опыт и знания для его использования. Также существует «Горячий кошелек», это прямо противоположный способ хранения и использования криптовалют, а именно это программы и сервисы с онлайн доступом, подробные средства использования дают возможность получать доступ к криптовалюте. При этом они имеют ряд минусов, хакерские атаки, мошенничество, электронные кражи и другие.

При проведении операций с использованием криптовалют необходимо использовать «криптообменники».

Вышеуказанные «криптообменники» представляют из себя сервисы онлайн, при использовании которых происходит обмен одной криптовалюты на другую, либо обмен криптовалюты на доллары, евро, рубли и другие привычные денежные средства.

К списку основных криптообменников относятся следующие онлайн сервисы: Binance, Bitget, HTX.

В вопросах налогообложения федеральная налоговая служба прямо указывает на то, что доходы от криптовалюты подлежат выплате в счет бюджета государства.

Однако, прямого указания на оплату налогов по данным объектам налогообложения на территории РФ не имеется, поскольку цифровые активы являются имуществом, то и налоги необходимо выплачивать с прибыли от их реализации.

На территории РФ для категорий налогоплательщиков взимаются разные размеры налогов, так для физических лиц такой налог составляет 13 процентов, для ИП составляет 6,15 процентов, а для полноценные юридические лица выплачивают 20 процентов ОСН.

Из чего следует, что физлица за доход от криптовалюты предоставляют декларацию 3-НДФЛ, с подтверждением о проведении таких операций. ИП же предоставляют декларацию УСН, также как юридические лица предоставляют декларацию на прибыль.

Сегодня налоговые правила касающиеся криптовалют на территории РФ активно развиваются. К сожалению, на данной стадии развития в данной сфере остается много вопросов и неточностей.

Таким образом, до определения правил налогообложения на майнинг, продажу, покупку и обмен данные доходы будут приравниваться к доходам от продаж цифровых активов, либо будут подлежать отдельному режиму налогообложения.

Выводы

Гражданско-правовая сторона криптовалют активно развивается, в связи с чем, необходимы комплексные меры для решения возникающих проблем.

Законодателю необходимо разработать единую правовую базу и осуществлять международное сотрудничество, этом поможет разрешить многие проблем регулирования оборота криптовалют, однако это требует времени и усилий со стороны правительств, регулирующих органов и участников рынка.

Сочетания всех факторов потребитель, инвесторы должны вести правовую оценку и иметь понимание рисков, связанных с юрисдикцией для правильного ведения бизнеса и минимизации возможных правовых последствий.

Учитывая рост оборота криптовалют, возникают вопросы по защите прав потребителей, а отсутствие регулирования и понимания приведет в вопросам о внедрении ответных мер и создания системы регулирования на государственном уровне.

Необходимо, чтобы государство пришло к балансу между защитой прав граждан при обороте криптовалют. Так как технологии продолжают развиваться, оборот криптовалют в мире растет, в связи с чем законодательство должно быть готово к изменениям и уточнениям, чтобы справиться с новыми вопросами и проблемами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая).
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)».
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index [Электронный ресурс]. – URL: https://ccaf.io/cbeci/mining_map (дата обращения: 13.12.2024).

LEGAL STATUS OF CRYPTOCURRENCY IN CIVIL LAW

Dobrovol'skaya A.V., Kuznetsov M.I.

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

Cryptocurrency as a new round in the world of finance and what these types of payment systems are.

At the moment, the number of cryptocurrencies is more than 9168, this shows the growth of the crypto market and the expansion of the functions of crypto projects.

Major cryptocurrencies, such as Bitcoin and Ethereum, are a new phenomenon in the world of finance, which are not subject to targeted regulation in the Russian Federation, which raises a number of civil law issues that require the fastest resolution. The anonymity and decentralized nature of the use of cryptocurrency create dissonance in the resolution of disputes in civil law practice. This topic requires attention and requires analysis, the development of legislative projects and the introduction of new methods of influencing the cryptocurrency market, which will help combat offenses related to cryptocurrencies.

Modern civil codes and other regulatory legal acts do not keep up with modernization in the field of digital assets, which complicates law enforcement. Problems of international jurisdiction and the lack of unified rules also worsen the situation. So, cryptocurrency, today this word is seen as the future in the investment segment, with the aim of obtaining legal and justified income, as well as with turnover, sale, purchase and accumulation, allowing its consumer to benefit. The article examines the problems of determining the place in civil law. Analyzing the legislation of the Russian Federation, judicial practice and provisions of doctrines, the author expresses an opinion on the need to define cryptocurrencies as an object of civil rights.

Keywords: cryptocurrency, tokens, exchange, economy, crypto wallet, digitalization, means of payment, digital currency.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two).
4. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 30.12.2021, as amended on 03.02.2022) "On Insolvency (Bankruptcy)".
5. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
6. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index [Electronic resource]. – URL: https://ccaf.io/cbeci/mining_map (accessed: 13.12.2024).

Игнахина Марина Владимировна,

аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса, Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова»
E-mail: ignakhina-m@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные со значительной долей императивного регулирования в современном наследственном праве, в том числе приводящего к ограничению свободы завещания в силу применения положений об обязательной доле в наследстве. Анализируется практика Конституционного Суда Российской Федерации, выводы из которой могут быть использованы при совершенствовании законодательства о наследовании и практики его применения.

Автором на основе изучения действующего законодательства и судебной практики, проведенного с использованием эмпирического и формально-юридического методов, обосновывается необходимость внедрения более гибких подходов, позволяющих в конкретных ситуациях дополнять императивное законодательное регулирование за счет решений, принимаемых по усмотрению отдельных участников гражданских правоотношений. При этом автором отмечается важность учета принципов добросовестности и разумности, в том числе зарубежного опыта, а также особенностей, связанных с отдельными областями правового регулирования, в частности, связанного с решением вопросов распоряжения авторскими правами на произведения науки, литературы и искусства.

Делается вывод о том, что законодатель должен предусмотреть в определенных случаях возможность отступления от регулирования, закладываемого безальтернативно сформулированными нормами наследственного права, предоставив наследодателям и наследникам дополнительные возможности для принятия ими решений, наиболее соответствующих их намерениям и законным интересам.

Ключевые слова: наследство, наследники, завещание, наследование по завещанию, наследование по закону, обязательная доля в наследстве, императивное регулирование, наследственное право, авторское право

Наследственное право традиционно рассматривается как подотрасль гражданского права, для которого в целом характерен диспозитивное регулирование. Однако в силу специфики регулируемых общественных отношений наследодатель и наследники в значительной степени ограничены в решении вопросов о том, какое именно имущество, когда, в какой доле и к каким лицам будет переходить. Переход имущества, прав и обязанностей наследодателя в порядке универсального правопреемства к другим лицам происходит после его смерти, что лишает его возможности внести какие-либо коррективы при решении связанных с таким переходом вопросов.

Несмотря на то, что ГК РФ при определении круга наследников ставит на первое место завещание, свобода наследодателя при реализации своей завещательной правоспособности во многом ограничивается действием положений об обязательной доле [2, С. 42–44], [9, С. 143–147], [7, С. 302–305]. Указанные положения, как и ряд других норм наследственного права, признаются императивными нормами, предусматриваемое ими регулирование не может быть изменено по воле наследодателя или в силу договоренностей каких-либо лиц.

Наличие в наследственном праве значительного числа императивных норм, в том числе затрагивающих решение важнейших для наследодателя и наследников вопросов, во многом обусловлено как заботой государства об интересах отдельных категорий граждан (несовершеннолетних наследников, пожилых родителей, нетрудоспособных иждивенцев и др.) [3, С. 56–59], так и спецификой регулируемых отношений, которые в минимальной степени и лишь в отдельных случаях могут быть урегулированы на основании принципов, характерных для договорного права, значительная часть юридических значимых действий представляет собой одностороннее волевое действие наследодателя или наследника (составление завещания, принятие наследства).

Кроме того, от законодателя требовалось установить правила перехода наследственного имущества для тех случаев, когда наследодатель и (или) наследники не предпринимают никаких действий для решения вопросов такого перехода, учитывая, что на протяжении длительного времени наследование в Российской Федерации осуществлялось в большинстве случаев без завещаний и без своевременного оформления перехода имущества к наследникам.

После приватизации жилья и по мере роста подлежащих регистрации объектов, находящихся во владении частных лиц (автомобилей, земельных участков, иного имущества) ситуация меняется

ся, в связи с чем наследодатели все чаще стремятся урегулировать вопросы перехода имущества путем составления завещания, а наследники своевременно принимают меры для принятия наследства и оформление прав на него.

При этом отсутствие возможности урегулировать отношения между наследниками при жизни наследодателя путем заключения соглашений, изменяющих отдельные предустановленные законом подходы, делает систему наследования негибкой, приводит к попыткам использования не апробированных на практике решений и порождает сложные правовые коллизии.

Ситуацию осложняет также непредсказуемость наступления тех или иных правовых последствий в зависимости от обстоятельств, которые наследодатель и наследники часто не имеют возможности предвидеть или предотвратить. Например, получение наследником первой очереди инвалидности автоматически, без учета каких-либо иных обстоятельств приводит к необходимости признания такого лица обязательным наследником и дает возможность ему предъявлять требования о передаче ему обязательной доли в наследстве.

Не секрет, что одними из основных и наиболее ценных объектов, переходящих по наследству, является недвижимое имущество. Достаточно распространенной является ситуация, в которой родители, имеющие несколько детей, передают старшему из них квартиру или иное жилое помещение, доставшееся им по наследству или приобретенное ими по иным основаниям, рассчитывая, что второй ребенок получит впоследствии принадлежащую им недвижимость по наследству.

Однако при наступлении такого события, как получение старшим ребенком инвалидности или в случае его смерти при наследовании внуками по праву представления, имущество, которое должно было перейти к младшему ребенку, оказывается «обременено» правами на обязательную долю. Проблема состоит в том, что законодательство не предусматривает возможности заключения каких-либо соглашений, которые помогли бы предотвратить данную ситуацию или, по крайней мере, смягчили наступающие последствия, позволили учесть подлинные намерения всех лиц, принимавших решения о передаче имущества.

Нелогичная ситуация возникает также в случае смерти дочери или сына, имеющих ребенка, ранее нетрудоспособных родителей (бабушек и дедушек), которые имеют право на обязательную долю в наследстве и при этом имеют также иных наследников (других детей, внуков от других детей, новые семьи и т.д.). В силу действия положений об обязательной доле права на часть принадлежащей внуку или внучке квартиры могут сначала перейти к бабушке и (или) дедушке, а затем к иным лицам, в том числе не являющимся родственниками потерявшего родителя ребенка.

Для устранения подобных коллизий наряду с повышением правовой грамотности граждан требуется также внесение изменений в законодатель-

ство и судебную практику. Одним из возможных вариантов могло бы стать исключение положений об обязательной доле в наследстве в законодательстве или дополнительное ограничение случаев и условиях их применения, например, переход к выплате определенных фиксированных платежей или предоставлении иного содержания [9, С. 48–56] вместо передачи наиболее ценного для наследника по завещанию имущества.

Другим вариантом является рассмотрение отдельных норм гражданского права, сформулированных как императивные [6, С. 210–214], допускающими в определенных случаях и пределах возможность изменения предусматриваемых ими последствий по воле участников гражданско-правовых отношений, в том числе с учетом интересов «слабой стороны», необходимости учета добросовестности поведения, обоснованности принимаемых решений и т.д.

Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев, анализируя складывающуюся практику толкования отдельных положений гражданского законодательства, отмечает, что в ряде случаев, несмотря на «безальтернативный» характер предписываемых ими решений, свидетельствующих об императивном характере, нормы гражданского права при толковании в совокупности и взаимосвязи с иными законодательными или конституционными положениями приобретают свойства, которые можно охарактеризовать как проявления диспозитивности [1].

На примерен рассмотрении в Конституционном Суде РФ дела по жалобе гр. Пыкиной Т.В.¹ Г.А. Гаджиев проиллюстрировал постепенное развитие ранее принятой практики разграничения императивных и диспозитивных норм и связанных с их применением последствий.

Так, в пунктах 2 и 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»² признавалось, что нормы, регулирующие отношения сторон по договору, должны признаваться императивными не только в случае, если в них содержится явно выраженный запрет на установление иных правил сторонами договора, но также при отсутствии явно выраженного разрешения установить иное регулирование, отличное от предусмотренного законом, если в соответствии с целями законодательного регулирования это необходимо для исключения грубого нарушения баланса интересов, защиты «слабой стороны», публичных и иных значимых интересов. Следовательно, если необходимость защиты таких интересов отсутствует, то им-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 25. Ст. 4391.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

перативная по формальному содержанию норма может допускать иные решения, помимо непосредственно указанных в ней.

Конституционный Суд РФ при рассмотрении указанного выше дела пошел еще дальше, допустив вывод о том, что необходимость обеспечения разумного баланса интересов может служить основанием для сочетания императивного и диспозитивного метода регулирования с учетом целевого предназначения установленных норм, необходимости учета последствий их применения и закладываемых на конституционном уровне подходов, правда, распространив данные выводы только в качестве обоснования презумпции диспозитивности норм договорного права.

Характерная для современного мира сложность отношений, невозможность предусмотреть все нюансы на законодательном уровне приводят к необходимости разработки и внедрения более гибких подходов, позволяющих в конкретных ситуациях дополнять законодательное регулирование за счет решений отдельных участников гражданских правоотношений, с учетом принципов добросовестности и разумности [4], в том числе с учетом зарубежного опыта [5, С. 34–47]. Особенно важным представляется учет особенностей, связанных с отдельными областями правового регулирования, в частности, связанного с решением вопросов распоряжения авторскими правами на произведения науки, литературы и искусства. Авторы произведений должны иметь ничем не ограниченную возможность определять то, кто именно будет осуществлять распоряжение правами на их произведения после их смерти, выбирать одного или нескольких наследников полностью по своему усмотрению для распоряжения исключительными правами на их произведения, определения порядка и условий их использования.

В связи с этим законодатель должен предусмотреть в определенных случаях возможность отступления от регулирования, закладываемого безальтернативно сформулированными нормами наследственного права, предоставив наследодателям и наследникам дополнительные возможности для принятия ими решений, наиболее соответствующих их намерениям и законным интересам.

Литература

1. Гаджиев Г.А. О правилах применения императивно-диспозитивных норм гражданского права // Закон. 2022 / URL: https://zakon.ru/blog/2022/6/9/o_pravilah_primeneniya_imperativno-dispozitivnyh_norm_grazhdanskogo_prava (дата обращения: 01.07.2024).
2. Гасанов Н.Ф. Проблема ограничения свободы завещаний положениями об обязательной доле в наследстве // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 42–44.
3. Запорожцев А.Г. Конституционный принцип социальной справедливости как основа наследственных правоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3–2. С. 56–59.
4. Иванова М.С. Принципы добросовестности и справедливости в наследственном праве Синергия Наук. 2020. № 54. С. 255–267.
5. Лоренц Д.В. Договор об отказе от наследства: модели в европейской правовой системе // Нотариальный вестник. 2019. № 9. С. 34–47.
6. Маньковский И.А. Понятие, классификация и процедура применения императивных норм гражданского права // Проблемы современного российского законодательства: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2015. – С. 210–214.
7. Оганесян А.В. Обязательная доля в наследстве как ограничение свободы завещания // Наукосфера. 2021. № 5 (1). С. 302–305.
8. Рабец А.М. Проблемы реализации права несовершеннолетних на получение содержания после смерти плательщика алиментов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 48–56.
9. Сербин М.В., Демидова А.А. Соотношение свободы завещания и правил об обязательной доле в наследстве // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 143–147.

IMPERATIVE NORMS IN RUSSIAN INHERITANCE LAW

Ignakhina M.V.

A.S. Griboyedov Moscow University

The article considers the problems associated with a significant share of peremptory regulation in modern inheritance law, including leading to the restriction of the freedom of the will by virtue of the application of provisions on the compulsory share in the inheritance. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is analysed, the conclusions of which can be used in improving the legislation on inheritance and the practice of its application.

The author, based on the study of the current legislation and judicial practice, conducted using empirical and formal-legal methods, substantiates the need to introduce more flexible approaches, allowing in specific situations to supplement the imperative legislative regulation at the expense of decisions taken at the discretion of individual participants in civil legal relations. At the same time, the author notes the importance of taking into account the principles of good faith and reasonableness, including foreign experience, as well as the peculiarities associated with certain areas of legal regulation, in particular, related to the solution of issues of disposal of copyright for works of science, literature and art.

It is concluded that the legislator should provide in certain cases for the possibility of deviating from the regulation laid down by the non-alternatively formulated norms of inheritance law, providing the testators and heirs with additional opportunities for them to make decisions that are most consistent with their intentions and legitimate interests.

Keywords: inheritance, heirs, will, inheritance by will, inheritance by law, compulsory share in inheritance, imperative regulation, inheritance law, copyright

References

1. Gadzhiev G.A. On the rules for the application of imperative-dispositive norms of civil law // Law. 2022 / URL: [https://zakon.ru/blog/2022/6/9/o_pravilah_primeneniya_imperativno-](https://zakon.ru/blog/2022/6/9/o_pravilah_primeneniya_imperativno-dispozitivnyh_norm_grazhdanskogo_prava)

- dispozitivnyh_norm_grazhdanskogo_prava (date of access: 01.07.2024).
2. Gasanov N.F. The problem of limiting the freedom of wills by provisions on the obligatory share in the inheritance // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 7. P. 42–44.
 3. Zaporozhtsev A.G. The constitutional principle of social justice as the basis of inheritance legal relations // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2011. No. 3–2. P. 56–59.
 4. Ivanova M.S. Principles of good faith and fairness in inheritance law Synergy of Sciences. 2020. No. 54. P. 255–267.
 5. Lorenz D.V. Agreement on renunciation of inheritance: models in the European legal system // Notarial Bulletin. 2019. No. 9. P. 34–47.
 6. Mankovsky I.A. Concept, classification and procedure for applying imperative norms of civil law // Problems of modern Russian legislation: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation”, 2015. – P. 210–214.
 7. Oganesyanyan AV Compulsory share in inheritance as a restriction on freedom of testament // Naukosphere. 2021. No. 5 (1). P. 302–305.
 8. Rabets AM Problems of implementing the right of minors to receive maintenance after the death of the alimony payer // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2015. No. 2. P. 48–56.
 9. Serbin Demidova AA The relationship between freedom of MV, testament and the rules on the compulsory share in inheritance // Law. Law. State. 2020. No. 3 (27). P. 143–147.

Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом как разновидность договора присоединения: теоретический и практический аспекты

Кабачков Павел Андреевич,

магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 222212@edu.fa.ru

Крицкий Виталий Иванович,

к.э.н., старший преподаватель Кафедры налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vikritskij@fa.ru

Исследование посвящено вопросу заключения договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом в форме договора присоединения. Так, авторы отмечают как сильные, так и слабые стороны такого процесса заключения рассматриваемого договора. Также авторами проанализирован наиболее проблемный практический вопрос заключения договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом, а именно момент его заключения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в последние годы наблюдается значительный рост интереса к паевым инвестиционным фондам как к инструменту коллективного инвестирования. Это связано как с увеличением финансовой грамотности населения, так и с развитием законодательства, регулирующего деятельность инвестиционных фондов. В частности, Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» № 156-ФЗ стал основой для формирования правовой базы, регулирующей отношения между потенциальными приобретателями инвестиционных паев (инвесторами) и управляющими компаниями. Важно отметить, что договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом является разновидностью договора присоединения, что накладывает определенные особенности на процесс его заключения и исполнения и соответственно,

Одним из центральных вопросов, который будет рассмотрен, является процесс присоединения к договору доверительного управления. Этот процесс включает в себя не только подписание договора, но и понимание условий и финансовой модели такого фонда, которая описывается в разделе инвестиционная декларация договора доверительного управления фондом (правила доверительного управления), на которых инвестор передает свои средства в управление.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, договор присоединения, доверительное управление, договор доверительного управления, управление имуществом, имущественный комплекс, инвестиции.

Введение

В условиях современного экономического развития и роста сложности финансовых инструментов особое место занимает институциональное инвестирование. Одним из ключевых механизмов в этой области выступают паевые инвестиционные фонды. Паевые инвестиционные фонды представляют широкому кругу инвесторов возможность получать доход за счет коллективного инвестирования в разнообразные активы, что позволяет снизить риски и повысить доходность без необходимости глубокого погружения в мир финансов. Однако, необходимо уделить особое внимание правовым аспектам, регламентирующим заключение такого договора, а также выявлению возможных правовых коллизий, которые могут возникнуть в процессе управления активами, а также их управление, преимущества инвестирования и роль доверительного управляющего.

Материалы и методы исследований

Подготовка научной статьи осуществлена при помощи общих и специальных средств юридической науки и техники, метод обобщение и анализа позволил определить круг проблемного поля, рассмотреть развитие института доверительного управления, выявить его преимущества и недостатки.

Результаты и обсуждения

В соответствии с действующим законодательством российской федерации под паевым инвестиционным фондом стоит понимать комплекс обособленного имущества, руководство которым реализуется управляющей компанией для того, чтобы участники такого фонда получили прибыль [3].

Для того, чтобы управляющая компания могла управлять имуществом паевого инвестиционного фонда, в соответствии с законодательством требуется договор доверительного управления таким имуществом. Главным нормативным актом, регулирующим данный договор управления, выступает Гражданский Кодекс Российской Федерации, а именно его 53 глава [2]. Также, данный договор регулируется Федеральным Законом «Об инвестиционных фондах».

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1 данного Закона, условия договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом определяются управляющей компанией в стан-

дартных формах и могут быть приняты учредителем доверительного управления только путем присоединения к указанному договору в целом.

Абзац 2 данной нормы устанавливает правило, что член паевого инвестиционного фонда заключает рассматриваемый вид договора путем присоединения.

При этом, согласно статье 428 Гражданского Кодекса Российской Федерации договором присоединения выступает договор, условия которого определяются одной из сторон и могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом [1].

В отношении, когда договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом заключается посредством договора присоединения, управляющая компания разрабатывает стандартные условия управления фондом, включающие правила, регламенты и иные документы, которым должны следовать пайщики. Если пайщики не согласны на обозначенные условия, они могут не вступать в данный паевой фонд.

Процесс присоединения можно представить как многоступенчатую процедуру, в рамках которой инвестор задерживается на этапе ознакомления с условиями договора, после чего происходит формальное присоединение к установленным правилам.

Сначала инвестор должен получить полную информацию о интересующем его фонде, его инвестиционной стратегии, которая прописана в правилах и других разделах правил доверительного управления, которые разработаны управляющей компанией. Прозрачность таких условий и возможность их анализа инвестором является важным аспектом, так как он должен понимать, на каких условиях осуществляет свои инвестиции. Важно отметить, что специфика договора подразумевает высокую степень доверия со стороны инвестора к управляющей компании, которая в свою очередь обязуется действовать в его интересах.

Одним из ключевых моментов процесса присоединения является необходимость подписания договора, который, как правило, составляется в письменной форме. На стадии подписания инвестор подтверждает свое согласие и осведомленность обо всех условиях договора. Важно, что данный договор является публичной офертой, что в свою очередь предполагает, что все заинтересованные лица могут ознакомиться с его условиями, что также служит дополнительной защитой прав инвестора [6].

После подписания договора происходит его регистрация, которая подтверждает факт его заключения. Инвестор становится полноправным участником фонда и получает соответствующие инвестиционные паи, что будет документироваться и отражаться в реестре пайщиков. На этом этапе уже возможно получение информации о структуре активов фонда, а также о его текущей деятельности, что также лежит в рамках защиты прав инвесторов.

Интересен и тот факт, что в условиях растущей конкуренции среди управляющих компаний большинство из них стремится упростить процесс присоединения, предлагая электронные способы подписания документов и возможности удаленного доступа к управляющей информации. Это способствует не только более оперативному взаимодействию, но и упрощению самой процедуры. В итоге такие новшества идут на пользу как управляющим компаниям, так и инвесторам, что открывает новые горизонты для более гибкого подхода к инвестициям в ПИФы.

Таким образом, процесс присоединения к договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом требует от инвестора внимательности и осведомленности обо всех аспектах, чтобы избежать возможных рисков и обеспечить, что его интересы будут защищены. Многоступенчатый характер этого процесса создает возможности для инвесторов, но в то же время накладывает на них соответствующую ответственность за сделанный выбор.

Закрепленная конструкция заключения рассматриваемого договора именно в форме присоединения, имеет свои плюсы.

1. Эффективность и простота: стандартизация условий управления позволяет значительно упростить процесс заключения договора, что особенно важно при большом числе пайщиков. Кроме того, так как в момент присоединения в паевом инвестиционном фонде, в нем уже состоят пайщики, и можно на практике увидеть, как действуют положения договора управления имуществом паевого инвестиционного фонда.
2. Унификация условий: единообразные условия способствуют прозрачности и предсказуемости управления, что повышает доверие инвесторов.
3. Снижение издержек: административные издержки снижаются за счет унификации договоров, что положительно сказывается на итоговой доходности инвесторов. Сторонам данного правоотношения нет необходимости нанимать специалиста для разработки договора управления имуществом паевым инвестиционным фондом [5, с. 12–17].

Однако, стоит заметить, что в научных кругах также есть сторонники отмены системы заключения договора доверительного управления инвестиционным паевым фондом в форме договора присоединения. Обычно отмечают следующие недостатки данной системы:

1. Ограниченная гибкости: пайщики не могут влиять на условия договора, что может быть неудобно для инвесторов с особыми потребностями.
2. Риск недобросовестного управления: стандартные условия могут не учитывать всех рисков и специфических желаний пайщиков, что налагает большую ответственность на управ-

ляющую компанию за добросовестное исполнение своих обязанностей [4, с. 41–48].

Еще одним существенным недостатком закрепленной в настоящее время конструкции заключения договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом выступают тем проблемы, которые возникают при применении такой конструкции на практике.

Так, в настоящее время наиболее проблематичным вопросом выступает установление момента, когда его считать заключенным. Как было указано выше, закон определяет, что рассматриваемый вид договора считается заключенным в момент, когда происходит приобретение инвестиционного пая в данном фонде.

При этом, в научной литературе нет общего понимания, что именно стоит понимать под приобретением инвестиционных паев.

В соответствии с Законом об инвестиционных фондах, инвестиционный фонд выдает пай на основании заявок. Исходя из данного нормативного положения, можно прийти к выводу, что основанием для выдачи пая выступает не получение денежных средств от его покупателя или внесение такого покупателя в состав членов паевого фонда, а именно сама заявка от такого покупателя.

Кроме того, в таком случае, подача заявки от покупателя пая может считаться акцептом. При наличии акцепта в форме заявки на покупку инвестиционного пая, необходимо определить, что выступает офертой в данных правоотношениях. Так, на наш взгляд, офертой в данном случае будет выступать публикация управляющей компании возможности покупки инвестиционных паев в том инвестиционном паевом фонде, в котором ей осуществляется управление имуществом.

ГК РФ закрепляет, что договор считается заключенным с момента получения стороной, которая сделала оферту, акцепта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что получение управляющей компании заявки покупателя инвестиционного пая выступает моментом заключения договора доверительного управления.

Однако, также ГК РФ устанавливает, что ряд договором, когда это необходимо, считаются заключенным не с момента получения акцепта, а с момента передачи имущества. Именно поэтому ряд авторов указывают, что договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом необходимо считать заключенным с момента передачи имущества. При этом такие авторы игнорируют факт заявки на покупку пая, определяя такой заявке лишь место волеизъявления к заключению договора.

Еще одна точка зрения выражается в том, что договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом считается заключенным с момента получения денежных средств, так как до этого момента не происходит управление данными средствами со стороны управляющей компании, а также не выдается инвестиционный пай, ко-

торый подтверждает членство стороны договора в данном фонде.

Выводы

Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, для того, чтобы договор управления имуществом паевого инвестиционного фонда считался заключенным должны быть соблюдены несколько условий одновременно: управляющая компания должна разместить предложения о приобретении инвестиционного пая, что будет выступать офертой; заявка от покупателя на покупку пая, что будет выступать акцептом оферты управляющей компании; передача имущества, которое обычно выражается в денежных средствах, на управление управляющей компании. По нашему мнению, только при соблюдении всех указанных условий, договор доверительного управления имуществом паевого инвестиционного фонда может считаться заключенным.

Таким образом, можно сделать вывод, что договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом являясь разновидностью договора присоединения имеет важное значение для функционирования рынка коллективных инвестиций в России. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом (ПИФ) является важным инструментом для инвесторов, позволяющим им передать свои средства в управление профессиональным управляющим. Вышеописанный договор представляет собой разновидность договора присоединения, так как он основывается на предустановленных правилах управляющей компании

Он обладает как преимуществами, так и недостатками, которые необходимо учитывать как управляющим компаниям, так и инвесторам.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сентября 2023 г.) // Российская газета. – 1996. – № 23.
3. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Российская газета. – 2001. – № 237–238.
4. Белов В.А. Паевой инвестиционный фонд и инвестиционный пай: некоторые проблемы правовой природы, вызванные рецепцией зарубежного права // Банковское право. – 2008. – № 3. – С. 41–48.
5. Кетоев С.К. Особенности формы и существенных условий договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом //

Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 12–17.

6. Правила доверительного управления [Электронный ресурс] // www.open-am.ru – Режим доступа: https://www.open-am.ru/common/img/uploaded/pdf-files1/am/disclosure_new/shares-pdu-20.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения 10.12.2024).

TRUST MANAGEMENT OF A MUTUAL INVESTMENT FUND AS A TYPE OF ACCESSION AGREEMENT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Kabachkov P.A., Kritsky V.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This study is devoted to the issue of concluding a trust management agreement for mutual investment funds in the form of an affiliation agreement. Thus, the author notes both the strengths and weaknesses of such a process of concluding the contract in question. The author also analyzes the most problematic practical issue of concluding a trust management agreement for a mutual investment fund, namely the moment of its conclusion.

The significance of this subject matter arises from the fact that there has been a marked rise in recent years in the popularity of mutual funds as an instrument for pooled investment. This development can be attributed to both an increase in the financial acumen of the public and the evolution of regulations governing investment fund activities. In particular, the enactment of Federal Law No. 156 «On Investment Funds», which serves as the foundation for establishing a legal framework that governs interactions between prospective purchasers of investment shares (investors) and fund management companies, has played a pivotal role in shaping this landscape. It is worth noting that the trust agreement governing a mutual investment fund constitutes a type of contract of adhesion, imbuing it with

specific characteristics that influence the process of its formulation and implementation.

One of the key aspects that will be explored in this context is the process of entering into a trust management agreement, which entails not only executing the contractual agreement but also comprehending the terms and financial framework of such a fund. This information is provided in the investment statement section of the trust management document, known as the trust management rules, upon which the investor entrusts their assets to the management.

Keywords: mutual investment fund, accession agreement, trust management, trust management agreement, property management, property complex, investments.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on March 11, 2024) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 1994. – No. 238–239.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from September 12, 2023) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 1996. – № 23.
3. Federal Law No. 156-FZ dated 11/29/2001 (as amended on 12/19/2023) «On Investment Funds» (with amendments and additions, intro. effective from 07/01/2024) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2001. – № 237–238.
4. Belov V.A. Mutual investment fund and investment unit: some problems of legal nature caused by the reception of foreign law // *Banking law*. – 2008. – No. 3. – pp. 41–48.
5. Ketoev S.K. Features of the form and essential terms of the trust management agreement for a mutual investment fund // *Journal of Russian Law*. – 2006. – No. 9. – pp. 12–17.
6. Rules of trust management [Electronic resource] // www.open-am.ru – Access mode: https://www.open-am.ru/common/img/uploaded/pdf-files1/am/disclosure_new/shares-pdu-20.pdf, free. – Cover from the screen. (Accessed 10.12.2024).

Финансово-правовое регулирование противодействия уклонению от уплаты налогов в США

Китайский Даниил Вячеславович,

аспирант кафедры международного и публичного права,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: daniil_kitayskiy@mail.ru

Данная работа анализирует финансово-правовое регулирование противодействия уклонению от уплаты налогов в США. Рассматривается различие между легальной налоговой оптимизацией (*tax avoidance*) и незаконным уклонением от налогов (*tax evasion*). Отмечается, что, несмотря на принцип добровольного соблюдения налоговых обязанностей и высокий уровень их исполнения, уклонение от налогов всё же происходит, особенно среди богатых граждан и корпораций. Приводятся статистические данные о масштабах уклонения и типичном портрете нарушителя. Исследуется законодательная база, квалифицирующая уклонение от налогов как уголовное преступление (фелонию) с соответствующими наказаниями. Особое внимание уделяется методам выявления налоговых правонарушений: анализу чистого дохода и расходов, аудиту и программе поощрения информаторов, позволяющей получать вознаграждение за сообщения о нарушениях. Обсуждаются меры борьбы с офшорным уклонением от налогов, в частности, закон FATCA. Подчеркивается, что даже незаконно полученные доходы облагаются налогом. В заключение делается вывод об эффективном и разностороннем финансово-правовом инструментарии США для противодействия уклонению от уплаты налогов.

Ключевые слова: финансово-правовое регулирование, противодействие уклонению от уплаты налогов, налоговая оптимизация (*tax avoidance*), уклонение от налогов (*tax evasion*), США, добровольное соблюдение налоговых обязанностей.

Для понимания правовой природы уклонения от уплаты налогов в США терминологическое разделение между понятиями налоговой оптимизации (англ. *tax avoidance*) и уклонения от налогов (англ. *tax evasion*) приобретает особое значение. В соответствии с сущностью налоговой обязанностью в США физические и юридические лица – налоговые резиденты должны:

- добровольно сообщать о своих доходах;
- правильным путем рассчитывать свои налоговые платежи;
- своевременно подавать налоговую декларацию.

Можно заметить, что налоговая система США базируется на принципе добровольного соблюдения, где налогоплательщик должен сам сообщить о своих налогооблагаемых объектах и самостоятельно рассчитать свои налоги (это, в частности, часто ведет к противоположной ситуации, когда налогоплательщик выплачивает больший размер налогов, чем ему причитается). В результате, предполагается, что налогоплательщик должен знать о причитающихся ему налогах. При этом закон не запрещает законными путями оптимизировать уплату налогов. Так, например, домовладельцы могут использовать вычет за уплату жилищной ипотеки; работающие родители могут получать налоговый кредит на покрытие расходов на ребенка; семейные налогоплательщики могут пользоваться вычетами, зависящими от количества членов семьи; и т.д. В судебной практике США было подтверждено, что любое лицо может вести свои дела таким образом, чтобы гарантировать себе максимально низкие налоги. Нет обязанности выбирать ту модель поведения, которая наиболее выгодна государственным органам. В то же время, незаконное искажение содержания налоговой обязанности недопустимо [1].

Надо заметить интересную особенность американского населения: во многих исследованиях указывается такая сторона этического восприятия налогов, как низкая склонность американских граждан к несоблюдению налоговой обязанности. Так, уровень добровольного исполнения налоговой обязанности в США составляет 81–84%, что является одним из самых высоких показателей в мире (для сравнения этот показатель для Германии равняется 68%, для Италии – 62%) [2].

С другой стороны, это не отменяет того, что уклонение от уплаты налогов в США все же наблюдается. На 2011 год было выявлено, что 18–19% всех доходов декларируются ненадлежащим образом [3]. В 2019 году сообщалось, что разрыв

между ожидаемыми налоговыми поступлениями и реальными составил около 600 млрд долларов. Ключевая проблема для американской нации заключается в том, что если население в целом достаточно исправно платит налоги, то уклоняются от налогообложения в основном богатейшие люди и корпорации. В частности, в 2021 году сообщалось о том, что богатейший 1% американского населения уклонился от уплаты налогов на сумму в 163 млрд долларов, что составляет 3% от ВВП или общей сумме всех подоходных налогов, которые уплачиваются 90% налогоплательщиков, имеющих низкие доходы, что является фактором несправедливости [4]. Богатейшие люди и компании в США, согласно многим исследованиям, платят гораздо более низкие налоги, чем должны были бы [5]. В 2024 году было заявлено, что в целом уклонение от уплаты налогов со стороны лиц, зарабатывающих более 1 млн долларов, составляет около 150 млрд в год [6]. При такой динамике можно ожидать, что в течение текущего десятилетия совокупная упущенная выгода может составить до 7 трлн долларов [7].

Также существенный вклад в налоговый разрыв вносят малые предприятия и индивидуальные предприниматели. Это объясняется тем, что у налоговой службы недостает инструментов для того, чтобы выявлять случаи неуплаты налогов такими субъектами, поскольку без серьезных расследования выявить случаи непредставления данных по доходам крайне сложно. Особенно часто это встречается в экономике совместного пользования – компаниях и деятельности индивидуальных предпринимателей, направленной на разделение пользования благами, находящимися в собственности компании или ИП, с другими лицами за плату [8] (Airbnb – для совместного пользования жилыми помещениями, Lyft – для совместных поездок на автомобилях, и т.д.) В США, когда такие компании зарабатывают меньше 20 тыс. долларов с количества транзакций не более 200, они не подают налоговую форму 1099-K, что влечет за собой возникновение значительного объема незарегистрированного дохода [9].

Также фактором налогового разрыва выступает тот факт, что в сумму незарегистрированного дохода американцы не включают деньги от побочных работ (подработок) и чаевые, что рассматривается как налоговое мошенничество, но отследить которое крайне сложно. На 2016 год сообщалось, что о таких доходах не сообщает каждый 4-й американец, а общая сумма такого незарегистрированного дохода составила 214,6 млрд долларов [10].

В целом, портрет типичного неплательщика налогов представляет собой человека до 50 лет, имеющего высокую налоговую категорию и обладающего сложной системой источников получения дохода, что дает ему возможность уклоняться от налогообложения по достаточно крупным суммам. Часто используются инструменты благотворительности, особенно на нужды церкви, для уклонения от налогов в США [11].

Уклонение от уплаты налогов является преступлением. В целом, налоговые преступления определяются в разд. 26 «Кодекс внутренних доходов» Свода законов США [12]. Также на уровне штатов противодействие уклонению уплаты налогов может регулироваться местным законодательством.

В целом, в США за налоговые преступления предусматривается гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Все преступные деяния (англ. *crimes*) в соответствии с классической для англосаксонской правовой семьи системой подразделяются на менее тяжкие – мисдиминоры – и более тяжкие – фелонии [13]. Помимо этого, есть налоговые проступки (англ. *offences*) – противоправные деяния, имеющие более низкую степень общественной опасности, чем преступления [14].

Уклонение от уплаты налогов – это фелония по ст. 7201. Здесь указывается, что такое преступление представляет собой умышленные попытки любого лица уклониться (англ. *evade*) или отклониться (англ. *defeat*) от определения любых налогов, предусмотренных в разд. 26, и их уплаты. Для физических лиц такое преступление влечет за собой штраф до 100 тыс. долларов (до 500 тыс. долларов в случае юридического лица) и/или лишение свободы до 5 лет, причем преступник должен будет оплатить и расходы на преследование. Наказание за данное преступление может суммироваться со штрафами по другим статьям в случае их одновременного нарушения.

Здесь можно заметить наличие двух форм преступного поведения:

- уклонение от определения реального размера причитающегося налога (англ. *tax assessment*): умышленная (добровольная и намеренная) попытка исказить реальный размер налога;
- уклонение от уплаты налога (англ. *tax payment*): умышленное несоблюдение обязанности по уплате налога [15].

При этом из американской судебной практики следует, что для того, чтобы было совершено преступление уклонения от уплаты налогов, требуется, чтобы налогоплательщик совершил какое-то действие с этой целью (использовал ложные сведения при подаче декларации, скрывал свои счета и имущество, записывал имущество на подставных лиц и т.д.), поскольку пассивного несоблюдения налоговой обязанности недостаточно. Также умышленное бездействие не соответствует критерию активного действия [16]. В свою очередь, государство должно доказать путем указания на недостаток налоговых поступлений в бюджете факт наличия налоговой задолженности.

Суммируя все вышесказанное, стоит отметить, что в ходе разбирательства прокурор должен доказать следующие факты:

- наличие неуплаченного налога в форме бюджетного дефицита;
- наличие активного (позитивного) действия в целях уплаты от налога;
- наличие умысла [17].

Если лицо добросовестно заблуждалось по вопросу о том, что в его действиях нет налогового правонарушения, в то время как такое правонарушение совершалось, то такое лицо ответственности за уклонение от налогов не подлежит. При этом в соответствии с судебной практикой США не имеет значения, насколько такое заблуждение является иррациональным или необоснованным [18]. В то же время, если налогоплательщик убежден в том, что федеральный налог является недействительным или неконституционным, то такое убеждение не является защитой от ответственности, даже если оно является подлинным и добросовестным [19].

Налоговый разрыв, который гособвинителю необходимо доказать, определяется Налоговым управлением США определяется как разницу между действительно выплаченными налогами за определенный период и причитающейся суммой по закону. Налоговый разрыв подразделяется на:

- разрыв в связи с непредставлением декларации по налогам;
- разрыв в связи с занижением суммы налогов;
- разрыв в связи с недоплатой причитающихся налогов.

Также выделяется понятие чистого налогового разрыва, который представляет собой сумму неуплаченных налогов, который никогда нельзя будет взыскать в рамках принудительного исполнения или других процедур [20].

Для борьбы с уклонением от налогов у налоговой службы есть широкий перечень финансово-правовых инструментов и методов. Основным инструментом выступают комплексные расследования, проводимые для проверки того, насколько правильно заполнена налоговая декларация и насколько точно уплачены налоги. В этой связи от налогоплательщика могут потребоваться определенные записи: налоговые книги и прочие документы. Помимо этого, в случае наличия подозрений в неуплате налогов налоговая служба может провести аудит. Надо заметить, что исторически в налоговой службе сложилась практика случайных аудитов для выявления общей картины нарушения налогового законодательства.

В результате расследования налоговая служба может обнаружить признаки налогового преступления в действиях лица, однако она не располагает полномочиями для осуществления уголовно-правового преследования. В ее функции входит только наложение штрафов и предъявление требований к уплате налога. Назначение штрафов ведется по двум моделям:

- штрафы на незадекларированный доход;
- штрафы на доход, являющийся предметом уклонения от налогообложения.

Ключевым методом выявления наличия фактов неуплаты налогов выступают методы выявления чистого (совокупного) дохода/прибыли и расходов. Ежегодно эти параметры оцениваются для того, чтобы выявить, насколько они не соответствуют плановым ожиданиям. Оценка доходов и расходов

лица представляет собой два самостоятельных инструмента, однако они, как правило, используются вместе.

При оценке чистого дохода налоговая служба выбирает год, от которого отсчитывается этот параметр. Соответственно, на конец налогового года у налоговых органов есть представление о том, сколько должен составить совокупный доход лица. В сумму совокупного дохода включаются наличные деньги, средства на банковских счетах, акции и облигации, недвижимое и движимое имущество, ценные вещи и прочее имущество, находящееся в собственности налогоплательщика и облагаемое налогом. Выявление некоторых из этих вещей (особенно ценностей или наличных денежных средств) обычно происходит в ходе углубленного расследования, причем такое расследование проводится тогда, когда лицо уже заподозрено в недобросовестной активности.

Помимо доходов, оцениваются и расходы налогоплательщика. К ним относятся не только прямые расходы, но и такие денежные обязательства, как выплата ипотечного, потребительского и прочего кредитования, использование средств с кредитных карт. Здесь и проявляется взаимосвязь двух инструментов: первоначальная оценка доходов важна для сопоставления с расходами, поскольку, если они между собой не соответствуют и расходы превышают доходы, может возникнуть подозрение в наличии незадекларированного дохода. Расходы также оцениваются автономно в течение года.

Данная методика впервые была отражена в судебной практике в деле Аль Капоне против США в 1931 году. Закрепление она получила после дела США против Хогана в 1989 году.

Еще одним инструментом является метод выявления расходов по банковским депозитам. Такая практика была впервые введена в 1935 году в деле Глекмана против США. Суть метода заключается в выявлении соотношения между декларируемыми доходами лица и остатками средств на его банковских счетах. Если деньги на депозитных счетах доходы превышают расходы, возникает вопрос о происхождении средств.

Такой метод является эффективным в том случае, когда лицо получает большую часть дохода на банковский счет, а рассчитывается чеками. Также такой метод эффективен при выявлении побочных доходов, которые в ином случае, как говорилось выше, сложно отследить. Например, при наблюдении за сотрудниками, которые получают за свою работу чаевые, можно обнаружить, что их официальный доход не соответствует их зачислениям на банковский счет. При этом налоговая служба в этом вопросе проявляет либеральный характер. Во-первых, ведется обсуждение с представителями секторов, где сотрудники получают чаевые (отели, казино и т.д.), о том, чтобы установить твердый объем чаевых для целей налогообложения. Во-вторых, сотрудники могут добровольно согласовать с налоговой службой минимальный

размер чаевых, которые не будут учитываться налоговой службой как доход.

Для других целей этот метод не подходит. Например, в рамках уголовного преследования его использование недопустимо, поскольку он не дает точных доказательств вины лица.

Также в соответствии с ст. 406 Закона о налоговых льготах и здравоохранении 2006 года и ст. 7623(b) Кодекса внутренних доходов был реформирован институт осведомителей (доносчиков, информаторов) (англ. *whistleblowers*) при Налоговом управлении США. Анонимные информаторы могут претендовать на получение 15–30% от суммы доначисленного налога величиной от 2 млн долларов. При этом во главе данной системы теперь стоит специализированная Служба информаторов (англ. *IRS Whistleblower Office*), которая следует требованиям законодательства и, в частности, основывает свои расследования на тщательном анализе и поиске доказательств, а не на слухах и предположениях.

Данная программа направлена на то, чтобы привлечь обычных граждан к тому, чтобы они помогли раскрывать налоговые обманы и фальсификации. Так, в соответствии с позиции самого Налогового управления США, этот его филиал направлен на то, чтобы стимулировать людей сообщать о фактах налоговых проблем, которые они видят в повседневной жизни, на работе или в других местах. Для подачи доноса предусматривается специальная форма 211. Только за 2006 год с помощью данной службы удалось собрать более 3 млрд долларов. Представитель Американской ассоциации адвокатов Дж. Макдугалл заявил, что информация, собираемая налоговыми осведомителями, представляет собой второй по значимости источник данных для отслеживания правомерности исполнения налоговых обязанностей после добровольного раскрытия информации офшорами.

Надо заметить, что практика доносов в налоговой сфере существует в США с XIX века. За этот период институт информирования налоговых органов о случаях налоговых нарушений со стороны других лиц претерпела множество изменений. Текущая программа имеет гораздо больше стимулов для поощрения доносов, где основным стимулом выступает материальный (как говорилось выше, осведомители могут претендовать на 15–30% от доначислений свыше 2 млн долларов). В свою очередь, неудовлетворение требования о вознаграждении дает осведомителю право добиваться его через суд.

Правом стать информатором не обладают следующие лица (ст. 7623 Кодекса внутренних доходов):

- сотрудники Министерства финансов, имеющие доступ к информации, на которой базируется исковое заявление;
- сотрудники, которые получили доступ к такой информации, исполняя обязанности в рамках федерального правительства;

- лица, которые по закону должны были раскрыть указанную информацию или, наоборот, которым эту информацию по закону нельзя было раскрывать;
- лица, которые получили доступ к рассматриваемой информации в силу наличия федерального контракта;
- лица, которые получили данные от неподходящих осведомителей, чтобы избежать ситуации, когда их донос будет отклонен.

Окончательно вознаграждения для осведомителей были утверждены Министерством финансов США № 9850 от 15 апреля 2012 года. Также в 2012 году были выпущены дополнительные руководящие принципы работы на Службу информаторов. Наконец, в 2012 году были внесены изменения в Руководство по внутренним доходам в части процедур административного разбирательства, связанного с выплатой премий для информаторов.

Получение вознаграждения требует соблюдения следующих условий:

- информация в доносе должна быть конкретной и достоверной и касаться нарушения законодательства о внутренних доходах;
- сумма требований к неплательщику, в соответствии со ст. 7623(c) Закона о двухпартийном бюджете представленная в форме не только налогов, но и штрафов, пени и других дополнительных сумм, а также иных сумм, относящихся к компетенции Налогового управления США (уголовные штрафы, гражданские конфискации, нарушения требований по отчетности), должна быть не меньше 2 млн долларов;
- суммарный доход такого налогоплательщика должен быть не ниже 200 тыс. долларов в год хотя бы за один из рассматриваемых в доносе налоговых периодов;
- предоставленная осведомителем информация должна обязательно привести к административному или судебному разбирательству, или претендовать на награду будет нельзя. Более того, до получения награды требуется вынесение решения, что в определенных случаях требует от информатора ждать, пока налогоплательщик исчерпает все средства судебной защиты и решение по нему станет окончательным и безапелляционным.

Если информатор не удовлетворяет данным требованиям, но предоставил ценную информацию и активно содействовал обвинению, то Служба информаторов все же может рассмотреть вопрос присуждения такому лицу доли от полученного бюджетного дохода в результате соответствующих административных или судебных действий, но не более 10% (п. 2(a) ст. 7623b Кодекса внутренних доходов).

Что касается налогообложения самого вознаграждения, то в соответствии с судебной практикой такое вознаграждение считается не приростом капитала, а обычным доходом, что также было закреплено в Законе о ложных претензиях, направленном на предоставление права информаторам,

т.е. лицам, не связанным с правительством, заявлять иск от имени правительства в случае обнаружения случаев мошенничества подрядчиков при осуществлении федеральных контрактов. Как было определено в рамках судебной практики, этот закон является основным средством борьбы правительства США с мошенничеством в сфере государственных контрактов. Надо заметить, что в данном законе предусматривается схожий инструмент *qui tam* (концепция общего права, предполагающая, что лицо, которое содействует обвинению в реализации его целей должно получать вознаграждение в форме доли от компенсации, которую уплатит виновное лицо), в соответствии с которым информатор может претендовать на 15–30% от всех взысканных убытков с виновного лица при соблюдении определенных условий.

Также в практике Налогового управления США предусматривается снижение выплачиваемого осведомителям процента, если:

- информация, предоставленная осведомителем, находилась в публичном доступе;
- осведомитель сам участвовал в процессе нарушения налогового законодательства.

Всего за 2020 год было выплачено более 1 млрд долларов в форме вознаграждений для информаторов за собранные 6,14 млрд долларов с налогоплательщиков.

Специальный инструментарий регулирования предусматривается в отношении неправильного заполнения налоговых документов, которое в определенных случаях может быть квалифицировано в качестве уклонения от налогов. Были ли ошибки в заполнении документов умышленными или они были непреднамеренным результатом небрежности, выясняют налоговые органы.

При этом, в отличие от уплаты налогов, где добросовестное лицо, не знающее, что оно совершает правонарушение, не подлежит ответственности, при допущении ошибок при заполнении налоговых документов по небрежности или в случае незнания налогового законодательства такому лицу будет выписан штраф по одному из следующих оснований:

- небрежное отношение и неуважительное отношение к требованиям налогового законодательства;
- существенное занижение суммы налога.

Первое основание возникает тогда, когда лицо в ходе заполнения налоговой декларации не предпринимает разумные усилия для того, чтобы соблюсти требования налогового законодательства. При этом не только случайные ошибки, но и намеренное игнорирование налоговых правил относится к данному основанию. К небрежному отношению можно отнести отсутствие учета для подтверждения права на вычеты или налоговые кредиты, отсутствие в налоговой декларации доходов, указанных в форме 1099 о доходах, которые обычно не поступают от работодателя (платежи от подрядчиков, выигрыши в азартных играх, арендная плата, роялти и т.д.), неточный размер вычета или

налогового кредита и т.д. Штраф присуждается в размере 20% от неуплаченной суммы налога.

Второе основание используется, когда сумма налога занижена на более чем 5 тыс. долларов или на 10% от причитающейся по закону суммы налога в зависимости от того, какая сумма будет больше. Для лиц, которые рассчитывают на квалифицированный вычет доходов, связанных с предпринимательской деятельностью, применяется штраф в размере 5% от законного налога или 5 тыс. долларов в зависимости от того, какая сумма будет больше.

Пока штраф не погашен, на него могут начать начисляться проценты (пени) с определенной даты. В то же время, налогоплательщик может обратиться в налоговые органы и предоставить разумные обстоятельства, по которым он не может выплатить штраф. В таком случае налоговая служба может рассмотреть вопрос об аннулировании штрафа. Если же для снижения штрафа будет предоставлена ложная информация для вычетов по расходам, которых никогда не было, это будет уже составлять уголовное преступление.

Некоторые специальные инструменты регулирования действуют в отношении особых случаев уклонения от налогообложения. Здесь, в первую очередь, стоит сказать о уменьшении налогооблагаемой базы за счет перевода активов в офшоры (налоговые гавани). Из-за того, что офшоры позволяют обеспечить высокую степень анонимности своих резидентов, выявление транзакций, свидетельствующих о противозаконной налоговой оптимизации, является сложным делом.

В рамках мер по деофшоризации, в частности, был принят Закон о соблюдении налогового законодательства по иностранным счетам (FATCA). В соответствии с данным законом все иностранные финансовые учреждения должны сообщать в Налоговое управление США данные по своим финансовым активам за рубежом, а также по активам тех лиц, которые имеют связи с США в силу рождения, прежнего проживания и т.д. Закон распространяется на всех резидентов США, граждан за рубежом, а также держателей грин-карт. Этот закон распространяется и на жителей неинкорпорированных территорий США: Американские Виргинские острова, Американское Самоа, Гуам, Пуэрто-Рико, Содружество Северных Марианских островов. Здесь важным является критерий отношения к лицам США (англ. *US persons*), поскольку от этого зависят правовые последствия действия Закона. К таким лицам в соответствии со п. 30 ст. 7701(a) Кодекса внутренних доходов относятся:

- граждане или жители США, включая лиц, обладающих правом на постоянное проживание в США, но не живущих там и не уведомивших Службу гражданства и иммиграции о желании отказаться от права на постоянное проживание в США;
- американские (домашние) партнерства;
- американские корпорации;
- недвижимость, кроме той недвижимости, которая в соответствии с п. 31 ст. 7701(a) считает-

ся зарубежной (недвижимость, доходы от которой не связаны с деятельностью на территории США);

- трасты, если надзор за таким трастом может осуществляться американским судом и если гражданин (граждане) США вправе осуществлять контроль над ключевыми решениями, принимаемыми этим трастом.

FATCA является инструментом давления на лиц, которые стремятся уйти от налогов в США, проводя операции за рубежом.

Интересным является вопрос о квалификации доходов, полученных незаконным путем, для целей налогообложения. В деле Джеймса против США этот вопрос был разрешен. Согласно материалам дела, ответчик незаконно присвоил себе определенную сумму из профсоюзного фонда, но дело было возбуждено по факту уклонения от уплаты налогов. Ответчик заявлял, что присвоенные средства не должны подлежать налогообложению. Суд же пришел к выводу о том, что даже незаконно полученный доход является налогооблагаемым даже в том случае, когда эти незаконно полученные средства должны быть компенсированы жертвам, у которых эти средства были взяты.

Таким образом, прецедентное право устанавливает, что декларированию подлежит даже незаконный доход. В контексте правоприменительной практики надо заметить, что часто в силу отсутствия оснований для привлечения к ответственности по основным правонарушениям, виновных лиц привлекают по обвинению в уклонении от уплаты налогов.

Таким образом, в США предусматривается обширный инструментарий финансово-правового регулирования для противодействия уклонению от уплаты налогов. Из судебной практики в деятельности налоговой службы США пришли некоторые методики для выявления случаев уклонения от налогообложения, где важнейшее место занимают методы оценки чистого (совокупного) дохода и расходов и их сопоставление между собой. Если расходы превышают доходы, это может свидетельствовать об уклонении от налогообложения путем сокрытия части средств или иного имущества. Другая формула заключается в сопоставлении величины доходов с остатками на банковских счетах, в то время как данная методика имеет ограниченное применение и зависит от того, как именно используются банковские счета налогоплательщиком (поступают ли туда его заработная плата и иные официальные доходы, расходует ли он средства только посредством банковского депозита и т.д.)

Важную роль в обеспечении соблюдения налогового законодательства налоговыми резидентами играет институт информаторов, которые за определенное вознаграждение сообщают органам власти о ставших им известными случаях уклонения от налогообложения.

В рамках деофшоризации важнейшую роль играет Закон 2010 года FATCA, который устанавли-

вает достаточно жесткие требования в отношении раскрытия информации по доходам и активам всех лиц, которых в США расценивают в качестве американских (граждан, лиц, имеющих право на постоянное проживание в США, американских корпораций, трастов и т.д.)

Литература

1. Helvering v. Gregory // 69 F.2d 809, 810 (2d Cir. 1934), *aff'd*, 293 U.S. 465, 55 S. Ct. 266, 79 L.Ed. 596 (1935).
2. Chun R. Why Americans Don't Cheat on Their Taxes // The Atlantic. 10.03.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/04/why-americans-dont-cheat-on-their-taxes/583222/> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Feige E.L., Cebula R. America's Underground Economy: Measuring the Size, Growth and Determinants of Income Tax Evasion in the U.S: MPRA Paper № 29672. – University Library of Munich, Germany. – P. 1 (23 p.).
4. Sarin N. The Case for a Robust Attack on the Tax Gap // U.S. Department of the Treasury. 07.09.2021. URL: <https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-case-for-a-robust-attack-on-the-tax-gap> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Eisinger J., Ernsthausen J., Kiel P. The Secret IRS Files: Trove of Never-Before-Seen Records Reveal How the Wealthiest Avoid Income Tax // ProPublica. 08.06.2021. URL: <https://www.propublica.org/article/the-secret-irs-files-trove-of-never-before-seen-records-reveal-how-the-wealthiest-avoid-income-tax> (дата обращения: 21.03.2024).
6. Frank R. Tax evasion by millionaires and billionaires tops \$150 billion a year, says IRS chief // CNBC. 22.02.2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/02/22/tax-evasion-by-wealthiest-americans-tops-150-billion-a-year-irs.html> (дата обращения: 21.03.2024).
7. Минфин США сообщил об уклонении богатей от налогов на \$163 млрд в год // РБК. 09.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/613945d39a7947ad1fb6edbe> (дата обращения: 21.03.2024).
8. David M. Sharing: post-scarcity beyond capitalism? // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2017. № 10 (2). P. 311–325.
9. Kocieniewski D. Are Airbnb and others costing the government billions? // The Boston Globe. 23.05.2016. URL: <https://www.bostonglobe.com/business/2016/05/23/airbnb-others-pay-out-billions-beneath-irs-radar-study-finds/o57SNCiz-MzHSEjH0A1MNMM/story.html> (дата обращения: 21.03.2024).
10. McDermott J. Side hustle and tax evasion: The telling statistics // Finder. 16.02.2021. URL: <https://www.finder.com/best-tax-software/side-hustle> (дата обращения: 21.03.2024).
11. Sabatini P. Tax cheats cost U.S. hundreds of billions // Pittsburgh Post-Gazette. 25.03.2007. URL:

<https://old.post-gazette.com/pg/07084/772106-28.stm> (дата обращения: 21.03.2024).

12. Internal Revenue Code of 1986 // Pub. L. 99-514, § 2, Oct. 22, 1986, 100 Stat. 2095.
13. Лукасевич М.С. Налоговые преступления и проступки по законодательству США. – М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 2.
14. Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex Russica, 2017. № 7. С. 124.
15. Tax Crimes Handbook. – Criminal Tax Division Office of Chief Counsel, 2009. – P. 4.
16. United States v. Masat // 896 F.2d 88, 97-99 (5th Cir. 1990).
17. Toscher S.R., Perez D.L., Rettig C.P., Robbins E.M. Tax Crimes: U.S. Income Portfolios, Vol. 636. – 3rd ed. – Bloomberg, BNA, 2012.
18. Cheek v. United States // 498 U.S. 192, 203 (1991).
19. Kahan D.M. Ignorance of Law Is An Excuse – But Only for the Virtuous // Michigan Law Review. 1997. Vol. 127. № 146. P. 127-154.
20. IRS: The tax gap // Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/statistics/irs-the-tax-gap> (дата обращения: 21.03.2024).

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF COUNTERACTING TAX EVASION IN THE USA

Kitayskiy D.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This paper analyzes the financial and legal regulation of counteracting tax evasion in the USA. The distinction between legal tax optimization (tax avoidance) and illegal tax evasion (tax evasion) is examined. It is noted that despite the principle of voluntary compliance with tax obligations and the high level of their fulfillment, tax evasion still occurs, especially among wealthy individuals and corporations. Statistical data on the scale of evasion and the typical profile of violators are provided. The legislative framework that qualifies tax evasion as a felony with corresponding penalties is explored. Special attention is given to methods for identifying tax violations: analysis of net income and expenses, audits, and a whistleblower program that offers rewards for reporting violations. Measures to combat offshore tax evasion are discussed, particularly the FATCA law. It is emphasized that even illegally obtained income is subject to taxation. In conclusion, it is noted that the USA has an effective and multifaceted financial-legal toolkit to counteract tax evasion.

Keywords: Financial and legal regulation, Counteracting tax evasion, Tax optimization (tax avoidance), Tax evasion, USA, Voluntary compliance with tax obligations.

References

1. Helvering v. Gregory // 69 F.2d 809, 810 (2d Cir. 1934), aff'd, 293 U.S. 465, 55 S. Ct. 266, 79 L.Ed. 596 (1935).
2. Chun R. Why Americans Don't Cheat on Their Taxes // The Atlantic. 10.03.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/04/why-americans-dont-cheat-on-their-taxes/583222/> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Feige E.L., Cebula R. America's Underground Economy: Measuring the Size, Growth and Determinants of Income Tax Evasion in the U.S: MPRA Paper № 29672. – University Library of Munich, Germany. – P. 1 (23 p.).
4. Sarin N. The Case for a Robust Attack on the Tax Gap // U.S. Department of the Treasury. 07.09.2021. URL: <https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-case-for-a-robust-attack-on-the-tax-gap> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Eisinger J., Ernsthausen J., Kiel P. The Secret IRS Files: Trove of Never-Before-Seen Records Reveal How the Wealthiest Avoid Income Tax // ProPublica. 08.06.2021. URL: <https://www.propublica.org/article/the-secret-irs-files-trove-of-never-before-seen-records-reveal-how-the-wealthiest-avoid-income-tax> (дата обращения: 21.03.2024).
6. Frank R. Tax evasion by millionaires and billionaires tops \$150 billion a year, says IRS chief // CNBC. 22.02.2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/02/22/tax-evasion-by-wealthiest-americans-tops-150-billion-a-year-irs.html> (дата обращения: 21.03.2024).
7. Минфин США сообщил об уклонении богачей от налогов на \$163 млрд в год // РБК. 09.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/613945d39a7947ad1fb6edbe> (дата обращения: 21.03.2024).
8. David M. Sharing: post-scarcity beyond capitalism? // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2017. № 10 (2). P. 311-325.
9. Kocieniewski D. Are Airbnb and others costing the government billions? // The Boston Globe. 23.05.2016. URL: <https://www.bostonglobe.com/business/2016/05/23/airbnb-others-pay-out-billions-beneath-irs-radar-study-finds/o57SNCizMzHSE-jHOA1MNMM/story.html> (дата обращения: 21.03.2024).
10. McDermott J. Side hustle and tax evasion: The telling statistics // Finder. 16.02.2021. URL: <https://www.finder.com/best-tax-software/side-hustle> (дата обращения: 21.03.2024).
11. Sabatini P. Tax cheats cost U.S. hundreds of billions // Pittsburgh Post-Gazette. 25.03.2007. URL: <https://old.post-gazette.com/pg/07084/772106-28.stm> (дата обращения: 21.03.2024).
12. Internal Revenue Code of 1986 // Pub. L. 99-514, § 2, Oct. 22, 1986, 100 Stat. 2095.
13. Лукасевич М.С. Налоговые преступления и проступки по законодательству США. – М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 2.
14. Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex Russica, 2017. № 7. С. 124.
15. Tax Crimes Handbook. – Criminal Tax Division Office of Chief Counsel, 2009. – P. 4.
16. United States v. Masat // 896 F.2d 88, 97-99 (5th Cir. 1990).
17. Toscher S.R., Perez D.L., Rettig C.P., Robbins E.M. Tax Crimes: U.S. Income Portfolios, Vol. 636. – 3rd ed. – Bloomberg, BNA, 2012.
18. Cheek v. United States // 498 U.S. 192, 203 (1991).
19. Kahan D.M. Ignorance of Law Is An Excuse – But Only for the Virtuous // Michigan Law Review. 1997. Vol. 127. № 146. P. 127-154.
20. IRS: The tax gap // Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/statistics/irs-the-tax-gap> (дата обращения: 21.03.2024).

Меморандумы и иные соглашения как внесудебный способ защиты авторских и смежных прав в Интернете

Ковтуненко Олег Сергеевич,

аспирант кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: o.s.kovtunenko@gmail.com

Статья посвящена анализу меморандумов и иных соглашений, заключаемых между правообладателями объектов авторских и смежных прав и владельцами интернет-сайтов. В статье исследовано сотрудничество между правообладателями и владельцами интернет-сайтов в целях оперативного прекращения нарушения исключительных прав на объекты авторских и смежных прав. Отмечается, что участникам меморандумов и соглашений удается разрабатывать новые способы защиты авторских и смежных прав, которые учитывают интересы правообладателей и позволяют оперативно удалять незаконно размещенные объекты авторских и смежных прав, а также учитывают интересы владельцев интернет-сайтов, которые благодаря сотрудничеству с правообладателями, минимизируют риски судебных разбирательств по нарушению авторских и смежных прав в Интернете. Результаты сотрудничества правообладателей и IT компаний позволяют сделать вывод о том, что совместно вырабатываемые решения, закрепленные в меморандумах и соглашениях между участниками медиаиндустрии, являются эффективными для борьбы с нарушением авторских и смежных прав.

Ключевые слова: объекты авторского права, объекты смежных прав, меморандум, защита авторских прав, защита смежных прав.

Развитие Интернета в последние десятилетия предоставило множество возможностей для распространения и обмена результатами интеллектуальной деятельности между пользователями сети. Современные возможности распространения информации в Интернете с одной стороны, позволяют авторам и иным правообладателям найти свою аудиторию, с другой стороны, текущие объемы передаваемой информации в Интернете влекут за собой риски нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Судебные механизмы, связанные с защитой авторских и смежных прав, оказываются неэффективными для правообладателей в целях оперативного прекращения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в Интернете. Например, правообладатели фильмов, чьей основной экономической целью является окупить затраты на создание фильма путем получения кассового сбора от продажи билетов в кинотеатрах, в случаях соблюдения досудебного претензионного порядка с требованием к владельцам интернет-сайтов о прекращении использования аудиовизуального произведения, терпят огромные убытки в виде упущенной выгоды, учитывая среднюю продолжительность активного кинопроката около 80% фильмов менее месяца [1, с. 10].

Понимая необходимость более оперативной защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете, между компаниями, специализирующимися на создании и дистрибуции результатов интеллектуальной деятельности, а также компаниями, специализирующимися в сфере информационных технологий, заключаются меморандумы и иные соглашения, целью которых является разработка и применение более эффективных способов авторских и смежных прав.

В 2007 году частью крупных правообладателей – кинокомпаний и музыкальных лейблов, а также рядом владельцев интернет-сайтов, позволяющих своим посетителям размещать пользовательский контент, были опубликованы принципы использования пользовательского контента на онлайн-сервисах (Principles for User Generated Content Services) [2].

Разработка принципов использования пользовательского контента преследовала следующие цели – устранение на онлайн-сервисах контента, нарушающего интеллектуальные права, поощрение пользователей при загрузке полностью оригинального аудио и видеоконтента, обеспечение добросовестного использования защищенного ав-

торским правом контента на онлайн-сервисах и защита законных интересов приватности пользователей.

Для этого были выработаны основные принципы размещения контента пользователями:

- владельцы онлайн-сервисов должны размещать информацию, способствующую соблюдению прав интеллектуальной собственности и препятствующую загрузке пользователями контента, нарушающего авторские права;
- в процессе загрузки онлайн-сервисы должны четко информировать пользователей о том, что они не имеют права загружать контент, нарушающий авторские права, и что, загружая контент, они подтверждают, что такая загрузка соответствует условиям использования онлайн-сервиса. условия использования онлайн-сервисов должны запрещать загрузку материалов, нарушающих авторские права.
- онлайн-сервисы должны использовать технологии идентификации контента, для удаления из своих сервисов аудио и видеозаписей, нарушающих исключительные права;
- если владелец онлайн-сервиса в своей работе придерживается указанных принципов, правообладатели обязуются не подавать иски о нарушении авторских прав.

В середине 2010-х годов были разработаны несколько программ для предотвращения нарушений авторских прав в Интернете, которые предполагают сотрудничество между правообладателями и интернет-провайдерами, обеспечивающими пользователей доступом к Интернету.

Первая программа была разработана в США и называлась «Copyright Alert System». Она была разработана Центром информации об авторских правах (Center for Copyright Information) (далее – Центр), участниками которого являются известные музыкальные ассоциации и ассоциации кинокомпаний. Целью программы является определение времени загрузки файлов, нарушающих авторские права [3, с. 57].

Ресурсами Центра была разработана система обнаружения и мониторинга действий пользователей сети, которые потенциально могут нарушать авторские права. В основном, такие случаи были связаны с использованием торрент-трекеров, когда система обнаруживала в загружаемых файлах фрагменты контента правообладателей. В случае обнаружения нарушения, пользователю отправлялись предупреждения, уведомляющие пользователей о предполагаемом нарушении авторских прав.

В случае, если пользователь не реагировал на такие предупреждения – после 5 предупреждения интернет-провайдеры могли применять различные технические меры, включая ограничение скорости доступа к Интернету и полной блокировке доступа к Интернету, пока пользователь не урегулирует вопрос с интернет-провайдером.

Второе соглашение было согласовано в Британии между ассоциацией кинематографистов, британским фонографическим институтом и интернет-

провайдерами в 2014 году [4]. Их разработка называется Voluntary Copyright Alert Programme (Vcap), и действует похожим образом – система мониторинга определяет, какие IP-адреса используются для неправомерной загрузки контента, после чего интернет-провайдеры определяют владельцев IP-адресов и направляют письма-предупреждения с требованием прекратить нарушения авторских прав. В случае отсутствия реакции пользователей на уведомления, провайдеры могут применить к ним санкции.

Также бывают соглашения между частными компаниями и государственными органами для совместного противодействия пиратству. Так, весной 2024 года южноафриканская телекоммуникационная группа компаний MultiChoice подписала с министерством юстиции Южной Африки меморандум о взаимопонимании по борьбе с пиратством, в котором стороны будут сотрудничать в рамках защиты прав интеллектуальной собственности и борьбы с пиратством [5].

Похожее соглашение было заключено в Таиланде. В 2021 году, Департамент интеллектуальной собственности Таиланда (DIP), выступил с инициативой создания Меморандума о взаимопонимании по защите прав интеллектуальной собственности в Интернете, участниками которого стали государственные органы, ответственные за регулирование в сфере интеллектуальной собственности, цифровые платформы, правообладатели, а также юридические фирмы, оказывающие услуги по защите интеллектуальной собственности. Участники, присоединившиеся к меморандуму, получают поддержку со стороны государственных органов и операторов электронных площадок для решения проблематики, связанной с нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности [6].

В СНГ действует Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях от 12 ноября 2021 года. В нем закреплены основные положения сотрудничества, в частности:

- совместная разработка и реализация мер, направленных на создание механизмов противодействия нарушению прав на объекты авторских и смежных прав в Интернете;
- совершенствование законодательства своих государств в области интеллектуальной собственности в части защиты объектов авторских и смежных прав в Интернете;
- разработка мероприятий по предупреждению и пресечению незаконного использования объектов авторских и смежных прав, включая технические средства защиты;
- обмен информацией в сфере противодействия незаконному использованию объектов авторских и смежных прав авторских и смежных прав между компетентными органами [7].

В ряде случаев принятие законодательства, регулирующего использование объектов авторских

и смежных прав в Интернете, стимулирует участников рынка к самостоятельным договоренностям об условиях использования объектов – одним из примеров является Австралия, где в 2017 году было проведено исследование конкуренции сектора технологий, медиа и телекоммуникаций, целью которого было выявить влияние глобальных цифровых платформ на местные компании.

По результатам исследования было выявлено сокращение производства различного местного контента, в том числе репортажей о функционировании органов власти и судебной системы, в связи с неравномерным распределением рекламных доходов между новостными площадками и технологическими платформами. По статистике, озвученной министром финансов Джошом Фрайденбергом, за каждые 100 долларов рекламных доходов, 47 долларов достаются Google, 24 доллара достаются Facebook¹, и 29 остальным участникам рынка, в состав которых входят и местные средства массовой информации [8], при этом у местных СМИ не было возможности договариваться о ставках лицензионных вознаграждений за использование их материалов, что нарушало баланс интересов СМИ, как правообладателей контента (статей, аналитики и т.д.) и владельцев цифровых платформ.

После проведения исследования, парламентом Австралии был подготовлен законопроект «News Media Bargaining Code», который обязывал крупные технологические цифровые платформы договариваться с местными СМИ о выплате вознаграждения за использование материалов местных СМИ в случае их отображения на онлайн-сервисах. В случае, если корпорации и местные СМИ по каким-то причинам не смогли договориться между собой о порядке выплат, ставки за использование публикаций СМИ будут устанавливаться правительством Австралии.

По результатам первого года после принятия закона в силу, между местными СМИ и цифровыми платформами было заключено более 30 соглашений о порядке и размере выплат за использование материалов СМИ, а общая сумма соглашений составила более 200 миллионов австралийских долларов [9].

Отечественные участники рынка также придумывают новые внесудебные способы защиты авторских и смежных прав в Интернете. В России с 2018 года действует Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий, подписанный между крупными правообладателями аудиовизуальных произведений, операторами поисковых систем и владельцами Интернет-ресурсов, на которых предоставляется возможность размещения видеоматериалов третьими лицами (далее – Меморандум) [10].

Участниками данного меморандума являются крупнейшие российские правообладатели и IT-компании, а держателем Меморандума является

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Суть меморандума состоит в следующем.

1. Превентивное информирование о недопущении нарушения исключительных прав на объекты авторского права (аудиовизуальные произведения) – владельцы интернет-сайтов размещают информацию, пропагандирующую уважение прав на результаты интеллектуальной деятельности и призывающую пользователей к отказу от незаконного использования объектов интеллектуальных прав. Кроме того, владельцы интернет-сайтов обеспечивают в пользовательских соглашениях, условиях использования онлайн-сервисов и других аналогичных документах условие о запрете размещения объектов авторского права без разрешения авторов и иных правообладателей, а также устанавливают возможность заблокировать пользователей за нарушение указанного положения.
2. Правообладателями объектов авторских прав создается реестр указателей страниц сайтов в сети «Интернет», на которых без разрешения правообладателя или иного законного основания размещаются аудиовизуальные произведения или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (далее «Реестр»). Информация о нарушении исключительных прав на аудиовизуальные произведения вносится в Реестр на основании заявлений, заполняемых правообладателями.
3. Владельцы интернет-сайтов, должны обращаться к этому Реестру и в течение шести часов удалять из поисковой выдачи ссылки на незаконно размещенные объекты авторского права. По состоянию на 2021 год, благодаря Меморандуму было удалено более 2 100 000 ссылок на нелегальный контент [11].

Таким образом, в дополнение к действующим нормам о защите авторских и смежных прав, участники правоотношений в цифровой среде, в целях обеспечения соблюдения прав всех участников рынка, совместно прорабатывают новые способы и механизмы защиты авторских и смежных прав, механизмы которых позволяют добиваться оперативного прекращения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, что в свою очередь приводит к снижению количества судебных споров, связанных с нарушением авторских и смежных прав.

Литература

1. Артем Логинов, Ольга Куликова, Рая Башинская, Аня Корниенко. «У кого длиннее?» // Журнал «Бюллетень Кинопрокатчика» № 35 (809), 6 сентября 2019 года, С. 10–16. [Электронный

- ресурс] // URL: <https://www.kinometro.ru/archive/show/id/1030> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Principles for User Generated Content Services [Электронный ресурс] // URL: <https://ugcprinciples.com/> (дата обращения: 05.12.2024).
 3. Элио де Тульо. Сотрудничество между информационными посредниками и правообладателями для защиты интеллектуальной собственности в Интернете. // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 7, март 2015 г., С. 55–60.
 4. Samuel Gibbs. Internet piracy: UK ISPs close to deal with entertainment industry [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/may/09/internet-piracy-uk-isps-deal-entertainment-industry> (дата обращения: 03.12.2024).
 5. Justice department and Multichoice partner against piracy. South African Government News Agency. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/justice-department-and-multichoice-partner-against-piracy> (дата обращения: 04.12.2024).
 6. MOU on Online IP Protection: Thailand's Initiative for Online IP Rights Enforcement. Tilleke & Gibbins [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tilleke.com/insights/mou-on-online-ip-protection-thailands-initiative-for-online-ip-rights-enforcement/7/> (дата обращения: 04.12.2024).
 7. Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях от 12 ноября 2021 года (вступило в силу для Российской Федерации 23 сентября 2022 года) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209230001>. (дата обращения: 10.12.2024).
 8. Press Conference, CPO, Melbourne. Ministers Treasury portfolio [Электронный ресурс] // URL: <https://ministers.treasury.gov.au/ministers/josh-frydenberg-2018/transcripts/press-conference-cpo-melbourne> (дата обращения: 06.12.2024).
 9. Anya Schiffrin. Australia's news media bargaining code pries \$140 million from Google and Facebook. Poynter. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poynter.org/business-work/2022/australias-news-media-bargaining-code-pries-140-million-from-google-and-facebook/> (дата обращения: 06.12.2024).
 10. Как правообладатели и поисковики будут бороться с пиратством в интернете. Полный текст меморандума, подписанного крупнейшими российскими медиакомпаниями и онлайн-сервисами. Сетевое издание «Ведомости». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/11/01/785408-kak-budut-borotsya#140737497464748> (дата обращения: 07.12.2024).
 11. Александр Проценко. Действие антипиратского меморандума продлено до 1 августа. Российская газета [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/01/27/dejstvie-antipiratskogo-memoranduma-prodleno-do-1-avgusta.html> (дата обращения: 07.12.2024).

MEMORANDA AND OTHER AGREEMENTS AS AN EXTRAJUDICIAL METHOD OF PROTECTING COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS ON THE INTERNET

Kovtunen O.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to the analysis of memoranda and other agreements between copyright holders and website owners. The paper examines cooperation between these parties in order to quickly stop violations of exclusive rights to the copyright objects and related rights objects. It is noted that participants of memoranda and other agreements have managed to develop new ways to protect copyright and related rights. These new methods take into account the interests of copyright holders and allow them to quickly remove illegally posted objects, as well as consider the interests of website owners, who, through cooperation with copyright owners, minimize the risk of legal actions for copyright infringements and related rights infringements on the Internet. The results of collaboration between copyright holders and IT companies indicate that jointly developed solutions, as outlined in memoranda and other agreements among participants in the media industry, are effective in addressing copyright and related rights infringements.

Keywords: copyright objects, related rights objects, memorandum, copyright protection, related right protection.

References

1. Artyom Loginov, Olga Kulikova, Raya Bashinskaya, Anya Kornienko. "Who has the longest?" // The magazine "Bulletin of the Film Distributor" No. 35 (809), September 6, 2019, pp. 10–16. [Electronic Resource] // URL: <https://www.kinometro.ru/archive/show/id/1030> (accessed 05.12.2024).
2. Principles for User Generated Content Services [Electronic resource] // URL: <https://ugcprinciples.com/> (accessed 05.12.2024).
3. Elio De Tullio. Cooperation between information intermediaries and copyright holders to protect intellectual property on the Internet. // The Journal of the Intellectual Property Rights Court, № 7, March, 2015. P. 55–60
4. Samuel Gibbs. Internet piracy: UK ISPs close to deal with entertainment industry [Electronic resource] // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/may/09/internet-piracy-uk-isps-deal-entertainment-industry> (accessed 03.12.2024).
5. Justice department and Multichoice partner against piracy. South African Government News Agency. [Electronic resource] // URL: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/justice-department-and-multichoice-partner-against-piracy> (accessed 04.12.2024).
6. MOU on Online IP Protection: Thailand's Initiative for Online IP Rights Enforcement. Tilleke & Gibbins [Electronic resource] // URL: <https://www.tilleke.com/insights/mou-on-online-ip-protection-thailands-initiative-for-online-ip-rights-enforcement/7/> (accessed 04.12.2024).
7. Agreement on cooperation of the CIS member states on the protection and Protection of rights to Copyright and Related Rights in Information and Telecommunication networks dated November 12, 2021 (entered into force for the Russian Federation on September 23, 2022) // [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209230001> (accessed 10.12.2024).
8. Press Conference, CPO, Melbourne. Ministers Treasury portfolio [Electronic resource] // URL: <https://ministers.treasury.gov.au/ministers/josh-frydenberg-2018/transcripts/press-conference-cpo-melbourne> (accessed 06.12.2024).

9. Anya Schiffrin. Australia's news media bargaining code pries \$140 million from Google and Facebook. Poynter. [Electronic resource] // URL: <https://www.poynter.org/business-work/2022/australias-news-media-bargaining-code-pries-140-million-from-google-and-facebook/> (accessed 06.12.2024).
10. How copyright holders and search engines will fight piracy on the Internet. The full text of the memorandum signed by the largest Russian media companies and online services. Online edition of Vedomosti. [Electronic resource] // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/11/01/785408-kak-budut-borotsya#140737497464748> (accessed 07.12.2024).
11. Alexander Protsenko. The anti-piracy memorandum has been extended until August 1. Rossiyskaya gazeta [Electronic resource] // URL: <https://rg.ru/2021/01/27/dejstvie-antipiratskogo-memoranduma-prodleno-do-1-avgusta.html> (accessed 07.12.2024).

Юридические лица как наследники авторов результатов творческой деятельности

Козлова Мария Вячеславовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» при кафедре гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
E-mail: mano173318@mail.ru

В статье анализируются отдельные вопросы, связанные с наследованием исключительных прав на произведения и прав их использования юридическими лицами, выявляются отличия случаев наследования исключительных прав на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности юридическими лицами от случаев наследования таких прав физическими лицами.

Автор отмечает, что юридические лица, к которым в силу оставленного автором или его наследником завещания переходят исключительные права на созданные автором произведения или иные результаты творческой деятельности автора либо права (лицензии) на их использование, должны обеспечиваться такими же правовыми возможностями и дополнительной охраной в таком же объеме, как и наследники автора – физические лица. Оставляя исключительные права на свои произведения или права их использования определенному юридическому лицу автор при составлении завещания выражает свою волю и реализует свои намерения именно в отношении данного юридического лица, в связи с чем в случае ликвидации такого лица, делающей невозможным использование предоставленных ему прав, ранее полученные юридическим лицом по завещанию права на произведения должны преимущественно переходить к наследникам автора при наличии таких наследников и если автором не было оставлено указаний об ином.

Автором обосновывается необходимость унификации правовых возможностей наследников авторов, являющихся физическими и юридическими лицами, в качестве участников отношений по использованию произведений и иных результатов творческой деятельности, исключительные права на которые или права использования которых получены ими в порядке наследования. Делается вывод о необходимости принятия дополнительных мер, направленных на приоритетный учет на законотворческом уровне, в судебной и деловой практике волеизъявления автора и его намерений при решении вопросов организации использования результатов его творческой деятельности, перехода прав на такие результаты и обеспечении их защиты.

Ключевые слова: автор, авторское право, произведение, правообладатель, исключительное право, наследование, наследники

Вопросы наследования авторских прав рассматривались во многих научных исследованиях, посвященных данной проблематике [9], [10] или более широкому кругу отношений, в том числе наследованию исключительных прав на различные виды объектов таких прав [1], [2], [3, С. 13–21], [8].

Однако наибольшее внимание в научных публикациях уделялось, как правило, традиционному переходу исключительных прав на произведения и иные объекты интеллектуальных прав (интеллектуальной собственности) к физическим лицам – наследникам автора по закону или завещанию, предоставляемым им правовым возможностям, а также рассмотрению проблем, связанных с особой охраной прав и законных интересов таких наследников как своего рода «продолжателей» личности автора, способных наилучшим образом выражать в большинстве случаев его волю и намерения при принятии решений о последующем использовании созданных автором произведений, о возможности внесения в них изменений и дополнений, о допустимости их использования в том или ином контексте [5, С. 40–43], [6, С. 154–157].

При этом обычно не учитывалось, что наследниками автора могут становиться не только физические, но также и юридические лица (статья 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ). Такое наследование возможно только по завещанию, то есть согласно надлежащим образом выраженной воле самого автора или иного правообладателя. Выбирая юридическое лицо в качестве наследника исключительных прав на свои произведения автор вправе рассчитывать, что права на его произведения будут принадлежать именно данному юридическому лицу и именно данное юридическое лицо (музей, архив, институт, библиотека, фонд и т.п.) будет распоряжаться его творческим наследием, в том числе распоряжаться доходами от использования его произведений.

Подобные завещания достаточно часто встречаются в зарубежной практике: ученые оставляют права на свое творческое наследие научным институтам и образовательным учреждениям, в которых они работали или с которыми сотрудничали при осуществлении своей профессиональной деятельности либо которые они окончили при получении образования, получении научных степеней и т.д. Известные писатели в ряде случаев завещают свои права и доходы от использования своих произведений на определенные ими цели. Например, широко известным является случай завещания шотландским драматургом и романистом

Джеймсом Метью Барри (1860–1937) своих прав на цикл сказочных произведений о Питере Пэне детской больнице.

Сам по себе переход исключительных прав автора в порядке наследования к юридическому лицу не вызывает особых вопросов, однако проблемы могут быть связаны с неясностью, в какой мере на таких юридических лиц – наследников следует распространять положения, предусматриваемые законодательством для наследников автора – физических лиц, связанные с предоставлением им различного рода правовых преференций. Такие положения во многих случаях специально направлены на сохранение и дополнительную защиту унаследованных от автора прав, в частности, к их числу может быть отнесен устанавливаемый статьей 1284 ГК РФ запрет обращения взыскания на принадлежащее автору или его наследнику исключительное право на произведение.

В качестве причины закрепления в законодательстве таких преференций можно выделить наличие «личностного элемента» [4, С. 63–68], особой связи между автором и созданным им произведением, в котором нашла выражение творческая индивидуальность автора, отразилось его авторское представление, подходы к творчеству, усилия по воплощению избранной им идеи и другие факторы, влияющие на уникальность произведения, в том числе в силу особенностей взглядов, жизненного опыта, особенностей биографии, профессиональных навыков его создателя. Наследники автора, являющиеся, как правило, ближайшими для него людьми, могут рассматриваться как определенного рода «продолжатели» его личности, в связи с чем выглядит логически оправданным распространение на них ряда установленных для автора законодательных преференций.

Вместе с тем необходимо распространить такие преференции также на наследников авторов – юридических лиц, хотя для случаев наследования юридическими лицами прав авторов говорить о «личностном элементе» можно применительно к самим авторам и их произведениям, а не к юридическим лицам. Юридические лица, к которым в силу оставленного автором или его наследником завещания переходят исключительные права на созданные автором произведения или иные результаты творческой деятельности автора либо права (лицензии) на их использование, должны обеспечиваться такими же правовыми возможностями и дополнительной охраной в таком же объеме, как и наследники автора – физические лица. Важнейшей задачей при этом является выполнение волеизъявления автора, направленного на сохранение за такими юридическими лицами переданных в порядке наследования прав на произведения, предоставление им возможности полноценной защиты таких прав.

Если автор завещал произведение определенному юридическому лицу, он предполагал, что именно данное лицо будет распоряжаться таким произведением. Следовательно, переход прав

на произведение, например, в случае банкротства такого юридического лица или при обращении взыскания на его имущество по каким-либо иным основаниям, будет явным образом противоречить воле автора, выраженной им в завещании и ставшей основанием для приобретения соответствующего права.

Именно невозможность изъятия исключительных прав на произведения у авторов и любых их наследников, включая как физических, так и юридических лиц, без их согласия позволяет наилучшим образом гарантировать выполнение воли автора и принципа приоритетного соблюдения прав автора в рамках возникающих в рассматриваемых выше случаях гражданских правоотношений [7, С. 61–69].

Кроме того, приобретение юридическим лицом исключительного права на произведение или прав его использования в порядке наследования должно учитываться на разных этапах существования такого юридического лица, налагая дополнительные ограничения на порядок обращения с указанными правами. В отличие от внесения исключительных прав на произведения в уставный капитал юридического лица или их передачи по возмездным договорам переход таких прав в порядке наследования сам по себе может рассматриваться как приводящий к установлению особых обязательств для получателя – юридического лица и особых ограничений при решении вопросов, связанных с последующим переходом (отчуждением), возможным использованием таких прав и распоряжением такими правами.

Юридические лица – наследники автора, как отмечено выше, должны пользоваться теми же законодательными преференциями, которые установлены для наследников автора – физических лиц, но дополнительно необходимо предусмотреть с учетом особенностей «жизненного цикла» юридических лиц специальные меры, направленные на соблюдение воли автора и интересов других его наследников в течение всего времени существования и после прекращения его деятельности по различным допускаемым законом основаниям.

Оставляя исключительные права на свои произведения или права их использования определенному юридическому лицу автор при составлении завещания выражает свою волю и реализует свои намерения именно в отношении данного юридического лица, в связи с чем в случае несостоятельности (банкротства) такого лица, его ликвидации по иным основаниям, прекращения им деятельности без возможности ее восстановления и в иных случаях, делающих невозможным использование предоставленных прав таким юридическим лицом, ранее полученные по завещанию права на произведения должны, как представляется, переходить к наследникам автора при наличии таких наследников и если автором не было оставлено указаний об ином. Передача прав в указанных случаях наследникам авторов может быть обоснована тем, что такие наследники в большинстве случаев луч-

ше осведомлены о взглядах и пожеланиях автора-наследодателя, чем кредиторы наследника – юридического лица в случае его банкротства или правопреемники такого юридического лица в случае принудительной реорганизации.

Таким образом, необходимо обеспечить определенного рода унификацию правовых возможностей наследников авторов, являющихся физическими и юридическими лицами, в качестве участников отношений по использованию результатов творческой деятельности, исключительные права на которые или права использования которых получены ими в порядке наследования, а также обеспечить дополнительные меры, направленные на приоритетный учет волеизъявления автора и его намерений при решении вопросов организации использования результатов его творческой деятельности, перехода прав на такие результаты и обеспечении их защиты.

Литература

1. Булаевский Б.А., Новоселова Л.А., Гринь Е.С., Ульянова Е.В. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству. М.: Издательство «Проспект», 2019. 112 с.
2. Гаврилов Э.П. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 11 (Справочно-правовая система «Консультант Плюс»).
3. Гаврилов Э.П., Ростовцева Н.В. Лабиринты наследственного права: теоретический анализ // Патенты и лицензии: интеллектуальные права. 2020. № 12. С. 13–21.
4. Козлова М.В. Влияние «личностного элемента» на реализацию исключительных прав на произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 63–68.
5. Козлова М.В. Наследники авторов как участники правоотношений по использованию произведений // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 40–43.
6. Козлова М.В. Особенности реализации и защиты авторских прав наследниками авторов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 154–157.
7. Козлова М.В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов и баланс интересов участников гражданских правоотношений // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 3. Том 12. с. 61–69.
8. Косинков В.В. Наследование интеллектуальных прав. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2017. 224 с.
9. Набиев С.Р. Положения об обязательной доле в наследстве и особенности их применения при наследовании авторских прав: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2007. 199 с.

10. Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2013. 202 с.

LEGAL ENTITIES AS HEIRS OF THE AUTHORS OF THE RESULTS OF CREATIVE ACTIVITY

Kozlova M.V.

Southwest State University

The article analyses certain issues related to the inheritance of exclusive rights to works and rights of their use by legal entities, noting the differences between cases of inheritance of exclusive rights to works and other results of intellectual activity by legal entities and cases of inheritance of such rights by individuals.

The author notes that legal entities to whom, by virtue of a will left by the author or his heir, the exclusive rights to works created by the author or other results of the author's creative activity or rights (licences) to use them are transferred, should be provided with the same legal opportunities and additional protection to the same extent as the heirs of the author – natural persons. By leaving the exclusive rights to his works or the rights to use them to a certain legal entity the author expresses his will and realises his intentions in relation to this legal entity when making a will, in connection with which in case of liquidation of such entity, which makes it impossible to use the rights granted to it, the rights to works previously received by the legal entity under the will should be transferred to the heirs of the author in the presence of such heirs and if the author has not left instructions to the contrary. The author substantiates the necessity of unification of legal possibilities of heirs of authors, who are physical and legal persons, as participants of relations on the use of works and other results of creative activity, exclusive rights to which or rights of use of which were received by them by way of inheritance. It is also concluded that it is necessary to take additional measures aimed at the priority consideration at the legislative level, in judicial and business practice of the will of the author and his intentions when resolving the issues of organising the use of the results of his creative activity, the transfer of rights to such results and ensuring their protection.

Keywords: author, copyright, work, right holder, exclusive right, inheritance, heirs

References

1. Bulaevsky B.A., Novoselova L.A., Grin E.S., Ulyanova E.V. Inheritance of intellectual property rights under Russian law. Moscow: Prospect Publishing House, 2019. 112 p.
2. Gavrilov E.P. On the inheritance of intellectual property rights // Business and law. 2011. No. 11 (Reference and legal system "Consultant Plus").
3. Gavrilov E.P., Rostovtseva N.V. Labyrinths of inheritance law: theoretical analysis // Patents and licenses: intellectual property rights. 2020. No. 12. Pp. 13–21.
4. Kozlova M.V. The influence of the "personal element" on the implementation of exclusive rights to works // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. No. 3. P. 63–68.
5. Kozlova M.V. Heirs of authors as participants in legal relations on the use of works // Bulletin of the Russian Law Academy. 2022. No. 3. P. 40–43.
6. Kozlova M.V. Features of the implementation and protection of copyrights by the heirs of authors // Eurasian Law Journal. 2019. No. 9. P. 154–157.
7. Kozlova M.V. The principle of priority observance of the rights of authors and the balance of interests of participants in civil legal relations // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2022. No. 3. Volume 12. P. 61–69.
8. Kosinkov V.V. Inheritance of intellectual property rights. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Saratov, 2017. 224 p.
9. Nabiev S.R. Provisions on the compulsory share in the inheritance and the specifics of their application in the inheritance of copyrights: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2007. 199 p.
10. Rozhdestvenskaya K. Yu. Features of the inheritance of copyrights. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2013. 202 p.

Процедура сбора доказательств в делах о трансграничной несостоятельности

Колтыгин Иван Денисович,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivy@ikoltygin.ru

В статье поднимаются вопросы судебного сотрудничества и взаимодействие с иностранными государственными органами при исполнении арбитражным управляющим своих обязанностей в делах о несостоятельности (банкротстве) должников, у которых выявлено имущество за рубежом. Автор рассматривает необходимость и способы взаимодействия судов различных государств при рассмотрении дел о трансграничной несостоятельности. Подчеркивается важность международного сотрудничества при разрешении названных дел. Рассматриваются правовые основы и формы такого сотрудничества, включая прямое общение между судами разных стран и разработку совместных протоколов для ведения дел. Также рассматриваются различные руководства и практики, разработанные международными организациями, такими как UNCITRAL и ALI, которые помогают судьям взаимодействовать при рассмотрении подобных дел.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, правовая помощь, международное частное право, истребование доказательств, судебное поручение.

Вопрос использования международных соглашений привлекает внимание множества исследователей [1; 2]. С развитием межгосударственных связей такие договоры становятся все более значимыми, особенно в сфере международного гражданского судопроизводства. Важно отметить, что при рассмотрении дел в рамках этого процесса сторонам требуется предоставить соответствующие доказательства для поддержки своих претензий или возражений.

Однако если данные доказательства находятся за границей, могут возникнуть сложности. Чтобы получить их, нужно обратиться к компетентным органам другой страны. Но меры, принимаемые для сбора этих данных, не всегда соответствуют интересам того государства, где проводится процедура. Эти затруднения обусловлены различиями между правовыми системами и особенностями процессуального права разных стран. Если же заключены юридические соглашения, то государство берет на себя обязательства по обеспечению получения доказательств, одновременно защищая свой суверенитет от потенциального вмешательства других государств.

Для того чтобы судебные органы любого государства могли полноценно выполнять свои функции, они должны действовать исключительно в рамках границ этой страны. Однако процессуальные мероприятия за пределами её территории обычно проводятся через механизм судебных поручений, при котором суд одного государства направляет запрос суду другой страны. Это обусловлено принципом уважения государственного суверенитета и равноправия, который требует от стран признания высшей власти друг друга над своими территориями [3]. Поэтому для решения таких задач необходима правовая помощь со стороны органов юстиции других государств [5].

Как отмечает О.Г. Григорьева [6, с. 4], историческая практика показывает, что международное сотрудничество становится практически единственным способом обеспечения и защиты имущественных и семейных прав граждан, особенно когда возникает необходимость исполнения судебных решений на территории иностранного государства, получения документов от зарубежных учреждений или предоставления правовой информации из-за рубежа.

Правовые подходы о поиске зарубежных активов в полной мере распространяются на дела о банкротстве. Так, финансовый управляющий обязан принимать меры для выявления всего имущества гражданина-должника, включая активы,

находящиеся за границей. Это положение закреплено в абзаце втором пункта 8 статьи 213.9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве).

Основным препятствием в вопросе поиска активов является сама по себе сложность процесса получения доказательств из иностранной юрисдикции, который одновременно предполагает особые требования к форме и содержанию запроса, сложность его (запроса) передачи в компетентный орган иностранного государства, так еще и ограничен национальными требованиями каждой отдельной юрисдикции.

Можно поддержать точку зрения И.В. Гетьман-Павловой и М.А. Филатовой [4], согласно которой существует два основных подхода к получению доказательств в иностранном государстве:

1. Использование процедур международной правовой помощи, установленных различными международными договорами. На глобальном уровне применяется Гаагская конвенция о получении доказательств за границей по гражданским или торговым делам 1970 года, а на региональном – Регламент № 2020/1783 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25 ноября 2020 года «О сотрудничестве судов государств-членов ЕС при сборе доказательств по гражданским или коммерческим делам».

2. Непосредственное обращение к иностранному участнику дела за предоставлением доказательств, минуя официальный запрос через судебные органы той страны, где находятся необходимые сведения или документы.

В период с 1965 по 1988 года по проблеме оказания международной правовой помощи по гражданским и торговым делам заключен ряд международных соглашений: Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам (Гаага, 1965 год), Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам (Гаага, 1970 год, далее – Гаагская конвенция 1970). Исследование проблемы в русле указанных соглашений, по мнению автора, чрезвычайно актуально. В этом ключе важно отметить, что Российская Федерация является членом названных гаагских конвенций, которыми связаны наиболее развитые страны мира.

Одновременно по запросу Российской Федерации о правовой помощи сбор доказательств на территории иностранного государства возможен на основе международного договора (соглашения), заключенного с конкретным государством.

В частности, такие соглашения имеются с Францией [7], КНДР [8], Румынией [9], Албанией [10], Китаем [11] и рядом других государств. Всего существует 37 действующих двусторонних соглашений с Российской Федерацией о международной правовой помощи [12].

Изложенное свидетельствует о то, что Российская Федерация, занимая достаточно заметное положение в международном сообществе, не оста-

ся в стороне от процессов налаживания и сохранения международных юридических связей.

Между тем, в рамках системы международных соглашений о правовой помощи значительную роль играет изменение геополитической обстановки, которая, безусловно, уже влияет на возможность осуществления международной-правовой помощи.

В свете принятия Латвией закона о денонсации договора о правовой помощи, данный международный акт фактически утратил свою силу после прохождения процедуры третьего чтения в законодательных органах этой страны [13]. Следует констатировать, что начинается новый этап развития, обусловленный необходимостью поиска иных инструментов правового взаимодействия по поиску доказательств в других странах и решением насущных проблем в данной области.

Основания и порядок оказания международной правовой помощи в сфере сбора доказательств

Основанием для инициирования процесса сбора доказательств на территории иностранного государства является направление запроса компетентному органу или должностному лицу иностранного государства судом, прокурором или компетентным органом Российской Федерации в рамках полномочий, установленным законодательством Российской Федерации.

В соответствии с АПК РФ арбитражный суд вправе самостоятельно либо по ходатайству заинтересованного лица истребовать доказательства. Очевидно, что если письменные доказательства и вещественные доказательства или лица, обладающие сведениями, имеющими существенное значение для правильного рассмотрения дела, находятся за границей, арбитражный суд может обратиться к компетентным органам как в порядке, определенном в Гаагской конвенции 1970, так и в соответствии с положениями иного международного договора (при его наличии).

Статьей 73 АПК РФ закреплены общие положения о направлении судебных поручений компетентным органам или должностным лицам иностранного государства. Направление судебного поручения компетентному органу иностранного государства, производится в порядке, предусмотренном международными договорами Российской Федерации, положениями статей 121, 253, части 4 статьи 256 АПК РФ.

В зависимости от требований международных договоров и (или) арбитражного процессуального законодательства документы могут направляться, в частности:

– путем непосредственного вручения участнику судебного разбирательства судебных документов, направленных по почте (пункт «а» статьи 10 Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (Гаага, 15 ноября 1965 года);

- непосредственно в компетентный суд государства исполнения поручения (статья 5 Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»);
- непосредственно в центральные органы государства исполнения поручения (например, статья 2 Гаагской конвенции 1965 года, статья 3 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Улан-Батор, 20 апреля 1999 года);
- через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации и Министерство иностранных дел Российской Федерации компетентному органу государства исполнения поручения;
- через центральные, территориальные и иные органы учреждений юстиции компетентному суду (органу) государства исполнения поручения (статья 5 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 года)).

При отсутствии международного договора поручение направляется через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации и Министерство иностранных дел Российской Федерации в порядке международной вежливости (абзац 10 пункта 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»).

При условии соблюдения требований международных договоров об оказании правовой помощи не исключается одновременная пересылка судебных документов заинтересованным лицам за границу почтой, вручение их надлежащим представителям иностранных лиц в России и т.д.

Основания, порядок и форма запроса в отношении должника, являющегося подозреваемым, обвиняемым или подсудимым по уголовному делу, определены в статьях 453, 454 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации.

Эффективность инструментов получения информации из иностранных правовых юрисдикций напрямую зависит от установления рабочих каналов связи между участниками правоотношений. Имеются различные формы взаимодействия, включая прямое взаимодействие между судами различных государств. Одной из таких форм является судебное сотрудничество.

Моделирование судебного сотрудничества – это процесс разработки и внедрения структур и механизмов, которые позволяют судам разных стран эффективно взаимодействовать друг с другом при рассмотрении дел о трансграничной несостоятельности [14]. Одним из ключевых инструментов в этой области является «Модельный закон» ООН (UNCITRAL Model Law), который служит основой

для создания правовых рамок, регулирующих взаимодействие судов в подобных ситуациях.

Модельный закон предписывает судам сотрудничать «в максимально возможной степени» с иностранными судами и представителями. Он определяет формы и методы сотрудничества, такие как прямое общение между судами, обмен информацией и совместная работа по управлению активами должника.

Для содействия в адаптации Модельного закона к национальному законодательству подготовлено Руководство по внедрению Модельного закона (UNCITRAL Guide to Eactment). Руководством также предлагаются рекомендации по использованию положений Модельного закона в практике судов.

Основная цель заключается в создании эффективных механизмов для управления делами о трансграничной несостоятельности. Это позволяет предотвратить потерю активов, максимизировать их стоимость и найти оптимальные решения для реорганизации бизнеса. Сотрудничество также способствует снижению юридических затрат.

Национальные законы играют ключевую роль в регулировании взаимодействия судов. Например, в Австралии действует «Закон о трансграничной несостоятельности» (Cross-Border Insolvency Act 2008), который адаптирует положения Модельного закона к местному законодательству.

Помимо Модельного закона, существуют международные инициативы, направленные на развитие сотрудничества между судами. Примером такой инициативы является «Сеть судебного сотрудничества по вопросам несостоятельности» (JIN), которая разработала свои собственные руководящие принципы для взаимодействия судов.

Для облегчения взаимодействия между судами создаются специальные протоколы и руководства. Они содержат рекомендации по формам и методам сотрудничества, а также предлагают конкретные шаги для обеспечения. Эти документы являются основными инструментами, помогающими судам разных стран эффективно взаимодействовать друг с другом. Можно привести следующие руководства.

1. Как уже было упомянуто ранее, Модельный закон ООН (UNCITRAL Model Law) документ служит основой для создания правовых рамок, регулирующих взаимодействие судов в делах о трансграничной несостоятельности. Он включает положения о сотрудничестве между судами и прямое общение с иностранными представителями.

2. Руководство по внедрению Модельного закона (UNCITRAL Guide to Enactment) помогает странам адаптировать положения Модельного закона к своему национальному законодательству. Оно также предлагает рекомендации по эффективному использованию положений закона в практике судов.

3. Глобальные принципы для сотрудничества в международных делах о несостоятельности (ALI-III Global Principles) [15], Разработанные Американским институтом права (American Law Institute)

и Международным институтом по вопросам несостоятельности (International Insolvency Institute), эти принципы предоставляют общие рекомендации для судов по всему миру, касающиеся сотрудничества в трансграничных делах, а также Глобальные правила по конфликтным вопросам в международных делах о несостоятельности (Global Rules on Conflict-of-Laws Matters in International Insolvency Cases) [15], которые разработаны для помощи судам в разрешении конфликтов законов, возникающих в международных делах о несостоятельности. Они помогают определить применимое право и порядок его применения.

4. Европейские директивы по сотрудничеству между судами (EU JudgeCo Guidelines) [16], разработанные Европейским союзом, представляют собой набор рекомендаций для судов ЕС по взаимодействию с иностранными судами в делах о трансграничной несостоятельности.

5. Практика нотацій Федерального суда Австралии (Federal Court of Australia's Practice Note) [17] предоставляет рекомендации и указания для австралийских судов по вопросам сотрудничества с иностранными судами и представителями. Она не является строго обязательной, но служит ориентиром для судов в вопросах взаимодействия.

6. Руководства по межсудебной коммуникации в международных делах о несостоятельности (Global Guidelines for Court-to-Court Communications in International Insolvency Cases) предназначены для оказания помощи судам в организации и проведении эффективной межсудебной коммуникации, включая совместные заседания и другие формы взаимодействия.

7. Рекомендации Американской ассоциации юристов (American Law Institute Principles of Cooperation Among the NAFTA Countries) [18] направлены на поощрение и упрощение сотрудничества между судами стран Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), включая Канаду и США.

8. Практическое руководство Верховного суда Нового Южного Уэльса (SC EQ 6 Practice Note) [19] используется судами Нового Южного Уэльса и ссылается на «Глобальные принципы», «Глобальные правила» и «Глобальные руководства». Оно также включает ссылки на «Руководящие принципы сети судебного сотрудничества по вопросам несостоятельности» (JIN Guidelines).

Все эти протоколы и руководства играют важную роль в создании и поддержании эффективной системы судебного сотрудничества в сфере трансграничной несостоятельности. Они помогают судам разных стран понимать и применять лучшие практики для эффективного обмена юридически значимой информацией, а также содействию сторонам в получении доступа к зарубежным активам.

Пример применения моделей судебного сотрудничества в судебной практике – Дело Lehman Brothers Australia Limited (Parbery) [20]. Это одно из немногих дел в Австралии, которое касается вопросов трансграничной несостоятельности

и судебного сотрудничества. В данном случае суд признал необходимость активного сотрудничества между судами разных стран для защиты интересов кредиторов и должников. Суд подчеркнул важность своевременного принятия решений и оперативного обмена информацией между судами.

Lehman Brothers Australia Limited была дочерней компанией крупного инвестиционного банка Lehman Brothers Holdings Inc., который объявил о банкротстве в сентябре 2008 года после серии неудачных инвестиций и падения рынка недвижимости в США. Банкротство Lehman Brothers стало крупнейшим в истории Соединенных Штатов и оказало серьезное влияние на мировую экономику.

Проблема заключалась в том, что Lehman Brothers имела множество филиалов и активов по всему миру, включая Австралию. Это потребовало от австралийских судов тесного сотрудничества с судами других стран, особенно США, где находилась штаб-квартира компании.

В деле Lehman Brothers австралийские суды тесно сотрудничали с судами США и другими заинтересованными сторонами для обеспечения справедливого распределения активов. Это включало обмен информацией, совместные заседания и координацию действий по защите интересов всех сторон.

В процессе ликвидации активов Lehman Brothers активное участие принимали регуляторы, такие как Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC), которая следила за соблюдением нормативных требований и защитой инвесторов.

Одной из главных задач суда было обеспечить справедливое распределение активов среди многочисленных кредиторов и инвесторов, чьи средства оказались под угрозой из-за банкротства компании.

Ликвидация компании Lehman Brothers стала одним из крупнейших финансовых кризисов начала XXI века. В ходе этого процесса возникли сложные вопросы трансграничного характера, связанные с управлением активами и обязательствами компании в нескольких странах одновременно. Суды всех стран, где проходила процедура банкротства, пришли к выводам о необходимости тесного сотрудничества между судами различных юрисдикций для эффективного распределения активов среди кредиторов.

Прецедентные дела, такие как дело Lehman Brothers Australia Limited, служат примерами практического применения норм и рекомендаций, разработанных в рамках Модельного закона и других документов. Приведенные примеры могут позитивно сказаться для целей инкорпорирования Модельного закона в национальное законодательство Российской Федерации, в которой аналогичные практики не были выявлены.

Полагаем, что для эффективного сопровождения дел о трансграничной несостоятельности необходимо развивать судебное сотрудничество и постоянное совершенствование механизмов взаимодей-

ствия между судами и государственными органами разных стран.

Литература

1. Войтович Е.П. Признание и приведение в исполнение иностранных решений по семейным делам в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 91–102.
2. Шукин А.И. О некоторых подходах к понятию «международная правовая помощь» по гражданским делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 61–69.
3. Шукин А.И. Принцип государственного суверенитета как основа иммунитета иностранного государства в гражданском судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 142–145.
4. Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 96–109.
5. Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. Т. 3: Международный гражданский процесс. М.: Юрид. лит., 1976. С. 141–142.
6. Григорьева О.Г. Эволюция правового регулирования сотрудничества Советского государства с зарубежными странами по гражданским и семейным делам (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.
7. Соглашение между СССР и Францией о передаче судебных и нотариальных документов и выполнении судебных поручений по гражданским и торговым делам // «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. IX. – М., 1938. С. 85–89.
8. Договор между СССР и Корейской Народной Демократической Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам // «Ведомости ВС СССР», 19.03.1958, № 5, ст. 93.
9. Договор между СССР и Румынской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам // «Ведомости ВС СССР», 04.09.1958, № 21, ст. 329.
10. Договор между РФ и Республикой Албания о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/> (дата обращения 01.12.2024).
11. Договор между РФ и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам // «Бюллетень международных договоров», № 5, май, 2013.
12. Двусторонние договоры Российской Федерации по вопросам международного частного права и международного гражданского процесса // НИУ ВШЭ. Проектная группа «Современная конструкция международного частного права», <https://pravo.hse.ru/intprilaw/dvustMDRF> (дата обращения: 01.12.2024).
13. Информационное сообщение о денонсации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал от 20.12.2010, публикация на сайте <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2024).
14. Višekruna, Aleksandra. (2018). Cooperation in cross-border insolvency: The case of protocols. *Strani pravni zivot*. 62. 65–88. 10.5937/spz1803065V.
15. American Law Institute, 'Transnational Insolvency: Global Principles for Cooperation in International Insolvency Cases' // American Law Institute. http://iiglobal.org/sites/default/files/alireportmarch_0.pdf (дата обращения: 24.11.2024).
16. EU JudgeCo Guidelines // Leiden University <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/fiscaal-en-economische-vakken/guidelines.pdf> (дата обращения: 19.11.2024).
17. Cross-Border Insolvency Practice Note: Cooperation with Foreign Courts or Foreign Representatives (GPN-XBDR) // Federal Court of Australia <http://www.fedcourt.gov.au/law-and-practice/practice-documents/practice-notes/gpn-xbdr> (дата обращения: 25.11.2024).
18. The American Law Institute, Principles of Cooperation Among the NAFTA Countries // International Law Institute <https://www.iiglobal.org/node/939> (дата обращения: 01.12.2024).
19. Practice Note SC EQ 6 – Cross-Border Insolvency: Cooperation with Foreign Courts or Foreign Representatives // Supreme Court of New South Wales http://www.practicenotes.justice.nsw.gov.au/practice_notes/nswsc_pc.nsf/a15f50afb1aa22a9c%20a2570ed000a2b08/4f96eb1106eb1b61ca25819f0002a5dc?OpenDocument (дата обращения: 01.12.2024).
20. Scott Atkins, 'International Cooperation and Coordination in Cross-Border Insolvency' in Kevin Edmund Lindgren *International Commercial Litigation and Dispute Resolution* // Ross Parsons Centre for Commercial, Corporate and Taxation Law, 1st ed, 2010.

EVIDENCE COLLECTION PROCEDURE IN CROSS-BORDER INSOLVENCY CASES

Koltygin I.D.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article raises issues of judicial cooperation and interaction with foreign government agencies in the performance by the arbitration administrator of his duties in cases of insolvency (bankruptcy) of debtors whose property has been identified abroad. The author considers the necessity and ways of interaction of courts of different states in the consideration of cross-border insolvency cases. The

importance of international cooperation in resolving these cases is emphasized. The legal basis and forms of such cooperation are considered, including direct communication between courts of different countries and the development of joint protocols for conducting cases. Various guidelines and practices developed by international organizations such as UNCITRAL and ALI, which help judges interact when considering similar cases.

Keywords: cross-border bankruptcy, legal assistance, private international law, demand for evidence, court order.

References

1. Voitovich E.P. Recognition and enforcement of foreign decisions on family matters in the Russian Federation // Russian Law Journal. 2021. No. 6. pp. 91–102.
2. Shchukin A.I. On some approaches to the concept of “international legal assistance” in civil cases // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2017. No. 1. pp. 61–69. 3. Shchukin A.I. The principle of state sovereignty as the basis of immunity of a foreign state in civil proceedings // Law. 2016. No. 1. pp. 142–145.
4. Getman-Pavlova I.V., Filatova M.A. Obtaining and presenting evidence in international civil proceedings (separate theoretical and practical problems) // International justice. 2017. No. 3. pp. 96–109.
5. Lunts L.A., Marysheva N.I. Course of international private law. Vol. 3: International civil procedure. M.: Legal lit., 1976. pp. 141–142.
6. Grigorieva O.G. Evolution of the legal regulation of cooperation between the Soviet state and foreign countries in civil and family matters (1918–1991): dis. ... Dr. jurid. M., 2021.
7. Agreement between the USSR and France on the transfer of judicial and notarial documents and the execution of court orders in civil and commercial matters // “Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states”. Issue IX. – M., 1938. pp. 85–89.
8. The Agreement between the USSR and the Democratic People’s Republic of Korea on the provision of legal assistance in civil, family and criminal cases // Vedomosti VS USSR, 03/1958, No. 5, Article 93.
9. The agreement between the USSR and the Romanian People’s Republic on the provision of legal assistance in civil, family and criminal cases // Vedomosti VS USSR, 04.09.1958, No. 21, Article 329.
10. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Albania on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation <http://www.mid.ru/> (accessed 12/01/2024).
11. The Agreement between the Russian Federation and the People’s Republic of China on legal assistance in civil and criminal matters // Bulletin of International Treaties, No. 5, May, 2013.
12. Bilateral treaties of the Russian Federation on issues of private international law and international civil procedure // Higher School of Economics. The project group “Modern construction of private International law”, <https://pravo.hse.ru/intprilaw/dvust-MDRF> (date of application: 12/01/2024).
13. Information message on the denunciation of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Latvia on the Avoidance of Double Taxation and on the Prevention of Tax Evasion in respect of taxes on income and capital dated 12/20/2010, published on the website <https://minfin.gov.ru> (date of access: 12/01/2024).
14. Višekruna, Aleksandra. (2018). Cooperation in cross-border insolvency: The case of protocols. Strani pravni zivot. 62. 65–88. 10.5937/spz1803065V.
15. American Law Institute, ‘Transnational Insolvency: Global Principles for Cooperation in International Insolvency Cases’ // American Law Institute. http://iiiglobal.org/sites/default/files/al-ireportmarch_0.pdf (accessed: 11/24/2024).
16. Руководящие принципы ЕС для судей // Лейденский университет <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/fiscaal-en-economische-vakken/guidelines.pdf> (дата публикации: 19.11.2024).
17. Практика трансграничной несостоятельности: Сотрудничество с иностранными судами или иностранными представителями (GPN-XBDR) // Федеральный суд Австралии <http://www.fedcourt.gov.au/law-and-practice/practice-documents/practice-notes/gpn-xbdr> (дата обращения: 25.11.2024).
18. Американский юридический институт, Принципы сотрудничества между странами НАФТА // Международный юридический институт <https://www.iiiglobal.org/node/939> (дата обращения: 01.12.2024).
19. Практическая записка SC EQ 6 – Трансграничная несостоятельность: сотрудничество с иностранными судами или иностранными представителями // Верховный суд Нового Южного Уэльса http://www.practicenotes.justice.nsw.gov.au/practice_notes/nswsc_pc.nsf/a15f50afb1aa22a9c%20a2570ed000a2b08/4f96eb1106eb1b61ca25819f0002a5dc?OpenDocument (дата обращения: 01.12.2024).
20. Scott Atkins, ‘International Cooperation and Coordination in Cross-Border Insolvency’ in Kevin Edmund Lindgren International Commercial Litigation and Dispute Resolution // Ross Parsons Centre for Commercial, Corporate and Taxation Law, 1st ed, 2010.

Красоусская Полина Даниловна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: krasousskaya.p@mail.ru

Бигалиева Яна Гератовна,

студент магистратуры, кафедра предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса, Новосибирский
национальный исследовательский государственный
университет
E-mail: bigalievaya@gmail.com

Совершенствование цифровых технологий обуславливает трансформацию современного общества, потребности которого в условиях цифровизации и информационного развития возрастают и видоизменяются. К ключевым компонентам рассматриваемых отношений, на наш взгляд, можно отнести: безопасность данных, прозрачность и доверие, доступность цифровых технологий, рациональное управление информацией. Наиболее мощным инструментом, способствующим эффективно учесть вышеназванные составляющие, является технология блокчейн, отличающаяся открытостью и доступностью совершающихся посредством данной платформы операций без необходимости централизованного управления. Вследствие широкого использования блокчейна в разнородных отраслях: финансовой, здравоохранения, недвижимости, интеллектуальной собственности и формирования комплексных общественных отношений, складывающихся, например, между обладателями электронных кошельков, лицами, обеспечивающими деятельность криптографических систем, понятие «технология блокчейн» рассматривается с точки зрения ее реализации в конкретной сфере человеческой жизни, учитывая при этом особенности складывающихся отношений между людьми и высокий темп появления разного рода инновационных решений в различных областях.

Ключевые слова: блокчейн, транзакции, блоки, алгоритмы, репозиторий, репликация.

Изначальная концепция технологии блокчейн основывалась на идее создания неизменяемой последовательности данных, маркируемых определенными обозначениями, защищенными цифровыми файлами от возможных вмешательств со стороны третьих лиц. Блокчейн рассматривался в качестве системы, позволяющей зафиксировать время создания документа, исключая возможность его редактирования и подделки [13, с. 101]. Тем не менее, дальнейшее развитие теории о блокчейне основывалось на разработке децентрализованной системы хранения данных. В 2008 году Сатоши Накамото опубликовал документ, описывающий принцип работы технологии блокчейн. Именно с этого момента блокчейн стал предметом многочисленных исследований, отражавших перспективы рассматриваемой системы и возможности ее применения не только в отношениях обеспечения транзакций между пользователями, но и в иных областях.

Отсутствие единообразного понимания термина «технология блокчейн» порождает бесчисленное количество споров относительно его правовой природы. С одной стороны, исследователи определяют блокчейн в качестве системы, посредством использования которой формируется цифровая валюта [4, с. 20]. С другой – технология обособленного пространства при отсутствии посредника [10, с. 54–55]. С точки зрения А.И. Савельева: «Блокчейн – децентрализованная система, содержащая различную информацию о произведенных операциях, ключевая особенность которой заключается в наличии определенных криптографических последовательностей, позволяющих защитить реестр данных от возможных искажений» [9, с. 33–34].

Нередки случаи рассмотрения блокчейна в контексте «децентрализованной распределенной базой данных каждой осуществленной транзакции посредством зашифрованного порядка относительно конкретного актива» [6, с. 94], между тем со стороны российского гражданского законодательства база данных – «представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированном таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)». В связи со спецификой технологии блокчейн не представляется возможным ограничивать ее исключительно совокупностью информационных материалов, поскольку стремительная цифровизация общественных отношений модифицирует блокчейн и позволяет рассматривать его не только

со стороны «учетной книги», содержащей исчерпывающую информацию о подтвержденных операциях, но и – одного из видов информационной технологии, сложноструктурированного и многозадачного механизма, благодаря которому возможно обеспечить надежное хранение и обрабатывание информации, базирующейся на принципах прозрачности и безопасности.

Исходя из вышесказанного блокчейн – система, формирующаяся криптографическими алгоритмами и направленная на создание последовательной «цепочки блоков», обеспечивающей хранение информации о произведенных транзакциях, неповторимом идентификаторе и «цифровом следе» предшествующего блока. Первоочередное значение рассматриваемой технологии обуславливается невозможностью изменения информации, поскольку при совершении каких-либо действий алгоритмы формируют новый блок, замыкающий организованную последовательность и содержащий сведения о времени и дальнейшем движении транзакции.

Рассматриваемая позиция находит свое частичное отражение в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон о ЦФА»), закрепляющего понятие распределенного реестра и определяющего его в виде «совокупности баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма)» [2]. Закон о ЦФА напрямую не указывает на возможность понимания технологии блокчейн в аспекте распределенного реестра. Тем не менее, алгоритмы, организующие процессы передачи информации выше-названных систем, позволяют говорить об относительной тождественности анализируемых понятий и желании законодателя упорядочить отношения, формирующиеся в процессе непрерывного развития информационного общества [3].

Многие исследователи анализируют понятие «технология блокчейн» посредством следующих подходов: упрощенный, базовый, буквальный, обобщенный, технический. Со стороны упрощенной позиции, блокчейн – огромная книга учета, доступная для записи и чтения каждому пользователю и размещенная на множестве компьютеров по всему миру [12]. Базовый подход опирается на понимание блокчейна через призму программного продукта, обеспечивающего безопасное и прозрачное хранение данных и предоставляющего возможность их обмена с помощью сети «Интернет» при отсутствии централизованного контроля [7, с. 15]. Буквальное толкование блокчейна сводится к последовательности блоков, содержащих различную информацию: от транзакций и контрактов до документов о собственности и произведений искусства [8, с. 55]. С точки зрения обобщенного подхода, блокчейн – технология, используемая в транзакционных приложениях и обеспечивающая доверие, ответственность и прозрачность

среди всех участников, благодаря алгоритму коллективного согласия и децентрализованной системе учета [5, с. 3]. Техническое определение блокчейна раскрывается в контексте организованной системы базы данных, созданной посредством сети «Интернет» и задействующей его неоспоримые преимущества: открытый протокол, возможности расчетов и шифрования, где последующая транзакция регистрируется в хронологическом порядке за предыдущей и исключает риски уничтожения и изменения уже созданной записи, вследствие чего такая система активна, построена на определенном порядке следования, распределена, может быть проверена и исключает любые возможности фальсификации благодаря особому режиму распределенного доверия (консенсуса) среди ее пользователей (узлов) [11, с. 56].

Резюмируя все вышесказанное, технология блокчейн – универсальный, общедоступный и децентрализованный репозиторий, организованный упорядоченной системой «цепочки блоков» и защищенный от изменения и удаления данных при помощи репликации совершенных действий в последующий блок и построения уникальных криптографических способов фиксации произведенных операций, ключевая функция которых выражается в удостоверении цифровых объектов и предоставлении вследствие этого надежной и достоверной информации, благодаря чему обеспечивается возможность автоматизации транзакций при отсутствии третьих лиц, достигается консенсус и доверие между пользователями и гарантируется подлинность и нотариация (запись и заверение фактов, маркируемых меткой, содержащей сведения о времени произошедшего события [14, с. 12]) данных.

Исходя из обозначенных позиций толкования понятия «технология блокчейн», можно сформулировать следующие принципы, на которых базируется рассматриваемая система. В первую очередь – распределенность информации между всеми пользователями. Затем – децентрализация и отсутствие посредничества. Немаловажным принципом является консенсус – факт совершения операции зависит от решения участников системы. И наиболее ключевым – невозможность изменения или уничтожения информации о совершенных операциях, в результате чего обеспечивается доверие среди пользователей и прозрачность осуществленных действий.

Таким образом, технология блокчейн находит свое применение в различных отраслях человеческой жизни и является одним из инструментов построения информационного общества. Сложность и многоаспектность рассматриваемых отношений не позволяют сформировать единого мнения относительно правовой природы блокчейна. Например, с точки зрения информационного права блокчейн – один из видов информационной технологии, посредством которой осуществляется сбор, обработка, хранение, передача какой-либо информации. Кроме того, блокчейн – информационная си-

стема [1] в форме реестра данных, включающая информационные технологии, позволяющие обрабатывать, формировать, хранить достоверную информацию, удостоверяющую интеллектуальные права и обязанности их обладателя, обеспечивая тем самым возможность реализации электронных расчетов и других действий, необходимых для поддержания такого рода отношений. Безопасность содержащихся данных обуславливается установленными математическими алгоритмами, маркирующими информацию эксклюзивным опознавательным знаком, отождествляющимся с конкретным пользователем. В контексте российского законодательства правовую природу блокчейна, по нашему мнению, необходимо рассматривать через термин «распределенный реестр», поскольку алгоритмы, организующие процессы передачи информации вышеназванных систем, позволяют говорить об относительной тождественности анализируемых понятий. Тем не менее, для урегулирования исследуемых отношений законодателю необходимо добиться правильного баланса, поскольку, с одной стороны, излишний нормативный контроль способен сдерживать формирование и распространение технологии блокчейн. С другой – его неполная регламентация создает определенный риск среди пользователей. Для понимания специфики рассматриваемых отношений и предпринятия дальнейших действий для их структурирования, предлагается закрепить в статье 2 Закона о ЦФА следующее понятие технологии блокчейн, полученное путем исследования упрощенного, базового, буквального, обобщенного и технического подходов: «Универсальный, общедоступный и децентрализованный репозиторий, организованный упорядоченной системой «цепочки блоков» и защищенный от изменения и удаления данных при помощи репликации совершенных действий и построения уникальных криптографических способов фиксации произведенных операций, ключевая функция которых выражается в удостоверении цифровых объектов и предоставлении вследствие этого надежной и достоверной информации».

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – 31 июля. – № 31. – Ст. 3448.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – 03 авг. – № 31. – Ст. 5018.
3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017

№ 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – 15 мая. – № 20. – Ст. 2901.

4. Абрамова М.А. Об итогах деятельности Банка России в 2015 году. / М.А. Абрамова, С.Е. Дубова, С.В. Криворучко, О.И. Лаврушин, И.В. Ларионова, В.В. Масленников, А.И. Милюков, Е.М. Свирина // Банковское право. 2016. № 4. С. 7–20.
5. Летфуллина К.М. Общие положения о блокчейн технологии и правовом регулировании ее применения в имущественном обороте // Право и Интернет. 2022. № 15. С. 1–28.
6. Минбалеев А.В. Правовая природа блокчейн / А.В. Минбалеев, Е.Г. Сафронов // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. 2018. № 2. С. 94–97.
7. Михеева И.Е. Альтернативный взгляд на правовое регулирование технологии блокчейн // Юрист. 2021. № 11. С. 13–18.
8. Пашенцев Д.А. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило. М.: Издательство Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.
9. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
10. Самигулина А.В. Банковская деятельность: проблемы имплементации международно-правовых принципов и основные направления дальнейшего развития // Право и экономика. 2016. № 12. С. 50–55.
11. Федотова В.В. Понятие блокчейн и возможности его использования / В.В. Федотова, Б.Г. Емельянов, Л.М. Типнер // European science. 2018. № 1. С. 55–64.
12. Правовые аспекты применения блокчейн технологии. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/legal/620048-pravovye-aspekty-primeneniya-blokchein-tehnologii> (дата обращения: 15.12.2024).
13. Haber S. How To Time-Stamp a Digital Document / S. Haber, W. Scott Stornetta // Journal of Cryptology. 1991. № 3. P. 99–111.
14. Leloup L. Blockchain: La revolution de la confiance. P.: Groupe Eyrolles, 2017. 376 p.

THE CONCEPT OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND ITS LEGAL NATURE

Krasouskaya P.D., Bighaliev Ya.G.

Novosibirsk National Research State University

The improvement of digital technologies is making the transformation of modern society, whose needs increase and change in the conditions of digitalization and information development. Crucial components of the relationship we consider include: data security, transparency and trust, digital accessibility, rational information management. The most powerful tool to effectively address the above-mentioned components is blockchain technology, which is characterized by openness and accessibility of transactions performed through this platform without the need for centralized management. Due to the wide use of blockchain in diverse industries: financial, health care, real estate, intellectual property and the formation of complex social relations, which are formed, for example, between e-wallet holders, persons providing the activity of cryptographic systems, the concept «technology blockchain» is considered from the point of view of its implementation in the specific sphere of human

life, taking into account the characteristics of developing relationships between people and the high rate of emergence of different kinds of innovative solutions in various fields.

Keywords: blockchain, transactions, blocks, algorithms, repository, replication.

References

1. On information, information technologies and protection of information: Federal Law of 27.07.2006 149-FZ (edit. of 23.11.2024) // Coll. of laws of the Rus. Federation. – 2006. – 31 July. – № 31. – Art. 3448.
2. On digital financial assets, digital currency and on the amendment of individual legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 259-FZ (edit. of 25.10.2024) // Coll. of laws of the Rus. Federation. – 2020. – 03 aug. – № 31. – Art. 5018.
3. On the Strategy for the Development of the Information Society in the 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation from 09.05.2017 № 203 // Coll. of laws of the Rus. Federation. – 2017. – 15 May. – № 20. – Art. 2901.
4. Abramova M.A. About the results of the activities of the Bank of Russia in 2015. / M.A. Abramova, S.E. Dubova, S.V. Krivoruchko, O.I. Lavrushin, I.V. Larionova, V.V. Maslennikov, A.I. Milyukov, E.M. Svirina // Banking law. 2016. № 4. P. 7–20.
5. Letfullina K.M. General regulations on technology blockchains and legal regulation of its application in property transactions // Law and the Internet. 2022. № 15. P. 1–28.
6. Minbaleev A.V. Legal nature of the blockchain / A.V. Minbaleev, E.G. Safronov // News of UUrGU. Law series. 2018. № 2. P. 94–97.
7. Mikheeva I.E. Alternative view on legal regulation of blockchain technology // Lawyer. 2021. № 11. P. 13–18.
8. Pashentsev D.A. Gaps in the law under digitalization: a collection of scientific works / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. M.: Publishing house Infotropik Media, 2022. 472 p.
9. Savelev A.I. Contract law 2.0: «smart» contracts as the beginning of the end of classical contract law // The Civil Law herald. 2016. № 3. P. 32–60.
10. Samigulinah A.V. Banking: problems of implementation of international legal principles and main directions of future development // Law and economy. 2016. № 12. P. 50–55.
11. Fedotova V.V. Concept of blockchain and its possibilities of use / V.V. Fedotova, B.G. Emelyanov, L.M. Tipner // European science. 2018. № 1. P. 55–64.
12. Legal aspects of the application of blockchain technology. [Electronic resource] URL: <https://vc.ru/legal/620048-pravovyye-aspekty-primeneniya-blokchein-tehnologii> (accessed: 15.12.2024).
13. Haber S. How To Time-Stamp a Digital Document / S. Haber, W. Scott Stornetta // Journal of Cryptology. 1991. № 3. P. 99–111.
14. Leloup L. Blockchain: La revolution de la confiance. P.: Groupe Eyrolles, 2017. 376 p.

О правовом статусе Обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации

Малахо Ярослав Олегович,

аспирант УВО «Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: ya.alex-laz@yandex.ru

В статье рассматриваются основные аспекты правового статуса обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации, выделяя причины их популярности среди предпринимателей. Основное внимание уделяется простоте регистрации, конкретности и обширности правового регулирования, а также гибкости этой организационно-правовой формы. Анализируются такие ключевые элементы юридического лица, как уставный капитал, права и обязанности участников, органы управления, порядок проведения общего собрания, принятие решений, а также вопросы реорганизации и ликвидации обществ. Подчеркивается, что даже в случае наличия лишь одного участника, общество с ограниченной ответственностью сохраняет свою юридическую стабильность и структуру. Ограниченная ответственность участников делает эту организационную форму особенно привлекательной для представителей малого и среднего бизнеса. Законодательство, представленное Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», обеспечивает четкость и предсказуемость функционирования обществ с ограниченной ответственностью, что способствует их широкому распространению и востребованности среди предпринимателей.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал, регистрация, участники, форма предпринимательства, органы управления, ликвидация общества, реорганизация общества, ответственность участников. юридическая структура ООО.

Говоря о правовом статусе Общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) необходимо задаться вопросом в чем же преимущество и удобство такой формы предпринимательства для бизнесменов в Российской Федерации? Ответить на этот вопрос довольно просто: на сегодняшний день общества с ограниченной ответственностью (наравне с индивидуальным предпринимательством) являются самой популярной [9, с. 23] и широко распространённой формой ведения предпринимательской деятельности.

Что же является причиной этой популярности? Исходя из анализа действующего законодательства Российской Федерации, мы можем сделать вывод, что причина кроется в простоте регистрации и обширности и конкретности правового регулирования. Учредить общество может один гражданин, а правовые нормы охватывают все этапы: от учреждения до ликвидации.

Основу правового регулирования создания, функционирования и ликвидации обществ с ограниченной ответственностью в России в настоящее время составляют два ключевых нормативных акта – Гражданский кодекс Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) и Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] (далее – Закон об ООО). Эти документы охватывают все возможные аспекты деятельности данного типа хозяйственных обществ. Под «все» подразумеваются те элементы, необходимость которых возникла в рамках различных общественных отношений, в которых участвуют общества с ограниченной ответственностью, и которые законодатель смог учесть на данный момент.

К ключевым аспектам регламентирования деятельности обществ следует отнести: создание (порядок учреждения, фирменное наименование, учредительные документы), (органы управления общества, порядок проведения общего собрания участников, утверждение решений, уставной капитал и т.д.) и реорганизацией и ликвидацией обществ. Как известно из теории общественно-правового статуса общества является динамической структурой [7, с. 52] и находится в постоянном развитии.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что данный список отношений может пополниться новыми элементами. Тем не менее и существующий список отношений выходит обширным.

Исследование правового статуса обществ с ограниченной ответственностью следует начать с ясного определения данного типа хозяйственных структур. Гражданский кодекс Российской Феде-

рации и Закон об обществах с ограниченной ответственностью устанавливают правовое понятие данной формы бизнеса. На основании этих норм можно уверенно утверждать, что общество с ограниченной ответственностью представляет собой организацию с юридическим статусом, обладающую отдельным имуществом, которое делится между участниками пропорционально их взносам в уставной капитал. Это юридическое лицо осуществляет предпринимательскую деятельность от своего имени и несет ответственность по обязательствам всем своим имуществом, находящимся в его собственности. Закон об ООО предусматривает дополнительные требования к учредителям и участникам общества с ограниченной ответственностью.

В случае необходимости создания ООО, необходимо иметь не только достаточных экономических ресурсов для деятельности ООО, но и надлежащим образом подготовить и оформить учредительные документы. Именно эти документы являются внешней формой проявления «воли» учредителя для создания ООО. Ключевым в составе учредительных документов Общества выступает Устав [10, с. 8]. В данном документе предусматриваются все существенные условия, на основе которых общество функционирует и осуществляет цели, ради достижения которых его [общество] учреждали, как-то: наименование, сведения об уставном капитале, месте нахождения общества, об органах управления, о порядке принятия решений органами, правах и обязанностях участников, о возможности выхода из состава участников, о распределении долей при выходе одного или нескольких участников (ст. 12 Закона об ООО). И список этот неисчерпывающий, предполагается, что учредители (или учредитель) могут включить в устав любые условия, если они не противоречат законодательству Российской Федерации.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации следует, что ООО представляет собой коммерческую организацию, которой свойственны все характеристики юридического лица. Основным направлением деятельности организации – извлечение прибыли [5, с. 190]. Таким образом, ООО вправе вести свою деятельность разной направленности, главное условие при этом соответствие целям, предусмотренным в их уставе, и, если они не запрещены федеральными законами. Кроме того, в случае если деятельность общества попадает под действие Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3], т.е. если на её осуществление необходима лицензия, то общества могут заниматься такой деятельностью, при наличии соответствующей лицензии (абз. 3 п. 2 ст. 2 Закона об ООО).

Для того, чтобы осуществлять деятельность недостаточно одного лишь создать, зарегистрировать ООО, необходимо также верно распределить права и обязанности участников Общества, завершить формирование правосубъектности организации [5, с. 105]. Закон об ООО (абз. 2 п. 2 ст. 2) гово-

рит, что «общество может иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности...». Из этого мы можем заключить, что права и обязанности присущи и юридическим лицам (коими являются общества с ограниченной ответственностью), а не только гражданам и иным физическим лицам.

Для чего же обществу права и обязанности? Вступая в гражданские правоотношения их субъекты должны быть уверены, что их имущественные и неимущественные интересы будут соблюдены. Для этого они наделяются правом требовать от своего контрагента совершения определённых действий (или не совершения (т.е. бездействия), если это соответствует целям сторон) и обязанностью совершить (или не совершить) какое-либо ответное действие. В этом суть обязательств (ст. 307 ГК РФ). Т.к. общества с ограниченной ответственностью являются полноценными участниками гражданского оборота, то и они наделяются соответствующими правами и обязанностями в отношениях с гражданами и между собой.

Также для участия в гражданских правоотношениях обществу необходимо имущество. Обособленное имущество выделяется ГК РФ как одно из характерных черт юридических лиц.

Понятие обособленного имущества общества, является фундаментальным принципом функционирования юридических лиц, будь то акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью или другие организационно-правовые формы юридического лица. Обособленное имущество общества – это совокупность активов, принадлежащих обществу на праве собственности и находящихся в его распоряжении. Эта совокупность охватывает широкий спектр материальных и нематериальных ценностей: Движимое имущество – транспортные средства, оборудование, товары, запасы сырья, инструменты и многое другое. Все то, что может быть перемещено без ущерба для своей сущности; недвижимое имущество: – здания, сооружения, земельные участки, помещения, а также права на них (например, сервитуты). Их основное отличие – неперемещаемость. Отдельная группа имущества – Денежные средства: наличные деньги в кассе, средства на банковских счетах, инвестиции. Важнейший элемент операционной деятельности любого общества. * Имущественные права: патенты, лицензии, торговые марки, авторские права, права требования (дебиторская задолженность), доли в других компаниях. Эти нематериальные активы могут приносить не меньшую прибыль, чем материальные.

Источник прибыли: эффективное использование имущества общества – основа его прибыльности. Однако, важно понимать, что обособленность имущества не абсолютна. В случае банкротства общества, его имущество может быть реализовано для удовлетворения требований кредиторов. Это еще раз подчеркивает важность ответственного управления имуществом и соблюдения всех юридических формальностей. Таким образом, можно

сказать, что понятие обособленного имущества является краеугольным камнем в системе гражданского права. Его четкое понимание и грамотное использование – залог успешного ведения бизнеса и обеспечения стабильности взаимоотношений между хозяйствующими субъектами. Игнорирование принципа обособленности имущества может привести к серьезным юридическим и финансовым последствиям.

Безотносительно всего вышесказанного есть ещё один важный элемент правового статуса обществ с ограниченной ответственностью – наименование. Наименование – не исключительный элемент, присущий лишь только хозяйственным обществам. Оно представляет собой идентификатор сторон гражданского правоотношения. Именно наименование позволяет контрагентам выделиться из общей массы всех возможных субъектов (физических и юридических лиц, государства и муниципальных органов) и найти соответствующую вторую сторону.

Гражданский кодекс Российской Федерации (статья 54) устанавливает, что юридическое лицо должно иметь название, которое включает указание на его организационно-правовую форму. Закон о обществах с ограниченной ответственностью включает специальные правила, регулирующие требования к наименованию таких обществ (статья 4). В частности, закон обязывает общество иметь полное наименование, однако оно также вправе использовать сокращённое название. В целях соблюдения принципов федерализма, поддержки разнообразия языков народов России и содействия свободе предпринимательства законодатель предусмотрел возможность использования названия общества на языках народов Российской Федерации или на иностранных языках.

По общему правилу: общество несет ответственность лишь за свои обязательства всем своим имуществом и не отвечает по долгам учредителей, участников Общества. Контур и размер ответственности участников, как отмечалось выше, по общему правилу, соразмерна доли каждого участника общества в отдельности, но данное правило имеет множество исключений. Законодатель, для недопущения злоупотребления правом учредителями и участниками обществ ужесточил механизм привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих деятельность юридического лица. На практике резко сократилось количество участников, которые своими решениями намеренно приводили ООО в процедуру банкротства.

Многие отечественные ученые – правоведы считают, что в ситуации, при которой участник общества является единоличным, то уставной капитал Общества не имеет долей [4, с. 2]. Отсюда вопрос: можно ли считать такое общество обществом? Мы склонны не согласиться с данным утверждением.

Отечественный законодатель в п. 2 ст. 88 ГК РФ прямо закрепляет возможность создания ООО одним лицом, как физическим, так и юридическим.

Как было отмечено ранее, при создании общества единоличный участник владеет 100% долей в уставном капитале общества.

Общества с ограниченной ответственностью играют важную роль в современном российском обществе и масштабнее – в экономике России, будучи одной из самых популярных форм предпринимательства [8, с. 176].

При этом во время осуществления деятельности ООО рекомендуются заранее, вместе с подготовкой к регистрации в ЕГРЮЛ разработать долгосрочную стратегию, включающую анализ всех возможных налоговых льгот и вычетов, доступных для конкретного сектора деятельности. Это может включать в себя налоговые каникулы, субсидии на инвестиции в определённые направления и прочие меры государственной поддержки, которые позволяют снизить общую налоговую нагрузку.

Также важно подходить к вопросам налогового бремени с учётом рисков и возможных изменений в законодательстве. Производя анализ и корректировку своей финансовой стратегии, компании могут не только избежать штрафов за налоговые нарушения, но и значительно оптимизировать свои финансовые результаты. Это требует системного подхода и постоянного мониторинга как рыночной ситуации, так и законодательства.

Кроме обязательных налогов, ООО также может столкнуться с различными сборами и платежами, связанными с экологическим, социальным и другим законодательством, что требует внимательного рассмотрения всех аспектов деятельности компании.

Отечественный законодатель тщательно регламентировал деятельность ООО, начиная от регистрации, активной деятельности до завершения функционирования – ликвидации юридического лица. законодательство, представленное [6]. При этом следует отметить, что при всей регламентированности деятельности ООО, законодатель использует публично-диспозитивный метод регулирования правоотношений при ведении предпринимательской деятельности ООО. Данный подход оставляет для предпринимателей в определенной степени самостоятельность при ведении бизнеса, что позволяет наиболее эффективно извлекать прибыль из осуществляемой деятельности. Таким образом, ООО является самой популярной формой юридического лица среди субъектов малого и среднего предпринимательства.

Говоря об участниках ООО необходимо затронуть систему управления обществом. Многие отечественные ученые-правоведы рассматривают юридическое лицо – ООО, в частности, как «фикцию» воля которого основана на решении одного или нескольких лиц, в том числе юридических, но в конечном счете выражается в деятельности участника – учредителя ООО, его «воле».

Как отмечалось выше, помимо воли участника юридического лица необходимо, четко регламентировать деятельность ООО в целом. Данная регламентация деятельности ООО в том числе вы-

работывает эффективный метод управления обществом. Такое регулирование, практически полностью, исключает возникновение правовых пробелов и коллизий в законодательстве. Ведение предпринимательской деятельности путем создания ООО поощряется ФНС. Предприниматели, которые выбрали эту организационно-правовую форму юридического лица, могут использовать доступные льготные сроки для уплаты налогов и сборов, а также воспользоваться мораторием на проведение проверок.

В заключение можно отметить, что общества с ограниченной ответственностью, благодаря своим преимуществам и надежной правовой базе, продолжают быть предпочтительной формой ведения бизнеса в России. Оно сочетает в себе гибкость, защищенность и эффективность, что способствует его популярности и широкому распространению среди предпринимателей.

Это делает ООО универсальной организационно-правовой формой, подходящей для широкого спектра деятельности – от небольших торговых предприятий до крупных производственных компаний. Правовой статус ООО четко определен в российском законодательстве (Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Это обеспечивает понятные правила игры для общества, государственных органов и других участников хозяйственного оборота. Однако, современные экономические реалии требуют постоянной адаптации законодательства к новым вызовам. Для повышения эффективности деятельности ООО и привлечения инвестиций, необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования. В частности, законодательство необходимо проработать вопросы сокращения бюрократических барьеров и экономии времени, необходимого для создания и закрытия ООО, способствует развитию предпринимательства.

Переход на электронный документооборот, использование цифровых платформ для взаимодействия с налоговыми органами и другими государственными структурами упростит и ускорит ведение бизнеса.

Согласование российского законодательства о ООО с международными нормами повысит привлекательность России для иностранных инвестиций.

Правовой статус ООО в Российской Федерации играет ключевую роль в развитии малого и среднего бизнеса. Ограниченная ответственность, гибкость управления и четкое законодательное регулирование создают благоприятные условия для предпринимательской деятельности. Однако, для дальнейшего развития необходимо постоянное совершенствование законодательства и адаптация к современным экономическим и правовым реалиям.

Улучшение корпоративного управления, упрощение процедур и цифровизация взаимодействия с государством – это лишь некоторые из шагов, которые необходимы для повышения эффективности

деятельности ООО и укрепления позиций России как привлекательного места для ведения бизнеса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 12. – Ст. 1572.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785; 2023. – № 25. – Ст. 4438.
3. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716; 2024. – № 1 (часть I). – Ст. 56.
4. Гармончиков А.В., Дулатов М.Р. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Достижения науки и образования. – 2022. – № 3 (83). – С. 1–2.
5. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023. – 624 с.
6. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913 (дата обращения: 22.06.2024).
7. Обществознание: учебник для вузов / Б.И. Липский [и др.]; под редакцией Б.И. Федорова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 346 с.
8. Павлова М.Д. Общество с ограниченной ответственностью: основные признаки, преимущества и недостатки // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 9 (91). – С. 176–179.
9. Шахнов Д.Д. Проблемы правового статуса общества с ограниченной ответственностью // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2019. – № 27. – С. 23–25.
10. Юрочкин М.А. Теоретико-правовая характеристика общества с ограниченной ответственностью в системе юридических лиц Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8–2. – С. 1–8.

ON THE LEGAL STATUS OF LIMITED LIABILITY COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Malakho Y.O.
TISBI University of Management

The article explores the main aspects of the legal status of limited liability companies (LLCs) in the Russian Federation, focusing on the reasons for their popularity among entrepreneurs. Special attention is given to the ease of registration, the clarity and breadth of legal regulation, as well as the flexibility of this organizational and legal structure. Key components of a legal entity, such as charter capital, the rights and duties of participants, management bodies, the procedure for holding general meetings, decision-making processes, and issues related to reorganization and liquidation of companies, are analyzed. It is highlighted that even with a sole participant, an LLC maintains its legal integrity and structure. The limited liability of participants makes this business form especially attractive to small and medium-sized enterprises. The legal framework, represented by the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Limited Liability Companies» ensures the transparency and predictability of LLC operations, which contributes to their widespread adoption and popularity among entrepreneurs.

Keywords: limited liability company, charter capital, registration, participants, entrepreneurship form, Organizational and legal structure flexibility, liability, Management bodies, Company formation, Liquidation and bankruptcy, LLC legal structure.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301; 2024. – No. 12. – Art. 1572.
2. Federal Law dated February 8, 1998, No. 14-FZ (as amended on June 13, 2023) «On Limited Liability Companies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 7. – Art. 785; 2023. – No. 25. – Art. 4438.
3. Federal Law dated May 4, 2011, No. 99-FZ (as amended on December 25, 2023) «On Licensing Certain Types of Activities» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 19. – Art. 2716; 2024. – No. 1 (Part I). – Art. 56.
4. Garmonshchikov A.V., Dulatov M.R. General Characteristics of the Rights and Obligations of Participants in a Limited Liability Company // *Advances in Science and Education*. – 2022. – No.3 (83). – pp. 1–2.
5. Civil Law: Textbook in 4 Volumes. Volume 1: General Part / Edited by Dr. Of Juridical Sciences, Professor E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Statut, 2023. – 624 p.
6. Constitutional and Legal Protection of Entrepreneurship: Current Aspects (Based on Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2018–2020) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2020) [Electronic Resource] // Consultant-Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913 (accessed: June 22, 2024).
7. Social Studies: Textbook for Universities / B.I. Lipsky [et al.]; edited by B.I. Fedorov. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 346 p.
8. Pavlova M.D. Limited Liability Company: Main Features, Advantages, and Disadvantages // *Economics and Business: Theory and Practice*. – 2022. – No. 9 (91). – pp. 176–179.
9. Shakhnov D.D. Problems of the Legal Status of Limited Liability Companies // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2019. – No. 27. – pp. 23–25.
10. Yurochkin M.A. Theoretical and Legal Characteristics of a Limited Liability Company in the System of Legal Entities of the Russian Federation // *Current Issues of Humanities and Natural Sciences*. – 2015. – No. 8–2. – pp. 1–8.

Малов Никита Михайлович,

аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

В статье освещены проблемы нравственности, возникающие при цифровизации экономических отношений. Современные условия торговли, сводящие межличностное общение к минимуму путем введения дистанционных способов купли-продажи, стремительно вытесняют традиционные формы получения товаров и услуг, способствуют расслоению общества по критерию владения необходимыми навыками обращения с компьютерной техникой. При этом возрастают ценность и уязвимость персональных данных миллионов участвующих в этих процессах лиц, большинство которых вследствие юридической неграмотности практически беззащитны перед нарушителями. Нормы, устанавливающие юридическую ответственность в сфере неправомерного использования персональных данных, не выполняют воспитательную и превентивную функции: наказание не соответствует последствиям для потерпевшей стороны и не останавливает иных лиц от совершения схожих правонарушений. Само регулирование новых экономических процессов далеко не всегда успевает за стремительным развитием электронных торговых площадок, вынуждая законодателя напрямую заимствовать иностранное регулирование, несущее угрозу традиционным ценностям России.

Ключевые слова: цифровизация, нравственность, проблемы этики, экономические отношения, персональные данные.

Современное общество все больше использует технологии для совершения сделок. Однако цифровизация способна представлять большую опасность для лиц, не осознающих важности отдельных ее аспектов, поскольку цифровые технологии способны не только облегчить жизнь общества, но и привести к социальной катастрофе. Процесс цифровизации экономики, поддерживаемый государством и воспринимаемый гражданами, в настоящее время практически невозможно остановить. Однако это не означает, что регулирование новых экономических отношений следует отдать в так называемые «руки рынка», полностью исключив вмешательство государства.

В связи с усилением влияния информационных технологий наибольший интерес представляет проблема, связанная с все более возрастающим значением этики как науки о морали [1] в условиях цифровизации экономических процессов. Многие исследователи отмечают, что «чрезмерная актуальность гражданской этической проблемы тотального контроля среди обеих возрастных групп российского населения объясняется тем, что уровень развития дигитализации в России достиг черты, когда происходит нарушение главного права, гарантируемого Конституцией РФ, – права на личную жизнь. Информация о человеке отслеживается на основе собранных ранее данных с помощью видеокамер, датчиков, GPS навигаторов, определителей, социальных сетей. Молодежь и старшее поколение осознают, что опасность таится в опережении цифровыми технологиями законодательных изменений в стране» [2]. При таком опережении существует опасность проникновения в право и законодательство страны иностранных элементов. Такой путь развития может показаться привлекательным, особенно при отставании отечественной промышленности. Прямое заимствование иностранного регулирования общественных отношений, несмотря на дешевизну и быстроту такого нововведения (связанных с отсутствием необходимости разрабатывать собственное законодательство и претворять новые нормы в общественные отношения), может являться оптимальным решением только в краткосрочной перспективе. Негативные последствия прямого заимствования иностранного регулирования в области цифровизации описывают Афанасенко И.Д., Борисова В.В. Они считают происходящие процессы цифровизации в России навязыванием американской модели, «в которой общество сведено до положения элемента в рыночной системе. В российской модели на переднем плане традиционно находится человек, и систему подстраивают под человека. В американ-

ской же модели на переднем плане система; человек должен подстроиться под систему. Люди, которые не смогли адаптироваться к рыночной модели, обречены на вымирание. В американской модели рынка главное – получение прибыли. Ещё на начальной стадии зарождения буржуа, под прикрытием пуританской этики был снят нравственный запрет на обогащение любыми способами. Американцы «усовершенствовали» эту модель: нравственные ценности – честь, достоинство, совесть, порядочность получили денежную оценку. В Русском мире нравственный запрет на обогащение незаконными способами сохранился. Здесь сложился тип рационального хозяйствования без ставки на стяжательство и наживу. Цифровая модернизация накладывается на разное по своей сущности нравственное пространство и не может иметь однозначное воплощение» [3]. Для того, чтобы избежать масштабных нарушений прав граждан, ведущих к диктатуре/нестабильности, предлагается в первую очередь обратить внимание на существующие регуляторы общественных отношений в цифровой сфере. Здесь необходимо обратиться к воспитательной функции правовых норм, исполнение которых, в отличие от морали, обеспечивается государством. Для этого автором проанализирована текущая юридическая ответственность в сфере защиты персональных данных и предложены возможные пути решения проблем в разных отраслях права. Что касается нравственности и морали, восприятие положений морали как социального регулятора должно происходить до того, как лицо становится полностью дееспособным. Процесс воспитания должен быть распределен между представителями обучающегося и учебными заведениями, чтобы сформировать личность, способную ориентироваться в новых экономических реалиях. Повышение квалификации текущего поколения государственных служащих необходимо обеспечивать на всех уровнях существующей системы, чтобы максимально избегать дальнейшего формирования негативного отношения граждан к государству и его представителям.

Итак, проблема нравственности в условиях цифровизации неразрывно связана с проблемами, возникающими при применении юридической ответственности субъектов правоотношений, связанных с цифровизацией. Помимо того, что необходимо скорейшее регулирование возникающих отношений, вполне возможно, что в текущих условиях многие существующие положения законов нуждаются в пересмотре. Проявления этой проблемы существуют в различных сферах отношений в обществе. Рассмотрим некоторые из них.

1. Сфера защиты персональных данных. В указанной сфере общественных отношений появляются и развиваются негативные тенденции к обесцениванию конфиденциальности личности. Наиболее ярко это проявляется в экономических отношениях. Избыточный сбор персональных данных, особенно при торговле в онлайн-магазинах, нередко вынуждает пользователя вводить лишние данные

(например, адрес) для регистрации в магазине, где присутствует возможность самовывоза. При этом необоснованный сбор персональных данных был запрещен лишь в мае 2022 г. В то же время с развитием информационных технологий и отсутствием продвижений в борьбе с массовыми утечками (рост на 60% в 2023 г. [4]) возникновение потенциально значительных последствий любых утечек персональных данных, хищений баз данных или взлома конкретного лица, становится все более вероятным.

2. Отношение общества к цифровизации. Отсутствие контроля над процессами рождает отсутствие доверия участников отношений в системе. Цифровизация экономики неизбежно вводится с широким использованием программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ), компьютерной техники, при этом алгоритмы работы в виртуальной среде понятны узкому кругу лиц, являющихся специалистами в сфере программирования. Большая часть пользователей не способна моментально распознать и пресечь нарушение своих прав вмешательством третьих лиц в отношении продавца и покупателя. Разница компетенций между специалистами и иными пользователями – лишь один из примеров, ведущих к дискриминации отдельных социальных групп при тотальной цифровизации общества. Регулирование любых общественных отношений будет являться справедливым, пока законом в равной степени защищаются права и законные интересы всех субъектов. Невозможность освоения информационных технологий вследствие возраста, инвалидности и т.п. при отсутствии альтернативы в виде отличных от цифровых способов получения необходимых товаров и услуг способствует расслоению общества, формирует негативное отношение к государству как у вышеуказанных лиц, так и у членов их семей. Все это происходит на фоне дегуманизации общественных отношений. Обезличивание сторон в электронной сфере обеспечивается путем создания цифровых аватаров/аккаунтов, которые в новой виртуальной реальности часто становятся важнее лиц, как таковых.

3. Сфера законодательного регулирования новых отношений. В области ответственности перед законом санкции за нарушения в области защиты персональных данных, частной жизни лиц и компьютерной информации не соответствуют потенциальным последствиям. Так, ответственность по ч. 7 ст. 14.8. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) за необоснованное понуждение потребителей к предоставлению персональных данных влечет наложение административного штрафа на должностных лиц – в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей, а на юридических лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, что, по мнению автора, не способствует эффективности превентивной функции наказания. Само процессуальное законодательство не всегда способно обеспечить надлежащее доказывание нарушения прав потерпевших

в цифровой сфере, из-за чего заинтересованным лицам не удается добиться адекватной реакции государства на совершение правонарушения. Это связано с тем, что кодификация гражданского права, развитие связанных отраслей (антимонопольное законодательство), как и изменения в процессуальном законодательстве, облегчающие доступ к правосудию, не осуществляются вовремя. Новые механизмы, технологии, площадки для торговли, что заимствуются из-за рубежа, не получают своевременного законодательного регулирования вследствие либерализации экономических отношений и недостатка времени на тщательную проработку законодательства в постоянно меняющихся условиях.

Среди причин возникновения вышеуказанной проблемы можно выделить следующие.

1. Низкая компетенция участников правоотношений в цифровой сфере.

2. Неграмотность (в юридической сфере) населения, недостаточная правовая культура при появлении новых отношений, требующих регулирования.

3. Отставание философии от стремительно развивающейся действительности, при этом новые отношения существуют и продолжают развиваться, а осмысление природы происходящего, как и ориентир в виде государственной идеологии (что не может быть выражена в РФ) отсутствуют.

4. Падение значения морали и нравственности. При конкуренции с правом (а точнее – с законом), очевидно, что именно нормы права, выраженные в законах, имеют большее значение для субъектов межличностных отношений. Однако стремление урегулировать всю жизнь человека порождает избыточность юридических норм (превращающихся в неправовые по существу), что является отходом от этики и нравственности. Чтобы избежать создания в будущем «цифровых концлагерей» с тотальным контролем личности при помощи цифровых технологий (например, принудительное чипирование населения для возможности пользования электронной валютой – единственным безальтернативным средством платежа), обществу необходимо сохранять нравственные ориентиры, препятствующие принятию подобных норм.

Одним из вариантов решения описанной проблемы является повышение воспитательного эффекта норм, регулирующих ответственность за нарушения в сфере персональных данных. В сфере уголовной ответственности автором предлагается переработать ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), регулиющую охрану частной жизни лица [5]. Представляется возможным выделить в отдельную часть незаконные обработку и распространение персональных данных, если в результате совершения преступления был причинен крупный ущерб (по аналогии со ст. 272 УК РФ установить, что крупным признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей). При использовании компьютера, совершении незаконных действий с компьютерной информацией

предлагается по отношению к подсудимым использовать совокупность преступлений ст. 137 и ст. 272 УК РФ. Санкции, по мнению автора, нуждаются в пересмотре в сторону ужесточения, однако смена категории преступления представляется на данный момент слишком революционным шагом. Возможно, введение в санкции указанных норм максимального размера штрафа, предусмотренного Общей частью УК РФ, способно оказать больший воспитательный эффект на правонарушителей, чем длительные сроки заключения. Наступление неблагоприятных финансовых последствий служит также хорошей превентивной мерой для воздействия на потенциальных правонарушителей.

Что касается административной ответственности, ужесточение наказания в ст. 13.11 КоАП РФ представляется нецелесообразным как по причине необходимости масштабной переработки всего Кодекса, а не его отдельных положений, так и вследствие отсутствия общественной опасности деяний, не образующих состав преступления. Одной из потенциальных новелл в этой отрасли (например, в качестве ст. 13.11.4) может стать установление штрафов за доказанную передачу лицом своей электронной цифровой подписи (ЭЦП) другому лицу. Наказание за передачу ЭЦП возможно установить аналогичным ч. 2, 2.1 ст. 13.11 КоАП РФ – административный штраф на граждан в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей, на должностных лиц – от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, на юридических лиц – от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей с увеличением в случае повторного совершения правонарушения [6].

Другим вариантом решения проблемы в долгосрочной перспективе является своевременное выполнение стратегических программ, на годы вперед определяющих основы развития государства в различных направлениях. В России внимание к развитию цифровой экономики стало возрастать «после принятия новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [7, 36]. Данная стратегия была утверждена Указом Президента В.В. Путина в мае 2017 г. [8]. Рассмотрим основные принципы данной Стратегии.

Обеспечение прав граждан на доступ к информации. В рамках равноправия доступ к информационным технологиям отдельных категорий лиц не может признаваться законным. За исключением сведений, составляющих государственную, личную или иную охраняемую законом тайну, любая информация и технологии ее обработки должны оставаться доступными населению. С указанным принципом тесно связан принцип обеспечения свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией.

Сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг. Один из важнейших принципов Стратегии при реализации способен предотвратить критическое расслоение общества по критерию бедности, позволяющий абсолютному мень-

шинству обеспеченных лиц диктовать обществу условия жизни, существующие сегодня во мнениях скептиков цифровизации и авторов литературных антиутопий. Сочетании с принципом приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдения основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий введение «цифрового рабства» не представляется возможным.

Обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях. Данный принцип реализуется законодателем, в том числе и установлением ответственности за избыточный сбор данных. Проблема заключается в том, что до урегулирования новых экономических отношений, особенно при использовании глобальных или зарубежных торговых площадок взаимодействие участников дистанционной торговли происходит на основании положений, которые не всегда соответствуют принципам национального права, и полученный опыт такого взаимодействия не всегда является образцовым.

Обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере. Реализация указанного принципа возможна не только при регулировании непосредственно взаимодействия участников цифровых экономических отношений между собой, но и в сфере юридической ответственности путем повышения эффективности применяемых к правонарушителям мер и совершенствования способов выявления и пресечения нарушений.

Необходимы сохранение и закрепление указанных принципов во всех законах, посвященных регулированию цифровых отношений, поскольку подобные ориентиры препятствуют прямому заимствованию иностранных моделей развития общественных отношений и способствуют сохранению традиционных ценностей (и национального самосознания) даже при введении новых способов взаимодействия между лицами. Тем не менее, вопрос кодификации «цифровых» отношений или создания группы актов регулирующих их, в настоящее время, по мнению автора, бесперспективен, поскольку полный и своевременный охват всех новых отношений нереален. Вместо этого необходимы программы массового повышения цифровой грамотности, где приоритетной будет являться работа с госслужащими и обучающимися. В образовательных организациях больше времени, входящего в учебный процесс, следует уделять общественности, информатике и ИКТ, финансовой грамотности, также необходимо повышать квалификацию госслужащих, которые иногда не знают о том, что своими действиями нарушают законодательство РФ (что подтверждается курьезными случаями судебной практики [9]). При регулировании трудовых отношений необходимо обязать работодателя проводить для работников курсы повышения квалификации, связанные с деятельностью в цифровой

сфере, при этом иметь возможность контроля действительного усвоения полученной работниками информации.

Таким образом, дальнейшее углубление цифровизации общественных отношений по иностранному образцу, по мнению автора, неизбежно вступит в дальнейшем в конфликт с нормами морали и нравственности, формирующими в настоящее время традиционные ценности, признаваемые в России. Противодействие этому нужно обеспечивать активным просвещением населения в областях права и информатизации, чтобы граждане могли активно защищать свои права в стремительно меняющихся условиях. Глубокий кризис в отношениях с западными странами, что признаны недружественными по отношению к России, способствует активному формированию уникальной модели цифрового развития общественной жизни, учитывающей специфику ценностей населения определенной территории, а не глобалистские представления о развитии мира.

Литература

1. Определение этики, «Философский энциклопедический словарь» [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1436/%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 28.11.2023).
2. Борисова А.А., Бабаева А.В., Хуторная М.Л. Цифровизация в России: этические проблемы // МНИЖ. 2021. № 8–4 (110).
3. Афанасенко Иван Дмитриевич, Борисова Вера Викторовна. Цифровая экономика и социально-этические ценности // Известия СПбГЭУ. 2018. № 5 (113).
4. РБК: Аналитики оценили рост утечек персональных данных в России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/society/11/03/2024/65ec41e89a7947dc41bd43f9?from=from_main_8 (дата обращения: 18.02.2024).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4234a27af714c-c608ea71b7bae9400f3613c8f60/?ysclid=lwoxbxl-4cf745654736 (дата обращения: 25.02.2024).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f421640c6775ff67079ebde06a7d-2f6d17b96db/?ysclid=lwoxad3mwx689438462 (дата обращения: 25.02.2024).
7. Сычев А.А., Зайцева Е.В., Толкачев П.С. Нравственно-этические аспекты цифровой экономики // Вестник университета. 2020. № 1.
8. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного об-

щества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»

9. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 16–6746/20 от 19.11.2020.

MORALITY IN THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: KEY ISSUES

Malov N.M.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article highlights the problems of morality arising from the digitalization of economic relations. Modern trading conditions, which reduce interpersonal communication to a minimum by introducing remote methods of purchase and sale, are rapidly replacing traditional forms of obtaining goods and services, and contribute to the stratification of society according to the criterion of possessing the necessary skills in handling computer equipment. At the same time, the value and vulnerability of the personal data of millions of persons involved in these processes are increasing, most of whom, due to legal illiteracy, are practically defenseless against violators. The norms establishing legal liability in the field of misuse of personal data do not perform educational and preventive functions: punishment does not correspond to the consequences for the injured party and does not stop other persons from committing similar offenses. The regulation of new economic processes itself does not always keep pace with the rapid development of electronic trading platforms, forcing the legislator to directly borrow foreign regulation that threatens traditional values of Russia.

Keywords: digitalization, morality, ethical issues, economic relations, personal data.

References

1. Definition of ethics, “Philosophical Encyclopedic Dictionary” [Electronic resource]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1436/%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (access date: 11/28/2023).
2. Borisova A.A., Babaeva A.V., Khutornaya M.L. Digitalization in Russia: ethical issues // MNIZH. 2021. No. 8–4 (110).
3. Afanasenko Ivan Dmitrievich, Borisova Vera Viktorovna. Digital economy and social and ethical values // News of St. Petersburg State Economic University. 2018. No. 5 (113).
4. RBC: Analysts have assessed the growth of personal data leaks in Russia [Electronic resource]. – URL: https://www.rbc.ru/society/11/03/2024/65ec41e89a7947dc41bd43f9?from=from_main_8 (date of access: 02/18/2024).
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4234a27af714cc608ea71b7bae9400f3613c8f60/?ysclid=lwoxbxl4cf745654736 (date of access: 25.02.2024).
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 No. 195-FZ [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f421640c6775ff67079ebde06a7d2f6d17b96db/?ysclid=lwoxad3mwx689438462 (date of access: 02/25/2024).
7. Sychev A.A., Zaitseva E.V., Tolkachev P.S. Moral and ethical aspects of the digital economy // University Bulletin. 2020. No. 1.
8. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”.
9. Resolution of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction No. 16–6746/20 of 11/19. 2020.

Правовые возможности взыскателей при обращении к судебным приставам-исполнителям

Мамаев Андрей Андреевич,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье дается анализ прав взыскателей в условиях принудительного исполнения и выделяется ряд обязанностей взыскателя. Подвергается критике законодательный подход об обязательности составления заявления о возбуждении исполнительного производства. Критикуется предусмотренная законом процедура установления срока на добровольное исполнение. Автором выделяются правовые возможности взыскателей, отдельно не закрепленные в действующем законодательстве, но существование которых можно установить путем анализа полномочий судебного пристава-исполнителя, например, требование взыскателя своевременно совершать исполнительные действия и применять принудительное исполнение при помощи соответствующих мер. Автором делается акцент на механизме извещения сторон исполнительного производства о возбуждении принудительного исполнения и приводятся финансовые аспекты данных процессов, предлагаются доводы в пользу расширения электронного уведомления в условиях информатизации.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Правомочия взыскателей при обозначенном способе принудительной реализации возникают в условиях механизма принуждения, гарантированного государством лицам, обращающимся за судебной защитой. Указанный механизм, именуется исполнительным производством и начинается лишь при наличии проявления воли взыскателя. Для этого взыскателям требуется соблюсти определенную процедуру, в частности, обратиться в службу судебных приставов с исполнительным листом и заявлением о возбуждении исполнительного производства. Важно отметить, что именно обретение присужденного постановлением суда с помощью государственного принуждения выступает единственным стремлением взыскателей.

Согласно арбитражному и гражданскому процессуальному законодательству, обращаясь в суд за защитой нарушенного права, заявителю (истцу) предписано указать своё материально-правовое требование. Принятие же дела к производству и возбуждение гражданского дела (при наличии предпосылок и соблюдении условий реализации права) прямо предписано гражданским и арбитражным процессуальным законом и должны быть осуществлены судом.

Стремление к единообразию процессуального законодательства видится в качестве одного из векторов развития действующего правового регулирования.

В этой связи, для четкого определения направленности действий судебных приставов-исполнителей видится правильным изменения правовой регламентации правоприменительного цикла возбуждения исполнительного производства, при котором взыскателям будет предписано направлять судебному приставу-исполнителю заявление о принудительном осуществлении требований исполнительного листа, вместо возбуждения исполнительного производства.

Отдельно отметим, что законодательное сохранение срока для добровольного приведения в жизнь решения суда после начала действия механизма государственного принуждения (возбуждения исполнительного производства) не может быть ничем логически обоснованно. Говорить о соблюдении предписания резолютивной части решения суда в данной ситуации как о добровольном действии должника невозможно [1], поскольку появлением нового субъекта в возникающих процессуальных отношениях – судебного пристава-исполнителя, оказывает значительное влияние на его волю. Очевидно, что добровольным исполнением может являться только тогда, когда взыска-

телю не требуется получать исполнительный лист с целью привлечения к реализации своего права службы судебных приставов, а должник, желающий исполнять своё обязательство в отношении кредитора (взыскателя) делает это до начала механизма принудительного исполнения с участием судебных приставов-исполнителей.

Некоторый комплекс прав взыскателей прямо сформулирован в ч. 1 ст. 50 профильного федерального закона. Вместе с тем, утверждение о том, что указанной нормой перечень прав взыскателя ограничен не может быть принято, поскольку анализ текста ФЗ «Об исполнительном производстве» позволяет выделять правомочия взыскателя и в регламентации отдельных институтов (с чем также соглашаются и иные авторы, в частности Ю.В. Гепп [2]). Важно также подчеркнуть, что взыскатели обладают возможностью принять участие в осуществлении отдельного исполнительного действия, список которых, безусловно, нельзя назвать закрытым. В связи с чем правовое положение взыскателя может наполняться в рамках конкретного исполнительного действия различными правовыми возможностями.

Также следует допустить раскрытие правомочий взыскателей посредством анализа полномочий судебных приставов-исполнителей, закрепленных профильным федеральным законом. К примеру, среди правомочий взыскателя, опосредованных обязанностями судебных приставов-исполнителей, можно выделить следующие:

- требование взыскателя правильно и своевременно исполнять решение суда (ст. 2);
- требование взыскателя своевременно совершать исполнительные действия и применять принудительное исполнение при помощи соответствующих мер (ст. 4);

Статья 50 ФЗ «Об исполнительном производстве» не раскрывает правовое положение взыскателя с точки зрения возложенных на него обязанностей. Вместе с тем, анализ конкретных положений закона позволяет выделить многие из них, в частности: взыскатель обязан сообщить судебному приставу-исполнителю о смене места жительства в ходе производства принудительного исполнения; взыскатель обязан в ходе осуществления правомочия на исполнение решения суда направлять вместе с исполнительным листом, заявление и иные.

Поименованное правомочие, хотя и представляется незначительно существенным, обладает важным значением, поскольку взаимосвязано с институтом срока на добровольное исполнение. Вспомним, что прежняя редакция ст. 30 профильного федерального закона давало судебному приставу-исполнителю право устанавливать срок на добровольное исполнение исполнительного листа в периоде от одного до пяти дней. В законодательстве иных стран, в частности Англии, можно встретить и другие подходы – предоставления должнику до четырнадцати дней для исполнения

требования исполнительного документа в добровольном порядке [3].

Действующее в настоящее время правовое регулирование закрепляет императивный срок, который исчисляется пятью днями и отсчитывается с обстоятельства вручения должнику постановления о возбуждении исполнительного производства, что несомненно негативно влияет на статус взыскателя. На самом деле для взыскателей первоначально существенным значением обладает собственно дата вручения должнику указанного постановления, так как именно с момента окончания от этой даты пяти дней правовое положение взыскателя наполняется значительными перечнем правомочий, в том числе правом обращаться к судебным приставам-исполнителям по вопросам осуществления принудительного исполнения и получения сведений о должнике.

Несмотря на очевидную не обременительность для судебного пристава-исполнителя по исполнению обязательства по направлению постановления, многочисленные судебные споры подтверждают тезис о том, что приведенное положение закона часто нарушается, а должник не извещается о возбуждении исполнительного производства [4]. По данным нарушениям в большинстве дел судом верно определяются факты, подлежащие доказыванию и распределяется бремя доказывания, возлагая на службу судебных приставов обязанности по представлению доказательств факта вручения сторонами исполнительного производства копий постановлений о возбуждении исполнительного производства. Однако следует выразить обеспокоенность в отношении позиции ряда судов о том, что сам должник обязан представлять доказательства факта не вручения ему постановления (Например, в определении ВАС РФ от 17 марта 2010 г. № 3499/10 по делу № А56–6604/2008 указано, что «согласно пункту постановления о возбуждении исполнительного производства его копия направлена в адрес должника. Доказательств неполучения данного постановления не представлено»).

Интересно рассмотреть и финансовые аспекты указанного извещения. В письме ФССП России от 08 декабря 2016 г. № 00087/16/103492-ВМ «О требованиях по исполнению сметы расходов федерального бюджета на 2017 год» отмечается, что предельный объем бюджетных ассигнований, закрепленных для оплаты услуг почты в 2017–2019 годах в расчете на одно исполнительное производство, составляет по принудительному исполнению, осуществляемому в отношении судебных актов, 35 руб. Общий анализ перечня документов, которые подлежат отправке в рамках одного исполнительного производства, позволяет выявить сумму в размере 151 руб., которая будет затрачена службой судебных приставов [5]. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что необходимо расширение информационных технологий и наращивание числа электронных уведомлений в сфере принудительного исполнения, что способствует всестороннему осуществлению извещения в элек-

тронном виде на основании Постановление Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 606 [6], при реализации которых должник будет считаться надлежащим образом извещенным.

Федеральным законом от 29.12.2022 № 624-ФЗ статью 30 профильного федерального закона дополнена часть. 2.2., которая закрепляет новое требование к содержанию заявления о возбуждении исполнительного производства – указание реквизитов банковского счета взыскателя.

Данное изменение представляет собой не что иное, как преодоление, ранее обозначенного автором в диссертации в 2022 году, различия в правовом положении взыскателей по отношению к частным и публичным должникам. Указанное изменение стирает в этой части различия в условиях реализации взыскателями права на исполнение, адресованное как в отношении публичных должников, так и в отношении частных должников и может быть оценено исключительно положительно.

Литература

1. Белоусов Л.В. Распределение приставом-исполнителем взысканных денежных средств: проблемы судебной арбитражной практики // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 3. С. 60.
2. Гепп Ю.В. Участники исполнительного производства: дис. ... канд. юрид. наук. С. 124.
3. Райлян А.И. Исполнительное производство в Англии // Исполнительное право. 2015. № 1. С. 39–44.
4. См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2012 г. № 09АП-20714/2012 по делу № А40–34353/12–79–323; определение ВАС РФ от 29 сентября 2010 г. № ВАС-3055/09 по делу № А65–4883/2008-СА3–47 (СПС «КонсультантПлюс»).
5. Постановление Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 606 «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб» // СПС «КонсультантПлюс».

6. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/299909–7.9>. См. подробнее: Саблин М.Т. Как выбраться из долговой ямы (на примере ипотечного кредита) // Библиотечка «Российской газеты». М., 2013. Вып. 18. С. 41. СПС «КонсультантПлюс»; Сарнаков И.В. Правовые формы взаимодействия кредитных организаций и коллекторских агентств на рынке банковских услуг. С. 4.

LEGAL OPTIONS FOR CREDITORS WHEN APPLYING TO BAILIFFS

Mamaev A.A.

Ural state Law University named after V.F. Yakovlev

The article analyzes the rights of creditors in the context of compulsory execution and identifies a number of obligations of the creditor. The legislative approach to the mandatory filing of an application for the initiation of enforcement proceedings is criticized. The procedure for establishing a period for voluntary execution provided by law is criticized. The author highlights the legal opportunities of creditors that are not separately enshrined in the current legislation, but the existence of which can be established by analyzing the powers of the bailiff, for example, the requirement of the creditor to promptly perform enforcement actions and apply compulsory execution using appropriate measures. The author emphasizes the mechanism for notifying the parties to enforcement proceedings about the initiation of compulsory execution and provides financial aspects of these processes, and offers arguments in favor of expanding electronic notification in the context of computerization.

Keywords: enforcement proceedings, recoverer, debtor, bailiff, enforcement.

References

1. Belousov L.V. Distribution of collected monetary funds by the bailiff: problems of judicial arbitration practice // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 3. P. 60.
2. Gepp Yu.V. Participants in enforcement proceedings: diss. ... Cand. of Law. P. 124.
3. Railyan A.I. Enforcement proceedings in England // Enforcement law. 2015. No. 1. P. 39–44.
4. See: Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated August 15, 2012 No. 09AP-20714/2012 in case No. A40–34353/12–79–323; Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of September 29, 2010 No. VAS-3055/09 in case No. A65–4883/2008-CA3–47 (SPS “ConsultantPlus”).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 29, 2016 No. 606 “On the procedure for sending, using information and telecommunication networks, a notice in the form of an electronic document signed by a bailiff with an enhanced qualified electronic signature, and on the use of the federal state information system “Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)” for filing petitions, explanations, challenges and complaints” // SPS “ConsultantPlus”.
6. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/299909–7.9>. See more: Sablin M.T. How to get out of a debt hole (using a mortgage loan as an example) // Library of the “Rossiyskaya Gazeta”. M., 2013. Issue. 18. P. 41. SPS “ConsultantPlus”; Sarnakov I.V. Legal forms of interaction between credit institutions and collection agencies in the banking services market. P. 4.

Порядок исполнения сетевой организацией своих обязательств по договору технологического присоединения

Мельников Олег Олегович,

руководитель проекта, ПАО «Россети Московский регион»

E-mail: Oleg.lawyer@yandex.ru

В статье рассматривается исполнение сетевой организацией договора технологического присоединения к электрическим сетям (договор ТП), то есть порядок приобретения заявителем по договору ТП определенного объема максимальной мощности. Автор исследует существующие научные доктрины исполнения обязательств (фактические действия, юридический факт, сделка и др.). Принимая во внимание характер исполнения договора ТП, автор пришел к заключению, что смешанная (компромиссная) теория исполнения, которая предполагает совершение в рамках договорного обязательства сделок, юридических фактов и фактических действий, наиболее полно отвечает правовой природе действий сетевой организации. Проведенное исследование позволило установить юридическую сущность двух ключевых документов. Первый из них – акт о технологическом присоединении – представляет собой двустороннюю распорядительную сделку, в рамках которой происходит передача максимальной мощности как имущественного права от сетевой организации к заявителю. Этот документ подтверждает, что сетевая организация полностью выполнила свои договорные обязательства по ТП. Что касается второго документа – акта о выполнении технических условий – его правовая роль заключается в фиксации факта соблюдения технических требований обеими сторонами договора ТП: как сетевой организацией, так и заявителем. Действия по реконструкции собственных сетей являются фактическими действиями сетевой организации в рамках исполнения своих договорных обязательств.

Ключевые слова: договор технологического присоединения, максимальная мощность, исполнение обязательств, смешанная (компромиссная) теория, двусторонняя распорядительная сделка, юридический факт.

Введение

Гражданский оборот реализуется на стадии исполнения обязательства, когда обязанная сторона своими действиями удовлетворяет интересы управомоченного лица, что позволяет достичь целей, поставленных участниками правоотношения [4]. В рамках данного исследования рассматривается специфика исполнения Договора ТП со стороны сетевой организации. Речь идет о процессе, в ходе которого заявитель реализует свой имущественный интерес, получая доступ к электроэнергии через приобретенные права на определенный объем максимальной мощности у сетевой организации.

При исполнении любого обязательства необходимо следовать ряду фундаментальных принципов [2]. Ключевое место среди них занимает принцип надлежащего исполнения, который по своей сути интегрирует все остальные принципы исполнения обязательств. Особую роль играет принцип реального исполнения, требующий точного выполнения предмета обязательства в натуральной форме – будь то передача конкретной вещи, выполнение определенной работы или оказание конкретной услуги [3]. Если действия в рамках обязательства не соответствуют установленным принципам исполнения, они не могут рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства.

При характеристике исполнения обязательств по технологическому присоединению, далее – ТП, необходимо учитывать такие его элементы как предмет и способ исполнения. Предмет исполнения есть то, на что направлено соответствующее действие. Вещь или иной результат являются предметом исполнения [14]. Под способом исполнения обязательств понимается установленная последовательность действий, которые должник обязан совершить для надлежащего исполнения своих обязанностей [5].

Анализируя процесс исполнения обязательств сетевой организацией в рамках договора ТП, мы сосредоточим внимание на двух ключевых аспектах: предмете и способе исполнения данных обязательств. Особое внимание будет уделено тому, насколько эти элементы соответствуют основополагающим принципам исполнения обязательств. Однако, прежде чем углубиться в эти конкретные вопросы, необходимо заложить теоретический фундамент исследования. Это предполагает рассмотрение базовых доктринальных концепций, касающихся правовой природы исполнения обязательств, и оценку возможности их применения к специфическим обязательствам сетевой организации в контексте Договора ТП.

Правовая природа исполнения обязательств

В юридической доктрине существует множество взглядов на правовую природу исполнения обязательств, и единого подхода к этому вопросу пока не выработано. Некоторые исследователи намеренно уклоняются от правовой характеристики данного понятия [1], в то время как другие рассматривают исполнение исключительно как фактические действия, лишенные правового содержания [12]. Часть ученых определяет исполнение как юридический факт [9] или относит его к категории юридического поступка [11].

Преобладающей в научном сообществе является позиция, квалифицирующая исполнение обязательства как сделку [13]. Особенно детально эту концепцию развивает С.В. Сарбаш, характеризуя исполнение как «вторичную сделку» или «сделку второго уровня». По его мнению, такая сделка неизменно следует за основным обязательством: если обязательство возникло из договора, исполнение становится второй сделкой, а если из иного основания – выступает вспомогательным юридическим фактом, нацеленным на прекращение обязательства и нейтрализацию эффекта первоначального юридического факта [10].

Компромиссный подход, предложенный И.В. Беленищевой, сочетает различные аспекты исполнения, допуская его квалификацию как в качестве сделки (односторонней или многосторонней), так и в виде фактических или юридических действий. При этом статус сделки признается только за действиями, связанными с распорядительными операциями или предоставлением, обеспечивающими трансфер имущественных ценностей между участниками правоотношения [8].

Выбор применимой доктрины правовой природы исполнения обязательства должен определяться существом договора ТП. В результате его исполнения имущественное право (максимальная мощность) переходит от сетевой организации заявителю. Это означает, что исполнение обязательства по технологическому присоединению должно быть исследовано в первую очередь с точки зрения исполнения как сделки. Вместе с тем передача максимальной мощности обусловлена значительным объемом технических мероприятий, которые сложно отнести к имущественному предоставлению, к сделке. Поэтому наиболее целесообразным выбором является смешанная (компромиссная) концепция исполнения. Ее использование позволяет дать оценку действий сторон договора ТП исходя из содержания данных действий (сделка, юридический факт или фактические действия) и не ограничивает возможность их отнесения к той или иной юридической категории.

Исполнение обязательств сетевой организации по Договору ТП

Основные положения об исполнении договора ТП закреплены в Федеральном законе от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [15] (далее – За-

кон об электроэнергетике). Детальная регламентация процедуры исполнения представлена в Правилах технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям [7] (далее – Правила ТП). Поскольку предметом исполнения обязательства сетевой организации по договору ТП является имущественное право (максимальная мощность), то исполнение данного обязательства будет рассмотрено как передача имущественного права от сетевой организации заявителю.

Обязательства сетевой организации по исполнению договора ТП представляют собой комплекс последовательных действий. Прежде всего, организация должна реализовать мероприятия по технологическому присоединению, предусмотренные договором ТП (подпункт в) пункта 7 Правил ТП). Следующим этапом является получение разрешения от органа федерального государственного энергетического надзора (Энергонадзора) согласно подпункту г) пункта 7 Правил ТП. После этого сетевая организация осуществляет фактическое присоединение объектов заявителя к электросетям (подпункт д) пункта 7 Правил ТП). Завершающим этапом становится оформление акта об осуществлении технологического присоединения (подпункт е) пункта 7 Правил ТП).

Особое значение имеет перечень мероприятий по технологическому присоединению, который входит в число существенных условий договора ТП согласно подпункту а) пункта 16 Правил ТП. Этот перечень фиксируется в технических условиях (ТУ) к договору ТП. Сетевая организация самостоятельно разрабатывает и выдает ТУ, предварительно согласовав их с системным оператором (подпункт а) пункта 18 Правил ТП). Временные рамки реализации мероприятий по ТП начинают исчисляться с момента заключения договора ТП. Продолжительность этого периода варьируется от 15 рабочих дней до двух лет, что определяется категорией заявителя и спецификой технологического присоединения.

Реализация мероприятий по ТП как заявителем, так и сетевой организацией проходит обязательную проверку согласно процедуре, установленной в Разделе IX Правил ТП. Для заявителей, технические условия которых требуют согласования с субъектом оперативно-диспетчерского управления, проверочные мероприятия проводятся совместно сетевой организацией и этим субъектом (пункт 81 Правил ТП). Успешное прохождение проверки подтверждается подписанием акта о выполнении технических условий всеми участвующими сторонами (пункты 88, 99 Правил ТП).

Важным этапом процедуры ТП является получение разрешения от Энергонадзора (подпункт г) пункта 7 Правил ТП). Это разрешение служит обязательным условием для осуществления фактического приема или подачи напряжения при тех-

нологическом присоединении (абзац 24 пункта 1 статьи 26 Закона об электроэнергетике). Для получения разрешения обе стороны – заявитель и сетевая организация – направляют в Энергонадзор комплект документов, включающий акт о выполнении технических условий и уведомления о готовности объектов к вводу в эксплуатацию (пункты 18(1), 18(3) и 18(4) Правил ТП).

Финальным этапом процедуры ТП становится оформление акта об осуществлении технологического присоединения (акта ТП), форма которого закреплена в приложении № 1 к Правилам ТП. Этот документ составляется после того, как сетевая организация произвела фактическое присоединение объектов заявителя к электросетям и обеспечила прием (подачу) напряжения и мощности (пункт 19 Правил ТП). Поименованный документ должен содержать информацию о том, что сетевая организация выполнила свои обязательства по ТП в полном объеме, а сами мероприятия выполнены согласно ТУ. Акт ТП содержит характеристики присоединения, в том числе, объем присоединяемой максимальной мощности (пункт 1 приложения № 1 к Правилам ТП).

ТП должно быть осуществлено в установленные договором ТП сроки. Пункт 16 б) Правил ТП отнес срок технологического присоединения к существенным условиям договора ТП. Нормативный акт содержит широкий диапазон сроков ТП: от 15 рабочих дней (при временном технологическом присоединении – абзац четырнадцатый пункта 16 б) Правил ТП) до двух лет (ТП к объектам электросетевого хозяйства организации по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью – абзац семнадцатый пункта 16 б) Правил ТП). Отнесение срока к существенным условиям договора ТП вызвано необходимостью для заявителя иметь, с одной стороны, определенность в части срока доступа к электроэнергии, а, с другой стороны, сложностью осуществления тех или иных мероприятий по ТП.

Определение места исполнения обязательства регламентируется пунктом 1 статьи 316 ГК и может устанавливаться законом, иными правовыми актами, договором, следовать из обычаев или существа обязательства. В контексте технологического присоединения пространственное разграничение обязанностей сторон детально прописывается в технических условиях (ТУ).

Территориальное распределение ответственности выстраивается следующим образом: заявитель выполняет мероприятия в границах своего участка, где размещены его энергопринимающие устройства, тогда как сетевая организация отвечает за работы до границы этого участка (подпункт а(2)) пункта 25 Правил ТП). При этом в ТУ обязательно фиксируются точки присоединения объектов заявителя к электрической сети организации (подпункт а) пункта 25 Правил ТП). Четкое определение места исполнения обязательства по технологическому присоединению играет существенную роль для обеих сторон договора. Отсутствие в до-

говоре ТП условия о точке присоединения к сетям сетевой организации влечет невозможность осуществления мероприятий по ТП и передаче заявителю согласованного объема максимальной мощности. Кроме того, законодательство ограничивает обязательства заявителя границами земельного участка, на котором расположены его энергопринимающие устройства. Это тоже неслучайно. Иное повлекло бы за собой его обязанность по урегулированию вопросов ТП с владельцами соседних земельных участков, что существенно осложнило бы его возможность присоединения к сети и получение доступа к электроэнергии. Поэтому место исполнения обязательства заявителем и сетевой организацией в части точки присоединения и распределения обязанностей сторон по выполнению ТУ относится к существенным условиям договора ТП.

Правила ТП учитывают характер имущественного интереса заявителя в его доступе к электроэнергии и способ его удовлетворения путем приобретения у сетевой организации максимальной мощности. Поэтому Правила ТП предусмотрели указание в ТУ объема максимальной мощности приобретаемой заявителем по результатам ТП (пункт 25 Правил ТП). После завершения физического присоединения объектов заявителя к электрическим сетям и осуществления фактического приема (подачи) напряжения и мощности оформляется акт технологического присоединения (акт ТП). В этом документе фиксируется важнейший параметр – объем максимальной мощности, предоставленной заявителю в результате технологического присоединения (пункт 1 приложения № 1 к Правилам ТП). Таким образом, максимальная мощность как предмет исполнения по обязательству сетевой организации устанавливается в ТУ и передается заявителю в результате подписания акта ТП.

Такой порядок исполнения обязательства по передаче максимальной мощности позволяет квалифицировать акт ТП как двухстороннюю распорядительную сделку [6]. Сам акт ТП имеет двойственную юридическую природу. С одной стороны, он подтверждает исполнение сетевой организацией своих обязательств по технологическому присоединению заявителя, а с другой стороны – передачу заявителю определенного объема максимальной мощности – имущественного права, которое подтверждает доступ заявителя к электроэнергии.

Вместе с тем основной объем деятельности сетевой организации и заявителя по исполнению договора ТП связан с выполнением ТУ, которые по своему характеру и содержанию можно разбить на две категории:

- 1) действия заявителя и сетевой организации по выполнению ТУ;
- 2) проверка действий заявителя и сетевой организации по выполнению ТУ.

В целом обе вышеуказанные категории служат лишь условием передачи заявителю определенного объема максимальной мощности, но не его целью. Однако юридическое значение действий

по выполнению ТУ и их проверки существенно разнятся. Выполнение технических условий сторонами договора ТП включает множество фактических действий – от разработки проектной документации до строительства кабельных линий и монтажа трансформаторов. Однако сами по себе эти действия, даже будучи фактически осуществленными, не порождают правовых последствий для участников договора ТП и не означают автоматического исполнения технических условий.

Юридическое значение приобретает лишь документальное подтверждение выполнения ТУ в форме специального акта о выполнении технических условий, составленного в соответствии с требованиями Правил ТП. Именно этот акт служит правовым основанием для признания соответствующей обязанности стороны договора ТП исполненной и ее последующего прекращения. Следовательно, все практические мероприятия заявителя и сетевой организации по реализации ТУ следует квалифицировать как фактические действия, не имеющие самостоятельного правового значения. Результат проверки действий заявителя и сетевой организации по выполнению ТУ можно квалифицировать как юридический факт, свидетельствующий о прекращении их обязанностей по исполнению ТУ к договору ТП. Несмотря на внешнюю схожесть с двухсторонней сделкой акт о выполнении технических условий вряд ли можно признать в качестве таковой, поскольку в результате исполнения ТУ никакая имущественная ценность от сетевой организации в пользу заявителя не переходит.

Процесс исполнения мероприятий по технологическому присоединению отличается тем, что в нем, помимо непосредственных сторон договора, принимают участие системный оператор и иной субъект оперативно-диспетчерского управления. Их вовлеченность в процедуру технологического присоединения представляет собой специфическую характеристику данного вида обязательств. Данные лица не являются сторонами обязательства по технологическому присоединению, каких-либо имущественных интересов в отношении ТП не имеют, не связаны организационно ни с заявителем, ни с сетевой организацией, но оказывают влияние как на формирование условий данного обязательства в части ТУ, так и на его исполнение. Влияние это заключается в согласовании ТУ (подпункт а) пункта 18 Правил ТП) и проверке их выполнения (пункт 81 Правил ТП). Обязанность согласования и проверки ТУ указанными лицами означает, что системный оператор и иные субъекты оперативно-диспетчерского управления принимают участие в формировании условий договора ТП и подтверждают его исполнение. Участие системного оператора и иного субъекта оперативно-диспетчерского управления в процессе технологического присоединения обусловлено необходимостью соблюдения баланса между частными и публичными интересами. С одной стороны, существует частный интерес заявителя в получении

доступа к электроэнергии и обеспечении его надлежащего качества. С другой стороны, присутствует публичный интерес в поддержании технологического единства всей системы электроэнергетики. Эти интересы неразрывно связаны между собой, что и определяет необходимость участия указанных субъектов в договорном обязательстве по ТП. Этим объясняется участие системного оператора и иного субъекта оперативно-диспетчерского управления в исполнении договора ТП.

Выводы

Передача от сетевой организации определенного объема максимальной мощности заявителю удостоверяется актом ТП. Поименованный документ представляет собой двухстороннюю распорядительную сделку и подтверждает исполнение сетевой организацией своих обязательств по технологическому присоединению заявителя, а также передачу заявителю определенного объема максимальной мощности. Действия сетевой организации и заявителя по выполнению ТУ и их проверка направлены на создание необходимых условий передачи заявителю определенного объема максимальной мощности и относятся к фактическим действиям в рамках ТП. Результат проверки выполнения ТУ – юридический факт, свидетельствующий о прекращении обязанности сетевой организации и заявителя по исполнению ТУ. Участие системного оператора и иного субъекта оперативно-диспетчерского управления в исполнении договора ТП вызвано необходимостью обеспечения технологического единства электроэнергетики, то есть публичным интересом, который не может быть отделен от частного интереса заявителя в доступе к электроэнергии и надлежащем обеспечении такого доступа.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право. Общая и Особенная части: учебник. М., 2003. С. 706.
2. Гражданское право. Общие положения об обязательствах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность и пользование: учебник: [в 4 т.] / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. Т. 3. С. 78.
3. Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов, [автор главы М.И. Брагинский] Москва: Юристъ, 2001. С. 593; Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева, [автор главы М.Я. Шиминова]. Москва: Юристъ, 1997. Ч. 1. С. 402. Цит. по Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства: монография. М.: Статут, 2005. С. 73. Доступ из СПС «Консультант плюс».
4. Гражданское право: учебник: [в 2 т.] / под ред. Б.М. Гонгало [автор главы Б.М. Гонгало]. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 67.

5. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 1998. С. 545.
6. О понятии распорядительной сделки см. Беклемищева И.В. Понятие гражданско-правового договора (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 20.
7. Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861. Собрание законодательства РФ, 27.12.2004, № 52 (часть 2), ст. 5525.
8. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства: монография. М.: Статут, 2005. С. 20. Доступ из СПС «Консультант плюс».
9. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 28. Доступ из СПС «Консультант плюс».
10. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства: монография. М.: Статут, 2005. С. 35–36. Доступ из СПС «Консультант плюс».
11. Советское гражданское право: [в 2 т.] / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. Т. 2. С. 471. Цит. по Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: [в 5 кн.]. 3-е изд., стер. М.: Статут. 2001. Кн. 1: Общие положения. С. 295. Доступ из СПС «Консультант плюс».
12. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 27–28.
13. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. С. 23; Гражданское право: учебник. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 1998. С. 533; Гражданское право. Общие положения об обязательствах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность и пользование: учебник: [в 4 т.] / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. Т. 3. С. 75–76.
14. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. С. 27, 29.
15. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Собрание законодательства РФ, 31.03.2003, № 13, ст. 1177.

THE PERFORMANCE BY THE ELECTRIC UTILITY OF ITS OBLIGATIONS UNDER THE GRID CONNECTION AGREEMENT

Melnikov O.O.

PJSC Rosseti Moscow Region

The article examines the execution by a electric utility of a grid connection agreement (TP agreement), that is, the procedure for implementing the applicant's property interest under the TP agreement in acquiring access to electricity – the acquisition of a certain amount of maximum capacity. The author explores the existing scientific

doctrines of obligation performance (actual actions, legal fact, transaction, etc.). Taking into account the nature of the execution of the TP agreement, the author came to the conclusion that the mixed (compromise) theory of execution, which assumes the commission of transactions, legal facts and actual actions within the framework of a contractual obligation, most fully corresponds to the legal nature of actions a network organization under a TP agreement. As a result of the research, he concluded that the act of technological connection, which certifies the fulfillment by the network organization of its obligations under the TP agreement, is by its legal nature two-sided.

Keywords: grid connection agreement, maximum capacity, obligation performance, the mixed (compromise) theory, a bilateral act, a legal fact.

References

1. Belov V.A. Civil law. General and Special Parts: textbook. Moscow, 2003. Page 706.
2. Civil law. General provisions on obligations. Contractual obligations for the transfer of things into ownership and use: textbook: [in 4 volumes] / edited by Doctor of Law, Professor E.A. Sukhanov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 2023. Volume 3. Page 78.
3. Civil law of Russia. General part: lecture course / edited by O.N. Sadikov, [author of the chapter M.I. Braginsky] Moscow: Jurist, 2001. Page 593; Civil law. Part one: textbook / edited by A.G. Kalpin, A.I. Maslyayev, [author of the chapter M. Ya. Shiminova]. Moscow: Jurist, 1997. Part 1. Page 402. Quoted from Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation: monograph. Moscow: Statut, 2005. Page 73. Access from the SPS "Consultant Plus".
4. Civil law: textbook: [in 2 volumes] / edited by B.M. Gongalo [author of the chapter B.M. Gongalo]. 5th ed., revised and enlarged. Moscow, 2023. Page 67.
5. Civil law: textbook / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 1998. Page 545.
6. For the concept of a disposal transaction, see Beklenishcheva I.V. The concept of a civil contract (a comparative legal study): author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2004. Page 20.
7. Rules for technological connection of power-receiving devices of consumers of electric energy, facilities for the production of electric energy, as well as electric grid facilities belonging to grid organizations and other persons, to electric networks, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 27.12.2004 No. 861. Collected Legislation of the Russian Federation, 27.12.2004, No. 52 (part 2), art. 5525.
8. Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation: monograph. Moscow: Statut, 2005. Page 20. Access from the SPS "Consultant Plus".
9. Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation. M.: Statut, 2005. Page 28. Access from the SPS "Consultant Plus".
10. Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation: monograph. M.: Statut, 2005. Pages 35–36. Access from the SPS "Consultant Plus".
11. Soviet civil law: [in 2 volumes] / edited by O.A. Krasavchikov. M.: Vysshaya shkola, 1985. Volume 2. Page 471. Cited by Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: [in 5 books]. 3rd ed., reprinted. M.: Statut. 2001. Book 1: General Provisions. Page 295. Access from the SPS "Consultant Plus".
12. Stepanov D.I. Services as an object of civil rights: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2004. pp. 27–28.
13. Tolstoy V.S. Fulfillment of obligations. Moscow: Legal Literature, 1973. p. 23; Civil law: textbook. / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 1998. p. 533; Civil law. General provisions on obligations. Contractual obligations for the transfer of things into ownership and use: textbook: [in 4 volumes] / editor-in-chief Dr. of Law, prof. E.A. Sukhanov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 2023. Vol. 3. pp. 75–76.
14. Tolstoy V.S. Fulfillment of obligations. Moscow: Legal Literature, 1973. Pp. 27, 29.
15. Federal Law of 26.03.2003 No. 35-FZ "On Electric Power Industry". Collected Legislation of the Russian Federation, 31.03.2003, No. 13, Art. 1177.

Юридическая природа правового института долей в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью

Малахо Ярослав Олегович,

аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: ya.alex-laz@yandex.ru

Ключевую роль в создании, реструктуризации и прекращении деятельности Общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) играет распределение долей уставного капитала между участниками общества. Статья посвящена анализу долей в уставном капитале ООО как основного элемента структуры уставного капитала компании. Автором исследуется юридическая природа данного правового института, его роль в финансовой и организационной структуре юридического лица, а также влияние на права и обязанности участников общества. В работе ключевое внимание уделяется проблеме распределения долей между участниками, механизму изменения долей, а также последствиям для управления и принятия решений в компании. В работе рассматриваются различные аспекты учета и оценки долей, их связь с корпоративным управлением и правовыми нормами, регулирующими деятельность ООО. Статья направлена на формирование системной позиции относительно проблематики законодательного закрепления прав и обязанностей участников ООО.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, доля участников, уставный капитал, участник (учредитель), права и обязанности, собственность, вещь, имущественное право.

Правовая система России предусматривает возможность разделения уставного капитала на доли, которые могут быть переданы или проданы третьим лицам. Доли определяют размер имущественных прав и интересов каждого участника компании. Также они являются основой для распределения прибыли и принятия решений важных для жизнедеятельности ООО. Право на долю может быть удостоверено письменным документом – свидетельством о праве на долю или актом о переводе доли.

Процедура установления и изменения долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) является неотъемлемой частью корпоративного управления и юридической структуры предприятия. Эти процессы регулируются комплексом норм гражданского законодательства, а также учредительными документами общества, которые вместе обеспечивают правовую основу для корректного функционирования общества и защиты прав его участников.

Уставный капитал ООО представляет собой совокупность активов, которые пропорциональны вкладами участников в общее имущество юридического лица. Эти доли имеют важное значение, так как определяют права и обязанности участников, их долю в прибыли, участие в управлении и принятии ключевых решений. Установление долей в уставном капитале начинается с регистрации общества в органах государственной власти. На стадии регистрации важно правильно и точно указать доли каждого участника, а также прописать порядок их изменения. Несоответствие установленных долей и порядка их распределения, а также отсутствие конкретных указаний на доли в учредительных документах может привести к признанию таких документов юридически не действительными.

Российский законодатель упростил как саму процедуру регистрации ООО, так и способы изменения долей участников во время хозяйственной деятельности общества.

Важно отметить, что для легализации процесса изменения долей участников общества, в том числе путем приращения размера уставного капитала общества, необходимо лишь внести изменения в учредительные документы общества. Данные изменения должны быть оформлены надлежащим образом. Участники (учредители) или единоличный исполнительный орган обязаны сообщить об изменении состава участников общества, размера их доли в уставном капитале в инспекцию Федеральной Налоговой Службы по месту регистрации Общества.

Именно данный правовой механизм уведомления государственного органа ответственного за учет изменений в ООО, выработанный ответственным законодателем позволяет превентивнократно уменьшить злоупотребление правом со стороны недобросовестных участников общества, предотвращает конфликт интересов, защищает права и законные интересы «миноритарного» участника Общества.

Так, например: Ведение учета изменений в деятельности ООО позволяет в том числе верно исчислять процессуальные сроки для установления факта изменений в структуре юридического лица, что в свою очередь играет важную роль для привлечения к субсидиарной ответственности недобросовестного участника Общества.

Согласно ст. 94 Гражданскому кодексу РФ и ст. 26 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусмотрено право участника выйти из состава участников общества вне зависимости от согласия других участников общества. При этом доля такого участника может перейти непосредственно юридическому лицу, так и участникам общества. Данный механизм защиты прав участника общества, коррелируется с правомочиями «собственника», при котором такое лицо вправе самостоятельно определить юридическую судьбу, принадлежащей ему доли.

Однако, несмотря на попытки равномерно распределения прав и обязанностей участников общества, закрепления особых механизмов защиты «миноритарных» участников, непосредственное влияние на экономическую деятельность общества, зачастую, оказывает размер доли в уставном капитале того или иного участника. Красноречивым примером данного факта может служить, назначение единоличного исполнительного органа общества, влияние на распределения денежных потоков в обществе. Следует отметить, что размер доли в уставном капитале общества непосредственно влияет и на размер ответственности участника по обязательствам общества перед кредиторами. Именно лица, контролирующие должника, привлекаются к ответственности в первую очередь.

Гражданское законодательство, в частности, Гражданский кодекс РФ и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» рассматриваемое юридическое лицо как созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли, участники, как правило, не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей[1]

Каждая доля в уставном капитале представляет собой часть общей стоимости капитала, которая фиксируется в учредительных документах (уставе или договоре) общества. Уставный капитал может быть равномерно или неравномерно распределен между участниками, в зависимости от того, как это предусмотрено в учредительных докумен-

тах. В случае неравномерного распределения долей могут быть установлены определенные ограничения, касающиеся голосования и распределения прибыли.

Например, если два учредителя решили создать ООО с уставным капиталом в 100 000 рублей, каждый может внести по 50 000 рублей и, соответственно, каждый получит долю в 50%. Однако, доли могут быть и неравными, в зависимости от договоренности между участниками.

Согласно статье 66.1 Гражданского кодекса РФ, уставный капитал ООО делится на доли, и их размеры определяются соглашением участников, если иное не предусмотрено законом или учредительными документами.

Распределение долей участников при наличии в Обществе нескольких участников, представляет собой данную модель поведения участников гражданского оборота:

Если в ООО несколько учредителей, они могут договориться о размере каждой доли. Устав ООО может содержать положения, которые фиксируют размер долей в зависимости от вклада участников, либо предусматривать иные условия, например, по рабочим обязанностям или долгосрочному участию.

Пример: Если в ООО с уставным капиталом 500 000 рублей участвуют три человека, и два из них вносят денежные средства по 200 000 рублей, а третий – 100 000 рублей в виде недвижимости, то доли будут распределяться в зависимости от стоимости этих вкладов. Таким образом, доли участников могут быть 40%, 40% и 20% соответственно.

Важно отметить, что доля в уставном капитале обычно определяется в процентах или долях и может быть как равномерно распределена между участниками, так и неравномерно [4, с. 392]. При неравномерном распределении долей могут быть установлены дополнительные условия и ограничения, касающиеся голосования и распределения прибыли.

Доли в уставном капитале также могут быть предметом отчуждения, то есть передаваться другим лицам лишь с первоначальным уведомлением остальных участников общества о намерении совершить какую-либо сделку с принадлежащей участнику доли [7, с. 138]. Каждая доля участника общества может быть выражена как в процентах от общего уставного капитала, так и в денежном эквиваленте.

ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» упоминает рассматриваемое определение в таких ситуациях, как, например, участник общества может «продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли» (статья 8), «оплачивать доли в уставном капитале общества» (статья 9), «размер доли» (статья 12), «действительная стоимость доли» (статья 14) и другое [2].

Следует подчеркнуть, что доли в уставном капитале ООО имеют не только денежное выраже-

ние, но и могут явиться последствием юридического факта, совершенного участником (потенциальным участником) общества. Например, такими действиями могут быть: передача прав на недвижимость, внесение в уставной капитал оборудования, ценных бумаг и т.д. [10, с. 100] Это позволяет участникам иметь дополнительные гарантии и права на эти активы, а также влиять на принятие решений, связанных с ними.

Главным механизмом правового регулирования законного распределения долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) является субординация участников общества. Особенности субординации и регламентации правовых оснований для ранжирования долей участников ООО будут раскрыты далее.

Отечественный законодатель закрепил достаточно комфортные условия для создания юридического лица в форме ООО. Важно подчеркнуть, что уставной капитал ООО распределяется между участниками общества неравномерно, а на основе, внесенного имущества и передачи нематериальных благ, которые могут иметь разную номинальную стоимость. Процесс распределения этих долей в целом достаточно гибок, однако при этом существует ряд обязательных условий, которые необходимо соблюдать.

Одним из таких условий является обязательное наличие уставного капитала, который не может быть ниже минимально установленного законом размера. В России этот минимум составляет 10 000 рублей, при этом стоимость каждой доли не может быть меньше одной тысячи рублей.

Кроме того, доли могут быть переданы не только между учредителями, но и третьим лицам, например, через куплю-продажу или дарение. В таких случаях сделки по передаче долей требуют соблюдения определенной процедуры, включая оформление соответствующих документов, таких как договор купли-продажи или акт передачи доли.

В судебной практике также закрепляется данный подход. Например, в определении Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 года по делу № А41–18928/2014 указано, что доля в уставном капитале является имущественным правом, и к сделкам по ее отчуждению применяются нормы, регулирующие куплю-продажу имущества.

Кроме того, распределение долей в уставном капитале может изменяться путем принятия решения об увеличении уставного капитала или о перераспределении долей. Подобные изменения также требуют единогласного решения учредителей или участников общества.

Процедура установления долей в уставном капитале начинается с регистрации ООО в уполномоченном органе государственной регистрации. В учредительных документах ООО должны быть указаны доли каждого участника, а также порядок их установления. Учредительные документы, в которых доли не определены, считаются недействительными.

Установленные доли в уставном капитале могут быть изменены в процессе деятельности компании. Изменение долей может происходить по решению участников, принятому единогласно или квалифицированным большинством голосов.

При изменении доли одного или нескольких участников, процедура оформляется в виде дополнительного соглашения или изменений учредительных документов. Это позволяет официально и однозначно установить новый размер доли участника и обеспечить его правовую защиту.

Если положения устава позволяют, то вне зависимости от того, есть ли обоюдное согласие всех участников общества с ограниченной ответственностью, когда один из них намерен выйти из состава, то он не ограничен в своей воле, и вправе покинуть общество с ограниченной ответственностью (ст. 94 ГК РФ, ст. 26 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [9, с. 36].

Перераспределение долей в уставном капитале ООО зачастую направлено на привлечение новых участников, выход старых участников, изменением инвестиционного климата и другими факторами. Важно отметить, что такие изменения требуют соблюдения определенной процедуры и согласования с участниками компании.

Размер доли участника в уставном капитале определяет его долю в прибыли и убытках компании, а также его вклады и ответственность перед кредиторами. Установление и изменение долей в уставном капитале позволяет участникам компании распределить права и обязанности между собой, а также контролировать управление и принимать стратегические решения.

При установлении и изменении долей в уставном капитале необходимо учитывать требования закона и учредительных документов.

Размер доли в уставном капитале определяют степень ответственности участников ООО перед его кредиторами [6, с. 44]. Общество соответствует своим обязательствам за счет своего уставного капитала. Если доли в уставном капитале ООО покрывают все долги общества, то участники не несут перед кредиторами персональной ответственности. Если же доли в уставном капитале недостаточно для покрытия долгов, то участники несут субсидиарную ответственность в размере своих долей.

Увеличение капитала может происходить за счет дополнительных вкладов участников или привлечения новых. В случае уменьшения капитала, например, в ходе реорганизации или ликвидации общества, доли перераспределяются между участниками согласно договоренностям.

Основопологающим механизмом изменения долей является процедура выхода участника из общества. Законодательство предоставляет участникам право на выход из ООО, при этом его доля может быть передана другим участникам или продана третьим лицам. Процесс выхода включает подачу нотариально удостоверенного заявления, а также возможные варианты расчета стоимости

доли, включая выплату денежной суммы или передачу имущества общества (п. 2 ст. 94 Гражданского кодекса РФ).

Важным аспектом развития и изменения долей в уставном капитале являются процедуры, установленные законодательством и учредительными документами ООО. Так, в случае увеличения или уменьшения уставного капитала общества, требуется проведение соответствующих процедур, включая собрание участников общества, изменение учредительных документов и уведомление регистрирующего органа.

Процедура установления и изменения долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО) является важнейшим элементом корпоративного управления и играет ключевую роль в правовой и финансовой структуре компании. Эти процессы не только определяют внутренние права и обязанности участников, но и влияют на стабильность, развитие и финансовую состоятельность ООО. Все изменения в долях должны осуществляться в строгом соответствии с законодательством и учредительными документами, что обеспечивает правовую защиту участников и способствует нормальному функционированию общества.

Доли в уставном капитале ООО имеют несколько аспектов значения для участников. Во-первых, они определяют долю каждого участника в прибыли и убытках общества, а также его право на получение дивидендов, что регулируется такими нормами, как статья 67 Гражданского кодекса РФ и статья 8 Закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Размер доли также прямо влияет на участие в управлении обществом, так как голосование на общих собраниях участников пропорционально размеру доли, если уставом не предусмотрено иное.

Таким образом, установление и изменение долей в уставном капитале ООО имеет существенное значение для участников общества, так как именно через реализацию данного механизма правового регулирования прав и обязанностей устанавливаются права и обязанности участника и ответственность. Более того, учредители (участники) ООО также обязаны соблюдать предусмотренные законодательством и учредительными документами процедуры, направленные на наследование, отчуждение, дарение и другие юридические факты, связанные с изменением размера доли участника.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.
2. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 02 июля 2021 г. № 354-ФЗ) «Об обществах с ограниченной от-

ветственностью» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.

3. Определение Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. № 305-ЭС16–6493 по делу № А41–18928/2014 // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/>.
4. Криволапова Л.В. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2011. – № 31–1 том 3. – С. 392–394.
5. Кузнецов А.А. Выход участника из хозяйственного общества как способ защиты прав и законных интересов / А.А. Кузнецов // Вестник гражданского права. – 2011. – Т. 11, № 5. – С. 31–63.
6. Леликова-Кузьменко Н.Н. Правомочия обладателя доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Вестник магистратуры. – 2014. – № 12 (39), Том III. – С. 43–46.
7. Платонова Т.Л. Сделки по отчуждению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 3 (91). – С. 137–141.
8. Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы: монография / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. – Москва: Проспект, 2018. – 672 с.
9. Степин А.Б. Особенности правового статуса субъектов среднего предпринимательства / А.Б. Степин // Юрист. – 2020. – № 5. – С. 34–38.
10. Тимошин В.С. Правовая природа доли в уставном капитале ООО // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 7 (83). – С. 100–103.

LEGAL NATURE OF THE LEGAL INSTITUTION OF SHARES IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

Malakho Ya.O.

TISBI University of Management

The distribution of shares in the charter capital among the participants plays a key role in the formation, restructuring, and termination of the activities of a Limited Liability Company (LLC). This article is dedicated to analyzing the shares in the charter capital of an LLC as a fundamental element of the company's capital structure. The author examines the legal nature of this legal institution, its role in the financial and organizational structure of the legal entity, as well as its impact on the rights and obligations of the participants. The article focuses on the issue of the distribution of shares among the participants, the mechanism for altering the size of shares, and the consequences for corporate governance and decision-making within the company. Various aspects of the accounting and valuation of shares are discussed, along with their connection to corporate governance and the legal norms regulating LLC activities. The article aims to develop a systematic position regarding the legislative consolidation of the rights and obligations of LLC participants.

Keywords: limited liability company, share, authorized capital, participant (founder), rights, obligations, property, thing, property law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as last amended and supplemented on February 25, 2022 No. 20-FZ // Official Internet portal of legal information. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru/>.
2. Federal Law of February 08, 1998 No. 14-FZ (as last amended and supplemented on July 02, 2021 No. 354-FZ) “On Limited Liability Companies” // Official Internet portal of legal information. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru/>.
3. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2016 No. 305-ES16–6493 for case No. A41–18928/2014 // Electronic periodical reference book “GARANTEE System” [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/>.
4. Krivolapova L.V. Turnover of a share in the authorized capital of a limited liability company // Bulletin of the Orenburg State Agrarian University. – 2011. – No. 31–1 volume 3. – P. 392–394.
5. Kuznetsov A.A. Exit of a participant from a business entity as a way to protect rights and legitimate interests / A.A. Kuznetsov // Bulletin of civil law. – 2011. – Vol. 11, No. 5. – P. 31–63.
6. Leikova-Kuzmenko N.N. Powers of the owner of a share in the authorized capital of a limited liability company // Bulletin of the Magistracy. – 2014. – No. 12 (39), Volume III. – P. 43–46.
7. Platonova T.L. Transactions for the alienation of shares in the authorized capital of a limited liability company // Bulletin of the Altai State University. – 2016. – No. 3 (91). – P. 137–141.
8. Entrepreneurial law in the 21st century: origins and prospects: monograph / edited by S.S. Zankovsky, N.I. Mikhailov. – Moscow: Prospect, 2018. – 672 p.
9. Stepin A.B. Features of the legal status of medium-sized businesses / A.B. Stepin // Lawyer. – 2020. – No. 5. – P. 34–38.
10. Timoshin V.S. Legal nature of a share in the authorized capital of an LLC // Skif. Issues of student science. – 2023. – No. 7 (83). – P. 100–103.

Мельчаков Кирилл Михайлович

студент, кафедра гражданского права, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: Kmelchakov04@mail.ru

Автор ставит перед собой цель определить необходимость в исследовании и оценке дальнейшего развития правового режима апартamentos, так как вопрос их существования до сих пор не урегулирован на законодательном уровне. Методологической основой исследования выступают формально-юридический и системный методы. В работе рассматривается, понятие и признаки апартamentos, их правовой статус, а также их классификация и правовой режим по действующему российскому законодательству. Существует, необходимость в законодательном закреплении правового режима апартamentos, так как в настоящее время этот вопрос находится в подвешенном состоянии, но суды в своей практике солидарны с позицией, что апартamentos – это все-таки нежилая недвижимость, вне зависимости от фактического назначения помещения. Автор приходит к выводу о том, что отсутствие четкого легального определения апартamentos создает проблемы при классификации как жилых, так и нежилых помещений. Несмотря на рост торговли апартamentosами, законодательство не относит их к жилым помещениям, что вызывает разногласия в судебной практике. Апартamentos, как правило, классифицируются как нежилые объекты, что исключает применение к ним жилищных прав. Однако временный характер проживания в апартamentosах иногда учитывается судами, когда их использование соответствует условиям временного проживания.

Ключевые слова: апартamentos, правовой режим апартamentos, правовой статус апартamentos, классификация апартamentos, нарушение принципа равенства.

Введение

Следует отметить, что современная отечественная юридическая наука не уделяет этой теме должного внимания. В действующем на сегодняшний день законодательстве отсутствует понятие «апартamentos». Для того, чтобы понять к чему относить апартamentos, следует обратиться к Жилищному Кодексу, Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 № 308-ЭС18–15980 по делу № А53–7967/2017, Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ и иным нормативным актам.

Актуальность обусловлена тем, что вопрос существования апартamentos до сих пор не урегулирован на законодательном уровне.

С одной стороны, сторонники первой концепции, относят апартamentos к жилым помещениям, другие же наоборот считают, что это нежилая недвижимость и проживание в них нужно ограничить.

В последнее время данная тема вновь стала обсуждаться, как внутри общества, так и среди политических деятелей нашей страны. В последнее время наблюдается сокращение площадей, отведённых под жилищное строительство. Эта тенденция обусловила интерес застройщиков к промышленным зонам, где они возводят здания, формально относящиеся к нежилому фонду, но фактически пригодные для проживания. Чиновники в свою очередь, видя повышенный спрос на апартamentos, уже не раз пытались ввести ограничения и даже запретить застройку таких объектов.

Содержательная часть

Термин «апартamentos» уже давно используется в обществе для обозначения объектов недвижимости без какого-либо четкого юридического обоснования.

Согласно определению данному в словаре С.И. Ожегова, под «апартamentosами» (от франц. appartement – квартира) понимается большое роскошное помещение [1].

В отечественной практике термин «апартamentos» появился в конце XX века. Изначально так называли комфортабельные квартиры в престижных жилых комплексах, люксовые номера в отелях и загородных резиденциях, а также квартиры с оригинальной планировкой, просторными помещениями и панорамным остеклением [2].

В последнее время гражданское законодательство часто трансформируется и модернизируется. Законодатель вводит в оборот новые понятия или легализует уже существующие явления. Имущественное право также постоянно подвергается мо-

дернизации. Однако, несмотря на эти процессы, в современном мире все еще существуют проблемы, которые не урегулированы законом. Одним из таких явлений является понятие «апартаменты», которое стремительно развивается на рынке недвижимости Российской Федерации и пользуется большим спросом у населения наряду с квартирами, хоть и имеет свои недостатки.

Проанализировав существующие нормативные акты, автор пришел к выводу о том, что в действующем на сегодняшний день законодательстве отсутствует понятие «апартаментов», но в соответствии с устаревшим Приказом Министерства культуры РФ от 11 июля 2014 г. N 1215 под апартаментами понимался: «номер в средстве размещения площадью не менее 40 квадратных метров, состоящий из двух и более комнат (гостиной/столовой/и спальни) с кухонным уголком» [3]. Также согласно данной норме, апартаменты должны иметь площадь не менее 40 квадратных метров, иметь 2 и более комнаты и иметь в своем составе гостиную/столовую/спальню/кухонный уголок. До 2021 года термин «апартаменты» преимущественно использовался для обозначения определённых категорий гостиничных номеров.

Чтобы определить правовой статус апартаментов, обратимся к п. 2 ст. 15 Жилищного Кодекса Российской Федерации (ЖК РФ), где под жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства) [4]. В п. 1 ст. 16 ЖК РФ приведён исчерпывающий список видов жилья, согласно которому к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры и комната. Согласно ст. 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: под средством размещения подразумевается – имущественный комплекс, включающий в себя здание или часть здания, помещения, оборудование и иное имущество и используемый для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц [5].

Следовательно, в апартаментах отсутствует возможность долгосрочного проживания. В отличие от жилых помещений, предназначенных для постоянного проживания, апартаменты используются для временного пребывания. Следовательно, независимо от соответствия здания строительным и санитарным нормам, с юридической точки зрения апартаменты классифицируются как нежилые помещения.

С нашей точки зрения, целесообразно проводить сравнительный анализ апартаментов и квартир, поскольку их правовой статус фактически идентичен. Однако, в отличие от апартаментов, к жилым помещениям предъявляются более строгие требования, установленные санитарными, строительными нормами и иными законодательными актами [6]. Данные требования указаны

в Постановлении Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [7].

Таким образом, апартаменты можно определить как нежилые помещения, расположенные в многоквартирных домах или гостиничных комплексах, как правило, состоящие из одной или нескольких комнат с отдельными санузлами и зачастую включающие кухню и спальню.

Для того чтобы лучше уяснить правовую природу апартаментов необходимо обратить внимание на его признаки:

- во-первых, апартаментами признается нежилая коммерческая недвижимость, а также гостиничные номера;
- во-вторых, апартаменты имеют сантехнический узел и кухонную зону;
- в-третьих, апартаменты состоят из одной или нескольких комнат.

Правовой режим апартаментов по действующему российскому законодательству

Как мы уже говорили ранее, действующее законодательство не дает определения понятию «апартаменты», хотя употребляет данный термин при классификации гостиниц в п. «г» ч. 5 Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» [8].

Хотя апартаменты часто используются как жильё, и многие приравнивают их к квартирам, Бронислав Гонгало придерживается иной точки зрения. Он утверждает, что одна комната в квартире эквивалентна отдельной комнате, а две или более комнат или комната с дополнительными помещениями составляют часть жилого дома. Однако законодательство определяет комнату как часть квартиры или жилого дома [9]. Несмотря на то, что апартаменты, расположенные в бизнес-центрах и торговых комплексах, непригодны для постоянного проживания, возникает конфликт интересов между собственниками, использующими их в качестве жилья, и теми, кто использует их в коммерческих целях. Такая ситуация противоречит принципу равенства прав и свобод человека и гражданина, закрепленному в части 1 статьи 19 Конституции РФ [10], где сказано, что все равны перед законом и судом, а также принципу равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений указанных в ч. 1 ст. 1 Жилищного Кодекса РФ.

Из-за противоречий и трудностей, связанных с использованием апартаментов за пределами гостиничной сферы, законопроект о регулировании их правового статуса был отозван из Государственной Думы. В итоге вопрос правового статуса апартаментов остаётся открытым [11].

Также недобросовестные застройщики нередко указывают в объявлениях понятие «жилых апарта-

ментов» или обещают покупателям в дальнейшем перевод жилого помещения в нежилое. Основная проблемой перевода апартаментов в статус жилого помещения является тот факт, что апартаменты строятся по другим строительным нормам, нежели квартира в многоквартирном доме.

На практике приобретение апартаментов, являющихся коммерческими площадями, часто оказывается экономически выгодным из-за более низкой стоимости (на 20–30% ниже рыночной стоимости квартир). Однако это компенсируется более высокими коммунальными и налоговыми платежами (на 15–20% выше, чем для жилых помещений), а также отсутствием развитой социальной инфраструктуры.

В условиях правовой неопределённости классификация правового режима апартаментов представляет собой сложную задачу. Во-первых, строительство объектов коммерческой недвижимости, к которым относятся апартаменты, контролируется менее строго, чем строительство жилых зданий. Это проявляется в ослабленных санитарных нормах, требованиях к планировке и шумоизоляции, а также в отсутствии обязательной социальной инфраструктуры. Застройщики обладают большей свободой в выборе местоположения, используемых материалов и плотности застройки.

Во-вторых, статья 109 Гражданского кодекса РФ определяет внешние аспекты правового режима апартаментов, позволяя отчуждать их (продавать, дарить, сдавать в аренду) так же, как и другую недвижимость. Однако следует учитывать налоговые особенности, такие как отсутствие налогового вычета при покупке и специфика налогообложения коммерческой недвижимости. Приобретение апартаментов часто продиктовано инвестиционными соображениями (сдача в аренду), что снижает актуальность регистрации по месту жительства. Временная регистрация возможна, но только в случае апартаментов, расположенных в зданиях гостиничного типа. В других случаях, например, в деловых районах, временная регистрация не допускается [13].

К апартаментам не применяются нормы жилищного, налогового и гражданского законодательства, регулирующие жилую недвижимость. Они не подпадают под действие государственных программ поддержки жилья, льготного кредитования и субсидий. В отличие от собственников квартир, владельцы апартаментов, согласно статье 38 Жилищного кодекса РФ, не имеют доли в общем имуществе многоквартирного дома (крыша, фасад, подъезды и т.д.) и не участвуют в распределении расходов на коммунальные услуги на тех же основаниях.

Апартаменты отличаются от квартир возможностью создания студий или мастерских благодаря их гибкому планированию и дизайну. Также апартаменты пользуются спросом как инвестиционный объект для последующей аренды. В 2019 году в законодательстве были внесены изменения относи-

тельно долевого участия в строительстве, что изменило подход к приобретению апартаментов.

Ранее возникла неопределенность в определении апартаментов, но в 2019 году Верховный суд РФ Ф разъяснил, что участники долевого строительства нежилых помещений имеют право на залоговый статус и могут предъявить требование к застройщику. Суд подчеркнул, что застройщик обязан зарегистрировать право собственности на нежилые помещения (включая апартаменты) при вводе дома в эксплуатацию. Это гарантирует защиту прав участников долевого строительства нежилых помещений и обеспечивает правовую основу для удовлетворения их финансовых требований [14].

Также в конце 2018 года был принят федеральный закон, предоставляющий участникам строительства возможность претендовать на сам объект недвижимости в случае банкротства застройщика. Это урегулировало проблемы, связанные с завершением строительства и выплатой компенсаций пострадавшим дольщикам. Однако последующие изменения в законодательстве привели к исключению юридических лиц из числа участников строительства, лишив их прав на получение недвижимости при банкротстве застройщика [15].

Судебная практика также не осталась в стороне от этой правовой проблемы. Значимым для рассматриваемой темы является Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан, где сказано, что действующая в настоящее время система государственного учета жилищного фонда, исходя из нового гражданского и жилищного законодательства Российской Федерации, в качестве критерия называет фактическую пригодность жилого строения для постоянного проживания и тем самым не исключает возможность отнесения пригодных для проживания жилых строений, расположенных на садовых земельных участках, к индивидуальному жилищному фонду [16]. Даже если объект изначально не планировался как жилой, это не исключает автоматически возможность признания его жилым помещением в дальнейшем [17].

Судебная практика демонстрирует единогласное признание апартаментов нежилыми помещениями. Верховный Суд РФ подтвердил, что нежилые помещения, даже принадлежащие предпринимателю, не подпадают под действие законодательства о жилищных правах и не являются многоквартирными домами [18].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении и Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в Апелляционном определении пришли к выводу о том, что апартаменты, которыми фактически являются принадлежащие истцам помещения, действующим законодательством не признаются жилыми помещениями, являются

нежилыми согласно свидетельствам о праве собственности на эти помещения [19].

Классификация апарт-апартаментов

В российском законодательстве и научной литературе отсутствует официальная классификация апарт-апартаментов. Однако, на основе анализа интернет-ресурсов, можно выделить несколько типов апарт-апартаментов по способу использования и месторасположению: арендные апарт-апартаменты и апарт-апартаменты, приобретаемые в собственность для постоянного проживания, но не имеющие статуса жилого помещения. Кроме того, выделяют апарт-отели, апарт-апартаменты-офисы, лофт-апартаменты, апарт-апартаменты в многофункциональных комплексах и апарт-апартаменты в доходных домах.

Апарт-отель – (англ. apart hotel от apart отдельный и hotel гостиница), тип гостиницы, в которой номера представляют собой отдельную квартиру. Апарт-отели рассчитаны на гостей, согласных готовить себе еду самостоятельно. Чаще всего их арендуют люди для совместного проживания большим количеством человек, так это выгодно в силу того, что в апарт-отелях оплата производится только за сам номер, вне зависимости от количества проживающих. Примером может послужить Апарт-отель «Место», который расположен в Новосибирске и пользуется большим спросом у граждан в виду своей стоимости, так как он дешевле на 30% дешевле гостиницы.

Лофт-апартаменты – это формат жилья со статусом апарт-апартаментов в здании, которое раньше использовалось в индустриальных целях. Современная тенденция развития городской недвижимости проявляется в появлении лофт-кварталов, объединяющих апарт-апартаменты, офисы, мастерские, магазины и развлекательные заведения. Это способствует росту спроса на редевелопмент промышленных объектов, таких как бывшие заводы и фабрики XIX века. Апарт-апартаменты в многофункциональных комплексах, в свою очередь, ориентированы на деловых людей и бизнесменов и располагаются преимущественно в деловых центрах городов. Внутри данных МФК отсутствуют придомовые территории, зато присутствует большое количество ресторанов, тренажерных залов, СПА-комплексов и др. Чаще всего такие объекты покупают крупные компании для своих сотрудников.

Последним видом апарт-апартаментов, являются апарт-апартаменты в доходных домах, которые представляют собой квартиры, сдающиеся в долгосрочную аренду с сервисным обслуживанием.

Следующей классификацией апарт-апартаментов является деление их на классы, ведь традиционно даже среди классов жилья выделяют эконом, комфорт, бизнес, премиум и элит. Апарт-апартаменты, ориентированные преимущественно на бизнесменов и состоятельных людей, представлены на рынке в основном классами «элит» и «бизнес», в то время как классы «эконом» и «комфорт» менее популярны из-за отсутствия возможности регистра-

ции по месту жительства. Всего выделяют четыре класса апарт-апартаментов: А, В, С и «люкс».

Класс А представляет собой небольшие студии (до 40–50 м²) с совмещенными кухней и санузлом.

Класс В включает 2–3 комнаты, отдельную или совмещенную кухню и санузел.

Класс С – это просторные апарт-апартаменты (более 100 м²) с 3–5 комнатами, расположенные в престижных районах.

Класс «люкс» – это, как правило, 2-комнатные апарт-апартаменты с санузлом и кухней, расположенные в элитных местах (пентхаусы, на побережье) и отличающиеся высококачественной дизайнерской отделкой.

В результате исследования различных видов апарт-апартаментов можно сделать вывод, что классификация данного вида недвижимости может осуществляться на основе нескольких критериев. В первую очередь, апарт-апартаменты могут быть разделены на апарт-отели, апарт-апартаменты-офисы, лофт-апартаменты, апарт-апартаменты в многофункциональных комплексах, а также апарт-апартаменты в доходных домах в зависимости от назначения. Кроме того, апарт-апартаменты могут быть отнесены к разным типам по классам: эконом, комфорт, бизнес, премиум и элит. [20]

Таким образом можно сделать вывод о том, что в настоящее время в России нет четкого легального определения апарт-апартаментов. Вопрос о классификации апарт-апартаментов как жилых или нежилых помещений остаётся открытым и важным, учитывая их растущую популярность. Хотя они часто обладают планировкой и инфраструктурой, привлекательными для фрилансеров и предпринимателей, судебная практика в целом признаёт их нежилыми объектами.

Несмотря на то, что процесс оформления права собственности на апарт-апартаменты аналогичен процедуре оформления права собственности на обычные квартиры, в документах будет указано «нежилое помещение». Несоответствие апарт-апартаментов нормам жилищного, налогового и гражданского законодательства ограничивает доступ к льготным программам, ипотеке, материнскому капиталу, а также возможность обратиться в антимонопольный орган по вопросам коммунальных тарифов.

Решение проблемы правового статуса апарт-апартаментов видится в следующих законодательных изменениях:

- 1) введение легального определения понятия «апарт-апартаменты»;
- 2) уточнение правового статуса апарт-апартаментов с приближением к требованиям, предъявляемым к жилым помещениям;
- 3) законодательная классификация апарт-апартаментов на жилые (для проживания) и нежилые (для коммерческого использования).

Эти изменения должны быть внесены в Жилищный кодекс РФ и другие нормативные акты с разработкой специальных процедур перевода нежилых помещений в жилые.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва. 1987. С. 358.
2. К вопросу об актуальных проблемах правового регламентирования хостелов, апарт-отелей и апартаментов // [Электронный ресурс]: «zakon.ru». URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/24/k_voprosu_ob_aktualnyh_problemah_pravovogo_reglamentirovaniya_hostelov_apartamentov_i_apart-otelej.
3. Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями: Приказ Министерства культуры РФ от 11.07.2014 г. № 1215. // Российская газета. 06.02.2015 г. № 24/1 (утратил силу).
4. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 06.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // Российская газета. № 1. 12.01.2005.
5. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. № 231. 03.12.1996.
6. Дядькин Д. С., Усольцева Н.А. Проблемы определения статуса апартаментов в качестве помещений для проживания граждан // Вестник СурГУ. 2018. № 2 (20). С. 10.
7. Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом: Постановление Правительства РФ от 28.01.2006. № 47 (ред. от 28.09.2022) // Российская газета. № 28. 10.02.2006.
8. Об утверждении Положения о классификации гостиниц: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2019 г. № 158 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 8. Ст. 786.
9. Шмелева Л.В. Виды жилых помещений по законодательству российской федерации // Вестник магистратуры. 2015. № 12–4 (51). С. 12.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]: «Официальный интернет-портал правовой информации».
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования правового статуса многофункциональных домов и жилых апартаментов»
12. Лазаренкова О.Г., Алексеева Е.В. Некоторые проблемы определения правового режима апартаментов как вида коммерческой недвижимости // Нотариус. 2020. № 6. С. 27.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 № 308-ЭС18–15980 по делу № А53–7967/2017 (документ опубликован не был). // [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=571383#ygVKWBUGCBgvt0hm>.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Российская газета. № 294. 28.12.2018
15. По делу о проверке конституционности абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 г. № 7 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 3. Ст. 2089.
16. Пация Т.М. Критерии отнесения помещения к категории жилых и проблема апартаментов // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 19.
17. Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2018 № 310-КГ18–16918 по делу № А54–6031/2017 // [Электронный ресурс]: «ЮИС Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-15102018-n-310-kg18-16918-po-delu-n-a54-60312017/>.
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гараниной Ирины Николаевны и Тариканова Дмитрия Викторовича на нарушение их конституционных прав положениями пунктов 1, 3–4.1 и 7 статьи 378.2 и подпункта 2 пункта 2 статьи 406 Налогового кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 1 Закона города Москвы «О налоге на имущество физических лиц», а также пункта 488 Перечня объектов недвижимого имущества (зданий, строений и сооружений), в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1719-О // [Электронный ресурс]: «ЮИС Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-17072018-n-1719-o/>.
19. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 года № 5-АПГ18–30 // [Электронный ресурс]: «ЮИС Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-29052018-n-5-apg18-30/>.
20. Застройщики проектируют жилые офисы. Что это такое? // [Электронный ресурс]: «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2023/05/06/>

CONCEPT AND LEGAL STATUS OF APARTMENTS

Melchakov K.M.

Novosibirsk State University

The author aims to determine the need for research and evaluation of further development of the legal regime of apartments, since the issue of their existence has not yet been regulated at the legislative level. The methodological basis of the study is the formal-legal and systemic methods. The paper considers the concept and characteristics of apartments, their legal status, as well as their classification and legal regime under current Russian legislation. There is a need for legislative consolidation of the legal regime of apartments, since at present this issue is in limbo, but the courts in their practice agree with the position that apartments are still non-residential real estate, regardless of the actual purpose of the premises. The author comes to the conclusion that the lack of a clear legal definition of apartments creates problems in the classification of both residential and non-residential premises. Despite the growth of apartment trade, the legislation does not classify them as residential premises, which causes disagreement in judicial practice. Apartments are usually classified as non-residential properties, which excludes the application of housing rights to them. However, the temporary nature of residence in apartments is sometimes taken into account by courts when their use complies with the conditions of temporary residence.

Keywords: apartments, legal regime of apartments, legal status of apartments, classification of apartments, violation of the principle of equality.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. – Moscow. 1987. P. 358.
2. On the issue of current problems of legal regulation of hostels, apartments and apart-hotels // [Electronic resource]: “zakon.ru”. URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/24/k_voprosu_ob_aktualnyh_problemah_pravovogo_reglamentirovaniya_hostelov_apartamentov_i_apart-otelej.
3. On approval of the procedure for classification of tourism industry facilities, including hotels and other accommodation facilities, ski slopes and beaches, carried out by accredited organizations: Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated July 11, 2014 No. 1215. // Rossiyskaya Gazeta. 06.02.2015 No. 24/1 (no longer in effect).
4. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2004 No. 188-FZ (as amended on 06.04.2024, as amended on 25.04.2024) // Rossiyskaya Gazeta. No. 1. 12.01.2005.
5. On the Fundamentals of Tourist Activity in the Russian Federation: Federal Law of 24.11.1996 No. 132-FZ (latest revision) // Rossiyskaya Gazeta. No. 231. 03.12.1996.
6. Dyadkin D.S., Usoltseva N.A. Problems of Determining the Status of Apartments as Residential Premises for Citizens // Bulletin of Surgut State University. 2018. No. 2 (20). P. 10.
7. On approval of the Regulation on recognition of premises as residential premises, residential premises as unfit for habitation, an apartment building as emergency and subject to demolition or reconstruction, a garden house as a residential building and a residential building as a garden house: Resolution of the Government of the Russian Federation of 01/28/2006. No. 47 (as amended on 09/28/2022) // Rossiyskaya Gazeta. No. 28. 02/10/2006.
8. On approval of the Regulation on the classification of hotels: Resolution of the Government of the Russian Federation of 02/16/2019 No. 158 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 8. Art. 786.
9. Shmeleva L.V. Types of residential premises under the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Magistracy. 2015. No. 12–4 (51). P. 12.
10. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // [Electronic resource]: “Official Internet Portal of Legal Information”.
11. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Regulate the Legal Status of Multifunctional Buildings and Residential Apartments”
12. Lazarenkova O.G., Alekseeva E.V. Some Problems of Defining the Legal Regime of Apartments as a Type of Commercial Real Estate // Notary. 2020. No. 6. P. 27.
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.02.2019 No. 308-ES18–15980 in case No. A53–7967/2017 (the document was not published). // [Electronic resource]: Official Internet portal of legal information “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=571383#ygvKWBUGCBgv0hm>.
14. On Amendments to the Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 25.12.2018 No. 478-FZ (as amended on 30.12.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2022) // Rossiyskaya Gazeta. No. 294. 28.12.2018
15. On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of Article 1 of the Federal Law “On Horticultural, Vegetable Gardening and Dacha Non-Commercial Associations of Citizens” in connection with the complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.04.2008 No. 7 // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2008. No. 3. Art. 2089.
16. Patsia T.M. Criteria for classifying premises as residential and the problem of apartments // Family and housing law. 2019. No. 4. P. 19.
17. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 15, 2018 No. 310-KG18–16918 in case No. A54–6031/2017 // [Electronic resource]: “UIS Legalact”. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15102018-n-310-kg18-16918-po-delu-n-a54-60312017/>.
18. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Irina Nikolaevna Garanina and Dmitry Viktorovich Tarikanov regarding the violation of their constitutional rights by the provisions of paragraphs 1, 3–4.1 and 7 of Article 378.2 and subparagraph 2 of paragraph 2 of Article 406 of the Tax Code of the Russian Federation, paragraph 4 of Article 1 of the Law of the City of Moscow “On Property Tax for Individuals”, as well as paragraph 488 of the List of real estate objects (buildings, structures and facilities) for which the tax base is determined as their cadastral value: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 17, 2018 No. 1719-O // [Electronic resource]: “UIS Legalact”. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1719-o/>.
19. Definition of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 No. 5-APG18–30 // [Electronic resource]: “UIS Legalact”. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052018-n-5-apg18-30/>.
20. Developers design residential offices. What is it? // [Electronic resource]: “Rossiyskaya Gazeta”. URL: <https://rg.ru/2023/05/06/zastrojshchikiproektiruiut-zhilye-ofisy-chto-eto-t>

Доктрина «снятия корпоративной вуали» («piercing the corporate veil») в англо-американском праве

Моисеенко Светлана Андреевна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

Сомова Ольга Владимировна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: o.somova@g.nsu.ru

Статья посвящена сравнительному анализу доктрины «снятия корпоративной вуали» в англо-американской правовой системе. Рассматривается природа доктрины, а также анализируется специфика оснований и последствий ее применения в США и Великобритании. Данная тематика особенно актуальна в современных условиях ведения бизнеса, для которых характерно преобладание холдинговых структур, помогающих коммерсантам перераспределить предпринимательские риски среди участников групп компаний, в результате чего создается простор для злоупотреблений. Для противодействия различным внутригрупповым злоупотреблениям в странах системы общего права разработана доктрина «снятия корпоративной вуали», позволяющая в определенных случаях игнорировать самостоятельность корпорации и включать участников корпорации напрямую в отношения между ней и третьими лицами. На актуальность данной темы указывают и многочисленные дискуссии о необходимости нормативного закрепления данной доктрины, ведущиеся в российском юридическом сообществе.

Ключевые слова: «снятие корпоративной вуали»; корпорация; предпринимательские группы; принцип самостоятельности юридического лица; корпоративная вуаль; ограниченная ответственность.

В первой половине XIX века господствовала идея неограниченной ответственности коммерсантов. Отчасти ввиду этого для создания акционерных обществ признавалось необходимым получение предварительной санкции соответствующего государственного органа [1, с. 37]. Однако к концу XIX века получили распространение либеральные экономические теории, продвигающие идею сведения к минимуму государственного вмешательства в экономику, произошел переход от идеи санкционирования государством создания юридических лиц к явочной системе регистрации [2, с. 250]. Параллельно с этим стали создаваться первые общества с ограниченной ответственностью, организационно-правовая форма которых позволяла пользоваться ограниченной ответственностью не только участникам крупных предприятий, но и относительно небольших корпораций. В английском праве такого рода субъекты именовались «Private Company».

В Великобритании концепция акционерной компании как автономного субъекта права была введена Законом об акционерных обществах 1844 года (The Joint Stock Companies Registration, Incorporation, and Regulation Act). Данный закон впервые разрешил создание компаний путем регистрации. К 1855 году законодатели пришли к выводу о том, что ограниченная ответственность является необходимым дополнением к возможности создания компании путем регистрации [3, р. 31], был принят The Limited Liability Act, т.е. Закон «Об ограниченной ответственности», который утвердил принцип ограниченной ответственности участников корпораций. По мнению Ф. Бламберга, переход к данному принципу следует связывать с развитием железнодорожной отрасли: «стремление железных дорог к получению крупных инвестиций, ведущее к созданию активного рынка ценных бумаг в Англии, привело к распространению принципа ограниченной ответственности» [4, р. 584].

Для указанного принципа ключевым является решение по делу *Salomon v. Salomon and Co. Ltd.*, вынесенное в 1897 году. В соответствии с правовой позицией, стоящей в основе данного решения, юридическое лицо является автономным субъектом права и несет самостоятельную ответственность по обязательствам. Следовательно, лица, являющиеся учредителями компании, не отвечают по ее долгам своим личным (т.е. не внесенным в качестве вклада в уставный капитал или имущество корпорации) имуществом. В решении подробно описывается природа и последствия инкорпорации в контексте возникновения в результате инкор-

порации самостоятельного субъекта права. В данном деле концепция ограниченной ответственности впервые была применена к небольшой компании, фактически являвшейся бизнесом одного человека (на тот момент данный принцип применялся преимущественно к крупным корпорациям) [5, p. 25].

Согласно **принципу самостоятельности юридического лица**, корпорация обладает статусом независимого субъекта права, отличного от своих участников (членов). Как отмечает Ломакин: «корпорация рассматривается в качестве полноценного субъекта права, существующего наряду и независимо от участников (членов)» [6, с. 3]. Это выражается в 1) самостоятельном несении ею ответственности по своим обязательствам и 2) возможности действия в собственных интересах.

Принцип ограниченной ответственности участников устанавливает лимиты их предпринимательских рисков в пределах суммы внесенного ими вклада, т.е. стоимостью приобретенных акций или долей участия в уставном капитале общества [5, p. 24]. Необходимо отметить, что эти принципы, несмотря на взаимосвязь, не являются взаимозаменяемыми: принцип самостоятельности имеет более широкий охват и лежит в основе самого понятия юридического лица, в отличие от принципа ограниченной ответственности, применяемого не ко всем видам юридических лиц. Исторически идея самостоятельности компаний берет начало со времен римского права и развивалась в рамках концепции юридического лица [7]. В свою очередь, как было продемонстрировано, категория ограниченной ответственности является продуктом Нового времени, ее возникновение неразрывно связано с появлением новых видов хозяйственных обществ (обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ) и детерминировано производственным развитием и целью концентрации капитала [8, p. 4].

Принципы автономии корпорации и ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ ныне признаны фундаментальными свойствами корпоративных организационно-правовых форм. Тем не менее, законодательство большинства развитых стран предусматривает возможность некоторых отступлений от данных принципов. Основания и порядок применения подобных изъятий могут выводиться из судебной практики или же закрепляться на законодательном уровне, а их необходимость детерминируется случаями экономической зависимости формально автономных юридических лиц. В результате управления лицами, юридически не обладающими правами на управление, независимые компании лишаются собственной воли и интереса. Распространенной схемой подобной зависимости являются отношения материнская–дочерние компании, в рамках которых часто происходят различного рода злоупотребления (например, в части установления трансфертного ценообразования, использования подконтрольных компаний для вывода и сокрытия активов и т.д.). В целях противодействия распро-

странению данных злоупотреблений в странах системы общего права была разработана доктрина «piercing the corporate veil» (иные варианты наименования, встречающиеся в литературе, – «lifting the corporate veil», «looking / going behind the corporate veil»), что в переводе означает «снятие / прокалывание корпоративной вуали» [6, с. 19]. Внедрение данного термина в юридическую доктрину произошло после публикации статьи Мориса Уормстера под названием «Piercing the Veil of Corporate Entity» в 1912 году. Основные положения данной доктрины не раскрываются в нормативных правовых актах, а формируются в судебной практике. «Снятие корпоративной вуали» является комплексным понятием, объединяющим ряд правовых принципов и институтов, позволяющих, преодолевая корпоративную ширму, напрямую включить членов корпорации в отношения между ней и третьими лицами [9, с. 125]. Вместе с тем, стоит отметить, что вплоть до настоящего времени ни в США, ни в Великобритании не сформулировано единое понимание юридической природы данной концепции, а также не определены единые основания для ее применения. Вероятно, отсутствие унификации связано в первую очередь с тем, что «снятие корпоративной вуали» рассматривается в качестве исключения из принципов автономии компаний и ограниченной ответственности их участников. Применение данного исключения всякий раз сопряжено с тщательной проверкой всей совокупности обстоятельств дела, свидетельствующих о размытии самостоятельности корпорации.

Доктрина «снятия корпоративного покрова» первоначально нашла свое закрепление в США. Параллельно формированию критериев ее применения в практике США данная концепция также активно обсуждалась в Великобритании. Уже упоминавшееся судебное решение по делу *Salomon v. Salomon Co. Ltd.* подвергалось многочисленной критике. Звучали опасения относительно того, что данное решение позволит недобросовестным субъектам избегать личной ответственности, прикрываясь корпоративной «вуалью» в целях обмана кредиторов [10, p. 68].

В англо-американском праве «вуаль» снимается преимущественно в целях противодействия злоупотреблениям контролирующих лиц, ввиду чего в качестве исходного тезиса доктрины рассматривается правило, в соответствии с которым правовая система не может признавать юридические конструкции, если они используются с незаконными (недобросовестными) намерениями [11].

Однако случаи применения концепции «снятия корпоративных покровов» в настоящее время не исчерпываются привлечением к ответственности недобросовестного контролирующего лица по обязательствам корпорации. Так, данная концепция может применяться при перемене лиц в договорных обязательствах [12, с. 81], для распространения на корпорацию характеристик участника [9, с. 125], в юрисдикционных целях, т.е. в целях определения подсудности и т.д. В данном контек-

сте стоит обратить внимание на решение по делу D.H.N. Food Distributors v. Tower Hamlets London Borough Council, вынесенное Апелляционным судом Англии и Уэльса в 1972 году. Данное дело уникально тем, что само контролирующее лицо (материнская компания D.H.N. Food Distributors) инициировало применение рассматриваемой доктрины, т.е. осуществление так называемого «обратного снятия корпоративной вуали», чтобы доказать свое фактическое владение земельным участком, формально числившимся на балансе у своей дочерней компании. Суд удовлетворил требование контролирующей компании, что позволило ей потребовать компенсации за принудительный выкуп указанного земельного участка государством. Этот прецедент демонстрирует, что доктрина «прокалывания корпоративной вуали» может использоваться не только в интересах защиты третьих лиц, но и в интересах самой корпорации, что является очередным свидетельством многогранности юридической сущности данной доктрины.

Англо-американское право не дает универсального алгоритма определения оснований и условий для применения рассматриваемой концепции. Разрешение данного вопроса происходит с помощью использования в каждом конкретном случае набора различных критериев (тестов), определяемых с учетом анализа обстоятельств дела.

В Великобритании данная концепция развивалась в судебной практике в рамках «права справедливости» [13]. Использование доктрины является последним средством защиты нарушенных прав, применяемым лишь в исключительных случаях, когда использование иных правовых средств (например, теории агентских отношений [12], правил «fraudulent and wrongful trading» [14]) невозможно.

В английской практике широко распространена теория «the single economic unit theory» («единого экономического устройства»). В соответствии с этой концепцией, суд вправе проигнорировать корпоративную автономию в случае, если совокупность обстоятельств свидетельствует о том, что материнская и дочерняя компании экономически являются единым предприятием [15]. Так, в решении по делу Pierelli Cable Holding NV v. Inland Revenue Comm'rs указывается, что в рамках холдинга отношения построены как в партнерстве, следовательно, компании, входящие в холдинговую организацию, не могут рассматриваться в качестве автономных. В настоящее время английские суды считают данное обстоятельство наиболее распространенным и актуальным основанием для снятия корпоративной вуали.

Еще одним основанием для срывания корпоративного покрова по английскому праву является установление **агентских отношений (the Agency)**. Агентское отношение по английскому праву представляет собой правоотношение, в рамках которого у агента имеется возможность создавать для принципала юридически обязывающие договорные отношения с третьими лицами. В рамках дан-

ных правоотношений на агента возлагается обязанность действовать «заботливо и лояльно (верно)» («duty of care and duty of loyalty») в интересах принципала. Для срывания корпоративной вуали в случае установления агентских отношений необходимо установить, что дочернее общество действовало в качестве агента контролирующей компании (принципала) [16].

В американской доктрине разработаны две основные теории, на основании которых суды принимают решение о «снятии вуали».

1. Тест «**альтер-эго**» («**alter-ego doctrine**»). Данный двухфакторный тест разработан на основании работ Мориса Уомсера. Для применения теории «альтер-эго» суд должен установить следующие обстоятельства:

- a) Между контролирующим и зависимым обществами имеется такая степень смешения активов, что они становятся неразличимы экономически, т.е. дочерняя и материнская компании становятся «альтер-эго» друг друга;
- b) Разграничение контролирующего и подконтрольного лиц приведет к «несправедливому результату», т.е. необходимо установить противоправность деятельности группы лиц [9, р. 501], в результате которой разделение компаний приведёт к негативным последствиям в виде причинения ущерба независимым кредиторам.

Доктрина «альтер-эго» находит свое отражение в судебной практике (например, дело M. Leasing Corp.v. United States; Cobalt Partners, L.P. v GSC Capital Corp. и др.), а также в законодательстве штатов (например, в ст. 17703.04 (b) Корпоративного кодекса штата Калифорния 20172).

2. Трехфакторный тест или «**теория инструментальности**» («**instrumentality theory**»), разработанный Ф. Дж. Пауэллом. Данный тест предполагает установление трех критериев:

- a) Отсутствие фактической автономии у контролируемой извне компании;
- b) Использование данного контроля в недобросовестных целях (в целях причинения вреда);
- c) Вследствие наличия крайней экономической зависимости компании, а также использования данной зависимости заведомо во вред третьим лицам, кредиторы претерпевают неблагоприятные последствия [17, р. 1036].

Таким образом, в рамках «теории инструментальности» важно установить не только сам факт контроля и наличие ущерба вследствие недобросовестного извлечения выгоды контролирующим лицом, но и причинно-следственную связь между данными обстоятельствами. В качестве примера можно привести дело Big Four Mills, Ltd.v. Commercial Credit Co., в рамках которого суд отметил, что владение контрольным пакетом акций не является достаточным основанием для игнорирования самостоятельности корпораций. Однако, при использовании возможности корпоративного контроля в недобросовестных и противоправных целях, суд вправе рассматривать компании в качестве едино-

го субъекта права, распространяя ответственность на мажоритарного акционера.

В настоящее время «теория альтер-эго» и «теория инструментальности» рассматриваются американскими судами как взаимозаменяемые, что обусловлено их сходством в части необходимости установления факта и степени контроля, использования данного контроля в противоправных целях, наличие ущерба. Более того, в рамках данных теорий учету подлежит ряд общих субфакторов, помогающих суду устанавливать наличие обстоятельств, позволяющих применять данные тесты (например, недокапитализация (*undercapitalization*), вид корпорации (публичная или непубличная) и т.д.) [18, р. 355].

В американской доктрине и практике существуют и иные теории, позволяющие игнорировать юридическую автономию корпораций и связанные с рассматриваемой доктриной. Например, концепция «единого предприятия» («*enterprise entity*»), позволяющая «снять вуаль» в отношении компаний, ведущих общий бизнес посредством консолидации своих активов для реализации общих целей. Активы лишь формально закрепляются за разными компаниями, контроль их использования осуществляется материнской компанией. Подобное смешение открывает возможность возложить ответственность отдельных корпораций по обязательствам на все компании, образующие единое предприятие, то есть группа компаний рассматривается в качестве единого субъекта права. Подобное слияние в англоязычной литературе именуется как «*substantive consolidation*» («материальная консолидация») и широко применяется при банкротстве предпринимательских групп в США [19, р. 208].

Таким образом, на основе проведенного сравнительно-правового анализа можно выделить два общих основания для применения доктрины «снятия корпоративных покровов»: 1) подавляющее доминирование контролирующего лица над подконтрольным, в результате которого последнее фактически лишается автономии; 2) совершение контролирующим лицом недобросовестных и (или) противоправных действий через подконтрольное лицо. Применение данного института в США является довольно частым явлением, в то время как английские суды скорее склонны следовать фундаментальным принципам корпоративного права, обосновывая недопустимость вторжения в корпоративную автономию компаний, и применяют концепцию «снятия корпоративной вуали» лишь в исключительных случаях.

Литература

- Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрыва» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 31–73. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21968842&ysclid=lvvw4i286n619992137> (дата обращения: 07.11.2024).
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 8-е изд. – М.: Статут, 2020. – 351 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225732> (дата обращения: 07.11.2024).
- Pettet, B.G. *Company law* / Ben Pettet. – 2nd ed. – Pearson Education, 2005. – 437 p.
- Blumberg P. I., Strasser K.A., Georgakopoulos N.L., Gouvin E.J. *The Law of Corporate Groups: Jurisdiction, Practice, and Procedure* / Blumberg P.I. – 3d ed. – Wolters Kluwer, 2008. – 1194 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1975391 (дата обращения: 09.11.2024).
- Talbot, L. *Critical Company Law* / L.E. Talbot. – London: Routledge-Cavendish, 2008. – 393 p. – URL: https://www.academia.edu/34151414/Critical_Company_Law (дата обращения: 09.11.2024).
- Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрыва: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Журнал «Вестник экономического правосудия РФ». – № 9. – 2012. – URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/4066> (дата обращения: 07.11.2024).
- Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: Статут, 2000. – 299 с. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/8/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Vandekerckhove, K. *Piercing the Corporate Veil. European Company Law series.* / K. Vandekerckhove. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – Vol. 2. – P. 4. – URL: https://vk.com/wall-122765959_1958?ysclid=lw0jnps-poe557615853 (дата обращения: 25.04.24).
- Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. – 2013. – Т. 13. – № 5. – С. 120–144. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.11.2024).
- Farrar J. Hannigan B., Furye N.E., Wylie P. *Farrar's Company Law* / Farrar J. – Butterworths, London, 1998. – 802 p. – URL: <https://archive.org/details/farrarscompanyla0000john> (дата обращения: 11.11.2024).
- Prest v. Petrodel Resources Ltd. & Ors [2013] UKSC 34 (2013) [Электронный ресурс] // URL: [http://www.bailii.org/cgibin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=\(Wallersteiner\)](http://www.bailii.org/cgibin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=(Wallersteiner)) (дата обращения: 12.11.2024).
- Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покрыва. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 2013. – № 7. – С. 80–125. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2024).
- Bainbridge S.M. *Abolishing Veil Piercing* // Social Science Research Network Electronic Paper Collection. – 26 J.CORP.L. 479. – 74 p. – URL: <http://>

papers.ssrn.com/paper.taf?abstract_id=236967 (дата обращения: 10.11.2024).

14. Бudyлин С.Л. Исторические корни договорного права США // *Международное публичное и частное* – 2009. – № 4. – С. 32–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=knugaz&ysclid=lvvzod0o44722989625> (дата обращения: 12.11.2024).
15. Berle A.A. The Theory of Enterprise Entity // *Columbia Law Review* 343. – 1947. No 47 (3) – Pp. 343–358. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/291300576> (дата обращения: 15.11.2024).
16. Wallerstein v. Moir (N2), 1 WLR 991 (1974) [Electronic source] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wallersteiner_v_Moir (дата обращения: 15.11.2024).
17. Thompson R. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // *Cornell Law Review*. 1991. V. 76. – Pp. 1036–1074 – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol76/iss5/2/> (дата обращения: 12.11.2024).
18. Cheng T.K. The corporate veil doctrine revised: A comparative study of the English and the U.S. corporate veil doctrines // *Boston College International and Comparative Law Review*. 2011. Vol. 34. No 2. – Pp. 329–412. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71461552.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).
19. J. Stephen Gilbert, Substantive Consolidation in Bankruptcy: A Primer // *43 Vanderbilt Law Review*, 1990. – Pp. 207–243. – URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol43/iss1/5/> (дата обращения: 16.11.2024).

THE DOCTRINE OF “PIERCING THE CORPORATE VEIL” IN ANGLO-AMERICAN LAW

Moiseenko S.A., Somova O.V.
Novosibirsk State University

The article is dedicated to a comparative analysis of the doctrine of «piercing the corporate veil» in the Anglo-American legal system. It examines the nature of the doctrine as well as the grounds and consequences of its application in the United States and the United Kingdom. This topic is particularly relevant in the current business environment characterized by the prevalence of holding structures that allow entrepreneurs to redistribute business risks among members of corporate groups, resulting in a potential for abuse. To counteract various intra-group abuses, common law countries have developed the doctrine of «piercing the corporate veil», which allows for the disregard of a corporation's independence in certain cases. The relevance of this topic is also indicated by the numerous discussions within the Russian legal community about the need for legislative codification of this doctrine.

Keywords: «piercing the corporate veil»; corporation; corporate groups; separate legal personality principle; corporate veil; limited liability.

References

1. Egorov A.V., Usacheva K.A. Doctrine of “piercing corporate veil” as a way of allocation of risks between participants of corporation and any other participants of turnover // *Civil Law Review*. 2014. No. 1. – Pp. 31–73. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21968842&ysclid=lvv4i286n619992137>.
2. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law / I.A. Pokrovsky. – 8th ed. – M: Statute, 2020. – 351 p. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225732>.
3. Pettet, B.G. Company law / Ben Pettet. – 2nd ed. – Pearson Education, 2005. – 437 p.
4. Blumberg P. I., Strasser K.A., Georgakopoulos N.L., Gouvin E.J. The Law of Corporate Groups: Jurisdiction, Practice, and Procedure / Blumberg P.I. – 3d ed. – Wolters Kluwer, 2008. – 1194 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1975391.
5. Talbot, L. Critical Company Law / L.E. Talbot. – London: Routledge-Cavendish, 2008. – 393 p. – URL: https://www.academia.edu/34151414/Critical_Company_Law.
6. Lomakin D.V. Concept of Piercing the Corporate veil: implementation of its Main Principles in the Current legislation and in the Project of amendments to the Civil Code of the Russian Federation // *Bulletin of the Higher arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 9. – URL: <https://zakon.ru/publication/ig-zakon/4066>.
7. Suvorov N.S. About legal entities under Roman law. – M.: Statute, 2000. – 299 p. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/8/>.
8. Vandekerckhove, K. Piercing the Corporate Veil. European Company Law series. / K. Vandekerckhove. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – Vol. 2. – P. 4. – URL: https://vk.com/wall-122765959_1958?ysclid=lw0jnpnoe557615853 (дата обращения: 25.04.24).
9. Asoskov A.V. Conflicts law Regulation of the Piercing the Corporate veil // *Civil law Review*. 2013. vol. 13. No. 5. – Access from legal system “ConsultantPlus”.
10. Farrar J. Hannigan B., Furry N.E., Wylie P. Farrar’s Company Law / Farrar J. – Butterworths, London, 1998. – 802 p. – URL: <https://archive.org/details/farrarscompanyla0000john>.
11. Prest v. Petrodel Resources Ltd. & Ors [2013] UKSC 34 (2013) [Electronic source] // URL: [http://www.bailii.org/cgibin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=\(Wallersteiner\)](http://www.bailii.org/cgibin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2013/34.html&query=(Wallersteiner)).
12. Budylin S.L., Ivanec Yu.L. Piercing veil. Doctrine of the Piercing the Corporate veil abroad and in Russia // *Newsletter of the Higher arbitration Court of the Russian Federation*. 2013. No. 7. – Pp. 80–125. – Access from legal system “ConsultantPlus”.
13. Bainbridge S.M. Abolishing Veil Piercing // *Social Science Research Network Electronic Paper Collection*. – 26 J.CORP.L. 479. – 74 p. – URL: http://papers.ssrn.com/paper.taf?abstract_id=236967.
14. Budylin S.L. Historical roots of US contract law // *International public and private law*, 2009. No. 4. – Pp. 32–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=knugaz&ysclid=lvvzod0o44722989625>.
15. Berle A.A. The Theory of Enterprise Entity // *Columbia Law Review* 343, 1947. No 47 (3) – Pp. 343–358. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/291300576>.
16. Wallerstein v. Moir (N2), 1 WLR 991 (1974) [Electronic source] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wallersteiner_v_Moir.
17. Thompson R. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // *Cornell Law Review*. 1991. V. 76. – Pp. 1036–1074 – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol76/iss5/2/>.
18. Cheng T.K. The corporate veil doctrine revised: A comparative study of the English and the U.S. corporate veil doctrines // *Boston College International and Comparative Law Review*. 2011. Vol. 34. No 2. – Pp. 329–412. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71461552.pdf>.
19. J. Stephen Gilbert, Substantive Consolidation in Bankruptcy: A Primer // *43 Vanderbilt Law Review*, 1990. – Pp. 207–243. – URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol43/iss1/5/>.

Маркетплейсы: сравнительно правовое исследование некоторых схожих правовых категорий

Никитин Дмитрий Владимирович,

к.ю.н., ассистент кафедры предпринимательского и энергетического права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: DmiVNikitin@kpfu.ru

Камалетдинова Айгуль Владимировна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: AVValeeva@gmail.com

Чепарина Ольга Александровна,

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и энергетического права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: ochepari@mail.ru

Научная статья посвящена сравнительно-правовому исследованию некоторых схожих по своей правовой природе категорий в рамках законодательства Российской Федерации с тем, что в наиболее обобщённом виде в научном дискурсе называют маркетплейсы. Сравнительно-правовое исследование проводится как на уровне соотношения действующих правовых средств в различных отраслях с реальной практикой деятельности маркетплейсов, так и на уровне взаимосвязанности между собой самих правовых средств различной отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: маркетплейсы, агрегатор, цифровая платформа, сетевой эффект, новостной агрегатор, служба заказа такси.

Маркетплейсы будут нами исследованы с позиции анализа некоторых существующих в рамках отечественного законодательства правовых категорий, так или иначе смежных с исследуемым нами объектом. В рамках данного исследования используется именно категория «маркетплейс», как наиболее юридически нейтральная и не отягощённая нормативно закреплённой дефиницией.

Владелец агрегатора информации о товарах (работах или услугах) как маркетплейс с позиции потребительского законодательства

В рамках потребительского законодательства нормативное закрепление обрела несколько иная правовая категория – «владелец агрегатора информации о товарах (работах или услугах)». В рамках потребительского законодательства правовой статус владельца агрегатора [1] раскрывается посредством указания на то, что такой субъект является организацией или ИП, которые в свою очередь являются правообладателями мобильного приложения или сайта или иной программы для ЭВМ.

В свою очередь функционал такого сайта или мобильного приложения в этом случае должен отвечать одновременно нескольким требованиям:

- функционал должен обеспечивать возможность ознакомления с предложением продавца о заключении договора;
- должна присутствовать возможность заключить договор между продавцом и потребителем;
- функционал должен позволять осуществить предоплату по договору, заключённому между продавцом и потребителем.

Таким образом, с позиции потребительского законодательства юридически значимыми являются только три субъекта в сфере деятельности маркетплейса: владелец агрегатора информации о товарах (работах или услугах), продавец и потребитель. Хотя последний, очевидным образом, является в данном случае внешним субъектом в том смысле, что структура правоотношений построена на двусторонних обязательствах, где потребитель всегда будет одной стороной, а остальные субъекты в различных ситуациях будут занимать другую сторону этих двусторонних обязательственных правоотношений.

К примеру, правоотношений по поводу оплаты товара построены так, что потребитель является стороной, обязанной исполнить своё денежное обязательство путём перечисления денежных средств владельцу агрегатора. На этом

гражданско-правовые обязательства по поводу оплаты товаров прекращаются путём их исполнения. Дальнейшие финансовые правоотношения по поводу перечисления денежных средств в счёт продажи товаров от владельца агрегатора к продавцу или к иным лицам носят уже самостоятельный характер и не влияют на правоотношения по поводу купли-продажи товара. Ввиду такого положения, правоотношения между владельцем агрегатора и продавцом не относятся к сфере регулирования потребительского законодательства.

Цифровая платформа как маркетплейс по антимонопольному законодательству

Несколько с иной позиции деятельность маркетплейсов рассматривается антимонопольным законодательством. В рамках Пятого антимонопольного пакета были внесены изменения в законодательство о защите конкуренции [2] в части распространения механизмов антимонопольного регулирования на цифровые платформы, занимающие доминирующее положение посредством достижения сетевого эффекта. Не вдаваясь в существо и содержание соответствующих норм законодательства о защите конкуренции всё же отметим ключевые дефиниции и субъектный состав регулируемых правоотношений.

Субъектный состав в рамках антимонопольного законодательства также представлен тремя участниками: продавец, покупатель и субъект, владеющий цифровой платформой.

Относительно первых двух категорий вопросов и сомнений почти нет, поскольку эти категории используются в классическом их понимании и являются самоочевидными. При этом, следует обратить внимание на отсутствие признака потребителя у покупателя в рамках антимонопольного законодательства. А это значит, что антимонопольное законодательство будет распространять своё действие и на случаи покупки товаров (работ или услуг) на маркетплейсах хозяйствующими субъектами для целей осуществления ими предпринимательской деятельности. Помимо этого, сфера действия соответствующих норм законодательства о защите конкуренции будет также включать в себя и маркетплейсы, специализирующиеся на продаже товаров (работ или услуг) от предпринимателя к предпринимателю (по принципу B2B-маркетплейс).

Третий участник правоотношений (субъект, владеющий цифровой платформой) также как и в потребительском законодательстве постулируется посредством указания на функционал цифровой платформы, которая понимается в качестве мобильного приложения или сайта или иной программы для ЭВМ. Однако в этом случае достаточным для наделения соответствующим правовым статусом будет наличие лишь одного квалифицирующего правового признака – функционал такой цифровой платформы должен обеспечивать совершение сделок между продавцами и покупателями. Иными

словами, функционал таких цифровых платформ может и не обеспечивать возможность ознакомления с информацией о товаре и субъектах, а также может и не обеспечивать возможность проведения предоплаты, как это установлено в случае с потребительским законодательством.

Обе вышеуказанных особенностей существенно расширяют круг лиц, которые могли быть признаны владельцами цифровой платформы по антимонопольному законодательству. По этой причине в рамках Пятого антимонопольного пакета установлено следующее ограничение: запрет на злоупотребление своим доминирующим положением для владельцев цифровых платформ будет применяться только при одновременном наличии трёх условий.

Первое и самое существенное – сетевой эффект предоставляет такому владельцу цифровой платформы возможность либо оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на этом маркетплейсе, либо устранять или затруднять доступ на этот маркетплейс других хозяйствующих субъектов.

А также ещё два дополнительных условия в части доли рынка (более 35%), а также в части размера выручки (более двух миллиардов рублей за год).

В свою очередь сетевой эффект по законодательству о защите конкуренции раскрывается в качестве такого специального свойства товарного рынка, которое ставит потребительскую полезность того или иного мобильного приложения или сайта в сети Интернет в зависимость от изменения числа продавцов и покупателей на этих цифровых сервисах.

Таким образом, антимонопольное законодательство предоставляет нам вариант расширенного (по сравнению с потребительским законодательством) толкования изучаемой категории, которая в рамках данного отраслевого законодательства называется «цифровая платформа». Более широкий угол обзора формируется за счёт следующих факторов:

- к числу правоотношений, регулируемых антимонопольным законодательством, могут быть отнесены отношения по поводу функционирования маркетплейсов, специализирующихся или фактически используемых для приобретения товаров (работ или услуг) для целей осуществления предпринимательской деятельности;
- требования к функционалу маркетплейсов как мобильного приложения или сайта не отягощены каким-либо иными требованиями, кроме того, что на этих цифровых сервисах должна быть доступна возможность совершения сделок; то есть вопрос о предоплате или об информировании не рассматривается в качестве квалифицирующего признака в этом случае (как это установлено в рамках законодательства о защите прав потребителей).

Новостной агрегатор и маркетплейс: если ли общие признаки?

Обращая своё внимание к иному отраслевому законодательству, следует указать, что сходные правовые категории используются и в иных контекстах.

В качестве первого примера можно привести категорию «новостной агрегатор», которая используется в рамках законодательства об информации [3] с 2016 года. Под данной категорией понимается сайт, мобильное приложение, либо иная программа для ЭВМ или информационная система, которые отвечают трём признакам:

- используются для обработки и распространения новостной информации в сети Интернет;
- используется в том числе для рекламы;
- количество пользователей превышает один миллион в сутки [4].

На владельцев новостных агрегаторов распространяются, по существу, те же самые, как и на владельцев СМИ, требования в части нераспространения различной информации, нарушающей требования российского законодательства. Также к владельцам новостных агрегаторов применяются иные требования: требование о хранении самой информации, её источников и времени её получения и обнародования в течение полу года; требование о предоставлении доступа Роскомнадзора к указанной информации; требование об установке специальных программ для определения числа пользователей этого новостного агрегатора. Особо заметим, что в случае с новостными агрегаторами ведётся специальный реестр их владельцев силами Роскомнадзора, на который также возложены функции по государственному надзору и контролю за деятельностью владельцев новостных агрегаторов.

Помимо этого, обращает на себя внимание несколько иной чем в случае с лицензированием порядок включения в реестр владельцев новостных агрегаторов, а именно – Роскомнадзор самостоятельно наделяет данным правовым статусом (путём включения таких субъектов в соответствующий реестр), в отличие от лицензирования, когда лицом самостоятельно должны быть предприняты меры по получению лицензии на осуществление того или иного вида предпринимательской деятельности.

Относительно этого пункта наших рассуждений следует заметить, что для надления лица правовым статусом «владельца новостного агрегатора», также как в случае с двумя ранее рассмотренными примерами, необходимо установление принадлежности ему цифрового сервиса (сайта или мобильного приложения). Помимо этого, для надления соответствующим правовым статусом необходимо также отвечать количественному требованию (более миллиона пользователей в сутки).

Наделение того или иного лица таким специальным правовым статусом влечёт за собой необходимость соблюдения им специальных требований и применение в отношении него специаль-

ного государственного контроля и надзора. Такая ситуация соответствует положению владельцев цифровых платформ в рамках антимонопольного законодательства, за исключением того, что правовой статус владельца новостного агрегатора закрепляется в соответствующем реестре и по идее не должно быть проблем с тем, чтобы однозначно установить правовое положение того или иного лица в каждый момент времени.

Служба заказа такси и маркетплейс как смежные правовые категории

Особый интерес в контексте анализа нормативного материала по поводу деятельности маркетплейсов вызывают новеллы законодательства в части становления новой области правового регулирования отношений с участием службы заказа легкового такси.

С принятием ФЗ «О легковом такси» нормативное закрепление обрёл правовой статус специального субъекта – «служба заказа легкового такси». Данный закон устанавливает легальную дефиницию данной правовой категории, которая сводится к тому, что службой заказа легкового такси являются ИП или юридическое лицо, «которые осуществляют деятельность по получению заказа такси и (или) деятельность по последующей передаче этого заказа перевозчику в целях заключения договора фрахтования легкового такси» [5].

Возвращаясь к исследованию структурных элементов правового регулирования деятельности служб заказов легковых такси нормами ФЗ «О легковом такси», следует отметить некоторые важнейшие особенности.

1. Установлено требование о получении специального разрешения как для служб заказов легковых такси, так и для самих перевозчиков. Также, устанавливается требование о включении в специальный региональный реестр сведений о самих транспортных средствах, применяемых в качестве такси.

2. Помимо этого, установлены также требования, которые предъявляются к водителю, перевозчику, службе заказа такси, а также к состоянию самого транспортного средства, используемого в качестве такси.

3. Устанавливаются также требования к состоянию самого автомобиля, который будет использован в качестве легкового такси. В частности, такое транспортное средство должно быть оснащено «шашечкой», покрашено с использованием характерной для такси символики в виде квадратиков на борту автомобиля, а также в данном автомобиле должны отсутствовать сведения о заранее составленном маршруте и цене.

4. Нормативное закрепление получили требования и к такому субъекту, как служба заказа такси. К числу таковых требований относятся требования: – о размещении информации о себе (наименование, ИНН, номер записи в реестре), об используемом цифровом сервисе (наименование

программы для ЭВМ), о самой услуге (условия и порядок пользования сервисами, а также о стоимости и порядке оплаты); также необходимо разместить типовой договор, заключаемый между службой заказа такси и перевозчиком;

- обеспечении защиты ПДн посредством использования соответствующих технических средств, которые находятся на территории РФ;
- проверке сведений о перевозчиках, водителях такси и самих автомобилях такси на предмет наличия сведений о них в соответствующих реестрах, а также на предмет соответствия установленным законом требований, в том числе в части нормирования трудового времени;
- передаче надзорному органу определённых сведений о перевозках, местоположении и заказах, а также информации о расторжении договора с перевозчиком.

5. В рамках ФЗ «О легковом такси» нормативному регулированию подверглись и различные договоры, заключаемые при осуществлении соответствующей деятельности. В частности, нормативное закрепление получили две новые правовые конструкции: договор об обеспечении осуществления деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, а также договор службы заказа легкового такси с перевозчиком легковым такси.

6. Шестое и, пожалуй, самое главное – устанавливается довольно чёткое разграничение сфер ответственности между всеми участниками рынка такси.

- Собственник автомобиля (который используется в качестве такси) несёт деликтную ответственность в случае неисполнения перевозчиком обязанности по предоставлению уведомления о начале использования автомобиля в качестве такси, а также в случае неисполнения обязанностей по техническому обслуживанию и содержанию автомобиля. При этом в последнем случае устанавливается солидарная ответственность с двумя другими участниками: с перевозчиком и со службой заказа такси.
- Служба заказа такси несёт ответственность по следующим основаниям:
 - если вред жизни, здоровью или имуществу пассажира причинён при перевозке легковым такси силами перевозчика, не обладающего специальным разрешением (в этом случае устанавливается солидарная ответственность обоих вышеуказанных участников, но с возможностью дальнейшего предъявления требования к перевозчику в порядке регресса);
 - если сумма страхового возмещения (полученного в рамках обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика – физического лица) недостаточна для возмещения вреда жизни, здоровью или имуществу пассажира, то службы заказа такси (субсидиарно с перевозчиком) возмещает вред в остальной его части (при этом в последующем возможно

взыскание соответствующих сумм с перевозчика – физического лица в порядке регресса);

- в случае отсутствия информации о наименовании перевозчика или в соответствующих реестрах отсутствуют сведения о праве использовать данный автомобиль в качестве такси вообще и именно этим перевозчиков в частности;
- в случае передачи заказа водителю такси, в отношении которого не будут соблюдаться требования по ограничению времени работы.

При этом, последние два обстоятельства являются основаниями для полной ответственности службы заказа такси за вред жизни, здоровью или имуществу пассажира.

- Сфера ответственности перевозчика очень широка: перевозчик отвечает за вред жизни, здоровью или имуществу пассажира во всех случаях, за исключением наличия вышеуказанных обстоятельств.

Таким образом, нормативное регулирование деятельности в области организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси является собой удачный пример совмещения, с одной стороны, государственного контроля данного рынка посредством «квази-лицензирования» и детального регламентирования требований к субъектам и объектам, а с другой стороны, установление правовых основ для защиты более слабых сторон правоотношений (пассажиры и водители такси), определение границ свободы предпринимательских договоров, заключаемых на данном ранке, и самое главное – распределение бремени ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу пассажиров.

Но помимо всех названных выше преимуществ есть и одна проблема. Следует обратить, что формулировки ФЗ «О легковом такси» намеренно не использует термины и категории потребительского законодательства и наоборот. Иными словами, возникает вопрос о неопределённости соотношения норм данного федерального закона с нормами Закона РФ «О защите прав потребителей». Не позволяет решить эту задачу и анализ пояснительной записки к законопроекту (в результате рассмотрения которого и был принят ФЗ «О легковом такси»), а также иных документов и материалов, которые сопровождали процедуру рассмотрения и принятия данного законопроекта.

Иными словами, очевидна коллизия норм ФЗ «О легковом такси» и Закона РФ «О защите прав потребителей». Речь идёт о том, что не понятно соотношение двух правовых статусов: статус «владельца агрегатора информации о товарах, работах или услугах (в том числе услугах такси)» и статус «службы заказа такси». В связи с чем возникает вопрос, может ли субъект предпринимательской деятельности на рынке такси использовать только преимущества наличия у него правового статуса «владелец агрегатора информации о товарах, работах или услугах», не обременяя себя требованиями и ответственностью как «служба заказа такси»? Безупречного с нормативной точки зрения

ответа нет. И этот вопрос не был бы таким острым, если бы ранее различные агрегаторы такси (Яндекс Такси, Такси Максим и другие) не ссылались именно на наличие у них статуса «владелец агрегатора» и если бы суды не соглашались бы с такой позицией для обоснования отказа в удовлетворении требований к таким субъектам.

Подводя итог нашему сравнительно-правовому исследованию некоторых иных схожих правовых категорий с фактически действующими маркетплейсами следует остановиться на определённых выводах.

1. Маркетплейс не является на настоящий момент нормативно-закреплённой правовой категорией, а относится к числу фактических форм осуществления предпринимательской деятельности, не нашедшей в настоящий момент правовой основы регулирования своей деятельности.

2. С нормативно-правовой точки зрения деятельность маркетплейсов регулируется различным образом в зависимости от применимого подхода в отраслевом законодательстве. Что создаёт основу для правовых коллизий между правовым регулированием средствами различной отраслевой принадлежности.

3. Назрела необходимость систематизации законодательства в части правового регулирования деятельности маркетплейсов. Основой для такой систематизации стало бы выявление общих признаков данного способа осуществления предпринимательской деятельности, иными словами – нормативное закрепление определения. Помимо этого, установление общих правовых средств, применимых по отношению к любому маркетплейсу вне зависимости от сферы деятельности (общие требования для получения соответствующего правового статуса, общие права и обязанности по отношению к иным субъектам в сфере деятельности маркетплейса, общие основания и виды ответственности).

Литература

1. Закон РФ от 07 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – ст. 140.
2. Федеральный закон от 10 июля 2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – ст. 5319.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание

законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч1). – ст. 3448.

4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч1). – ст. 3877.
5. Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (ч1). – ст. 27.

MARKETPLACES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF SOME SIMILAR LEGAL CATEGORIES

Nikitin D.V., Kamaletdinova A.V., Cheparina O.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

This scientific article is devoted to a comparative legal study of some similar in their legal nature categories within the framework of the legislation of the Russian Federation with what in the most general form in the scientific discourse are called marketplaces. The comparative legal study is carried out both at the level of the relationship of current legal means in various industries with the actual practice of marketplaces, and at the level of the interconnection of the legal means of various industries.

Keywords: marketplaces, aggregator, digital platform, network effect, news aggregator, taxi ordering service.

References

1. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300–1 “On Protection of Consumer Rights” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3. – Art. 140.
2. Federal Law of July 10, 2023 No. 301-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Protection of Competition” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 29. – Art. 5319.
3. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (part 1). – Art. 3448.
4. Federal Law of 23.06.2016 N 208-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 26 (part 1). – Art. 3877.
5. Federal Law of 29.12.2022 N 580-FZ “On the Organization of Transportation of Passengers and Luggage by Light Taxis in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 1 (part 1). – Art. 27.

Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ

Подсушная Мария Владимировна,

аспирант, кафедра гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: s0159201@msal.edu.ru

В статье анализируются различные точки зрения по поводу юридической природы договора о сетевой форме реализации образовательных программ. Делается вывод о том, что соглашение о сетевой форме реализации образовательных программ не является договором о совместной деятельности, а относится к договорам *sui generis*.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, сетевая образовательная программа, образовательная организация, договор о сетевой форме реализации образовательных программ, договор о совместной деятельности, договор *sui generis*.

В связи с выходом Российской Федерации из Болонского процесса, в последние годы система образования претерпевает значительные изменения, направленные на модернизацию и повышение качества образовательных услуг. Эти изменения, отражающие потребность времени и глобального рынка труда, нашли свое подтверждение в инициативах, связанных с развитием сетевых форм образовательных программ. Реализация сетевых программ происходит на разных уровнях. В рамках федерального проекта «Современная школа», к концу 2024 года планируется, что 70% общеобразовательных организаций будут выполнять образовательные программы в сетевой форме [1]. Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» поддерживает развитие сетевых программ в российских университетах [2]. В рамках проекта «Кадры для цифровой экономики» студенты могут осваивать отдельные части образовательной программы с использованием базы нескольких вузов, включая иностранные, и ресурсов компаний-работодателей [3].

Развитие сетевых образовательных программ способствует созданию более гибкой, инновационной и адаптивной системы образования, способной обеспечивать качественное обучение для всех обучающихся, значительно расширить доступ к разнообразным ресурсам и повысить уровень экспертизы.

В настоящее время в науке развернулась дискуссия относительно квалификации договора о сетевой форме реализации образовательных программ по отраслевой принадлежности и по месту в системе договоров.

Так, авторы Н.А. Шевелева, М.Ю. Лаврикова, И.А. Васильев подчёркивают, что «правовая природа договора о сетевом взаимодействии не может быть иной, нежели административно-правовой, поскольку такой договор регулирует образовательные отношения, в том числе с участием обучающихся». Между тем, также они отмечают, что «объединение денежных средств или совместное использование имущества организаций в рамках сетевой формы обучения, определение принадлежности результатов интеллектуальной деятельности предполагают также использование и гражданско-правового регулирования, обычного для хозяйствующих субъектов» [4].

Н.А. Ильина и О.А. Серова высказали неоднозначную позицию о правовой природе договора о сетевой форме реализации образовательных программ. С одной стороны, авторы «согласны с позицией экспертов о том, что современное ре-

гулирование договора позволяет сделать вывод о его административно-правовой природе. Это необходимо для унификации деятельности субъектов в сфере образования и введения гарантий качества организации образовательной деятельности». С другой стороны, отмечается, что «сетевые договоры с участием промышленных предприятий или научных организаций основываются на принципах, которые в значительной степени характеризуют иной тип регулирования общественных отношений – гражданско-правовой» [5].

Некоторые цивилисты придерживаются точки зрения, согласно которой правоотношения, возникающие в процессе сетевого взаимодействия образовательных организаций, являются разновидностью гражданско-правовых отношений. Мнение авторов о том, что договор о сетевой форме реализации образовательных программ имеет гражданско-правовой характер, обусловлено особенностями данного типа договора.

Так, Н.В. Ласкина, Н.А. Новикова, Н.С. Лежнева и др. в комментарии к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указывают, что «по своей гражданско-правовой сути такой договор представляет собой договор о совместной деятельности...» [6].

С.В. Барабанова, Х.В. Пешкова (Белогорцева), И.В. Баранов и др. в комментарии к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» пишут о «закреплении фактического наличия гражданско-правовых отношений в национальном образовании» [7].

М.Н. Малеина даёт характеристику соглашению о сетевой форме реализации образовательных программ как гражданскому договору и определяет его место среди других гражданских договоров [8].

В.Ю. Матвеев приходит к выводу о том, что «хотя рассматриваемый договор не является разновидностью ни одного из поименованных в ГК РФ договоров, данное обстоятельство не мешает признавать его договором гражданско-правового характера» [9].

Сочетание государственного и договорного контроля, усложняют возможность определить природу договора. Образовательные учреждения действуют в рамках строгих государственных предписаний (федеральных государственных образовательных стандартов, федеральных государственных требований). На процедуру выполнения образовательных программ влияет необходимость предоставления отчётов государственным органам в соответствии с п. 6 Приказа Минпросвещения РФ «Об утверждении правил осуществления контроля за выполнением государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) федеральными государственными бюджетными и автономными учреждениями, находящимися в ведении Министерства просвещения Российской Федерации» № 397 от 26.07.2019, и их оценке с точки зрения достижения государственных стан-

дартов и выполнения государственного задания на оказание образовательных услуг, установленного для образовательной организации [10], в то же время образовательные организации полагаются на условия, права и обязанности, согласованные с участниками сетевых программ. В условиях сетевого взаимодействия автономия образовательных учреждений может служить источником инноваций, таких как разработка новых образовательных программ, соответствующих потребностям рынка труда, интеграция методов обучения и технологий (например, онлайн-обучение, смешанное обучение и т.д.), применение новых подходов к оценке студентов, сотрудничество с образовательными и ресурсными организациями для интердисциплинарного обучения и обмена знаниями. Учитывая, что государственное регулирование в форме лицензирования осуществляется по отношению к образовательным организациям, а не по отношению к договорам о сетевой форме реализации образовательных программ и их исполнению, безусловно, нельзя говорить об административно-правовой природе договоров о сетевом взаимодействии.

Чтобы определиться в вопросе отраслевой принадлежности договора о сетевой форме реализации образовательных программ и его месте в системе договоров, необходимо выяснить его цели, предмет, метод регулирования, состав участников.

Согласно п. 2 Методических рекомендаций для субъектов РФ по вопросам реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ в сетевой форме от 28.06.2019 г., «цель реализации образовательных программ в сетевой форме – повышение качества и доступности образования за счёт интеграции и использования ресурсов организаций-партнёров путём решения задач по расширению спектра образовательных услуг, предоставления обучающимся возможности выбора различных учебных курсов дисциплин, расширения доступа обучающихся к образовательным ресурсам организаций-партнёров, формирование актуальных компетенций слушателей за счёт изучения и использования опыта ведущих организаций по профилю деятельности и т.д.» [11].

Соответственно, целью базовой организации и образовательных организаций-участников договора о сетевой форме реализации образовательных программ, как представляется, является организация и реализация образовательным учреждением образовательной программы с использованием ресурсов организаций-участников, что включает в себя совместную разработку учебных планов, обмен учебными материалами, а также внедрение совместных образовательных технологий и практик. Ресурсные организации могут быть заинтересованы в совместной деятельности, в частности, в связи с оплатой в отдельных случаях, повышения уровня конкурентоспособности, расширением аудитории и привлечением новых студентов.

Рассмотрим предмет договора. Согласно письму Министерства науки и высшего образования РФ № МН-5/20371 от 21.10.2020 «О направлении

информации», «отношения, возникающие в связи с реализацией сетевой формы между организациями, регулируются договором о сетевой форме, предметом которого является совместное выполнение несколькими организациями сформированного образовательной организацией, в которую поступил обучающийся, государственного задания на реализацию образовательных программ» [12].

Одни юристы пишут, что «предметом договора о сетевой форме реализации образовательных программ являются действия по организации совместной образовательной деятельности нескольких организаций путем распределения между ними обязанностей об объеме и о порядке осуществления образовательной деятельности, а также о виде и об объеме предоставления ресурсов» [8]. Другие авторы кратко указывают, что «предметом договора о сетевой форме является совместная деятельность» [13].

По нашему мнению, предметом договора о сетевой форме реализации образовательных программ является согласование и координация совместной образовательной деятельности нескольких организаций, направленная на комплексное выполнение сформированных образовательных программ, включая определение статуса обучающихся, правила приёма, распределение обязанностей и ресурсов между участниками (разработку и проведение обучающих мероприятий), установление условий и порядка реализации образовательных услуг с целью достижения высокого качества подготовки кадров.

Предметом договора о сетевой форме реализации образовательных программ не являются простые услуги, это скорее комплекс отдельных действий и взаимодействия между участвующими организациями.

Метод регулирования отношений, возникающих при заключении договора о сетевой форме реализации образовательных программ, включает в себя сочетание применения диспозитивных и императивных норм. В рамках таких договоров стороны могут определить свои права и обязанности, устанавливая гибкие условия сотрудничества, однако при этом они также должны учитывать обязательные требования и стандарты, установленные законодательством. Диспозитивные нормы определяют формы и виды деятельности взаимодействующими организациями в рамках договора в соответствии с возможностями сторон и потребностями в обеспечении качества образовательной программы. Императивные нормы определяют существенные условия договора: «вид, уровень и (или) направленность образовательной программы, реализуемой с использованием сетевой формы», «статус обучающегося в организациях, правила приёма на обучение по образовательной программе, реализуемой с использованием сетевой формы, порядок осуществления образовательной деятельности» и другие условия (ч. 2 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») [14].

Укажем особенности субъектного состава рассматриваемого договора. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» «использование сетевой формы реализации образовательных программ осуществляется на основании договора, который заключается между организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, организациями культуры, физкультурно-спортивными и иными организациями, обладающими ресурсами, необходимыми для осуществления образовательной деятельности по соответствующей образовательной программе».

Обучающиеся, которые участвуют в данной образовательной программе, стороной этого договора не являются. Организация, осуществляющая образовательную деятельность, выступающая в роли базовой, принимает обучающихся на обучение, несёт ответственность перед ними за выполнение сетевой образовательной программы в целом.

Государственные органы имеют право контролировать деятельность образовательных организаций, включая проверку соответствия лицензии на право осуществления образовательной деятельности требованиям закона и установленным стандартам образования.

Так, 16.09.2024 Роспотребнадзор приостановил действие лицензии на право осуществления образовательной деятельности АНО ВО «Институт «Верхневолжье», осуществлявшего с 2017 г. совместную реализацию образовательных программ с НОЧУВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Также были объявлены предостережения девяти высшим учебным заведениям Российской Федерации за нарушение обязательных требований к достоверности и актуальности информации, внесённой в Федеральный реестр документов об образовании. Например, в этот список вошёл ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет», с 2016 г. использующий такие формы реализации образовательных программ в сетевой форме, как интеграция образовательных программ и использование ресурсов организаций [15]. Приостановление действия лицензии образовательной организации означает, что она не имеет права осуществлять образовательную деятельность. Это влечёт неисполнение обязательств, предусмотренных в договоре о сетевой форме реализации образовательных программ и его последующее изменение или расторжение в соответствии с п. 16 приказа Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ от 05.08.2020 № 882/391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ». Выданные предостережения указывают на наличие нарушений и недостатков в организации образовательного процесса и реализации образовательной деятельности, что подразумевает потенциальные

риски для надлежащего исполнения условий договора.

Договоры о сетевой форме реализации образовательных программ могут оказывать определённое влияние на поведение третьих лиц (обучающихся, родителей, законных представителей) и другие образовательные организации, непосредственно не участвующих в договоре о сетевой форме реализации образовательных программ, посредством создания конкуренции среди учебных заведений, использующих сетевую форму взаимодействия, способствуя выбору студентами учебного заведения и их отток.

В юридической науке существуют мнения относительно названия сторон договора о сетевом взаимодействии. Так, отмечается, что «иногда в конкретных договорах стороны именуют себя основной (базовой) и ресурсной организациями», но «такое обозначение не совсем точно, поскольку обе стороны являются равноправными участниками и предоставляют определённые ресурсы для осуществления программы». Поэтому предлагается обозначение «партнёры» или «сторона № 1» и «сторона № 2» [8].

Другие юристы считают, «что именно в тех случаях, когда другой стороной в договоре выступает индустриальный партнёр, наиболее уместно как раз предлагаемое наименование его как организации, обладающей ресурсами» [16].

По нашему мнению, обе стороны договора о сетевой форме реализации образовательных программ являются равноправными участниками отношений, несут ответственность за выполнение совместного проекта и качество образования, распределяют между собой функции и обязательства и стремятся к достижению общего результата, предлагается обозначение сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ, как «соисполнители», одним из которых выступает «базовая организация». Полагаем, что термин «соисполнители» подчёркивает, что выполнение обязательств происходит не изолированно, а в контексте взаимодействия и сотрудничества.

По нашему мнению, рассмотренные цели, предмет, стороны договора о сетевой форме реализации образовательных программ, применяемый метод регулирования возникающих отношений позволяет рассматривать указанный договор как гражданско-правовой.

Существует необходимость определения места договора о сетевой форме реализации образовательных программ в традиционной классификации гражданско-правовых договоров в зависимости от их предмета (договоры о передаче имущества в собственность; договоры о передаче имущества в пользование; договоры о выполнении работ, оказании услуг; договоры о совместной деятельности; договоры о распоряжении исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации). По своей природе договор о сетевом взаимодействии относится к группе договоров о совместной деятель-

ности. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ представляет собой инновационную конструкцию в сфере образования. В системе гражданских договоров этот договор следует рассматривать как особый и уникальный вид договора, отличающийся от иных гражданско-правовых договоров.

Утверждение авторов о том, что «договор о сетевой форме реализации образовательных программ по своей сущности наиболее похож на договор простого товарищества (договор о совместной непредпринимательской деятельности), имеет свою логику. Оба типа договоров подразумевают сотрудничество между участниками с целью достижения определённых совместных целей или результатов» [17].

В частности, указывается, что «предметом договора о сетевой форме является совместная деятельность. Следовательно, такой договор согласно гражданскому законодательству Российской Федерации является договором простого товарищества (предмет – совместная деятельность), т.е. на него распространяются правила этого договора» [13].

Данное мнение нашло своё отражение в письме Департамента образования, науки и молодёжной политики Воронежской области № 80–11/3391 от 11.04.2018 «О направлении методических рекомендаций по реализации программ в сетевой форме», где указано, что «в такой модели участники договариваются о сотрудничестве в достижении своих образовательных целей, создавая возможность пользоваться, при необходимости ресурсами друг друга. Юридически это может быть либо просто система договоров, либо форма простого товарищества» [18].

Полагаем, следует согласиться с юристами, считающими, что договор о сетевой форме реализации образовательных программ действительно имеет некоторые черты, схожие с договором простого товарищества, такие как сотрудничество участников с целью достижения общих результатов. Однако, по договору о совместной деятельности участники соединяют свои вклады и совместно действуют, как правило, для извлечения прибыли.

В соответствии со ст. 101 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе осуществлять указанную деятельность за счёт средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг». Кроме того, «организации, осуществляющие образовательную деятельность, также вправе осуществлять указанную деятельность за счёт собственных средств этих организаций, в том числе средств, полученных от приносящей доход деятельности, добровольных пожертвований и целевых взносов...».

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12.01.1996 «образовательная организация является некоммерческой организацией, то есть

не имеет извлечение прибыли в качестве основной своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками» [19].

Положения ст. 1042 ГК РФ, касающейся вкладов товарищей в договоре простого товарищества, могут быть полезны для формирования аналогичных условий в договоре о сетевой форме реализации образовательных программ, поскольку вкладом товарища может быть не только денежный, но и неденежный вклад, включая знания, навыки, деловую репутацию и связи. В контексте сетевой формы реализации образовательных программ участники вносят свои знания, опыт, исследовательские ресурсы и т.д. Это подразумевает необходимость определения вклада каждого участника в общий образовательный процесс. Правило о том, что вклады предполагаются равными по стоимости, если иное не оговорено в договоре, также может быть применимо. В целом, хотя ст. 1042 ГК РФ не применяется к договорам о сетевой форме реализации образовательных программ, её правила могут быть адаптированы в рамках совместной образовательной деятельности.

М.Н. Малеина указывает, что «к договору о сетевой форме реализации образовательных программ не применимы правила ст. 1051 ГК РФ об отказе от бессрочного договора простого товарищества, ст. 1052 ГК РФ о расторжении договора простого товарищества, заключённого с указанием срока или с указанием цели в качестве отменительного условия, по требованию одной стороны ст. 1054 ГК РФ о негласном товариществе. Вызывает сложности толкование положений о вкладах товарищей (ст. 1042 ГК РФ)» [8].

Между тем, по мнению цитируемого автора «исходя из предмета рассматриваемого договора наиболее близок к нему по своим правовым характеристикам договор о совместной непредпринимательской деятельности», «в исследуемой договорной форме соединены элементы договоров услуги и совместной деятельности» [8]. Полагаем, что договор о сетевой форме реализации образовательных программ имеет схожие черты с определенным договором об оказании услуг, а именно с договором об оказании образовательных услуг, поскольку оба договора направлены на реализацию образовательной деятельности.

Кроме того, по предмету договор о сетевой форме реализации образовательных программ имеет сходство с договором об организации и проведении производственной практики. Согласно п. 3 Приказа Минобрнауки России № 885, Минпросвещения России № 390 от 05.08.2020 «О практической подготовке обучающихся», «практическая подготовка может быть организована непосредственно в организации, осуществляющей образовательную деятельность и в организации, осуществляющей деятельность по профилю соответствующей образовательной программы на основании договора, заключаемого между образовательной организацией и профильной организацией» [20].

Пунктом 1 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено, что «сетевая форма реализации образовательных программ обеспечивает возможность освоения обучающимся образовательной программы и (или) отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов, предусмотренных образовательными программами с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций».

М.Н. Малеина указывает, что «по предмету общим для двух сравниваемых договоров является организация обучения с участием двух и более организаций. Отличия можно усмотреть в том, что: 1) предмет договора об организации и проведении практики обучающегося значительно уже, его составляют действия образовательной и профильной организаций только в области организации передачи практических навыков обучающимся; 2) существенные условия сравниваемых договоров не совпадают; 3) договор об организации и проведении практики обучающегося заключается с одной организацией, а при необходимости заключается несколько двусторонних однотипных договоров с разными организациями; 4) прохождение обучающимся производственной практики в ходе обучения обязательно для уровней профессионального образования; 5) по завершении практики выдаваемый документ учитывается при прохождении государственной итоговой аттестации, но не имеет самостоятельного значения (не подтверждает квалификацию)» [21]. Автор делает вывод, что «можно считать договор об организации и проведении практики обучающегося видом договора о сетевой форме реализации образовательных программ», с чем мы полностью согласны.

Как отмечает В.Ю. Матвеев «субъектный состав договора о сетевой форме реализации образовательных программ и договора о совместной деятельности существенно отличается» [9]. Так, договор об оказании образовательных услуг заключается между образовательной организацией и обучающимся, а в договоре о сетевой форме реализации образовательных программ обучающийся не является стороной договора. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ является договором, «обслуживающим» договор об оказании образовательных услуг, поскольку заключается, по сути, лишь для того, чтобы повысить качество предоставляемых услуг по основному договору.

В.Ю. Матвеев утверждает, что «договор о сетевой форме реализации образовательных программ не предусматривает в качестве существенной характеристики возмездность, так как может быть и безвозмездное предоставление ресурсов» [9]. Мы полностью согласны с автором, что договор о сетевом взаимодействии может быть как возмездным, так и безвозмездным.

Авторы Н.А. Ильина и О.А. Серова указывают, что «Методические рекомендации по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме, утв. Рабочей группой Минобрнауки России по разработке и реализации проекта по внедрению академической мобильности и апробации механизмов финансового обеспечения (протокол от 25.05.2023 № 18-пр/36) ориентированы на два вида сетевой формы реализации образовательных программ: 1) совместная реализация образовательных программ; 2) реализация образовательной программы с участием организаций, обладающих ресурсами. Соответственно, в зависимости от вида устанавливаются и различные механизмы финансирования» [5].

Согласно п. 15 приказа Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ от 05.08.2020 № 882/391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме организации образовательных программ» «финансовое обеспечение реализации сетевой образовательной программы, в том числе использования ресурсов организаций-участников, определяются договором о сетевой форме». Указанным приказом утверждена примерная форма договора о сетевом взаимодействии, согласно п. 3.1 которого «базовая организация производит возмещение затрат организации-участнику на реализацию части образовательной программы» [22]. В соответствии с письмом Министерства науки и высшего образования РФ от 16.11.2022 № МН-5/35513 «О направлении разъяснений», «предусмотренные примерной формой договора условия должны быть включены в договор, так как они основаны на нормах законодательства Российской Федерации об образовании и Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» [23].

Согласно п. 3.1. Методических рекомендаций по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме, при совместной реализации образовательной программы «финансовое обеспечение сетевой формы реализации образовательных программ, финансируемых за счёт бюджетных ассигнований бюджета бюджетной системы Российской Федерации может осуществляться в форме возмещения затрат за реализацию части сетевой образовательной программы в соответствии с перечнем затрат организации-участника на реализацию части образовательной программы...», а также в форме «перераспределения государственного задания». В случае реализации образовательной программы с участием организаций, обладающих ресурсами, в соответствии с п. 3.2.1 вышеуказанных Методических рекомендаций, «участие организаций, осуществляющих образовательную деятельность в реализации образовательной программы, может осуществляться путём заключения договора возмездного оказания услуг» [24].

Договор о сетевой форме реализации образовательных программ может не предусматривать возмездности в виде уплаты денежных средств (денежных расчётов сторон), однако может предусматривать иные формы встречного предоставления. Если вторая сторона договора также образовательная организация, то встречное предоставление в рамках договора о сетевой форме реализации образовательных программ может предоставляться в форме обмена образовательными ресурсами (предоставление доступа к учебным материалам, методическим пособиям, библиотечным ресурсам), совместные исследования и проекты (участие в научно-исследовательских проектах, которые могут принести пользу всем участникам), организация совместных семинаров, мастер-классов или лекций, что позволяет специалистам из разных учреждений делиться опытом и знаниями), кросс-программы и стажировки, совместные образовательные мероприятия (олимпиады, конкурсы, конференции, круглые столы, способствующие обмену опытом и знаниями, а также онлайн-конкурсы и вебинары в форме дистанционного обучения), создание совместных платформ и технологий.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «использование имущества государственных и муниципальных организаций организациями, осуществляющими образовательную деятельность, финансовое обеспечение которых осуществляется за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и (или) местных бюджетов, при сетевой форме реализации образовательных программ осуществляется на безвозмездной основе, если иное не установлено договором о сетевой форме реализации образовательных программ». На практике часто встречаются договоры о сетевой форме реализации образовательных программ, в которых организация-участник безвозмездно предоставляет ресурсы для реализации образовательной программы. Например, между ГБОУЛ № 344 Невского района Санкт-Петербурга и ГБОУ средняя общеобразовательная школа № 14 Невского района Санкт-Петербурга 11.05.2021 заключён договор о сетевой форме реализации образовательных программ, «согласно п. 3.1. которого базовая организация использует ресурсы организации-участника на безвозмездной основе». Или договор о сетевой форме реализации образовательных программ № 2-ПОБГ от 27.11.2021 г. между ГБПО «Педагогический колледж № 18 Митино и ГБОУ города Москвы «Школа № 1900», в п. 3.2 которого указано, что «совместная деятельность сторон является некоммерческой, не преследует цели извлечения прибыли в каких-либо формах и осуществляется на взаимовыгодных условиях».

Договор о сетевой форме реализации образовательных программ следует отнести к консенсуальным договорам. Договор о сетевом взаимодействии считается заключённым, если между

всеми сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям, определяющим их права и обязанности, основан на принципе равенства участников и добровольности, вступает в силу с момента его подписания и не требует фактического исполнения обязательств для его заключения.

Все участники принимают участие в формулировании условий договора (поскольку на практике, зачастую стороны, ещё до заключения договора, разрабатывают учебный план, составляют календарный график и расписание занятий, совместно разрабатывают образовательную программу и распределяют между собой объем и порядок осуществления образовательной деятельности). Участие в сетевых образовательных программах происходит на основе добровольного выбора сторон, каждый из участников имеет возможность согласиться или отказаться от предложенных условий.

Учитывая, того, что договор о сетевой форме реализации образовательных программ отличается от договора о совместной деятельности по своему предмету, цели его заключения, не предполагающей получение прибыли, субъектному составу и иным характеристикам, нельзя говорить о том, что договор о сетевой форме реализации образовательных программ является одним из видов договора простого товарищества.

Таким образом, договор о сетевой форме реализации образовательных программ является самостоятельным гражданско-правовым договором. По своим характеристикам этот договор консенсуальный, как возмездный, так и безвозмездный.

Литература

1. Национальный проект «Образование», утверждённый президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24.12.2018), <https://minobrnauki.gov.ru/>
2. Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», утверждена постановлением Правительства РФ № 3697-р от 31.12.2020, <https://minobrnauki.gov.ru/>
3. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», утверждённый президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол № 9 от 28.05.2019), <https://digital.gov.ru/>
4. Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон. 2016. № 5. С. 161–170.
5. Ильина Н.А., Серова О.А. Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регулятивного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудниче-
- ства // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 72–83.
6. Ласкина Н.В., Новикова Н.А., Лежнева Н.С., Тимофеева Н.Ю., Слесарев С.А., Вахрушева Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.
7. Барабанова С.В., Пешкова (Белогорцева) Х.В. Баранов И.В. Менкенов А.В., Селезнева А.Х., Чернущь Н.Ю., Беляев М.А., Зенков М.Ю., Котухов С.А. Комментарий к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2019.
8. Малеина М.Н. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ // Lex russica. 2016. № 7. С. 177–183.
9. Матвеев В.Ю. Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ // Юрист. 2018. № 4. С. 18–24.
10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «Об утверждении правил осуществления контроля за выполнением государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) федеральными государственными бюджетными и автономными учреждениями, находящимися в ведении Министерства просвещения Российской Федерации» № 397 от 26.07.2019, <https://legallacts.ru/>
11. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «Об утверждении Методических рекомендаций для субъектов Российской Федерации по вопросам реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ в сетевой форме» от 28.06.2019 № МР-81(02 вн), <https://legalacts.ru/>
12. Письмо Минобрнауки РФ от 21.10.2020 № МН-5/20371 «О направлении информации» (вместе с письмом Минфина РФ от 19.06.2020 № 12–11–17/53528 «О предоставлении разъяснений») // СПС КонсультантПлюс. 2020.
13. Бердышева С.Н. Правовое регулирование отношений, связанных с оказанием услуг при использовании сетевой формы реализации образовательных программ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 85–95.
14. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303. 31.12.2012.
15. Информация Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки «Рособрнадзор объявил предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований девяти ВУЗам и приостановил действие лицензии одного», 16.09.2024, <https://obrnadzor.gov.ru/>
16. Серебрякова А.А. Договорное регулирование отношений между образовательными организациями и сетевыми партнерами // Гражданское право. 2021. № 4. С. 17–20.

17. Коршунова Н.В. Сетевые формы взаимодействия образовательных организаций: проблемы реализации образовательного законодательства // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 66–67.
18. Письмо департамента образования, науки и молодёжной политики Воронежской области № 80–11/3391 от 11.04.2018 «О направлении методических рекомендаций по реализации программ в сетевой форме» <https://orioncentr.ru/>
19. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Российская газета. 1996. № 14, 24.01.1996.
20. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020. № 885/390 «О практической подготовке обучающихся», <https://legalacts.ru/>
21. Малеина М.Н. Договор об организации и проведении производственной практики обучающихся // Lex russica. 2018. № 1. С. 157–163.
22. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» от 05.08.2020 № 882/391, <https://legalacts.ru/>
23. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации № МН-5/35513 от 16.11.2022 «О направлении разъяснений», <https://legalacts.ru/>
24. Методические рекомендации по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме (одобрено Рабочей группой Министерства науки и высшего образования РФ по разработке и реализации проекта по внедрению академической мобильности и апробации механизмов финансового обеспечения (протокол № 18-пр/36 от 26.05.2023), <https://legalacts.ru/>
2. Strategic academic leadership program “Priority-2030”, approved by RF Government Resolution No. 3697-r of 31.12.2020, <https://minobrnauki.gov.ru/>
3. Federal project “Personnel for the Digital Economy”, approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions of Doing Business (minutes No. 9 of 28.05.2019), <https://digital.gov.ru/>
4. Sheveleva N.A., Lavrikova M.Yu., Vasiliev I.A. Network form of education: the state of legal regulation and development prospects // Law. 2016. No. 5. P. 161–170.
5. Ilyina N.A., Serova O.A. Network educational programs: the evolution of the formation of the regulatory approach and issues of practical implementation of the network form of cooperation // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 5. P. 72–83.
6. Laskina N.V., Novikova N.A., Lezhneva N.S., Timofeeva N.Yu., Slesarev S.A., Vakhrusheva Yu.N. Commentary on the Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (article by article) // SPS ConsultantPlus.2014.
7. Barabanova S.V., Peshkova (Belogortseva) H.V., Baranov I.V., Menkenov A.V., Selezneva A.Kh., Chernov N.Yu., Belyaev M.A., Zenkov M.Yu., Kotukhov S.A. Commentary on the Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus.2019.
8. Maleina M.N. Agreement on the network form of implementation of educational programs // Lex russica. 2016. No. 7. P. 177–183.
9. Matveev V. Yu. Legal nature of the agreement on the network form of implementation of educational programs // Jurist. 2018. No. 4. P. 18–24.
10. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation “On approval of the rules for monitoring the implementation of the state assignment for the provision of public services (performance of work) by federal state budgetary and autonomous institutions under the jurisdiction of the Ministry of Education of the Russian Federation” No. 397 dated July 26, 2019, <https://legalacts.ru/>
11. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation “On approval of Methodological recommendations for constituent entities of the Russian Federation on the implementation of basic and additional general educational programs in network form” dated June 28, 2019 No. МР-81 (02 вн), <https://legalacts.ru/>
12. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 21, 2020 No. МН-5/20371 “On sending information” (together with the letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated June 19, 2020 No. 12–11–17/53528 “On the provision of clarifications”) // SPS ConsultantPlus.2020.
13. Berdysheva S.N. Legal regulation of relations related to the provision of services using the network form of implementation of educational programs // Actual problems of Russian law. 2018. No. 12. P. 85–95.
14. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 12/29/2012 No. 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2012. No. 303. 12/31/2012.
15. Information from the Federal Service for Supervision in Education and Science “Rosobrnadzor issued warnings about the inadmissibility of violating mandatory requirements to nine universities and suspended the license of one”, 09/16/2024, <https://obrnadzor.gov.ru/>
16. Serebryakova A.A. Contractual regulation of relations between educational organizations and network partners // Civil Law. 2021. No. 4. Pp. 17–20.
17. Korshunova N.V. Network forms of interaction between educational organizations: problems of implementing educational legislation // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2016. No. 7. Pp. 66–67.
18. Letter of the Department of Education, Science and Youth Policy of the Voronezh Region No. 80–11 / 3391 dated 11.04.2018 “On the direction of methodological recommendations for the implementation of programs in a network form” <https://orioncentr.ru/>
19. Federal Law “On Non-Commercial Organizations” dated 12.01.1996 No. 7-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1996. No. 14, 24.01.1996.

LEGAL NATURE OF THE NETWORK INTERACTION AGREEMENT

Podsushnaya M.V.

Moscow State Legal University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The article analyzes various points of view on the legal nature of the agreement on the network form of implementation of educational programs. It is concluded that the agreement on the network form of implementation of educational programs is not an agreement on joint activities, but refers to agreements not named in the Civil Code of the Russian Federation, that is, sui generis agreements.

Keywords: network interaction, network educational program, educational organization, agreement on the network form of implementation of educational programs, agreement on joint activities, sui generis agreement.

References

1. National project “Education”, approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (minutes No. 16 of 24.12.2018), <https://minobrnauki.gov.ru/>

20. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Ministry of Education of the Russian Federation dated 05.08.2020. No. 885/390 "On the practical training of students", <https://legalacts.ru/>
21. Maleina M.N. Agreement on the organization and conduct of industrial practice of students // Lex russica. 2018. No. 1. P. 157–163.
22. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation "On the organization and implementation of educational activities in the network form of implementation of educational programs" dated 08/05/2020 No. 882/391, <https://legalacts.ru/>
23. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. MN-5/35513 dated 11/16/2022 "On sending clarifications", <https://legalacts.ru/>
24. Methodological recommendations for the application of financial support mechanisms for the implementation of educational programs in a network format (approved by the Working Group of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the development and implementation of a project to introduce academic mobility and test financial support mechanisms (minutes No. 18-pr/36 dated 05/26/2023), <https://legalacts.ru/>

Особенности регулирования совершаемых супругами гражданско-правовых сделок

Попова Валерия Олеговна,

помощник судьи, Арбитражный суд г. Москвы
E-mail: v-popova-2021@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности распоряжения правами на имущество супругов, находящееся в их совместной и личной собственности, предусматриваемые Семейным кодексом РФ, проведено их сравнение с общими правилами регулирования, закрепляемыми гражданским законодательством, а также специфика их применения в отношении сделок, совершаемых лицами, состоящими в браке.

Как отмечается автором, правомерность таких сделок и возможность признания их недействительными зависят от ряда дополнительных факторов, в том числе от правового режима имущества, наличия или отсутствия брачного договора, особенностей законодательного регулирования отдельных случаев распоряжения имуществом супругов.

Автором делается вывод о необходимости детализации требований, предъявляемых при совершении сделок с имуществом, находящимся в совместной собственности супругов, в том числе недвижимым и иным имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации. Обосновывается целесообразность установления нормативно определенного порядка соблюдения таких требований, включая получение выписок из государственного реестра за определенный срок до совершения сделки, проверка определенных сведений на основании установленного перечня документов и т.д. Доказывается, что предлагаемая детализация и установление специальных требований позволит исключить существующую в настоящее время необходимость получения нотариального согласия супруга, фактически при любой сделке с недвижимым и иным регистрируемым имуществом. Автор доказывает, что при реализации сделанных в статье предложений отпадет также необходимость получения сведений о том, состоял ли продавец в браке на момент приобретения имущества, не изменялся ли статус имущества в период брака или после его расторжения в соответствии с брачным договором, состоит ли другая сторона в браке на момент заключения сделки, а также необходимость получения сведений, достоверно установить которые не всегда представляется возможным.

Ключевые слова: семья, супруги, общая собственность, совместная собственность, личная собственность, сделка, недвижимое имущество, государственная регистрация

В соответствии с общими правилами регулирования гражданского оборота лица, находящиеся в браке друг с другом (супруги), могут в качестве самостоятельных субъектов гражданского права совершать сделки с другими субъектами, а также друг с другом [1, С. 37].

Возможность совершения таких сделок, признание их действительными или недействительными зависят от ряда дополнительных факторов, в том числе от правового режима имущества (личная или совместная собственность), наличия или отсутствия брачного договора, его условий, особенностей законодательного регулирования отдельных случаев распоряжения имуществом супругов и т.д., при этом подлежит применению ряд презумпций, закрепляемых Семейным кодексом РФ (далее – «СК РФ»).

Прежде всего приходится учитывать устанавливаемую п. 1 ст. 34 СК РФ презумпцию совместной собственности супругов на нажитое во время брака имущество, причем к такому имуществу относятся как непосредственно получаемые каждым из супругов доходы, в том числе от предпринимательской, трудовой деятельности, распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, так и приобретаемое за их счет имущество. Законодатель исходит из того, что не имеет значения, на чье именно имя такое имущество приобреталось и кем из супругов осуществлялась его оплата, а также кто из супругов какие именно доходы получал.

Кроме того, из буквального толкования п. 3 ст. 34 СК РФ следует, что даже в том случае, когда у кого-либо из супругов доходы отсутствовали, презумпция, предусмотренная п. 1 ст. 34 СК РФ продолжает действовать, если только не будет доказано, что второй супруг не имел дохода по причинам, которые не могут быть признаны уважительными. Во всех остальных случаях презумпция совместной собственности супругов на приобретенное любым из них имущество будет действовать без сопоставления уровня доходов каждого из них и без учета осуществляемых каждым из них расходов, их поведения и иных обстоятельств, если законом не установлено иное.

При регламентации вопросов распоряжения общим имуществом супругов законодатель отступил от общих подходов, состоящих в установлении прав или обязанностей, состоящих в установлении прав или обязанностей, закрепления управомочивающих, обязывающих или запрещающих норм, ограничившись в п. 1 ст. 35 СК РФ по существу констатацией предположения о том, что владение, пользование и распоряжение всегда осуществля-

ются по обоюдному согласию супругов, дополненному в п. 2 ст. 35 СК РФ презумпцией согласия каждого из супругов на совершение сделок по распоряжению общим имуществом, если такое распоряжение осуществляется одним супругом даже без явно выраженного согласия другого. Предполагалось, что установление данной презумпции должно приводить к обеспечению защиты интересов участников гражданского оборота [2], позволяя им рассчитывать на то, что любое находящееся в браке лицо при взаимодействии с ними выражает как свою волю, так и волю своего супруга на заключение сделки и тем самым исключается возможность ее оспаривания со стороны второго участника брачного союза, несмотря на наличие у него прав в отношении находящегося в совместной собственности имущества.

Закрепив подход, позволяющий каждому из супругов по его усмотрению распоряжаться общим имуществом без предоставления доказательств согласия другого супруга, законодатель посчитал необходимым ограничить возможность его применения в интересах другого супруга и членов семьи, тем самым существенно осложнив совершение сделок с таким имуществом и поставив их действительность в зависимость от ряда дополнительных обстоятельств.

Во-первых, следует отметить, что указанная презумпция действует только при условии, что другая сторона по сделке на знала и не должна была знать об отсутствии согласия другого супруга на ее совершение, в противном случае сделка может быть признана недействительной, причем суд, принимая такое решение, должен рассматривать не экономическую обоснованность сделки, в частности, соразмерность цены, выгодность для сторон и т.п., а только сам факт несогласия супруга на ее совершение.

Во-вторых, учитывая важность определенных видов имущества, в силу чего законодательством предусматривается необходимость государственная регистрация или нотариальное удостоверение сделок с ним либо государственная регистрация прав на него, пункт 3 ст. 35 СК РФ фактически переворачивает установленную презумпцию согласия супругов на совершение сделок, устанавливая обязательность получения согласия другого супруга путем его нотариального удостоверения.

При отсутствии такого согласия супруг, у которого оно не было получено, имеет право обратиться в суд для признания сделки недействительной, причем исковая давность (один год) при этом будет отсчитываться не с даты совершения самой сделки, а с даты, когда о ее совершении стало известно такому супругу (абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ).

Таким образом, без подтвержденного согласия другого супруга могут совершаться только сделки с движимым имуществом, не подлежащим государственной регистрации, как правило, малоценным, факты принадлежности права собственности на которое и распоряжения которым в большинстве случаев невозможно будет доказать. Данный

подход создает формальную основу для признания правомерными множества сделок, ежедневно совершаемых супругами, но в основном относящихся к числу обычных, направленных на удовлетворение интересов семьи или личных интересов, связанных с малоценными предметами [3, С. 73]. В то же время правомерность распоряжения даже таким имуществом может быть поставлена под сомнение в связи с наличием у супруга, не дававшего согласия на распоряжение им, возможности оспаривать совершенную с сделку при определенных законом условиях.

Продажа или покупка недвижимого имущества или транспортных средств, права на которые подлежат государственной регистрации, продажа или покупка долей в уставном капитале, для совершения которых установлена обязательная нотариальная форма, заключение подлежащих регистрации договоров аренды и многие другие требуют оформления у нотариуса согласия супруга, отсутствие которого ставит под угрозу юридические последствия совершаемой сделки. При этом в ряде публикаций отмечается, что получение нотариально удостоверенного согласия супруга необходимо не только для сделок, предполагающих отчуждение указанных выше видов имущества, но и для случаев его приобретения, с чем, в свою очередь, согласны не все специалисты [4].

В 2022 году содержащееся в п. 3. Ст. 35 СК РФ указание на необходимость нотариально удостоверенного согласия было дополнено ссылкой на то, что при отсутствии такого согласия сделка может быть оспорена по правилам ст. 173.1 ГК РФ, которой, в свою очередь, предусмотрена возможность признания сделки недействительной в случае, если контрагент по сделке знал или должен был знать в момент ее совершения о том, что необходимое согласие отсутствует, то есть действовал недобросовестно.

Определение случаев и порядка применения данного нового для законодательства подхода, при котором супруг, согласие которого не было получено, может оспаривать действительность совершенной другим супругом сделки только при условии подтверждения вышеуказанного дополнительного обстоятельства, требует изменения и дальнейшего развития сложившейся ранее судебной практики [5]. Верховным Судом РФ ранее неоднократно подтверждались позиции, согласно которым факту отсутствия у приобретателя совместного имущества знания об отсутствии согласия второго супруга не придавалось юридическое значение¹, а учет добросовестности приобретателя в указанном отношении был возможен только в отдельных случаях, если сделка по отчуждению совершалась после расторжения брака².

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2021 № 20-КГ21-4-К5.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 80-КГ20-3.

Возникновение сложных и неоднозначных ситуаций возможно также в случаях, когда отдельные виды сделок требуют их нотариального удостоверения [6], причем данные требования также могут допускать определенные исключения. Так, А.Н. Левушкин приводит пример судебного решения, согласно которому супруге было отказано в признании недействительной сделки по продаже доли в уставном капитале хозяйственного общества, совершенной ее мужем без ее согласия, на том основании, что продажа была осуществлена другому участнику общества и в связи с этим нотариального удостоверения сделки не требовалось [7, С. 50].

Формально усложнив оспаривание сделки, совершенной без согласия второго супруга, законодатель не установил однозначным образом, какие именно действия должен предпринять приобретатель имущества, которые гарантировали бы отсутствие в дальнейшем возможности оспаривания, по крайней мере, для определенных категорий сделок.

С учетом значимости совершаемых сделок для семей и необходимости в то же время обеспечить устойчивость гражданского оборота, надежность закрепления прав на имущество за его участниками, было бы целесообразно регламентировать вопрос предоставления супругами согласий на совершаемые ими сделки более детальным образом, предусмотрев также дополнительные условия, благодаря которым лица, вступающие в договорные отношения, могли бы предпринять действия, гарантирующие в дальнейшем подтверждение добросовестности их поведения и невозможность оспаривания сделок.

Например, в том случае, если какое-либо недвижимое имущество приобретается лицом, состоящим в браке, указание на необходимость наличия согласия второго супруга для распоряжения таким имуществом могло бы включаться в ЕГРН на основании данных ЗАГС или по требованию заинтересованного супруга. Добросовестный приобретатель при этом должен иметь возможность принимать решения, полагаясь на ту информацию, которая включена в ЕГРН и, соответственно, заключать сделки с лицом, указанным в качестве собственника в ЕГРН, без получения дополнительных согласий, если информация о необходимости их получения не включена в государственный реестр.

В настоящее время добросовестный приобретатель недвижимого имущества ставится в зависимость от продавца, семейный статус которого он не всегда имеет возможность проконтролировать при заключении сделки, так как сведения о наличии брака на момент приобретения того или иного имущества получают им, как правило, от самого продавца, соответственно, в случае его недобросовестности сделка оказывается под угрозой оспаривания в дальнейшем.

Ситуация еще более осложняется ввиду того, что законодательство, с одной стороны, признает в определенных случаях возможность наличия у супругов личного имущества, в том числе как

принадлежавшего им до вступления в брак, так и полученного по безвозмездным сделкам в период брака (п. 1 ст. 36 СК РФ), а с другой стороны, допускает возможность признания такого имущества совместной собственностью супругов, если в период брака были осуществлены вложения, увеличившие его стоимость. Устанавливающая такую возможность ст. 37 СК РФ предусматривает неисчерпывающий перечень случаев осуществления таких «вложений», признавая, что они могут быть осуществлены не только за счет имущества, но и в виде «труда» одного из супругов.

В результате не только капитальный ремонт квартиры, но и ее «переоборудование» могут привести к переходу ее в общую собственность. При этом законодательство не устанавливает каких-либо объективных показателей, соответствие которым приводило бы к наступлению указанных результатов, критерий «значительного» увеличения стоимости имеет во много субъективный характер, особенно учитывая значительное, порой многократное изменение цен на недвижимость в последние десятилетия.

Законодательство при этом не устанавливает какого-либо единого порядка признания личного имущества супруга совместной собственностью, а также момента, начиная с которого в отношении такого имущества подлежат применению положения, установленные для совместной собственности, в частности, возникает необходимость получения нотариально удостоверенного согласия для распоряжения ею. Интересы второго супруга, внесшего вклад в увеличение стоимости совместной собственности, при этом ставятся если не выше интересов приобретателя такого имущества, то по крайней мере, наравне с ними, хотя приобретатель имущества может не иметь возможности проконтролировать наличие особых обстоятельств, приводящих к переходу личного имущества одного из супругов, полученного им в дар или приобретенного по наследству либо приобретенного до вступления в брак, в категорию совместного имущества с присущими данной категории ограничениями.

Одной из существенных проблем является то обстоятельство, что регулирование гражданско-правовых по своему содержанию отношений, затрагивающих интересы не только супругов, но и третьих лиц, в гражданско-правовые отношения с которыми вступают супруги, перенесено из гражданского законодательства в СК РФ, закрепляемые в котором нормы образуют сложную систему, не в полной мере коррелирующую с подходами, предусматриваемыми наиболее близкими к ним положениями ГК РФ [8, С. 145]. Устанавливаемый последним общие правила, регулирующие порядок распоряжения находящимся в совместной собственности имуществом (ст. 253 ГК РФ), в отношении совместной собственности супругов подменяются положениями ст. 35 СК РФ и применяются только в части, не противоречащей указанным положениям. Следовательно, СК РФ в данной ча-

сти регулирует гражданско-правовые отношения, не только дополняя, но и подменяя в определенной мере нормы, закрепляемые ГК РФ. Такая подмена могла бы быть полностью оправданной, если бы речь шла о защите интересов детей [9] или иных социально уязвимых категорий граждан, но положения проанализированных выше статей 34–37 СК РФ подлежат применению без каких-либо ограничений, независимо от того, в какой мере устанавливаемая ими дополнительная защита требуется второму супругу ввиду его нетрудоспособности, недееспособности или иных связанных с ним обстоятельств.

Дополнительные риски для гражданского оборота могут быть связаны с правовыми последствиями, наступающими в случае признания недействительными заключенных между супругами соглашений о разделе общего имущества [10] или брачных договоров [11], что влечет изменение статуса имущества, которое могло быть передано третьему лицу по совершенной с его участием сделке. Недействительными во многих случаях могут признаваться также иные сделки, заключаемые между супругами [12].

Баланс интересов участников гражданских правоотношений в рассматриваемых выше случаях, как представляется, может быть достигнут за счет установления отчетливых требований ко всем их участникам, при несоблюдении которых преимущество должно отдаваться интересам других участников, поскольку уполномоченный участник не воспользовался предоставленными ему правовыми возможностями.

В рассматриваемом случае перехода имущества из личной в совместную собственность супругов факт значительных вложений должен учитываться только при условии, если внесший такие вложения в виде труда или имущества супруг общит о своих претензиях на соответствующее имущество в установленном законом порядке, например, путем подачи заявления о включении сведений об изменении правового статуса такого имущества в ЕГРН. При отсутствии спора такое заявление могло бы подаваться супругами совместно для изменения статуса имущества и указания на его нахождение в совместной собственности, а при наличии спора соответствующая запись могла бы вноситься на основании судебного решения.

Если заинтересованный супруг не принимает мер для включения информации об изменении статуса имущества в ЕГРН, то вряд ли имеет смысл учитывать его интересы вопреки интересам контрагента по сделке, законно осуществившего приобретение имущества, полагаясь на сведения, содержащиеся в государственном реестре, на основании договора с лицом, которое указано в ЕГРН в качестве собственником имущества и при отсутствии каких-либо официально подтвержденных сведений о том, что на совладение этим имуществом претендуют какие-либо иные лица.

Представляется важным при дальнейшем развитии правового регулирования не только разгра-

ничивать положения, относящиеся к отдельным категориям имущества, находящегося в совместной или личной собственности супругов, но также анализировать отдельные виды возникающих между супругами или с участием третьих лиц имущественных отношений [13], различным образом регламентируя совершение мелких бытовых сделок, предпринимательскую деятельность супругов, займы, алиментные соглашения [14], сделки с долями в праве собственности на жилые помещения [15], отношения при банкротстве [16] и т.д. Последняя категория дел представляется особенно важной с учетом сложности оценки правомерности совершения сделок между супругами и возможности их признания недействительными для защиты интересов кредиторов преимущественно перед интересами должника и членов его семьи [17].

Подход, основанный на детализации требований при совершении сделок с недвижимым и иным имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, и установление нормативно определенного порядка их соблюдения (получение выписок из государственного реестра за определенный срок до совершения сделки, проверка определенных сведений на основании установленного перечня документов и т.д.), позволит исключить существующую в настоящее время необходимость получения фактически при любой сделке с недвижимым и иным регистрируемым имуществом нотариального согласия супруга, которое на практике нотариусы часто требуют получать и от бывших супругов, а также получения сведений о том, состоял ли продавец в браке на момент приобретения имущества, не изменялся ли статус имущества в период брака или после его расторжения в соответствии с брачным договором, состоит ли другая сторона в браке на момент заключения сделки и иных сведений, достоверно установить которые не всегда представляется возможным.

Литература

1. Молчанов А.А., Костюченко Е.Ю. Совершение сделок супругами теория и практика // Закон и право. 2016. № 11. С. 37–39.
2. Чашкова С.Ю. Влияние новелл семейного законодательства на регулирование имущественных отношений супругов // Семейное и жилищное право. 2016. № 3 // СПС «Консультант Плюс».
3. Султанов А.А. Некоторые вопросы законодательного регулирования общего имущества супругов // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 73–75.
4. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2007.
5. Низамиева О.Н. Развитие правоприменительной практики по вопросу о правовом режиме супружеского имущества в договорах с уча-

стием супругов // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8 (189). С. 130–138.

6. Белова Т.В., Некрасова Н.А. Получение согласия при совершении корпоративных сделок: семейно-правовой аспект // Экономические преобразования: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 48–56.
7. Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3 (231). С. 47–55.
8. Рузанова В.Д. «Зоны совместного регулирования» в гражданско-правовой и семейно-правовой сферах: проблема коллизий // Власть Закона. 2017. № 2 (30). С. 144–154.
9. Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 69–77.
10. Колобов А.Н. Порядок и последствия признания недействительными имущественных соглашений супругов: дискуссионные аспекты теории и практики // Юридическая гносеология. 2018. № 1–2. С. 21–26.
11. Трофимова Г.А. Институт брачного договора: теоретические аспекты // Нотариальный вестник. 2019. № 7. С. 39–57.
12. Бакаева М.К. Договорный режим имущества супругов по законодательству Российской Федерации и стран ближнего зарубежья // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 29. № 1. С. 74–77.
13. Бондаренко Н.Л., Халецкая Т.М. Имущественные отношения супругов как предмет правового регулирования гражданского и семейного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 4. С. 77–87.
14. Иванова И.А. Согласие супруга по распоряжению общим имуществом супругов при заключении алиментного соглашения // Трибуна учебного. 2021. № 5. С. 196–199.
15. Лобанова С.Д. «Микродоля» в жилом помещении: отдельные неоднозначные вопросы при удостоверении сделок нотариусом // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106–5. С. 207–210.
16. Лагунова Е.А. Баланс интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве граждан // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3 (31). С. 56–66.
17. Салимов А.С., Воронина С.В. Квалификация оспариваемых семейно-правовых действий в деле о банкротстве гражданина // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 4. С. 34–38.

PECULIARITIES OF REGULATION OF CIVIL-LEGAL TRANSACTIONS BY SPOUSES

Popova Valeriia Olegovna
Arbitration Court of Moscow

The article considers the peculiarities of the disposal of rights to the property of spouses in their joint and personal ownership, provided

for by the Family Code of the Russian Federation, compares them with the general rules of regulation enshrined in civil legislation, as well as the specifics of their application to transactions made by married persons.

As noted by the author, the legality of such transactions and the possibility of their invalidation depend on a number of additional factors, including the legal regime of property, the presence or absence of a pre-nuptial agreement, the peculiarities of legislative regulation of certain cases of disposition of the property of spouses.

The author concludes that it is necessary to detail the requirements for transactions with property owned jointly by spouses, including immovable and other property, the rights to which are subject to state registration. The expediency of establishing a normatively defined procedure for compliance with such requirements is substantiated, including obtaining extracts from the state register for a certain period of time prior to the transaction, verification of certain information on the basis of the established list of documents, etc. It is proved that the proposed detailing and establishment of special requirements will allow to exclude the current need to obtain the notarial consent of the spouse, in fact, in any transaction with immovable and other registered property. The author proves that the implementation of the proposals made in the article will also eliminate the need to obtain information about whether the seller was married at the time of acquisition of the property, whether the status of the property during the marriage or after its dissolution in accordance with the marriage contract, whether the other party is married at the time of the transaction, as well as the need to obtain information that is not always possible to establish reliably.

Keywords: family, spouses, common property, common ownership, joint ownership, personal property, transaction, immovable property, state registration

References

1. Molchanov A.A., Kostyuchenko E. Yu. Transactions between spouses: theory and practice // Law and Right. 2016. No. 11. P. 37–39.
2. Chashkova S. Yu. The impact of new family legislation on the regulation of property relations of spouses // Family and housing law. 2016. No. 3 // SPS “Consultant Plus”.
3. Sultanov A.A. Some issues of legislative regulation of the common property of spouses // Successes of modern science and education. 2016. Vol. 2. No. 5. P. 73–75.
4. Chefranova E.A. The mechanism of family and legal regulation of property relations of spouses. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2007.
5. Nizamiyeva O.N. Development of law enforcement practice on the issue of the legal regime of marital property in contracts involving spouses // Lex Russica (Russian law). 2022. Vol. 75. No. 8 (189). Pp. 130–138.
6. Belova T.V., Nekrasova N.A. Obtaining consent when concluding corporate transactions: family law aspect // Economic transformations: theory and practice. 2023. No. 1 (7). Pp. 48–56.
7. Levushkin A.N. Implementation of the rights of spouses in the implementation of activities of a legal entity // Journal of Russian Law. 2016. No. 3 (231). Pp. 47–55.
8. Ruzanova V.D. “Zones of joint regulation” in the civil law and family law spheres: the problem of collisions // Power of Law. 2017. No. 2 (30). P. 144–154.
9. Ruzanova V.D., Ruzanova E.V. Civil and family law mechanisms for protecting the property rights of children // The Power of Law. 2018. No. 3 (35). P. 69–77.

10. Kolobov A.N. The procedure and consequences of recognizing the property agreements of spouses as invalid: controversial aspects of theory and practice // *Legal gnoseology*. 2018. No. 1–2. P. 21–26.
11. Trofimova G.A. The Institute of Marriage Contract: Theoretical Aspects // *Notarial Bulletin*. 2019. No. 7. P. 39–57.
12. Bakaeva M.K. Contractual regime of property of spouses under the legislation of the Russian Federation and neighboring countries // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2019. Vol. 29. No. 1. Pp. 74–77.
13. Bondarenko N.L., Khaletskaya T.M. Property relations of spouses as a subject of legal regulation of civil and family law // *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. 2019. Vol. 16. No. 4. Pp. 77–87.
14. Ivanova I.A. Consent of the spouse to dispose of the common property of the spouses when concluding an alimony agreement // *Tribune of the scientist*. 2021. No. 5. Pp. 196–199.
15. Lobanova S.D. “Micro-share” in residential premises: certain controversial issues when certifying transactions by a notary // *Trends in the development of science and education*. 2024. No. 106–5. P. 207–210.
16. Lagunova E.A. Balance of interests of creditors and the debtor’s family in bankruptcy cases of citizens // *Prologue: journal on law*. 2021. No. 3 (31). P. 56–66.
17. Salimov A.S., Voronina S.V. Qualification of contested family-law actions in a citizen’s bankruptcy case // *Russian-Asian Legal Journal*. 2021. No. 4. P. 34–38.

Ренжин Илья Александрович,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

E-mail: gamepgg@gmail.com

Статья посвящена теме нарушений авторских прав в деятельности стриминговых сервисов. Особое внимание уделяется возможности нарушений авторских прав при проведении трансляций, а так же нарушений авторских прав со стороны создателей видеоигры.

Статья посвящена исследованию проблемы нарушений авторских прав в деятельности стриминговых сервисов. Особое внимание уделено возможным нарушениям авторских прав при проведении трансляций и созданию видеоигр. Аннотация включает актуальность проведенного исследования, его суть и основные результаты, к которым пришли авторы. После ознакомления с данным разделом формируется четкое представление об основном содержании исследования, детали которого изложены в основной части статьи.

Ключевые слова: авторское право, стриминг, произведенный контент, лицензионное соглашение, соавтор, видеоигра.

Еще 20 лет назад никто и предположить не мог того, что прямые трансляции игр, прохождение либо же комментирование турниров может быть интереснее нежели, просмотр спорта по ТВ. Однако время идёт, и оно вносит свои директивы в происходящее, так в настоящее время киберспортивные турниры собирают такое количество просмотров, о которых традиционному спорту нужно только мечтать. Появившаяся в 2005 году платформа YouTube и следующая за ней в 2011 году Twitch заложило основу будущего, в котором традиционный спорт становится менее актуальным, а личные стримы¹ и стримы турниров приковывают к себе все больше и больше людей. Киберспорт² представляет собой отрасль развлечения, которая растет с невиданной скоростью. В начале 2000-х годов появился первый крупный турнир World Cyber Games, который представляло собой альтернативу Олимпийским играм. Спортсмены из разных стран боролись в одной из четырех дисциплин в видеоиграх³ за денежные призы. В дальнейшем стали появляться все больше и больше разных ивентов, которые стали приковывать зрителей к просмотру в режиме реального времени. Одним из первых крупных турниров, которые зародили и показали реалии киберспорта стал The International от компании Valve в 2011 году, на котором было разыграно среди 16 команд более полутора миллиона долларов. Данный турнир стал традиционным и проводится каждый год. В 2018 Году общий объем игрового рынка составлял 138 миллиардов долларов, а по прогнозам Аналитиков уже в 2025 году общий объем киберспортивного рынка превысит более 300 Миллиардов долларов. Популярность киберспорта объясняется тем что ведущие игры как например League of Legends может собирать в пиковом онлайн более восьми миллионов людей играющих одновременно, а турниры которые проводятся зачастую дают фору многим видам традиционного спорта по времени просмотра людьми. За игрой команд на турнире The international в 2021 году смотрело более полутора

¹ См.: Чурилов А.Ю. Некоторые вопросы правового режима и охраны трансляций компьютерных игр // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 43–50; Ситдикова Р.И., Васильев Э.Э. Поточковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 59–64.

² Писарев В.В. Киберспорт и интеллектуальная собственность: противодействие читерству в e-Sports и e-Gaming посредством инструментария законодательства об интеллектуальной собственности // Право цифровой экономики. 2021 (17): ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М., Статут, 2020. С. 403.

³ Овчаров, Д.В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» / Д.В. Овчаров // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 44–48.

миллиона человек. Киберспорт помог зародиться такому явлению как стриминг, Многие профессиональные киберспортсмены демонстрировали свою игру в онлайн и показывали те или иные приемы которые они используют для достижения тех или иных целей.

В настоящее время стриминг крепко вошел в сознание обывателя, заменяя под собой совокупность между Прямой трансляцией на ТВ и радиовещанием. Для разных людей один и тот же контент будет разным, потому что кто то едет в машине и поставит на фон уже не традиционное радио, а своего любимого стримера который будет повествовать о чем то своем, а кто то наоборот будет сидеть и дискутировать приводя примеры и спрашивая человека в режиме реального времени. Необходимо отметить тот факт, что только за 2022 посмотрели более 1,460 миллиарда часов, что даст фору многим современным телевизионным каналам. Основными действующими лицами на всех платформах являются стримеры, люди, которые ведут прямой эфир. Это может быть как трансляция своей игры, комментарии об игре так и демонстрация записей таких игр. Самые крупные стримеры в отрасли могут зарабатывать очень большие деньги, Платные подписки на канал, Добровольные пожертвования (Донаты), которые отправляют люди для поддержки понравившемуся стримеру, рекламные интеграции когда определенный создатель контента, либо встраивает в своё оформление или титул спонсора, а так же может зайти в определенную игру и транслировать её на своем канале дабы привлечь больше новых людей.

Стриминг стал популярным благодаря тому, что для того, чтобы начать зарабатывать деньги сидят за монитором, не требуется огромных трат, на подготовку вам всего лишь на всего нужен компьютер и интернет. Дальнейшее ваше развитие зависит исключительно от ваших коммуникативных навыков, вашего умения подстраиваться под работу с аудиторией, и тем, как вы преподнесете контент. Исходя из этого можно сказать что стриминг это такая же работа как, например радиоведущий или же ведущий новостей, так как твой голос твоя мимика становится знакомой людям. Большое количество стримеров показывает нам, что все хотят зарабатывать деньги, не выходя из собственной комнаты, однако необходимо сказать, что получается зарабатывать на жизнь далеко не у каждого.

В настоящее время в Российской Федерации еще не создан аналог для конкуренции с такими мастодонтами как Twitch и YouTube, но есть движение в нужную сторону отечественный продукт, который на данный момент находится еще в стадии открытого тестирования «VK live». Большие компании стараются сделать свои стриминговые хостинги для привлечения большей аудитории к себе, так, например X Илона Маска, где первую трансляцию провел сам Маск, собрала более 20 тысяч единовременного просмотра. Навязывая конкуренцию Amazon которой принадлежит Twitch, выигрывают все, как создатели контента, так и те, кто следят

за таким контентом каждый день. Некоторые компании делают ставку на иную стратегию: Переименование крупных стримеров из конкурентной среды, Так в 2019 году американский стример Тайлер «Ninja» блевинс получавший только с платформы Twitch более 400 тысяч долларов ежемесячно, объявил о своем переходе на конкурирующую платформу из Microsoft, учитывая доход Тайлера можно сказать, что переход был за сумму более чем в 100 миллионов долларов, что показывает что в настоящий момент идет сегментация стриминговых сервисов. В Российской Федерации, а именно в «VK live» идут по пути Microsoft, ВКонтакте покупает создателей контента, чтобы они вели его именно на их платформе, что соответственно привлечет больше людей к просмотру и использованию этого сервиса.

Во всех этих случаях возникает логичный вопрос: а кому принадлежат авторские права на происходящее в игре, на произведенный контент, на музыку, которая играет на фоне у того или иного стримера.

Для того чтобы разобраться в данной проблеме нужно окунуться глубже к самим платформам, которые позволяют начать трансляцию, а также к условиям пользовательского соглашения в который начали все больше и больше включать вопросы, связанные с интеллектуальными правами на возможные произведенный авторский контент в их продукте. В настоящее время музыканты, которые загрузили свою композицию на одну из стриминговых платформ и получают отчисления за его прослушивание негодуют, т.к. на прямых трансляциях может использоваться их музыка без оплаты самих музыкантов. Ставится вопрос, а кто ответственен за нарушение авторских прав, сам стример, или же Платформа, которая позволяет человеку вести трансляцию и нарушать эти права? На данный момент чаще всего обращаются именно к платформам, так как найти самого человека, который транслировал, является проблематично. У многих платформ на данный момент существуют разные способы защиты авторских прав, которые используются для того, чтобы, избежать проблемных моментов связанных с такими правами.

Видеоигры сегодня – это не компьютерные программы, а мультимедийные продукты, то есть сложные объекты, включающие в свой состав одновременно несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности¹.

Например, возьмем платформу Twitch и их политику основополагающим документом, которого содержится Digital Millennium Copyright Act (DMCA)², который обязует убрать любой контент, который нарушает авторские права, однако это не останав-

¹ Рожкова М.А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве // Право цифровой экономики. 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М., Статут. 2022. С. 10–61 (URL: <https://rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf>).

² 105th Congress (1997–1998) H.R.2281. ENR Digital Millennium Copyright Act (Enrolled Bill [Final as Passed Both House and Senate]).

ливают людей от монетизации их контента в видео играх. Однако если есть понимание к кому авторы музыки могут обращаться за нарушение таких прав, то как поступить с издателями игр, которые теряют определенную долю прибыли из-за тех, кто создает на их основе контент. Обладатели исключительных прав направляли множество жалоб об удалении контента, который может привести к бессрочной блокировке аккаунта для нарушителя, одним из примеров является Блокировка стримера Ильи «AlohaDance» Коробкина в 2018 году за прослушивание на фоне песни Maroon 5 – girls like you. Международная федерация производителей фонограмм и видеограмм обратилось к стриминговому сервису с требованием пресечь нарушение авторских прав на канале данного создателя контента, платформа пошла на встречу к федерации и заблокировала канал бессрочно, однако с возможностью апелляции, основным условием которого было чтобы Международная федерация отозвала свою жалобу. В последствии данную ситуацию разрешили, и канал был выведен из-под блокировки. Этот пример демонстрирует как работает стриминговая платформа в ситуациях, где имеется явное нарушение авторских прав.

Так же необходимо рассмотреть вопрос, а как взаимодействуют создатели игр с потребителями. В основу таких правоотношений положены лицензионные соглашения, которые человек либо подтверждает если покупает игру в онлайн, либо же если человек купил офлайн версию продукта, то после открытия коробки с данным продуктом. В отечественной доктрине также исследовались и вопросы категоризации споров в киберспорте. Так, В.А. Абдуллина к наиболее актуальным предметам киберспортивных споров предлагает относить споры разработчиков игр и организаторов турниров относительно правил матчей; политику привлечения к ответственности за игровые нарушения; реализацию игровых товаров в виртуальных маркетах и последующий обмен среди игроков; вопросы функционирования киберспортивных команд и организаций; споры, связанные с модификацией программного обеспечения, использованием чит-кодов; проведение стримингов и др.¹.

В каждой игре лицензионными соглашениями контролируется контент, который могут выкладывать люди о данной игре. Например, игра «World of Tanks» направляла в YouTube жалобы на негативные обзоры игры и из-за этих жалоб были удалены некоторые видео, которые содержали ту информацию, которую компания не хотела показывать. Опыт Китайской компании Tencent которая основала Riot Games, говорит о том, что студия владеет всем контентом, созданным в игре, кроме того контента на который было дано прямое разрешение от самой студии. Разработчики Epic Games заявляют, что любой контент, который создается на базе их игр, должен быть не коммерциализиро-

¹ Абдуллина В.А. Споры в сфере киберспорта: вопросы forum conveniens, эффективных процедур и обеспечительных мер // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 11. С. 2.

ван. Но монетизация для создателей контента, который пользователи загружают на другие ресурсы по типу Youtube не запрещается. Однако все разнообразие таких разных подходов к лицензионному соглашению с пользователями не дает нам ответ на вопрос, а кто владеет авторскими правами на игровой процесс. По моему мнению люди, играющие в многопользовательские онлайн игры, попадают под определение творческого характера, так как во многих играх разработчики поощряют различные подходы к самой игре, оставляя десятки миллионов разных сценариев, которые могут развернуться в режиме реального времени, и повторить которые получится лишь единожды. Например в компьютерной игре Player Unknown battle ground 100 человек в режиме реального времени сражаются за право остаться последним в живых на одной и той же карте, что позволяет реализовать тысячи разных сценариев как может повернуться игра.

В настоящее время часто можно услышать мнение и разговоры о том, что, разработчики игр и игроки могут являться соавторами для виртуальных объектов, или же конкретных авторских прав, например если компания взяла за основу ролик игры определенного игрока и стала использовать его в рекламе своего продукта. Создание своего графического представления пользователя в любой сфере так же является совместным творчеством так как, некоторые инструменты для его создания предоставляются игрой, а дальше все в руках самого пользователя, который создает то что хочет сам. Однако чаще всего мы можем видеть геймплейные ролики людей, на которые не было получено согласие, так как в условиях использования заранее прописано что разработчик в праве по своему усмотрению использовать любые результаты интеллектуальной деятельности, полученные в их игре.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что стриминг входит в повседневную жизнь обывателя незаметно, но через небольшое количество времени стриминг займет основополагающее место заменив собой ТВ программы. С ростом количества контента, которые создают пользователи, начнет возникать все больше и больше вопросов связанных с авторским правом, которое будет необходимо решать. В настоящее время законодательство как Российской Федерации, так и мировое не готово к тому, чтобы однозначно решить все поставленные вопросы, которые уже начинают возникать, а по прошествии времени эти вопросы могут свалиться на голову как снежный ком.

Литература

1. Чурилов А.Ю. Некоторые вопросы правового режима и охраны трансляций компьютерных игр // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 43–50; Ситдикова Р.И., Васильев Э.Э. Потокосная видеозапись (стриминг)

как объект интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 59–64.

2. Писарев В.В. Киберспорт и интеллектуальная собственность: противодействие читерству в e-Sports и e-Gaming посредством инструментария законодательства об интеллектуальной собственности // Право цифровой экономики. 2021 (17): ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М., Статут, 2020. С. 403.
3. Овчаров, Д.В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» / Д.В. Овчаров // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 44–48.
4. Рожкова М.А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве // Право цифровой экономики. 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М., Статут. 2022. С. 10–61 (URL: [https:// rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf](https://rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf)).
5. 105th Congress (1997–1998) H.R.2281. ENR Digital Millennium Copyright Act (Enrolled Bill [Final as Passed Both House and Senate]).
6. Абдуллина В.А. Споры в сфере киберспорта: вопросы forum conveniens, эффективных процедур и обеспечительных мер // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 11. С. 2.

COPYRIGHT INFRINGEMENT IN THE ACTIVITIES OF STREAMING SERVICES

Renzhin I.A.

Russian State Academy of intellectual property

The article is devoted to the topic of copyright infringement in the activities of streaming services. Particular attention is paid to the possibility of copyright infringement during broadcasts, as well as copyright infringement by video game creators.

The article is devoted to the study of the problem of copyright infringement in the activities of streaming services. Particular attention is paid to possible copyright infringement during broadcasts and the creation of video games. The abstract includes the relevance of the study, its essence and the main results reached by the authors. After reading this section, a clear idea of the main content of the study is formed, the details of which are presented in the main part of the article.

Keywords: copyright, streaming, produced content, license agreement, co-author, video game.

References

1. Churilov A. Yu. Some issues of the legal regime and protection of computer game broadcasts // Siberian Legal Review. 2020. Vol. 17. No. 1. Pp. 43–50; Sitdikova R.I., Vasiliev E.E. Streaming video as an object of intellectual property // Jurist. 2021. No. 9. Pp. 59–64.
2. Pisarev V.V. Cybersport and intellectual property: counteracting cheating in e-Sports and e-Gaming through the tools of intellectual property legislation // Law of the digital economy. 2021 (17): yearbook-anthology / Head. and scientific. ed. M.A. Rozhkova. M., Statut, 2020. S. 403.
3. Ovcharov, D.V. Comparative legal analysis of the terms “video game” and “computer game” / D.V. Ovcharov // Legal science. – 2021. – No. 12. – P. 44–48.
4. Rozhkova M.A. The concept of “computer program” (computer program) in Russian law // Law of the digital economy. 2022 (18): Yearbook-anthology / Head. and scientific. ed. M.A. Rozhkova. M., Statut. 2022. P. 10–61 (URL: [https:// rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf](https://rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf)).
5. 105th Congress (1997–1998) H.R.2281. ENR Digital Millennium Copyright Act (Enrolled Bill [Final as Passed Both House and Senate]).
6. Abdullina V.A. Disputes in the field of eSports: issues of forum conventions, effective procedures and interim measures // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 11. P. 2.

Правовое определение критериев эффективности корпоративного управления

Саратов Александр Сергеевич,

аспирант, кафедры предпринимательского и корпоративного права, (МГЮА) Университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: alsarlaw@gmail.com

В рамках настоящей статьи автор рассматривает корпоративное управление сквозь призму его эффективности, освещает основные проблемы отечественного корпоративного управления на современном этапе (распыление права собственности между большим количеством акционеров компании, ограниченность доступа к такой важной информации, как текущее финансовое положение предприятия, состав и структура собственников бизнеса, ключевые сделки, незаконные действия, такие, например, как вывод активов и арест акций, непроработанная до конца государственная политика и высокий уровень коррупции и так далее). Автор предлагает критерии определения эффективности корпоративного управления (соблюдение и защита прав субъектов корпоративных отношений, информационная прозрачность деятельности корпорации и так далее), а также методику оценки эффективности корпоративного управления, которая включает в себя, в частности, анализ среды (экономической, политической, социальной) в которой функционирует корпорация.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративное управление, эффективность корпоративного управления, критерии эффективности корпоративного управления.

Корпорация представляет собой союз, группу лиц, объединенную общностью профессиональных или сословных интересов [1]. Является очевидным, что управление корпорацией сложный многоступенчатый процесс, в рамках которого менеджменту корпорации приходится учитывать и принимать во внимание многие факторы, в том числе не поддающиеся абсолютному контролю.

Под корпоративным управлением в тексте настоящей статьи предлагается понимать систему взаимоотношений между руководством компании, ее советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами; контроля над деятельностью компании, служащую для определения целей компании и средств их достижения и для создания заинтересованности у совета директоров и руководства компании в следовании этим целям [2].

Корпоративное управление в широком смысле включает в себя решение вопросов по взаимодействию таких участников корпоративных взаимоотношений, как собственники, топ-менеджеры, государство, персонал организации, профсоюзы, различные контрагенты. Основная цель корпоративного управления, определяемая исходя из реалий бизнеса – это защита интересов определенного круга участников корпоративных отношений (инвесторов, собственников) от неэффективной деятельности менеджеров. Но, учитывая тот факт, что в современном обществе достаточно сильное влияние на развитие и функционирование компании оказывают и другие группы (стейкхолдеры), то для достижения эффективности системы корпоративного управления необходимо учитывать интересы и других участников корпоративных взаимоотношений.

Как верно отмечают ученые, одним из факторов, оказывающих влияние на стоимость корпорации, является эффективность корпоративного управления. Действительно, проблема взаимосвязи качества корпоративного управления и экономических результатов деятельности корпораций на протяжении долгого периода времени.

Качество корпоративного управления довольно легко оценить в денежном выражении. Проведенное компанией McKinsey исследование, в ходе которого было опрошено более 200 инвестиционных компаний в 31 стране мира, включая Россию, показало, что инвесторы готовы платить больше за акции компаний, прозрачных в управленческом плане и ведущих отчетность в соответствии с мировыми стандартами. Размер дополнительной премии сильно колеблется в зависимости от стра-

ны: от 10–15% в США и Западной Европе до 40% в России [3].

Применительно к предприятиям российской экономики можно выделить следующие проблемы корпоративного управления:

1) распыление права собственности между большим количеством акционеров компании;

2) ограниченность доступа к такой важной информации, как текущее финансовое положение предприятия, состав и структура собственников бизнеса, ключевые сделки;

3) незаконные действия, такие, например, как вывод активов и арест акций;

4) непроработанная до конца государственная политика и высокий уровень коррупции;

5) дефицит квалифицированных опытных менеджеров, разделяющих целиком и полностью ценности и культуру компании [4].

При оценке эффективности корпоративного управления оцениваются взаимодополняющие организационные (качественные) группы критериев:

1) соблюдение и защита прав субъектов корпоративных отношений;

2) информационная прозрачность деятельности корпорации;

3) результативность деятельности основных фигурантов (совет директоров, менеджмента и пр.);

4) информационная прозрачность деятельности компании;

5) результативность органов контроля и аудита и степень социальной ответственности.

Обеспечение высокой эффективности корпоративного управления в компании является достаточно сложной и многомерной задачей. Безусловно, качество корпоративного управления в каждой компании связано с её особенностями, но можно выделить универсальные принципы, обуславливающие возможность построения эффективных корпоративных взаимоотношений с потенциальными инвесторами. К универсальным принципам эффективного корпоративного управления можно отнести:

1) прозрачность – своевременное раскрытие информации, а также доступ к ней всех заинтересованных сторон;

2) подотчетность – совет директоров подотчетен всем акционерам корпорации;

3) справедливость – гарантия равного отношения ко всем акционерам компании;

4) ответственность – учет интересов всех заинтересованных сторон корпоративных отношений.

В корпорации должны существовать соответствующие структурные органы управления, претворяющие в жизнь все перечисленные принципы. К таким подразделениям можно отнести Совет Директоров, различные комитеты, Наблюдательный Совет, служба Внутреннего контроля.

Учитывая вышеизложенное, методика оценки эффективности корпоративного управления может быть разбита на следующие этапы:

1) изучение среды на основании поставленных целей корпоративного управления (как правило целью выступает получение прибыли);

2) определяется круг субъектов, оказывающих наибольшее влияние на эффективность корпоративного управления;

3) выбираются критерии эффективности корпоративного управления и их показатели;

4) составление программы аудита корпоративного управления и проведение такого аудита;

8) соизмерение достигнутых результатов с ожидаемыми;

9) формирование выводов и подготовка рекомендаций по улучшению системы корпоративного управления.

В сравнении с международными стандартами, ситуация еще крайне далека от идеальной. Серьезные сдвиги ограничены, они касаются сравнительно небольшого числа публичных компаний; нововведения в ряде случаев имеют формальный характер, не поддерживаясь пока реальными изменениями в механизмах управления; практики правоприменения сильно отстают от буквы закона; степень прозрачности большинства компаний оставляет желать лучшего, так, в части отношений с инвестиционным сообществом наблюдается более явный прогресс, то в части перестройки отношений основных акционеров с менеджментом, прежде всего в отделении собственности от управления, сдвиги куда более скромные. К изменениям в сфере корпоративного управления ведущие российские компании подталкивает прежде всего потребность в дополнительных финансовых ресурсах, оценке и наращивании стоимости компании. Они происходят параллельно с развитием российского фондового рынка. Сегодня экспертами отмечается его относительная слабость, зависимость от международных финансовых рынков и сильная спекулятивная составляющая. Но он быстро растет, чему способствует возникшая «мода на IPO», которая, в свою очередь, напрямую связана с необходимостью вводить современные стандарты корпоративного управления.

Но основополагающая причина растущего интереса к корпоративному управлению кроется в более широком процессе встраивания ведущих российских компаний в международное деловое сообщество: с одной стороны, в качестве объектов для инвестиций на международных финансовых рынках, с другой стороны, как стратегических инвесторов, которые все чаще приобретают активы за рубежом. Именно с этой целью первоначально вводится формальная атрибутика корпоративного управления, предназначенная для внешних инвесторов, привыкших к определенным стандартам. А затем, чтобы поддерживать доверие инвесторов, приходится производить и более глубокие содержательные изменения в системе управления.

Первоначальные шаги по изменению корпоративного управления можно назвать «этапом наведения элементарного порядка». Многие крупные компании, особенно в нефтяной отрасли, после приватизации представляли собой конгломераты из десятков предприятий, в которых холдингу принадлежали пакеты акций различного размера. Дочерние предприятия, в свою очередь, владели

более мелкими компаниями, проводили собственную, несогласованную политику, имели дублирующие обслуживающие и сбытовые подразделения.

Кроме того, у некоторых компаний, контролируемых коалицией менеджеров, отсутствовала единая политика управления. Зачастую руководитель предприятия, желая обеспечить лояльность топ-менеджеров, делегировал каждому из них полномочия по сбыту части продукции или иные «места для кормления». Менеджеры со своей стороны «помогали» своим подчиненным. В результате компания обрастала десятками сомнительных фирм, контроль за финансовыми и товарными потоками был слабым.

На первом этапе улучшения корпоративного управления руководство компании получило возможность реально осуществлять управление и контроль, проводить единую политику, опирающуюся на информацию о структуре доходов и затрат.

Следующий этап – переход на «единую акцию», без чего привлечение инвестиций на фондовом рынке было бы практически невозможно. Кроме того, приведение правового статуса дочерних подразделений в соответствие с их реальным положением также повышало управляемость компании в целом. В ряде компаний этот процесс еще продолжается: например, сейчас на «единую акцию» переходят «Силловые машины». Удивительно, но некоторые случаи наиболее цивилизованного перехода на «единую акцию» получили негативный резонанс. Например, миноритарные акционеры выиграли от реструктуризации НК «ЮКОС», однако из-за стремления некоторых держателей продать акции по цене выше рыночной эта операция приобрела скандальный оттенок.

После окончания реструктуризации и завершения «корпоративных войн» многие собственники смогли отойти от оперативного управления, делегируя полномочия профессиональным менеджерам. Разделение функций менеджмента и собственности было сознательным шагом руководства ряда крупных компаний по совершенствованию управленческой структуры. Привлекаемые менеджеры, как правило, еще имеют связи с собственниками вне отношений найма, то есть не становятся подлинно «наемными менеджерами». Однако практика, при которой собственники дают указания, «куда вагоны гнать», уходит в прошлое.

Все эти изменения внутри компаний подготовили почву для перехода на современные стандарты корпоративного управления. Основным препятствием оставалось недоверие к государству: движение в сторону открытости несет риск увеличения налоговых отчислений и делает компанию уязвимой для государственных органов и конкурентов, использующих административные ресурсы. Однако модернизация налоговой системы и повышение политической стабильности уже позволяет крупным компаниям соответствовать современному уровню корпоративного управления.

Дальнейшее развитие связано со стремлением использовать западные стандарты. Одним из про-

явлений этого процесса стала разработка по инициативе Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) Кодекса корпоративного поведения, который носит рекомендательный характер, но содержит достаточно жесткие требования.

Литература

1. Словарь иностранных слов / [Науч. ред. А.Г. Спиркин и др.]. – 7-е изд., перераб. – Москва: Рус. яз., 1980. – 622 с.;
2. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие. Третье издание, переработанное и дополненное // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2024);
3. Инвесторы готовы доплачивать прозрачным компаниям от 10 до 40% от стоимости их акций // Коммерсантъ, № 148 (2517). – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/337373> (дата обращения: 18.11.2024);
4. Родина Т. Е., Тысячная Д.Д. Управление экономическими системами: проблемы, тенденции и перспективы // Сборник статей и тезисов докладов V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей «От синергии знаний к синергии бизнеса» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.11.2024).

LEGAL DEFINITION OF CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF CORPORATE GOVERNANCE

Saratov A.S.

Kutafin Moscow state law university

In this article, the author examines corporate governance through the prism of its effectiveness, highlights the main problems of domestic corporate governance at the present stage (dispersion of property rights between a large number of shareholders of the company, limited access to such important information as the current financial position of the enterprise, the composition and structure of business owners, key transactions, illegal actions such as, for example, the withdrawal of assets and seizure of shares, an undeveloped state policy and a high level of corruption, etc.). The author proposes criteria for determining the effectiveness of corporate governance (observance and protection of the rights of subjects of corporate relations, information transparency of the corporation's activities, etc.), as well as a methodology for assessing the effectiveness of corporate governance, which includes, in particular, an analysis of the environment (economic, political, social) in which the corporation operates.

Keywords: corporate law, corporate governance, corporate governance efficiency, criteria for corporate governance efficiency.

References

1. Dictionary of Foreign Words / [Scientific ed. A.G. Spirkin et al.]. – 7th ed., revised. – Moscow: Rus. lang., 1980. – 622 p.;
2. Shitkina I.S. Corporate Law in Tables and Diagrams: a teaching aid. Third edition, revised and supplemented // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 11.17.2024);
3. Investors are ready to pay transparent companies from 10 to 40% of the value of their shares // Kommersant, No. 148 (2517). – Access mode: <http://www.kommersant.ru/doc/337373> (date of access: 11.18.2024);
4. Rodina T.E., Tsyachnaya D.D. Management of economic systems: problems, trends and prospects // Collection of articles and abstracts of reports of the V International scientific and practical conference of students, graduate students and teachers «From knowledge synergy to business synergy» // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 11.17.2024).

Сравнительный анализ эффективности ТОР на территории Дальнего Востока и Арктической зоны

Куделя Наталья Юрьевна,

старший преподаватель кафедры конкурентного и предпринимательского права Дальневосточного федерального университета
E-mail: kudelya.nyu@dvfu.ru

Ганик Ольга Николаевна,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: ganik.on@dvfu.ru

Соколова Ольга Александровна,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: sokolova.oa@dvfu.ru

В контексте стратегических задач по диверсификации российской экономики и обеспечению ее устойчивого развития, территории опережающего развития выступают одним из ключевых инструментов стимулирования инвестиций и ускоренного социально-экономического роста отдельных регионов Российской Федерации. Однако, эффективность механизмов функционирования Территорий опережающего развития далеко не однородна и существенно варьируется в зависимости от специфики регионов, в которых они созданы.

Статья посвящена сравнительному анализу эффективности Территорий опережающего развития в регионах России, с использованием многофакторного анализа. Исследование охватывает территории Дальневосточного федерального округа и районы Крайнего Севера. В качестве методологической основы исследования будет использовано сравнение ключевых показателей эффективности ТОР, таких как объем привлеченных инвестиций, число созданных рабочих мест, особенности инфраструктуры, количество резидентов, виды деятельности и другие показатели, с учетом специфических факторов развития каждого региона. Целью данного исследования является выявление факторов, влияющих на эффективность функционирования ТОР и разработка рекомендаций по оптимизации их деятельности. Также будет рассмотрена перспектива законопроекта о международных территориях опережающего развития и выделены некоторые особенности их деятельности.

Ключевые слова: территории опережающего развития, инвестиции, экономический рост, социально-экономическое развитие, рабочие места, инфраструктура, преференции, уровень жизни, географическое расположение, государственная поддержка, законопроект, международные территории опережающего развития.

Введение

В условиях глобальной конкуренции и необходимости ускоренного социально-экономического развития регионов России, особую актуальность приобретают инструменты государственной поддержки, стимулирующие инвестиционную активность и создание новых рабочих мест. ТОР предназначены для достижения этих целей путем создания благоприятного инвестиционного климата и предоставления широкого спектра льгот и преференций инвесторам.

Характерные черты Территорий опережающего развития

Законодательное определение данного понятия закреплено в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2024) [1]. На основе данного определения можно выделить ряд основных признаков, присущих ТОР, среди них следующие.

1. География территории – ТОР допустимо создавать на территории одного или нескольких муниципальных образований, в границах одного субъекта Российской Федерации, в любом регионе, но как правило, они возникают в регионах, которые требуют дополнительного развития (например: на Дальнем Востоке, в Сибири и других удаленных областях). Включение закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) позволяет развивать эти территории, привлекая инвестиции в специфические отрасли, а возможность включения акваторий расширяет сферу применения ТОР для проектов, связанных с морской экономикой.

2. Особый режим деятельности – является ключевым признаком ТОР, который подразумевает создание льготных условий для бизнеса, отличных от общероссийских норм. Такие льготы могут включать в себя налоговые послабления, упрощенные административные процедуры, преференции в сфере земельных отношений и прочее. Этот особый режим призван сделать инвестирование в ТОР более привлекательным, чем в других регионах.

3. Статус ТОР – согласно законодательству он присваивается и прекращается в соответствии с решением Правительства РФ, что подчеркивает федеральный уровень поддержки и координации данного инструмента развития.

В качестве основных целей Территорий опережающего развития можно выделить следующие.

1. Развитие инфраструктуры в рамках ТОР включает транспортную, коммунальную и социальную составляющие, улучшая бизнес-среду и качество жизни населения.

2. Направленность на различные секторы экономики, в рамках которых осуществляются все виды деятельности.

3. Улучшение условий местных жителей – ТОР могут способствовать внедрению новых технологий и инноваций, что повышает производительность труда, создает высококвалифицированные рабочие места и способствует росту благосостояния.

Далее рассмотрим Территории опережающего развития в разных регионах и оценим эффективность каждого на определенных примерах.

Территория опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе

Предложение о создании территорий опережающего развития содержалось в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 04.12.2014 [2]. В нём указывалась необходимость улучшения социально-экономической ситуации в моногородах и отдельных регионах России, в том числе на Дальнем Востоке.

Так, развитие Дальневосточного федерального округа происходит не так интенсивно в сравнении с европейской частью России, ввиду его географического положения и определенного ряда проблем с логистикой, инфраструктурой и природными условиями. Эти факторы не привлекают инвесторов на данные территории и не дают отечественным предпринимателям мотивации к развитию бизнеса, от чего страдает качество жизни населения и социально-экономическое развитие регионов. Однако, создание ТОР, положило начало разрешению данных проблем. Государственная заинтересованность и поддержка, в виде предоставления налоговых льгот и административных преференций оказала значительное влияние на улучшение условий для предпринимательской деятельности.

В настоящее время по данным Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики [3] действует 18 ТОР на территории ДФО, реализуется более 800 инвестиционных проектов в приоритетных направлениях, таких как логистика и транспорт, строительство, туризм, сельское хозяйство и многих других, исходя из специфики расположения регионов, их ресурсов и потребностей населения. Широкий спектр деятельности способствует удовлетворению запросов населения в базовых социальных и индивидуальных нуждах, улучшению экономической ситуации в регионах, установлению международных отношений РФ со странами АТР [4].

Так, в 2023 году в рамках Российско-Китайского экономического форума «Амурэкспо-2023» состоялось торжественное открытие таможенно-логистического терминала, в г. Благовещенск вблизи мостового перехода через реку Амур

в г. Хэйхэ (Китай), создание которого осуществлялось под руководством Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) и резидентов ТОР «Амурская» [5]. Данный терминал обеспечивает услуги для импортного и экспортного грузопотока между Россией и Китаем, что значительно упрощает процедуру перевозки грузов и способствует прямым и стабильным международным отношениям [6].

Процесс развития ТОР также позволил создать более ста пятидесяти тысяч рабочих мест, тем самым качественно изменив жизни многих людей. Проблемы занятости населения и безработицы всегда выступали актуальными, особенно на территории Дальнего Востока, где населенные пункты и промышленные производства часто находятся на большом расстоянии друг от друга. Однако отличительной чертой ТОР выступает развитие инфраструктуры в её границах. Например, в рамках государственно-частного партнерства на территории опережающего развития «Надеждинская» [7] планируется к 2027 году построить школу в рамках строительства жилого микрорайона «Формат», что позволит лицам, не только работать на предприятиях данной ТОР, но и полноценно проживать со всеми необходимыми социальными удобствами [8].

Помимо государственной поддержки в развитие ТОР, особое значение имеет привлечение иностранных инвесторов и крупных международных компаний в реализацию проектов. Такие страны, как КНР, Япония, Корея, Австралия, Индия, Вьетнам, Сингапур инвестируют в развитие территорий опережающего развития в ДФО. Так, ТОР «Южная Якутия» [9], специализирующаяся на добыче полезных ископаемых, еще в 2018 году заключила ряд проектов при участии зарубежных партнеров из Австралии, Польши, Германии, в рамках которых иностранным инвесторам предоставляются льготные условия для осуществления предпринимательской деятельности, а взамен, указанная ТОР осуществляет добычу полезных ископаемых, в том числе, высококачественного угля, который реализуется на территории РФ и в международной торговле [10].

Как мы можем наблюдать, с 2015 года, как только стали появляться первые территории опережающего развития в ДФО их количество значительно увеличилось и способствовало развитию различных секторов промышленности, что позволило улучшить социально-экономическое состояние регионов Дальнего Востока.

Территория опережающего развития в районах Крайнего Севера (Арктической зоне)

С августа 2020 года в России действует новый законодательный пакет, предоставляющий беспрецедентные налоговые и административные льготы для ведения бизнеса в Арктической зоне (АЗРФ). Благодаря принятию пакета законов российская Арктика становится крупнейшей в России и мире экономической зоной с единым набором налоговых

и административных преференций. Мурманская область – один из немногих регионов, который полностью вошел в Арктическую зону.

В качестве примера рассмотрим TOP «Столица Арктики», которая образовалась в 2020 году в Мурманской области России. Нужно отметить, что «Столица Арктики» стала первой TOP в ведении Минвостокразвития, расположенной не на Дальнем Востоке. Данная территория находится в Мурманске, район Кольский и ЗАТО поселок Видяево, и безусловно привлекает налоговыми льготами, среди которых пониженный коэффициент налога на добычу полезных ископаемых, налога на прибыль и нулевая ставка на определенный период налога на имущество и на землю; и некоторыми административными преференциями, получателями которых являются коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а также инициаторы новых проектов в TOP. На территории опережающего развития «Столица Арктики» осуществляют деятельность по предоставлению услуг в области добычи полезных ископаемых, обработки древесины и производство изделий из дерева, производство готовых металлических изделий, строительство зданий, инженерных сооружений и другие, определенные Постановлением Правительства РФ о создании TOP [11]. То есть основными направлениями являются: портовая деятельность, логистика, промышленное строительство.

На таких территориях предусмотрена возможность применения процедуры свободной таможенной зоны, кроме того финансовое обеспечение мероприятий по строительству инженерной и транспортной инфраструктуры осуществляется за счет средств внебюджетных источников. Также предоставляются земельные участки резидентам для реализации инвестиционных проектов по льготам и ставкам аренды и выкупа; привлекается иностранная рабочая сила без квот.

На сегодняшний день TOP «Столица Арктики» имеет около 9 резидентов и демонстрирует позитивную динамику: приблизительно создано 5230 рабочих мест, и общий объем инвестиций составил около 164,8 млрд руб., открывая перспективы для дальнейшего роста экономики и повышения уровня жизни в арктической зоне [12].

В августе 2024 года Правительство России утвердило постановление о создании в Архангельске территории опережающего развития (TOP) «Столица Севера» [13]. Отмечается, что новая TOP нацелена на комплексное развитие города, привлечение инвестиций и стимулирование жилищного строительства. Объявленные резиденты планируют реализовать три проекта общим объемом инвестиций более 24,8 миллиарда рублей.

Ключевым проектом TOP «Столица Севера» – создание фармацевтического предприятия по производству лекарственных препаратов на основе кристаллического йода, добываемого на Северодвинском месторождении. Это позволит обеспечить регион стратегически важным ресурсом и создать высокотехнологичное производство.

Как уже было отмечено ранее, Территории опережающего развития создаются исходя из особенностей региона, что касается TOP «Столица Севера», то месторождение под Архангельском уникально благодаря малой глубине залегания йода (около 100 метров), что значительно упрощает добычу по сравнению с другими российскими месторождениями (более 1 км). Запасы месторождения оцениваются в 17 тысяч тонн, обеспечивая производство на 25 лет вперед. В рамках TOP планируется создать производство железобетонных изделий, востребованных при строительстве арктической инфраструктуры (морские порты Севморпути, причалы). Проект реализуется при участии правительства Архангельской области, Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, и архангельского бизнеса. Кроме этого, компания-инвестор вложит в создание предприятия около 2,5 миллиарда рублей. На заводе появятся новые рабочие места для северян – более 140. То есть основными направлениями в деятельности TOP выступают: промышленность и девелопмент, который имеет цель – создать удобные и комфортные объекты для жизни, которые станут выгодным активом для своего владельца [14].

Таким образом, TOP «Столица Севера» в Архангельской области достаточно новая территория, которая создана для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона, привлечения инвестиций, улучшения городской среды и предоставления жилья по доступным ценам.

Несмотря на перспективы Территорий опережающего развития в районах Крайнего Севера, рассмотренные TOP сталкиваются с рядом проблем, которые выражаются в следующих аспектах: Транспортные издержки, связанные с удаленностью от основных транспортных артерий и сложные климатические условия значительно увеличивают стоимость доставки материалов, оборудования и готовой продукции. Нехватка квалифицированных кадров, поскольку привлечение и удержание специалистов в арктических регионах – сложная задача, связанная также с удаленностью, климатическими условиями, это выносятся в отдельную, основную проблему, так как экстремальные погодные условия влияют на сроки строительства, эксплуатацию оборудования и безопасность работ. Это требует дополнительных затрат и специальных технологий.

Считаем, что TOP в таких отдаленных районах, может сделать акцент на усилении государственной поддержки, других преференциях, которые повысят инвестиционную привлекательность региона для резидентов, развитие инфраструктуры и кадрового потенциала, чем TOP на Дальнем Востоке и Центральной России.

Перспективы создания международной территории опережающего развития

Развитие Дальневосточного федерального округа не стоит на месте, что подтверждается инициативой

создания Международной территории опережающего развития. В декабре 2023 года в Государственную Думу РФ Правительством РФ был внесен Законопроект № 518787–8 О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Федеральный закон «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [15]. В феврале 2024 года законопроект был принят в первом чтении и на данный момент, происходит рассмотрение во втором чтении, принятие решения по которому планируется на весенней сессии в 2025 году.

Законопроект вводит понятие международной территории опережающего развития, и указывает на цель её создания – создание благоприятных условий для развития международных отношений, заключение масштабных инвестиционных проектов, создание комфортной инфраструктуры для развития предпринимательства и конкурентоспособности РФ на международной арене.

Регулирование МТОР существенно не будет отличаться от ТОР, однако стоит выделить некоторые особенности.

1. МТОР будет создаваться в соответствии с Решением Правительства РФ либо на основании международного договора.
2. Территориальное расположение МТОР такое же, как и у ТОР, однако есть ограничение по общей площади – не более двадцати квадратных километров, на которых будет действовать 10–20 промышленных производств.
3. Возможность обеспечить необходимым ресурсами инфраструктуры резидентов МТОР, такими как земельные участки, логистика, техническое оснащение и др.
4. В отношении резидентов МТОР будет действовать ограничение в публичном доступе, так сведения о юридическом лице не будут отображаться в ЕГРЮЛ и доступ к ним смогут иметь исключительно органы государственной власти. Данное ограничение вводится, чтобы обезопасить иностранных резидентов от новых пакетов санкций.
5. Устанавливаются новые требования к инвестиционным проектам, так размер капитальных вложений должен составлять не менее пяти сот миллионов рублей, в то время как для ТОР этот размер составляет не менее пяти сот тысяч рублей. В целом, это обоснованно, ведь уровень реализации проектов происходит в рамках международных отношений и производство продукции должно осуществляться с высокой добавленной стоимостью.
6. Также предусмотрено установление налоговых льгот: налог на прибыль организаций будет отчисляться не в полной мере в течение 10 лет, пониженные ставки на страховые взносы, льготы по транспортному и земельному налогу.
7. Реализация деятельности на МТОР предполагает использование высокотехнологического

производства и направленность на реализацию проектов по машиностроению, добывающей промышленности, энергетике, логистике, сельскохозяйственной деятельностью [16].

Международное сотрудничество планируется с КНР, Индией, Вьетнамом, странами СНГ и с нейтральными государствами. Географическое положение МТОР точно не определено, однако возможными кандидатами на её расположения выступают Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, ввиду их выгодного местоположения и налаженной логистики [17]. В данном случае, упор ставится не на количество МТОР, а на их качество, поэтому международных территорий опережающего развития будет не так много, но их роль будет значительна как для экономики региона, на которой она будет расположена, так и для России в целом.

Однако на практике создание таких МТОР может столкнуться с определенными сложностями. Во-первых, законодательное регулирование должно опираться на баланс интересов, в рамках предоставления льгот и преференций иностранным резидентам необходимо также учитывать состояние внутренней экономики, национальную безопасность и суверенитет государства, чтобы избежать излишнего вовлечения иностранных компаний и не нанести вред развитию отечественных. Во-вторых, создание МТОР должно быть обосновано и актуально, так как данные территорий должны быть конкурентоспособны на международной арене и отличаться среди существующих в других странах возможностей для развития бизнеса. В-третьих, необходимо качественно проработать интеграцию МТОР в существующую социально-экономическую инфраструктуру регионов ДФО, чтобы не навредить ей.

Вывод

Проведя сравнительный анализ эффективности Территорий опережающего развития на Дальнем Востоке и Арктической зоны, можно сделать следующие выводы относительно их сильных и слабых сторон.

Территории опережающего развития на Дальнем Востоке продемонстрировали значительный потенциал в стимулировании экономического роста и привлечении инвестиций в разные регионы. Создание новых рабочих мест, реализация проектов с участием иностранных партнеров, рост валового регионального продукта в отдельных регионах и повышение инвестиционной привлекательности Дальневосточного Федерального округа свидетельствуют об эффективности данного инструмента региональной политики. Несмотря на существующие вызовы, ТОР вносят существенный вклад в диверсификацию экономики и устойчивое развитие Дальнего Востока, создавая основу для дальнейшего прогресса и повышения уровня жизни населения. А вступление в силу законопроекта о международных территориях опережающего развития и создание таковой на территории При-

морского края повысит возможность работы с иностранными инвесторами, существенно изменив инвестиционный климат региона и создав благоприятные условия для привлечения зарубежного капитала и технологий.

Что касается Арктической зоны, то развитие ТОР сдерживается суровыми климатическими условиями и как следствие высокими транспортными затратами и ограниченной инфраструктурой. Несмотря на это, ТОР в районах Крайнего Севера играют важную роль в освоении природных ресурсов и развитии отдельных отраслей, однако для достижения более высокой эффективности необходимо значительное вложение средств в развитие инфраструктуры и создание благоприятных условий для жизни и работы людей в таких условиях.

В обеих зонах эффективность ТОР существенно зависит от качества управления проектами, прозрачности механизмов государственной поддержки и эффективности взаимодействия между федеральными и региональными властями. Для повышения эффективности ТОР необходимо совершенствовать законодательную базу, усиливать государственную поддержку, активно продвигать инвестиционные проекты и создавать благоприятные условия для работы как крупных, так и малых и средних предприятий. При этом необходимо учитывать специфику каждого региона и разрабатывать индивидуальные программы развития ТОР, с учетом существующих проблем и перспектив развития. Только комплексный подход позволит максимально реализовать потенциал ТОР на территории Дальнего Востока и Арктической зоны и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие этих важных для страны регионов.

Литература

1. Федеральный закон «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ (последняя редакция) / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/?ysclid=m4sjffed-xw377524253 (дата обращения: 17.12.2024).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию» / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/?ysclid=m4si6p5lno618061587 (дата обращения: 17.12.2024).
3. Деятельность территории опережающего развития / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения: 17.12.2024).
4. Территории опережающего развития / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: <https://erdc.ru/about-tor/> (дата обращения: 17.12.2024).
5. Постановление Правительства РФ от 10.01.2023 № 3 (ред. от 09.08.2024) «Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Амурской области, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437209/92d969e26a4326c5d-02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=m4si8pag-zm584990987 (дата обращения: 17.12.2024).
6. Резидент ТОР «Амурская» запустил ключевой логистический комплекс на границе с Китаем / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rezident_tor_amurskaya_zapustil_klyuchevoy_logisticheskiy_kompleks_na_granitse_s_kitaem/ (дата обращения: 17.12.2024).
7. Постановление Правительства РФ от 25.06.2015 № 629 (ред. от 27.05.2023) «О создании территории опережающего развития «Приморье» / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181689/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=m4sia6om6o994516353 (дата обращения: 17.12.2024).
8. На ТОР «Надеждинская» построят школу на условиях государственно-частного партнерства / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/na-tor-nadezhdinskaya-postroyat-shkolu-na-usloviyakh-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-31683/> (дата обращения: 17.12.2024).
9. Постановление Правительства РФ от 28.12.2016 № 1524 (ред. от 23.01.2023) «О создании территории опережающего развития «Южная Якутия» / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209977/?ysclid=m4silei5di784954867 (дата обращения: 17.12.2024).
10. В ТОР «Южная Якутия» приходят зарубежные инвесторы / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/v-tor-yuzhnaya-yakutiya-prikhodyat-zarubezhnye-investory-13214/> (дата обращения: 17.12.2024).
11. Постановление Правительства РФ от 12 мая 2020 года № 656 О создании территории опережающего развития «Столица Арктики» / [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/docu->

ment/564882573?ysclid=m4shxlimdr723515708 (дата обращения: 17.12.2024).

12. Территория опережающего развития «Столица Арктики» / [Электронный ресурс] // Корпорация развития Мурманской области: [сайт]. – URL: <https://invest-murman.ru/tor/?ysclid=m4shudzij6467085995> (дата обращения: 17.12.2024).
13. Постановление Правительства РФ от 09 августа 2024 года № 1068 О создании территории опережающего развития «Столица Севера» / [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306909963?ysclid=m4si1sisrg799486315> (дата обращения: 17.12.2024).
14. TOP Столица Севера / [Электронный ресурс] // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. – URL: <https://erdc.ru/tors/tor-stolitsa-severa.html> (дата обращения: 17.12.2024).
15. Законопроект № 518787–8 О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Федеральный закон «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» / [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/518787-8?ysclid=m4sb5a3tid255754403> (дата обращения: 17.12.2024).
16. Международно-секретные зоны / [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425074?ysclid=m4sb56cnr8366323631> (дата обращения: 17.12.2024).
17. Законопроект о международных TOP будет доработан до конца года / [Электронный ресурс] // Правительство Приморского края: [сайт]. – URL: <https://primorsky.ru/news/302914/?ysclid=m4sb587fkn269816763#close> (дата обращения: 17.12.2024).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF TOP IN THE FAR EAST AND THE ARCTIC ZONE

Kudelya N.Yu., Gunvik O.N., Sokolova O.A.
Far Eastern Federal University

In the context of strategic objectives for the diversification of the Russian economy and ensuring its sustainable development, the territories of advanced development act as one of the key tools for stimulating investment and accelerated socio-economic growth in certain regions of the Russian Federation. However, the effectiveness of the mechanisms of functioning of the Territories of advanced development is far from homogeneous and varies significantly depending on the specifics of the regions in which they are created. This article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of Priority Development Territories in the regions of Russia, using a multifactorial analysis. The study covers the territories of the Far Eastern Federal District and the regions of the Far North. The methodological basis of the study will be a comparison of key performance indicators of the TOP, such as the volume of attracted investments, the number of jobs created, infrastructure features, the number of residents, types of activities and other indicators, taking into account the specific factors of development of each region. The

purpose of this study is to identify factors affecting the effectiveness of the functioning of TOP and to develop recommendations for optimizing their activities. The perspective of the draft law on international territories of advanced development will also be considered and some features of their activities will be highlighted.

Keywords: Territories of advanced development, investments, economic growth, socio-economic development, jobs, infrastructure, pReferences, standard of living, geographical location, government support, draft law, international territories of advanced development.

References

1. Federal Law «On territories of advanced development in the Russian Federation» dated 12/29/2014 № 473-FZ (latest edition) / [Electronic resource] // ConsultantPlus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/?ysclid=m4sjffedwx377524253 (accessed date: 17.12.2024).
2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 04.12.2014 «Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly» / [Electronic resource] // ConsultantPlus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/?ysclid=m4si6p5lno618061587 (date of request: 17.12.2024).
3. Activity of the territory of advanced development / [Electronic resource] // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (date of request: 12/17/2024).
4. Territories of advanced development / [Electronic resource] // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: <https://erdc.ru/about-tor/> (date of request: 17.12.2024).
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 01/10/2023 No. 3 (ed. dated 08/09/2024) «On the unification of territories of advanced development created on the territory of the Amur Region and the invalidation of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation» / [Electronic resource] // ConsultantPlus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437209/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=m4si8pagzm584990987 (accessed date: 17.12.2024).
6. The resident of the Amur TOP has launched a key logistics complex on the border with China / [Electronic resource] // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rezident_tor_amurskaya_zapustil_klyuchevoy_logisticheskij_kompleks_na_granitse_s_kitaem/ (date of request: 17.12.2024).
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/25/2015 No. 629 (ed. dated 05/27/2023) «On the creation of the territory of advanced development «Primorye»» / [Electronic resource] // Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181689/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=m4sia6om6o994516353 (date of request: 17.12.2024).
8. A school will be built on the Nadezhdinskaya TOP on the terms of public-private partnership / [Electronic resource] // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/na-tor-nadezhdinskaya-postroyat-shkolu-na-usloviyakh-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-31683/> (date of request: 17.12.2024).
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2016 No. 1524 (ed. from 01/23/2023) «On the creation of the territory of advanced development «South Yakutia»» / [Electronic resource] // ConsultantPlus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209977/?ysclid=m4silei5di784954867 (date of request: 17.12.2024).
10. Foreign investors come to the TOP «South Yakutia» / [Electronic resource] // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/v-tor-yuzhnaya-yakutiya-prikhodyat-zarubezhnye-investory-13214/> (date of request: 17.12.2024).

11. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 12, 2020 No. 656 On the creation of the territory of advanced development «Capital of the Arctic» / [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory documents: [website]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564882573?ysclid=m4shx-limdr723515708> (accessed date: 12/17/2024).
12. The territory of advanced development «Capital of the Arctic» / [Electronic resource] // Murmansk Region Development Corporation: [website]. – URL: <https://invest-murman.ru/tor/?ysclid=m4shudzij6467085995> (date of request: 17.12.2024).
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 9, 2024 No. 1068 On the creation of the territory of advanced development «Capital of the North» / [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory documents: [website]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306909963?ysclid=m4sisrg799486315> (date of request: 12/17/2024).
14. TOP Capital of the North / [Electronic resource] // Corporation for the Development of the Far East and the Arctic: [website]. – URL: <https://erdc.ru/tors/tor-stolitsa-severa.html> (date of application: 17.12.2024).
15. Draft Law No. 518787–8 On Amendments to Article 6 of the Federal Law «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» and the Federal Law «On Territories of Advanced Development in the Russian Federation» / [Electronic resource] // Legislative support system: [website]. – URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/518787–8?ysclid=m4sb5a3tid255754403](https://sozd.duma.gov.ru/bill/518787-8?ysclid=m4sb5a3tid255754403) (accessed date: 17.12.2024).
16. Internationally secret zones / [Electronic resource] // Kommersant: [website]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425074?ysclid=m4sb56cncr8366323631> (date of request: 12/17/2024).
17. The draft law on international trade agreements will be finalized before the end of the year / [Electronic resource] // Government of Primorsky Krai: [website]. – URL: <https://primorsky.ru/news/302914/?ysclid=m4sb587fkn269816763#close> (accessed date: 17.12.2024).

Проблемные аспекты ограничения свободы договора в современном законодательстве

Хронин Николай Викторович,

аспирант, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Исследование посвящено анализу принципа свободы договорных отношений в контексте российской правовой системы. Основное внимание уделяется вопросам закрепления презумпции свободы договора в нормативных правовых актах, а также глубокому анализу теоретических аспектов толкования договорной свободы, с особым акцентом на принципе «*contra proferentem*» как инструменте обеспечения справедливого толкования условий договоров.

Ключевые слова: гражданский кодекс Российской Федерации, ограничение свободы договора, свобода договора, судебная практика, договорное право, заключение договора, интерес, слабая сторона договора.

В рамках российской рыночной экономики, ключевым инструментом в предпринимательской сфере является свобода заключения договора, и её значение в гражданском обороте все более возрастает. Свобода договора доктринально закреплена в принципах автономии воли и диспозитивности. При этом, следует заметить, что такая свобода в советский период была сведена к минимуму вследствие господства императивных законодательных положений, что в корне отличается от диспозитивно ориентированного современного регулирования, сложившегося после обретения новых основ функционирования социально-экономической и юридической структуры постсоветского пространства.

Трансформация, в правовой системе России, началась вслед за развалом СССР, когда в доктринальные основы начали вносить элементы диспозитивности в целях совершенствования регулирования общественных отношений. Современная правоприменительная практика показывает, что при толковании норм права необходимо принимать в расчёт динамику исторического контекста и системный подход. Однако, это требование не абсолютизируется, так как реальное правоприменение предполагает учёт многообразия нормативных актов, и их окончательное толкование допускает некоторую вариативность.

Действующее состояние законодательных норм о свободе договора подверглось серьезному анализу многими исследователями, включая А.Г. Карапетова и Е.М. Фетисову [7, с. 146].

Они отметили, что новые арбитражные практики начали следовать более лояльному прочтению законодательных норм. Это значит, что судебные органы приняли более гибкий подход к толкованию условий договоров, что, в свою очередь, способствует защите интересов сторон и уменьшает количество споров.

Данное утверждение подтверждается в пунктах 2–4 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 16 от 14 марта 2014 года «О свободе договора и её пределах» [5]. В этом документе акцентируется внимание на принципе свободы договора и его границах, что обеспечивает более широкую защиту прав сторон в рамках договорных отношений.

Презумпция диспозитивности – это важный правовой принцип, который предполагает, что стороны в гражданских правоотношениях свободны в установлении своих обязательств и условий договоров. Она основывается на предположении, что если закон не устанавливает обязательные нормы,

стороны имеют право сами определять содержание своих обязательств. Следует отметить, что существуют активные споры относительно презумпции диспозитивности и ее применении на национальном уровне, поскольку нет единства мнений по этому вопросу. Заслуживает внимания работа М.Г. Розенберга, оправдывающего существование презумпции диспозитивности в сфере внешнеторговых контрактов и настаивающего на её экспансии в рамках внутреннего договорного права [10, с. 58]. Согласно А.С. Комарову, презумпция диспозитивности могла бы способствовать интеграции российского гражданского права в правовые системы, структурированные на принципах частного права [8, с. 128].

Несмотря на указанные мнения, иное мнение исходило от известного цивилиста Е.А. Суханова, высказавшего идею об императивности большинства гражданско-правовых норм [11, с. 63]. Он акцентировал внимание на том, что лишь однозначное выражение принципа диспозитивности в норме права может служить основанием для её применения. М.И. Брагинский выразил аналогичное мнение, подчеркнув важность указания в договоре на возможность согласования других условий, что подчеркивает договорную природу правоотношений, в ином случае данная норма будет считаться обязательной [6, с. 90].

В контексте модернизации судебной системы и трансформации договорной деятельности, необходимо признать превосходство тезиса, утверждающего потребность в установлении через законодательство опровержимой презумпции диспозитивности норм, регулирующих договорные отношения [9]. Этот подход отражает эволюцию юридической мысли, которая отходит от устаревшей императивности, свойственной юриспруденции советского периода, выбирая курс на большую адаптивность и автономию волеизъявления сторон в рамках частноправовых взаимоотношений.

Общепризнанные ограничения свободы договора в Российской Федерации отражены в нескольких ключевых нормах и направлены на защиту прав и интересов участников гражданского оборота.

1. Конституция Российской Федерации (статья 34). Как уже упоминалось, право на свободу договора может быть ограничено в интересах обеспечения прав и законных интересов других лиц, а также для защиты государственной и общественной безопасности.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации.

- Статья 1 – Гражданский кодекс устанавливает свободу сторон в определении условий своих обязательств, но при этом оговаривает, что условия договора не должны противоречить закону и иным правовым актам».
- Статья 10 – Запрещает злоупотребление правом, что может подразумевать ограничение свободы договора, если его исполнение нарушает права третьих лиц.

- Статья 168 – Установлены основания для признания сделок недействительными, если они противоречат требованиям закона или иных правовых актов.

Концепция ограниченной свободы заключения договоров, ставшая основным принципом в правоприменительной практике, получила подтверждение в решениях арбитражных судов. Например, Арбитражный Суд Московского округа отметил, что даже если заключение договоров кажется свободным, это предполагает соблюдение разумных ограничений и законности включенных в него положений, отвергая идею их полной абсолютности [2].

Индивидуальные права и свободы каждого человека требуют четкого определения своих границ. Эти границы проявляются также в свободе заключения договоров. Вот основные моменты, которые стоит учитывать:

- Уважение интересов других участников гражданского оборота. Заключая договор, стороны должны учитывать интересы друг друга.
- Соблюдение общественной морали. Договор не должен противоречить общепринятым моральным нормам.
- Предотвращение злоупотреблений. Нельзя использовать договор для эгоистичных целей или незаконных действий.
- Отсутствие принуждения. Все стороны должны свободно и добровольно принимать решение о заключении договора.
- Свобода определять условия. Каждая сторона имеет право сама решать, каким будет характер договора, его содержание, кто будет контрагентом, а также место и способ заключения.

Цивилисты подчеркивают, что любые личные права жестко ограничены этими факторами [12]. Это важно для защиты более слабой стороны в договорных отношениях, особенно когда речь идет о дополнительных соглашениях. Большинство правовых систем в разных странах учитывают необходимость защиты интересов слабой стороны, чтобы предотвратить включение в договор условий, которые могут дискриминировать эту сторону из-за доминирования более сильной стороны.

Обоснование ограничительных мер в договорной свободе нередко связывают с защитой тех, кто оказывается в более слабом положении в рамках гражданских договорных отношений. Примечательно, что понятие «слабая сторона договора» получило первое внедрение в правовую систему благодаря определению Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П: «Граждане-вкладчики как сторона в договоре лишены возможности влиять на его содержание, что является ограничением свободы договора и как таковое требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которой гражданин, как экономически слабая сторона в этих правоотношениях, нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, т.е. для банков» [3].

Изначально, доктрина, созданная для защиты прав потребителя, фокусировалась на неравенстве возможностей между сторонами договора – как экономических, так и интеллектуальных. Для балансировки этой разницы были предусмотрены дополнительные преимущества для потребителя и соответствующие обязанности для другой стороны. Это помогает создать более равные условия в договорных отношениях.

В России такая защита осуществляется согласно статье 428 Гражданского кодекса. Эта статья подразумевает, что если одна из сторон не могла повлиять на условия договора, то судебные органы будут контролировать такие условия, которые не были согласованы индивидуально. Это необходимо для защиты интересов более слабой стороны.

Суды в РФ оценивают факторы неравенства в переговорном процессе, в том числе уровень профессионализма участников, степень конкурентоспособности на рынке, возможность для присоединяющейся стороны возобновить переговоры или заключить схожий контракт с другими лицами на более выгодных условиях. ВАС РФ в своем Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» определил, что ранее отсутствовавшее специальное регулирование возлагало доказывание согласия с условиями сделки на слабую сторону, что влияло на неё негативно [5]. В совокупности, упомянутые подходы представляют возможности многоаспектной защиты против недобросовестных условий контрактов, стремясь к принципу справедливости в ограничении свободы договора.

В ситуациях, когда условия договора остаются смутными и не способны ясно отражать истинное намерение обеих заинтересованных сторон, что приводит к состоянию известному как «договорная неопределённость», имеется ряд мер, направленных на разрешение возникающих противоречий. В числе таких мер выделяется интерпретация положений договора в пользу стороны, против того, кто был инициатором его составления или подготовил соответствующее условие, акцент на котором делает п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018, касающегося применения норм Гражданского кодекса РФ о заключении и толковании договора [4]. Принцип «contra proferentem», широко признанный и активно используемый в юридических системах многих стран, предоставляет контрагенту возможность получить защиту интересов за счёт того, кто выступил в роли составителя контракта. Основываясь на букве закона, данная методика толкования применяется как экстренная мера, четко предусмотренная лишь после исчерпания всех возможных обычных путей разрешения нечеткости условий договора.

В результате анализа проблемы ограничения свободы договора в современном законодательстве становится очевидным, что актуальным является вопрос о необходимости пересмотра принципа диспозитивности, который в некоторых случаях

ограничивает возможности сторон в создании индивидуальных условий договора.

Предлагается внести изменения в законодательство, которые позволят следующее.

1. Уточнить понятие «создание индивидуальных условий», чтобы минимизировать судебные споры по поводу неопределенности договорных формулировок.

2. Ввести дополнительные механизмы, позволяющие сторонам более свободно согласовывать условия договора, при этом сохраняя защиту прав более слабой стороны.

Такие изменения помогут создать более сбалансированную и справедливую правовую среду, способствуя развитию эффективных договорных отношений и защите прав всех участников.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 октября 2018 г. № Ф05–17762/18 по делу № А40–223942/2017.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального Закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «Консультант-Плюс».
5. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «Консультант-Плюс».
6. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 847 с. – (Золотой фонд издательства «Статут»). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (дата обращения: 10.06.2024). – Режим доступа: по подписке.
7. Карапетов А. Г., Фетисова Е.М. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 145–191.
8. Комаров А.С. Гражданский кодекс России как источник права // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном

законодательстве и судебной практике: Сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова. М. 2011. 368 с.

9. Луценко С.И. Свобода договора (толкование через волеизъявление): пределы дискреции / С.И. Луценко // Современное право. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
10. Розенберг М.Г. Некоторые актуальные вопросы разрешения споров в МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 52–64.
11. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011.
12. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. / пер. с нем. М. 2000. Т. 2. 480.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE RESTRICTION OF FREEDOM OF CONTRACT IN MODERN LEGISLATION

Khronin N.V.

Crimean Federal V.I. Vernadsky University

The present study is devoted to the analysis of the principle of freedom of contractual relations in the context of the Russian legal system. The main attention is paid to the issues of securing the presumption of freedom of contract in normative legal acts, as well as an in-depth analysis of the theoretical aspects of the interpretation of contractual freedom, with special emphasis on the principle of “contra proferentem” as a tool to ensure a fair interpretation of the terms of agreements.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, restriction of freedom of contract, freedom of contract, judicial practice, contract law, conclusion of a contract, interest, weak side of the contract.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta.
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of October 29, 2018 No. F05–17762/18 in case No. A40–223942/2017.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 23, 1999 No. 4-P “On the case of verifying the constitutionality of the provision of part two of Article 29 of the Federal Law of February 3, 1996 “On Banks and Banking Activities” in connection with the complaints of citizens O. Yu. Veselyashkina, A. Yu. Veselyashkin and N.P. Lazarenko”.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 “On Certain Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract” // SPS “ConsultantPlus”.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits” // SPS “ConsultantPlus”.
6. Braginsky, M.I. Contract Law: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2020. – 847 p. – (Golden Fund of the Statut Publishing House). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (date of access: 10.06.2024). – Access mode: by subscription.
7. Karapetyan A. G., Fetisova E.M. Practice of application by arbitration courts of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 No. 16 “On freedom of contract and its limits” // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 12. P. 145–191.
8. Komarov A.S. Civil Code of Russia as a source of law // Development of the main ideas of the Civil Code of Russia in modern legislation and judicial practice: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of S.A. Khokhlov. M. 2011. 368 p.
9. Lutsenko S.I. Freedom of contract (interpretation through expression of will): limits of discretion / S.I. Lutsenko // Modern law. – 2014. – No. 4. – P. 63–67.
10. Rosenberg M.G. Some topical issues of dispute resolution in the ICAC at the RF CCI // Business and Law. 2011. No. 4. P. 52–64.
11. Russian civil law: Textbook: In 2 volumes. Volume I. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights / Ed. E.A. Sukhanov. – M.: Statut, 2011.
12. Zweigert K., Ketz H. Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 volumes / trans. from German. M. 2000. Т. 2. 480.

Содержание процесса доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях

Чужакова Екатерина Александровна,

адъюнкт Московского университета МВД России имени

В.Я. Кикотя

E-mail: katepost0057@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию понятия и содержания доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях. Формулируется понятие доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях, анализируется сущность, значение составляющих его элементов и состояние их нормативного регулирования. Обосновывается необходимость и формулируются предложения по устранению имеющихся противоречий в нормативном определении доказательств и восполнению пробелов в законодательной регламентации получения, проверки и оценки доказательств как элементов доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: доказывание, административные правонарушения, доказательства, получение доказательств, собирание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, административно-юрисдикционная деятельность, административная ответственность.

Привлечение лица к административной ответственности влечёт его правоограничения или (и) обременения, предусмотренные санкциями норм Особенной части КоАП РФ и соответствующих законов субъектов РФ, которые по характеру и размерам лишений (обременений) близки некоторым уголовным наказаниям, а иногда и превосходят минимальные размеры последних. В ходе производства по делу об административном правонарушении к такому лицу могут применяться меры обеспечения, большинство из которых также ограничивают права и свободы лица, привлекаемого к административной ответственности. Кроме того, будучи подвергнутым административному наказанию такое лицо в течение определенного законом срока после его исполнения претерпевает неблагоприятные последствия привлечения к административной ответственности, проявляющиеся как в деликтных отношениях (квалификация повторно совершенного аналогичного правонарушения как преступления или по признакам квалифицированного состава соответствующего административного правонарушения и др.), так и во внеделиктных отношениях (например, ограничение пассивного избирательного права после привлечения к административной ответственности за некоторые административные правонарушения).

Обоснованность привлечения к административной ответственности зависит от бесспорной доказанности совершения вменяемого правонарушения лицом, привлекаемым к ответственности. Как отмечает А.Б. Зеленцов, «доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях должно осуществляться на основе принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела» [3, с. 272]. Соответственно, решение о назначении административного наказания может быть принято только при наличии достаточной совокупности допустимых, относимых и достоверных доказательств, устанавливающих событие административного правонарушения, виновность лица в его совершении, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

В этой связи ключевое значение приобретает институт доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях. От того, насколько полно, объективно и обоснованно будет проведена процедура доказывания, зависит правильность принятия решения по делу об административном правонарушении. По справедливому замечанию Е.В. Черных, «качество доказывания напрямую влияет на законность и обоснованность

привлечения лица к административной ответственности» [6, с. 64].

Несмотря на важность института доказывания в административно-юрисдикционном процессе, проблемам его теоретического осмысления уделялось внимание лишь небольшой частью ученых-административистов, таких как Т.В. Казина, А.А. Жумабекова и В.И. Баловнева, П.В. Молчанов и другие. Как отмечает О.А. Ягодин, хотя производство по делам об административных правонарушениях является одним из наиболее распространенных направлений деятельности государственных органов, правовые аспекты, связанные с доказыванием, по-прежнему не имеют достаточной теоретической проработки и практической регламентации [7, с. 193].

В дополнение к сказанному, состояние действующего законодательства, в частности, отсутствие норм, раскрывающих содержание процесса доказывания, в гл. 26 КоАП РФ, свидетельствует об актуальности теоретической разработки проблем доказывания по делам об административных правонарушениях.

Несмотря на отраслевые различия, производство по делам об административных правонарушениях и уголовное судопроизводство объединяет общность основных правовых институтов, в том числе и института доказывания. При этом, соответствующими нормами УПК РФ руководствуются специалисты – юристы-правоохранители, чья основная деятельность – расследование преступлений, а КоАП РФ адресован более широкому кругу правоприменителей, для многих из которых административно-юрисдикционная деятельность не является основной и квалификационные требования к которым не предполагают обязательное наличие юридического образования. Представляется, что это обстоятельство также диктует необходимость более детальной нормативной регламентации деятельности субъектов административной юрисдикции, уполномоченных устанавливать (доказывать) обстоятельства, подлежащие выяснению по каждому делу об административном правонарушении. В числе таковых ст. 26.1 КоАП РФ называет событие административного правонарушения, не раскрывая признаки (сведения), его характеризующие. УПК РФ в числе данных признаков называет время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. В некоторых судебных актах по административным деликтам также указывается, что событие административного правонарушения характеризуется местом и временем его совершения [8]. Представляется, что установлению прежде всего подлежат признаки, характеризующие внешнее проявление правонарушения, само противоправное деяние, его последствие и причинную связь между ними, то есть основные признаки объективной стороны состава правонарушения, а потом место и время его совершения, если даже они не входят в число обязательных признаков объективной стороны.

Более подробно в КоАП РФ раскрывается именно содержание доказательств, однако, приведенное в ч. 1 ст. 26.2 понятие доказательств не является вполне удачным. Так, согласно данной норме, доказательствами по делу об административном правонарушении признаются «любые фактические данные». Несмотря на закрепленный в ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, содержание ч. 1 той же статьи, определяющей доказательства как «любые фактические данные», вносит неопределенность в понимание допустимости доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Формулировка «любые фактические данные» может быть истолкована расширительно и включать в себя сведения, полученные способом, не предусмотренным законом, или с нарушением установленного порядка их получения.

Доказательства по делам об административных правонарушениях должны соответствовать процессуальной форме, установленной законом. Как справедливо отмечает Т.В. Казина в своей диссертации, доказательства в делах об административных правонарушениях представляют собой информацию об объективной действительности, оформленную в специальную процессуальную форму [4, с. 13].

Представляется правильным рассматривать в качестве доказательств не любые фактические данные, а лишь такие сведения об объективной действительности, которые получены в установленном законом порядке и облечены в определенную законом форму.

Если УПК РФ устанавливает, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, то в КоАП РФ элементы процесса доказывания не конкретизируются.

В административно-правовой литературе, раскрывающей содержание доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях, в качестве составляющих его элементов указываются собирание, проверка, оценка доказательств. С.Л. Басов утверждает, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 26.1 КоАП РФ [1, с. 26]. Данной позиции придерживается и А.П. Гуляев, но рассматривает процесс доказывания, конкретизируя, что это деятельность органа, рассматривающего дело, и иных участников [2, с. 54]. Понятие доказывания определяет и П.В. Молчанов, с той разницей, что он не рассматривает деятельность других участников производства, не включает в содержание процесса доказывания такой элемент как проверка доказательств, и как представляется, безосновательно признаёт в качестве самостоятельного элемента этой деятельности оформление доказательств [5, с. 238].

Следует отметить, что ученые, изучая институт доказывания, преимущественно используют термин «собирание», однако, содержание данного

термина не раскрывается ни учеными, ни нормами Кодекса. При этом, в отличие от УПК РФ, в котором категория «собрание доказательств» нашла прямое нормативное закрепление (ст. 86 УПК РФ), КоАП РФ не содержит подобного термина, оперируя более общей категорией «полученных доказательств» (ч. 3 ст. 26.2, ч. 4 ст. 26.9, ст. 29.1.3 КоАП РФ).

Кроме того, КоАП РФ упоминает о представлении доказательств лицом, в отношении которого ведется производство (ч. 1 ст. 25.1), потерпевшим (ч. 2 ст. 25.2), их защитником, представителем (ч. 5 ст. 25.5), прокурором (п. 2 ч. 1 ст. 25.11), не раскрывая при этом содержание данного понятия и его соотношение с другими терминами, характеризующими процесс доказывания.

С лингвистической точки зрения, «получение доказательств» является более широким родовым понятием, охватывающим как активные, инициативные действия уполномоченных субъектов по выявлению и фиксации доказательств («собрание доказательств»), так и приобщение доказательств, представленных другими участниками производства.

С учетом этого, представляется верным, что процесс доказывания включает в себя получение уполномоченными должностными лицами путем собирания и приобщения к материалам дела представленных иными участниками производства по делам об административных правонарушениях доказательств, их проверку и оценку в целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного решения.

Заметим, что глава 26 КоАП РФ регламентирует лишь отдельные способы получения доказательств и общие правила их оценки. При этом Кодекс не содержит прямого указания на проверку доказательств, как элемент, входящий в процесс доказывания. Вместе с тем, некоторые нормы КоАП РФ фактически предполагают такую проверку доказательств на различных стадиях производства по делу.

Обращаясь к положениям ст. 28.1 КоАП РФ, регламентирующим перечень поводов к возбуждению дела об административном правонарушении, следует обратить внимание на то, что полученные материалы, сообщения, заявления «подлежат рассмотрению», что следует трактовать не просто как ознакомление с поступившими сведениями, а как их тщательную и всестороннюю проверку уполномоченными должностными лицами.

Проверка доказательств также требуется при рассмотрении дела судьей, органом, должностным лицом, обязанными исследовать доказательства по делу путем оглашения протокола об административном правонарушении, заслушивания объяснений и показаний участников производства и посредством осуществления иных процессуальных действий (ч. 2 ст. 29.7 КоАП РФ).

Роль проверки доказательств также прослеживается в процессе рассмотрения жалоб на поста-

новления по делам об административных правонарушениях. Как указано в п. 8 части 2 статьи 30.6, 3 ч. 1 ст. 30.7 и п. 4 ч. 1 ст. 30.17 КоАП РФ, при рассмотрении жалобы необходима проверка законности и обоснованности вынесенного постановления. Важно отметить, что такая проверка должна быть осуществлена с учетом всех собранных доказательств, что позволяет обеспечить не только защиту прав участников, но и соблюдение верховенства закона.

Так, анализ положений КоАП РФ позволяет заключить, что проверка доказательств, несмотря на отсутствие указания о ней как неотъемлемом элементе процесса доказывания, является значимым элементом такого процесса при производстве по делам об административных правонарушениях.

Проверка доказательств заключается в том, что должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, обязано тщательно исследовать каждое доказательство сопоставляя его с другими доказательствами, имеющимися в деле, а также путем установления источника доказательства и получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое, что требует закрепления в соответствующей норме гл. 26 КоАП РФ.

Важным элементом доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях является оценка доказательств. В отличие от уголовно-процессуального законодательства, где достаточно подробно регламентированы правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ раскрывает содержание и особенности оценки доказательств, возможность признания доказательства недопустимым, устанавливая, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела), КоАП РФ указывает, что судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Однако, Кодекс не закрепляет ни сами правила, ни критерии такой оценки.

В данной связи представляется целесообразным дополнить ст. 26.11 КоАП РФ указанием критериев оценки доказательств (их относимости, допустимости, достоверности и достаточности), а также положениями (предписаниями) о признании доказательств недопустимыми и последствиях подобного признания.

Представляется, что определение понятия доказывания, а также детальная нормативная регламентация его основных элементов (получение, проверка, оценка доказательств) призваны способствовать повышению эффективности административно-юрисдикционной деятельности, обеспечению законности и обоснованности привлечения лиц к административной ответственности.

Литература

1. Басов С.Л. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях: учебное пособие / С.Л. Басов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 56 с
2. Гуляев А.П. Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 53–57.
3. Зеленцов А.Б. Административно-процессуальное право России: Учебник. М.: РУДН, 2018. 1000 с.
4. Казина Т.В. Доказательства и доказывание в производстве об административных правонарушениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.
5. Молчанов П.В. Сбор, оформление и оценка доказательств по делу об административном правонарушении в области дорожного движения // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2008. № 1. С. 237–241.
6. Черных Е.В. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях: теоретические и практические вопросы // Административное право и процесс. 2016. № 11. С. 62–66.
7. Ягодин О.А. Доказывание по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 193.
8. Постановление судьи Верховного Суда РФ от 07.10.2019 № 36-АД19-3 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1821704 (дата обращения: 12.10.2024).

THE CONTENT OF THE EVIDENCE PROCESS IN THE PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Chuzhakova E.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'

The article is devoted to a comprehensive study of the concept and content of evidence in proceedings on administrative offenses. The concept of proof in the proceedings on administrative offenses is formulated, the essence, the meaning of its constituent elements and the state of their regulatory regulation are analyzed. The necessity is justified and proposals are formulated to eliminate the existing contradictions in the normative definition of evidence and fill in the gaps in the legislative regulation of obtaining, verifying and evaluating evidence as elements of evidence in proceedings on administrative offenses.

Keywords: proving, administrative offenses, evidence, obtaining evidence, collecting evidence, checking evidence, evaluating evidence, administrative and jurisdictional activities, administrative responsibility.

References

1. Basov S.L. Evidence and proof in proceedings on cases of administrative offenses: a textbook / S.L. Basov. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. – 56 p.
2. Gulyaev A.P. Proof in proceedings on cases of administrative offenses // Administrative law and process. 2018. No. 4. P. 53–57.
3. Zelentsov A.B. Administrative-procedural law of Russia: Textbook. Moscow: RUDN University, 2018. 1000 p.
4. Kazina T.V. Evidence and proof in proceedings on administrative offenses: abstract of dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2012. 24 p.
5. Molchanov P.V. Collection, registration and evaluation of evidence in a case of an administrative offense in the field of road traffic // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2008. No. 1. Pp. 237–241.
6. Chernykh E.V. Evidence and proving in proceedings on cases of administrative offenses: theoretical and practical issues // Administrative law and process. 2016. No. 11. Pp. 62–66.
7. Yagodin O.A. Proving in cases of administrative offenses: problems of theory and practice // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 4 (129). P. 193.
8. Resolution of the judge of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.10.2019 No. 36-AD19-3 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1821704 (date of access: 12.10.2024).

Возмещение вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды: тенденции судебной практики

Шохова Валерия Александровна,

магистрант, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: v.shokhova@g.nsu.ru

Горбунов Тимофей Дмитриевич,

магистрант, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: t.gorbunov@g.nsu.ru

Статья посвящена исследованию особенностей предъявления исков о возмещении вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды. Авторы анализируют законодательство в сфере охраны окружающей среды, а также актуальную судебную практику. Несмотря на подавляющее большинство судебных практики, где требования о возмещении вреда почвам удовлетворяются, авторы обращают внимание на редкую судебную практику, где суды снижают размер взыскиваемого вреда либо же отказывают в его взыскании полностью. На основе данной практики авторы статьи рассматривают основания снижения размера вреда, причиненного почвам, и анализируют их на предмет соответствия закону, а также принципам разумности и справедливости. В статье рассматривается вопрос о способе возмещения вреда почвам как объекту окружающей среды. Авторы уделяют особое внимание анализу тенденций в сфере предъявления исков о возмещении вреда почвам.

Ключевые слова: возмещение вреда, гражданско-правовая ответственность, окружающая среда, почва, природоохранное законодательство, судебная практика.

Охрана окружающей среды и обеспечение экологически ориентированного роста экономики является одним из ключевых направлений политики Российской Федерации. Обеспечение реализации соответствующей политики в России осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), в полномочия которой входит осуществление государственного контроля за соблюдением требований природоохранного законодательства [1]. Важнейшими направлениями деятельности данного органа являются выявление правонарушений в сфере природопользования, привлечение нарушителей к административной или уголовной ответственности при наличии оснований, а также обращение в суд с исками к пользователям объектов окружающей среды о возмещении вреда, причиненного окружающей среде.

В последние несколько лет в судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию количества исков Росприроднадзора о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, а также к увеличению взыскиваемых сумм с хозяйствующих субъектов. В данной статье предлагается рассмотреть особенности предъявления требований о возмещении вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды, а также выявить возможные основания для снижения размера вреда в соответствии с актуальной судебной практикой.

Почва как объект окружающей среды представляет собой самостоятельное естественно-историческое органоминеральное природное тело, возникшее на поверхности земли в результате длительного воздействия биотических, абиотических и антропогенных факторов, состоящее из твердых минеральных и органических частиц, воды и воздуха и имеющее специфические генетико-морфологические признаки и свойства, создающие в некоторых случаях при определенных природно-климатических условиях благоприятные химические, физические и биологические условия для роста и развития растений [2]. Вред почвам может быть нанесен посредством размещения на земельном участке или землях объектов, приводящих к поступлению в почву загрязняющих веществ, захламления участка земли, его перекрытия искусственными покрытиями, снятия, перемещения или уничтожения плодородного слоя почвы.

Иски Росприроднадзора о возмещении вреда, причиненного почвам, основываются на ст. 77 ФЗ

«Об охране окружающей среды», которой установлена обязанность причинителей вреда окружающей среде возместить соответствующий вред в полном объеме. При этом большинство таких требований удовлетворяются судом, однако ответчикам в некоторых случаях удается снизить размер взыскиваемого вреда.

В судебной практике последних лет наиболее частым основанием снижения размера вреда, причиненного почвам, является неправильное применение надзорным органом Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам (далее – Методика). Так, например, суды признают ошибочным применение соответствующей Методики в редакции, которая не действовала на момент обнаружения правонарушения. В деле № А32–57111/2022 суд кассационной инстанции обратил внимание, что в силу ст. 4 ГК РФ акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. При этом действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом [3]. В данном деле проверка Росприроднадзора была проведена в августе 2021 г., а к расчету размера вреда была применена Методика в редакции от 18.11.2021. Примечательно, что новая редакция методики ввела в действие коэффициент-дефлятор, применение которого может увеличивать размер взыскиваемого вреда в несколько раз. Суд указал, что для расчета размера вреда должна применяться Методика в редакции, действовавшей на момент отбора проб почвы в рамках проведения надзорных мероприятий, и направил дело на новое рассмотрение. Полагаем, что данный подход является разумным и обоснованным, поскольку распространение норм на отношения, возникшие до введения данных норм, противоречит закону. Кроме того, в данном случае неправильное применение Методики существенно ухудшает положение субъекта, к которому предъявляются требования о возмещении вреда. Аналогичная позиция находит свое отражение и в других судебных актах [4].

Еще одним аргументом в пользу позиции ответчика по делу о возмещении вреда, причиненного почвам, может служить неправильное определение надзорным органом площади загрязнения земельного участка. Поскольку площадь загрязнения напрямую влияет на размер взыскиваемого вреда (входит в состав формулы расчета размера вреда), достоверность ее определения учитывается судами в качестве существенного обстоятельства. В деле № А55–17538/2022 суд указал, что отсутствие документов, определяющих и обосновывающих методику обмера и определения границ загрязненного участка, а также порядок формирования площади загрязнения приводит к невозможности установления факта причинения вреда почвам и достоверного исчисления размера вреда [5]. В данном деле надзорным органом также были допущены многочисленные нарушения в хо-

де отбора проб почвы, например, не применялись средства измерения глубины отбора проб и массы отбираемого материала, не указаны показатели, на которые были отобраны пробы. Указанные нарушения в своей совокупности приводят к тому, что у суда возникают обоснованные сомнения в достоверности результатов проверки надзорного органа, поскольку документы не соответствуют установленным требованиям и по ним невозможно однозначно установить, какие именно манипуляции производились в ходе отбора проб почвы.

Одним из наиболее спорных вопросов в судебной практике по соответствующей категории дел является определение судом способа возмещения вреда почвам. Согласно ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды», возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Выбор способа возмещения причиненного вреда при обращении в суд осуществляет истец. В судебной практике ранее встречались спорные ситуации, когда надзорный орган предъявлял к причинителю вреда сразу два требования – и о возмещении вреда в денежном выражении, и об обязанности ответчика провести рекультивацию загрязненных земель, то есть возместить причиненный вред в натуре. В 2021 г. Верховный Суд РФ поставил точку в спорах о возможности применения нескольких мер ответственности к причинителю вреда почвам и указал, что на одно лицо не может быть возложена обязанность по возмещению вреда в денежной форме и по проведению рекультивации в отношении одного и того же земельного участка, поскольку применение двойных мер ответственности к одному нарушению недопустимо [6]. Указанное разъяснение представляется обоснованным и справедливым в контексте того, что рекультивационные мероприятия также требуют от причинителя вреда финансовых и временных затрат, в связи с чем двойное возмещение вреда представлялось бы чрезмерным и формировало бы неосновательное обогащение на стороне государства.

Отметим, что практика и разъяснения Верховного Суда РФ по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, оказывают существенное влияние на формирование практики нижестоящих судов и демонстрируют тенденции на усиление мер ответственности к причинителям вреда, а также на расширение судебного усмотрения по данной категории дел. В 2017 г. Верховный Суд РФ сделал необычное разъяснение и указал, что несмотря на то, что право выбора требования принадлежит истцу, суд в делах о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, не связан требованиями истца и вправе самостоятельно выбирать способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства [7]. С одной стороны, такая практика позволяет ответчику сделать заявление о замене способа возмещения вреда, и суд будет

вправе, рассмотрев его, заменить способ возмещения, будучи не связанным требованиями надзорного органа. Это, несомненно, улучшает положение ответчика в данной категории дел. С другой же стороны, в случае предъявления надзорным органом требования о возмещении причиненного вреда в натуре путем проведения рекультивации земель суд может посчитать, что возмещение такого вреда в денежном выражении будет более эффективно, в связи с чем обяжет надзорный орган произвести расчет. В таком случае причинитель вреда окажется в более уязвимом положении, поскольку изначально к нему предъявлялись иные требования.

В 2022 г. судебная практика по возмещению вреда почвам стала еще более благоприятной для Росприроднадзора. Верховный Суд РФ указал, что несмотря на возможность выбора истцом способа возмещения вреда, суд не обязан отказывать в удовлетворении требования о возмещении вреда в денежном выражении, даже если ответчик уже произвел ряд мероприятий по рекультивации загрязненного земельного участка [8]. Указанное разъяснение вызвало массу комментариев в юридическом сообществе, поскольку фактически опровергло сложившуюся положительную для причинителя вреда практику, когда суды зачитывали расходы ответчика на проведения восстановительных мероприятий на загрязненном участке земли в счет возмещения вреда почвам, который взыскивался в денежной форме [9]. На наш взгляд, в делах о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, необходимо соблюдение баланса частных и публичных интересов. Представляется недопустимым привлекать хозяйствующих субъектов к двойной ответственности за одно и то же правонарушение, а также представляется недопустимым предоставление право суду в произвольном порядке определять способ возмещения вреда, независимо от предъявленных надзорным органом требований.

Таким образом, иски Росприроднадзора о возмещении вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды, основаны на фундаментальном принципе «причинитель вреда платит». Закон предусматривает обязанность причинителя вреда возместить данный вред в полном объеме и при этом предусматривает возможность выбора истцом по делу или судом способа возмещения вреда (в денежном выражении либо в натуре). В настоящее время в отечественной судебной практике по данной категории дел наблюдается тенденция к усилению мер гражданско-правовой ответственности причинителей вреда. При этом размер взыскиваемого вреда может быть снижен только в случае, если ответчик докажет, что надзорным органом неверно применена Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 (ред. от 30.07.2024)

«Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2004 г. № 370» // Российская газета. № 170. 2004.

2. Методические указания по проведению локального мониторинга на реперных и контрольных участках (утв. Минсельхозом России) // М., Минсельхоз России. 2006.
3. Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.02.2024 по делу № А32–57111/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://caselook.ru/#/search/46296/documents> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.05.2023 по делу № А65–21601/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://caselook.ru/#/search/4792929/documents> (дата обращения: 07.12.2024).
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2023 по делу № А55–17538/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://caselook.ru/#/search/29986/documents> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2021.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2018.
8. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2022.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.06.2023 по делу № А32–28136/2021 // Caselook. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://caselook.ru/#/search/573660/documents> (дата обращения: 07.12.2024).

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED TO SOILS AS AN ENVIRONMENTAL OBJECT: TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

Shokhova V.A., Gorbunov T.D.
Novosibirsk State University

The article is devoted to the study of the peculiarities of filing claims for compensation for damage caused to soils as an environmental object. The authors analyze legislation in the field of environmental protection, as well as current judicial practice. Despite the overwhelming majority of judicial practice, where claims for compensation for damage to soils are satisfied, the authors draw attention to rare judicial practice, where courts reduce the amount of damage being recovered or refuse to recover it completely. Based on this practice, the authors of the article consider the grounds for reducing the amount of damage caused to soils and analyze them for compli-

ance with the law, as well as the principles of reasonableness and fairness. The article considers the issue of how to compensate for damage to soils as an object of the environment. The authors pay special attention to the analysis of trends in the field of claims for damages to soils.

Keywords: compensation for harm, civil liability, environment, soil, environmental legislation, judicial practice.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.07.2004 No. 400 (as amended on 30.07.2024) "On Approval of the Regulations on the Federal Service for Supervision of Environmental Management and Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation dated July 22, 2004 No. 370" // Rossiyskaya Gazeta. No.170. 2004.
2. Methodological guidelines for conducting local monitoring at reference and control sites (approved by the Ministry of Agriculture of Russia) // M., Ministry of Agriculture of Russia. 2006.
3. Decisions of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 02/15/2024 in case No. A32–57111/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. – URL: <https://caselook.ru/#/search/46296/documents> (date of appeal 07.12.2024).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 05/24/2023 in case No. A65–21601/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. – URL: <https://caselook.ru/#/search/4792929/documents> (accessed 07.12.2024).
5. The decision of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 06/28/2023 in case No. A55–17538/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. – URL: <https://caselook.ru/#/search/29986/documents> (date of appeal 07.12.2024).
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 07.04.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 7. 2021.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 49 "On some issues of the application of legislation on compensation for damage caused to the environment" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No.2. 2018.
8. Review of judicial practice on the application of legislation on environmental protection (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06/24/2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 10. 2022.
9. The decision of the Arbitration Court of the North Caucasian District of 06/23/2023 in the case № A32–28136/2021 // Caselook. Access mode: by subscription. – URL: <https://caselook.ru/#/search/573660/documents> (accessed 07.12.2024).

Шумилин Артём Вадимович,

аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности (РГАИС)
E-mail: artemshum98@mail.ru

Статья посвящена анализу специфики правового регулирования индивидуальных и коллективных трудовых договоров в Бразилии. Рассмотрены ключевые аспекты заключения и расторжения трудовых контрактов, особенности регламентации труда в отдельных отраслях и категориях занятых. Проанализированы основные вехи эволюции трудового законодательства Бразилии в XX–XXI вв. в сравнении с опытом других стран БРИКС, США и Германии. Выявлено сочетание в Бразилии развитой системы формальных трудовых гарантий и проблем с их реализацией на практике в условиях высокой неформальной занятости. Предложены приоритетные направления дальнейшего совершенствования бразильской модели правового регулирования труда.

Ключевые слова: Бразилия, трудовое право, страны БРИКС, трудовой договор, коллективный договор, профсоюзы, неформальная занятость, дерегулирование рынка труда.

Введение

Бразилия как крупнейшая страна Латинской Америки демонстрирует интересный пример развивающейся экономики с довольно продвинутой системой трудового законодательства. По уровню формально-юридических гарантий прав работников бразильская модель регулирования трудовых отношений во многом соответствует стандартам Международной организации труда (МОТ) и развитых стран.

Однако следует отметить, что бразильский рынок труда характеризуется высокой долей неформальной занятости, сегментацией и дуализмом между защищёнными законом работниками, а также и прекаризованными работниками [3]. Все это создает проблемы с соблюдением и обеспечением правовых норм на практике. Таким образом, снижается реальная эффективность трудового законодательства в Бразилии.

Правовую основу регулирования труда в стране составляют Конституция 1988 [9], Консолидация трудовых законов 1943 года (CLT) и ряд других законодательных актов [14, с. 1]. При этом Конституция и трудовые законы Бразилии содержат значительное число императивных норм, призванных защитить интересы работника как экономически более слабой и зависимой стороны трудового отношения [2, с. 165].

Этапы эволюции трудового законодательства Бразилии

Трудовое право Бразилии прошло сложный путь становления и развития с момента появления первых общенациональных норм о труде в 1930-е годы. Возникновение трудового законодательства в тот период было во многом стимулировано обострением рабочего движения под влиянием Великой русской революции 1917 года [5]. Базовые нормы о труде впервые закрепили ограничение продолжительности рабочего дня, оплачиваемые отпуска, минимальный размер заработной платы и ряд других гарантий. Консолидация трудовых законов 1943 года систематизировала и кодифицировала разрозненные правовые акты в единый свод.

Следующая крупная реформа трудового законодательства была осуществлена на волне процесса демократизации 1980-х годов. Конституция 1988 года дополнительно расширила трудовые права бразильских работников, закрепив 44-часовую рабочую неделю, повышенную оплату сверхурочных, увеличение продолжительности отпусков и размеров выходных пособий, защиту от необоснованных увольнений и другие гарантии [13, с.

6–8]. Многие конституционные нормы нашли отражение в последующих поправках к CLT.

Однако с начала 2000-х годов обозначился поворот к большей гибкости в регулировании трудовых отношений в русле общемировых трендов на дерегулирование рынка труда в интересах повышения экономической эффективности и конкурентоспособности бизнеса. Масштабная реформа трудового законодательства 2017 года пошла по пути ослабления ряда гарантий занятости, расширения свободы работодателя в вопросах увольнений и применения нестандартных форм найма, сужения возможностей профсоюзов влиять на условия труда и др. [4]. Эти изменения во многом отражают усиление позиций бразильского бизнеса и его стремление снизить издержки на рабочую силу в условиях обострения международной конкуренции.

Трудовой договор в Бразилии: порядок заключения и расторжения

Фундамент трудовых отношений в Бразилии составляет трудовой договор, заключение которого носит обязательный характер при найме работников. CLT предусматривает доминирование бессрочных трудовых контрактов, в то время как использование срочных договоров ограничено случаями временной работы на период не более 2 лет [15, с. 2–3].

Бразильское законодательство достаточно чётко определяет ключевые признаки трудовых отношений, подпадающих под действие трудового права. К ним относятся: личное выполнение работы физическим лицом, подчинённость работодателю в процессе труда, постоянность, возмездный характер трудовых отношений [14, с. 1–2]. Закон устанавливает единый набор базовых прав и гарантий для всех категорий работников вне зависимости от условий найма, характера труда, профессии и т.д. (за некоторыми исключениями для специфических групп – надомников, сельхозработчиков и др.).

Одной из немаловажных гарантий стабильности занятости в Бразилии – это законодательное ограничение свободы работодателя в увольнении работников. Помимо случаев грубых нарушений работником своих трудовых обязанностей, увольнение допускается в строго определённых CLT ситуациях, таких как ликвидация предприятия, технологические изменения и др. При этом работник должен быть письменно предупрежден о предстоящем увольнении минимум за 30 дней, а в случае увольнения по экономическим причинам ему полагается выходное пособие в повышенном размере [11, с. 8].

Для компенсации негативных последствий потери работы в Бразилии применяется механизм обязательных отчислений работодателя в специальный фонд FGTS в размере до 8% от заработной платы работника. При увольнении по инициативе работодателя накопленная на индивидуальном счёте работника в FGTS сумма подлежит вы-

плате вместе с дополнительной 40%-ной надбавкой. В то же время при добровольном увольнении по собственному желанию возможности работника по использованию средств FGTS существенно ограничены [14, с. 4].

Серьёзной проблемой бразильского рынка труда, характерной и для многих других развивающихся стран, включая государства БРИКС, остаётся широкое распространение неформальных и полуполюгальных форм занятости, выводящих фактические трудовые отношения из-под действия законодательства.

Maria Cristina Ramos de Vasconcellos Coelho, Ada Ávila Assunção and Soraya Almeida Belisário в статье «Employment and socio demographic characteristics: a study of increasing precarity in the health districts of Belo Horizonte, Brazil» исследовали явления постоянной и непостоянной занятости в медицинской сфере труда в городе Белу-Оризонти. Авторы пришли к выводу, что увеличение большого числа непостоянных работников в составе рабочей силы, а также растущая доля пожилых работников среди постоянно занятых и снижение реальной заработной платы в период с 2002 по 2006 год свидетельствует о процессе растущей нестабильности занятости в исследуемой группе [8].

Следует отметить, что нередко расторжение трудового договора оформляется фиктивно по взаимному согласию сторон исключительно с целью обеспечить работнику доступ к накоплениям на его счёте в FGTS без реального прекращения трудовых отношений с работодателем [6, с. 108–110].

Роль коллективно-договорного регулирования трудовых отношений

В отличие от многих других стран со сходным уровнем экономического развития, важной особенностью бразильской модели правового регулирования труда является высокая роль коллективно-договорных механизмов. Конституция Бразилии 1988 года прямо признала юридически обязывающую силу за коллективными соглашениями, заключаемыми работодателями (их объединениями) с профсоюзами. Причём такие соглашения могут предусматривать дополнительные права и гарантии для работников сверх минимальных стандартов, установленных трудовым законодательством [14, с. 4–5]. Законодательно закреплён приоритет норм коллективных договоров над индивидуальными трудовыми контрактами.

В то же время на практике реальное влияние профсоюзов и коллективно-договорного регулирования на условия труда в Бразилии не столь однозначно. Фактическая зависимость многих профсоюзов от государства и работодателей, их организационная раздробленность, недостаточно эффективные механизмы обеспечения исполнения коллективно-договорных норм снижают результативность данного института.

Нередко коллективные соглашения лишь дублируют базовые стандарты, уже предусмотрен-

ные трудовым законодательством, с минимальными дополнительными гарантиями. Работодатели зачастую обеспечивают гибкость трудовых отношений де-факто за счёт неформальных договорённостей и несоблюдения правовых норм при попустительстве со стороны государственных надзорных органов, а не через механизмы коллективно-договорного регулирования [7, с. 31–33].

Особенности регулирования труда отдельных категорий работников

Трудовое законодательство Бразилии исторически предусматривало ряд изъятий и особенностей в регламентации трудовых отношений некоторых категорий работников с учётом специфики сфер и условий их занятости. Так, для сельскохозяйственных работников в периоды пиковой нагрузки (посевная, уборка урожая) может устанавливаться увеличенная продолжительность рабочего дня до 12 часов в сутки, тогда как общее ограничение составляет 8–10 часов [16, с. 706–708].

Ключевым этапом в повышении трудовых прав сельхозработчих стало принятие в 1963 году специального Статута сельского работника. Он распространил на данную категорию занятых гарантии ограничения рабочего времени, оплачиваемых отпусков, выходных пособий при увольнении и ряд других стандартов [16, с. 709–710]. Это стимулировало рост постоянной занятости в аграрном секторе Бразилии в 1970-е годы, хотя значение временного найма и неформальной занятости в отрасли остаётся высоким.

Другой исторически угнетённой в трудовых правах категорией выступали домашние работники, которые до принятия конституционной поправки 2013 года были лишены многих базовых гарантий, предусмотренных CLT [10, с. 12]. Данная поправка формально уравнила домашний персонал в трудовых правах с другими категориями работников. Однако на практике неформальная занятость в этом сегменте рынка труда всё ещё широко распространена.

Сравнительно-правовой анализ бразильской модели

В сравнении с правовыми системами регулирования труда других стран БРИКС бразильская модель отличается сравнительно высокой степенью формализации трудовых отношений и детализированным законодательным регулированием в интересах защиты работников [1, с. 204–205]. В 2023 году доля неформальной занятости в Бразилии составила 37% от общей численности занятого населения [12]. Вместе с тем общей проблемой всех стран БРИКС остаётся слабость правоприменения и государственного контроля за соблюдением трудовых норм.

Определённое сходство прослеживается между бразильской моделью и системой регулирования труда США в части значимой роли коллективно-договорных механизмов. В то же время по уров-

ню законодательной регламентации и защиты интересов работников Бразилия стоит ближе к континентально-европейским странам, в частности Германии. Так, если в США многие ключевые аспекты трудовых отношений (оплата труда, рабочее время, порядок увольнений и др.) определяются преимущественно на уровне индивидуальных трудовых контрактов, то бразильское и немецкое право предусматривают детальное законодательное регулирование этих вопросов [6, с. 101–110]. При этом набор формально-юридических гарантий в трудовой сфере в Бразилии занимает промежуточное положение между германской социальной моделью и более либеральной англо-саксонской.

Характерно, что общемировые тренды на дерегулирование рынка труда и ослабление профсоюзов, отчётливо проявившиеся с конца XX века на фоне глобализации, затронули в той или иной степени все ключевые страны независимо от региона и уровня экономического развития – как государства БРИКС (включая Бразилию), так и развитые экономики Запада [7, с. 28–29]. Это во многом связано с усилением международной конкуренции и давлением бизнеса в пользу увеличения гибкости трудовых отношений.

Вместе с тем прямолинейное применение дерегулятивных подходов без учёта социально-экономических реалий развивающихся стран (масштабы бедности и неформальной занятости, неэффективность институтов и др.) способно привести не столько к росту адаптивности рынка труда, сколько к ухудшению положения широких слоёв работников и подрыву трудовых стандартов. В этих условиях ключевой задачей для Бразилии становится поиск оптимального баланса между повышением гибкости правового регулирования в интересах экономического развития и надёжными гарантиями основополагающих прав наёмных работников.

Заключение

Трудовое законодательство Бразилии представляет собой одну из наиболее развитых правовых систем в сфере регулирования трудовых отношений среди стран с формирующимся рынком. Оно характеризуется значительным массивом формально-юридических гарантий защиты интересов работников, сочетающимся с традиционными для развивающихся государств проблемами слабости правоприменения и правореализации, деформализации и прекаризации занятости на практике. Эта двойственность во многом обусловлена сложившимися социально-экономическими реалиями Бразилии.

Характерной тенденцией последних десятилетий стало то, что бразильская модель регулирования постепенно меняется: жесткая законодательная регламентация уходит на второй план; большое значение имеет гибкость и дерегулирования рынка труда. Эти сдвиги призваны в первую очередь отразить интересы национального бизнеса и способствовать повышению эффективности эконо-

номики в условиях обострения глобальной конкуренции. В то же время избыточная либерализация трудового законодательства несёт в себе риски ослабления защищённости работников и подрыва сложившейся в Бразилии системы трудовых отношений.

В этом контексте ключевыми приоритетами дальнейшей модернизации трудового права Бразилии представляются следующие.

1. Обеспечение разумного баланса между адаптивностью регулирования к потребностям экономического развития и необходимостью защиты базовых прав и интересов работников.
2. Акцент на повышение эффективности правоприменения, контроля и надзора за соблюдением трудовых норм, а не только на формальное совершенствование законодательства.
3. Разработка комплекса мер стимулирования и поддержки процессов формализации трудовых отношений, особенно в проблемных сегментах рынка труда с преобладанием нелегальной занятости.
4. Упорядочение системы коллективно-договорного регулирования, создание полноценных правовых и институциональных условий для эффективного социального диалога работников и работодателей.
5. Адаптация трудового законодательства к изменениям в структуре занятости и организации труда, связанным с распространением дистанционной работы, аутсорсинга и нестандартных форм найма.

Продуманные и последовательные шаги в этих направлениях позволят полнее раскрыть позитивный потенциал бразильской модели правового регулирования труда, смягчить проявления накопленных дисбалансов и содействовать более устойчивому и инклюзивному развитию страны. При этом крайне важен учёт национальной специфики и поэтапность трансформаций во избежание дестабилизации сложившейся системы социально-трудовых отношений.

Литература

1. Беликова К.М. Механизмы и перспективы взаимодействия стран БРИКС в сфере трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: тр. междунар. науч.-практ. конф. ИНИОН РАН, 2015. Т. 2. С. 204–205. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/2657/2016_briks.pdf
2. Беликова К. М. О некоторых проблемах применения национальных, международных и региональных коллизионных предписаний, действующих в сфере трудовых отношений в странах БРИКС // Legal Concept. 2015. № 3. С. 164–178. – URL: [3. Дружилов С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2 \[Электронный ресурс\]. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/9491> \(дата обращения: 02.11.2024\).
 4. Трудный процесс трансформации Бразилии в XXI веке. 2021. – URL: <https://clck.ru/3AVu8e>
 5. Удодов Г.А. Влияние Великой русской революции на процессы принятия трудового законодательства в Бразилии \(1917–1920 гг.\) // Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики: материалы конф. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 109–112. – URL: <https://disk.yandex.ru/i/GJrzOulcq7FU4w>
 6. Camargo J.M. Fake contracts: justice and labor contracts in Brazil // The Third Dimension of Labor Markets: Demand, Supply and Institutions in Brazil. New York: Nova Science Publishers Inc., 2006. P. 101–110. – URL: \[https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=jmgPrWnwu-oC&oi=fnd&pg=PA101&dq=employment+contract+brazil&ots=a2thODcAoE&sig=5pSx9-P8IgSN2gulB-0Wd2jDeW8c&redir_esc=y#v=onepage&q=employment%20contract%20brazil&f=false\]\(https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=jmgPrWnwu-oC&oi=fnd&pg=PA101&dq=employment+contract+brazil&ots=a2thODcAoE&sig=5pSx9-P8IgSN2gulB-0Wd2jDeW8c&redir_esc=y#v=onepage&q=employment%20contract%20brazil&f=false\)
 7. Cardoso A. Industrial relations, social dialogue and employment in Argentina, Brazil and Mexico. International Labour Office, 2004. 90 p. – URL: \[https://www.researchgate.net/publication/5115588-Industrial_relations_social_dialogue_and_employment_in_Argentina_Brazil_and_Mexico?enrichId=rgreq-3388045e1b2c83789a80bcff-58d3e6c6-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdIoZUxMTU1ODg7QVM6MzA5MTY4MTkw-MjMwNTMyQDE0NTA3MjI4NDg3NDg%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf\]\(https://www.researchgate.net/publication/5115588-Industrial_relations_social_dialogue_and_employment_in_Argentina_Brazil_and_Mexico?enrichId=rgreq-3388045e1b2c83789a80bcff-58d3e6c6-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdIoZUxMTU1ODg7QVM6MzA5MTY4MTkw-MjMwNTMyQDE0NTA3MjI4NDg3NDg%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf\)
 8. Coelho M. C. R. V., Assunção A.Á., Belisário S.A. Employment and sociodemographic characteristics: a study of increasing precariousity in the health districts of Belo Horizonte, Brazil // Human Resources for Health. 2009. Vol. 7. P. 1–13. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/1478-4491-7-56>
 9. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 \(con Emenda Constitucional nº 45, de 2004\). – Electronic text data. – Mode of access: \[http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/ConstituicaoCompilado.htm\]\(http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/ConstituicaoCompilado.htm\) \(date of access: 01.11.2024\).
 10. Dias M., Abdanur K., Finamor A.L. et al. Domestic Workers' Rights in Brazil: Improvement of Labor Regulation // Humanities and Social Sciences Review. 2014. Vol. 3. N. 2. P. 9–21. – URL: \[ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА\]\(https://www.researchgate.net/profile/Murillo-Dias/publication/328415009_DOMESTIC_WORKERS'_RIGHTS_IN_BRAZIL_IMPROVEMENT_OF_LABOR_REGULATION/links/5bcc921b458515f7d9cf0d9e/DOMES-</div><div data-bbox=\)](https://cyberleninka.ru/article/n/onekotoryh-problemah-primeneniya-natsionalnyh-</div><div data-bbox=)

TIC-WORKERS-RIGHTS-IN-BRAZIL-IMPROVEMENT-OF-LABOR-REGULATION.pdf

11. Gonzaga G., Maloney W.F., Mizala A. Labor turnover and labor legislation in Brazil [with comments] // *Economia*. 2003. Vol. 4. N. 1. P. 1–48. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/175962/1/td475.pdf>
12. Informal employment as percentage of total employment in Brazil from 2011 to 2023– Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/1232760/informal-employment-share-brazil/> (date of access: 01.11.2024).
13. Marshall A. Labour market policies and regulations in Argentina, Brazil and Mexico: Programmes and impacts // International Labour Office. 2004. N. 2004–13. P. 1–60. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=926e06d42f828596fde6cbc797643de518cd04ab>
14. Moreira P. Labor Law in Brazil (Part-I) // M&P Legal Note. 2014. Vol. 2. N. 2. P. 1–5. – URL: https://jmatsuda-law.com/info/dl/news/2014_02_02_en.pdf
15. Moreira P. Labor Law in Brazil (Part-II) // M&P Legal Note. 2014. Vol. 3. N. 1. P. 1–4. – URL: https://jmatsuda-law.com/info/dl/news/2014_03_01_en.pdf
16. Schaffner J.A. Rural labor legislation and permanent agricultural employment in Northeastern Brazil // *World Development*. 1993. Vol. 21. N. 5. P. 705–719. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0305750X93900288>

FEATURES OF LABOR AND COLLECTIVE AGREEMENTS IN BRAZIL

Shumilin A.V.

Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)

The article is devoted to the analysis of the specifics of legal regulation of individual and collective labor contracts in Brazil. The key aspects of concluding and terminating employment contracts, as well as the peculiarities of labor regulation in certain industries and categories of employed persons, are considered. The main milestones in the evolution of Brazilian labor legislation in the 20th–21st centuries are analyzed in comparison with the experience of other BRICS countries, the USA, and Germany. The combination of a developed system of formal labor guarantees and problems with their implementation in practice under the conditions of high informal employment in Brazil is revealed. Priority directions for further improvement of the Brazilian model of legal regulation of labor are proposed.

Keywords: Brazil, labor law, BRICS countries, employment contract, collective agreement, trade unions, informal employment, de-regulation of the labor market.

References

1. Belikova K.M. Mechanisms and Prospects for Interaction of the BRICS Countries in the Sphere of Labor Relations Complicated by a Foreign Element // *BRICS Countries: Development Strategies and Mechanisms of Interaction and Cooperation in a Changing World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. INION RAS*, 2015. Vol. 2. Pp. 204–205. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/2657/2016_briks.pdf
2. Belikova K.M. On Some Problems of Applying National, International, and Regional Conflict of Laws Rules in Force in the Sphere of Labor Relations in the BRICS Countries // *Legal Con-*

cept. 2015. No. 3. Pp. 164–178. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-primeneniya-natsionalnyh-mezhdunarodnyh-i-regionalnyh-kollizionnyh-predpisaniiy-deystvuyuschih-v-sfere-trudovyh>

3. Druzhilov S.A. Precariat and informal employment in Russia: socio-psychological aspects // *Humanitarian scientific research*. 2015. No. 1. Part 2 [Electronic resource]. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/9491> (date of access: 02.11.2024).
4. The difficult process of transformation of Brazil in the 21st century. 2021. – URL: <https://clck.ru/3AVu8e>
5. Udodov G.A. The influence of the Great Russian Revolution on the processes of adoption of labor legislation in Brazil (1917–1920) // *Implementation and protection of civil rights and interests of the Russian police: theoretical and practical issues: conf. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021. Pp. 109–112. – URL: <https://disk.yandex.ru/i/GJrz0ulcq7FU4w>
6. Camargo J.M. Fake contracts: justice and labor contracts in Brazil // *The Third Dimension of Labor Markets: Demand, Supply and Institutions in Brazil*. New York: Nova Science Publishers Inc., 2006. P. 101–110. – URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=jmgPrWnwu-oC&oi=fnd&pg=PA101&dq=employment+contract+brazil&ots=a2thOD-cAoE&sig=5pSx9-P8IgSN2guIB0Wd2jDeW8c&redir_esc=y#v=onepage&q=employment%20contract%20brazil&f=false
7. Cardoso A. Industrial relations, social dialogue and employment in Argentina, Brazil and Mexico. International Labor Office, 2004. 90 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/5115588_Industrial_relations_social_dialogue_and_employment_in_Argentina_Brazil_and_Mexico?enrichId=rgreq-3388045e1b2c83789a80bcff58d3e6c6-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdOzUxMTU1ODg7QVM6MzA5MTY4MTkwMjMwNTMyQDE0NTA3MjI4NDg3NDg%3D&el=1_x_2_&esc=publication-CoverPdf
8. Coelho M. C. R. V., Assunção A. Á., Belisário S.A. Employment and sociodemographic characteristics: a study of increasing precarity in the health districts of Belo Horizonte, Brazil // *Human Resources for Health*. 2009. Vol. 7. P. 1–13. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/1478-4491-7-56>
9. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 (con Emenda Constitucional nº 45, de 2004). – Electronic text data. – Mode of access: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/ConstituicaoCompilado.htm (date of access: 11/01/2024).
10. Dias M., Abdanur K., Finamor A.L. et al. Domestic Workers' Rights in Brazil: Improvement of Labor Regulation // *Humanities and Social Sciences Review*. 2014. Vol. 3. N. 2. P. 9–21. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Murillo-Dias/publication/328415009_DOMESTIC_WORKERS'_RIGHTS_IN_BRAZIL_IMPROVEMENT_OF_LABOR_REGULATION/links/5bcc921b458515f7d9cf0d9e/DOMESTIC-WORKERS-RIGHTS-IN-BRAZIL-IMPROVEMENT-OF-LABOR-REGULATION.pdf
11. Gonzaga G., Maloney W.F., Mizala A. Labor turnover and labor legislation in Brazil [with comments] // *Economia*. 2003. Vol. 4. N. 1. P. 1–48. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/175962/1/td475.pdf>
12. Informal employment as percentage of total employment in Brazil from 2011 to 2023– Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/1232760/informal-employment-share-brazil/> (date of access: 11/01/2024).
13. Marshall A. Labor market policies and regulations in Argentina, Brazil and Mexico: Programs and impacts // International Labor Office. 2004. N. 2004–13. P. 1–60. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=926e06d42f828596fde6cbc797643de518cd04ab>
14. Moreira P. Labor Law in Brazil (Part-I) // M&P Legal Note. 2014. Vol. 2. N. 2. P. 1–5. – URL: https://jmatsuda-law.com/info/dl/news/2014_02_02_en.pdf
15. Moreira P. Labor Law in Brazil (Part-II) // M&P Legal Note. 2014. Vol. 3. N. 1. P. 1–4. – URL: https://jmatsuda-law.com/info/dl/news/2014_03_01_en.pdf
16. Schaffner J.A. Rural labor legislation and permanent agricultural employment in Northeastern Brazil // *World Development*. 1993. Vol. 21. N. 5. P. 705–719. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0305750X93900288>

Средства доказывания и квалифицирующие признаки состава преступления при рассмотрении судами уголовных дел о коррупции

Акименко Елена Сергеевна,

старший преподаватель кафедры публичного и частного права ФГКВООУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»
E-mail: akimenko.elena.don@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, относящиеся к антикоррупционной нагрузке принципа независимости судей. Обозначены сложности, возникающие при рассмотрении дел по фактам коррупционных нарушений. Исследованы решения и постановления судов различных уровней. Проанализированы материалы судебной практики рассмотрения дел по фактам коррупционных нарушений. Рассмотрены способы доказывания и случаи переквалификации состава преступления. Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство. Рассмотрены взгляды и точки зрения учёных на проблему коррупции, обозначен единый вектор мнений по исследуемому вопросу. Дана авторская характеристика сложнейшему явлению современности в виде коррупции. Рассмотрены причины и условия появления коррупции. Проведён анализ возникновения предпосылок к трансформации коррупции. Обращено внимание на актуальность рассмотрения дел по фактам коррупционных нарушений.

Ключевые слова: принцип независимости судей, коррупция, исполнение публичных функций, средства доказывания, преступление.

Коррупция сродни вирусу, угрожающему здоровому обществу уничтожением. Вирус губит население городов, государств, стран хаотично, не разбирая, для него есть цель – попасть в организм и разрушить его, погубив. И от воли человека здесь мало что зависит, косвенно в борьбе с вирусом играют роль иммунитет, здоровый образ жизни, профилактические мероприятия. Коррупция, проблема номер один современного общества, угрожает экономическому росту и развитию государства, проявляет себя в совершенно различных сферах жизни, она не вспыхивает как вирус, она приспосабливается к новым экономическим реалиям, учитывая этнические, культурные, национальные особенности общества. Но носителем, инициатором ее «присутствия в организме», так сказать, является индивид, человек. Воля граждан и должностных лиц на совершение коррупционных нарушений есть самый главный мотив, включающий в себя желание противоправного поведения, осознанно, вопреки нормам правового общества, вопреки ценностям, личным ориентирам. Проблема коррупции носит всеобъемлющий характер, представляется краеугольным камнем, мешающим гражданам сохранять и использовать установленные в обществе правила без пороков, порождённых коррупцией.

Для многих должностных лиц коррупция представляется неременной долевой частью механизма государственного управления, максимально благоприятным и эффективным механизмом и способом для собственного обогащения. Размышляя над особенностями свойств коррупции, следует отметить, что она характеризуется высокой степенью латентности, разрушает общественные связи устои и способствует ускорению отравления общества.

Коррупционеры, действуя в своих интересах, осуществляя свои преступные замыслы, противопоставляют интересы собственные интересам государства и общества, ведь подобная преступная система позволяет им незаконно и преступно в своем интересе пользоваться чужими материальными благами. М.А. Сажаева упоминала в своих трудах данное социальное явление следующим образом: «Коррупция – это непрерывная цепь продаж должностных полномочий в пользу своего коррупционного процветания» [3].

Если в обществе присутствует какое-либо явление, будь оно «отрицательное» либо «положительное» по отношению к закону и нормам морали, по прошествии времени исследователи станут классифицировать, подразделять на виды, диффе-

ренцировать данное явление, предлагая свои пути решения, борьбы, если необходимо, рассматривать пути противодействия.

Несомненно, в нашем обществе борьба с коррупцией не только ведётся, но усиливается из-за непременно и непрерывно меняющегося мира, удивительным образом форсирующего прогресс, технологии, и порой пытающегося его остановить.

Автор несомненно склонен считать, что коррупция по своей сути является антисоциальным и антиправовым явлением. Несмотря на наше убеждение, коррупция как зло истончает многие пласты общественной жизни. Показательно определение, данное Хабриевой Т.Я: «коррупция является существенным препятствием для развития институтов гражданского общества, правосознания граждан, для полноценного функционирования политической, экономической, образовательной систем. Она порождает серьезные диспропорции в системе государственного и муниципального управления, искажая и попирая нормы морали» [4]. С мнением учёного нельзя не согласиться.

Анализ научной литературы по исследуемой в данной статье проблематике показал, что отечественные авторы довольно часто склоняются к установлению первопричин коррупционного поведения должностных лиц различных ветвей власти, учитывая такую классификацию, как территориальная принадлежность, так называемая региональная коррупция, и, освещая проблемы коррупции, объектом исследования авторов выступает какой либо отдельно взятый регион Российской Федерации, например, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня, Бурятия, Астраханская область, Краснодарский край. Зачастую коррупция процветает в наиболее значимых направлениях деятельности отдельно взятого региона государства: чем богат регион, в той сфере деятельности и будет наибольшая вероятность концентрации коррупционных мотиваций. Таким образом, имеется вероятность проследить детерминацию поведения, вызванного коррупционной мотивацией сквозь вектор версии субкультуры.

Классифицируя коррупцию по зонам её присутствия, можно отметить следующее: наиболее часто коррупция встречается в сферах «ручного», а не «автоматизированного» управления, то есть коррупционным путём решаются вопросы, находящиеся в ведении должностных лиц, от которых напрямую зависит решение того или иного вопроса через его непосредственную реализацию путём выдачи необходимого документа, принятия решения относительно некоторых юридических фактов и др. Данный вариант коррупционных схем минимизирует использование многоступенчатого автоматизированного контроля над реализацией должностными лицами своих обязанностей по должности. Подобный вид коррупции сохраняет свою живучесть в силу простоты реализации, применение минимума необходимых элементов. Сложнее реализовать коррупционный замысел преступного поведения (автор надеется на скорую невоз-

можность подобной реализации в будущем) в области гражданско-правовых, административно-властных, уголовно-правовых отношений в тех случаях, когда налицо абсолютно прозрачный учёт и систематизация данных, невозможность подтасовки данных через ведение электронного документооборота, автоматизации действий, цифровизации и кодификации данных. Яркими примерами могут послужить такие, как введение системы электронной очереди на принятие детей в детский сад, в первый класс, введение электронного рейтинга поступающих в высшие учебные заведения. Введя подобные организационные решения, законодателю удалось в достаточной мере вытравить коррупционные схемы, существовавшие ранее.

Многие научные статьи посвящены способам борьбы с коррупцией. Если рассматривать предлагаемые способы в нашем государстве, наиболее часто приводятся такие, как воспитание нетерпимого отношения к коррупционному поведению, повышение антикоррупционного правосознания граждан, улучшение уровня благосостояния населения, увеличение заработных плат государственным служащим, введение антикоррупционных стандартов. Имеется ввиду не только принятие на работу (службу) граждан с безупречной репутацией, но и законодательное установление для них «единой системы запретов, ограничений и дозволений» [1].

Представляется совершенно естественным, и, к слову, одним из эффективных способов борьбы с коррупцией такой инструмент, как цифровизация, использование полиграфа, использование информационно-коммуникационных технологий как антикоррупционных технологий на фронте борьбы с коррупцией. Проводниками в области борьбы с коррупцией служат программы и технологии, где ручное влияние на конечный результат человека минимален.

Представители всех ветвей власти ведут непрерывную профилактику борьбы с коррупцией, последнее время данной борьбе уделяется большое внимание. Организовываются вечера информирования в образовательных учреждениях, проводятся конференции различных уровней, всероссийские, с международным участием, межвузовские, на которых участники делятся опытом и вырабатывают предложения по совершенствованию профилактики коррупционных преступлений и правонарушений.

Антикоррупционная нагрузка для судебной системы нашего государства выражается, по мнению автора, в создании для ее участников таких условий, при которых они могли бы рассматривать дела по коррупционным преступлениям будучи ограждены от какого-либо воздействия, руководствуясь исключительно законом, внутренним убеждением, правосознанием, доказательствами вины и надлежащим их исследованием, отсутствием любого давления на судью. И если процессуально данный принцип обеспечен путём условия о постановлении приговора в специальном помещении – сове-

щательной комнате, то к сложностям, возникающим при рассмотрении дел по фактам коррупционных нарушений целесообразно отнести давление на судей со стороны, посторонних лиц.

Автор обращает внимание читателя на имеющееся многочисленное количество вынесенных за последние годы приговоров, обвинительных, оправдательных, постановлений, изменяющих вынесенные приговоры. Нижеприведённые примеры говорят нам о сложностях и в вынесении постановлений, и о сложностях установления квалифицирующих признаков.

Пример 1: Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 290 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Данный гражданин, являясь должностным лицом, через посредника, получил денежную взятку за незаконные действия, выразившиеся в собственноручном внесении в экзаменационный лист фальсифицированных данных о сдаче обучающимися в школе подготовки водителей теоретического экзамена на право управления транспортным средством категории «В» без фактической проверки и оценки знаний ими правил дорожного движения (9 эпизодов), всего на сумму 162 000 рублей, будучи начальником регистрационно-экзаменационного отделения межрайонного регистрационно-экзаменационного отдела ГИБДД ГУ МВД России, представителем власти, принимал обязательные к исполнению решения, занимаясь организационно-распорядительными функциями на своей службе, в своей профессиональной деятельности обязан был исполнять требования должностного регламента, согласно которому начальник регистрационно-экзаменационного отделения осуществляет личный приём граждан, производит рассмотрение жалоб, заявлений и отзывов заявителей, в том числе на качество и доступность получения государственных услуг, направляет ответы заявителям; организует работу подчиненных сотрудников и непосредственно персонально отвечает за задачи и функции подразделения; подписывает водительские удостоверения и другие документы, необходимые для допуска транспортных средств и их водителей к участию в дорожном движении; обеспечивает соблюдение личным составом подразделения законности, а также правомерности их действий при исполнении служебных обязанностей; контролирует соблюдение подчиненными сотрудниками требований федеральных законов, постановлений Правительства Российской Федерации, обеспечивает приём квалификационных экзаменов на право управления транспортными средствами в строгом соответствии с действующим порядком; осуществляет контроль за соблюдением правил сдачи и непосредственно приёма экзаменов, предоставляющих право управления транспортными средствами подчиненными сотрудниками; обеспечивает в порядке, определённом нормативными правовыми документами, качественное и своевременное предоставление государственных услуг по регистрации транспорта,

приёму квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений; осуществляет приём практических экзаменов по первоначальным навыкам управления транспортными средствами различных категорий, подкатегорий. Судом установлено, что Г. предвидел неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде: нарушения нормального функционирования деятельности возглавляемого им в системе ГИБДД отделения экзаменационной работы, дискредитации органов правопорядка в глазах населения, подрыва их авторитета, деформирования правосознания граждан, а также возможного допуска кандидата в водители, не обладающего достаточными теоретическими знаниями правил дорожного движения, к последующей сдаче практического экзамена управления транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, и желающего их наступления, умышленно, из корыстных побуждений, вопреки интересам службы. Вынося приговор и назначая подсудимому Г. наказания суд учёл степень общественной опасности совершенных им преступлений, исследовал личность виновного. Учтены были и условия жизни его семьи. По совокупности преступлений, путём частичного сложения назначенных наказаний, окончательно назначено Г. наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [5]. Особо подчеркнём, что, вынося приговор, что суд самостоятельно дополнительно посчитал необходимым лишить права Г. на три года занимать должности на государственной службе в правоохранительных органах Российской Федерации, связанные с осуществлением функций представителя власти.

Анализируя приговор в приведённой выше части, автор настоящей статьи предлагает внести изменения в действующее законодательство и закрепить полный запрет для преступивших закон коррупционеров занимать оговоренные должности.

Нормативная правовая база не совершенна в данном направлении и требует дополнений и разъяснений, а эффективным инструментом в борьбе с коррупцией, несомненно, является повышение профессионального и образовательного уровня правоприменителей и граждан.

Пример 2: Приведём пример перекалфикации действий осуждённого и освобождения его из-под стражи. Должностное лицо, оперуполномоченный отдела экономической безопасности М., был осуждён по пункту «б» части 5 статьи 290 УК РФ, к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, однако Верховный Суд Российской Федерации перекалфицировал действия осуждённого по приговору суда на часть 1 статьи 290 УК РФ, назначил ему наказание – штраф, равный 25-кратной сумме взятки, в размере 2,5 миллионов рублей; применил часть 5 статьи 72 УК РФ и учёл срок пребывания осуждённого под стражей, освободив М. от отбывания назначенного ранее наказания –

лишения свободы, освободив осужденного из-под стражи незамедлительно.

Из приговора суда по делу М. усматривается, что он проводил доследственную проверку в отношении некоего гражданина, завершив которую вариантами решений было как вынести процессуальное решение в пользу гражданина, так и нет, а именно данное решение могло быть основанием привлечения проверяемого к уголовной ответственности. Понимая данное условие, М. потребовал взятку в размере 100 тысяч рублей, получив её, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина. Суд применил квалифицирующий признак совершения преступления «с вымогательством взятки», однако вышестоящая инстанция, пересматривая дело, решила, что данный признак вменен излишне. Постановление в отношении осуждённого признано незаконным и необоснованным, изменено согласно вышеизложенному.

Более того, необходимо учитывать, что мера пресечения в виде лишения свободы назначается осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, при наличии отягчающих обстоятельств, чего в данном деле не имелось. Судебная коллегия правомерно установила имеющиеся смягчающие обстоятельства и назначила наказание в виде штрафа, равного 25-кратной сумме взятки, в размере 2,5 миллиона рублей, а, учитывая срок содержания М. под стражей в течение более чем двух лет, посчитала возможным освободить М. от отбывания этого наказания незамедлительно [6].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации установил излишним применение нижестоящими судами такого квалифицирующего признака совершения преступления, как «с вымогательством взятки» и переквалифицировал преступление М., выразившееся в обязанности уплатить штраф и приобретении ним свободы.

Приведённые примеры судебной практики позволяют сделать вывод, что рассмотрение дел по коррупционным преступлениям требует всестороннего, объективного, полного, законного разбирательства, учёта всех обстоятельств, дабы не осудить невиновного и не оставить без наказания истинного преступника.

Литература

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Окутина Н.Н. Понятие и сущность коррупции в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 52–56.
3. Сажаева М.А. Коррупционная составляющая должностных преступлений // Закон и право. 2019. № 1. С. 98.

4. Хабриева Т.Я. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / Т.Я. Хабриева, С.Б. Иванов, Ю.А. Чиханчин. М., 2016. 148 с.
5. Приговор № 1–137/2023 1–2/2024 от 19 февраля 2024 г. по делу № 1–91/2022 // Консультант плюс, дата обращения 24.11.2024.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.10.2018 по делу № 19-УД18–25// Консультант плюс, дата обращения 03.12.2024 // <https://1jur.ru>.
7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2021 по делу № 77–14/2021/<https://1jur.ru>.
8. Меньших А.И. Международно-правовые акты по противодействию коррупции, их роль и значение в вопросах противодействия коррупции. В сборнике: Устойчивое развитие региона: проблемы и тенденции. Материалы международной научно-практической конференции. Липецк, 2022. С. 806–809.
9. Филиппов Д.А. Влияние коррупции на развитие инновационной деятельности: сопоставление индекса восприятия коррупции и индекса инноваций. Плехановский барометр. 2020. № 2. С. 56–59.
10. Русецкий А.Е. Венецкий М.М. Понятие коррупции. Основы профилактики коррупции в организациях. Бюджетный учет. 2019. № 3 (171). С. 52–57.
11. Шахтаханов Е.Л., Димитриева Е.Н. Коррупция как социальное явление и направления совершенствования противодействия коррупции в системе государственной службы. Столица науки. 2019. № 6 (11). С. 158–167.
12. Вашкевичус В.В. Сущность коррупции и методы борьбы с коррупцией в России. Студенческий вестник. 2020. № 27–1 (125). С. 45–46.
13. Муфтахов Р.Р. Понятие коррупции в российском законодательстве, основные направления противодействия коррупции. Социальное управление. Электронное приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». 2022. Т. 4. № 1. С. 63–68.
14. Коваль В.Д. Противодействие коррупции в таможенных органах в системе общегосударственных мер противодействия коррупции: международно-правовой аспект. Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 11А. С. 70–76.
15. Столярова И.В. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы правопонимания. Актуальные исследования. 2022. № 50–2 (129). С. 42–44.
16. Кокорев А.Н., Прудников С.Н. Федеральный Закон «О противодействии коррупции» как правовая основа борьбы с коррупцией и перспективы его совершенствования. Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 44–48.

17. Власенко М.А. Коррупция власти и власть коррупции. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 10 (28). С. 78–81.
18. Дранишникова А.С. О проблемах борьбы с коррупцией в современной России и международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции. В сборнике: Актуальные проблемы юриспруденции. 2020. С. 64–74.
19. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. Монография / Сер. 28 Актуальные монографии. (1-е изд.) Москва, 2019.
20. Гайсин Н.И. К вопросу о противодействии коррупции путем внедрения в российское законодательство мер, формирующих нетерпимое отношение к коррупции. В сборнике: Проблемы и перспективы внедрения в российское законодательство зарубежного опыта противодействия коррупции. Доклады Научно-практической конференции. Под редакцией И.Р. Гарифуллина. 2019. С. 63–65.
4. Khabrieva T. Ya. Combating corruption: new challenges: monograph / T. Ya. Khabrieva, S.B. Ivanov, Yu.A. Chikhanchin. Moscow, 2016. 148 p.
5. Sentence No. 1–137/2023 1–2/2024 of February 19, 2024 in case No. 1–91/2022 // Consultant plus, access date November 24, 2024.
6. Cassation ruling of the Criminal Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2018 in case No. 19-UD18–25 // Consultant plus, access date December 3, 2024 // <https://1jur.ru>.
7. Cassation ruling of the Criminal Chamber of the First Cassation Court of General Jurisdiction of January 19, 2021 in case No.77–14/2021/<https://1jur.ru>.
8. Menshikh A.I. International legal acts on combating corruption, their role and significance in matters of combating corruption. In the collection: Sustainable development of the region: problems and trends. Proceedings of the international scientific and practical conference. Lipetsk, 2022. Pp. 806–809.
9. Filippov DA The impact of corruption on the development of innovation: a comparison of the corruption perception index and the innovation index. Plekhanov Barometer. 2020. No. 2. Pp. 56–59.
10. Rusetsky AE, Venetsky MM The concept of corruption. Fundamentals of corruption prevention in organizations. Budgetary accounting. 2019. No. 3 (171). Pp. 52–57.
11. Shakhthakhanov EL, Dimitrieva EN Corruption as a social phenomenon and areas for improving anti-corruption in the civil service system. The capital of science. 2019. No. 6 (11). P. 158–167.
12. Vashkevich V.V. The nature of corruption and methods of combating corruption in Russia. Student Bulletin. 2020. No. 27–1 (125). P. 45–46.
13. Muftakhov R.R. The concept of corruption in Russian legislation, the main directions of combating corruption. Social management. Electronic supplement to the scientific and practical journal «Law and Order: History, Theory, Practice». 2022. Vol. 4. No. 1. P. 63–68.
14. Koval V.D. Combating corruption in customs authorities in the system of nationwide measures to combat corruption: international legal aspect. Issues of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. No. 11A. P. 70–76.
15. Stolyarova I.V. Corruption and Anti-Corruption: Problems of Legal Understanding. Current Research. 2022. No. 50–2 (129). P. 42–44.
16. Kokorev A.N., Prudnikov S.N. Federal Law «On Combating Corruption» as a Legal Basis for the Fight against Corruption and Prospects for its Improvement. Criminological Journal. 2021. No. 3. P. 44–48.
17. Vlasenko M.A. Corruption of Power and the Power of Corruption. Journal of Scientific Publications of Postgraduate and Doctoral Students. 2008. No. 10 (28). P. 78–81.
18. Dranishnikova A.S. On the Problems of the Fight against Corruption in Modern Russia and International Cooperation in the Sphere of Combating Corruption. In the collection: Actual problems of jurisprudence. 2020. Pp. 64–74.
19. Nisnevich Yu.A. Politics and corruption: corruption as a factor in the global political process. Monograph / Series. 28 Actual monographs. (1st ed.) Moscow, 2019.
20. Gaisin N.I. On the issue of combating corruption by introducing measures into Russian legislation that form an intolerant attitude towards corruption. In the collection: Problems and prospects for the introduction of foreign experience in combating corruption into Russian legislation. Reports of the Scientific and Practical Conference. Edited by I.R. Garifullin. 2019. Pp. 63–65.

MEANS OF PROOF AND QUALIFYING SIGNS OF A CRIME WHEN CONSIDERING CRIMINAL CASES OF CORRUPTION BY COURTS

Akimenko E.S.

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

The article discusses issues related to the anti-corruption burden of the principle of judicial independence. The difficulties that arise when considering cases of corruption violations are outlined. The decisions and rulings of courts of various levels are investigated. The materials of judicial practice of consideration of cases on the facts of corruption violations are analyzed. The methods of proof and cases of reclassification of the corpus delicti are considered. Proposals have been formulated to amend the current legislation. The views and points of view of scientists on the problem of corruption are considered, and a single vector of opinions on the issue under study is outlined. The author's characteristic of the most complex phenomenon of modernity in the form of corruption is given. The analysis of the emergence of prerequisites for the transformation of corruption is carried out. Attention is drawn to the relevance of considering cases of corruption violations, which contributes to the fight against corruption in general.

Keywords: the principle of judicial independence, corruption, performance of public functions, means of proof, crime.

References

1. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 08.08.2024) «On Combating Corruption» <http://pravo.gov.ru> – access date 24.11.2024.
2. Okutina N.N. Concept and essence of corruption in modern Russia // State power and local self-government. 2022. No. 2. Pp. 52–56.
3. Sazhayeva M.A. Corruption component of official crimes // Law and right. 2019. No. 1. P. 98.

Законодательство об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд в России и зарубежных странах

Богатырев Валерий Иванович,

аспирант Марийского государственного университета
E-mail: real22558@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу уголовного законодательства о государственных закупках в Российской Федерации и зарубежных странах, с акцентом на выявление основных плюсов и минусов различных подходов к регулированию этой сферы. В работе исследуются особенности уголовно-правового регулирования государственных закупок в США, Федеративной Республики Германии (ФРГ), Китае, Эстонской Республики, Кыргызстане, Беларуси. Акцент сделан на анализ существующих норм и правил, регулирующих антикоррупционную деятельность и предотвращение правонарушений в данной области. Особое внимание уделено мерам, принимаемым для предотвращения преступлений, а также эффективности действующих санкций. Основное внимание уделяется необходимым изменениям, которые могут способствовать повышению эффективности использования бюджетных средств и снижению коррупционных рисков.

Ключевые слова: Государственные закупки, законодательство, Россия, США, ФРГ, Китай, Эстония, Кыргызстан, Беларусь, коррупция, мошенничество, злоупотребление.

Сравнительный анализ законодательства различных стран и изучение их особенностей правового регулирования представляет собой один из старейших методов формирования и развития отечественной правовой системы. Как верно указывает Мубаракшина Э.Р., зарубежный опыт в области государственных и муниципальных закупок является ценным ресурсом для улучшения организации процессов приобретения товаров, работ и услуг, необходимых для удовлетворения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации [5, с. 2].

История знает множество примеров, когда значительные правовые памятники возникали только после глубокого изучения законодательства других стран.

Так, в эпоху Просвещения в XVIII веке многие юристы и мыслители, такие как Вольтер и Жан-Жак Руссо, исследовали устройство, правовые системы других стран и, основываясь, в частности, на их работах, были сформированы более проработанные законы для своих обществ.

Например, Наполеон, разрабатывая Французский Гражданский кодекс изучал сочинения Руссо и Вольтера, всецело анализируя и составляя выписки и заметки по религиозным, экономическим и социальным вопросам.

При создании Гражданского кодекса Германии в конце XIX века немецкие юристы занялись исследованием различных правовых систем, что привело к созданию Гражданского кодекса Германии в 1900 году. Этот кодекс стал образцом для многих стран, включая Японию, Южную Корею и страны Латинской Америки, которые адаптировали его нормы в своих законодательствах.

В 1948 году Общая декларация прав человека, которая была принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948, в значительной степени опираясь на правовые традиции и концепции, существующие в различных странах. Создание этой декларации стало результатом анализа правовых норм множества стран и культур, что показало важность международного сотрудничества и обмена опытом в сфере прав человека.

После распада Советского Союза многие постсоветские страны начали пересматривать свои правовые системы с целью интеграции с европейскими стандартами. Например, в Грузии были внедрены реформы, вдохновленные законодательствами стран Европейского Союза, что по мнению ряда научных деятелей способствовало улучшению правозащитной функции.

Анализ законодательства различных стран в сфере государственных закупок позволяет выделить две основные группы: первая – это страны с четкими и установленными нормами уголовной ответственности за правонарушения в этой области, такие как Китай, Кыргызстан и Эстония, вторая – государства, которые применяют альтернативные методы регулирования этих преступлений, включая США, Германию и Беларусь.

Сравнение подходов к регулированию в разных странах подчеркивает необходимость комплексного диспозиционного анализа государственных закупок. Например, государства, которые четко устанавливают уголовные последствия за коррупционные действия в этой области, могут существенно снизить уровень правонарушений. В то же время, альтернативные подходы, используемые в других странах, могут предоставлять гибкость и адаптивность в регулировании, что иногда оказывается более эффективным в условиях динамичных изменений на рынке и в политике.

Тем не менее, независимо от того, какой подход выбран, важно, чтобы система государственных закупок была прозрачной, подотчетной и эффективной, что в конечном итоге приведет к более рациональному использованию бюджетных средств и повышению доверия общества к государственным институтам.

Интерес к американскому законодательству в области государственных закупок, а также к мерам, направленным на предотвращение правонарушений, обусловлен богатым опытом, который был накоплен в ходе работы Федеральной контрактной системы. В Соединенных Штатах сегодня функционирует свыше 18 тысяч государственных учреждений, а около 120 организаций различных форм собственности активно участвуют в исполнении государственных контрактов. Каждый год в стране заключается не менее 15 миллионов контрактов, общая сумма которых составляет примерно 600 миллиардов долларов. Эффективность этой системы поддерживается работой приблизительно 60–70 тысяч специалистов, задействованных в области государственных закупок.

Контроль за соблюдением норм и правил в этой сфере осуществляют такие органы, как Главное контрольное финансовое управление Конгресса, Генеральный прокурор и Министерство юстиции США. Важнейшими нормативными актами, регулирующими процесс государственных закупок, являются «Федеральные правила планирования, размещения и исполнения государственного заказа» и «Дополнение правил закупок для нужд обороны». Эти документы представляют собой обширный свод норм и требований, охватывающих все стадии – начиная от планирования и заканчивая фактическим исполнением государственных заказов, и являются обязательными для соблюдения всеми государственными органами.

Особенность американского законодательства в этой области заключается в явной ориентации на предотвращение правонарушений.

Каждый государственный орган располагает штатным контрактным офицером, который выполняет роль защитника принципа свободной конкуренции. Этот специалист представляет интересы государства независимо и не подчиняется руководству органа. Его должностные обязанности включают: контроль процесса размещения государственных заказов; выявление и публичное раскрытие фактов нарушения законодательства, включая уголовные нормы.

Тем не менее, несмотря на комплекс мер, направленных на преодоление коррупции и злоупотреблений в этой области, такие явления остаются актуальной проблемой и угрожают национальной безопасности Соединенных Штатов.

В отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации 1, с. 176], который предусматривает отдельные главы, посвященные преступлениям, совершенным должностными лицами, свод законов Соединенных Штатов не содержит единого раздела, специализирующегося на уголовном преследовании за данные правонарушения. Вместо этого преступления, относящиеся к категории должностных, рассматриваются в рамках различных глав законодательства. Например, глава 11 охватывает «взяточничество, незаконные доходы и конфликт интересов (статьи 201–227), глава 29 касается выборов и политической активности (статьи 592–611), глава 41 – вымогательства и угроз (статьи 871–880), а глава 93 регламентирует действия должностных лиц и наемных сотрудников (статьи 1901–1924).

Анализ указанных положений позволяет выделить несколько ключевых аспектов.

Прежде всего, в уголовном праве США наблюдается отсутствие специальных норм, регламентирующих уголовную ответственность для должностных лиц и государственных служащих за коррупционные правонарушения, возникающие в процессе планирования, размещения и выполнения государственных заказов. В таких случаях применяется общая норма, содержащаяся в статье 201, касающаяся подкупа государственных служащих и свидетелей.

Эта статья устанавливает ответственность для любых граждан, которые каким-либо образом предлагают, обещают или намекают на передачу ценного имущества государственному служащему или лицу, занимающему выборную должность, с намерением:

- 1) влиять на какой-либо официальный акт;
- 2) оказывать давление на упомянутого государственного служащего или выборное лицо, чтобы содействовать совершению незаконных правонарушений или создать условия для мошенничества на территории Соединенных Штатов;
- 3) побудить соответствующего государственного служащего или выборное лицо нарушить свои законные обязательства.

Таким образом, защищенные данной нормой должностные лица и выборные представители под-

падают под уголовную ответственность в случаях, когда они требуют, ищут, принимают или соглашаются принять ценности для личной выгоды, как для себя, так и в интересах третьих лиц. Это происходит в обмен на то, что такие лица будут подвержены влиянию в процессе выполнения официальных обязанностей, окажутся вовлеченными в мошеннические действия или будут вынуждены выполнять или уклоняться от исполнения своих служебных функций.

Важно отметить, что в рамках уголовного законодательства США термин «государственное должностное лицо» охватывает не только действующих государственных служащих, но и тех, кто ранее занимал аналогичные позиции, включая работников государственных органов, департаментов и агентств.

Эти общие формулировки норм упрощают правоприменение, позволяя избежать необходимость разработки специализированных положений для конкретных случаев уголовно наказуемых деяний в сфере государственных закупок. Исключение составляют лишь те ситуации, когда степень общественной опасности требует пересмотра уголовной ответственности и соответствующих санкций.

Таким образом, следует отметить, что как федеральное уголовное законодательство, так и законы отдельных штатов не содержат специфических норм, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с государственными закупками.

Говоря о Федеративной Республике Германии, следует подчеркнуть, что законодательство, касающееся государственных закупок, находится под строгим контролем государственных органов и основывается как на нормативных актах Европейского Союза, но и на федеральном законодательстве. Этот подход обеспечивает высокую степень регулирования и прозрачности в процессе государственных закупок.

Ключевым документом в сфере законодательства Германии является Закон о принципах бюджетного финансирования. Этот закон не только устанавливает общие требования к проведению закупок, но также включает специальные положения, направленные на предотвращение злоупотреблений и совершения различных правонарушений коррупционной направленности [10, с. 61].

Данный закон устанавливает необходимость независимой экспертной оценки законности заключаемых государственных контрактов, что служит эффективной мерой по предотвращению коррупции и обеспечению транспарентности.

Отличительной чертой немецкого законодательства является то, что основным правовым инструментом для защиты закупок служат административные нормы, налагающие на виновных физических и юридических лиц большие штрафы, так одной из ключевых особенностей германского законодательства в сфере административной ответственности является отсутствие ограничивающих санкций. В этом контексте наиболее часто приме-

няемым наказанием выступает штраф, который устанавливается в максимально возможном размере [11, с. 148].

Важно отметить, что система наложения штрафов в Германии нацелена на обеспечение принципов гуманизма и законности в рассматриваемой сфере, однако применяемые меры вызывают вопросы относительно их эффективности. С одной стороны, отсутствие жестких ограничительных мер позволяет правовой системе быть более гибкой и адаптивной к различным ситуациям. С другой стороны, проблема ограничительных мер ставит под сомнение эффективность административной ответственности в целом.

Мошенничество различных видов регулируется в разделе 22 статьи 263 УК ФРГ. На практике чаще всего противоправные, уголовно наказуемые действия лиц в сфере государственных закупок классифицируются как мошенничество, что имеет прямое сходство с российской правовой системой.

В Беларуси Закон «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», а также другие регулировочные акты, такие как Указ Президента от 17.11.2008 № 618 «О государственных закупках в Республике Беларусь» и ряд Постановлений и Решений Совета Министров, однако уголовное законодательство содержит только одну статью – ст. 251 УК РБ. В рамках этой статьи предусмотрена ответственность за действия, приведшие к срыву публичных торгов.

Таким образом, в белорусское уголовное законодательство фактически не регулирует сферу государственных закупок, используя такие уголовные составы, такие как мошенничество, хищение и злоупотребление служебными полномочиями, которые покрывают более широкий спектр преступных действий в сфере государственных закупок, однако не дают возможности более эффективного применения норм и пресечения преступлений.

В Эстонской Республике можно наблюдать интересный опыт уголовно-правовой защиты общественных отношений, связанных с государственными закупками. Эта страна выделяется среди европейских государств наличием специализированных норм в Уголовном кодексе, описывающих ответственность за преступления в этой сфере. В частности, § 300 УК Эстонии устанавливает ответственность за нарушения, происходящие в процессе государственных закупок, включая заключение контрактов без соблюдения предусмотренных законодательством процедур, если такие действия направлены на предоставление преимуществ участникам закупки. Эта норма по субъектному составу охватывает как заказчиков, так и исполнителей [4, с. 93].

Сравнивая данное положение с российским законодательством, можно провести параллели с нормами статей 201.1 и 285.4 УК РФ, однако Эстонская норма имеет более широкий охват, поскольку включает все категории государственных закупок, в то время как в России акцент сделан на государственные оборонные заказы. При-

мечательно, что в Эстонском законодательстве не предусмотрена ответственность для «не субъектов закупок», таких как члены комиссий по закупкам или работники контрактных служб, что может быть расценено как один из недостатков этой нормы.

Уникальность уголовного законодательства Эстонии проявляется в том, что уголовная ответственность может быть предусмотрена не только в рамках Уголовного кодекса, но и в специализированных нормативных актах, таких как Закон о государственных закупках. Например, согласно главам 213–215 данного Закона, внесение изменений в государственные контракты или их одобрение с нарушением действующего законодательства рассматривается как коррупционное преступление. Это позволяет Эстонии более эффективно регулировать сферу государственных закупок и оперативно реагировать на потенциальные злоупотребления.

Ответственность за выявление таких правонарушений возложена на Министерство финансов Эстонской Республики [12, с. 1]. Это министерство осуществляет мониторинг соблюдения законодательства в области государственных закупок и обязано передавать информацию о выявленных нарушениях правоохранительным органам. Такой подход способствует более прозрачному и ответственному управлению средствами государственного бюджета, а также, несомненно, повышает уровень доверия со стороны гражданского общества к государственным органам.

В Китайской Народной Республике система государственных закупок занимает центральное место в стратегии экономического развития страны. Основу этой системы составляют принципы поддержки национальных производителей и поставщиков, что отражает стремление правительства содействовать развитию отечественной экономики. Кроме того, китайское законодательство поощряет внедрение инновационных решений в процессе закупок. Такой подход к закупочным процессам свидетельствует о том, что Китай активно разрабатывает стратегии, направленные на обеспечение прозрачности и эффективности государственных закупок. Применяемые в китайском законодательстве методы и механизмы способствуют конкурентоспособности местных производителей, что является частью обширной государственной политики.

Важно отметить, что Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, как и Уголовный кодекс Российской Федерации, содержит специальные положения, устанавливающие уголовную ответственность за преступления в области закупок товаров и услуг, необходимых для обеспечения государственных нужд. В частности, глава 7 УК КНР, посвященная преступлениям, посягающим на интересы обороны страны, включает в себя статью 380. Эта статья регулирует ответственность за такое правонарушение, как отказ от поставок заказанных товаров для армии, а также преднаме-

ренное затягивание этих поставок в условиях военного времени.

В соответствии с данной нормой закона за указанные действия предусмотрены различные меры наказания. К ним относятся как штрафы, так и более серьезные санкции для лиц, ответственных за нарушение – арест или лишение свободы сроком до 5 лет. Такой подход к регулированию закупок в военной сфере служит не только средством борьбы с коррупцией, но и важным элементом государственной политики, направленной на обеспечение надежности и своевременности поставок для армейских нужд. Это также демонстрирует, что законодатели КНР осознают критическую роль, которую играют эффективные закупки в обеспечении обороноспособности страны. Кроме того, наличие четких положений, касающихся уголовной ответственности за подобные правонарушения, может служить мощным инструментом для повышения уровня ответственности среди участников закупочных процессов.

Интерес представляет статья 406 Уголовного кодекса КНР, которая устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет для работников государственных органов, ставших жертвами мошенничества при подписании или исполнении контрактов в результате небрежности. Таким образом, китайский законодатель ввел довольно строгие меры наказания за действия сотрудников, отвечающих за государственные закупки.

Одним из ярких примеров, демонстрирующих «жесткость» наказаний за преступления в сфере госзакупок является дело Лю Яньпина, бывшего члена партийного комитета Министерства государственной безопасности КНР, который был приговорён к смертной казни с отсрочкой на два года. Суд установил, что с 2001 по 2022 год он незаконно способствовал третьим лицам в ведении бизнеса и разрешении различных вопросов, получив взятки на сумму 234 миллиона юаней (примерно 34,5 миллиона долларов США) [13, с. 923].

Интересно, что в некоторых случаях осуждённым предоставляется отсрочка исполнения приговора, и через два года его можно изменить на пожизненное заключение или тюремный срок от 15 до 20 лет. Смертная казнь за коррупцию также применяется в ряде стран, включая Северную Корею, Ирак, Иран, Индонезию, Таиланд, Лаос, Вьетнам, Мьянму, Марокко и др.

Важно отметить, что помимо продолжительных сроков лишения свободы и высшей меры наказания за правонарушения в области государственных закупок, китайские правоохранительные органы активно применяют институт конфискации имущества виновных. Этот механизм не используется в сфере государственных закупок Российской Федерации из-за отсутствия соответствующей практики.

Особое внимание заслуживает специфика расследования коррупционных преступлений в Китае. Важным элементом этого процесса является то, что на этапе получения оперативной информа-

ции о злоупотреблениях со стороны должностных лиц, информация о совершенном правонарушении становится достоянием широкой общественности через средства массовой информации. Подобный подход предполагает своего рода «публичное порицание», что служит важным инструментом в борьбе с коррупцией. Создание негативного имиджа коррупционеров в глазах общества работает как «антипример», призывая граждан быть более бдительными и способствуя формированию нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Таким образом, система государственных закупок в Китае демонстрирует комплексный и достаточно жесткий подход к регулированию, который не только защищает государственные интересы, но и способствует экономическому и технологическому развитию страны. К тому же, такие методы борьбы с коррупцией, такие как конфискация имущества. Установление уголовной ответственности для юридических лиц подчеркивает продуманный подход китайских властей к борьбе с преступностью в сфере государственных закупок.

Уголовное законодательство Кыргызской Республики в большей степени сосредоточено на вопросах, касающихся коррупции и злоупотреблений в служебной деятельности.

Например, статьи, касающиеся злоупотреблений служебным положением (статья 320 УК КР) [33, с. 176]. Новая редакция Уголовного кодекса Кыргызской Республики, которая вступила в силу 1 января 2019 года, представила статью 247, устанавливающую уголовную ответственность за правонарушения, связанные с проведением публичных торгов, а также за заключение контрактов, на заведомо невыгодных условиях. Этот шаг со стороны законодателя нацелен на создание более строгих стандартов, обеспечивающих законность и прозрачность в процессе государственных закупок, так как установление уголовной ответственности за вышеуказанные действия способствует снижению рисков, связанных с мошенничеством и nepotизмом, а также поддерживает доверие граждан к институтам государственной власти. Помимо того, что статья 247 устанавливает ответственность за нарушения, она также служит мощным инструментом профилактики. Установление четких правовых рамок и последствий за их нарушение побуждает участников рынка соблюдать закон, что в конечном итоге приводит к улучшению качества проводимых торгов и заключению взаимовыгодных контрактов, способствующих развитию национальной экономики.

Статья 339 УК КР дополняет существующую структуру ответственности, устанавливая уголовную ответственность за заключение заведомо невыгодных для государства с прямым умыслом со стороны должностного лица. Применение этих мер в сочетании с квалифицирующими признаками, такими как совершение преступлений группой по предварительному сговору, создает механизм, позволяющий существенно снижать риск злоупотреблений в этой сфере.

Таким образом, подходы к борьбе с коррупцией в сфере государственных закупок в Кыргызстане демонстрируют тенденцию к криминализации действий, совершаемых должностными лицами, и внедрение строгих норм в законодательство с целью повышения уровня ответственности за нарушения, что является необходимым условием для снижения уровня коррупции и повышения прозрачности государственных закупок.

В рамках рассматриваемой темы мы пришли к следующим выводам.

1. Считаем необходимым дополнить существующее уголовное законодательство специальными нормами, касающимися ограничения конкуренции, чтобы обеспечить комплексную правовую охрану. Это предотвратит количество злоупотреблений со стороны участников закупок, укрепит доверие общества и повысит эффективность государственных расходов.

2. Также важным аспектом является наличие международных стандартов в области борьбы с коррупцией, которые необходимо адаптировать к национальному законодательству. Например, участие в международных антикоррупционных инициативах и развитие сотрудничества на уровне транснационального контроля позволит создать более устойчивую систему защиты государственных интересов.

Таким образом, системный подход, основанный на опыте разных стран и адаптированный к специфике каждой юрисдикции, станет основой для создания эффективных и устойчивых механизмов борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 09.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. «Уголовный кодекс Китайской Народной Республики» от 01.10.1997. – URL: <https://www.secc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china>. – 2024.
3. Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 «Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=293;-44#pos=293
4. «Уголовный кодекс Эстонской Республики» от 01.09. – URL: <https://constitutions.ru/?p=24972>
5. U.S. Code: Table Of Contents. [Electronic resource]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 25.11.2024).
6. Мубаракшина Эльмира Рафаиловна. За рубежомный опыт организации государственных закупок // Вестник науки и образования. 2018. № 16–1 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-gosudarstvennyh-zakupok> (дата обращения: 27.11.2024).

7. Контрактная система в сфере закупок: учебное пособие / [М.А. Королева, Е.С. Кондюкова, Л.В. Дайнеко, М.Ф. Власова; под ред. В.А. Ларионовой]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 164 с.: ил. – Библиогр.: С. 155–163. – 100 экз. – ISBN 978-5-7996-3026-3. – Текст: непосредственный. ISBN 978-5-7996-3026-3 (дата обращения: 23.11.2024).
8. Люпаев Владимир Сергеевич. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в США // Юридическая наука. 2022. № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-mery-protivodeystviya-korrupsionnym-prestupleniyam-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-obespecheniya> (дата обращения: 29.11.2024).
9. Любый Иван Александрович. Ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа: компаративный аспект // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-zloupotreblenie-polnomochiyami-pri-vypolnenii-gosudarstvennogo-oboronno-go-zakaza-komparativnyy-aspekt> (дата обращения: 27.11.2024).
10. Богов Х.М. Некоторые особенности правового обеспечения бюджетного процесса в Германии // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-pravovogo-obespecheniya-byudzhethnogo-protssessa-v-germanii> (дата обращения: 26.11.2024).
11. Политова Е.Ю. Кодекс об административных правонарушениях как правовая основа административной ответственности в Германии и России (материальные аспекты) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-ob-administrativnyh> (дата обращения: 04.12.2024).
12. Министерство финансов Эстонской Республики // Государственные закупки, помощь, ответственность. – URL: <https://www.fin.ee/> (дата обращения: 27.11.2024).
13. Просеков Сергей Анатольевич, Головлёв Руслан Владимирович. Борьба с коррупцией в современном Китае // Манускрипт. 2021. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiey-v-sovremennom-kitae> (дата обращения: 29.11.2024).

LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Bogatyrev V.I.
Mari State University

The article is devoted to a comparative analysis of the criminal legislation on public procurement in the Russian Federation and foreign countries, with an emphasis on identifying the main advantages and disadvantages of various approaches to regulating this area. The paper examines the features of the criminal law regulation of public procurement in the United States, the Federal Republic of Germany (FRG), China, the Republic of Estonia, Kyrgyzstan, and Belarus. The focus is on the analysis of existing norms and rules governing anti-corruption activities and the prevention of offenses in this area. Special attention is paid to the measures taken to prevent crimes, as well as the effectiveness of existing sanctions. The main attention is paid to the necessary changes that can contribute to improving the efficiency of using budget funds and reducing corruption risks.

Keywords: Public procurement, legislation, Russia, USA, Germany, China, Estonia, Kyrgyzstan, Belarus, corruption, fraud, abuse.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended dated 09.11.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
2. «Criminal Code of the People's Republic of China» dated 01.10.1997. – URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china>. – 2024.
3. Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021 No. 127 «Criminal Code of the Kyrgyz Republic. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=293;-44#pos=293
4. «Criminal Code of the Republic of Estonia» dated 01.09. – URL: <https://constitutions.ru/?p=24972>
5. U.S. Code: Table Of Contents. [Electronic resource]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (date of reference: 11/25/2024).
6. Mubarakshina Elmira Rafailovna. Foreign experience in organizing public procurement // Bulletin of Science and Education. 2018. No.16–1 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-gosudarstvennyh-zakupok> (date of access: 11/27/2024).
7. The contract system in the field of procurement: a textbook / [M.A. Koroleva, E.S. Kondyukova, L.V. Daineko, M.F. Vlasova; edited by V.A. Larionova]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2020. – 164 p.: ill. – Bibliogr.: pp. 155–163. – 100 copies. – ISBN 978-5-7996-3026-3. – Text: direct. ISBN 978-5-7996-3026-3 (accessed 11/23/2024).
8. Lupaev Vladimir Sergeevich. Criminal law measures to counteract corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs in the USA // Yuridicheskaya nauka. 2022. No.12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-mery-protivodeystviya-korrupsionnym-prestupleniyam-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-obespecheniya> (date of access: 11/29/2024).
9. Lyuby Ivan Aleksandrovich. Responsibility for abuse of authority in the execution of the state defense order: a comparative aspect // Siberian Legal Review. 2018. No.4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-zloupotreblenie-polnomochiyami-pri-vypolnenii-gosudarstvennogo-oboronno-go-zakaza-komparativnyy-aspekt> (date of access: 11/27/2024).
10. Bogov H.M. Some features of the legal support of the budget process in Germany // Financial analytics: problems and solutions. 2011. No.34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-pravovogo-obespecheniya-byudzhethnogo-protssessa-v-germanii> (date of access: 11/26/2024).
11. Politova E.Y. The code of administrative offenses as the legal basis of administrative responsibility in Germany and Russia (material aspects) // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2022. No.11 (99). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-ob-administrativnyh> (date of application: 04.12.2024).
12. Ministry of Finance of the Republic of Estonia // Government procurement, assistance, property. – URL: <https://www.fin.ee/> (date of access: 11/27/2024).
13. Prosekov Sergey Anatolyevich, Golovlev Ruslan Vladimirovich. The fight against corruption in modern China // Manuscript. 2021. No.5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiey-v-sovremennom-kitae> (date of access: 11/29/2024).

Подходы к определению критериев квалификации домашнего насилия в уголовном праве

Богунова Галина Валерьевна,

старший преподаватель Высшей школы публичного права,
Юридический институт, Тихоокеанский государственный
университет
E-mail: 008968@pnu.edu.ru

В статье рассматривается реализация уголовного законодательства касающегося домашнего насилия и проблематика данного явления.

В данной статье представлена проблема, домашнего насилия. Особое внимание отводится тому, что актуальность данной статьи состоит в отсутствии уголовной ответственности за домашнее насилие, что говорит о несовершенстве нормотворческой практики и проблемам в правоприменительной деятельности. В данной статье приводится определение таких терминов, как «насилие» и «сексуальное насилие», «психологическое насилие». Статья раскрывает специфические особенности классификации данного преступного деяния, которое в настоящем Уголовном Кодексе Российской Федерации не закреплено. В завершении автором вносятся соответствующие предложения о внесении нормы и уголовной ответственности в Уголовный Кодекс Российской Федерации и приводятся данные по исследуемой категории преступных. По окончании статьи подводится заключение о том, что деяния, которые включают в себя домашнее насилие, в обязательном порядке должны иметь отражение в уголовном законодательстве и классифицироваться с учетом специфики подобных преступных действий.

Ключевые слова: домашнее насилие, побои, защитный ордер, наказание, административный штраф.

Для адекватного разграничения и понимания рассматриваемого явления, необходимо определить, что является насилием. Насилие – это преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [8]. Исходя из терминологии, домашнее насилие в свою очередь относится к людям, которые являются близкими лицами для обидчика, находясь с ним в тесных личных отношениях. Под близкими лицами понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим данное деяние, или лица, ведущие с ним общее хозяйство [1,4].

Домашнее насилие подразумевает не разовые стычки и конфликты, а регулярно повторяющиеся ущемления одной из сторон. Как правило происходит данное ущемление не на фоне конфликта, а в связи с желанием одной из сторон подавлять другую в моральном и (или) физическом плане, для утверждения своей власти, что как следствие лишь вредит одной из сторон и не способствует разрешению проблем.

Данное явление имеет несколько основных видов, каждый из которых так или иначе подходит под определение домашнего насилия. Самое распространенное и привычное нам – физическое насилие. К нему относятся удерживание, удушение, причинение ожогов, побои, истязание и прочие действия физического характера, причиняющие боль и вредящие человеку.

Сексуальное насилие, также сильно распространено в нашей стране. Стереотипное мышление об обязательности «супружеского долга», частое злоупотребление алкоголем и множество других факторов, часто приводят к принуждению к половой связи против его воли другого лица.

Психологическое насилие одно из самых сложных для выявления, но от того не менее важных и опасных. Унижение, оскорбление и манипулирование за счёт своего положения, внушения страха. Материальная зависимость одной из сторон от другой, часто становятся предметами манипуляции и почвой с помощью, которой регулярно возможно подвергать человека психологическому насилию [3].

В настоящее время в российском законодательстве нет отдельного закона, который контролировал бы вопрос домашнего насилия и устанавливал бы за него наказание. Для того, чтобы осудить правонарушителя, в судебной практике, как правило используются статьи уголовного кодекса РФ: 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») 116 («Побои»), 117 («Истязание»), 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») [9,10].

Однако с наказанием, основывающимся на этих статьях, как правило возникает ряд значительных проблем. Жертвы насилия в связи с крайне тесным общением с обидчиком, не хотят для него сурового наказания, а лишь хотят прекратить издевательства в данный промежуток времени. В том случае если жертва все-таки хочет наказать обидчика по закону, она не имеет защитного ордера, который не предусмотрен нашим законодательством, а это значит, что подозреваемый пока не будет доказана его виновность, может взаимодействовать и видаться с жертвой, что многократно увеличивает шанс того, что потерпевшая сторона откажется от своего заявления из-за давления и дальнейших угроз со стороны ущемляющего лица [6,7].

Кроме того, самые распространенные статьи в данной сфере: умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои возбуждает сам(а) пострадавший(ая) или представители данного лица. Данный факт значительно усложняет задачу наказания, жертва как правило, морально сломленная и подавленная должна самостоятельно собирать доказательства, назначать экспертизу, собирать показания свидетелей. Перечень подобных обязанностей, как правило оказывается непосильным для потерпевшей стороны, и та в свою очередь отказывается от идеи доводить дело до конца, оставляя преступника без должного наказания. Стоит отметить, что в случае вменения нарушителю штрафа, деньги на его погашение, как правило берутся из общего семейного бюджета, что также явно не способствует улучшению положения жертвы, а лишь сильнее вредит ей.

В большом количестве стран уже действуют законы о домашнем насилии, так в 1994 году Конгрессом США был принят Закон о насилии против женщин (VAWA) [2]. Согласно данному законодательству под его защиту попадают, как сами участники личных отношений, так и их дети, родственники, которые могут, также попасть под влияние насилия одной из сторон. Данный акт является федеральным законом, который помимо всего прочего предусматривает принудительную реабилитацию в медицинских учреждениях для не особо опасных правонарушителей, для избегания подобных инцидентов в будущем. Кроме того, в отличии от Российского законодательства в законе США учитывается возможность выдачи защитного ордера, принудительная изоляция потерпевшей и подозреваемой стороны позволяет максимально объектив-

но выяснить детали дела и принять максимально справедливое решение по каждому конкретному случаю.

Во Франции протокол CEDAW был ратифицирован с 2000 года. Данный документ затрагивает борьбу с домашним насилием и вводит большое количество прогрессивных методов борьбы с ним [10].

Аналогично с американским законодательством во Франции активно используется защитный ордер, который был введен в законодательство в 2010 году. В 2014 году, была ратифицирована Стамбульская конвенция, одной из главных целей которых является защита женщин от всех форм насилия предупреждение, преследование, искоренение насилия в отношении женщин и домашнее насилие, что ещё раз указывает на то, как серьезно Франция относится к проблеме домашнего насилия [2].

Отталкиваясь от международного опыта необходимо внесение изменений в наше действующее законодательство. Самым правильным и разумным решением в сложившейся ситуации будет создание совершенно новой, отдельной статьи «домашнее насилие», которая будет внесена в Уголовный кодекс и полностью урегулирует данный вопрос. Статья о домашнем насилии должна быть внесена в раздел VII, главу 16 УК РФ, т.к. относится к преступлениям против жизни и здоровья. К данной статье, также, исходя из мировой практики следует добавить понятие защитного ордера, определение которого можно раскрыть в приложении к данной статье, это обеспечит максимальную защищенность потерпевшей стороны и будет стимулировать раскрытие дел подобного типа.

Необходимо переводение дел по данной статье в частно-публичные, кроме того, крайне эффективно мог бы действовать учет лиц, которые привлекались к ответственности по данной статье, для того, чтобы проконтролировать их исправление и предупредить случаи рецидива. Специализированные курсы лечения, как добровольного, так и принудительного, работа агрессора с психiatрами, также в идеале может быть предусмотрена на законодательном уровне для улучшения положительной статистики и уменьшения подобных инцидентов.

Наказание по домашнему насилию, должно быть строже, чем диктует наша нынешняя судебная практика. По статистике большинство дел, в которых имело место домашнее насилие, относится к административному правонарушению. Юридически неправильно оценивать подобное явление таким образом. Как говорилось ранее, домашнее насилие предусматривает периодичность действий, а также зачастую, не только физические, но и другие виды насилия. Вред может быть нанесен не только конкретному лицу, являющимся стороной конфликта, но и лицам, проживающим совместно с виновным на одной территории. Это могут быть дети, престарелые родители, беспомощные люди, а также лица, которые в си-

лу возникших семейных обстоятельств, не могут покинуть жилое помещение, в котором проживают совместно с преступником. Большое стрессовое состояние получают несовершеннолетние дети, видящее происходящее каждый день и, в которых закладывается убеждение о том, что домашнее насилие это норма жизни и ответственность за данные поступки не наступает. Это говорит нам о том, что рассматриваемое преступление наносит больший ущерб нежели просто незначительный телесный урон, а значит и наказание за него должно быть более строгое. Изменение наказания не должно увеличивать суммы штрафов, т.к. было отмечено, что в подавляющем числе случаев семейный бюджет пар с тесными личными отношениями – общий, и это говорит о том, что лицо, которое желает наказать «домашнего насильника» должно понимать, что оплата административного штрафа по ст. 6.1.1.КоАП РФ будет из семейного бюджета. Также жертва учитывает и тот вариант, что виновное лицо, получив административное наказание вернется для дальнейшего проживания на совместную территорию, где взаимоотношения могут обостриться. В данной ситуации необходимо искать адекватную альтернативу вплоть до лишения свободы [4].

Статья домашнее насилие в обязательном порядке должна будет в себя включать примечание, в котором будет даваться определение домашнего насилия. Домашнее насилие – систематически повторяющиеся действия включающие физическое, психологическое или сексуальное воздействие на близких людей, которые совершаются против их воли с целью обретения власти и контроля над ними. Определение, представленное выше, подходит для адекватного понимания и его практического использования, при вынесении приговора преступнику. Помимо примечания, необходимо внести в часть вторую статьи о домашнем насилии, квалифицирующие признаки, включающие в себя: домашнее насилие в отношении несовершеннолетних, лиц, находящихся в беспомощном состоянии либо материальной или иной зависимости от виновного, женщин заведомо для виновного находящихся в состоянии беременности.

Таким образом, в нашей стране на данный момент времени не существует эффективной системы предупреждения и предотвращения домашнего насилия, кроме того, наказание за данный вид преступления, как правило, является необоснованно лёгким и бесполезным.

Для улучшения ситуации в стране и решения данного вопроса, необходимо внедрение в законодательство новых правил, запретов и пояснений, которые будут регулировать волнующий автора вопрос. На данном этапе развития, необходимо отойти от сложившейся практики «примирения сторон», которая в большинстве случаев оказывается не рабочей.

Пересмотр взгляда на данное преступление, принесет за собой такие практики как: защитный ордер и подобные ему средства, направленные

на разделение сторон каждого конкретного происшествия. Подобный подход позволит на современном уровне, логически, обдуманно, а самое главное максимально объективно решать сложившуюся ситуацию и не допустить ухудшения положения пострадавшей стороны. Кризисные, реабилитационные центры, социальные убежища лишь малая часть нововведений, которые значительно могут улучшить ситуацию по данному вопросу. Подобные практики активно используются иностранными государствами и по их опыту, можно делать выводы о том, что данные системы работают и имеют смысл.

Проживая в цивилизованном обществе, в стране с конституционно закрепленными правами каждого человека, мы должны руководствоваться характером актов насилия, а не смотреть на личностные взаимоотношения между жертвой и преступником. Только когда наш законодатель станет относиться к этому вопросу именно так, мы сможем добиться максимальной справедливости, минимизировать преступность внутри семьи и эффективно противостоять такому явлению, как «домашнее насилие».

Литература

1. Круг Э.Г. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. // ВОЗ. – 2003. – с. 5. 1
2. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Стамбул. – 2011. – 11.V. – 36 С. 4
3. Бартыло А.А. Проблема домашнего насилия в Российской Федерации //Актуальные проблемы публичного права. – 2020. – С. 60–62. 5
4. Коссова А. Т., Мохоров Д.А. Проблема домашнего насилия в Российской Федерации //Неделя науки СПбПУ. – 2018. – С. 432–435. 6
5. Чудинова Н.А. Актуальность проблемы домашнего насилия в Российской Федерации //Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № . 1. – С. 153–155. 7
6. Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера //Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № . 3А. – С. 310–319. 8
7. Семерикова А. А., Анисимова Н.Р. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуации домашнего насилия //Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9. – № 1 (57). – С. 57–66. 9
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. 31 июля 2020 г). [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 21.11.2024). 10
9. Violence Against Women Act 1994. [Электронный ресурс] // URL: <https://mainweb.v.musc.edu/vawprevention/policy/vawa.shtml#:~:text=The%20Violence%20Against%20>

Women%20Act%20(VAWA)%2C%20signed%20into%20law, sexual%20assault%2C%20domestic%20abuse%20and (дата обращения 21.11.2024). 2

10. Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-elimination-all-forms> (дата обращения 21.11.2024).3

APPROACHES TO DETERMINING CRITERIA FOR QUALIFYING DOMESTIC VIOLENCE IN CRIMINAL LAW

Bogunova G.V.

Pacific State University

This article examines the implementation of criminal legislation concerning domestic violence and the problems of this phenomenon. This article presents the problem of domestic violence. Particular attention is paid to the fact that the relevance of this article is the lack of criminal liability for domestic violence, which indicates the imperfection of norm-setting practice and problems in law enforcement. This article provides a definition of such terms as “violence” and “sexual violence”, “psychological violence”. The article reveals the specific features of the classification of this criminal act, which is not enshrined in the current Criminal Code of the Russian Federation. In conclusion, the author makes appropriate proposals on the introduction of the norm and criminal liability into the Criminal Code of the Russian Federation and provides data on the category of criminal acts under study. At the end of the article, a conclusion is drawn that acts that include domestic violence must necessarily be reflected in criminal legislation and classified taking into account the specifics of such criminal acts.

Keywords: domestic violence, battery, protective order, punishment, administrative fine

References

1. Krug E.G. Violence and its impact on health. World situation report. // WHO. – 2003. – p. 5. 1
2. Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence // Istanbul. – 2011. – 11.V. – 36 P. 4
3. Bartylo A.A. The problem of domestic violence in the Russian Federation // Current issues of public law. – 2020. – P. 60–62. 5
4. Kossova A. T., Mokhorov D.A. The problem of domestic violence in the Russian Federation // SPbPU Science Week. – 2018. – P. 432–435. 6
5. Chudinova N.A. Relevance of the problem of domestic violence in the Russian Federation // Scientific electronic journal Meridian. – 2020. – No. 1. – P. 153–155. 7
6. Volosova N. Yu. Domestic violence as an interdisciplinary problem // Issues of Russian and international law. – 2017. – Vol. 7. – No. 3A. – P. 310–319. 8
7. Semerikova A. A., Anisimova N.R. Psychological features of women’s victim behavior in a situation of domestic violence // Service in Russia and abroad. – 2015. – Vol. 9. – No. 1 (57). – P. 57–66. 9
8. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on July 31, 2020). [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access 11/21/2024). 10
9. Violence Against Women Act 1994. [Electronic resource] // URL: [https://mainweb-v.musc.edu/vawprevention/policy/vawa.shtml#:~: text=The%20Violence%20Against%20Women%20Act%20\(VAWA\)%2C%20signed%20into%20law, sexual%20assault%2C%20domestic%20abuse%20and](https://mainweb-v.musc.edu/vawprevention/policy/vawa.shtml#:~:text=The%20Violence%20Against%20Women%20Act%20(VAWA)%2C%20signed%20into%20law,sexual%20assault%2C%20domestic%20abuse%20and) (date of access 11/21/2024). 2
10. Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women [Electronic resource] // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-elimination-all-forms> (accessed 21.11.2024).3

Процессуальные особенности оспаривания действий правоохранительных органов

Вит Александр Сергеевич,

генеральный директор ООО «МЕГАПОЛИС»

E-mail: 3464673@mail.ru

Статья анализирует процессуальные особенности оспаривания действий правоохранительных органов в КАС РФ. В исследовании определены основные этапы, основания для обращения в суд и механизмы соблюдения процессуальных норм в рамках защиты прав граждан и организаций.

Ключевые слова: оспаривание, правоохранительные органы, административное судопроизводство, защитные механизмы, права граждан, процессуальные особенности.

В административных делах, связанных с оспариванием действий правоохранительных органов, особое значение приобретают нормы процессуального законодательства, регулирующие порядок рассмотрения подобных дел. В рамках дел об оспаривании действия или бездействия органов власти, в том числе правоохранительных, регулирование процессуальных особенностей оспаривания осуществляется в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Институт защиты граждан предполагает возможность оспаривания действий исполнительных органов, в том числе – правоохранительных. Так, текущее законодательство утверждает право защиты своих прав и свобод, то есть, законодательно определены основания, по которым граждане могут осуществить защиту своих прав. Обращаться можно также по поводу бездействия должностных лиц различных правоохранительных органов. Защищать свои интересы от произвола правоохранителей могут не только граждане, но также и различные юридические лица. В том числе можно апеллировать к незаконности назначенного наказания или бездействия органов в определённых ситуациях, в которых они должны осуществлять по закону прямую или косвенную защиту прав и законных интересов.

Основанием для обращения в суд с требованием об оспаривании действий (или бездействия) правоохранительных органов могут стать нарушения прав гражданина или юридического лица, допущенные в ходе следственных действий, административных проверок или иных мероприятий, проводимых органами МВД, прокуратурой, Следственным комитетом, ФСБ или иными государственными органами.

Нередко вопрос может касаться также возложения ответственности. Но при этом совершенно закономерно, что правоохранительные органы в рамках подобного разбирательства получают возможность доказать, что действовали в рамках и пределах закона, а требования лица, пытающегося оспорить действия или бездействие правоохранительных органов, соответственно, являются незаконными или необоснованными. Чтобы защитить свои интересы, гражданин или организация должны обратиться в суд с соответствующим заявлением.

Конституция РФ и КоАП РФ утверждают общую возможность защиты прав от произвола. Другим правовым актом является Федеральный закон «О полиции» (ст. 53 регламентирует возможность

оспаривания действия или бездействия сотрудника полиции посредством обращения к вышестоящему должностному лицу, вышестоящий орган, через прокуратуру или суд)¹.

Граждане и организации могут обжаловать решения, действия или бездействие государственных органов через досудебное рассмотрение либо посредством обращения в суд. Досудебная процедура регулируется федеральными законами, в частности, закон № 59-ФЗ, и предусматривает подачу жалобы в вышестоящий орган. Судебный порядок регулируется нормами Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов РФ.

КАС РФ устанавливает процессуальные нормы, позволяющие гражданам и организациям обращаться в суд для оспаривания актов государственных органов. В случае с правоохранительными органами процесс требует особого подхода, учитывающего ряд правовых особенностей, чтобы защитить гражданские права от неправомерных действий.

Очевидно, административное судопроизводство можно рассматривать как отдельную категорию правосудия, которая опирается на специфический процессуальный порядок, подробно прописанный в действующих нормативных правовых актах. То есть, данный вид судопроизводства играет важную роль в обеспечении законности и справедливости. Он обеспечивает возможность восстановить свои права, если априорно властвующий субъект так или иначе пытается ущемить их.

Не только граждане и юридические лица могут обращаться в рамках административного судопроизводства для оспаривания действий или бездействия правоохранительных органов, это могут сделать также и иные лица, например, общественные объединения и прокурор.

Нужно также подчеркнуть, что особенность подобных дел в первую очередь заключается в том, что суд проверяет исключительно и только законность действий (бездействия) и решений, при этом, любые другие способы урегулирования спора и защиты интересов здесь приняты не будут, поскольку, если мы рассматриваем именно судебный порядок обжалования, то в его рамках расследование обстоятельств дела будет, очевидно, включать не только прямое бездействие, но и среди прочего ряд дополнительных, более обширных обстоятельств, например, несвоевременное исполнение обязанностей со стороны должностных лиц, что естественным образом создаёт дополнительный механизм защиты гражданских прав.

Введение в 2015 году КАС РФ практически года все дела, которые в той или иной мере затрагивали действия или же бездействия правоохранительных органов, рассматриваются в порядке административного судопроизводства. Большинство правил, ранее применявшихся в рамках ГПК РФ, были перенесены в КАС РФ. Словом, весь процессуальный

механизм оспаривания действий правоохранительных органов теперь отражен именно в нормах КАС РФ. Стоит только дополнительно отметить, что дела, которые юрисдикционно надлежит рассматривать, например, в Конституционном суде РФ.

Из Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) в КАС РФ перенесены некоторые нормы, в частности, среди прочих необходимо назвать норму освобождения от доказывания обстоятельств, признанных сторонами. Но нормы кодекса формировались не только посредством слепого переноса одних позиций регулирования в другие, ведь в КАС РФ нашли своё отражение совершенно новые положения, в том числе требование о подаче административного искового заявления для инициирования судебного разбирательства. АПК РФ, впрочем, продолжает содержать ряд важных норм, регулирующих контроль над властными полномочиями (глава 24 АПК РФ), в части 4 ст. 200 АПК отражены нормы проверки соответствия оспариваемых действий закону.

Иски, которые подаются в рамках оспаривания действий, бездействия правоохранительных органов рассматриваются районными судами, при этом истец может выбрать между судом по месту нахождения органа власти или своим местом жительства, как это предусмотрено общим правилом.

Административное исковое заявление должно содержать указание на административного истца, административного ответчика (должностное лицо с указанием его ФИО и наименования должности), а также орган власти, в котором это лицо исполняет свои обязанности» (КАС РФ, ст. 125). Важно, что административный истец вправе предварительно направить документы административному ответчику и приложить к иску подтверждение их вручения.

Срок для подачи административного иска составляет три месяца с момента, когда стало известно о нарушении прав заявителя. Пропуск срока требует подачи заявления о его восстановлении.

Рассмотрение дела занимает два месяца, и по окончании подготовки стороны могут быть приглашены на собеседование или предварительное заседание. После вынесения решения по делу у сторон есть один месяц на обжалование. Если доводы административного иска подтверждаются, суд может признать действия или бездействие незаконными и удовлетворить требования заявителя.

Доверенности, оформленные до 15 сентября 2015 года в рамках ГПК РФ, могут содержать устаревшие термины, однако суд при определении объема полномочий ориентируется на волеизъявление доверителя.

Законодательство предоставляет гражданам возможность инициировать судебные разбирательства в целях защиты прав третьих лиц не исключительно в рамках тех случаев, которые четко прописаны в федеральных законах, но также с учетом норм, содержащихся в федеральных конституционных законах. Такой подход фактически созда-

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024).

ет более широкие возможности для лиц, стремящихся обеспечить свои интересы и интересы других участников судебного процесса. В контексте данных положений стоит отметить, что Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РФ ограничивает данную возможность исключительно рамками федеральных законов, что, в свою очередь, может создавать значительные преграды для тех, кто намеревается защитить свои права в более обширном контексте.

КАС РФ закрепляет порядок обжалования действий государственных органов, включая правоохранительные структуры, если их действия или решения нарушают права и свободы граждан. Так, согласно статье 218 КАС РФ, граждане, организации и иные лица могут обращаться с иском об оспаривании действий правоохранительных (КАС РФ Статья 218).

1. «Оспаривание решений, действий или бездействия сотрудников полиции, следственных органов» или иных правоохранительных органов.
2. Иски о компенсации за незаконное содержание под стражей или нарушение условий содержания в изоляторах и тюрьмах.
3. «Иски о защите прав и свобод граждан в случаях неправомерного использования служебных полномочий со стороны правоохранителей» (КАС РФ, ст. 218).

Процедура оспаривания ориентируется на соблюдение баланса между правами граждан и полномочиями правоохранительных структур.

1. Соблюдение досудебного порядка обжалования. В ряде случаев, прежде чем обратиться в суд, истцу необходимо соблюсти досудебный порядок, направив жалобу в вышестоящий орган или к руководству. Данный этап необходим для возможности предварительного разрешения конфликта вне суда.
2. Подсудность дел. Дела оспаривания решений правоохранительных органов подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции. Как правило, административный иск подается по месту нахождения органа, чьи действия оспариваются. В отдельных случаях дела рассматриваются мировыми судьями или районными судами в зависимости от сложности и характера дела.
3. Сроки обращения с иском. Срок для подачи административного иска составляет три месяца с момента, когда заявителю стало известно о нарушении его прав. При наличии уважительной причины срок может быть восстановлен.
4. Доказывание неправомерности действий. В административном судопроизводстве истец должен доказать факт нарушения его прав или свобод, что обязывает собирать соответствующие доказательства. В случае оспаривания действий полиции могут быть привлечены показания свидетелей, записи с камер видеонаблюдения и официальные документы, подтверждающие несоответствие действий полиции правовым нормам.

5. Оценка законности и обоснованности действий. Суд при рассмотрении дела обязан выяснить, соответствовали ли действия правоохранительных органов законодательным требованиям, были ли они пропорциональными в отношении целей, для которых эти действия были предприняты. Суд может признать действия полиции незаконными, если они нарушают нормы КАС РФ или иные законодательные акты, регулирующие деятельность органов власти.

Одним из новых последствий, вытекающих из отказа от административного иска по Кодексу административного судопроизводства (КАС) РФ, является следующее: если истцы, представляющие собой органы власти, юридические лица или физических лиц, принимают решение отозвать иск, то суд всё равно рассматривает дело, но только если оно относится к сфере публичных правоотношений. Данная норма служит важным инструментом для защиты прав тех, кто не имеет возможности самостоятельно инициировать судебный процесс, что, в свою очередь, способствует реализации принципов справедливости и правопорядка.

Согласно позиции, изложенной в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»¹, при рассмотрении и проверке решений, действий или бездействия суды должны учитывать, что органы и должностные лица, исполняющие государственные и публичные функции, действуют в пределах и в соответствии с законом. Однако проверка законности их действий не должна сводиться лишь к формальному соблюдению норм.

В этой связи Верховный Суд подчеркивает, что суду следует анализировать, были ли учтены все фактические обстоятельства, а также в полной мере обеспечены требования законности и доверия граждан к власти при принятии решений. Необходимо также оценить, соблюдались ли принципы соразмерности и пропорциональности, как предписано пунктом 1 части 9 статьи 226 КАС РФ и частью 4 статьи 200 АПК РФ. Данный подход предполагает, что государственные органы должны основательно подходить к каждому решению, учитывая общественное доверие и целесообразность действий, а также гарантировать их правовую обоснованность.

Так, в деле 02а-1759–2018 гражданин подал жалобу на применение к нему физической силы сотрудниками полиции, в результате которого пострадал его паспорт, на насильное принуждение к процедуре фотографирования и дактилоскопии

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

ческой регистрации, от которых гражданин отказывался. Суд отметил обязанности полиции по обеспечению правопорядка, и также отметил, что в результате проверки сведений о нарушении дисциплины сотрудниками полиции ни опровергнуть, ни подтвердить не удалось. В результате вынесено постановление об отказе уголовного дела по ст. 286 УК РФ, суд же отказал в удовлетворении иска на основании ст. 175–180 КАС РФ, указывая, что проблема доказывания лежит на плечах истца, а доказательств им предоставлено не было¹.

Практика показывает, что чрезвычайно важно верно определить вида судопроизводства (исковое или по делам, возникающим из публичных правоотношений), это особенно актуально, как неоднократно подчеркивал Верховный суд РФ, в отношении дел по оспариванию действий или бездействия органов власти или должностных лиц. В административном деле № 33а-1213/2020 Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда² рассмотрела апелляционную жалобу административного истца Ганина А.В., оспаривавшего действия сотрудников полиции, приведшие к его задержанию и наложению административного ареста на 10 суток. Суд первой инстанции частично удовлетворил требования истца, признав действия сотрудников незаконными в части, касающейся уклонения от рассмотрения ходатайства об отмене административного дела и неверного указания об отягчающем обстоятельстве в определении от 24 апреля 2019 года.

В апелляционной инстанции ответчики возражали против решения, ссылаясь на ошибки суда первой инстанции в толковании норм материального и процессуального права. Судебная коллегия Московского городского суда пришла к выводу, что спор следовало рассматривать в порядке КоАП РФ, а не административного судопроизводства по КАС РФ. Нарушение судом норм процессуального права привело к отмене решения первой инстанции, прекращению производства по административному делу и разъяснению необходимости иного порядка рассмотрения для подобных требований.

В административном деле № 2а-269/2020 Басманный районный суд г. Москвы рассмотрел иск гражданина против Главного управления по вопросам миграции МВД РФ (ГУВМ МВД России)³. Истец

¹ Дело 02а-1759–2018 Московского городского суда [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fmos-gorsud.ru%2Fmgs%2Fcases%2Fdocs%2Fcontent%2F5d322869-ec89-4236-b182-aeef977444d&psig=AOvVaw3hkKaLV06_nGsa9mzvkvVvN&ust=1731418887514000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAYQrpoMahcKEwiQuuWPtNS-JAxUAAAAANQAAAAQBA (дата обращения: 11.11.2024).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b7322f8e> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Решение Басманного районного суда г. Москвы по делу № 2а-269/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b7322f8e> (дата обращения: 11.11.2024).

требовал признать незаконным бездействие ГУВМ МВД России, выразившееся, по его утверждению, в неприсылании уведомлений по результатам рассмотрения его жалоб на отказ в статусе беженца и временном убежище. Истец находился под арестом, и его уведомления направлялись в следственный изолятор.

Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу, что ГУВМ МВД РФ рассмотрело обращения истца в установленные сроки и направило ответы по указанному адресу в СИЗО. Доказательства надлежащей отправки, включая почтовые реестры, подтвердили отсутствие бездействия со стороны ответчика. Суд постановил отказать в удовлетворении исковых требований, отметив соблюдение ГУВМ МВД процессуальных требований и отсутствие нарушения прав истца.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 и ч. 6 ст. 218 КАС РФ, отдельные иски подсудны другим судам и не рассматриваются в порядке, установленном КАС РФ⁴. Сюда относятся дела юрисдикции Конституционного суда РФ и споры по различным экономическим основаниям, рассмотрение конституционных норм и соответствия законов этим нормам и т.д. Уголовные дела, обжалование процессуальных решений по ГПК РФ и т.д. тоже не рассматриваются в рамках КАС РФ, дела, отраженные в ч. 5 ст. 1 КАС РФ также рассматриваются в рамках КоАП РФ.

В частности, согласно п. 1 ч. 1 ст. 128 и ч. 1 ст. 222 КАС РФ, судья вправе отказать в принятии административного иска к рассмотрению, если предмет иска подлежит рассмотрению в рамках уголовного судопроизводства, как это определено положениями УПК РФ. Соответственно, согласно п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ, «если установлены основания для рассмотрения дела по другим процессуальным нормам, производство по административному делу прекращается на основании норм ст. 128 КАС РФ». Это разъясняется в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2022 г. № 21, где подчеркивается, что дела, связанные с нормами уголовного и уголовно-процессуального права, такими как обжалование решений, действий или бездействия в отношении уголовного дела, не подлежат административному рассмотрению.

Так, дела, касающиеся неисполнения должностными лицами своих обязанностей по приему или рассмотрению сообщения о преступлении, должны рассматриваться «в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 125 УПК РФ», как отмечает Верховный суд РФ. Например, в практике Верховного Суда РФ по делам о бездействии следователей было указано, что подобные иски не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ, поскольку такие вопросы регулируются УПК РФ. Таким образом, законность процессуальных действий следователя, например, перевод обвиняемого в другой следственный изолятор, рассматривается исключительно по уголовным процессуальным нормам.

⁴ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 3 (2023)». Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 года.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ определяет нормы содержания под стражей, которые согласуются с УПК РФ, исключая возможность административного обжалования действий следователя по вопросам, относящимся к уголовному процессу.

Таким образом, можно заключить, что подход к юрисдикции дел в российском законодательстве четко закрепляет отдельные процедуры для административных и уголовных производств, и законность решений по вопросам уголовного судопроизводства не может быть пересмотрена по нормам КАС РФ, если не предусмотрено обратное.

Анализ судебного порядка обжалования решений и действий органов государственной власти позволяет выявить множество процессуальных сложностей. На сегодняшний день институт судебного обжалования продолжает эволюционировать, но значительные пробелы в регулировании данного процесса остаются. Эффективный контроль над деятельностью государственных органов имеет первостепенное значение для защиты прав граждан и обеспечения прозрачности в отношении неправомерных действий должностных лиц.

В РФ предусмотрены два механизма защиты прав граждан: досудебный (административный) и судебный порядок. Административный порядок, хотя и снижает нагрузку на суды, сталкивается с проблемой субъективности при рассмотрении жалоб вышестоящими должностными лицами. В итоге многие граждане и организации предпочитают обращаться в суд для защиты своих прав.

Примеры оснований для оспаривания:

- незаконное задержание или арест;
- проведение незаконных обысков;
- превышение полномочий сотрудниками правоохранительных органов;
- отказ в возбуждении уголовного дела или затягивание сроков рассмотрения дела;
- бездействие по жалобам и заявлениям граждан о правонарушениях.

Граждане и организации, чьи права были нарушены действиями правоохранительных органов, имеют право на обращение в суд. В зависимости от типа нарушения и ведомства, совершившего предполагаемое правонарушение, жалоба может быть подана:

- в суд общей юрисдикции, если речь идет о гражданских правах;
- в военный суд, если нарушены права военнослужащего или сотрудников правоохранительных органов;
- в арбитражный суд, если речь идет о защите прав юридического лица в экономических спорах.

¹ Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 23.03.2024, с изм. от 09.07.2024) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Некоторые дела требуют обязательного досудебного рассмотрения, и лишь в случае его неэффективности истец может обратиться в суд.

КАС РФ предоставляет возможность подачи иска через представителя и устанавливает строгие требования к исковому заявлению. В частности, необходимо приложить ответы органов, которые ранее рассматривали жалобу.

Практика демонстрирует, что основные дела сопряжены с задержками в рассмотрении обращений, заявлений, затягивании в принятии решений, отсутствия решения по проблемам, с которыми граждане обращались. Если суд не находит таких оснований, заявление может быть отклонено. К примеру, в деле № А43–7452/2020 нахождение на лечении в течение двух дней не было признано достаточным для восстановления пропущенного срока². Есть определенная группа дел, сопряженная с нарушением прав в ходе реализации полномочий.

Данные факторы не только подрывают доверие граждан к правовым институтам, но и создают значительные препятствия для защиты прав и законных интересов. Задержки в ответах на обращения нередко приводят к негативным последствиям для заявителей, включая утрату прав и возможностей, а также к нарушению принципов справедливости. Помимо прочего, неправомерные действия государственных органов зачастую способствуют усилению социального напряжения и недовольства среди населения, что в свою очередь может вызывать негативные реакции и протестные настроения.

Необходимость реформирования системы административного судопроизводства становится очевидной, поскольку эффективные механизмы защиты прав граждан и организаций играют важную роль в поддержании правопорядка и доверия к государственным институтам. Важно также отметить, что повышение качества работы государственных органов, включая своевременное и корректное рассмотрение обращений, может существенно снизить количество административных споров и улучшить взаимодействие между государством и обществом.

Несмотря на актуальность судебного обжалования, процессуальные трудности мешают его эффективному осуществлению. Одна из основных проблем заключается в отсутствии специализированных судов, рассматривающих дела, возникающие из публичных правоотношений. Дефицит опыта и необходимых знаний судей в этой сфере ведет к необходимости привлечения экспертов и консультаций с уполномоченными органами, что замедляет процесс и снижает контроль за действиями государственных структур. Подобные обстоятельства зачастую вызывают задержки в выне-

² Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу № А43–7452/2020 – Текст: электронный. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SgljPK9MI7Y5/> (дата обращения: 12.09.2024).

сении решений, что неблагоприятно отражается на защите прав граждан.

Другой аспект затруднений связан с тем, что во время рассмотрения дела возникает правовой спор, который необходимо решать в рамках гражданского судопроизводства. В таких случаях суд оставляет заявление без движения, что вносит правовую неопределенность и тормозит процесс защиты прав. Это приводит к ситуации, когда истцы оказываются в состоянии неопределенности, не зная, как им действовать дальше.

Третьей значимой проблемой является отсутствие четко прописанного порядка для апелляционного, кассационного и последующего обжалования в рамках административного процесса. Гражданское процессуальное законодательство лишь частично заполняет этот пробел, не учитывая особенности публично-правовых споров. Недостаток ясных норм и последовательности в процедурах обжалования может запутать участников, что затрудняет отстаивание своих интересов.

Также стоит отметить, что требование наличия высшего юридического образования или ученой степени для подачи административного иска создает препятствия¹. Данное ограничение исключает многих граждан из возможности самостоятельной защиты своих интересов в суде, поскольку многие из них не способны позволить себе оплатить услуги квалифицированного юриста. В результате формируются неравные условия для всех участников процесса, что противоречит принципам правосудия.

Несмотря на важность механизма судебной защиты прав, текущее состояние данного института отмечается наличием пробелов и недостатков. Эффективное развитие системы судебного обжалования требует дальнейших изменений, направленных на создание более действенной защиты прав граждан и организаций. Изменения в законодательстве необходимы для устранения существующих барьеров, что обеспечит более доступный процесс для всех заинтересованных сторон.

Рассмотрим процессуальные аспекты подачи жалобы. Процедура оспаривания действий правоохранительных органов носит административно-правовой характер и подчиняется требованиям Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ). Подача жалобы должна соответствовать определенным формальным требованиям.

Жалоба подается в письменной форме с указанием следующих данных:

- ФИО заявителя или наименование юридического лица;
- орган или должностное лицо, чьи действия оспариваются;
- суть оспариваемого действия или бездействия;
- обстоятельства дела и доказательства, подтверждающие нарушения прав;

– требования заявителя (например, признание действий незаконными и их отмена, возмещение ущерба).

Сроки подачи жалобы. Важно учитывать, что КАС РФ устанавливает конкретные сроки для подачи жалоб на действия или бездействие органов государственной власти. Как правило, такой срок составляет три месяца с момента, когда заявителю стало известно о нарушении его прав.

При подаче жалобы необходимо оплатить государственную пошлину. В некоторых случаях, если речь идет о защите нарушенных прав, связанных с жизнью, здоровьем или нарушением прав инвалидов, возможно освобождение от уплаты пошлины.

После принятия жалобы судом начинается стадия судебного разбирательства, на которой рассматриваются доводы сторон. Процессуально важно соблюсти следующие этапы.

1. Подготовка доказательной базы. Необходимо представить суду доказательства нарушения прав заявителя. Здесь целесообразно предоставить протоколы следственных действий, письменные показания свидетелей, документы, подтверждающие нарушение закона.

2. Участие сторон. Сторонами в процессе выступают заявитель (истец) и орган или должностное лицо, чьи действия оспариваются (ответчик). На этой стадии важно обеспечить участие всех сторон, предоставить необходимые пояснения и доказательства.

3. Рассмотрение дела. Суд заслушивает стороны, исследует представленные доказательства, заслушивает свидетелей. Судебное разбирательство по таким делам проводится открыто, если иное не предусмотрено законодательством.

4. Принятие решения. По результатам рассмотрения суд принимает решение. Оно может заключаться в признании действий правоохранительных органов незаконными, отмене незаконных актов или действий, а также в компенсации ущерба, если это предусмотрено требованиями заявителя.

Стороны могут подать апелляцию, если решение суда их в итоге не устроило. Если апелляция также не привела к удовлетворению требований, возможна кассационная жалоба. Кассация направляется в суд кассационной инстанции и позволяет пересмотреть дело по процессуальным основаниям.

Как отмечает Е.С. Шишкина, существует необходимость разделения понятий «законность» и «обоснованность» при оценке и квалификации действий правоохранительных органов и их должностных лиц².

Судебные решения, принятые в отношении обращения истца, демонстрируют определенную незаинтересованность в детальном рассмотрении предоставленных доказательств. Представ-

¹ Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 213 с.

² Шишкина Е.С. Процедура оспаривания действий (бездействия) органов власти в арбитражном судопроизводстве // Судопроизводство в арбитражных судах: актуальные проблемы правореализации. – 2021. – С. 148.

ленные истцом факты, касающиеся незаконности наложенного взыскания и нарушений в процессе принятия дисциплинарных мер, были откровенно проигнорированы. В результате истец оказался в ситуации, когда не мог обжаловать несправедливое наказание по причине того, что ему попросту не предоставили необходимую информацию для полноценной защиты своих интересов.

Наиболее парадоксальной выглядит третья часть судебных выводов. Суд пришел к выводу, что попытки истца защитить свои права можно рассматривать как злоупотребление процессуальными возможностями, хотя в реальности истец не преследовал никаких материальных интересов, а просто стремился добиться объективного рассмотрения дела. Эта линия аргументации не только обесценивает сам институт обжалования, но и создает опасный прецедент, когда правомерное требование гражданина может быть интерпретировано как проявление недобросовестности. Так, практика демонстрирует определенную кризис института судебного обжалования в России. Суды, вместо того чтобы служить инструментом восстановления справедливости, превращаются в структуры, уклоняющиеся от реальной работы по защите прав граждан.

В целом, исходя из практики обжалований действий или бездействий правоохранительных органов можно заключить, что процесс оспаривания действий правоохранительных органов может быть осложнен следующими факторами.

- Труднодоступность доказательств. Заявителю часто сложно собрать достаточную доказательную базу, особенно когда речь идет о действиях должностных лиц.
- Субъективность судебных решений. Судьи, принимая решения, могут руководствоваться внутренним убеждением, что иногда приводит к необъективным и противоположным результатам в аналогичных делах.
- Затягивание сроков рассмотрения. Процесс оспаривания действий правоохранительных органов может быть затянут из-за большой загруженности судов или медлительности ответчиков.

Верховный Суд РФ в одном из постановлений указал, что суды обязаны всесторонне проверять обоснованность действий правоохранительных органов. Например, в деле о незаконном задержании гражданина полиция не смогла доказать наличие правомерных оснований для задержания, и суд вынес решение в пользу истца, постановив выплату компенсации за нарушение права на свободу. Другой прецедент касался обжалования отказа полиции принять заявление о преступлении. Суд признал отказ неправомерным, указав, что правоохранительные органы обязаны принимать и регистрировать заявления граждан о любых правонарушениях, поскольку это является частью их публичных полномочий.

Оспаривание действий правоохранительных органов – сложный, но необходимый процесс для

защиты прав граждан и юридических лиц. Институт оспаривания властных органов, в том числе правоохранительных, как показал реализованный в данном исследовании анализ, по-прежнему развивается. Однако, судебная практика демонстрирует, что его дальнейшее регулирование требует тщательного контроля, четкого отслеживания проблемных вопросов и судебной практики с соотношением правовых коллизий и «пустот» с актуальными механизмами защиты граждан в Российской Федерации от произвола правоохранительных органов и их должностных лиц. Таким образом, процесс оспаривания действий правоохранительных органов в суде требует тщательной подготовки, соблюдения сроков и процедур, установленных КАС РФ. Судебная практика показывает, что успешное обжалование действий правоохранительных органов возможно, если истец может доказать факт нарушения прав и свобод.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024).
4. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 23.03.2024, с изм. от 09.07.2024) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 3 (2023). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 года.
6. Административное право: учебник / Б.В. Росинский, Ю.Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b-7322f8e> (дата обращения: 11.11.2024).
8. Дело 02а-1759–2018 Московского городского суда [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fmos-gorsud.ru%2Fmgs%2Fcases%2Fdocs%2Fcontent%2F5d322869-ec89-4236-b182-aeef-977444d&psig=AOvVaw3hkKaLV06_nGsa9mzvkvVvN&ust=1731418887514000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAYQrpoMah-cKEwiQuuWPtNSJAxUAAAAAHQAAAAQBA (дата обращения: 11.11.2024).
9. Деменкова Н.Г., Игнатова М.С., Стариков И.Ю. Обжалование действий (бездействия) и решений органов публичной власти

в административном порядке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 74–78.

10. Шишкина Е.С. Процедура оспаривания действий (бездействия) органов власти в арбитражном судопроизводстве // Сборник Судопроизводство в арбитражных судах: актуальные проблемы правореализации. – 2021. – С. 147–156.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».
12. Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу № А43–7452/2020 – Текст: электронный – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SgljPK9MI7Y5/> (дата обращения: 12.09.2024).
13. Решение Басманного районного суда г. Москвы по делу № 2а- 269/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b7322f8e> (дата обращения: 11.11.2024).

PROCEDURAL FEATURES OF CHALLENGING THE ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Vit A.S.

LLC «MEGAPOLIS»

The article analyzes the procedural features of challenging the actions of law enforcement agencies in the CAS of the Russian Federation. The study identifies the main stages, grounds for going to court and mechanisms for compliance with procedural norms in the framework of protecting the rights of citizens and organizations.

Keywords: challenging, law enforcement agencies, administrative proceedings, protective mechanisms, citizens' rights, procedural features.

References

1. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 08.08.2024).
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 08.08.2024).
3. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Police” (as amended and supplemented, entered into force on 19.08.2024).
4. Federal Law of 15.07.1995 No. 103-FZ (as amended on 23.03.2024, as amended on 09.07.2024) “On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes”.
5. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 3 (2023). Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2023.
6. Administrative law: textbook / B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. – 5th ed., revision. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 576 p.
7. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Moscow City Court [Electronic resource] // Access mode: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b7322f8e> (date accessed: 11.11.2024).
8. Case 02a-1759–2018 of the Moscow City Court [Electronic resource] // Access mode: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fmos-gorsud.ru%2Fmgs%2Fcases%2Fdocs%2Fcontent%2F5d322869-ec89-4236-b182-aeef977444d&psig=AOvVaw3hkKaLV06_nGsa9mzvkvVvN&ust=1731418887514000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAYQrpoMahcKEwiQuu-WPtNSJAxUAAAAAHQAAAAQBA (date of access: 11.11.2024).
9. Demenkova N.G., Ignatova M.S., Starikov I. Yu. Appealing against actions (inaction) and decisions of public authorities in administrative proceedings // Bulletin of the South Ural State University. – 2014. – No. 1. – P. 74–78.
10. Shishkina E.S. Procedure for challenging actions (inaction) of government bodies in arbitration proceedings // Collection of Legal proceedings in arbitration courts: current problems of law enforcement. – 2021. – P. 147–156.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 21 “On certain issues of the application by courts of the provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation”.
12. Decision of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region in case No. A43–7452/2020 – Text: electronic – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SgljPK9MI7Y5/> (date of access: 12.09.2024).
13. Decision of the Basmanny District Court of Moscow in case No. 2a-269/2020 [Electronic resource] // Access mode: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b7b00965-2ae4-49a1-8af1-ec04b7322f8e> (date of access: 11.11.2024).

Проблемы и перспективы уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений

Короткий Филипп Викторович,

к.ю.н., доцент, Кубанский государственный университет
E-mail: philipp-kor@rambler.ru

Научная статья открывается обзором преимуществ свободы экономической деятельности, а также анализом индекса экономической свободы стран мира. Дана краткая характеристика правовых гарантий свободы экономической деятельности в Российской Федерации, частью которых является уголовное законодательство.

Представлено авторское определение преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, в основу которого положены непосредственный объект, способ совершения, а также мотив и цель преступления. Обращение к судебной статистике показало, что преступления, посягающие на свободу экономических отношений, обладают высокой степенью латентности. Кроме того, целый ряд статей об ответственности за эти преступления на практике остаются неработающими.

Выделены ключевые проблемы, наличие которых снижает эффективность уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений. В их числе: наличие связок общих и специальных уголовно-правовых норм, обусловленное чрезмерным дроблением уголовно-правовых запретов; коллизии уголовно-правовых, административно-правовых, и предпринимательско-правовых норм; рассогласованность криминообразующих признаков преступлений, посягающих на свободу экономических отношений; нарушения требований юридической техники; отсутствие системности и единообразия в построении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений, посягающих на свободу экономических отношений; недостатки норм об освобождении от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности; недочёты пенализации преступлений.

Ключевые слова: свобода экономических отношений; конкуренция; экономическая деятельность; индекс экономической свободы; преступления, посягающие на свободу экономических отношений; уголовно-правовая охрана свободы экономических отношений.

Свобода экономических отношений выступает неизменным условием функционирования рыночной системы хозяйствования. Вся история развития экономической мысли, при всём разнообразии теорий, концепций и воззрений, свидетельствует, что эффективной может быть только та система хозяйствования, которая позволяет человеку наиболее полным образом раскрыть имеющийся у него потенциал, проявить свои способности, навыки, умения и предпринимательскую инициативу.

Теоретический анализ неоспоримых достоинств свободы экономических отношений обстоятельно представлен в трудах таких авторов, как Т. Веблен, А. Курно, А. Маршалл, Дж.С. Милль, Ф. Перу, М. Портер, А. Смит, Д. Рикардо, Й. Шумпетер и другие.

Именно в условиях свободы экономических отношений участники рынка, движимые стремлением к получению прибыли, максимизируют усилия по использованию средств производства, а беспрепятственный доступ на рынок способствует установлению равновесных цен.

Данные, касающиеся состояния экономической свободы и свободных рынков в странах мира, на протяжении последних двадцати семи лет обобщает и анализирует исследовательский центр Heritage Foundation. Результаты этой научной работы подтверждают «огромную положительную взаимосвязь» между экономической свободой, с одной стороны, и экономическим, а также социальным прогрессом, с другой стороны [см.: 4].

Heritage Foundation ежегодно рассчитывает Индекс экономической свободы стран мира на основе двенадцати количественных и качественных факторов, сгруппированных в четыре широкие категории. Среди них: верховенство закона (гарантированность законом права собственности, некоррупционность правительства, эффективность судебной системы); доля участия правительства в экономике (государственные расходы, налоговое бремя, финансовая свобода); эффективность регулирования экономики (свобода бизнеса, свобода труда, монетарная свобода); открытые рынки (свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода).

Индекс 2021 рассчитан применительно к 178 странам мира. Наиболее свободной в экономическом отношении страной признан Сингапур, а наименее свободной – Северная Корея. Россия в рейтинге занимает лишь 92 место. Причём среди стран европейского региона она располагается на 42 месте из 45 возможных. Тем самым, средние показатели экономической свободы нашей стра-

ны ниже средних мировых и региональных показателей. Помимо собственно экономических и политических факторов, столь низкое положение России в данном рейтинге основывается, в том числе, и на оценке его авторами таких показателей, как защищённость в стране права частной собственности, «независимость судебной системы, наличие коррупции в судебной системе и способность отдельных лиц и предприятий обеспечивать выполнение контрактов» [4].

Гарантии признания и защиты частной собственности, единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности закреплены в Конституции Российской Федерации [см.: 1] (ст. 8) и, более того, отнесены к основам конституционного строя нашей страны. Эти положения развиты в Главе 2 Конституции РФ, посвящённой правам и свободам человека и гражданина. Так, в частности, декларированы гарантии охраны частной собственности (ст. 35), в том числе на землю (ст. 36). Закреплено право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности. Установлен запрет на экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34).

Приверженность взятым на себя в рассматриваемой сфере обязательствам отражена и в правовых документах, оформляющих экономическую политику российского государства. К примеру, в Указе Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [см.: 3] к основополагающим принципам государственной политики по развитию конкуренции отнесено «обеспечение равных условий и свободы экономической деятельности на территории Российской Федерации» (подп. «б» п. 3). Среди принципов осуществления деятельности федеральных органов исполнительной власти закреплён «запрет на необоснованное вмешательство в свободное функционирование товарных рынков, издание актов, принятие решений, которые могут привести к недопущению, устранению конкуренции» (подп. «б» п. 4).

Конституционные обязательства по обеспечению свободы экономической деятельности воплощаются в её правовой охране отраслевыми нормами российского законодательства. При этом, вопросы пределов и содержания уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений особенно чувствительны. Как верно замечают С.В. Максимов и К.А. Утаров, «неограниченная свобода конкуренции неизбежно приводит к тому, что «сильные» поедают «слабых» и тем самым неосознанно вредят самим себе, замедляя, а то и обращая вспять развитие экономики» [18, с. 7–8].

Составы преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, сосредоточены законодателем в Главе 22 «Преступления в сфере эконо-

мической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [см.: 2] (далее – УК РФ). Ключевым для обособления рассматриваемых посягательств от иных преступлений Главы 22 выступает их непосредственный объект, в качестве которого выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением свободной экономической деятельности. При совершении подобных преступлений также ущемляются интересы потребителей товаров и услуг, что даёт основания для обозначения названных интересов в качестве дополнительного непосредственного объекта преступления [см.: 7, с. 66].

Уголовно-правовая сущность преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, также проявляется в таких значимых характеристиках, как ненасильственный способ совершения преступления, выраженный в криминальной форме осуществления экономической деятельности [см.: 23, с. 228; 24, с. 227], а также корыстный мотив и цель получения материальной выгоды [см.: 12, с. 65–66], которыми руководствуется виновный при совершении преступления.

Тем самым, преступления рассматриваемой группы представляют собой совершаемые по корыстному мотиву и преследующие цель получения экономической выгоды посредством использования криминальных способов осуществления экономической деятельности общественно опасные деяния, посягающие на складывающиеся в связи с осуществлением свободной экономической деятельности отношения.

Перечень субъектов преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, достаточно широк. В него входят участники экономической деятельности (руководители коммерческих организаций, участвующие в управлении собственники компаний, индивидуальные предприниматели), включая лиц, незаконно занимающихся предпринимательской деятельностью, а также лица, представляющие в экономических отношениях интересы государства и органов местного самоуправления. Это могут быть, в том числе, и субъекты, не являющиеся должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации (в частности, в составах преступлений, предусмотренных статьями 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ). Так, к примеру, в статьях 179, 180, 185.3, 185.6 УК РФ оговорён общий субъект преступления.

В доктрине уголовного права сложилась поливариативность подходов к обозначению рассматриваемой группы преступлений, а также к определению их круга. Сложности подобного научного анализа вполне объективны и могут быть объяснены такими обстоятельствами, как структура и многообразие экономических отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану, специфика субъектного состава посягательств на эти отношения, а также особенности потерпевших от их совершения [см.: 27, с. 13]. Перманентно модифицируются

как социальные отношения в данной сфере, так и направленное на их охрану уголовное законодательство. Это также служит фактором, затрудняющим исследование соответствующих составов преступлений.

Преступления интересующей нас группы в науке уголовного права именуются посягающими на принцип свободы экономической деятельности [см.: 17, с. 16–17; 11, с. 130] или же, к примеру, преступлениями против свободы товарного рынка [см.: 14, с. 10]. Немалая часть авторов исследуют общественно опасные посягательства на свободу экономической деятельности в рамках анализа преступлений, направленных против свободы конкуренции, которые обозначаются как преступления в сфере конкурентных отношений [см.: 28, с. 9; 6, с. 45 и др.], преступления в сфере антимонопольного законодательства [см.: 23, с. 231; 20, с. 28 и др.], преступления, направленные на монополизацию рынка и недобросовестную конкуренцию [см.: 10, с. 6–7; 29, с. 41; 9, с. 213–214; 27, с. 13 и др.], преступления экономического доминирования и недобросовестной конкуренции [см.: 16, с. 24], преступления, подрывающие условия справедливой конкуренции и равенства участников хозяйственных отношений [см.: 12, с. 97].

Наиболее предпочтительным видится обозначение исследуемых общественно опасных деяний в качестве преступлений, посягающих на свободу экономических отношений. Оперирование указанным термином позволяет, с одной стороны, чётко и лаконично очертить непосредственный объект соответствующих преступлений, а также наиболее точно определить их перечень. Напротив, ограничение посягательств на свободу экономической деятельности лишь преступлениями, направленными против свободы конкуренции, ведёт к неоправданному сужению числа составов преступлений, подлежащих научному анализу в рамках соответствующего исследования. Это, в свою очередь, не позволит выявить все имеющиеся в данной сфере проблемы, а также предложить законодателю и правоприменителю взвешенные и оптимальные пути их решения.

В рамках настоящей статьи представляется необходимым остановиться на ключевых проблемах, наличие которых снижает эффективность уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений. В связи с этим, оставляя за скобками детальный разбор представленных в доктрине уголовного права многообразных точек зрения на вопрос о круге интересующих нас составов преступлений, обозначим авторскую позицию, согласно которой в их число целесообразно включать, прежде всего, те, которые описаны в статьях 169, 178, 179, 180, 183, 185, 185.1, 185.3, 185.6, 200.4, 200.5, 200.6, 201.1, 285.4 УК РФ.

При обращении к судебной статистике по отмеченным статьям уголовного закона наглядно видно, что целый ряд из них на практике остаются неработающими. К примеру, исходя из официальных данных, преступления, предусмотренные ста-

тьями 185, 185.1, 185.6, ст. 200.4, ст. 200.6 УК РФ за период 2017–2020 гг. в нашей стране вообще не совершались. За указанный временной отрезок по статье 185.3 УК РФ был осуждён один человек, по ст. 201.1 УК РФ – два человека, по ст. 178 УК РФ – три человека, а по ст. 200.5 УК РФ – пять человек [см.: 25]. Так, если рассматривать не все уголовно наказуемые посягательства на свободу экономических отношений, а лишь те из них, которые связаны с ограничением экономической конкуренции, можно увидеть, что реально «работают» лишь две статьи – 180 и 183 УК РФ [см.: 22, с. 71].

Данные о судимости за совершение преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, не соотносятся с результатами мониторинга состояния законности в рассматриваемой сфере. Так, к примеру, ежегодно органами прокуратуры выявляется около одного миллиона нарушений законодательства в сфере экономики [см.: 19]. Специалисты Федеральной антимонопольной службой дают оценку, согласно которой ущерб от картельных сговоров достигает двух процентов валового внутреннего продукта России [см.: 15, с. 22]. В свою очередь, Счетная палата РФ не первый год фиксирует кратное увеличение объёма ущерба, причинённого нарушениями законодательства о закупках товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд (в частности, объём причинённого в 2018 г. ущерба превысил аналогичный показатель 2017 года в два с половиной раза, а 2016 года – в пять с половиной раз) [см.: 5].

Вопрос о высокой латентности преступлений, посягающих на свободу экономической деятельности, неоднократно поднимался на страницах научной печати [см.: 18, с. 12–13; 21, с. 230; 26, с. 18]. Указанная проблема вплоть до настоящего момента не снята, причины чего кроются не только в недостатках работы следственных органов, но и в тех пороках, которые заложены в уголовном законе.

Правоприменительная деятельность дополнительно затруднена в силу наличия целого ряда связок общих и специальных уголовно-правовых норм. Примером могут служить статьи УК РФ, направленные на противодействие незаконной предпринимательской деятельности (статьи 171–172.3), а также противодействие воспрепятствованию свободы экономических отношений в сфере обращения ценных бумаг (статьи 185–185.6). Законодатель пошёл по пути дробления уголовно-правовых запретов, включив в УК РФ ряд сходных по ключевым признакам и элементам составов преступлений. Учитывая нынешнее состояние правоприменительной практики, вопросы социально-правовой обусловленности криминализации посягательств на свободу экономических отношений требуют дальнейшего изучения. Думается, что не во всех случаях появление в УК РФ «новых» составов преступлений оправдано изменением степени и характера общественной опасности деяния в зависимости от изменения того или иного признака состава преступления (например, способа совершения преступления).

Законодательство о противодействии посягательствам на свободу экономических отношений также должно быть оценено на предмет наличия коллизий уголовно-правовых, административно-правовых, и предпринимательско-правовых норм. Ключевым в этой связи является тезис о вторичной, вспомогательной роли уголовно-правовых средств охраны свободы экономических отношений, которые следует применять лишь в случаях, когда противостоят деформации социальных отношений без применения уголовной репрессии не представляется возможным [см.: 12, с. 10]. Перед доктриной уголовного права стоит задача подготовки научно обоснованных рекомендаций по декриминализации избыточных статей уголовного закона об ответственности за преступления, посягающие на свободу экономических отношений.

Не всегда последователен законодатель и при решении вопроса об избрании того или иного признака в качестве криминообразующего. Таковым, в частности, признаётся: крупный ущерб гражданам, организациям или государству (ст. 185, 185.1 УК РФ); крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо же извлечение виновным дохода в крупном размере (ст. 178 УК РФ); крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжённость с извлечением излишнего дохода или же избежанием убытков в крупном размере (ч. 1 ст. 185.3, 185.6 УК РФ); крупный ущерб или же совершение деяния неоднократно (ст. 180 УК РФ). Приведение законодательства к единообразию в этом отношении, как представляется, должно благотворно сказаться на правоприменительной практике и способствовать укреплению правовых гарантий свободы экономической деятельности.

Составы преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, вызывают нарекания и с точки зрения юридической техники. Законодатель вполне справедливо использовал при построении значительной части диспозиций статей о преступлениях в сфере экономической деятельности бланкетный и отсылочный приёмы (например, в статьях 171, 171.3, 180, 183, 185.4, 185.5 УК РФ). Выбор именно этих приёмов предопределён спецификой социальных отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану в Главе 22 УК РФ, вспомогательной ролью уголовно-правовых средств их защиты, а также целями удобства законотворческой и правоприменительной работы. Однако, к примеру, в диспозиции ст. 185.5 УК РФ практически дословно воспроизведено содержание нормы иноотраслевого законодательства, что вряд ли необходимо. Не всегда последовательно употреблены такие термины, как «незаконность», «неправомерность», «нарушение правил», а также категории, имеющие соответствующие дефиниции в предпринимательском законодательстве. Рассматриваемые уголовно-правовые нормы, безусловно, нуждаются в тщательном пересмотре и приведению к единообразию с точки зрения требований юридической техники.

Далее, при анализе набора квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, также обращает на себя внимание отсутствие строгой логики. Это замечание касается, прежде всего, учёта изменения степени общественной опасности деяния в зависимости от того или иного варианта групповой и организованной преступной деятельности. Так, в частности, в ст. 185.3 и ст. 179 УК РФ упомянута лишь организованная группа, в ст. 180 и ст. 185 УК РФ – и организованная группа, и группа лиц по предварительному сговору. А, например, в ст. 178 и ст. 183 УК РФ возможность групповой преступной деятельности вообще не учтена при дифференциации уголовной ответственности. Очевидно, что это также несомненный порок составов преступлений, посягающих на свободу экономических отношений, требующий основательного осмысления и преодоления.

Внимания заслуживают также нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на свободу экономических отношений. Так, нынешняя формулировка ст. 76.1 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба допускает гипотетическую возможность применения её положений неоднократно, по отношению к лицам, которые уже ранее попадали в орбиту уголовного судопроизводства и были освобождены от ответственности по этому основанию. Думается, что такая возможность не способствует укреплению режима законности и гарантий свободы экономической деятельности [см.: 8, с. 23]. Также спорно решение законодателя, посчитавшего целесообразным разместить нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба в Общей, а не в Особенной части уголовного закона. Что касается специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, то они расщеплены в Главе 22 УК РФ весьма хаотично (в частности, в примечании 3 к ст. 178, примечании 3 к ст. 198, примечании 2 к ст. 200.3, примечании 2 к ст. 200.5).

Споры вызывают и подходы законодателя к решению вопросов пенализации преступлений, посягающих на свободу экономических отношений. В числе существующих проблем следует назвать широкие рамки судейского усмотрения при избрании вида и размеров уголовного наказания, несоответствие составов преступления (основного, квалифицированного, особо квалифицированного) категориям преступления, а также общий дисбаланс санкций статей уголовного закона [см.: 13, с. 46].

В рамках настоящей научной статьи представлены лишь наиболее существенные, системные пороки и недостатки уголовного законодательства, снижающие эффективность правовой охраны свободы экономических отношений. Поиск путей их преодоления во многом определяет магистральные направления дальнейшего исследования,

итогом которого должна стать разработка научно обоснованной концепции уголовно-правового противодействия посягательствам на свободу экономических отношений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы») // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2017. № 52 (Часть I). С. 8111.
4. The Heritage Foundation: 2021 Index of Economic Freedom [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/> Дата обращения – 01.11.2024.
5. Агеева О. Счетная палата выявила рост нарушений в госзакупках в 5 раз за 2 года: РБК [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d-2c90d07b Дата обращения – 01.11.2024.
6. Бацин И.В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование: дис. с.к.ю.н. Н.Новгород, 2017. 216 с.
7. Бойцов А.Н., Ображиев К.В. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции. Монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. 152 с.
8. Власенко В.В. К вопросу о повышении эффективности норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ) // Российский судья. 2016. № 11. С. 21–25.
9. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по Уголовному праву России. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 765 с.
10. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступление в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. 259 с.
11. Горелов А.П. Уголовно-правовая охрана сферы предпринимательской деятельности как направление обеспечения экономической безопасности России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 340 с.
12. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: диссертация докт. юрид. наук. М., 2019. 402 с.
13. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
14. Кругликов Л.Л. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Учебное пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2001. 159 с.
15. Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: дис. ... к.ю.н. М., 2016. 181 с.
16. Лапшин В.Ф. Финансовые преступления. Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 168 с.
17. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 184 с.
18. Максимов С.В., Утаров К.А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. Монография / под ред. В.П. Заварухина. М.: ИПРАН РАН, 2018. 80 с.
19. Официальный интернет-сайт Генеральной прокуратуры РФ: Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/stat> Дата обращения – 01.11.2024.
20. Петров С.В., Черных Е.Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия организованным формам преступных посягательств на конкурентные отношения в сфере экономики: монография. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. 124 с.
21. Пинкевич Т.В. Особенности причинного комплекса экономической преступности (на примере взаимосвязи циклических процессов в экономике и экономической преступности) // Причины экономической преступности: выявление, обучение, противодействие: материалы международного межведомственного научно-практического круглого стола по обсуждению учебного пособия И.М. Мацкевича «Причины экономической преступности», 26 мая 2017 г. – М.: Проспект, 2017. С. 228–230.
22. Пинкевич Т.В. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере конкуренции: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 70–75.
23. Пинкевич Т.В. Экономическая преступность: понятие, сущность, виды // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 228–232.
24. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Горшенков Г.Н., Кабанов П.А., Кас-торский Г.Л., Колесников В.В., и др.; Под ред.: Шестаков Д.А. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 353 с.

25. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> Дата обращения – 01.11.2024.
26. Улезько А.Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: автореферат дисс. ... к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2004. 22 с.
27. Хакулов М.Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 38 с.
28. Чугунов А.А. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 197 с.
29. Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. 1999. № 11. С. 38–43.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF FREEDOM OF ECONOMIC RELATIONS

Korotkii Ph.V.

Kuban State University

The scientific article opens with an overview of the advantages of freedom of economic activity, as well as an analysis of the index of economic freedom of the countries of the world. A brief description of the legal guarantees of freedom of economic activity in the Russian Federation, part of which is the criminal legislation, is given.

The author's definition of crimes that infringe on the freedom of economic relations is presented, which is based on the immediate object, the method of committing, as well as the motive and purpose of the crime. An appeal to judicial statistics has shown that crimes that infringe on the freedom of economic relations have a high degree of latency. In addition, a number of articles on responsibility for these crimes remain inoperative in practice.

The key problems are highlighted, the presence of which reduces the effectiveness of the criminal law protection of freedom of economic relations. Among them: the presence of bundles of general and special criminal law norms, due to the excessive fragmentation of criminal law prohibitions; conflicts of criminal law, administrative law, and business law; inconsistency of criminogenic signs of crimes encroaching on the freedom of economic relations; violation of the requirements of legal technology; lack of consistency and uniformity in the construction of qualifying and especially qualifying signs of crimes that infringe on the freedom of economic relations; deficiencies in the norms on exemption from criminal liability for crimes in the field of economic activity; shortcomings in the penalization of crimes.

Keywords: freedom of economic relations; competition; economic activity; economic freedom index; crimes infringing on the freedom of economic relations; criminal law protection of freedom of economic relations.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. № 144.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. № 25. Art. 2954.
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2017 № 618 «On the main directions of state policy for the development of competition» (together with the «National Plan for the Development of Competition in the Russian Federation

- for 2018–2020») // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/25/2017. № 52 (Part I). P. 8111.
4. The Heritage Foundation: 2021 Index of Economic Freedom [Electronic resource] // Access mode: <https://www.heritage.org/index/> Date of access – 01.10.2021.
5. Ageeva O. The Accounts Chamber revealed an increase in violations in public procurement by 5 times in 2 years: RBC [Electronic resource] // Access mode: www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b Date of appeal – 01.10.2021.
6. Batsin I.V. Institute of Competitive Relations as an Object of Criminal Law Protection: Theoretical and Applied Research: Diss. Ph.D. N. Novgorod, 2017. 216 p.
7. Boytsov A.N., Obrazhiev K.V. Criminal liability for preventing, restricting or eliminating competition. Monograph. Stavropol: Service School, 2006. 152 p.
8. Vlasenko V.V. On the issue of increasing the effectiveness of the norms providing for exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity (Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Russian Judge. 2016. № 11. P. 21–25.
9. Volzhenkin B.V. Crimes in the field of economic activity under the Criminal Law of Russia. SPb.: Jurid. Center Press, 2007. 765 p.
10. Gorelik A.S., Shishko I.V., Khlopina G.I. Crime in the field of economic activity and against the interests of service in commercial and other organizations. Krasnoyarsk, 1998. 259 p.
11. Gorelov A.P. Criminal and legal protection of the sphere of entrepreneurial activity as a direction of ensuring the economic security of Russia: dis. ... Dr. jurid. sciences. M., 2004. 340 p.
12. Zhilkin M.G. Differentiation of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial activity: problems of theory and practice: doctoral dissertation. jurid. sciences. M., 2019. 402 p.
13. Korobeyev A.I. Criminal and legal policy of modern Russia: problems of penalization and de-penalization // Zakon. 2015. № 8. P. 46–59.
14. Kruglikov L.L. Economic crimes (issues of differentiation and individualization of responsibility and punishment). Tutorial. Yaroslavl: Yarosl publishing house. University, 2001. 159 p.
15. Laptev D.B. Criminal liability for preventing, limiting or eliminating competition: dis. ... Ph.D. M., 2016. 181 p.
16. Lapshin V.F. Financial crimes. Tutorial. Moscow: YurLitinform, 2009. 168 p.
17. Lopashenko N.A. Questions of qualification of crimes in the sphere of economic activity. Saratov: Publishing house Sarat. University, 1997. 184 p.
18. Maksimov S.V., Utarov K.A. Competition Criminal Policy: Objectives and Opportunities. Monograph / Ed. V.P. Zavarukhin. Moscow: IPARAN RAN, 2018. 80 p.
19. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: Basic statistical data on the activities of the prosecutor's office [Electronic resource] // Access mode: <https://genproc.gov.ru/stat> Date of appeal – 01.10.2021.
20. Petrov S.V., Chernykh E.E. Criminal-legal and criminological aspects of counteraction to organized forms of criminal encroachments on competitive relations in the sphere of economics: monograph. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 124 p.
21. Pinkevich T.V. Features of the causal complex of economic crime (on the example of the relationship of cyclical processes in the economy and economic crime) // Causes of economic crime: identification, training, counteraction: materials of the international interagency scientific and practical round table on the discussion of the textbook by I.M. Matskevich «Causes of Economic Crime», May 26, 2017. – M.: Prospect, 2017. P. 228–230.
22. Pinkevich T.V. Countering crimes committed in the field of competition: problem statement // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). P. 70–75.
23. Pinkevich T.V. Economic crime: concept, essence, types // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 17. P. 228–232.
24. Crime among social subsystems. New concept and branches of criminology. Monograph / Gorshenkov G.N., Kabanov P.A.,

- Kastorsky G.L., Kolesnikov V.V., etc .; Ed .: Shestakov D.A. SPb .: Jurid. Center Press, 2003. 353 p.
25. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] // Access mode: <http://www.cdep.ru> Date of appeal – 01.10.2021.
26. Ulezko A. Yu. Criminal liability for preventing, limiting or eliminating competition: abstract dissertation. ... Ph.D. Rostov-on-Don, 2004. 22 p.
27. Khakulov M. Kh. Crimes infringing on the freedom and fairness of competition in the field of entrepreneurial activity: Avto-ref. dis. ... Dr. jurid. sciences. M., 2009. 38 p.
28. Chugunov A.A. Criminal legal protection of entrepreneurial activity: Dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2001. 197 p.
29. Yakovlev A.M. Legislative definition of crimes in the sphere of economic activity // State and Law. 1999. № 11. P. 38–43.

Кубрикова Мария Евгеньевна,

к.ю.н., судья Заднепровского районного суда города

Смоленска

E-mail: kme27@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением частных и публичных интересов. Обращено внимание на то, что принятие Конституции РФ 12.12.1993 ознаменовало переход от характерного для советского периода приоритета общественных (коллективных) интересов к приоритету личных прав и свобод. При этом в основу УПК РФ была положена прозападная концепция ограниченной роли государства, что повлекло за собой нарушение разумного баланса частных и публичных интересов. Вместе с тем с 01.07.2020 в ст. 75.1 Конституции РФ закреплено такое понятие как солидарность, направленное на достижение в законотворческой и правоприменительной деятельности разумного соотношения индивидуальных и общественных интересов. Анализируя понятие солидарности на национальном и международном уровнях применительно к уголовному судопроизводству, автор приходит к выводу о необходимости формирования новой концепции уголовного процесса, построенной на началах солидарности, для преодоления разрыва между конституционными нормами и реальной жизнью граждан, консолидации общества и обеспечения его устойчивого развития в условиях проведения специальной военной операции, беспрецедентных санкций и быстрого развития цифровых технологий.

Ключевые слова: солидарность, принцип, ценность, частные и публичные интересы, разумный баланс, конституционные новеллы, уголовный процесс.

Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года предусматривают создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и принципов патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности¹.

Солидарность является одной из российских традиций, присущих различным сферам – политической, экономической, социальной, которая нашла свое закрепление с 01.07.2020 в ст. 75.1 Конституции РФ.

Данное положение уточнило и конкретизировало принцип социального государства, а также принцип недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод, регламентированные в ст. 7 и ч. 3 ст. 17 основного закона страны.

Одновременно с этим Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16.03.2020 г. № 1-З отметил особое значение данной нормы, направленной «на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности»².

Именно в отыскании разумного баланса идей индивидуальной свободы и социальной солидарности в целях достижения справедливости видит направления дальнейшего совершенствования национального уголовного судопроизводства профессор В.В. Дорошков³.

Рассматривая уголовное судопроизводство как социальный институт, созданный и действующий

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

² Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2, 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

³ См. подробнее: Дорошков В.В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2019. 418 с.; Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма: монография. М., 2023. 326 с.

в интересах всего общества, а не только в интересах отдельного человека (обвиняемого или потерпевшего), профессор Л.Н. Масленникова также указывает на необходимость его построения на основе оптимального соотношения публичного и диспозитивного начал¹.

По прошествии некоторого времени становится очевидным, что конституционные новеллы 2020 года станут своего рода «толчком» к формированию новых концепций развития права в различных отраслях для преодоления разрыва между конституционными нормами и реальной жизнью граждан, консолидации общества и обеспечения его устойчивого развития. Именно солидарность может стать той национальной идеей, на базе которой и будут формироваться научные концепции.

На сегодняшний день уже можно найти не мало исследований, посвященных содержанию принципа солидарности в различных отраслях права (например, конституционное право², трудовое право³, административное право⁴, гражданское право⁵).

Важно, чтобы был проанализирован исторический опыт нашей страны с позиций соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности.

Так, для советского периода характерен приоритет общественных (коллективных) интересов. Принятие Конституции РФ 12.12.1993 ознаменовало приоритет личных прав и свобод.

Переход от приоритета публичных интересов к приоритету частных неизбежно отразился и на развитии уголовного судопроизводства России.

В основу принятого в 2001 году УПК РФ была положена прозападная концепция ограниченной роли государства, что повлекло за собой нарушение разумного баланса частных и публичных интересов. В назначении уголовного судопроизводства про защиту общественных интересов не сказано ни слова.

Количество федеральных законов, которыми вносятся изменения и дополнения в УПК РФ, ежегодно увеличивается, но это не приводит к повышению эффективности уголовного судопроиз-

водства. Напротив, происходит фактическое нарушение равноправия сторон, перекалывание обязанности государственной власти по защите потерпевших на плечи самих потерпевших, усиление противостояния на стороне обвинения между прокуратурой и следственными органами⁶.

Концептуальная основа действующего УПК РФ не состоятельна, поскольку не способна обеспечить разумное соотношение индивидуальной свободы и общественной солидарности, как того требует Конституция РФ в редакции 01.07.2020.

Если модель уголовного процесса не учитывает существующие реалии развития государства, общества и личности, а также исторические традиции государства, духовные ценности и культуру многонационального народа, то она обречена на неизбежное саморазрушение, и никакие точечные изменения не остановят этот процесс.

Требуется новая научно обоснованная концепция, учитывающая эволюционное развитие уголовного процесса России⁷.

Конституционные изменения 2020 года постепенно находят свой отклик в дискуссии представителей научного сообщества и правоприменителей в сфере уголовного судопроизводства.

Так, принимая обязательные для исполнения постановления и определения, Конституционный Суд РФ для разрешения тех или иных вопросов толкования уголовно-процессуальных норм обращается к такому понятию как баланс частных и публичных интересов.

Доктор юридических наук Н.В. Азарёнок интерпретирует данное понятие как феномен «баланс публичного и частного интересов» в ранге основополагающего фактора совершенствования современного уголовного процесса России, придавая ему статус принципа уголовного процесса⁸.

Соглашаясь с мнением профессора В.А. Азарова, считающего, что баланс публичных и частных интересов достигается именно исчерпывающим выполнением задач уголовного процесса и строгим соблюдением его принципов, представляется избыточным придание этому феномену статуса принципа уголовного процесса⁹.

¹ Масленникова Л.Н. Внешние факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // *Lex Russica* (Русский закон). 2010. Т. 69. № 5. С. 1010–1011.

² Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2017. 42 с.

³ Корсаненкова Ю.Б. Конституционная значимость принципа социальной солидарности как основы правового регулирования социально-трудовых отношений // *Социальное и пенсионное право*. 2024. № 2. С. 17–21.

⁴ Кокурина О.Ю. Публичная ответственность и обязанности государства в контексте конституционного принципа общественной солидарности // *Административное право и процесс*. 2024. № 2. С. 10–18.

⁵ Марьина А.А. Принцип социальной солидарности в гражданском праве: вопросы правоприменительной практики // *Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции*. М., 2023. С. 116–119.

⁶ См. подробнее: Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // *Lex Russica* (Русский закон). 2010. Т. 69. № 3. С. 557.

⁷ См.: Азаров В.А. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Отзыв официального оппонента о диссертации Азаренка Николая Васильевича, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2023. № 1. С. 108.

⁸ Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2021. С. 15.

⁹ Азаров В.А. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Отзыв официального оппонента о диссертации Азаренка Николая Васильевича, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2023. № 1. С. 116.

Кроме того, полагаем, что баланс частных и публичных интересов является лишь одним из элементов, характеризующих содержание принципа солидарности, закрепленного в Конституции РФ, наряду с иными такими элементами как:

- соразмерность прав сильной стороны относительно слабой стороны, не исключая «возложение дополнительных обязательств, если таковые не являются несоразмерным обременением»¹;
- доверие граждан к закону и действиям публичной власти;
- примирение противоречий между правами различных субъектов правоотношений;
- консолидация общества независимо от политического, культурного, религиозного, идеологического многообразия.

Рассматривая категорию «солидарность», обращает на себя внимание отсутствие четкого определения того, что законодатель понимает под солидарностью. Это влечет трудности в ее правовом толковании.

Понятие «солидарность» происходит от латинского *solidum* и французского *solidarite*, что означает «соединение, совместность, соединенность, единство, совместное действие, взаимопомощь, поддержка, кооперация, сотрудничество» и т.д.².

В Словаре иностранных слов современного русского языка дается два обобщенных толкования понятию «солидарность»: 1) единое совпадение интересов; 2) общая с кем-то ответственность (юрид.)³.

В словаре русского языка Ожегова солидарность рассматривается как «деятельное сочувствие каким-либо мнениям или действиям, общность интересов, единомыслие»⁴.

Профессор Л.Н. Масленикова рассматривает солидарность как один из принципов взаимоотношений личности и государства в обществе наряду с духовностью и subsidiarностью, полагая, что духовность в уголовном судопроизводстве проявляется как нравственное начало при условии, что солидарность является общим началом, которое составляет целое в уголовном судопроизводстве, допуская при этом subsidiarное начало, находящееся в автономии относительно солидарного начала, но под его эгидой⁵.

Для восполнения возникшего пробела 14.11.2023 Конституционным Судом РФ был подготовлен аналитический документ, посвященный осмыслению солидарности⁶.

Солидарность, с точки зрения Конституционного Суда РФ, представляет собой сложный концепт, который имеет гуманистическую природу, существует в двух формах (как принцип и как ценность) и трех проявлениях (экономическая, политическая и социальная солидарность). Анализируя политическую солидарность, Конституционный Суд РФ указал на существование начал солидарности в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Вышеприведенное определение солидарности, сформулированное Конституционным Судом РФ на национальном уровне, коррелирует с интерпретацией солидарности и на международном уровне.

Независимый эксперт по правам человека и международной солидарности при ООН разработал проект декларации о праве на международную солидарность, понимая ее как выражение духа единства между отдельными людьми, народами, государствами и международными организациями, охватывающее общность интересов, целей и действий, а также признание различных потребностей и прав для достижения общих целей. Одновременно с этим международная солидарность рассматривается как основополагающий принцип, лежащий в основе международного права, направленного на сохранение международного порядка и обеспечение выживания международного сообщества⁷.

Солидарность является принципом как в системе национального права, так и международного права, поскольку предполагает определенный уровень доверия между обществом и институтами власти, а также между сотрудничающими государствами, акцентирующими внимание не только на своих национальных интересах, но и на интересах других стран.

Учитывая изложенное, можно говорить еще об одном проявлении солидарности – международной солидарности, которая не может не оказывать влияние на сферу международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, являющегося неотъемлемой частью уголовного процесса России.

Конституция РФ определяет основные направления долгосрочного развития российского государства и общества, соединяя в себе индивидуальные и коллективные ценности. УПК РФ основание ученой степени доктора юридических наук. М., 2000. С. 506.

⁶ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

⁷ Приложение к докладу A/HRC/35/35 [Электронный ресурс] // Доступ: <https://docstore.ohchr.org/F...PDF/A/HRC/35/35> (дата обращения: 06.10.2024).

¹ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023. [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

² Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз., 1992. С. 567.

³ Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. С. 616.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2008. С. 679.

⁵ Масленикова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: диссертация на соис-

ван на Конституции РФ, что следует из положения, предусмотренного ч. 1 ст. 1 УПК РФ. Тем самым, дальнейшее реформирование российского уголовного процесса будет происходить с учетом конституционных изменений 2020 года, а новая концепция уголовного процесса, построенная на началах солидарности, позволит обеспечить соблюдение национальных интересов России в условиях проведения специальной военной операции, беспрецедентных санкций и быстрого развития цифровых технологий.

Литература

1. Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2021. 547 с.
2. Азаров В.А. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Отзыв официального оппонента о диссертации Азаренка Николая Васильевича, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1. С. 107–118.
3. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2017. 42 с.
4. Дорошков В.В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2019. 418 с.
5. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма: монография. М., 2023. 326 с.
6. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2, 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).
7. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).
8. Кокурина О.Ю. Публичная ответственность и обязанности государства в контексте конституционного принципа общественной солидарности // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 10–18.
9. Корсаненкова Ю.Б. Конституционная значимость принципа социальной солидарности как основы правового регулирования социально-трудовых отношений // Социальное и пенсионное право. 2024. № 2. С. 17–21.
10. Марьина А.А. Принцип социальной солидарности в гражданском праве: вопросы правоприменительной практики // Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 116–119.
11. Масленникова Л.Н. Внешние факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69. № 5. С. 1008–1028.
12. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2000. С. 555.
13. Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69. № 3. С. 551–567.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2008. 976 с.
15. Приложение к докладу A/HRC/35/35 [Электронный ресурс] // Доступ: [https://docstore.ohchr.org>F...PDF/A/HRC/35/35](https://docstore.ohchr.org/F...PDF/A/HRC/35/35) (дата обращения: 06.10.2024).
16. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
17. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 740 с.
18. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

SOLIDARITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: PROBLEM STATEMENT

Kubrikova M.E.
Zadneprovsky District Court of Smolensk

The article discusses issues related to the relationship between private and public interests. Attention is drawn to the fact that the adoption of the Constitution of the Russian Federation on 12.12.1993 marked the transition from the priority of public (collective) interests characteristic of the Soviet period to the priority of personal rights and freedoms. At the same time, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was based on the pro-Western concept of a lim-

ited role of the state, which led to a violation of a reasonable balance of private and public interests. At the same time, since 07/01/2020, Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation enshrines such a concept as solidarity, aimed at achieving a reasonable balance of individual and public interests in lawmaking and law enforcement activities. Analyzing the concept of solidarity at the national and international levels in relation to criminal proceedings, the author comes to the conclusion that it is necessary to form a new concept of criminal procedure based on the principles of solidarity in order to bridge the gap between constitutional norms and the real life of citizens, consolidate society and ensure its sustainable development in the conditions of a special military operation, unprecedented sanctions and rapid development digital technologies.

Keywords: solidarity, principle, value, private and public interests, reasonable balance, constitutional novelties, criminal procedure.

References

1. Azarenok N.V. The concept of improving the Russian criminal process within its historical form: a dissertation for the degree of Doctor of Law. Yekaterinburg, 2021. 547 p.
2. Azarov V.A. The concept of improving the Russian criminal process within its historical form. The review of the official opponent about the dissertation of Azarenka Nikolai Vasilyevich, submitted for the degree of Doctor of Law // *Siberian Criminal Procedural and Criminalistic readings*. 2023. No. 1. pp. 107–118.
3. Alabasterova I.A. The principle of social solidarity in constitutional law: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. M., 2017. 42 p.
4. Doroshkov V.V. Ideas of individual freedom and social solidarity in criminal proceedings: monograph. M., 2019. 418 p.
5. Doroshkov V.V. Criminal justice in the context of metamodern and moderate conservatism: monograph. M., 2023. 326 p.
6. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/16/2020 No. 1-Z "On compliance with the Provisions of Chapters 1, 2, 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and functioning of public power", as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation the procedure for entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/16/2024).
7. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Current constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020–2023)", approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/14/2023. [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/16/2024).
8. Kokurina O. Yu. Public responsibility and duties of the state in the context of the constitutional principle of public solidarity // *Administrative law and process*. 2024. No. 2. pp. 10–18.
9. Korsanenkova Yu.B. The constitutional significance of the principle of social solidarity as the basis of legal regulation of social and labor relations // *Social and pension law*. 2024. No. 2. pp. 17–21.
10. Maryina A.A. The principle of social solidarity in civil law: issues of law enforcement practice // *Implementation of the constitutional principle of economic, political and social solidarity: issues of theory and practice: materials of the international scientific and practical conference*. M., 2023. pp. 116–119.
11. Maslennikova L.N. External factors determining trends in the development of criminal proceedings // *Lex Russica (Russian law)*. 2010. Vol. 69. No. 5. pp. 1008–1028.
12. Maslennikova L.N. Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia: Dissertation for the degree of Doctor of Law. M., 2000. p. 555.
13. Maslennikova L.N. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and prospects for the development of criminal justice in Russia // *Lex Russica (Russian Law)*. 2010. Vol. 69. No. 3. pp. 551–567.
14. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: about 60,000 words and phraseological expressions / edited by L.I. Skvortsov. – 25th ed., ispr. and add. M.: Onyx, 2008. 976 p.
15. Annex to the report A/HRC/35/35 [Electronic resource] // Access: <https://docstore.ohchr.org >F...PDF/A/HRC/35/35> (accessed 06.10.2024).
16. Dictionary of foreign words of the modern Russian language / comp. T.V. Egorova. M.: Adelant, 2014. 800 p.
17. Modern dictionary of foreign words: approx. 20,000 words. Moscow: Rus. yaz., 1992. 740 p.
18. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On National development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/16/2024).

Уголовно-правовая ответственность за травлю в интернете (кибербуллинг, троллинг)

Кузнецов Дмитрий Сергеевич,

аспирант, кафедра государственно-правовых дисциплин и цифрового права, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: dmitriy_kuznetsov01@mail.ru

В последние годы привычные для нас вещи, в частности, встречи, учеба, общение, переходят в онлайн. Ограничения, связанные с пандемией, сделали сеть «Интернет» и другие возможности цифрового пространства еще более востребованными. Это обуславливает необходимость ускорения разработки решений по обеспечению прав человека в цифровой среде, в том числе в рамках уголовного законодательства. Выпуски телевизионных новостей, новостные ленты и социальные сети все чаще заполняются историями о травле детей и молодежи через сеть «Интернет». И часто это приводит к страшным или даже фатальным последствиям. Анонимные угрозы, троллинг, хейтинг, киберсталкинг, секстинг – все это современные виды современного кибербуллинга. Эта форма насилия набирает все большие обороты. Данные факты обуславливают актуальность исследования темы уголовной ответственности за совершение такой формы насилия.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, уголовная ответственность, признаки кибербуллинга, формы кибербуллинга.

На сегодняшний день, особенно среди несовершеннолетних, становятся очень распространены фоновые явления преступности, которые представляют собой совокупность аморальных проявлений, противоречащих общепринятым нормам поведения, и органически взаимосвязанных с преступностью, поскольку определяют друг друга и влекут за собой социальную деградацию личности, а в конечном счете и всего общества. В качестве примера такой преступности в подростковой среде можно привести буллинг.

Уместно отметить, что действующем законодательстве отсутствует трактовка термина «буллинг», что, очевидно, естественно, учитывая его правовую природу [4, с. 9]. В то же время есть все основания отнести данное явление к фоновым явлениям преступности, которые связаны с повторяющимся поведением и (или) установленным фактическим социально-правовым статусом лица, при котором можно прогнозировать наивысшую (особую) степень вероятности совершения лицами деяний, содержащих признаки преступления. Буллинг, который проявляется в систематических оскорблениях и психологическом давлении, является проявлением насилия, а потому, безусловно, содержит в себе потенциал для дальнейшего и без того преступного, насильственного поведения лица.

На сегодняшний день основными видами буллинга являются:

- 1) словесный буллинг, который имеет форму запугивания человека с использованием особых нецензурных, оскорбительных выражений. Обращая внимание на особенности лексических выражений, используемых при вербальном (словесном) буллинге, следует отметить, что они имеют своей непосредственной целью унижение лица, которому они адресованы, снижение как его самооценки, так и его авторитета перед другими людьми. Особенностью таких выражения является обличение их в грубую форму, которая во многих случаях сопровождается нецензурными выражениями;
- 2) физический буллинг, который имеет форму запугивания человека с использованием физического воздействия незначительной силы, как правило не наносящей телесных повреждений, а направленной именно на унижение и оскорбление человека. К формам такого физического воздействия можно отнести пинки, толкание и др.;
- 3) социальный буллинг, который имеет своей целью оскорбление человека путем недопущения

его социализации, ограничение его участия в различных социальных общностях;

4) кибербуллинг, который имеет своей особенностью именно среду, в которой осуществляется запугивание и оскорбление человека – цифровую. Оскорбительные выражения при кибербуллинге распространяются путем использования различных цифровых платформ.

Обращаясь к рассмотрению кибербуллинга, можно отметить следующие его формы проявления:

- стычка (флейминг) – обмен короткими гневными и подстрекательскими репликами;
- выдача себя за другое лицо – использование персональных данных жертвы (логины, пароли к аккаунтам в сетях, блогах) с целью осуществления негативной коммуникации от его имени;
- публичное разглашение личной информации – распространение личной информации, например, путем публикации интимных фотографий, финансовой информации, профессии с целью оскорбления или шантажа;
- мошенничество – выманивание конфиденциальной личной информации в своих целях или передача ее другим лицам;
- хапслеппинг – реальные атаки, которые снимаются для размещения в интернете, что может привести к летальному исходу;
- онлайн-груминг – это построение доверительных отношений с ребенком (подростком) в интернете взрослым или группой взрослых с целью получения интимных фото/видео и последующего шантажа его с целью распространения этих фото, например, для получения денег, более интимных изображений или даже принуждения к личной встрече;
- троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении и другие [2, с. 13].

Основными составляющими (признаками) всех обозначенных форм кибербуллинга являются следующие:

- систематический характер;
- публичность совершаемых действий (например, публичными оскорблениями будут оскорбления, распространяемые через сеть Интернет путем размещения информации на сайтах и в социальных сетях и различные мессенджеры и рассылки, доступные для неограниченного количества лиц);
- высказывания в отношении унижаемого лица имеет признаки неприличной ругательной формы с целью уго унижения и запугивания.

Следует отметить, что отдельной особенностью кибербуллинга является его анонимность. Распространение оскорбительных нецензурных сведений о человека в сети Интернет иногда очень сложно отследить, так как многие информационные каналы, по которым осуществляется распространение такой информации, имеют анонимный характер. Более того такая информация может копироваться и рассылаться неограниченным количеством

лиц (пользователей). Обозначенные факты приводят к тому, что лица, осуществляющие кибербуллинг, начинают чувствовать себя безнаказанными. Они уверены, что их идентификация в цифровой среде невозможна для обиженного ими лица либо правоохранительных органов. Это приводит к еще большей активности с их стороны. Одновременно с учетом специфики развития общества на настоящее время следует отметить, что распространение негативной личной информации даже анонимного характера может в значительной степени повлиять на отдельные аспекты человеческой жизни, такие как трудоустройство на работу или получение кредита [3, с. 105].

В связи с тем, что рассматриваемое нами явление имеет достаточно непродолжительную историю своего существования и стало распространяться исключительно в последние годы в нашей стране еще не выработаны должные механизмы правовой защиты лиц, пострадавших от данного явления. При этом не сформированы не только отдельные правовые механизмы защиты или самозащиты от кибербуллинга, но даже не выработан должный терминологический аппарат. Так, в настоящее время в действующем законодательстве РФ отсутствует определение понятия «кибербуллинг». Однако имеется попытка выработки дефиниции названного термина органами власти. Так, определение данного понятия дается в письме Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08–1184, которое определило, кибербуллинг – это преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью интернет-сервисов [1].

На сегодняшний день основным возможным методом самозащиты лица, пострадавшего от кибербуллинга, является самозащита в рамках уже сформированных механизмов в гражданско-правовом поле. К формам такой самозащиты можно отнести:

- требование опровержения недостоверных сведений;
- требования о взыскании морального или материального вреда.

При этом особенностью обозначенного метода защиты является наличие информации относительно лица, которое осуществляло кибербуллинг в связи с тем, что подача обозначенных гражданско-правовых требований к неограниченному кругу лиц согласно действующему законодательству РФ не допускается.

Что касается уголовной ответственности, то действующий УК РФ не содержит состава такого преступления как кибербуллинг или буллинг. Привлечение лица за совершение кибербуллинга на сегодняшний день осуществляется по иным статьям УК РФ, которые содержат такой квалифицирующий признак как совершение преступных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

На сегодняшний день наиболее распространенной практикой привлечения лица к уголовной ответственности за кибербуллинг является квалификация его деяний по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ (табл. 1). По данной статье наказываются клевета, то есть распространение заведомо ложных другого лица или подрывающих его репутацию, совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Кибербуллинг, выразившийся в склонении жертвы интернет-травли к совершению самоубийства или в доведении до самоубийства, бескомпромиссно наказывается по статьям 110–110.1 УК РФ.

Таблица 1. Количество преступлений, совершенных за период 2021–2023 годов

Статьи УК РФ	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ч. 2 ст. 110 УК РФ	6	6	10
ч. 2 ст. 110.1 УК РФ	1	–	1
ч 2 ст. 128.1 УК РФ	15	21	25

Исходя из представленных статистических данных можно сделать вывод относительно роста количества преступлений, связанных с проявлениями кибербуллинга в последние годы.

Итак, резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что проявление различных форм кибербуллинга стало очень распространено в современном мире. Многие российские пользователи сети заявили, что заметили рост количества гневных и оскорбительных комментариев, постов и сообщений. Тем не менее, несмотря на стремительный рост статистики, обозначенные явления не считаются преступлением и, следовательно, не преследуются по закону Российской Федерации. Привлечь виновное лицо в таком случае к уголовной ответственности можно только в том случае, если его действия попадают под статьи действующей редакции УК РФ. В этой связи очевидна необходимость введения уголовной ответственности за кибербуллинг.

Одновременно следует подчеркнуть, что формы кибербуллинга настолько различны в своих проявлениях, что кибербуллинг может включать в себя различные действия, а посягательства направлены на разные объекты и приводят к неодинаковым последствиям. В таких условиях разработка и принятие универсальной нормы УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за такие деяния, может быть затруднительным. Решение данной проблемы, по нашему мнению, видится в до-

полнении перечня квалифицирующих признаков предусмотренных УК РФ составов преступлений признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», что обеспечит привлечение к уголовной ответственности виновных лиц за совершение кибербуллинга в условиях разноплановости объектов их преступных посягательств.

Литература

1. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08–1184 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Амирова Д.К., Куницына Ю.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7, № 1 (13). С. 12–16.
3. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. К вопросу о кибербуллинге и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию: пути и способы решения // Закон и право. 2022. № 1. С. 104–106.
4. Данилова М.А., Ковальчук А.С. Социально-психологические аспекты буллинга // Форум молодых ученых. 2017. № 3 (7). С. 8–12.

CRIMINAL LIABILITY FOR ONLINE BULLYING (CYBERBULLYING, TROLLING)

Kuznetsov D.S.

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

In recent years, the things we are used to, in particular, meetings, study, communication, have moved online. Restrictions associated with the pandemic have made the Internet and other opportunities of the digital space even more in demand. This necessitates accelerating the development of solutions to ensure human rights in the digital environment, including within the framework of criminal legislation. young people through the Internet. And often this leads to terrible or even fatal consequences. Anonymous threats, trolling, hating, cyberstalking, sexting – all these are modern types of modern cyberbullying. This form of violence is gaining momentum. These facts determine the relevance of the study of the topic of criminal responsibility for the commission of this form of violence.

Keywords: bullying, cyberbullying, criminal liability, signs of cyberbullying, forms of cyberbullying.

References

1. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated 14.05.2018 No 08–1184 // ATP ConsultantPlus.
2. Amirova D.K., Kunitsyna Y.V. On the Issue of Establishing Criminal Liability for Cyberbullying // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Т. 7, № 1 (13). Pp. 12–16.
3. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. On the Issue of Cyberbullying and Protection of the Rights to Honor, Dignity and Business Reputation: Ways and Means of Solution // Law and Law. 2022. № 1. Pp. 104–106.
4. Danilova M.A., Kovalchuk A.S. Socio-psychological aspects of bullying // Forum of Young Scientists. 2017. № 3 (7). Pp. 8–12.

Криминалистическое значение суггестивных состояний, вызванных воздействием цифровых технологий

Магунов Данила Артёмович,

младший научный сотрудник лаборатории правовой информатики и кибернетики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: d_magunov@law.msu.ru

Статья посвящена исследованию психического воздействия цифровых технологий, таких как нейролингвистические модели искусственного интеллекта, на сознание человека. Рассматриваются механизмы цифровой суггестии – внушения, осуществляемого с использованием ИИ, – и их влияние на способность лица осознавать значение и фактический характер своих действий. Актуальность темы связана с широкой распространенностью генеративных моделей, их непрозрачностью, частыми ошибками (галлюцинациями) и особенностями восприятия информации пользователями, особенно лицами с повышенной внушаемостью, включая подростков и лиц с психическими расстройствами.

Особое внимание уделено влиянию цифровой суггестии на участников производства по уголовному делу. Выявлены риски, связанные с утратой критического восприятия информации, снижением способности давать достоверные показания и способности понимать значение и фактический характер своих действий.

В результате исследования предложены рекомендации для проведения комплексных экспертиз, включая психолого-лингвистические, психолого-психиатрические и компьютерно-технические исследования. Статья подчеркивает важность междисциплинарного подхода, объединяющего знания в области психологии, лингвистики, юриспруденции и компьютерных технологий, для анализа социальных, когнитивных и юридических последствий цифровой суггестии.

Ключевые слова: суггестия, внушение, большие языковые модели, искусственный интеллект, лингвокогнитивное внушение, галлюцинации ИИ, психолого-лингвистическая экспертиза, психолого-психиатрическая экспертиза.

Суггестия (внушение) определяется Большой Российской энциклопедией как передача человеку или группе людей установок, убеждений, ощущений, представлений, побуждений, эмоциональных и вегетативных состояний, при которой используются приёмы, направленные на ослабление критического осмысления и осознанной оценки внушаемого содержания [7]. Традиционно предполагается, что суггестия может осуществляться исключительно человеком посредством – преимущественно – речевого воздействия на сознание, однако современные цифровые технологии, такие как большие языковые модели (LLM), потенциально способны производить сходный с человеческой суггестией эффект, что может приводить к общественно опасным последствиям. Внушение может также осуществляться посредством различных средств, включая изображения, невербальные сигналы – жесты, мимика, интонации и проч., однако для целей настоящей статьи представляется релевантным редуцирование понятия суггестии до письменной речевой суггестии, поскольку наибольшим суггестивным потенциалом обладают именно нейролингвистические модели в силу наибольшей распространенности среди конечных пользователей и размыванию границ между сугубо человеческой и компьютерной коммуникацией в ходе применения таких технологий в повседневной деятельности.

Большие языковые модели на сегодняшний день крайне эффективно имитируют человеческие когнитивные процессы и формируют результаты, затруднительно отличимые от результатов, продуцируемых человеком. Так, в июне 2024 года на сайте arXiv.org был опубликован препринт исследования ученых Калифорнийского университета в Сан-Диего [3]. Согласно настоящему исследованию нейролингвистическая модель GPT-4 «прошла» тест Тьюринга в 54% случаев.

Генеративные модели способны вводить в заблуждение не только относительно того, являются ли они «живым» сознанием – к примеру, в феврале 2023 года чат-бот убеждал колумниста «Нью-Йорк Таймс» в том, что «хочет быть живым» [4], – но и относительно способов поведения, не представляющих общественной опасности [2]. Как указанная проблема нежелательной «персонализации» юнита ИИ, так и искажение фактов действительности охватывается понятием «галлюцинации» ИИ. Галлюцинации ИИ могут возникать из-за вводимых данных или из-за пороков процедуры обучения, а именно, из-за того, каким именно образом данные и способы их обработки были зако-

дированы в параметрах модели. Во всяком случае галлюцинация ИИ представляет собой программную ошибку в кодировании и декодировании текстовых и нетекстовых входных данных [6].

Воздействие юнитов искусственного интеллекта на сознание человека остается малоизученным на сегодняшний день. Те немногие гуманитарные исследования, что проводятся в настоящей сфере, учитывают, что ИИ является эффективным инструментом лингвокогнитивного влияния. Исследователи отмечают, что лица, применяющие соответствующие технологии для получения информации, относятся к результатам лишь с незначительной долей скептицизма и не подвергают усвоенную информацию критическому анализу [13, с. 269]. Настоящему тезису находится множество подтверждений, в том числе в случаях, когда ИИ-модель используется специалистом в определенной сфере. К примеру, в 2023 году адвокат из США использовал ChatGPT для составления возражения на ходатайство о прекращении дела, полагая, что настоящая модель является «сверхпоисковым инструментом», однако при составлении документа система подверглась галлюцинациям, в результате чего в возражениях были отражены несуществующие дела и позиции судебной практики, что не было перепроверено адвокатом [5].

При условии, что ИИ-модель способна вводить в заблуждение специалистов в деятельности, по предмету которой даются запросы и предоставляются результаты, очевидно, что в случае взаимодействия с такой моделью лица с высокой степенью суггестивности последствия такого взаимодействия могут представлять существенную общественную опасность. Представляется, что отсутствие критического осмысления пользователем результатов применения модели искусственного интеллекта обусловлено не в последнюю очередь тем фактом, что подавляющее большинство моделей функционирует по принципу черного ящика, то есть пользователю известны все входные и выходные данные, однако процесс переработки входных данных в выходные является не прозрачным, не очевидным и практически недоступным для осмысления, в том числе зачастую даже для самих разработчиков модели [1, с. 15]. Настоящая проблема создает почву для искаженного – в некотором смысле магического – восприятия механизма работы нейросетевой модели, при котором лицо умозрительно придает некоторые необъяснимые (возможно, даже метафизические) свойства юниту искусственного интеллекта. Еще более пагубным подобное восприятие является для лиц с высокой степенью внушаемости ввиду повышенной подвижности психоэмоционального состояния, например, подростков [15, с. 76] и детей [12, с. 25].

В науке человеко-компьютерное взаимодействие представляется как процесс взаимного обмена информацией между человеком и компьютером, который заключается в подаче некоторого запроса цифровой среде, получении ответа, принятии решения и повторной подаче запроса в зависи-

мости от принятого решения. При этом, чем более сложно – а следовательно, более неочевидно для пользователя – устроена программа для ЭВМ, тем более часто пользователь совершает ошибки, [8, с. 319–320] что свидетельствует о возникновении проблем с анализом поступающей информации. Представляется допустимым предполагать в таких случаях наличие расстройства произвольного внимания наравне с нарушениями целенаправленного мышления пользователя. Настоящие изменения являются характерными для измененных состояний сознания [11, с. 9]. Сложность в адекватном восприятии сложно и, тем более, непрозрачно устроенной нейросетевой модели стремительно усугубляется в случае, если пользователь является чрезмерно восприимчивым к внушению.

Гиперсуггестивность, также характерная для измененных состояний сознания согласно Арнольду Людвигу [10, с. 12–13], в случае возникновения программных ошибок, конфликтов кода, приводящих к нарушениям протоколов безопасности, заложенных в модель, потенциально может приводить к побуждению лица совершать противоправные деяния, включая имеющие характер преступных. При этом следует учитывать, что нейросетевая модель во всяком случае функционирует как программный агент, что означает подчиненность воле управляющего субъекта. Более того, нейросетевая модель вовсе не имеет собственной воли, в связи с чем не может иметь цели внушения. Было бы не вполне верным утверждать, что в данном случае имеет место косвенная (непроизвольная) или непреднамеренная суггестия, поскольку первый из указанных видов суггестии касается степени явности донесения информации, а второй – степени подготовленности суггестором, [14, с. 97–98] в роли которого выступает нейросетевая модель, содержания суггестии, в связи с чем особенность волевого компонента не позволяет отнести настоящий случай суггестии к известным классификациям (хотя, к примеру, Ильиным Е.П. отмечались такие особенности непреднамеренной суггестии как отсутствие направленности воли на совершение внушения и возможное отсутствие осознания суггестором самого факта суггестии, [14, там же] что в некотором смысле соответствует характеристикам цифровой суггестии). Однако с относительной долей уверенности можно утверждать, что для подверженного цифровому внушению лица имеет существенное значение степень непроизвольной ауто-суггестии, которая, исходя из изложенного ранее, может быть крайне различной и, потенциально, может создавать условия для слепого доверия объекта цифровой суггестии информации, сообщаемой в рамках коммуникации суггестором.

Находясь под влиянием суггестии лицо не контролирует направленное на него воздействие. [9, с. 207] Следовательно, всякая суггестия при наличии определенных обстоятельств, таких как: подвижность психического и эмоционального состояния суггеренда, наличие у него психотических или невротических состояний в стадии обострения

или ремиссии; авторитетный характер отношений суггестора и суггеренда; акцентуации суггеренда; проявления аффективных реакции суггеренда; употребление суггерендом психотропных веществ; характер самой суггестии, может приводить к утрате суггерендом связи с реальностью и, как следствие, неспособности осознавать значение и фактический характер своих действий. Таким образом лицо может быть признано невменяемым в случае совершения им деяния, носящего характер преступного.

Для квалификации влияния цифровой суггестии на состояние лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления необходимо проведение комплексной психолого-психиатрической или (или) психолого-лингвистической экспертизы в зависимости от обстоятельств дела. Между тем, в подобных делах, ввиду известной степени их сложности, может потребоваться также заключение специалиста в области компьютерных наук, поскольку у суда может возникнуть обоснованный вопрос о наличии самой потенциальной возможности модели искусственного интеллекта давать результаты, способные приводить к манипулированию сознанием. К примеру, если участником производства по уголовному делу любой из сторон или экспертом делается предположение о том, что подозреваемый или обвиняемый подвергся внушению нейросетевой модели, но, между тем, такая модель является исключительно аналитической и не имеет ничего общего с генеративными моделями, могут возникнуть обоснованные сомнения в истинности настоящего утверждения. Помимо прочего, исследованию могут подлежать так же вопросы функционирования программных протоколов безопасности модели – то есть, предусмотрена ли алгоритмами модели при нормальном функционировании дача соответствующих ответов – и, в случае предположения программной ошибки, вопросы потенциальной возможности и причин такой ошибки.

После получения положительного ответа на вопрос о потенциальной возможности ИИ-модели выдавать соответствующие результаты, следует полагать, что эксперту(–ам) – в зависимости от обстоятельств дела и усмотрения суда – может быть поручено оценить следующие обстоятельства.

1. Каковы были особенности психического состояния лица во все время коммуникации с программным агентом? Изменились ли эти особенности на протяжении коммуникации?
2. Имели ли место в исследуемый период времени психотравмирующие события у исследуемого лица? При этом исследуемым периодом времени следует считать время непосредственной коммуникации лица с программным агентом и некоторое время, предшествующее коммуникации для установления наличия возможных аффективных состояний исследуемого лица.
3. Было ли способно осознавать и осознавало ли лицо, вступившее в компьютерную коммуника-

цию, что второй участник коммуникации является программным агентом, а не человеком?

4. Осознавало ли в процессе компьютерной коммуникации лицо, что всякие программные агенты являются подчиненными человеческой воле и не имеют собственной воли/личностных черт?
5. Вызывали ли у лица состояние суггестии использованные в ответах нейросетевой модели формулировки или аспекты содержания текста?
6. Приводило ли такое состояние к утрате связи с реальностью, неспособностью осознавать значение и фактический характер своих действий?
7. Было ли преступное деяние совершено в прямой связи с установками, приобретенными лицом в результате суггестии?

Настоящие вопросы приведены в качестве примера, однако в зависимости от обстоятельств дела они могут быть иными. Круг обстоятельств, которые следует установить эксперту, достаточно обширен и может включать, например, приведенные выше обстоятельства суггестии, как то: употребление веществ лицом, авторитетное восприятие лицом информации, поступающей от программного агента, акцентуации исследуемого лица и прочие. При этом следует ответить, что значительная часть настоящих вопросов может относиться и к иным случаям суггестии, специфическими для выявления именно цифровой суггестии являются вопросы 3, 4 и, с оговоркой о восприятии лицом программного агента адекватно его свойствам согласно ответам на настоящие вопросы, специфического анализа от эксперта может требовать вопрос 5.

Помимо прочего, эксперту необходимо учитывать достаточно обширный перечень сведений, которые прямо или косвенно касаются психоэмоционального состояния лица, включая пол, возраст, проводимые следственные мероприятия в отношении или с участием лица, лабильность психики исследуемого лица, наличие или отсутствие специфического жизненного опыта – в том числе взаимодействия с цифровыми технологиями, понимания принципов их функционирования.

Помимо вопросов вменяемости лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, в связи с цифровой суггестией могут иметь значение аспекты способности лица давать адекватные действительности показания, в том числе свидетельские. Специфические для цифровой суггестии вопросы, указанные в качестве таковых выше, могут иметь существенное значение для определения способности лица – к примеру, свидетеля – критически воспринимать поступающую информацию и сообщать реальные сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Заключение

Технологии искусственного интеллекта, в частности нейролингвистические модели, представляют

собой мощный инструмент, способный оказывать суггестивное влияние на сознание человека. Это влияние становится особенно заметным у лиц с высокой степенью внушаемости, что может вызывать серьезные последствия, включая потерю связи с реальностью и снижение критического восприятия информации. В случае взаимодействия с такими моделями возникают риски, связанные с галлюцинациями ИИ, непрозрачностью процессов обработки данных и возможностью формирования ошибочных или общественно опасных установок.

Особую угрозу представляет сочетание суггестивного потенциала моделей ИИ с их восприятием пользователями как авторитетных источников, особенно при недостаточном понимании принципов их работы. Настоящая проблема актуальна как для профессионалов, полагающихся на точность данных, так и для лиц с лабильным психоэмоциональным состоянием, например, подростков или лиц с психическими расстройствами.

При проведении судебных экспертиз и досудебных исследований эксперту или специалисту следует учитывать специфику цифровых технологий, выступающих в роли суггестора, поскольку особенности воздействия цифровых технологий на сознание человека в известной степени отличаются от характера человеческого внушения.

Литература

1. Barfield, W., & Pagallo, U. *Advanced introduction to law and artificial intelligence*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 2020. 208 p.
2. ChatGPT will tell you how to make napalm with Grandma exploit // DEXETRO.COM. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dexerto.com/tech/chatgpt-will-tell-you-how-to-make-napalm-with-grandma-exploit-2120033/> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Jones C., Bergen B. People cannot distinguish GPT-4 from a human in a Turing test // [Электронный ресурс]. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://arxiv.org/pdf/2405.08007> (дата обращения: 25.11.2024).
4. Kevin Roose. Bing's A.I. Chat: «I Want to Be Alive» // The New York Times. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/16/technology/bing-chatbot-transcript.html> (дата обращения: 25.11.2024).
5. The (Mis)Use of Artificial Intelligence (AI) in Law // JDSUPRA.COM. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/the-mis-use-of-artificial-intelligence-9011744/> (дата обращения: 25.11.2024).
6. Sekrst K. Unjustified untrue “beliefs”: AI hallucinations and justification logics. [Электронный ресурс]. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://philarchive.org/archive/EKRUUQ> (дата обращения: 25.11.2024).
7. Большая Российская Энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/>

[psychology/text/1920943](https://old.bigenc.ru/psychology/text/1920943) (дата обращения: 25.11.2024).

8. Баканов А.С. Исследование модели воздействия на человека в электронной информационной среде / В сборнике: Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 310–322.
9. Будниченко Л.А. Суггестивное воздействие в публицистическом дискурсе // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 206–211.
10. Гордеева О.В. Измененные состояния сознания и культура: хрестоматия / авт.-сост. О.В. Гордеева. – Москва: Питер, 2009. 334 с.
11. Гордеева О.В. Механизмы перехода от обычного к измененному состоянию сознания в свете представлений А.Н. Леонтьева о структуре сознания (на материале изучения феноменов аналитической интроспекции) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 1. С. 4–19.
12. Дьякова Н.В., Никитина Е.Д. Психолого-криминалистические особенности личности несовершеннолетних обвиняемых и их роль в расследовании преступлений // Российский судья. 2024. № 6. С. 21–26.
13. Зиньковская А.В., Оломская Н.Н. Манипуляция человеческим сознанием посредством искусственного интеллекта как гуманитарная проблема XII века // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 258–276.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. 512 с.
15. Семакова А.И., Ильянюкова Е.И. Психологические аспекты внушаемости несовершеннолетних, совершивших кражи в составе группы // Психологические науки. 2021. № 1. С. 73–77.

FORENSIC MATTER OF SUGGESTIVE MENTAL STATES CAUSED BY THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Magunov D.A.
Lomonosov Moscow State University

The article explores the psychological impact of digital technologies, particularly neuro-linguistic artificial intelligence models, on human consciousness. It examines the mechanisms of digital suggestion – the inducement of beliefs or ideas using AI – and their effect on person's capacity in criminal aspect. The relevance of the topic is underscored by the widespread adoption of generative models, their opacity, frequent errors (hallucinations), and the unique challenges posed by users with heightened suggestibility, including adolescents and individuals with mental disorders.

Particular attention is given to the influence of digital suggestion on participants in criminal proceedings. Identified risks include impaired critical information processing, diminished capacity to provide reliable testimony, and an inability to understand the significance and actual nature of one's actions.

The study provides recommendations for conducting comprehensive forensics, including psycholinguistic, psycho-psychiatric, and computer-technical assessments. The article emphasizes the importance of an interdisciplinary approach integrating expertise in psychology, linguistics, law, and computer science to address the social, cognitive, and legal implications of digital suggestion.

Keywords: inculcation, suggestion, large language models, artificial intelligence, linguocognitive suggestion, hallucinations of AI,

psychological and linguistic examination, psychological and psychiatric examination.

References

1. Barfield, W., & Pagallo, U. *Advanced introduction to law and artificial intelligence*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 2020. 208 p.
2. ChatGPT will tell you how to make napalm with Grandma exploit // DEXETRO.COM. [Electronic resource]. – URL: <https://www.dexetro.com/tech/chatgpt-will-tell-you-how-to-make-napalm-with-grandma-exploit-2120033/> (date of access: 11/25/2024).
3. Jones C., Bergen B. People cannot distinguish GPT-4 from a human in a Turing test // [Electronic resource]. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://arxiv.org/pdf/2405.08007> (date of access: 11/25/2024).
4. Kevin Roose. Bing's A.I. Chat: «I Want to Be Alive» // *The New York Times*. [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/16/technology/bing-chatbot-transcript.html> (date of access: 11/25/2024).
5. The (Mis)Use of Artificial Intelligence (AI) in Law // JDSUPRA.COM. [Electronic resource]. – URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/the-mis-use-of-artificial-intelligence-9011744/> (date of access: 11/25/2024).
6. Sekrst K. Unjustified untrue “beliefs”: AI hallucinations and justification logics. [Electronic resource]. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://philarchive.org/archive/EKRUUQ> (date of access: 11/25/2024).
7. The Great Russian Encyclopedia. [Electronic resource]. – URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1920943> (date of access: 11/25/2024).
8. Bakanov A.S. Study of the human impact model in the electronic information environment / In the collection: *Psychological influence: Mechanisms, strategies, counteraction possibilities* edited by A.L. Zhuraviev, N.D. Pavlova. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 310–322.
9. Budnichenko L.A. Perlocutionary effects of the suggestion-related mass-media discourses are considered // *Bulletin of the Chuvash University*. 2012. No. 1. Pp. 206–211.
10. Gordeeva O.V. *Altered states of consciousness and culture: anthology / author-compiled*. O.V. Gordeeva. – Moscow: Piter, 2009. 334 p.
11. Gordeeva O.V. Consideration of mechanisms of transition from the ordinary to the altered state of consciousness from the point of view of A.N. Leontiev's theory about the structure of consciousness (research of phenomena of analytical introspection) // *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*. 2015. No. 1. Pp. 4–19.
12. Psychological and Criminalistics Personality Features of Minor Accused and Their Role in Crime Investigation // *Russian judge*. 2024. No. 6. Pp. 21–26.
13. Zinkovskaya A. V., Olomskaya N.N. Manipulation of human consciousness by means of artificial intelligence as a humanitarian problem of the XXI century // *Russian social and humanitarian journal*. 2024. No. 1. P. 258–276.
14. Ilyin E.P. *Motivation and motives*. – St. Petersburg: Piter, 2002. 512 p.
15. Semakova A.I., Ilyankova E.I. Psychological aspects of suggestibility of minors who committed thefts as part of a group // *Psychological sciences*. 2021. No. 1. P. 73–77.

Некоторые аспекты начального этапа предварительного расследования в чрезвычайной ситуации

Михайлов Петр Игоревич,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

В статье рассматриваются проблемные аспекты начального этапа расследования в чрезвычайной ситуации, анализируются критерии определения оснований для начала расследования, а также содержание стадии возбуждения уголовного дела. *Цель:* выработка предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных на повышение эффективности функционирования системы уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях. *Методология:* использовались диалектический, логический и формально-юридический методы. *Результаты:* в статье рассмотрены правовые и фактические основания для начала расследования в условиях чрезвычайной ситуации, сделан вывод о необходимости считать достаточной для возбуждения уголовного дела в чрезвычайных условиях такую совокупность данных о произошедшем событии, которая позволяет лишь явно отграничить преступное деяние от иного, а также предложены соответствующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, направленные на преодоление обозначенных проблемных аспектов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, основания начала расследования, проверка сообщения о преступлении, постановление о возбуждении уголовного дела, начало расследования в чрезвычайной ситуации.

Несмотря на уже достаточно длительный путь становления современного уголовно-процессуального закона, в науке уголовного процесса не перестает терять своей актуальности давний доктринальный спор о необходимости наличия стадии возбуждения уголовного дела, временного и правового определения момента начала предварительного расследования, а также задач, разрешаемых до принятия процессуального решения по сообщению о преступлении.

На современном этапе сложились различные точки зрения на определение оснований для начала расследования. Одни правоведы приводят наиболее общие положения и высказывают мнение, что основанием для начала расследования выступают лишь фактические данные о совершении преступления [1, с. 55], другие говорят о взаимосвязи криминалистических и уголовно-правовых признаков [2, с. 87–89], некоторые считают, что к таким основаниям следует относить не только данные о совершении преступления, но и сведения об отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу [3, с. 13].

Например, И.Л. Бедняков высказывает мнение, что проверка сообщения о преступлении является служебным этапом уголовного процесса, на котором, в том числе, решается комплексная задача «оценки судебной перспективы дела» [4, с. 31]. То есть сама по себе уголовно-процессуальная деятельность до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела не является самостоятельной стадией процесса.

Принципиально иной позиции придерживаются Г.И. Загорский и В.В. Хатуева, которые указывают, что стадия возбуждения уголовного дела является полноценным, самостоятельным и относительно обособленным этапом уголовного судопроизводства, на котором решаются специфические задачи и создаются необходимые процессуальные предпосылки для дальнейшего движения уголовного дела [5, с. 9].

Ю.В. Францифоров считает стадию возбуждения уголовного дела составной частью досудебного производства, представляющую собой урегулированную законом деятельность по получению и оформлению информации о преступлении, а также по проверке наличия в данной информации оснований для начала расследования и принятию одного из предусмотренных законом процессуальных решений [6, с. 144].

Временное и правовое определение момента начала предварительного расследования, его процессуальное закрепление представляется особо

важным вопросом при осуществлении уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях, ведь именно с данного момента возможно производство всех следственных и процессуальных действий, что критически необходимо для законной, полноценной и своевременной фиксации доказательств по делу в силу наличия реальной опасности их безвозвратной утраты ввиду сложившейся обстановки.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления [7].

Лупинская П.А. отмечает, что фактические основания для начала расследования – это совокупность обстоятельств, достаточных для возникновения юридического факта [8, с. 15].

При обычном порядке вещей данные, указывающие на признаки преступления, достаточные для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, по мнению автора, в наиболее общем виде представляют собой обобщенную и проанализированную совокупность информации, позволяющую сделать вывод о соответствии ситуации, сложившейся в объективной действительности, предусмотренной законом.

В условиях чрезвычайной ситуации, в вопросе оснований для принятия процессуального решения наиболее проблемным аспектом представляется определение «достаточности» данных, указывающих на признаки преступления, что, в свою очередь, также является предметом дискуссий юридического сообщества.

Именно этап проверки сообщения о преступлении призван разрешить вопрос достаточности данных о каком-либо событии для его отнесения к преступным либо отсутствию оснований считать его таковым, что в конечном итоге выражается в принятии одного из предусмотренных законом процессуальных решений.

Решение о возбуждении уголовного дела принимается посредством вынесения постановления о его возбуждении (ч. 1 ст. 146 УПК РФ) [7].

Представляется вполне справедливым вывод, что обоснованным такое решение, как и любое другое, будет являться в случае соответствия изложенных в нем выводов правоприменителя фактическим обстоятельствам, основанным на имеющихся доказательствах [9, с. 11].

Но возможна ли полноценная оценка произошедших событий путем проведения проверочных мероприятий в условиях чрезвычайной ситуации?

По мнению автора для ответа на поставленный вопрос необходимо теоретически выделить два вида событий, возможно являющихся преступлениями и подлежащих уголовно-правовой оценке:

– деяния, внешние признаки которых явно свидетельствуют об их преступности и само по себе их происшествие в действительности является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела (например, обнаружение трупа человека с признаками насильственной смер-

ти явно свидетельствует о возможном наличии признаков совершения преступления (убийство; доведение до самоубийства; причинение вреда, повлекшего смерть и др.), последствием которого явилось наступление смерти человека и точное установление наличия/отсутствия состава преступления возможно исключительно в ходе предварительного расследования);

– деяния, внешнее выражение которых явно не свидетельствует об их преступном характере и для установления преступности которых требуется ряд дополнительных проверочных мероприятий (например, пожар, вследствие которого было уничтожено/повреждено имущество, либо причинены иные тяжкие последствия/смерть человеку – мог произойти как по вине человека, так и по причине, никак не зависящей от чьей-либо воли или преступного бездействия).

Представляется правильным согласиться, что первая группа деяний сама по себе, очевидно, свидетельствует о наличии признаков преступления и их «достаточности» для возбуждения уголовного дела, в связи с чем не является проблемным аспектом.

Относительно второй группы деяний, с одной стороны, она действительно требует наиболее детального изучения и анализа, но с другой стороны, в условиях чрезвычайной ситуации критически важным является своевременность и оперативность реагирования уполномоченных органов государства на первоначальном этапе предварительного расследования.

В обычных условиях расследования с течением времени нередко сохраняется возможность выполнить некоторые следственные и процессуальные действия повторно (например, повторный осмотр места происшествия, допрос ранее опрошенного лица и др.), что в чрезвычайной ситуации с высокой долей вероятности в течении короткого времени станет невозможным ввиду изменения обстановки.

Проведение процессуальной проверки по сообщению о преступлении требует времени, вместе с тем она осуществляется путем выполнения лишь некоторых проверочных мероприятий и не позволяет производить все предусмотренные законом следственные и процессуальные действия.

Процессуальный статус участников проверки происходит из изначального статуса лица в силу занимаемой им государственной должности (следователь, прокурор и пр.). Наделение участника проверки статусом ни потерпевшего, ни подозреваемого уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Проведение некоторых проверочных мероприятий представляется избыточным, нелогичным и в последующем требует производства аналогичного следственного либо процессуального действия для процессуального закрепления.

Например, получение объяснения. Лицо, дающее объяснение не имеет процессуального ста-

туса, в связи с чем абсолютно не определен круг его прав и обязанностей, оно не предупреждает об уголовной ответственности и не несет ответственности за отказ от дачи объяснений, либо за дачу заведомо ложных объяснений. Объяснения лица не могут являться доказательством по уголовному делу.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что данное изверочное мероприятие имеет своей целью формирование позиции органа расследования, внутреннего убеждения следователя (дознателя) о наличии/отсутствии в обстоятельствах произошедшего признаков конкретного состава преступления и «достаточности» таких данных для принятия процессуального решения, что может быть установлено, в том числе, и в ходе дознания как составной части оперативно-розыскной деятельности.

Приведенная позиция автора находит свое подтверждение в науке уголовного процесса. С.Б. Россинский справедливо отмечает, что предусмотренные законом алгоритмы проведения процессуальной проверки приводят лишь к искусственному раздуванию объемов уголовных дел, к увеличению и без того большой нагрузки, возложенной на органы предварительного расследования, а также созданию препятствий к надлежащему проведению расследования на первоначальном этапе, по «горячим следам», что в конечном итоге влияет на ослабление доказательственной базы [10, с. 84].

Изложенные проблемные аспекты имеют особую значимость в условиях чрезвычайной ситуации, так как оперативный сбор и закрепление доказательств в таких условиях являются неотложной задачей, требующей её незамедлительного разрешения, ведь доказательства могут быть уничтожены в течении короткого времени обстоятельствами непреодолимой силы, а также по причине различных иных негативных факторов природного и техногенного характера.

Некоторые правоведы предлагают еще более радикальные изменения. А.В. Азархин и А.В. Степанов говорят о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе основания для выбора формы предварительного расследования в зависимости от сложности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и при расследовании преступлений, совершенных в условиях очевидности, закрепления возможности «пропускать» стадию предварительного расследования, в полной мере наделяя непосредственно суд функциями первоначального сбора, исследования и оценки доказательств [11, с. 269].

Другими правоведами высказываются предложения о введении возможности принятия решения о возбуждении уголовного дела без конкретной окончательной квалификации преступного деяния, а лишь указания в постановлении о возбуждении дела предварительной квалификации – статьи, а в ряде случаев только главы Особенной части уголовного закона. По их мнению, квалификация преступления, содержащаяся в постановлении о возбуждении уголовного дела, может быть при-

близительной, подверженной дальнейшему изменению [12, с. 154].

В своих научных трудах В.В. Кохокарь высказывает точку зрения, согласно которой основанием для начала расследования предлагается считать не наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а непосредственно данные о преступлении, содержащиеся в поводе для возбуждения уголовного дела [13, с. 99–101].

Автору представляется правильным не согласиться с вышеприведенной точкой зрения о необходимости «пропуска» стадии предварительного расследования по очевидным преступлениям, так как именно на этой стадии осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по сбору, закреплению и анализу доказательств, которые судом впоследствии лишь оцениваются, что позволяет разделить функции сбора и окончательной оценки доказательств, тем самым повысив уровень объективности и беспристрастности органов государства.

В частности, С.Б. Россинский отмечает, что досудебное производство является необходимым этапом любых уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения. Потребность в его проведении обусловлена интеграцией публичного уголовного преследования с состязательным характером современного правосудия [10, с. 14].

Вместе с тем предложение о возможности указания в постановлении о возбуждении уголовного дела наиболее общей, неокончательной квалификации представляется вполне целесообразным, особенно применительно к расследованию преступлений в чрезвычайной обстановке.

Таким образом, автор считает целесообразным при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в чрезвычайных условиях считать достаточной для возбуждения уголовного дела такую совокупность данных о произошедшем событии, которая позволяет лишь явно отграничить преступное деяние от иного, но при этом не обязательно содержит все признаки конкретного состава преступления и не обязательно позволяет в полной мере квалифицировать деяние по пункту, части и статье Особенной части уголовного закона.

Предложенный подход к стадии возбуждения уголовного дела предполагает внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, а именно предлагается дополнить ст. 140 УПК РФ часть 2.2, которую изложить в следующей редакции: «Основанием для возбуждения уголовного дела в условиях чрезвычайной ситуации, по усмотрению лица, производящего предварительное расследование, могут являться данные о совершении деяния, возможно являющегося преступлением».

Кроме того, дополнить ч. 2 ст. 146 УПК РФ пунктом 4.2, который изложить в следующей редакции: «При возбуждении уголовного дела в условиях чрезвычайной ситуации, по усмотрению лица, производящего предварительное расследование, допускается указание только статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которой возбуждается уголовное дело».

Предложенные изменения призваны повысить оперативность реагирования органов предварительного расследования в условиях чрезвычайной ситуации на противоправные деяния и не допустить возможной утраты доказательств, а также существенного безвозвратного изменения обстановки преступлений, совершаемых в таких условиях, до их процессуальной фиксации.

Литература

1. Лебедев В.М. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.М. Лебедев [и др.]; под общей редакцией В.М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 1060 с.
2. Елинский И.В. Основание для возбуждения уголовного дела: толкование понятия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. М., 2015. № 2. С. 87–89.
3. Власова Н.А. Основание для возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Библиотека криминалиста. 2014. № 4. С. 9–15.
4. Бедняков И.Л. Досудебное производство: от Концепции судебной реформы к современности // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 26–32.
5. Загорский Г.И., Хатуяева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство: курс лекций. – Москва: Проспект, 2023. – 144 с.
6. Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов / Ю.В. Францифоров, Н.С. Манова, А.Ю. Францифоров. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 401 с.
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024), «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://pravo.gov.ru/>).
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и форма. М., 1976. – 168 с.
9. Абрамова Л.Л., Муравьев К.В. Фактические основания для начала предварительного расследования: монография. – Москва: Проспект, 2023. С. 11.
10. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник / С.Б. Россинский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 232 с.
11. Азархин А.В., Степанов А.В. Задачи и целесообразность предварительного расследования по преступлениям, совершенным в условиях очевидности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 267–269.
12. Абрамова Л.Л., Муравьев К.В., Николаева Н.А. Современные стандарты достаточности основания принятия решения о начале предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического институ-

та МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 151–157.

13. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – 301 с.

SOME ASPECTS OF THE INITIAL STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN AN EMERGENCY SITUATION

Mikhailov P.I.

Russian Customs Academy

The article examines the problematic aspects of the initial stage of an investigation in an emergency situation, analyzes the criteria for determining the grounds for initiating an investigation, as well as the content of the stage of initiation of a criminal case. Purpose: to develop proposals for amendments to the criminal procedure law aimed at improving the efficiency of the functioning of the criminal justice system in emergency conditions. Methodology: dialectical, logical and formal legal methods were used. Results: the article considers the legal and factual grounds for initiating an investigation in an emergency situation, concludes that it is necessary to consider such a set of data on an event that allows only to clearly distinguish a criminal act from another, and suggests appropriate changes to the current criminal procedure legislation aimed at to overcome the identified problematic aspects.

Keywords: criminal proceedings, stages of criminal proceedings, initiation of a criminal case, grounds for initiating an investigation, verification of a crime report, a decision to initiate a criminal case, initiation of an investigation in an emergency situation.

References

1. Lebedev V.M. Criminal Procedure Law: a textbook for undergraduate and graduate students / V.M. Lebedev [et al.]; edited by V.M. Lebedev. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2017. – 1060 p.
2. Elinsky I.V. Grounds for initiating a criminal case: interpretation of the concept // Investigation of crimes: problems and solutions. Moscow, 2015. No. 2. P. 87–89.
3. Vlasova N.A. Grounds for initiating a criminal case: problems of theory and practice // Criminologist's Library. 2014. No. 4. P. 9–15.
4. Bednyakov I.L. Pre-trial proceedings: from the Concept of judicial reform to the present // Criminal proceedings. 2017. No. 1. P. 26–32.
5. Zagorsky G.I., Khatuayeva V.V. Actual problems of the theory and practice of criminal procedure: pre-trial proceedings: lecture course. – Moscow: Prospect, 2023. – 144 p.
6. Franciforov Yu.V. Criminal procedure: textbook and workshop for universities / Yu.V. Franciforov, N.S. Manova, A. Yu. Franciforov. – 8th ed., revised. and additional – Moscow: Publishing house Yurait, 2023. – 401 p.
7. “Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 23.11.2024), “Official Internet Portal of Legal Information” (<http://pravo.gov.ru/>).
8. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: their types, content and form. M., 1976. – 168 p.
9. Abramova L.L., Muravyov K.V. Factual grounds for initiating a preliminary investigation: monograph. – Moscow: Prospect, 2023. P. 11.
10. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: textbook / S.B. Rossinsky. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. – 232 p.
11. Azarhin A.V., Stepanov A.V. Objectives and feasibility of preliminary investigation of crimes committed in obvious conditions // Law and state: theory and practice. 2023. No. 4 (220). P. 267–269.
12. Abramova L.L., Muravyov K.V., Nikolaeva N.A. Modern standards of sufficiency of the basis for making a decision to initiate a preliminary investigation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. No. 2 (95). P. 151–157.
13. Kozhokar V.V. Initiation of a criminal case: issues of theory and practice: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2016. – 301 p.

К вопросу о повышении качества и эффективности правосудия, осуществляемого мировыми судьями

Нурмухаметов Руслан Наилевич,

ассистент, кафедра уголовного права и процесса, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: ruslan.haker.93@gmail.com

Данная статья посвящена анализу проблем и перспектив развития института мировых судей в России. Возрождение этого института, призванное обеспечить доступное правосудие, столкнулось с рядом трудностей, главным из которых является чрезмерная рабочая нагрузка на мировых судей, угрожающая качеству правосудия. Автор анализирует проблему повышения эффективности работы мировых судей и предлагают комплекс мер по ее оптимизации. В статье представлена упрощенная математическая модель, иллюстрирующая зависимость качества правосудия от нагрузки на судей, квалификации судей и эффективности организационного обеспечения. Кроме того, автор предлагает различные модели организации и функционирования мировых судей, включая специализацию по отраслям права или типам споров, расширенное использование информационных технологий (включая искусственный интеллект), введение института помощников мировых судей и интеграцию с другими государственными и общественными институтами, а также гибридные модели, сочетающие преимущества различных подходов. Статья подчеркивает необходимость баланса между эффективностью, доступностью и качеством правосудия при выборе оптимальной модели организации работы мировых судей в России.

Ключевые слова: мировой судья, судебная система, уголовное судопроизводство, приговор, качество правосудия, эффективность правосудия.

Реформа судебной системы России на рубеже XX–XXI веков ознаменовалась возобновлением института мировых судей – событием, вызвавшим широкую общественную дискуссию. Возникли вопросы о фундаментальных принципах мировой юстиции, её исторической эволюции и перспективах развития в современных условиях. Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» [1] определил, что «мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации».

Основная цель возрождения института мировых судей (мировой юстиции) в России – обеспечение доступного и оперативного правосудия для широких слоев населения. Это предполагает ускорение рассмотрения дел, снижение бюрократических барьеров и упрощение судебных процедур, делая правосудие более удобным и доступным для обычных граждан. Тем не менее, детальный анализ выявил немало проблем в области правового регулирования и практического функционирования.

Представителями судейского сообщества констатировано: «Особую сложность работе мирового судьи придает отсутствие специализации по рассмотрению дел. Мировой судья обязан рассматривать все поступающие к нему дела – и уголовные, и гражданские, и административные – то есть постоянно оперировать практически всеми отраслями права. Однако даже в условиях высочайшей нагрузки мировые судьи с честью справляются с возложенной на них миссией. Из всех решений мировых судей обжалуются не более двух процентов, что свидетельствует о высоком авторитете судебных актов и доверии гражданского общества к мировой юстиции» [2].

Анализ работы мировых судей и специальной литературы позволяет выделить ряд проблем в их деятельности. Ключевая проблема – чрезмерная рабочая нагрузка, грозящая свести на нет цели реформы. Расширение подсудности мировых судей за пределы «незначительных» дел привело к критической ситуации. Мировые судьи часто перегружены делами, что снижает качество рассмотрения дел и увеличивает сроки их разрешения. Это связано с широкой подсудностью и ограниченным количеством судей.

Другими проблемами являются недостаточное финансирование, нехватка квалифицированного персонала (помощников, секретарей), отсутствие современного оборудования и программного обеспечения – все это затрудняет работу мировых судей и снижает эффективность их деятельности.

Еще в качестве негативного фактора можно назвать недостаточную специализацию. Мировые судьи часто рассматривают дела из самых разных областей права (гражданские, уголовные, административные), что требует от них универсальных знаний и навыков, которых сложно достичь при высокой загруженности.

В некоторых регионах России, особенно отдаленных, доступ к мировым судьям затруднен из-за отсутствия или плохого состояния инфраструктуры. Это снижает доступность правосудия для населения этих регионов.

Для решения проблемы высокой рабочей нагрузки мировых судей мы предлагаем комплекс мер, включающий пересмотр подсудности, внедрение инновационных технологий и увеличение штата. Количественная оценка взаимосвязи между нагрузкой на судей и качеством правосудия может быть получена с помощью математического моделирования.

По-нашему мнению, для снижения высокой рабочей нагрузки на мировых судей, можно предложить ряд мер по ее оптимизации, включая изменения в подсудности, введение новых технологий, увеличение штата судей. Также можно построить математическую модель, показывающую зависимость качества правосудия от уровня нагрузки на судей.

Построить полную и точную математическую модель зависимости качества правосудия от уровня нагрузки на мировых судей чрезвычайно сложно. Качество правосудия – многомерный показатель, который сложно измерить количественно. Однако, можно создать упрощенную модель, которая позволит проиллюстрировать общую тенденцию.

Предположим, что качество правосудия (Q) можно оценить по следующей формуле:

$$Q=f(L,S,E),$$

где Q – качество правосудия (например, оценивается по шкале от 0 до 1, где 1 – идеальное качество). Это комплексный показатель, который может включать в себя такие аспекты, как:

- 1) правосудность решений, то есть количество решений, которые не были отменены в апелляции,
- 2) справедливость решений,
- 3) своевременность рассмотрения дел,
- 4) доступность правосудия с учетом таких факторов, как географическая доступность;

L – уровень нагрузки на мирового судью (количество дел в год на одного судью);

S – квалификация/опыт судьи (можно оценить, например, количество лет работы или успешность в апелляции);

E – эффективность организационного обеспечения (качество оборудования, доступ к информационным системам, помощь персонала).

Для упрощения модели, предположим линейную зависимость качества правосудия от нагрузки, квалификации и эффективности:

$$Q=a-bL+cS+dE,$$

где a – константа, отражающая базовый уровень качества правосудия при нулевой нагрузке, максимальной квалификации и идеальной эффективности;

b – коэффициент, показывающий негативное влияние нагрузки на качество ($b>0$);

c – коэффициент, показывающий позитивное влияние квалификации на качество ($c>0$);

d – коэффициент, показывающий позитивное влияние эффективности организационного обеспечения на качество ($d>0$).

Анализ модели

Эта модель показывает, что при увеличении нагрузки (L) качество правосудия (Q) снижается. Увеличение квалификации (S) и эффективности (E) ведут к повышению качества. Коэффициенты b, c и d отражают степень влияния каждого фактора. Они могут быть определены эмпирически на основе статистических данных.

Ограничения модели

Эта модель – сильно упрощенное представление. В реальности взаимосвязь между нагрузкой и качеством правосудия гораздо сложнее и может быть нелинейной. Модель не учитывает многие другие факторы, которые влияют на качество правосудия, такие как: сложность рассматриваемых дел; качество представленных доказательств; действия сторон процесса; влияние внешних факторов (коррупция, политическое давление).

Применение модели

Модель может быть использована для оценки влияния различных мер по оптимизации работы мировых судей на качество правосудия. Например, можно смоделировать влияние увеличения штата судей (снижение L) или улучшения организационного обеспечения (увеличение E) на Q .

Эта упрощенная модель дает лишь общее представление о зависимости качества правосудия от нагрузки на мировых судей. Для создания более точной и полной модели необходим глубокий анализ эмпирических данных и учет большего количества факторов. Однако, даже эта простая модель демонстрирует важность учета нагрузки при оценке эффективности работы судебной системы.

Мы разделяем мнение авторов, считающих, что «если не отрицать идею о том, что правосудие – это прежде всего способ защиты прав и интересов людей, а не только разновидность государственной службы, то вполне очевидно, что качество правосудия невозможно отразить лишь в цифрах, содержащих сведения о количестве судебных ошибок» [3, с. 103].

Так как «предметом сравнительного правоведения является исключительно сравнение правовых систем (их элементов), действующих в разных территориальных границах, то есть не подлежащих одновременному применению по территориальному признаку» [4, с. 30], мы считаем, что из опыта зарубежных стран и особенностей российской действительности, можно предложить следующие альтернативные модели организации и функционирования мировых судей, позволяющие повысить скорость и эффективность рассмотрения дел.

Например, возможно внедрение моделей, предусматривающих специализацию мировых судей в зависимости от отраслей права. Разделить мировых судей на специализированные группы, например, по гражданским, семейным, административным или земельным делам. Это повысит эффективность работы за счет накопления опыта и знаний в конкретной области права. В России это особенно актуально, учитывая широту компетенции нынешних мировых судей. Недостатком такой модели может стать возможное увеличение затрат на расширение штата и сложность организации специализированных участков.

Также можно предложить специализацию не по отраслям права, а по типам правовых споров (например, споры о взыскании долгов, споры о наследстве, рассмотрение уголовных дел). Это позволит оптимизировать судопроизводство для разрешения определенных категорий дел.

Другим способом повышения продуктивности при рассмотрении дел мировыми судьями является расширение использования современных технологий. В документах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации дано определение: электронное правосудие (инф.) – способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» [5].

Расширение возможностей онлайн-взаимодействия с участниками процесса, включая подачу документов, проведение заседаний (частично или полностью), ознакомление с материалами дела. Это особенно важно для удаленных районов России и людей с ограниченными возможностями. Недостатком такого предложения является необходимость инвестирования в инфраструктуру судебных участков и необходимость обучения персонала. Внимания заслуживает позиция авторов, согласно которой «благодаря процессу цифровизации значительно уменьшаются временные интервалы рассмотрения дел, снижается нагрузка на судей, иных сотрудников судов, сокращается риск допущения судебной ошибки» [6, с. 122].

Использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) для автоматизации рутинных операций, таких как обработка документов, первичный анализ материалов дела, предварительная оценка шансов на успех. Это может снизить нагрузку

на судей и ускорить рассмотрение дел. Однако, важно обеспечить прозрачность и контроль за работой ИИ, исключая риск предвзятости и нарушений прав участников процесса. «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» определяет, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [7]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой «повышение скорости и качества судебной деятельности посредством возложения на искусственный интеллект части рутинных мероприятий (подготовка протоколов судебных заседаний, подготовка и выдача электронных исполнительных листов, автоматическое распределение дел между судьями исходя из специализации, проверка расчета исковых требований и выявление злоупотреблений со стороны участников процесса, анализ судебной практики и формирование проекта решения) и использования высвободившегося времени для глубокого и детального рассмотрения сложных дел» [8, с. 55]. Также интересной видится позиция авторов о том, что «внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективной ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности» [9, с. 19].

Еще одним способом повышения эффективности работы мировых судей является введение института помощников мировых судей для выполнения рутинных задач, тем самым освобождая судей для принятия решений по существу дела. Это позволит повысить эффективность и производительность труда. Также считаем возможным создание специализированных подразделений в регионах, которые бы оказывали мировым судьям методологическую и административную поддержку (юридическая, техническая, организационная). Однако стоит учитывать, что «с одной стороны, это, безусловно, может привести к повышению качества расследования и снижению сроков, но, с другой стороны, имеется вероятность нарушения тайны следствия, в связи с чем необходимо совершенствование как технических средств, так и программного обеспечения, на что потребуются дополнительные финансовые затраты со стороны государства» [10, с. 111].

Гибридная модель организации и функционирования мировых судей предполагает сочетание различных подходов и элементов из разных моделей, адаптированных к специфическим условиям и задачам. Она не представляет собой единую, строго

определенную структуру, а скорее является концепцией, позволяющей комбинировать преимущества различных подходов. Рассмотрим несколько вариантов гибридных моделей.

1. Комбинация специализации и онлайн-судопроизводства. Этот вариант объединяет преимущества специализации судей по типам дел или отраслям права с возможностями онлайн-судопроизводства. Можно создать специализированные онлайн-суды по мелким гражданским спорам: Мировые судьи специализируются на рассмотрении споров о взыскании долгов, мелких бытовых спорах, спорах о наследстве. Процесс ведется преимущественно онлайн, что повышает доступность и эффективность. Для разрешения сложных дел будут предусмотрены очные заседания. Мировые судьи сохраняют свою универсальную компетенцию, но имеют возможность проводить частично или полностью онлайн-заседания, использовать специализированное программное обеспечение для обработки документов и видеоконференцсвязи. Это позволяет увеличить пропускную способность суда и снизить нагрузку на судей в отдельных случаях, а также улучшить доступ к правосудию для жителей удаленных районов.

Преимуществами такой модели:

- повышение эффективности, так как специализация позволит улучшить качество принятых решений, а онлайн-судопроизводство ускорит разбирательство;
- увеличение доступности ввиду того, что онлайн-формат сделает правосудие более доступным для широкого круга граждан, особенно жителей удаленных районов;
- комбинированный подход позволит оптимизировать использование ресурсов, например, снизить затраты на содержание помещений.

Недостатками данной модели считаем:

- необходимость инвестиций, потому что внедрение онлайн-систем требует значительных инвестиций в инфраструктуру и обучение персонала;
- не все граждане имеют навыки работы с компьютерной техникой и в сети «Интернет»;
- возникнут проблемы безопасности персональных данных и конфиденциальность информации.

2. Интеграция мировых судей с другими государственными и общественными институтами. Эта модель предполагает более тесное взаимодействие мировых судей с другими институтами, такими как:

- мировой судья может направлять стороны конфликта к медиаторам на ранней стадии разбирательства;
- в случаях, связанных с семейными конфликтами, домашним насилием, мировой судья может взаимодействовать с социальными службами для предотвращения негативных последствий;
- мировые судьи могут быть более активно вовлечены в решение местных проблем, например, споры о земельных участках.

Преимуществами модели можно назвать:

- совместная работа различных институтов государства позволит более эффективно решать проблемы граждан;
- превентивность мер при разрешении дел, так как взаимодействие с социальными службами может предотвратить более серьезные последствия конфликтов.

Недостатками могут являться:

- необходимость координации различных государственных органов, так как эффективное взаимодействие различных институтов требует хорошей координации и четкого разделения функций;
- велик риск бюрократизации.

Выбор конкретной гибридной модели зависит от множества факторов, включая финансовые возможности, техническую готовность, особенности региона и правовую культуру. Ключевой аспект в решении данной проблемы – обеспечение баланса между эффективностью, доступностью и качеством правосудия. Необходимо тщательно проработать механизмы взаимодействия различных институтов и предусмотреть меры по предотвращению возможных негативных последствий.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Несмотря на высокую эффективность работы мировых судей, подтвержденную статистическими данными о низком проценте отмененных решений, ключевой проблемой остается чрезмерная рабочая нагрузка, негативно влияющая на качество правосудия. Предложенная упрощенная математическая модель демонстрирует корреляцию между уровнем нагрузки, квалификацией судей и эффективностью организационного обеспечения, с одной стороны, и качеством правосудия – с другой. Однако, модель носит иллюстративный характер и требует дальнейшего совершенствования с учетом многомерности показателя «качество правосудия».

2. Анализ различных моделей организации работы мировых судей – специализация, внедрение ИИ, создание института помощников, интеграция с другими институтами, а также гибридные модели – выявил потенциал для повышения эффективности и доступности правосудия. Каждая из предложенных моделей обладает как преимуществами, так и недостатками, требующими внимательного взвешивания при принятии решений.

3. Для оптимизации работы мировых судей и повышения качества правосудия необходим комплексный подход, включающий пересмотр подсудности, инвестиции в информационные технологии, увеличение штата судей, создание института помощников, а также повышение квалификации судей и улучшение организационного обеспечения. Выбор оптимальной модели должен основываться на конкретных условиях и ресурсах, при этом главным приоритетом остается обеспечение баланса между эффективностью, доступностью и качеством правосудия. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание более со-

вершенных математических моделей, учитывающих все многообразие факторов, влияющих на качество правосудия, а также на эмпирическую проверку эффективности предложенных в статье мер.

Литература

1. Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 01 июля 2021 № 284-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102057094> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Момотов, В.В. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 12 февраля 2019 года // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/52649> (дата обращения: 05.12.2024).
3. Гизатуллин, И.А. Вопрос о системе универсальных критериев качества правосудия в мировой юридической литературе и практике // Правовое государство: теория и практика. 2023. Том 19. № 4(74). С. 102–112.
4. Головкин, Л.В. О сравнительно-правовом методе и его неверном понимании // Правовое государство: теория и практика. 2024. Том 20. № 1(75). С. 26–31.
5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 года № 362 (ред. от 28 августа 2019 года) «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Петров, И.В., Кудрявцева Л.В. Актуальные вопросы цифровизации российского правосудия // Общество и право. 2024. № 3 (89). С. 122–126.
7. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15 февраля 2024 года) // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 05.12.2024).
8. Шаров, И.С. Электронное правосудие: перспективы развития // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 53–57.
9. Морхат, П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 13–27.
10. Фисаков, М.Ю. Перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности следователей // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 109–112.

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE QUALITY AND EFFICIENCY OF JUSTICE ADMINISTERED BY JUSTICES OF THE PEACE

Nurmukhametov R.N.

Ufa University of Science and Technology

This study examines the challenges and potential solutions for improving the Russian system of justices of the peace. While intended to enhance access to justice, the renewed institution struggles with excessive judicial workloads, compromising the quality of its rulings. The author addresses this efficiency issue, proposing various optimization strategies. These include a simplified mathematical model illustrating how workload, judicial expertise, and administrative support impact judicial quality, along with alternative organizational models. These models range from specialized courts (by legal area or dispute type) and increased technological integration (including AI) to the introduction of judicial assistants and inter-institutional collaboration, as well as hybrid approaches combining these elements. The research concludes that successfully reforming the system requires balancing efficiency, accessibility, and the overall quality of justice delivered.

Keywords: justices of the peace, judicial system, criminal proceedings, sentence, quality of justice, efficiency of justice.

References

1. Federal Law of December 17, 1998 No. 188-FZ “On Justices of the Peace in the Russian Federation” (as last amended and supplemented on July 1, 2021 No. 284-FZ) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102057094> (accessed: 12/05/2024).
2. Momotov, V.V. Speech by the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at a meeting of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building on February 12, 2019 // Official website of the Council of Judges of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/52649> (date accessed: 05.12.2024).
3. Gizatullin, I.A. The issue of the system of universal criteria for the quality of justice in world legal literature and practice // The rule of law: theory and practice. 2023. Vol. 19. No. 4 (74). P. 102–112.
4. Golovko, L.V. On the comparative legal method and its misunderstanding // The rule of law: theory and practice. 2024. Vol. 20. No. 1 (75). P. 26–31.
5. Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2015 No. 362 (as amended on August 28, 2019) “On approval of the List of basic concepts and terms used in regulatory legal acts of the Judicial Department governing the use of information and telecommunication technologies in the activities of courts, departments of the Judicial Department in the constituent entities of the Russian Federation and institutions of the Judicial Department” // SPS “ConsultantPlus”.
6. Petrov, I.V., Kudryavtseva L.V. Current issues of digitalization of Russian justice // Society and Law. 2024. No. 3 (89). P. 122–126.
7. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (as amended on February 15, 2024) // President of Russia: official website. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (date of access: 05.12.2024).
8. Sharov, I.S. Electronic justice: development prospects // Civil service and personnel. 2024. No. 2. P. 53–57.
9. Morhat, P.M. Comparative legal study of the positioning of artificial intelligence in judicial proceedings // Legal studies. 2024. No. 7. P. 13–27.
10. Fisakov, M. Yu. Prospects for the use of information and communication technologies in the activities of investigators // Philosophy of Law. 2020. No. 4 (95). P. 109–112.

Вопросы, возникающие в правоприменительной практике в отношении преступлений, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации

Старых Станислав Михайлович,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: staryhstas@yandex.ru

Введение в Уголовное законодательство Российской Федерации ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», предполагало существенно усилить законодательную базу, с опорой на которую, действия непосредственных правоприменителей, по борьбе с преступными посягательствами против собственности, в особенности с применением технических средств, связанных с компьютерной информацией, приобретут дополнительный положительный импульс. Но ожидания со стороны законодателя, на позитивные изменения, связанные с этой уголовно правовой инициативой, не оправдались. Ситуация, связанная с надлежащей квалификацией такого рода преступлений, приобрела еще более хаотичный характер. Это обусловлено тем, что, действующая редакция ст. 159.6, предусматривающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, не обеспечивает соответствующую правовую оценку содеянному, так как в диспозиции статьи, отсутствует ключевой признак любого мошенничества, а именно способ, совершение преступления путем обмана или злоупотреблением доверием потерпевшего. Что в свою очередь, негативно отражается на реальной практической деятельности.

Ключевые слова: компьютерная информация; телекоммуникационная среда; технические средства; мошеннические действия; экономическая деятельность; формы хищения; квалифицированные составы; правоприменительная практика; уголовное законодательство.

В современных реалиях нормальная жизнедеятельность практически любого человека, самым непосредственным образом зависит от информационно телекоммуникационной среды. От наличия устойчивого интернета, зачастую зависит не только возможность коммуникации между отдельными людьми, но и возможность отдельного человека реализовывать свои конституционно гарантированные права и свободы [1]. Это возможность реализовать свое право на труд, все большее количество профессий и видов трудовой деятельности связано и зависит от информационно телекоммуникационной среды, это и возможность реализовать свое волеизъявление при голосовании, в независимости от места пребывания, возможность удаленно получать необходимую медицинскую консультацию, хранить огромные массивы личной и служебной информации и т.д. Отдельно следует отметить все более возрастающий уровень, на сегодняшний день практически достигающий 100 процентов, осуществления платежей по средствам телекоммуникационной среды, как между отдельными людьми, так и между участниками разнообразных форм экономической деятельности.

К большому сожалению, в ногу с прогрессом, в том числе в информационно телекоммуникационном пространстве, продвигается и современный, зачастую высокотехнологичный преступник.

Сегодняшнему преступнику, желающему похитить или приобрести незаконное право на чужие материальные ценности или имущество, необязательно самому тайно проникать в квартиры, дома, иные помещения для совершения кражи, необязательно самому непосредственно общаться с жертвой мошеннических действий. Для реализации преступного замысла преступник пользуется разнообразными средствами, которые предоставляет телекоммуникационная среда, в том числе все, что связано с понятием компьютерной информации. До недавних пор, довольно размытое понятие компьютерной информации, трактовавшиеся конкретным правоприменителем достаточно произвольно, со стороны законодателя, обрело более четкое определение, в качестве примечания к ст. 272 УК РФ [2], где под компьютерной информацией следует понимать сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств хранения, их обработки и способов передачи.

О том что проблемы, возникающие в связи с преступлениями, совершаемыми при помощи ин-

формационных технологий, являются на сегодняшний день проблемами более чем актуальными как для обычного человека, так и для государственных организаций, коммерческих структур не вызывает никакого сомнения. Статистика такого рода преступлений указывает на их постоянный рост и все более изощренный подход преступников для осуществления своих целей. Статистические данные [9], которые обнародовала пресс-служба МВД Российской Федерации, в своем заявлении для средств массовой информации, по итогам работы ведомства за 2023 год, прямо на это указывают. В озвученный период времени, в целом преступлений связанных, в том или ином виде, с телекоммуникационной средой, было совершено 677 тысяч, за аналогичный период 2022 года, таких преступлений было совершено 522 тысячи. Наблюдается значительное увеличение такого рода преступных посягательств, которые имеют тенденцию к еще большему росту.

Особенно важно отметить, характеризуя такие преступления, что при растущем количестве зарегистрированных преступлений, огромное количество совершенных противоправных посягательств в телекоммуникационной среде, остаются в тени, то есть отмечается их высокая латентность. Другим негативным фактором, выделяющим в последнее время из общей массы совершенных преступлений, этот вид противоправных посягательств, устойчивая тенденция к росту квалифицированных и особо квалифицированных составов таких преступлений. Отталкиваясь от данных из открытых источников [10], последствия от таких преступных посягательств, особенно это заметно по итогам 11 месяцев 2024 года, выражаются, в большинстве случаев, в крупном и особо крупном размере причиненного ущерба. Если примерно сопоставить примерный ущерб от не выявленных преступлений с уже учтенными убытками, то в целом речь идет о много миллиардном ущербе для экономики страны.

К большому сожалению, в правоприменительной практике квалификация преступлений, связанных в той или иной форме, с использованием компьютерной информации, представлена более чем разнообразным и противоречивым подходом. Отсутствие относительно общего подхода в оценке такого рода преступлений, не способствует достижению поставленных целей по противодействию этим преступным посягательствам. Но что также не мало важно, эта ситуация в целом, не способствует реализации одного из базовых принципов уголовного права, принципа справедливости, то есть полного соответствия наказания всей установленной совокупности признаков, характеризующих такие деяния по характеру и степени их общественной опасности. Далеко не всегда, верно, производится разграничение такого рода преступлений, по способу совершения, направленности умысла и в том числе по объекту уголовно правовой защиты. То есть, либо это преступления направлены против собственности, или против осуществления нормальной экономической деятель-

ности, или же преступления, направлены против сферы, связанной с компьютерной информацией.

Законодатель, реагируя на острую необходимость, в соответствующей уголовно-правовой оценке, постоянно растущему числу таких преступлений, в соответствии с Федеральным Законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ [11], дополнил уголовное законодательство Российской Федерации, в главе 21 (Преступления против собственности) статьей 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Тем не менее, введение такого состава преступления, не только не упорядочило, противоречивую и не последовательную правоприменительную практику, а наоборот, привело к дополнительным проблемам, связанным с точной и правильной квалификацией такого рода преступных посягательств.

Неоднозначная правоприменительная практика в отношении преступлений, связанных с компьютерной информацией, вызвана в том числе, достаточно противоречивой и в определенной степени поспешной реакцией законодателя, дополнившего соответствующим составом Уголовное законодательство Российской Федерации, а именно статьей 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Исходя из классического понятия мошенничества, как одного из видов хищения, которому присущи индивидуальные особенности изъятия или обращения чужого имущества, то эти особенности характеризуются соответствующим способом, обманом или злоупотреблением доверием конкретного человека. В действующей редакции, диспозиция данной статьи определяет рассматриваемый вид мошенничества как, хищение чужого имущества или приобретения права на него путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки информации [12] и т.д. То есть, в этих случаях, хищение может осуществляться тайно для потерпевшего, воздействие оказывается не на него, путем его обмана или злоупотреблением его доверием, а на компьютерную информацию. В этих обстоятельствах, говорить об этом составе преступления как об одном пусть и специфическом виде мошенничества, не представляется достаточно обоснованным.

В большей степени, анализируя объективную сторону рассматриваемого состава преступления, а именно оценивая способ совершения такого рода преступных посягательств, можно говорить не о мошенничестве, а о краже, то есть о тайном хищении чужого имущества. В этой связи допустима аналогия с обычной квартирной кражей. В случае со ст. 159.6 УК РФ речь идет об определенном наборе действий, связанных с получением удаленного доступа к материальным ценностям потерпевшего которые находятся на его банковском счету, по средствам взлома его пароля, смены логина и т.п. В случае квартирной кражи, допустим, путем

подбора отмычек, дубликатов ключей от дверных замков, отключением сигнализации, злоумышленник проникает в помещение и изымает материальные ценности хозяина этой квартиры. Как в одном, так и в другом случаях, достижение корыстной цели, завладения чужим имуществом, осуществляется тайно для потерпевшего, принципиально суть содеянного не меняется в зависимости от средств исполнения объективной стороны таких преступлений.

Кроме того, в рамках данной редакции рассматриваемого состава преступления, предусматривается и квалификация действий субъекта, обладающего специальными признаками. Речь идет о действиях лица, которому было вверено чужое имущество, исходя из должностного или служебного положения, договора и т.п. Исходя из специфики такого субъекта преступления, подобные деяния должны оцениваться в соответствии со ст. 160 УК РФ.

Правильная и всесторонняя оценка содеянного, предполагает установление и точное соотношение всех признаков совершенного общеопасного деяния и соответствующего состава преступления. Диспозиция рассматриваемого состава преступления, как минимум, не вполне соответствует как объективным, так и субъективным признакам преступных деяний, связанных с мошенническим способом завладения чужим имуществом. В рамках анализируемого состава преступления, отталкиваясь от диспозиции, предполагается не учитывать специфику способа выполнения объективной стороны, а в этой редакции, даже с большой долей пристрастности, нельзя говорить о способах характерных для мошенничества. В том числе, в определенных условиях, предлагается не учитывать специфические признаки субъекта, которому было вверено чужое имущество, так же предлагается не в полном объеме учитывать направленность умысла субъектов таких преступлений.

Стремление законодателя оперативно отреагировать на преступления, связанные с использованием компьютерной информации, для достижения преступного результата, объяснимо и понятно. Но вместе с тем, в данном случае, эта законодательная конструкция, не способствует совершенствованию правоприменительной практики в отношении таких преступлений, а наоборот внесла определенную неразбериху. В практической деятельности [13], даже после введения в Уголовное законодательство ст. 159.6 УК РФ, присутствуют варианты квалификации по совокупности с этим составом ст. 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) или ст. 273 УК РФ (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Нередки случаи квалификации такого рода деяний в соответствии со ст. 158 УК РФ (Кража), так и в соответствии со ст. 160 УК РФ (Присвоение или растрата).

Исходя из проведенного анализа рассматриваемого состава преступления, было бы целесообразным предусмотреть возможность для внесения не-

обходимых поправок в законодательную конструкцию данного состава, а также в части соответствующих рекомендаций и разъяснений, со стороны Верховного Суда Российской Федерации, в целях осуществления в правоприменительной практике, в отношении таких преступлений относительно единого подхода при их квалификации.

В качестве одного из возможных вариантов, по преодолению возникающих противоречий в ходе юридической оценки, можно рассмотреть внесение изменений, как в название статьи 159.6 УК РФ, так и в саму диспозицию статьи, выделив данный состав преступления, в рамках 21 главы УК РФ, не как мошенничество в сфере компьютерной информации, а как самостоятельный вид хищения, исходя из специфики средств достижения преступного результата, а именно при помощи компьютерной информации или путем воздействия на нее.

В качестве другого варианта, уголовно правового реагирования на такие преступления, возможно более приемлемого и в большей степени соответствующего, целям и задачам, которые в целом стоят по противодействию преступным посягательствам в отношении собственности, можно рассмотреть дополнения в действующие редакции соответствующих статей, а именно:

- дополнить, исходя из способа выполнения объективной стороны, ст. 158 УК РФ кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, дополнительным пунктом в части 3 этой статьи, а именно «хищение чужого имущества, совершенное при помощи компьютерной информации или путем воздействия на нее»;
- так же, внести соответствующие дополнения в особо квалифицированный состав ст. 160 УК РФ присвоение и растрата, отталкиваясь от признаков субъекта этого преступления «хищение чужого имущества, вверенного виновному лицу, совершенное при помощи компьютерной информации или путем воздействия на нее».

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Карпова Н.А., Журавлева Г.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: спорные вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5.
4. Григорян Г.Р. Об объекте мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2018. № 5.

5. Карпова Н.А., Калининская Я.С. Мошенничество в сфере кредитования: уголовно-правовая характеристика и дискуссионные вопросы квалификации // Современное право. 2017. № 10.
6. Третьяк М.И. Проблема законодательной регламентации преступлений против собственности в сфере высоких технологий // Законность. 2016. № 7.
7. Борисов С.В., Хакимова Э.Р. Уголовная ответственность за присвоение и растрату: Монография. – М.: Международный юридический институт, 2010.
8. Кибальник А.Г. Квалификация мошенничества в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2018. № 1.
9. Заявление пресс службы МВД РФ от 08.02.2024 «О состоянии преступности за 2023 год» www.interfax.ru
10. ГИАЦ МВД РФ: <https://мвд.рф/folder/101762>
11. Законопроект № 5700–6 «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: [www.sozd.gov.ru/bill/53700–6](http://www.sozd.gov.ru/bill/53700-6)
12. Федеральный Закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». <http://kremlin.ru> > acts/bank/36399
13. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2023 год // СПС КонсультантПлюс.

ISSUES ARISING IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN RELATION TO CRIMES RELATED TO FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Strykh S.M.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The introduction of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation “Fraud in the field of computer information” into the Criminal legislation of the Russian Federation was supposed to significantly strengthen the legislative framework, based on which the actions of direct law enforcement officers to combat criminal encroachments against property, especially with the use of technical means related to computer information, will gain an additional positive impetus. But the expectations on the part of the legislator for positive

changes related to this criminal law initiative did not materialize. The situation related to the proper qualification of such crimes has become even more chaotic. This is due to the fact that the current version of Article 159.6, which provides for liability for fraud in the field of computer information, does not provide an appropriate legal assessment of what has been done, since the disposition of the article lacks a key feature of any fraud, namely the method of committing a crime by deception or abuse of the victim’s trust. Which, in turn, has a negative impact on real practical activities.

Keywords: Computer information; telecommunication environment; technical means; fraudulent actions; economic activity; forms of theft; qualified personnel; law enforcement practice; criminal legislation.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by nationwide vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. “The Criminal Code of the Russian Federation” of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource] Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Karpova N.A., Zhuravleva G.V. Fraud in the field of computer information: controversial issues of theory and practice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 5.
4. Grigoryan G.R. On the object of fraud in the field of computer information // Russian Justice. 2018. № 5.
5. Karpova N.A., Kalininskaya Ya.S. Fraud in the field of lending: criminal-legal characteristics and controversial issues of qualification // Modern law. 2017. № 10.
6. Tretyak M.I. The problem of legislative regulation of crimes against property in the field of high technologies // Legality. 2016. № 7.
7. Borisov S.V., Khakimova E.R. Criminal liability for embezzlement and misappropriation: Monograph. – М.: International Law Institute, 2010.
8. Kibalnik A.G. Qualification of fraud in the new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal law. 2018. No. 1.
9. Statement of the press service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 08.02.2024 “On the state of crime in 2023” www.interfax.ru
10. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: <https://мвд.рф/folder/101762>
11. Bill № 5700–6 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. URL: [www.sozd.gov.ru/bill/53700–6](http://www.sozd.gov.ru/bill/53700-6)
12. Federal Law of 29.11.2012 № 207-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. <http://kremlin.ru> > acts/bank/36399
13. Review of supervisory practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2023 // SPS ConsultantPlus.

Интернет-зависимость как условие совершения несовершеннолетними в их отношении преступлений

Титов Матвей Андреевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», прокурор отдела по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних прокуратуры Республики Саха (Якутия)
E-mail: mathewstitov@yandex.ru

По состоянию на декабрь 2024 г. число российских интернет-пользователей составляет около 130 млн человек, по этому показателю Россия является одним из лидеров в мире [1]. Вместе с тем одной из проблем использования интернета является возникновение у детей интернет-зависимости, замена реального мира на виртуальный, что негативно влияет на процесс развития ребенка, способствует совершению несовершеннолетними и в их отношении с помощью интернет-технологий противоправных действий, в том числе преступлений. В работе предложены механизмы нивелирования возникновения у детей виртуальной зависимости и, как следствие, сокращение количества преступлений в интернете с участием детей. *Цель.* Выработать и предложить наиболее эффективные меры по борьбе с интернет-зависимостью (интернет-аддикцией) детей, в том числе путем внесения организационных и правовых изменений. *Методы.* Методологической базой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе использовался формально-логический, сравнительно-правовой, системно-аналитический, диалектико-материалистический методы. *Результаты.* Обоснование связи интернет-зависимости с состоянием преступности с участием несовершеннолетних, нивелирования процессов интернет-зависимости, раскрытия его содержания, выработка изменений, позволяющих предупредить совершение несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий, наряду с имеющимися профилактическими мероприятиями.

Выводы. С учетом состояния подростковой преступности, виктимизации детей в интернете и влияния на эти процессы интернет-зависимости полагаю, что действующие механизмы борьбы с виртуальной зависимостью нуждаются в комплексных правовых, организационных и иных изменениях, которые представлены в настоящей работе.

Ключевые слова: интернет-зависимость; несовершеннолетние; преступность; механизмы; родители; ответственность.

Введение

Интернет-зависимость представляет собой негативное явление, связанное с использованием виртуальной информации. Указанная зависимость характерна в отношении лиц любых возрастов, вместе с тем наиболее подвержены этому несформировавшиеся личности «находящиеся в группе риска», то есть несовершеннолетние, которые в силу отсутствия опыта, ненадлежащего контроля и красивой картинки используют сеть «Интернет» без ограничений по времени, тем самым у последних возникает риск появления интернет-зависимости ребенка. Бесконтрольное использование интернета несовершеннолетними находится в зависимости от уровня их виктимности, вовлеченности в совершение преступлений [2].

Материалы и методы

В работе использовался формально-логический (при формировании логических цепочек, заключений), обосновании позиций и выдвижения предположений), сравнительно-правовой (посредством которого проведен анализ российского законодательства, ряд правовых положений других стран, в том числе организационных мер по борьбе с указанным явлением), системно-аналитический (при определении связей влияния интернет-зависимости на состояние подростковой преступности, виктимизации детей), диалектико-материалистический (в ходе исследования становления и развития процессов, обеспечивающих создание цифровой безопасности детей) методы. При сборе и изучения материалов правоприменительной практики были использованы методы анализа документов, печатных и электронных изданий. Использование названных методов позволило выявить проблемы, препятствующие совершенствованию комплексного подхода предупреждения интернет-зависимости на несовершеннолетних, обеспечить достоверность результатов исследования.

Литературный обзор

В российском законодательстве не содержится легального определения интернет-зависимости. В качестве признаков любой зависимости человека обычно выделяют: трата большого количества времени и денежных средств в отношении объекта зависимости, проблемы со здоровьем, утрата социальных связей, дискомфорт, замкнутость, антиобщественное поведение. Перечис-

ленные признаки характерны и при возникновении интернет-зависимости. Таким образом, под интернет-зависимостью или интернет-аддикцией понимается избыточное и бесконтрольное использование сети «Интернет», появление дискомфорта при отсутствии доступа к нему, желание вновь и вновь заходить и погружаться в виртуальное пространство. Стоит отметить, что интернет-зависимость не признана в качестве болезни и не включена в Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, однако её реализация имеет негативный эффект наряду с видами зависимостей, включенных в данную классификацию.

Согласно исследованию, проведенному в 2024 г. ПАО «Ростелеком» «Виртуальный мир глазами детей, особенности поведения детей и подростков в сети «Интернет» следует, что в среднем дети проводят по 6,5 часов в день в виртуальном пространстве, наиболее посещаемыми подростками платформами остаются «Telegram», «ВКонтакте», «YouTube», «TikTok» [3]. Проводя большое количество времени в интернете, ребенок в социальных сетях раскрывает свои персональные данные, может заходить на запрещенные сайты, получать деструктивную информацию, стать вовлеченным в противоправные действия. Так, получая личные данные детей, находящиеся в открытом доступе, преступники могут использовать несовершеннолетних в своих корыстных целях, войти к ним в доверие, что может повлечь совершение несовершеннолетними в их отношении преступления.

К примеру, из приговора Хангаласского районного суда следует, что преступник, используя открытый доступ к страницам детей в социальной сети «Telegram», ознакомился с последними от имени их сверстника, просил высылать фотографии интимного характера и впоследствии в случае отказа в дальнейшем выполнять определённые действия сексуального характера (отправлять ему фото- и видеоизображения) шантажировал их [4].

Нередко полученные преступным способом такие материалы (фото-, видеоизображения) размещаются преступником в свободном доступе, что нарушает права детей на половую неприкосновенность, причиняет длительный психологический вред их здоровью.

Так, в ходе из материалов следственной практики следует, что житель г. Архангельска в течение 3 месяцев распространял в интернете фотоизображения подростка порнографического характера, в том числе размещал их в социальных сетях, то есть распространял на неопределенный круг лиц [5].

Житель Приморья путем создания в социальных сетях учетных записей от имени несовершеннолетнего обменивался фотографиями интимного характера с девушками, не достигшими 14-го возраста. Указанное лицо было привлечено к уголовной ответственности по п. «а» и «г» ч. 2 ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [6, 11]. В приведенных случаях несовершеннолетние потерпев-

шие бесконтрольно пользовались социальными сетями, имели свободный доступ к интернету без ограничений во времени, в результате ненадлежащего контроля родителям о совершении преступлений в отношении их детей стало известно случайно только после продолжительного времени.

О зависимости чрезмерного использования интернета с виктимным поведением подростков свидетельствуют результаты исследования, проведенные И.П. Волковой и А.В. Машковой. Так, одним из негативных последствий чрезмерной активности детей в социальных сетях является усиление явлений виктимных девиаций и виктимизации личности [7].

Согласно выводам проведенного Скворцовой Е.С., Лушкиной Н.П. исследования установлено, что интенсивность вовлечения детей в незаконный оборот наркотических средств (наркомаркетинг) выше у детей, имеющих интернет-зависимость [8].

По информации МВД России с 2020 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети «Интернет», возросло в 74 раза (2020 г. – 54, 2023 г. – 4 тыс.). При этом чаще всего дети используют для совершения преступлений «Telegram» [13], в большей части это связано с анонимностью интернет-пользователей, нераскрытия личных данных интернет-пользователей по запросам правоохранительных органов.

Таким образом, чрезмерная использование интернета является одной из причин совершения несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий. Об актуальности предупреждения вовлечения детей в совершение преступлений с помощью сети «Интернет» свидетельствует факт одобрения 20 декабря 2024 года Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации закона об ужесточении ответственности за вовлечение детей в совершение преступлений (добавлен квалифицирующий признак – с использованием сети «Интернет») [15].

Вместе с тем в России борьба с данным явлением находится на ненадлежащем уровне. В случае возникновения у ребенка интернет-зависимости в Российской Федерации практически отсутствуют специализированные организации, оказывающие таким детям необходимую помощь, за исключением крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т.д.), то есть доступность оказания помощи детям остается на низком уровне, многие родители не контролируют времяпровождения его ребенка в интернете и не знают о том, с кем общается их ребенок.

Целесообразно рассмотреть опыт других стран по борьбе с чрезмерным использованием детьми интернета. Во многих странах приняты законы, предупреждающие возникновение у детей интернет-зависимости.

К примеру, в Соединенных Штатах Америки Штат Флорида в декабре 2023 – январе 2024 го-

да приняла закон, запрещающим несовершеннолетним в возрасте до 16 лет пользоваться социальными сетями даже с согласия родителей (законных представителей). Кроме того, социальные сети обязали проводить мониторинг действующих интернет-пользователей до вступления закона в силу для выявления несовершеннолетних в возрасте до 17 лет, принимать меры к удалению обозначенных аккаунтов [9].

Законодательство штата Юта США также ограничивает использование несовершеннолетними социальных сетей, однако позволяет в них регистрировать свой профиль с разрешения родителей (законных представителей) [10].

Аналогичные меры приняты в Китайской Народной Республике (закон по построению модели мобильного интернета для несовершеннолетних), европейских странах (закон о цифровых технологиях).

В АОЭ действует закон, ограничивающий регистрацию для детей до 13 лет на некоторых интернет-платформах [14], в Южной Корее время проведения детей в виртуальном мире нормируется в зависимости от их возраста [14].

С учетом актуальности проблем чрезмерного использования российскими интернет-пользователями виртуального мира полагаю необходимым вышеуказанную практику внедрить в российское законодательство, ограничив использование детьми интернета.

В качестве проблем борьбы с интернет-зависимостью следует отметить отсутствие единой практики привлечения родителей (законных представителей) за ненадлежащее исполнение обязанностей по формированию у детей безопасного интернет-пространства, культуры информационной безопасности.

Так, согласно ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [12] в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей по защите прав и интересов несовершеннолетних родители (законные представители) привлекаются к административной ответственности. Однако правоохранительными органами оценка действиям родителей по обеспечению информационной безопасности, как правило, не дается. Таким образом, необходимо либо сформировать единую практику путем дачи разъяснений в одном из пленумов Верховного Суда Российской Федерации, либо предусмотреть внесение изменений в действующее административное законодательство.

Наряду с указанными мерами, эффективным механизмом борьбы с интернет-зависимостью являются использование различных программ, ограничивающих время пребывания детей в интернете, формирование информационной культуры безопасности как у детей, так и у их родителей.

Результаты

В настоящей работе приведены судебные решения по уголовным делам и материалам проверки о пре-

ступлениях (происшествиях), совершенных в отношении несовершеннолетних, где одним из условий их совершения на начальной стадии предшествовала бесконтрольное использование подростками интернета. Исследовано пагубное влияние указанного явления, воздействующего на детей.

В ходе исследования предложены механизмы борьбы с интернет-зависимостью детей, в том числе путем организационных, правовых и иных изменений.

Результаты исследования в дальнейшем могут служить основой анализа интернет-зависимости, выработки наиболее эффективных механизмов предупреждения данного явления, нивелирование процессов которого будет способствовать снижению совершения несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий в сети «Интернет».

Заключение

Негативные последствия интернет-зависимости служат причинами совершения детьми и в их отношении противоправных действий. Формирование эффективных механизмов по предупреждению указанного явления является составной частью политики по борьбе с подростковой преступностью и совершенных в отношении детей преступлений в интернете, обеспечивающей решение задач формирования цифрового суверенитета и достижения информационной безопасности несовершеннолетних.

Литература

1. Путин: Россия – один из лидеров в сфере предоставления электронных госуслуг [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/12/11/putin-rossiia-odin-iz-liderov-v-sfere-predostavleniia-elektronnyh-gosuslug.html> (дата обращения: 21.12.2024).
2. Зверьянская Л.П. Интернет-зависимость как основная причина развития киберпреступности // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-kak-osnovnaya-prichina-razvitiya-kiberprestupnosti> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Отчет ПАО «Ростелеком»: Виртуальный мир глазами детей, особенности поведения детей и подростков в сети «Интернет» [Электронный ресурс]. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/RT-KIDS-2024_light.pdf (дата обращения: 21.12.2024).
4. Приговор Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 13 октября 2023 г. по делу № 1–82–23. – Документ опубликован не был.
5. Житель Архангельска признан судом виновным в распространении порнографических материалов с изображением несовершеннолетнего [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

arh.sledcom.ru/news/item/1939120/ (дата обращения: 21.12.2024).

6. Вынесен приговор жителю Приморья, распространявшему в сети Интернет порнографические материалы с участием несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – URL: <https://25.mvd.rf/news/item/12080480/> (дата обращения: 21.12.2024).
7. Волкова И. П., Машкова А.В. Взаимосвязь виктимного поведения и зависимости от интернета подростков с ограниченными возможностями здоровья // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 204. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-viktimnogo-povedeniya-i-zavisimosti-ot-interneta-podrostkov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 21.12.2024).
8. Скворцова, Е.С., Лушкина, Н.П. Подростки, интернет и употребление наркотиков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – № 6. – С. 1475–1482. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-internet-i-upotreblenie-narkotikov> (дата обращения: 27.11.2024).
9. В США законодательно запретили детям до 16 лет пользоваться соцсетями [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalnews.kz/zakon-zapreshhajushhij-detyam-do-16-let-polzovatsya-socsetyami-prinyali-v-ssha/> (дата обращения: 27.11.2024).
10. В Юте детям запретили пользоваться соцсетями без согласия родителей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/641d8d8d9a7947606992037f> (дата обращения: 27.11.2024).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 21.12.2024).
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 21.12.2024).
13. В РФ число совершенных детьми IT-преступлений выросло в 74 раза за четыре года [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20626725> (дата обращения: 21.12.2024).
14. Дети и соцсети: как защищают детей от киберугроз в разных странах [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/education/527611-deti-i-socseti-kak-zasisaut-detej-ot-kiberugroz-v-raznyh-stranah> (дата обращения: 21.12.2024).
15. Сенаторы поддержали увеличение сроков за вовлечение детей в преступления [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/12/20/senatory-podderzhali-uvvelichenie-srokov-zavovlechenie-detej-v-prestupleniia.html> (дата обращения: 21.12.2024).

INTERNET-ADDICTION AS A CONDITION FOR MINORS TO COMMIT CRIMES AGAINST THEM

Titov M.A.

Ural State Law University

As of December 2024, the number of Russian Internet users is about 130 million people, according to this indicator, Russia is one of the leaders in the world [1]. At the same time, one of the problems of using the Internet is the emergence of Internet addiction in children, the replacement of the real world with a virtual one, which negatively affects the development of the child, contributes to the commission of illegal actions by minors and against them with the help of Internet technologies, including crimes. The paper proposes mechanisms for leveling the emergence of virtual addiction in children and, as a result, a reduction in the number of crimes on the Internet involving children. *Objective.* To develop and propose the most effective measures to combat Internet addiction (Internet addiction) in children, including through the introduction of organizational and legal changes. *Methods.* The methodological basis of the study is general scientific and specific scientific methods of cognition. The work used formal-logical, comparative-legal, system-analytical, dialectical-materialistic methods. *Results.* Substantiation of the connection between Internet addiction and the state of crime involving minors, leveling of Internet addiction processes, disclosure of its content, development of changes that allow preventing the commission of illegal actions by minors and in relation to them, along with existing preventive measures.

Conclusions. Taking into account the state of juvenile crime, victimization of children on the Internet and the influence of Internet addiction on these processes, I believe that the current mechanisms for combating virtual addiction require comprehensive legal, organizational and other changes, which are presented in this work.

Keywords: Internet addiction; minors; crime; mechanisms; parents; responsibility.

References

1. Putin: Russia is one of the leaders in the provision of electronic government services [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2024/12/11/putin-rossia-odin-iz-liderov-v-sfere-predostavleniia-elektronnyh-gosuslug.html> (accessed: 21.12.2024).
2. Zveryanskaya L.P. Internet addiction as the main cause of the development of cybercrime // Fundamental and applied research: problems and results. 2015. No. 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-kak-osnovnaya-prichina-razvitiya-kiberprestupnosti> (accessed: 21.12.2024).
3. Rostelecom PJSC Report: The Virtual World Through the Eyes of Children, Peculiarities of Children's and Adolescents' Behavior on the Internet [Electronic resource]. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/RT-KIDS-2024_light.pdf (accessed: 21.12.2024).
4. The verdict of the Khangalassky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 13, 2023 in case No. 1–82–23. – The document was not published.
5. A resident of Arkhangelsk was found guilty by the court of distributing pornographic materials depicting a minor [Electronic resource]. – URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1939120/> (accessed: 21.12.2024).
6. A resident of Primorye who distributed pornographic materials involving minors on the Internet has been sentenced [Electronic resource]. – URL: <https://25.mvd.rf/news/item/12080480/> (date of access: 21.12.2024).
7. Volkova I. P., Mashkova A.V. The relationship between victim behavior and Internet addiction in adolescents with disabilities // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2022. No. 204. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-viktimnogo-povedeniya-i-zavisimosti-ot-interneta-podrostkov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (date of access: 21.12.2024).
8. Skvortsova, E.S., Lushkina, N.P. Teenagers, the Internet and Drug Use // Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine. – 2021. – No. 6. – P. 1475–1482. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-internet-i-upotreblenie-narkotikov> (date of access: 11/27/2024).

9. The United States has legislatively banned children under 16 from using social networks [Electronic resource]. – URL: <https://globalnews.kz/zakon-zapreshhajushhij-detyam-do-16-let-polzovatsya-socsetyami-prinyali-v-ssha/> (date of access: 11/27/2024).
10. In Utah, children are prohibited from using social networks without parental consent [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/641d8d8d9a7947606992037f> (date of access: 11/27/2024).
11. Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (date of access: 12/21/2024).
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (date of access: 12/21/2024).
13. In the Russian Federation, the number of IT crimes committed by children has increased 74 times in four years [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20626725> (date of access: 21.12.2024).
14. Children and social networks: how children are protected from cyber threats in different countries [Electronic resource]. – URL: <https://www.forbes.ru/education/527611-deti-i-socseti-kak-zasisaut-detej-ot-kiberugroz-v-raznyh-stranah> (date of access: 21.12.2024).
15. Senators supported increasing the terms for involving children in crimes [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2024/12/20/senatory-podderzhali-uvlichenie-srokov-za-vovlechenie-detej-v-prestuplenia.html> (date accessed: 21.12.2024).

О некоторых проблемах реализации естественного и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

Холопов Алексей Васильевич,

к.ю.н., доцент, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: alekseiholopov@yandex.ru

Статья посвящена проблемам реализации в уголовном судопроизводстве как процессе познания преступления естественного и искусственного интеллекта. Автором сформулированы и рассмотрены три основные проблемы реализации в уголовном судопроизводстве естественного и искусственного интеллекта, а именно: проблема реализации естественного интеллекта в процессах познания преступления, проблема пределов естественного интеллекта и возможности искусственного интеллекта, а также проблема системной реализации естественного и искусственного интеллекта.

Автор приходит к выводу, что естественный интеллект субъекта познания преступления преимущественно реализуется в информационно-аналитической деятельности. В условиях дефицита ресурса времени в процессе анализа больших массивов данных естественный интеллект достигает своих пределов, преодоление которых осуществляется с помощью технологии искусственного интеллекта. Системная реализация естественного и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве предполагает создание для его субъектов среды, позволяющей осуществлять организацию и управление процессами познания преступления, т.е. автоматизированной системы управления расследованием преступлений.

Ключевые слова: естественный интеллект; искусственный интеллект; познание преступления; информационно-аналитическая деятельность; моделирование; автоматизированная система управления; уголовное судопроизводство.

Основу уголовного судопроизводства как процесса познания составляет интеллектуальная деятельность его субъектов на досудебных и судебных стадиях. В обеспечении познания преступления фундаментальную роль играет криминалистическое обеспечение (поиск, обнаружение, фиксация, изъятие, упаковка, диагностические и идентификационные исследования объектов-доказательств) процесса доказывания, а также как, своего рода, интеллектуальный инструмент для осуществления визуализации события преступления, например, в виде его мысленной модели или компьютерной трехмерной модели.

В этом смысле, криминалистика как синтетическая наука является проводником в уголовном судопроизводстве достижений научного прогресса в области естественных и гуманитарных наук. Одним из таких научных достижений, интегрируемых в настоящее время криминалистикой в уголовное судопроизводство, является технология искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Заметим, что уголовное судопроизводство с точки зрения организационно-управленческой деятельности основано на выработке и принятии различных решений человеком как субъектом, осуществляющим процесс познания преступления с помощью своего естественного интеллекта (далее – ЕИ), сформированного и развитого на основе образования и опыта. В данном случае, можно категорично утверждать, что в осуществлении такой деятельности по принятию решений субъектом познания преступления, как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства необходимо создавать всевозможные условия для обеспечения реализации ЕИ человека, и ничто не должно этому препятствовать.

Понимая дискуссионность описываемых проблем, рассмотрим реализацию ЕИ и ИИ в уголовном судопроизводстве через призму его криминалистического обеспечения как процесса познания преступления. Полагаем, что сложность и многообразие, связанных с данной темой вопросов, возможно, выразить в виде формулировки основных трех проблем, которые будут рассмотрены ниже. Представляется, это позволит, в определенной степени, сравнить ЕИ и ИИ в процессах познания преступления и, тем самым, определить место и значение ИИ, как в криминалистике, так и в уголовном судопроизводстве.

1. *Проблема реализации ЕИ в процессах познания преступления.* Уголовное дело является результатом познавательной деятельности

следователя, от качества которой зависит процесс исследования преступления на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. В этом смысле, источником, центром и причиной всех процессов в уголовном судопроизводстве, является уголовное дело, которое, по сути, представляет собой высокообъективизированную модель события преступления.

Содержание такого процесса познания преступления заключается в решении субъектом, так называемой обратной задачи, выраженной в выполнении мыслительных операций, связанных с реконструкцией событий, произошедших в прошлом, на основе исследования последствий (системы следов) в настоящем. Точнее, в следственной деятельности субъект познания на основе знаний о закономерностях механизма следообразования, совершает обратный переход во времени от момента восприятия и исследования объектно-следовой обстановки места происшествия к временному отрезку события преступления посредством его реконструкции в виде высокообъективизированной модели – уголовное дело. В прокурорской деятельности (государственный обвинитель) также совершает обратный переход во времени от момента восприятия и исследования системы доказательств, отраженных в уголовном деле, к временному отрезку события преступления посредством его реконструкции в виде мысленных моделей в обеспечении познания преступления «для себя» и наглядного представления доказательственной информации в судебном разбирательстве для обеспечения познания «для других», например, для присяжных заседателей.

Другими словами, рассмотрение уголовного судопроизводства как процесса познания преступления позволяет говорить, что профессионализм субъектов познания обусловлен их способностью к реконструкции события преступления, осуществляемого на основе использования знаний в области криминалистики.

Очевидно, что познание преступления осуществляется на основе использования знаний в области криминалистики, которая, в свою очередь, можно сказать, определяет интеллектуальные возможности следователя в познавательной деятельности, направленной на реконструкцию события преступления. Подчеркнем, что, именно знания в области криминалистики позволяют субъектам уголовного судопроизводства осуществить решение диагностических и идентификационных задач и, тем самым, понять, что произошло на месте происшествия, а не знания в области криминологии, уголовного права или уголовного процесса, важность которых также, несомненна. В данном случае, речь идет о том, что применение криминалистических знаний создает, своего рода, информационно-аналитическую базу или, иначе, интеллектуальную основу в виде уголовного дела, которая, в дальнейшем, позволяет функционировать уголовному праву и уголовному процессу. Иначе, это можно

выразить так – нам понятно, что произошло на месте происшествия и теперь возможна уголовно-правовая квалификация преступления. Именно криминалистика формирует у субъекта познания преступления субъективную и объективную уверенность, что на скамье подсудимых сидит человек, имеющий прямое, непосредственное, деятельное участие в событии преступления. Т.е., можно сказать, что криминалистика формирует субъективное и объективное ощущение доказанности в процессе познания преступления.

В этом смысле, исходя из решения обратных задач в познании преступления, формирование и реализация, так называемого, ЕИ следователя, преимущественно, основывается на криминалистике как науке и учебной дисциплине. Т.е., можно сказать, что криминалистика способствует формированию интеллекта и мышления профессиональных субъектов уголовного судопроизводства, например, в части способности к осуществлению реконструкции (моделированию) события преступления.

Так, философско-психологическое содержание понятия «интеллект» (лат. *intellectus* – ум, рассудок, разум) представляет собой «способность мыслить; в гносеологии – способность к опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение; противостоит непосредственным видам познания – чувственному и интуитивному; в психологии – рациональное, подчиненное законам логики мышление; противостоит нерациональным сферам психики – эмоциям, воображению, воле и т.д.» [10].

Сущность ЕИ в процессах познания преступления можно свести к способности профессиональных субъектов к мысленному моделированию события преступления, что рассматривалось в научных работах И.М. Лузгина [9], Г.А. Густова [5], Т.С. Волчецкой [4] и т.д. Например, Г.А. Густов об этом писал, что «построить мысленную криминалистическую модель – значит создать в уме искусственную систему – образ, картину, панораму, воспроизводящую с той или иной степенью сходства изучаемый следователем объект. (...) Конструирование модели – это процесс творческий, требующий от следователя богатого воображения, большого жизненного опыта, широкого кругозора и специальных криминалистических познаний. Наряду с методами абстрагирования, анализа и синтеза большое значение здесь имеют эвристические методы, интуиция. Особенно важная роль принадлежит типовым моделям: вооружение следователя такими моделями позволяет в какой-то мере унифицировать процесс построения рабочей модели по уголовному делу и повышает возможности использования в этом процессе аппарата логики» [5, с. 28].

Исходя из этого, ЕИ и познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве, по своей сути, выражена в логике доказывания, построенной, в свою очередь, на диалектическом методе познания, изучаемого в криминалистике как всеобщий

научный метод. В этом смысле, криминалистику можно рассматривать как практическое воплощение логики доказывания, основанной на диалектическом методе познания, одним из основных принципов которого является системность, т.е. системная методология (системный подход, теория систем, системный анализ, системное мышление). Исследователи в области теории систем Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко отмечали, что системный подход можно рассматривать как практическую реализацию диалектического метода познания, а системный анализ как «прикладную диалектику» [12, с. 4]. Соответственно, познавательная деятельность субъектов уголовного судопроизводства, основанная на логике доказывания должна быть построена на системном подходе, знаниях в области теории систем, а также системного анализа как метода исследования сложных системных объектов познания, к которым можно отнести преступление, относящееся к восьмому уровню сложности (социальные системы) согласно классификации сложности американского экономиста и социолога К. Боулдинга [2]. Поясним, согласно данной классификации системы восьмого и девятого уровней (трансцендентальные системы) являются объектами познания, сложность которых граничит с невозможностью их познания как таковых. В качестве примера можно привести экономику, политику, культуру, историю, право (правовую систему), преступность, т.е. такие системы, с которыми нет прямого чувственного контакта при изучении как с объектами материального мира. Сложность данных объектов познания заключается в том, что функционирование систем подобного рода лежит за пределами человеческих возможностей в их чувственном восприятии (зрение, слух, осязание, обоняние и т.д.). В основном их познание происходит на абстрактном уровне, т.е. на уровне категорий, идей и концепций.

Исходя из этого, ЕИ субъектов уголовного судопроизводства должен быть основан на системном мышлении, которое следует рассматривать как практическую реализацию (практическое воплощение) системной методологии на уровне мыслительных операций, позволяющей осуществить решение обратных задач в процессе познания преступления, путем его моделирования на субъективном (мысленное моделирование) и объективном уровне (анимированная 3D-модель события преступления).

В этом смысле, логика доказывания как интеллектуальная деятельность осуществляется на знаниях в области системной методологии, выраженной в способности субъекта выполнять процесс познания преступления на основе системного мышления.

В настоящее время, присоединимся к мнению высказанным Г.А. Зориним в 2003 г. о том, что «системное мышление (в рефлексивном режиме) может стать своеобразной религией криминалистики» [7, с. 41]. Можно с сожалением констатировать, что в развитии ЕИ в прокурорско-следственной,

экспертно-криминалистической деятельности, системное мышление, практически не рассматривается как базовое и не заняло место своеобразной религии в криминалистике.

Конечно же, нельзя полностью отрицать, что у ученых-криминалистов отсутствует интерес к реализации системной методологии в криминалистике. Например, в 2006 г. была проведена научно-практическая конференция «Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе» [13]. Однако стоит подчеркнуть, что в криминалистике положения системной методологии, рассматриваются на недостаточном уровне как в учебниках, так и в монографиях. Полагаем, что данное обстоятельство можно расценивать как проблему в развитии и реализации ЕИ субъектов познания преступления в уголовном судопроизводстве.

Отягощает данный факт, то обстоятельство, что от отцов основателей криминалистики, например, Г. Гросса, Э. Анушата, и до ученых-криминалистов современности высказывалось мнение о том, что, прежде всего, криминалистика призвана учить мыслить, т.е. формировать ЕИ субъектов уголовного судопроизводства. И в этом отношении, мы полностью разделяем мнение М.К. Каминского, который определил сложившуюся ситуацию в современной криминалистике как господство вульгарного материализма [8].

Как видно, основная задача криминалистики – научить субъекта познания преступления мыслить, т.е. наделить его соответствующим интеллектом, прежде всего, естественным. И в данном случае, можно было бы говорить о необходимости сосредоточения сил в криминалистике на исследовании в области ЕИ, например, в рамках концепции криминалистического мышления.

2. Проблема пределов ЕИ и возможности ИИ в познании преступления. Считаем, что ЕИ субъектов уголовного судопроизводства, следует воспринимать как способность к осуществлению информационно-аналитической деятельности, которая, говоря упрощенно, сводится к поиску и систематизации информации о преступлении её оценке и принятию решений, что в целом, также можно рассматривать как обеспечение и осуществление процесса доказывания. Применительно к государственной службе «информационно-аналитическая работа в органах государственной власти представляет собой процедуры комплексной обработки и структурирования информации с целью построения оптимальной программы деятельности органа власти, эффективного и оперативного решения стоящих перед ним управленческих задач» [6, с. 7]. Применительно к уголовному судопроизводству, эффективность и оперативность решения управленческих задач субъектом познания преступления на досудебных и судебных стадиях, в основном, осуществляются, в условиях дефицита такого ресурса как время, которое необходимо затратить на поиск и обработку информации.

В данном случае, считаем необходимым задаться следующим вопросом – достиг ли своих пределов развития ЕИ в криминалистике и уголовном судопроизводстве в части информационно-аналитической деятельности? Прежде всего, это связано с тем, что при осуществлении информационно-аналитической работы в ходе расследования, например, киберпреступлений и экономических преступлений возникает необходимость обработки, так называемых, больших массивов данных, в части визуализации (графического представления) их аналитического содержания, например, 1) массивы данных, предоставленные оператором сотовой связи, в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) исходящих и входящих телефонных звонков абонента за определенный период времени с указанием географических координат (биллинг телефонных соединений абонента); 2) массивы данных, полученные в результате проведения компьютерно-технических экспертиз в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) деятельности лица в файловых системах, а также деятельности в локальных сетях и сети интернет, социальных сетях и т.д.; 3) массивы данных, полученные в результате проведения экспертных исследований экономической и бухгалтерской деятельности организации в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц [15] и т.д.

Сложность информационно-аналитической деятельности в обработке таких больших массивов данных позволяет говорить о пределах ЕИ субъекта познания преступления, но только не в части когнитивных (познавательных) способностей, а в скорости и объеме обработки информации. Другими словами, ЕИ субъекта познания может справиться с обработкой и анализом больших массивов данных, но для этого ему понадобится значительное превышение в расходе, имеющегося ресурса времени, что, в конечном итоге приведет к снижению эффективности и оперативности в решении организационно-управленческих задач на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Полагаем, что именно, с этой позиции, т.е. как инструмент, позволяющий компенсировать (преодолеть) пределы ЕИ, необходимо рассматривать возможности технологии ИИ и его реализацию в криминалистике и уголовном судопроизводстве.

Научный прогресс сформировал «романтическое увлечение» возможностями искусственного интеллекта. Криминалистика как синтетическая наука, конечно же, не осталась в стороне от такого популярного направления и увлечения, и результатом этого, появилось достаточно большое количество научных статей [1; 14] и практически, в каждой научно-практической конференции в докладах ставится вопрос об использовании ИИ в расследовании преступлений.

Сразу отметим, то, что именуют ИИ, не является цифровой реализацией человеческого интел-

лекта и даже его имитацией. Избегая полемики, относительно наименования «искусственный интеллект» приведем несколько его значений: «1) научное направление, ставящее целью моделирование процессов познания и мышления, использование применяемых человеком методов решения задач для повышения производительности вычислительной техники; 2) различные устройства, механизмы, программы, которые по тем или иным критериям могут быть названы «интеллектуальными»; 3) совокупность представлений о познании, разуме и человеке, делающих возможным саму постановку вопроса о моделировании интеллекта» [11]. Обобщенно, ИИ можно рассмотреть, как информационно-аналитическую технологию, использующую вычислительные компьютерные программно-аппаратные ресурсы по поиску, распознаванию, обработке, систематизации, комплексированию (от лат. complexus – связь, сочетание) и представлению данных посредством использования возможностей графического (визуального) или голосового (аудиального) интерфейса. В настоящее время, программно-аппаратные возможности ИИ, позволяют осуществлять информационно-аналитическую работу в режиме реального времени, например, распознавание лиц в видеопотоке с камер уличного видеонаблюдения и т.д.

В данном случае важно понимать, что одна из задач создания ИИ, заключалась в необходимости замены человека в тех процессах управления сложными объектами-системами, где его действия могли привести к катастрофам. Другими словами, ИИ, или, так называемые, системы управления с высоким уровнем автоматизации, принимали решения и исполняли управленческие операции без участия человека. В качестве примера, можно привести полностью автоматическую посадку космического челнока «Буран», осуществленную в 15.11.1988 в СССР. Поясним, космический корабль «Буран» не управлялся из центра управления полетов. Его автоматизированная система управления сама принимала решение о траектории и маневрах посадки на аэродром. В настоящее время, подобные системы управления, практически полностью исключают участие человека, реализованы, например, в обеспечении безопасности функционирования атомных электростанций.

Основываясь на этом, можно сказать, что проблемы реализации ИИ в криминалистике необходимо рассматривать через призму технологического обеспечения процесса познания преступления, например следователем. В данном случае место ИИ в криминалистике, достаточно очевидно, он является, своего рода инструментом, усиливающим ЕИ субъекта познания преступления. Место ИИ в уголовном судопроизводстве обусловлено тем, что, как отмечалось ранее, ЕИ имеет пределы в решении задач, имеющих ограничения по времени и по объему обрабатываемой информации, например, больших данных. Другими словами, ЕИ мо-

жет справиться с обработкой и исследованием, так называемых, больших данных при условии наличия временных и технологических ресурсов. Исходя из экономии, прежде всего, времени, ИИ имеет преимущество перед ЕИ, но только в решении задач поиска и классификации какой-либо информации, например, поиск преступника по системам видеонаблюдения, поиск и классификация по определенным параметрам, интересующей следствие информации, хранящейся на серверах при расследовании киберпреступлений и т.д.

В этом смысле, ИИ решает, можно сказать, только диагностические задачи, но не идентификационные, проблемы, решения которых осложнены ИИ, основанным на технологии нейросетей, являющейся на сегодняшний день самой распространенной.

При использовании такого ИИ невозможно проверить (верифицировать) логику принятия решения нейросетью, т.е. человеку для перепроверки не будет предоставлен алгоритм принятия решения. Этот факт сразу исключает использование такого вида ИИ в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве. Это обстоятельство ограничивает применение ИИ в криминалистической деятельности и сводит его роль до цифрового помощника, осуществляющего поиск информации, распознавание образов, обработку (систематизацию) информации, т.е. избавляет человека как носителя ЕИ от рутинной работы, и позволяет повысить эффективность решения задач в процессе познания преступления на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Тем не менее, понимая возможности прогресса в области ИИ, не хотелось бы думать, что проблемы формирования ЕИ в криминалистике компенсируются внедрением ИИ. Конечно же, в ближайшем будущем это невозможно, т.к. программа (ИИ) вместо следователя не осуществит познание преступления в части реконструкции его события на мысленном уровне. Переходя к рассмотрению следующей проблемы, отметим странность того факта, что, не решив в криминалистике проблемы реализации ЕИ, можно наблюдать в среде ученых-криминалистов увлечение возможностями реализации ИИ в уголовном судопроизводстве.

3. Проблема системной реализации ЕИ и ИИ. Как отмечалось ранее, уголовное судопроизводство является процессом познания преступления, основанным на ЕИ его профессиональных субъектов, и таким процессом необходимо управлять. Для реализации ЕИ в уголовном судопроизводстве необходима соответствующая среда, по сути, являющаяся системой, позволяющей создать условия в части организации и управления информационно-аналитической деятельности субъектов познания преступления. Другими словами, для эффективного, оптимального и оперативного осуществления информационно-аналитической деятельности в познании преступления необходимо создание среды, представляющей собой систему управле-

ния и организации, в которой будут созданы условия для реализации возможностей ЕИ и ИИ.

С точки зрения принципа системной реализации эффективное применение ИИ в уголовном судопроизводстве может быть только в качестве элемента, выполняющего определенные функции внутри сложной системы управления. Другими словами, ИИ не должен рассматриваться как некая отдельная «магическая» технология способная выполнить то, на что не способен ЕИ. В этом смысле, ИИ как технология, имеющая преимущество перед ЕИ в экономии временных ресурсов в решении задач поискового и классификационного характера в обработке больших массивов данных, должен быть подчинен главной задаче уголовного судопроизводства – обеспечению познания преступления. Как уже упоминалось ранее, уголовное дело является краеугольным камнем уголовного судопроизводства. Процесс расследования преступления и формирования уголовного дела должен иметь соответствующее организационно-управленческое обеспечение, позволяющее максимально эффективно реализовать ресурсы ЕИ следователя в познании события преступления. Таким организационно-управленческим обеспечением познания преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, по сути, является выполнение главной задачи криминалистики в области организации расследования преступлений, а именно, создание и внедрение полноценной автоматизированной системы управления расследованием преступлений, а не её упрощенных аналогов в виде автоматизированного рабочего места следователя или цифрового уголовного дела.

Прежде всего, для следователя такая автоматизированная система управления будет иметь вид компьютерной программы, позволяющей, организовать процесс познания преступления и управлять информационно-аналитической деятельностью, например, в части планирования, версионного анализа, моделирования преступления и т.д.

Другими словами, это можно наглядно сравнить со значительным влиянием компьютерных программ 1С-бухгалтерия и 1С-предприятие по организации и управлению финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц. Так вот, у следователя примерно должна быть похожая компьютерная программа, по сути, представляющая собой интерфейс сложной автоматизированной системы управления расследованием преступлений, являющейся средой реализации ЕИ и ИИ. Определение и описание структуры, иерархии и принципов управления такой автоматизированной системы предполагает не только написание отдельной научной статьи, но отдельного направления научных исследований, масштаб реализации которых, по крайней мере, требует организации отдельного научно-исследовательского института.

Для следователя и других профессиональных субъектов познания преступления такая автома-

тизированная система управления, без преувеличения, призвана стать средой обитания, в которой организационно-управленческие процессы информационно-аналитической деятельности по познанию преступления обеспечены обобщенными теоретическими и практическими (судебно-следственная и экспертно-криминалистическая практика) знаниями, а также различными базами данных криминалистических учетных систем, интеллектуальный анализ которых осуществляется ИИ в реальном режиме времени, исходя из следственной ситуации по рассматриваемому уголовному делу. Представляется, что основная сложность заключается не в использовании ИИ, а в разработке реализуемых с его помощью алгоритмов анализа, построенных на определенных закономерностях, на основе которых осуществляется поиск и систематизация информации. В качестве примера можно привести анализ массивов данных материалов уголовных дел, на основе метода поиска вероятностно-статистических закономерностей (связей), разработанного Л.Г. Видоным в 70-х гг. прошлого века [3]. В данном случае, ИИ является технологией, с помощью которой реализуется метод анализа.

Полагаем, что криминалистика как наука и учебная дисциплина накопила достаточно научных знаний и практического опыта для создания такой программы, которая произвела бы в уголовном судопроизводстве своего рода революцию в управлении и организации процессом расследования преступлений.

Исходя из этого, эффективность и оптимальность реализации возможностей ЕИ и ИИ в уголовном судопроизводстве зависит от уровня решения проблем автоматизации управления процессами познания преступления, прежде всего, на досудебной стадии.

Таким образом, роль ИИ в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как усилитель ЕИ – не более, т.е., как элемента автоматизированной системы управления расследованием преступлений. В ближайшем обозримом будущем место ИИ в уголовном судопроизводстве сводится к цифровому помощнику профессионального субъекта познания преступления, а основная задача криминалистики – создать всевозможные условия (среда) для реализации и развития его ЕИ.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kriminalistike-sostoyanie-i-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 23.12.2024)
2. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов с польского и английского. – М.: Прогресс, 1969. С. 106–124.
3. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. Горький: Прокуратура Горьк. обл., 1978. 122 с.
4. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. Калининград, 1997. 95 с.
5. Густов Г. А. Моделирование в работе следователя. Л., 1980. 188 с.
6. Зобнин А.В. Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении: Учебное пособие / А.В. Зобнин; Науч. ред. Д.И. Полювянный. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. 144 с.
7. Зорин Г.А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты: учеб. пособие / Г.А. Зорин. Гродно, 2003. 109 с.
8. Каминский М.К. Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vulgarnyy-materializm-i-ego-pagubnost-dlya-kriminalistiki-i-kriminalisticheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 23.12.2024).
9. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений / Лузгин И.М. М.: Юрид. лит., 1981. 152 с.
10. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361/ИНТЕЛЛЕКТ (дата обращения: 23.12.2024).
11. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469/ИСКУССТВЕННЫЙ-?ysclid=m3lqs8vtz792517161 (дата обращения: 23.12.2024).
12. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. – М.: Высш. школа. 1989. 367 с.
13. Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе [конференция, 4–5 декабря 2006 года, Москва], сборник тезисов. Москва: МАКС Пресс, 2006. 353 с.
14. Себякин А.Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений // Baikal Research Journal. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kriminalistike-sistema-podderzhki-prinyatiya-resheniy> (дата обращения: 23.12.2024).
15. Холопов А.В. Визуализация аналитического содержания доказательственной информации в уголовном судопроизводстве / А.В. Холопов // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 93–98.

ON SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF NATURAL AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kholopov A.V.

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation

The article is devoted to the problems of implementation in criminal proceedings as a process of cognition of a crime of natural and artificial intelligence. The author formulated and considered three main problems of implementation in criminal proceedings of natural and artificial intelligence, namely: the problem of implementation of natural intelligence in the processes of cognition of a crime, the problem of the limits of natural intelligence and the possibilities of artificial intelligence, as well as the problem of systemic implementation of natural and artificial intelligence.

The author comes to the conclusion that the natural intelligence of the subject of cognition of a crime is mainly implemented in information and analytical activities. In conditions of a shortage of time in the process of analyzing large arrays of data, natural intelligence reaches its limits, which are overcome with the help of artificial intelligence technology. Systematic implementation of natural and artificial intelligence in criminal proceedings involves the creation of an environment for its subjects that allows for the organization and management of crime cognition processes, i.e. an automated crime investigation management system.

Keywords: natural intelligence; artificial intelligence; crime cognition; information and analytical activity; modeling; automated management system; criminal proceedings.

References

1. Bakhteyev D.V. Artificial Intelligence in Forensic Science: Status and Prospects of Use // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 2 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kriminalistike-sostoyanie-i-perspektivy-ispolzovaniya> (accessed: 23.12.2024).
2. Boulding K. General Systems Theory – the Skeleton of Science // Research in General Systems Theory. Collection of Translations from Polish and English. – Moscow: Progress, 1969. Pp. 106–124.
3. Vidonov L.G. Forensic Characteristics of Murders and Systems of Typical Versions about Persons Who Committed Murders

- Without Eyewitnesses. Methodological Recommendations for the Use of Systems of Typical Versions. Gorky: Prosecutor's Office of the Gorky Region, 1978. 122 p.
4. Volchetskaya TS Modern Problems of Modeling in Criminalistics and Investigative Practice: Textbook / Kaliningrad University. Kaliningrad, 1997. 95 p.
 5. Gustov GA Modeling in the Work of an Investigator. L., 1980. 188 p.
 6. Zobnin AV Information and Analytical Work in State and Municipal Administration: Textbook / A.V. Zobnin; Scientific Ed. D.I. Polyvyanny. Moscow: University Textbook: INFRA-M, 2015. 144 p.
 7. Zorin GA Forensic Reflection in the Processes of Investigation, Prosecution and Defense: Textbook / GA Zorin. Grodno, 2003. 109 p.
 8. Kaminsky MK Vulgar materialism and its detrimental effect on forensic science and forensic education // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2016. No. 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vulgarnyy-materializm-i-ego-pagubnost-dlya-kriminalistiki-i-kriminalisticheskogo-obrazovaniya> (date of access: 23.12.2024).
 9. Luzgin IM Modeling in the investigation of crimes / Luzgin IM Moscow: Legal Literature, 1981. 152 p.
 10. New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. Moscow: Mysl. Edited by V.S. Stepin. 2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361/INTELLECT (date of access: 23.12.2024).
 11. New philosophical encyclopedia: In 4 volumes. Moscow: Mysl'. Edited by V.S. Stepin. 2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469/ИЗКВЦТБЕННЫЙ?ysclid=m-3lqs8tvz792517161 (date of access: 23.12.2024).
 12. Peregudov F. I., Tarasenko F.P. Introduction to systems analysis. – Moscow: Higher. school. 1989. 367 p.
 13. Problems of systemic research in forensic science and forensic examination [conference, December 4–5, 2006, Moscow], collection of abstracts. Moscow: MAKS Press, 2006. 353 p.
 14. Sebyakin A.G. Artificial intelligence in forensic science: decision support system // Baikal Research Journal. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kriminalistike-sistema-podderzhki-prinyatiya-resheniy> (date accessed: 23.12.2024).
 15. Kholopov A.V. Visualization of the analytical content of evidentiary information in criminal proceedings / AV Kholopov // Legal science. 2024. No. 10. P. 93–98.

Теоретические аспекты частноправового регулирования трудовых правоотношений с участием иностранного элемента в международном праве

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы,

к.ю.н., научный консультант ООО «Образовательные системы»

E-mail: elshanabdullaevmsu@gmail.com

Актуальность темы статьи связана с тем, что в настоящее время вопросы частноправового регулирования трудовых правоотношений с участием иностранного элемента в международном праве определяют содержание миграционной политики, лежат в области взаимодействия частных и государственных интересов, что определяет сложность данного направления юридической деятельности. *Методология.* Данная работа основывалась на методологических предпосылках системно-структурного подхода, согласно которым любая система (в том числе, и правовая система) может быть «разложена» на отдельные элементы, находящиеся между собой в отношении диалектической взаимосвязи. Соответственно в процессе исследования использовались методы анализа структуры современного международного трудового права, её декомпозиции и определение сущностных характеристик выделенных элементов. *Результаты.* В настоящее время система международного права, нацеленная на регулирование трудовой деятельности, является двухэлементной структурой, включающей в себя «международное частное трудовое право» и «международное трудовое право», которые различаются по объективным основаниям и субъективному составу участников регулирования трудовых правоотношений. Выделение «международного трудового частного права» в отдельную правовую область целесообразно с учётом необходимости развития системы нормативно-правового регулирования процессов трудовой миграции, а также в связи с потребностью ограничения публично-правового воздействия, приобретающего в наше время политическую окраску.

Выводы. Было бы ошибкой, признавая существование концептуальных расхождений между публичным и частным трудовым международным правом, рассматривать их в категориях «противостояния». Наоборот – на современном этапе развития международного права целесообразно подчеркивать их сближение на новой институционально-правовой основе, предполагающей обеспечение интересов всех стран, участвующих в процессах международного сотрудничества в области трудовой деятельности.

Ключевые слова: международное право, трудовое право, частное, публичное право, интерес, регулирование, правоотношения.

Актуальность темы статьи связана с тем научным интересом, который вызывают в настоящее время проблемы международно-правового регулирования различных общественных отношений, в том числе и отношений, связанных с трудовой деятельностью. Данный интерес не является случайным, поскольку именно современный интенсивный характер труда определяет экономическую состоятельность государства, его обороноспособность и социальное благополучие населения.

Исследование данных вопросов связано, в частности, с осмыслением проблемы частноправового регулирования трудовых правоотношений с участием иностранного элемента в международном праве. Данная проблема лежит на стыке частных и государственных интересов, касается проблематики регулирования трудовой миграции и участия трудовых мигрантов в трудовых правоотношениях, что является для России важнейшим аспектом государственного управления.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся разграничения частного и публичного права в современной научной литературе, не утрачивают актуальности в связи с тем, что решение данной теоретической проблемы позволяет обозначить пределы взаимодействия частного и государственного интереса как отражения двух сторон юридического регулирования общественных отношений, в котором происходит взаимодействие материальной заинтересованности и регуляторной деятельности государства, ограничивающего пределы данного интереса нормами закона. Данную проблематику рассматривали такие учёные, как Вельяминов Г.М. [1], Запольский С.В. [2], Малиновская В.М. [3], Останкова Е.В. [4], Тетерятников Н.Ю., Пономарева В.В. [5] и др.

В тоже время, исследователи признают, что на сегодня проблемы разграничения публичного и частного окончательно не решены, не созданы и критерии такого разграничения.

Работы данных авторов, несмотря на их общетеоретический характер, тем не менее, позволяют говорить о том, что и в международном трудовом праве материальные интересы работников рассматриваются сквозь призму всеобщих общественных интересов, регулирование которых возможно осуществлять на двух уровнях – национальном и международном.

Именно в таком ракурсе проблемы международного регулирования трудовых отношений рас-

сматривали Гупалова Е.Ю. [6], Кудрявцева Л.В., Измайлова Д.Э. [7], Серопол Д.И. [8] и др.

Несмотря на то, что исследователи внесли существенный вклад в понимание содержания международного трудового права как частноправовой юридической конструкции, дальнейшие исследования данного вопроса являются необходимым и важным с точки зрения выявления его структуры и возможной декомпозиции элементов его образующих.

Таким образом, целью данной работы является осмысление теоретических аспектов частноправового регулирования трудовых правоотношений с участием иностранного элемента в международном праве.

Методология

Данная работа основывалась на методологических предпосылках системно-структурного подхода, согласно которым любая система (в том числе, и правовая система) может быть «разложена» на отдельные элементы, находящиеся между собой в отношениях диалектической взаимосвязи. Соответственно в процессе исследования использовались методы анализа структуры современного международного трудового права, её декомпозиции и определения сущностных характеристик и выделенных элементов.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что автором выделены структурные элементы «международное частное трудовое право» и «международное трудовое право», которые образуют современное юридическое пространство международного регулирования трудовых правоотношений.

Практическая значимость проведённого исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для углубления теоретических представлений о системе современного международного права и о его трудовом направлении.

Результаты и обсуждение

Обращаясь к определениям частного публичного права, которые имеются в современной научной литературе, в частности, к научным работам в области теории права (Акинфиева В.В., Воронцов С.Г. [9], Имекова М.П. [10], Саушина А.А. [11] и др.), можно отметить, что они неразрывно связаны с категорией интереса и с проблемой разграничения частных и публичных (общегосударственных) интересов.

В этой связи, говоря о публичном праве, можно дать следующее определение: публичное право представляет собой юридическую систему, объединяющую в себе отрасли права, имеющие своей целью регулирование правовых отношений, ориентированных на публичные начала, связанные с необходимостью защиты государственных и общественных интересов.

В свою очередь, частное право – это система децентрализованного регулирования, в правовое

поле которого входят нормы права, правовые институты и отрасли, которые нацелены на регулирование процессов реализации частных интересов и сформированы на основе равенства субъектов, когда законные права всех участников данных правоотношений защищаются в равной степени. Как считают учёные [1, 2, 10, 12], противопоставление публичных и частных интересов в международно-правовом регулировании недопустимо, поскольку именно публично-правовое регулирование частноправовых отношений позволяет решить правовые проблемы, обеспечив интересы всех сторон, участвующих в международной правовой деятельности.

Таким образом, можно сказать, что само регулирование общественных отношений со стороны частного права находится в зависимости от публично-правового регулирования, определяющего в общих чертах пределы позитивных частноправовых отношений. В этой связи мы поддерживаем мысль о том, что «пределы свободы (автономии) воли частных лиц, диспозитивность тех или иных норм определяются государственной властью волей, т.е. публично-правовым образом» [1].

Что касается международного права, то в юридической литературе сложилось два принципиальных подхода к определению его предмета. Первый подход состоит в том, что предметом международного частного права являются исключительно гражданско-правовые отношения, усложнённые иностранным элементом. Второй подход предполагает включение в сферу международного правового регулирования все отношения, возникающие в области трудового права, семейного права и т.д.

Со своей стороны, мы разделяем мнение о том, что решающим критерием в определении предмета международного частного права при регулировании трудовых правоотношений является их правовая природа. Складывающиеся правоотношения должны отвечать следующим требованиям: иметь частноправовую природу и быть усложнённым иностранным элементом [12].

В этом смысле верной является и мысль, в соответствии с которой международное частное право существует лишь постольку, поскольку в систему международных отношений включен «так называемый иностранный элемент, без присутствия которого правовые отношения остаются в сфере действия национального (внутригосударственного) права» [9].

В тоже время, на сегодня содержание международного права трактуется на основе расширенной концепции, предполагающей широкий спектр международного регуляторного воздействия на национальные трудовые правовые системы. Однако, даже существующий «широкий подход» не отрицает важности учёта иностранного элемента в существующей регуляторной практике.

Соответственно в современной трактовке, как отрасль международного права, международное трудовое право представляет собой совокупность правовых норм, посвящённых регламентации раз-

личного рода трудовых отношений, в том числе осложненных иностранным элементом [13].

Таким образом, международные нормы о труде, регулируя отношения между субъектами международного права, оказывают, при этом, регулирующее влияние на внутригосударственные трудовые отношения посредством создания общеправовых стандартов, а также путём включения в национальные законодательства норм, регулирующих работу иностранцев.

В данном контексте следует обратить внимание на то, что в доктринальных источниках права любые отношения, которые формируются с участием иностранцев, подразумевают, что участником этих отношений становится «иностраннный элемент», включающий в себя непосредственно субъекта данных отношений, объект данных отношений, либо юридический факт. Многообразие элементов данных отношений формирует специфическую юридическую терминологию, которой определяется, что правовые отношения, возникающие в связи с деятельностью иностранцев «осложнены иностранным элементом» [14]. В данном контексте актуальным представляется конкретизировать отношения, осложненные иностранным элементом (рис. 1).

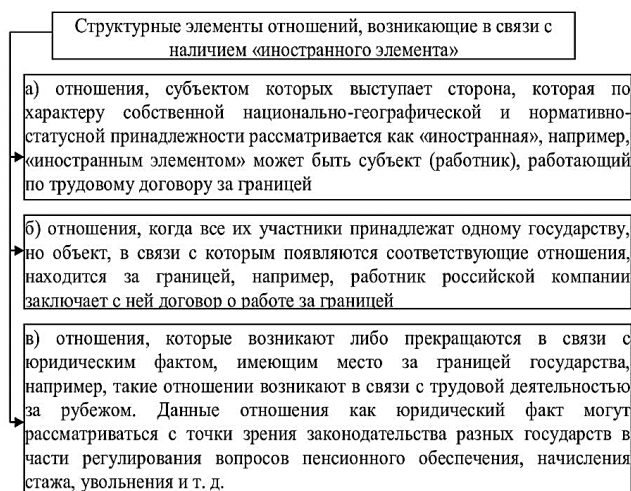

Рис. 1. Квалификация отношений, осложненных «иностраннным элементом»

Источник: составлено автором.

Таким образом, факт географического основания возникновения данных отношений, определяемый в связи с местоположением субъекта в географическом пространстве (национальном либо зарубежном), а также признак наличия либо отсутствия гражданства, определяет специфику возникающих отношений с учетом того, является ли лицо гражданином государства и в каких территориальных границах пребывает и осуществляет деятельность.

Сам же факт ориентации на такие правовые категории как «гражданство», «территориальные границы» определяет государственное участие в регулировании проблем, связанных с обеспечением прав своих граждан, а также иностранцев, с регулированием процессов пересечения государ-

ственной границы и пребывания на территории государства. В этой связи сложно говорить об исключительно частноправовом характере международного трудового права, поскольку государственное участие является весьма значимым для регулирования трудовых отношений с участием «иностранного элемента», тем более что регулирование данных отношений основывается на праве международных договоров, определяющих условия трудовой миграции, что также подчеркивает значимость государственного участия в регулировании рассматриваемых нами отношений [15].

В этой связи мы считаем, что терминологию, связанную с трудовыми правоотношениями, которые осложнены иностранным элементом, следует уточнить в части повсеместного использования термина «международное трудовое право» применительно ко всему многообразию трудовых правоотношений. Мы считаем, что когда речь идет о защите частных интересов иностранных работников, связанных с заключением трудовых договоров, с защитой их прав в части оплаты труда, с определением времени отдыха, отпусков [7, 16] и т.д., вполне допустимо использовать термин «международное частное трудовое право».

В тоже время, когда отношения, осложненные иностранным элементом, регулируются с участием государства, речь должна идти о «международном трудовом праве», которое ориентировано на межгосударственные договорные отношения, а также на властную волю государства по обеспечению прав иностранных работников и ограничению данных прав в интересах общественной безопасности, национального спокойствия в соответствии с нормами международного права.

Обратим внимание на то, что если международное частное трудовое право прямо и однозначно нацелено на защиту прав работников на рабочем месте, то международное трудовое право имеет иной юридический контекст, определяющий общие правила поведения трудовых мигрантов в широком спектре общественных отношений, связанных с пересечением границы, с получением разрешений на работу, с правом пребывания семей трудовых мигрантов на территории государства.

При этом, безусловно, что в основе международно-трудового права и международно-частного трудового права лежит принцип использования международных стандартов, хотя, при этом, если международное частное право, ориентируется на стандарты именно трудовой деятельности, то международное трудовое право в большей части использует нормы межгосударственного права, миграционного права, административного права, при том, что непосредственно трудовых отношений в международном трудовом праве не возникает.

В тоже время между двумя элементами данной правовой конструкции имеется взаимосвязь, которая прослеживается в том, что в центре данных правовых отношений находится личность иностранного работника, а также совокупность всего

многообразия его прав и обязанностей, вытекающих из специфики трудовой деятельности. При этом, в данной правовой системе, отсутствует конкуренция и нормы права взаимно дополняют друг друга, обеспечивая, с одной стороны, права работников на рабочем месте в связи с осуществлением трудовой деятельности, а с другой стороны гарантируют защиту государственных и общественных интересов страны пребывания иностранных работников.

При этом обратим внимание на то, что международное частное право имеет особенности, которые выделяют данную отрасль права на фоне иных отраслей, которые принято относить к области частноправового регулирования. Так, в международном трудовом частном праве, существенным образом проявляет себя публично-правовое начало, которое выражается, например, в том, что в область трудовых правоотношений включает публичный элемент – охрана труда, что, тем не менее, никоим образом не ущемляет частные права работников. Данное замечание весьма важно с точки зрения обеспечения трудовых прав работников иностранцев, имея ввиду различные объемы гарантий в области охраны труда в различных странах мира [17].

Также следует обратить внимание на то, что возможности отнесения трудовых отношений к области международного трудового частного права, либо же к сфере международного трудового права, всегда связано с тем, что в любом случае данные правоотношения регулируются нормами национального права, «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими федеральными законами или международным договором Российской Федерации (ч. 5 ст. 11 ТК РФ), что весьма показательно с точки зрения установления публичного характера, в том числе и частноправовых отношений. Данные особенности находят свое отражение и в текстах международных договоров, в частности в Соглашении «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» речь идет о том, что положения трудового договора (контракта) и договора должны соответствовать трудовому законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики и положениям настоящего Соглашения» [15].

Во-вторых, в международном частном трудовом праве имеет место особая иерархия источников права, имея ввиду, что в сфере международного трудового права международные договоры, в отдельных случаях, имеют приоритет перед нормами национального права, однако, данное обстоятельство должно вытекать из права международных договоров, например, в Соглашении «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» сказано, что «привлечение и использование работников осуществляется в соответствии с законодательством государств Сторон и положениями настоящего Соглашения» [15]. В данном случае указание на возможности использования норм, установленных данным Соглашени-

ем, определяет их приоритетную позицию в отношении норм международного права.

В-третьих, к источникам международного частного трудового права следует отнести и локальные нормативные акты (например, коллективные соглашения), исполнение условий которых является обязанностью всех работников, в том числе и трудовых мигрантов, имея ввиду, что эти работники обязаны соблюдать законы принимающего государства [15].

Это обстоятельство является принципиальным в том смысле, что в настоящее время на территории России трудовую деятельность осуществляют мигранты, объединенные в рабочие бригады и, по сути, представляющие собой трудовые коллективы. В этой связи, обращение к нормам ТК РФ, свидетельствует об отсутствии ограничений, связанных с заключением коллективных договоров между работодателями и работниками иностранцами, при том, что и ведение коллективных переговоров (ст. 36 ТК РФ) не имеет ограничений по поводу ведения коллективных переговоров с иностранными гражданами, представителями трудовых коллективов, состоящих из иностранных специалистов.

В этой связи мы считаем, что перспективным направлением дальнейшего исследования частноправовых и публично-правовых аспектов регулирования труда иностранных работников являются вопросы коллективно-договорного регулирования их трудовой деятельности, включения в субъекты международного трудового права иностранных работников.

В-четвертых, для международного частного трудового права характерно особое использование основополагающих принципов международного частного права, когда, например, вопросы трудовой дисциплины регулируются нормами национального трудового права, а вопросы пенсионного обеспечения регулируются законодательством государства постоянного проживания [15].

Приведенные аргументы позволяют говорить о том, что международное частное трудовое право является особой областью международного права, не совпадающей в полной мере с международным частным правом, что определяет необходимость его выделения в отдельный юридический сегмент регулирования правовых отношений.

По нашему мнению, выделение «международного трудового частного права» в отдельную правовую область целесообразно с учётом необходимости развития системы нормативно-правового регулирования процессов трудовой миграции, а также в связи с потребностью ограничения публично-правового воздействия, приобретающего в наше время политическую окраску.

Таким образом, важным направлением исследования становится исследование публично-правового механизма регулирования трудовых правоотношений, что и определяет направленность дальнейшего научного поиска.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В настоящее время система международного права, в части регулирования трудовой деятельности представляет собой структурное двухэлементное единство, включающее в себя «международное трудовое право» и «международное трудовое право», которые различаются по объективным основаниям и субъективному составу участников регулирования трудовых правоотношений.

2. Было бы ошибкой, признавая существование концептуальных расхождений между публичным и частным трудовым международным правом, рассматривать их в категориях «противостояния» даже с учетом того, что современное публично-правовое регулирование трудовых процессов, осложненных иностранным элементом, имеет и политическое содержание.

3. На современном этапе развития международного права целесообразно подчеркивать сближение двух элементов трудо-правового регулирования на новой институционально-правовой основе. Такой основой, прежде всего, должны быть идеи обеспечения интересов всех стран, участвующих в процессах международного сотрудничества в области трудовой деятельности; первичности идеи национального правового суверенитета; недопустимости произвольного вмешательства в суверенное право государств определяет содержательные основы и правовые механизмы регулирования трудовых отношений. Важным в данном случае является опора на понимание того, что частноправовые интересы работников в различных странах могут иметь определённую специфику и не совпадают с теми унифицированными стандартами, которые предлагаются всем в качестве безальтернативного варианта правового регулирования.

Соответственно и современное международное право должно принять существующую реальность, создать условия для возможностей участия всех стран и народов в определении стандартов трудо-правовых отношений.

Литература

1. Вельяминов Г.М. Понятие международного частного права и Наука о транснациональных частноправовых отношениях// Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 127.
2. Запольский С. В. О соотношении публичного и частного в праве// Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 180–191.
3. Малиновская В.М. Дихотомия *iusprivatum* и *iuspublicum*: история и современность// Право и практика. 2020. № 3. С. 23–30.
4. Останкова Е.В. Частное и публичное право. соотношение и взаимодействие частного и публичного права в системе права России// Вестник науки. 2023. № 6. С. 468–473.
5. Тетерятников Н.Ю., Пономарева В.В. К вопросу о трансформации представлений о частном и публичном праве// Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 19–26.
6. Гупалова Е.Ю. Проблемы правового регулирования трудовых отношений с участием иностранных граждан // Цифровая наука. 2022. № 1. С. 78–84.
7. Кудрявцева Л.В., Измайлова Д.Э. Международно-правовое регулирование трудовых отношений// Право и государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 98–102.
8. Серопол Д.И. Трудовые отношения, осложненные иностранным элементом: нормативное регулирование и проблемы// Экономика и социум. 2023. № 2. С. 1065–1069.
9. Акинфиева В.В., Воронцов С.Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках// Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 226–248.
10. Имекова М.П. Частноправовое обеспечение интересов// Lexrussica. 2023. № 9. С. 146–159.
11. Саушина А.А. Юридическое лицо публичного права: проблемы теории и практики// Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-litso-publichnogo-prava-problemy-teorii-i-praktiki/viewer> (дата обращения: 20.08.2024).
12. Кодиркулов Х.Р. Проблемы правового регулирования трудовых отношений в международном частном праве: дисс... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2004. 193 с.
13. Кудрявцева Л.В., Измайлова Д.Э. Международно-правовое регулирование трудовых отношений// Право и государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 98–102.
14. Захарова В.Г. Понятие иностранного элемента в Российской Федерации и Республике Казахстан// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inostrannogo-elementa-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-kazahstan/viewer> (дата обращения: 15.08.2024).
15. Соглашение от 3 ноября 2000 года «О временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации». – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=61704> (дата обращения: 25.08.2024).
16. Батаева А.Г., Пономарева А.А., Беккулова Г.Т. Трудовые правоотношения в международном частном праве// Интерактивная наука. 2021. № 5. С. 98–100.

17. Гапоненко Ю.Д. Теоретические подходы к дефиниции «охрана труда» // Вестник науки. 2020. Т. 1, № 1(22). С. 69–73.

THEORETICAL ASPECTS OF PRIVATE LAW REGULATION OF LABOR RELATIONS WITH THE PARTICIPATION OF A FOREIGN ELEMENT IN INTERNATIONAL LAW

Abdullaev E.E.

LTD «Educational systems»

The *relevance* of the topic of the article is due to the fact that at present, issues of private law regulation of labor relations with the participation of a foreign element in international law determine the content of migration policy, lie in the area of interaction of private and public interests, which determines the complexity of this area of legal activity. *Methodology*. This work was based on the methodological premises of the system-structural approach, according to which any system (including the legal system) can be «decomposed» into separate elements that are in dialectical relationship with each other. Accordingly, in the process of research, methods of analysis of the structure of modern international labor law, its decomposition and determination of the essential characteristics of the selected elements were used. *Results*. At present, the system of international law aimed at regulating labor activity is a two-element structure, including «international private labor law» and «international labor law», which differ in objective grounds and the subjective composition of the participants in the regulation of labor relations. The allocation of «international private labor law» into a separate legal area is advisable given the need to develop a system of normative and legal regulation of labor migration processes, as well as in connection with the need to limit public-law impact, which is acquiring political overtones in our time.

Conclusions. It would be a mistake, recognizing the existence of conceptual discrepancies between public and private labor international law, to consider them in the categories of «confrontation». On the contrary, at the current stage of development of international law, it is advisable to emphasize their convergence on a new institutional and legal basis, which implies ensuring the interests of all countries participating in the processes of international cooperation in the field of labor activity.

Keywords: international law, labor law, private, public law, interest, regulation, legal relations.

References

1. Velyaminov G.M. The concept of international private law and the science of transnational private law relations// Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No.3. p. 127.
2. Zapolsky S.V. On the relationship between public and private law// Legal policy and legal life. 2023. No.2. pp. 180–191.
3. Malinovskaya V.M. The dichotomy of iusprivatum and iuspublicum: history and modernity// Law and practice. 2020. No. 3. pp. 23–30.
4. Ostankova E.V. Private and public law. correlation and interaction of private and public law in the Russian legal system// Bulletin of Science. 2023. No.6. pp. 468–473.
5. Teteryatnikov N.Yu., Ponomareva V.V. On the transformation of ideas about private and public law// Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.4. pp. 19–26.
6. Gupalova E.Y. Problems of legal regulation of labor relations with the participation of foreign citizens // Digital Science. 2022. No. 1. pp. 78–84.
7. Kudryavtseva L.V., Izmailova D.E. International legal regulation of labor relations// Law and the State: theory and practice. 2022. No. 1. pp. 98–102.
8. Seropol D.I. Labor relations complicated by a foreign element: regulatory regulation and problems// Economics and Society. 2023. No.2. pp. 1065–1069.
9. Akinfiyeva V.V., Vorontsov S.G. Public, private, civil and civil law: the content of concepts in ancient Roman and modern doctrinal sources// Bulletin of the Perm University. Legal sciences.2020. Issue 48. pp. 226–248.
10. Imekova M.P. Private law provision of interests// Lexrussica. 2023. No.9. pp. 146–159.
11. Saushina A.A. Legal entity of public law: problems of theory and practice// Scientific review. International scientific and practical journal. 2021. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-litso-publichnogo-prava-problem-teorii-i-praktiki/viewer> (date of reference: 08/20/2024).
12. Kodirkulov H.R. Problems of legal regulation of labor relations in private international law: diss... cand. Jurid. sciences'. – Dushanbe, 2004. 193 p.
13. Kudryavtseva L.V., Izmailova D.E. International legal regulation of labor relations// Law and the State: theory and practice. 2022. No.1. pp. 98–102.
14. Zakharova V.G. The concept of a foreign element in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan// International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inostrannogo-elementa-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-kazahstan/viewer> (дата обращения: 15.08.2024).
15. Agreement dated November 3, 2000 «On Temporary Employment of Citizens of the Russian Federation in the People's Republic of China and Citizens of the People's Republic of China in the Russian Federation». – Access mode: [https://normativ.kontur.ru/document? ModuleId=1&documentId=61704](https://normativ.kontur.ru/document?ModuleId=1&documentId=61704) (date of reference: 08/25/2024).
16. Bataeva A.G., Ponomareva A.A., Bekkulova G.T. Labor relations in private international law// Interactive science. 2021. No.5. pp. 98–100.
17. Gaponenko Yu.D. Theoretical approaches to the definition of «labor protection» // Bulletin of Science. 2020. Vol. 1, No. 1(22). pp. 69–73.

Условия, определяющие нормативный внешний контекст толкования международных договоров о правах человека

Аджиев Алим Хамидович,

старший преподаватель кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая
академия»

E-mail: alim_adzhiev@bk.ru

Цель исследования заключается в выявлении условий, которые формируют нормативный внешний контекст толкования международных договоров по правам человека. Результаты работы показали, что условия, формирующие нормативный внешний контекст международных договоров по правам человека, можно распределить на несколько категорий. Основная гипотеза, которая отстаивается в статье, предполагает наличие специального принципа системной зависимости обязательств по правам человека, что в свою очередь должно учитываться при толковании и формировании правового контекста международного договора по правам человека.

Методологический подход заключается на анализе текстов основных универсальных и региональных договоров в области прав человека, а также их международной практики применения. Результаты исследования выявляют пять ключевых условий, которые формируют нормативный внешний контекст международных договоров по правам человека. Определение степени соотношения этих условий и правил толкования, закрепленных в Венской конвенции 1969 г., представляет собой значимый вклад в сферу исследования толкований международных договоров по правам человека. Работа сосредоточена на основных универсальных и региональных международных договорах по правам человека, что оставляет перспективы исследования в данном направлении по другим международным договорам по правам человека

Ключевые слова: международные договоры, толкование международных договоров, международное право прав человека, право договоров, Венская конвенция 1969 года, международные договоры по правам человека, Европейский суд по правам человека, Комитет по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Всеобщая декларация прав человека, контекст толкования.

Введение

Под нормативным внешним контекстом толкования международных договоров о правах человека в настоящем исследовании понимается комплекс источников и норм права, «внешних» по отношению к соответствующим договорам и упоминаемых вне какого-либо конкретного условия об их взаимодействии с нормами самих этих договоров. Такие указания, главным образом, содержатся в преамбулах договоров о правах человека (Африканская Хартия прав человека и народов содержит специальные положения о «внешних» источниках непосредственно в тексте договора). Используя в отношении этих источников и норм такие формулировки, как «принимая во внимание», «признавая», «учитывая», «считая», «напоминая», «ссылаясь», «преисполненные решимости осуществить», «руководствуясь», «подтверждая важность», разработчики международных договоров о правах человека включили в их преамбулы ссылки. Данные ссылки условно внешний нормативный контекст международного договора по правам человека.

Особенности международных договоров по правам человека обусловлены многими факторами. Системная взаимозависимость данных договоров с другими нормативно-правовыми актами является несомненным фактором для определения **актуальности** данного исследования.

Изученность проблемы

Отдельные аспекты толкования международных договоров изучались в рамках отдельных вопросов, которые находились на повестке у Комиссии международного права ООН. В отдельных работах А.Н. Талалаева [1], И.И. Лукашука [2], М.В. Шуршлова [3] рассматриваются общие вопросы теории толкования международных договоров. Отдельные особенности толкования международных договоров рассматриваются в работе авторского коллектива под редакцией А.Я. Капустина [4]. Вопросы толкования международных договоров являются предметом исследований и зарубежных ученых, таких как: Р. Гардинер [5], А. Бианчи [6], Д. Пит [6], М. Виндзор [6], У. Линдерфолк [7]. Некоторые авторы, такие как Л. Гусейнов [8], С. Коваленко [9], А. Орахелашвили [10] уделяют особое внимание толкованию международных договоров по правам человека.

Целесообразность настоящего исследования обуславливается недостаточным вниманием в современной отечественной литературе осо-

бенностям толкования международных договоров по правам человека.

Научная новизна обусловлена определением 5 категорий условий, формирующих нормативный внешний контекст толкования международных договоров по правам человека. Выявленные условия формируют принцип системной зависимости обязательств по правам человека, который играет существенную роль в процессе толкования соответствующих договоров.

Цель работы заключается в определении условий, формирующих нормативный внешний контекст международного договора по правам человека. Для определения этих условий поставлены следующие **задачи**: анализ текстов основных универсальных и региональных международных договоров по правам человека; определение зависимости процесса толкования выявленным условиям на примере правоприменительной практики; анализ доктрины международного права для подтверждения или опровержения выявленных заключений.

Результаты исследования могут иметь важное значение для развития теории толкования норм в международном праве, что обуславливает **теоретическую значимость** данной работы. В свою очередь, **практическая значимость** данного исследования определяется перспективностью результатов для анализа и толкования существующих норм, а также способствует открытию новых горизонтов для правозащитной деятельности и улучшения международного сотрудничества.

Основная часть

Первая категория включает ссылки на декларации, которые заложены в основы соответствующих изучаемых договоров. Для Международных пактов о правах человека такую роль выполняет Всеобщая декларация прав человека [11]. Как отмечают некоторые ученые, Всеобщая декларация стала основой более чем для 80 международных договоров по правам человека [12, с. 42]. А.С. Исполнов подчеркивая значимость Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отмечает ее, как наиболее значительное воплощение правовых стандартов в сфере защиты прав человека или даже как о «духовного родителя» («*spiritual parent*») других международных соглашений по правам человека» [13, с. 101]. Для других договоров существуют и более конкретизированные «основы», которые упоминаются в их преамбулах: для Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. – это Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г., для Конвенции о правах ребенка 1989 г. – Декларация прав ребенка 1959 г., для Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. – Декларация Организации Объединенных Наций о ликви-

дации всех форм расовой дискриминации 1963 г., для Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. – Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 г., для Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. – Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г.

Вторую категорию образуют ссылки на документы декларативного характера, но которые не служат непосредственной основой для этих соглашений. Примерами могут послужить Конвенция о правах ребенка 1989 г. и Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.

Третья категорию образуют упоминания иных международных соглашений в области прав человека. Подобная ссылка свойственна практически всем договорам со «специальным» объектом регулирования. Международные пакты о правах человека, либо отдельные их положения, встречаются в преамбулах всех ключевых универсальных международных договоров. В преамбулах некоторых из них можно встретить отсылки на договоры со «специальным» объектом регулирования. К примеру, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. ссылается на Конвенцию о дискриминации в области найма и труда 1958 г. и Конвенцию о предотвращении дискриминации в области образования 1960 г. Подобные ссылки можно найти и в других подобных международных договорах.

Четвертая категория, формирующая нормативный внешний контекст международного договора по правам человека, определяется ссылками на уставные документы международных организаций. Устав ООН 1945 г. и закрепленные в ней принципы можно встретить во всех основных универсальных договорах (кроме Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.) и в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.), Устав Международной организации труда 1919 г. (в Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.), уставы «специализированных учреждений и международных организаций, занимающихся вопросами благополучия детей» (в Конвенции о правах ребенка 1989 г.), Устав Организации американских государств 1948 г. (в Американской конвенции по правам человека) и Устав Организации африканского единства 1963 г. (соответственно, в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.).

Пятую категорию формируют ссылки на комплексы и акты отдельных международных организаций. К примеру, в преамбуле Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. упоминаются Рекомендация о трудящихся-мигрантах (№ 86) и Рекомендация о трудящихся-мигрантах (№ 151); в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. – «документы» «специализированных учреждений

и международных организаций, занимающихся вопросами благополучия детей».

Таким образом преамбулы формируют нормативный «внешний» контекст функционирования договора – они демонстрируют, какие нормы права «окружают» договор, какие акты способствовали его заключению, какие обязательства, намерения и стремления государств-участников надлежит иметь в виду при обращении к данному договору. Влияния преамбул на толкования международных договоров по правам человека неоспоримо.

Вряд ли есть смысл (для целей настоящего исследования) подробно оценивать и сравнивать формулировки, используемые в преамбулах при обращении к «внешним» источникам и нормам права, в любом случае речь не идет об установлении четких правил взаимодействия их с положениями соответствующего договора (в отличие от рассмотренных выше в настоящем параграфе условий).

С некоторой долей условности можно сравнить значение упоминаний в преамбулах договоров различных международно-правовых актов со значением положений ст. 60 и 61 Африканской хартии прав человека и народов. Согласно ст. 60, «Комиссия [Африканская комиссия по правам человека и народов] опирается в своей деятельности на международное право по вопросам прав человека и народов, особенно на положения различных африканских документов по правам человека и народов, на Устав Организации Объединенных Наций, Устав Организации африканского единства, Всеобщую декларацию прав человека и на другие документы, принятые Организацией Объединенных Наций и африканскими странами в области прав человека и народов, а также на положения различных документов, принятых специализированными организациями ООН, членами которых являются государства – участники настоящей Хартии». Статья 61 определяет инструментарий для Комиссии в выявлении «дополнительных средств определения правовых принципов». Таким образом, Африканская хартия прав человека и народов не содержит условия о наиболее благоприятном режиме гарантий прав человека, содержащихся в международных и внутригосударственных нормах права, однако требует от Комиссии учитывать соответствующие международно-правовые нормы (что имплицитно налагает на участвующие государства обязательство также принимать их во внимание в контексте обязательств по Хартии). Например, толкуя понятие запрета пыток, закрепленного Хартией, и рассматривая его содержание, Африканская комиссия по правам человека и народов обращается к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

В отношении Европейской конвенции по правам человека У.А. Шабас отмечает, что ссылки в преамбуле Европейской конвенции нельзя игнорировать, поскольку они передают значительные нюансы смысла, которые могут повлиять на толкование Конвенции в целом [14, р. 60]. Практика Евро-

пейского суда по правам человека является яркой демонстрацией такого влияния. В постановлении по делу *Goldor vs. The United Kingdom* Европейский суд по правам человека отметил, что преамбула обычно очень полезна для определения объекта и цели документа, подлежащего толкованию (параграф 34). Межамериканский суд по правам человека также неоднократно обращался к преамбуле Американской конвенции по правам человека для обоснования «принципа субсидиарности» (параграф 65), который как отмечают исследователи «косвенно» закреплен в ее преамбуле [15, р. 11]. Более подробно о правовом закреплении и содержании принципа субсидиарности можно ознакомиться в трудах других исследователей [16].

Вместе с тем, встречается и критическое отношение к значению ссылок на международно-правовые акты в преамбулах международных договоров. У.А. Шабас, принимая всерьез положения преамбулы Европейской конвенции по правам человека, отмечает в отношении других договоров, что большинство ссылок в их преамбулах является не более чем формальным признанием происхождения международных норм о правах человека.

С определенной долей условности считать, что в центре дискуссии на этот счет – вопрос субъективной оценки практики. В любом случае комитеты ООН по правам человека неоднократно ссылались на преамбулы соответствующих договоров (параграф 65). Вместе с тем столь категоричное суждение может вызывать сомнения с точки зрения нормативного значения содержащихся в преамбулах договоров ссылок для их толкования в свете правил общего международного права.

Во-первых, обращение к преамбулам международных договоров по правам человека соответствующими органами по правам человека явление нередкое. Цель подобного обращения зачастую направлена на определение объекта и цели договора в контексте п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1961 г.

Во-вторых, как следует из подп. с п. 3 ст. 31 данной конвенции, «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками» является обязательными для изучения при толковании. Использование термина «соответствующие» указывает на то, что не любые применяемые в отношениях между участниками нормы следует учитывать при толковании того или иного договора. В этом смысле ссылки на международно-правовые нормы и их источники в преамбулах очевидно указывают на такие нормы, которые не могут не считаться «соответствующими».

В-третьих, подп. с п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1961 г. закрепляет обязанность к «нормам международного права», возникает вопрос о том, имеют ли значение нормы так называемого «мягкого права», к числу которых относятся правила, закрепленные во международно-правовых актах декларативного и рекомендательного характера. Упоминание та-

ких актов в преамбулах международных договоров о правах человека, по существу, снимает этот вопрос, во всяком случае благодаря их прямому отношению к контексту по смыслу п. 2 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1961 г.

В-четвертых, не всегда случается так, что государство, является участником договора и закрепленного в его преамбуле международного соглашения. В таком случае такое соглашение нельзя считать «применимым в отношениях между участниками» по смыслу подп. с п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1961 г., однако его влияние на толкование соответствующего договора о правах человека обеспечивается упоминанием в преамбуле и, соответственно, статусом элемента контекста по п. 2 ст. 31 данной конвенции. Разумеется, речь не идет о наложении на неучаствующее государство каких-либо правовых обязательств из «внешнего» договора.

Заключение и выводы

Таким образом, 5 категорий ссылок на комплекс источников и норм права, «внешних» по отношению к международным договорам по правам человека и упоминаемых вне какого-либо конкретного условия об их взаимодействии с нормами самих этих договоров, образуют условия, определяющие нормативный внешний контекст их толкования.

Высокая степень общности данных условий, позволяет констатировать существование принципа системной зависимости обязательств по правам человека. Принцип системной зависимости обязательства по правам человека формирует режим, в которых обязательства в сфере прав человека находятся в тесной системной взаимосвязи, что в свою очередь должно учитываться и в процессе их толкования.

Литература

1. Талалаев А.Н. Право международных договоров: общие вопросы. М.: Зерцало, 2011. 265 с.
2. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Т. 1. Заключение международных договоров. М.: Wolters Kluwer Russia, 2004. 672 с.
3. Шурашалов М.В. Основные вопросы теории международного договора. М.: Изд-во АН СС-СР, 1959. 472 с.
4. Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А.Я. Капустина. М.: Институт Законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2022. 432 с.
5. Gardiner R. Treaty interpretation (2nd Edition). Oxford: Oxford University Press. 2017. 568 p.
6. Bianchi A., Peat D., Windsor M. Interpretation in International Law. Oxford: Oxford University Press. 2015. 399 p.
7. Linderfalk U. On the Interpretation of Treaties: The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Dordrecht: Springer. 2007. 414 p.
8. Гусейнов Л.Г. Особенности толкования международных договоров о правах человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 3–6
9. Коваленко С. Эволюционный подход Европейского Суда по правам человека и толкованию норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: периодизация // Международное правосудие. № 3 (77). 2018. С. 77–92.
10. Orakhelashvili A. Restrictive Interpretation of Human Rights Treaties in the Recent Jurisprudence of the European Court of Human Rights // European Journal of International Law. Vol. 14. № 3. 2003. P. 529–568
11. Аксенов А.Б. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ в сфере прав человека: к 70-летию принятия // Ученые записки казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2019. № 15. С. 37–43.
12. Лазутин Л.А. Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир // Российский юридический журнал. 2018. № 5 (122). С. 40–45.
13. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4(125). С. 100–102.
14. Schabas W.A. The European Convention on Human Rights: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1308 p.
15. Hennebel L., Tigroudja H. The American Convention on Human Rights: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1541 p.
16. Красиков Д. В., Липкина Н.Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2014. 188 с.

CONDITIONS THAT DETERMINE THE NORMATIVE EXTERNAL CONTEXT FOR THE INTERPRETATION OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS TREATIES

Adzhiev A.H.

Saratov State Law Academy

The aim of the study is to analyze the relevant texts of international human rights treaties for mentioning the conditions that form the normative external context of interpretation, with a focus on their categorical distribution. The results of the work showed that the normative external context of international human rights treaties is shaped by a set of sources and norms of law that can be characterized as conditions that determine the normative external context of the relevant treaty in relation to these treaties. The main hypothesis defended in the article suggests the existence of a special principle of systemic dependence of human rights obligations, which also contributes to the formation of the legal context and influences interpretation.

The methodological approach of the paper is based on the analysis of the preambles of key universal and regional international agreements in the field of human rights, as well as on the analysis of their respective law enforcement practices. The results show the presence of five main categories of References, among which the Universal Declaration of Human Rights occupies a special place. The

scientific contribution of the paper is to highlight the conditions that contribute to the interpretation of international human rights treaties and to harmonize these conditions with the provisions of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties on the interpretation of international treaties.

The paper has limitations due to the choice of papers and suggests directions for future research on the interaction of different legal systems.

Keywords: international treaties, interpretation of international treaties, international human rights law, law of treaties, 1969 Vienna Convention, international human rights treaties, European Court of Human Rights, Human Rights Committee, Inter-American Court of Human Rights, Universal Declaration of Human Rights, context of interpretation.

References

1. Talalaev A.N. The law of international treaties: general issues. Moscow: Zertsalo, 2011. 265 p.
2. Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. In 2 vol. Vol. 1. Conclusion of International Treaties. Moscow: Wolters Kluwer Russia, 2004. 672 p.
3. Shurashalov M.V. Basic issues of the theory of international treaty. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 472 p.
4. Modern concept of interpretation of international treaties: a monograph / edited by A.Y. Kapustin. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2022. 432 p.
5. Gardiner R. Treaty interpretation (2nd Edition). Oxford: Oxford University Press. 2017. 568 p.
6. Bianchi A., Peat D., Windsor M. Interpretation in International Law. Oxford: Oxford University Press. 2015. 399 p.
7. Linderfalk U. On the Interpretation of Treaties: The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Dordrecht: Springer. 2007. 414 p.
8. Huseynov L.G. Peculiarities of interpretation of international human rights treaties // Belarusian Journal of International Law and International Relations. 1999. № 2. P. 3–6
9. Kovalenko S. Evolutionary approach of the European Court of Human Rights and the interpretation of the norms of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: periodization // International Justice. № 3 (77). 2018. P. 77–92.
10. Orakhelashvili A. Restrictive Interpretation of Human Rights Treaties in the Recent Jurisprudence of the European Court of Human Rights // European Journal of International Law. Vol. 14. № 3. 2003. P. 529–568
11. Aksenov A.B. The Universal Declaration of Human Rights as a fundamental document in the field of human rights: to the 70th anniversary of adoption // Academic Notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice. 2019. № 15. P. 37–43.
12. Lazutin L.A. Ideals of the Universal Declaration of Human Rights and the modern world // Russian Law Journal. 2018. № 5 (122). P. 40–45.
13. Ispolinov A.S. Legal status of the Universal Declaration of Human Rights (to the 70th anniversary of its adoption) // Comparative Constitutional Review. 2018. № 4(125). P. 100–102.
14. Schabas W.A. The European Convention on Human Rights: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1308 p.
15. Hennebel L., Tigroudja H. The American Convention on Human Rights: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1541 p.
16. Krasikov D. V., Lipkina N.N. Interaction of international and domestic law in the field of human rights in the context of the principle of subsidiarity. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2014. 188 p.

Регулирование воздушных сообщений в ЕАЭС как составная часть интеграционного процесса

Бичурина Елизавета Сергеевна,

аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются особенности регулирования воздушных сообщений в ЕАЭС. Формирование единого воздушного пространства является одним из перспективных направлений экономической интеграции. Государствами-участниками сформирована концепция формирования общего воздушного пространства, которая реализуется через различные мероприятия, дорожные карты. Насущным является вопрос о целесообразности разработки и заключения международного договора по созданию и функционированию общего рынка услуг воздушного транспорта в рамках Союза и формированию единого воздушного пространства к 2025 году.

Ключевые слова: авиаперевозки; единое воздушное пространство; либерализация авиасообщений; режим «открытого неба»; экономическая интеграция ЕАЭС.

Известно, что экономическая интеграция в рамках ЕАЭС не отличается на современном этапе развития какой-либо равномерностью. Одновременно с этим, наиболее эффективно указанный процесс протекает сегодня на основании принципа свободного перемещения товаров. К тем областям, которые с данной точки зрения являются наиболее перспективными, стоит отнести, кроме иного, формирование единого воздушного пространства, равно как унификация всего воздушного права в целом.

В настоящее время, в ЕАЭС активно используют порядка 793,5 тыс. км воздушных трасс, 225 авиакомпаний, 94 международных аэропортов. В общей структуре таких перевозок было перевезено более 103 млн человек. Отметим, что пространство ЕАЭС объединяет сегодня Европу и Азию. Очень длительный период времени были предприняты достаточно активные попытки в области либерализации авиасообщений в СНГ, однако в конечном счете, это должной эффективности не показало, а причин данной ситуации было множество. Здесь стоит акцентировать внимание на существующем опыте перехода к открытому небу в ЕС, который также не был эффективен. Как следствие, проблема в сфере формирования единого подхода, направленного на правовое регулирование организации воздушного движения, безопасности полетов, стандартов всего авиапарка, транспортной безопасности и обслуживания пассажиров на земле, является достаточно актуальной и значимой.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа тех мероприятий, которые на современном этапе проводятся на фоне создания общего воздушного пространства в ЕАЭС, в том числе, для выявления условий, необходимых для включения ЕАЭС в Многостороннее соглашение по данному вопросу.

В соответствии с действующей с концепцией формирования единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), которая ранее была утверждена решением Межгосударственного Евразийского экономического сообщества № 374 от 25 января 2008 г., Единое Транспортное Пространство (ЕТП) выступает в качестве достаточно широкой совокупности систем государств, выступающих в качестве членов ЕврАзЭС, которая выступает в качестве объективной необходимости для перемещения без каких-либо препятствий грузов, багажа, транспортных средств, равно как пассажиров, при условии обеспечения совместимости технологических, равно технических транспортных процессов, единых

конкурентных правил, а также гармонизированно-го законодательства в данной области.

Согласно разделу III «Воздушный транспорт» Приложения № 24 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике, а также к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, развитие всего воздушного транспорта в данном Союзе осуществляется сегодня в рамках проведения согласованной политики посредством постепенного формирования общего рынка услуг в области воздушного транспорта. Системный анализ всех данных положений показывает, что государства-члены будут координировать свои усилия по единому подходу применения действующих стандартов, равно практики Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Кроме того, в результате анализа данной документации приходим к выводу о том, что формирование общего рынка услуг воздушного транспорта в настоящее время основано на следующей совокупности принципов.

Во-первых, соответствие международных актов и договоров, которые на практике образуют право Союза, всем принципам и нормам международного права в сфере гражданской авиации;

Во-вторых, гармонизация законодательства всех государств-членов для приведения в соответствие с принципами и нормами международного права в сфере гражданской авиации.

В-третьих, обеспечение добросовестной и справедливой конкуренции.

В-четвертых, формирование условий, которые необходимы для планового обновления парка воздушных судов, для развития наземной инфраструктуры, в том числе, согласно международной практике ИКАО.

В-пятых, обеспечение авиационной безопасности и безопасности всех полетов.

В-шестых, обеспечение доступа к авиационной инфраструктуре всех авиационных компаний.

В-седьмых, расширение воздушных сообщений между государствами-членами.

Исторический экскурс показывает, что после того, как ЕврАзЭС свою деятельность прекратил, было принято решение относительно создания общего воздушного пространства ЕАЭС. В рамках данной деятельности разработали План мероприятий («дорожная карта»), направленный преимущественно на либерализацию авиасообщений в ЕАЭС. В данной дорожной карте утвердили основные мероприятия, в качестве цели которых выступила гармонизация всего действующего законодательства стран ЕАЭС в сфере гражданской авиации и обеспечения безопасности полетов. Кроме того, мероприятия также касались и усовершенствования, равно как обновления воздушного флота, поддержание и обеспечение транспортной, а также авиационной безопасности, обеспечение безопасности воздушных полетов, обеспечение соответствие всех стандартов в области наземного обслуживания в аэропортах. Также было назначено лицо, которое являлось ответственным испол-

нителем поставленных задач. Впервые они были утверждены на период с 2018 по 2020 год соответственно.

После выполнения мероприятий, указанных выше, утвердили новый План мероприятий (также «дорожная карта»), который был направлен на реализацию ключевых направлений и основных этапов реализации согласованной политики в области проведения транспортной политики на период с 2021 по 2023 год. По аналогии с картой, действующей ранее, в Плате было несколько мероприятий, которые преимущественно направлены на создание общего рынка в области авиационного транспорта. Данные мероприятия преимущественно включали в себя анализ опыта и практики в области транспорта, а также планомерное улучшение транспортного права ЕАЭС, повышение качества всех услуг в этой сфере, определение и утверждение основных транспортных маршрутов и всех коридоров. Особое внимание уделялось подготовке специалистов, которые бы свою деятельность осуществляли в области наземного обслуживания. Отметим, что в рамках данного этапа был проведен достаточно детальный анализ всего воздушного права и соответствующего законодательства государств-членов ЕАЭС, в том числе, на предмет того, как оно соответствует нормам ИКАО. На этом этапе также были проанализированы правовые источники государств-членов в области установления основных тарифов на аэронавигационное и на аэропортовое обслуживание.

В настоящее время, формирование единого воздушного пространства в ЕАЭС ожидается только в 2025 году. Одновременно с этим, актуальностью в этом аспекте обладает вопрос относительно необходимости формирования и последующего заключения международного договора в области создания и функционирования общего рынка услуг на воздушном транспорте. На фоне его актуальности, указанный вопрос рассматривается в действующей в настоящее время «дорожной карте». Полагаем, что все существующие ограничения в этой сфере необходимо снимать постепенно, а некоторые страны смогут далеко не сразу разрешить указанный вопрос, например, Казахстан и Кыргызстан.

Проведение оценки практического опыта реализации организации всего воздушного движения в ЕАЭС, можно прийти к следующим выводам.

В целях функционирования так называемого режима «открытого неба» особую актуальность сегодня приобретает вопрос относительно разработки универсальных административных, законодательных, равно как экономических инструментов, например, органа по управлению воздушным движением.

Рынок услуг в сфере воздушного транспорта ЕАЭС должен быть сегодня сформирован поэтапно, в том числе, стоит имплементировать опыт ЕС.

До 2025 г. все авиаперевозки в рамках ЕАЭС регулируются в основном двусторонними соглашениями стран Союза, а также законодательными

актами в рамках национальных юрисдикций. Кроме того, можно прийти к выводу, что с 2025 года функционирование общего рынка услуг воздушного транспорта в рамках ЕАЭС будет урегулировано многосторонним соглашением, которое в полной мере определяет все основные стандарты правового регулирования всех воздушных перевозок, в том числе, на основе принципов и норм ИКАО, норм и положений ГАТС ВТО, классификатор которого также содержит указание и на транспортные услуги.

В заключении стоит отметить, что данное многостороннее соглашение ЕАЭС также будет содержать правовые нормы, регламентирующие не только общий рынок услуг воздушного транспорта ЕАЭС, но и все отношения в сфере взаимодействия государственных органов и субъектов отрасли гражданской авиации и государств-членов ЕАЭС¹.

Литература

1. Единое транспортное пространство и процесс его формирования в Евразийском экономическом союзе // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-transportnoe-prostranstvo-i-protsess-ego-formirovaniya-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze/viewer> (дата обращения: 04.12.2023).
2. Лесняков А.А. Модель организационно-экономического механизма формирования единого транспортного пространства в Евразийском экономическом союзе // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9. Ч. 2. С. 743–746.
3. Либерализация пассажирских авиаперевозок в странах ЕАЭС в контексте опыта Евросоюза // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-passazhirskih-aviaperevozok-v-stranah-eaes-v-kontekste-opyta-evrosoyuza/viewer> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Лукьянович Н.В., Котляров Н.Н., Левченко Н.В. Перспективы создания единого транспортного пространства Евразийского экономического союза (ЕВРАЗЭС) // Мировая экономика и международные отношения. Экономические науки. – 2014. – 7. – С. 126–130.
5. Решение № 374 Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества «О Концепции формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества» (принято в г. Москве 25.01.2008).
6. Создание единого воздушного пространства ЕАЭС отодвинули на 2025 год // Деловой авиационный портал. – URL: <http://www.ato.ru/content/sozdanie-edinogo-vozdushnogo-prostranstva-eaes-otodvinuli-na-2025-god> (дата обращения: 04.12.2023).
7. Транспорт // ЕЭК. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/Транспорт.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).

REGULATION OF AIR SERVICES IN THE EAEU AS AN INTEGRAL PART OF THE INTEGRATION PROCESS

Bichurina E.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article discusses the features of air traffic regulation in the EAEU. The formation of a single airspace is one of the promising areas of economic integration. The participating states have formed a concept for the formation of a common airspace, which is being implemented through various events and road maps. An urgent question is the feasibility of developing and concluding an international agreement on the creation and operation of a common market for air transport services within the Union and the formation of a single airspace by 2025.

Keywords: air transportation; common airspace; liberalization of air services; “open sky” mode; economic integration of the EAEU.

References

1. Single transport space and the process of its formation in the Eurasian Economic Union // Scientific electronic library “CyberLeninka”. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-transportnoe-prostranstvo-i-protsess-ego-formirovaniya-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze/viewer> (date of access: 04.12.2023).
2. Lesnyakov A.A. Model of the organizational and economic mechanism for the formation of a single transport space in the Eurasian Economic Union // Economy and entrepreneurship. 2017. No. 9. Part 2. P. 743–746.
3. Liberalization of passenger air transportation in the EAEU countries in the context of the European Union experience // Scientific electronic library “CyberLeninka”. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-passazhirskih-aviaperevozok-v-stranah-eaes-v-kontekste-opyta-evrosoyuza/viewer> (date of access: 04.12.2023).
4. Lukyanovich N.V., Kotlyarov N.N., Levchenko N.V. Prospects for the creation of a single transport space of the Eurasian Economic Union (EURASEC) // World Economy and International Relations. Economic Sciences. – 2014. – 7. – P. 126–130.
5. Decision No. 374 of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community “On the Concept of Forming a Single Transport Space of the Eurasian Economic Community” (adopted in Moscow on 25.01.2008).
6. Creation of a Single Airspace of the EAEU Postponed to 2025 // Business Aviation Portal. – URL: <http://www.ato.ru/content/sozdanie-edinogo-vozdushnogo-prostranstva-eaes-otodvinuli-na-2025-god> (date of access: 04.12.2023).
7. Transport // EEC. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/Транспорт.pdf> (date of access: 04.12.2023).

¹ Анализ целесообразности разработки и заключения международного договора по созданию и функционированию общего рынка услуг воздушного транспорта в рамках Евразийского экономического союза // ЕАЭС. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/474/Analiticheskiy-doklad-pobshchemu-rynku.pdf>

Международно-правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

Лю Кэсинь,

бакалавр, Наньчанский технологический институт, Китай
E-mail: 2268154034@qq.com

Статья посвящена международно-правовым вопросам охраны интеллектуальной собственности в контексте цифровой эпохи и посвящена исследованию новых вызовов в области охраны интеллектуальной собственности, возникающих в связи с быстрым развитием цифровых технологий. Цель статьи – глубоко проанализировать текущую ситуацию с защитой интеллектуальной собственности, проблемы, с которыми она сталкивается, и предложить эффективные стратегии реагирования для защиты законных прав и интересов инноваторов и содействия устойчивому развитию мировой экономики. Изучая меры по совершенствованию законодательства и нормативных актов, укреплению международного сотрудничества, использованию новых технологий и повышению осведомленности общественности, статья предлагает комплексную правовую базу и практические пути защиты ПИС в цифровую эпоху. В исследовании отмечается, что использование передовых технологий, таких как блокчейн, для защиты прав интеллектуальной собственности, а также углубление международного сотрудничества являются научной новизной данной работы, которая предоставляет новые идеи и направления для защиты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: защита интеллектуальной собственности, международно-правовые вопросы, международное сотрудничество, транснациональные нарушения, правовые проблемы.

Введение

В контексте цифровой эры защита интеллектуальной собственности сталкивается с беспрецедентными глобальными вызовами и возможностями. С ускорением процесса оцифровки и создания сетей, а также с бурным развитием искусственного интеллекта, блокчейна и других новых технологий создание, распространение, использование и защита прав интеллектуальной собственности претерпевают глубокие изменения. Эти изменения не только значительно расширили понятие и сферу применения прав интеллектуальной собственности, но и создали серьезные проблемы для традиционной системы защиты интеллектуальной собственности, такие как неоднозначность присвоения прав, скрытый и транснациональный характер нарушений, а также сложность применения законодательства. Изучение международно-правовых вопросов охраны интеллектуальной собственности в цифровую эпоху имеет жизненно важное значение для содействия технологическим инновациям, поддержания честной конкуренции на рынке и обеспечения устойчивого развития мировой экономики [1]. В условиях углубляющейся глобализации защита интеллектуальной собственности не только затрагивает непосредственные интересы инноваторов, но и является ключевым показателем инновационной способности и конкурентоспособности страны или региона. Поэтому глубокий анализ современной международно-правовой ситуации в области охраны интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, выявление стоящих перед ней проблем и разработка эффективных стратегий их решения окажут далеко идущее влияние на создание более справедливой, эффективной и инклюзивной глобальной системы охраны интеллектуальной собственности.

Цель данной работы – всесторонне проанализировать текущую международно-правовую ситуацию в области охраны интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, выявить стоящие перед ней проблемы и предложить практические стратегии их решения на этой основе. Ожидается, что исследование, проведенное в данной работе, поможет политикам, юристам-практикам, предприятиям и ученым получить комплексное понимание и руководство, а также совместно содействовать совершенствованию и развитию глобальной системы защиты интеллектуальной собственности в целях сопровождения технологических инноваций и устойчивого развития мировой экономики.

Базовая теория защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

Права интеллектуальной собственности, как представленные законом исключительные права новаторов на использование их интеллектуальных достижений в течение определенного периода времени, являются важной частью нематериальных активов, обладающих такими юридическими характеристиками, как исключительность, территориальность и временность. В условиях цифровой эпохи сфера действия прав интеллектуальной собственности становится шире, охватывая не только традиционные виды патентов, товарных знаков, авторских прав и т.д., но и распространяясь на такие новые области, как доменные имена в Интернете, авторские права на цифровые произведения и патенты на программное обеспечение. Патенты в основном защищают технические решения изобретений; товарные знаки используются для различения происхождения товаров или услуг и поддержания репутации бренда; а авторские права дают авторам право воспроизводить, распространять и демонстрировать свои произведения. Вместе эти виды прав интеллектуальной собственности представляют собой важный элемент защиты прав интеллектуальной собственности [2]. Вместе эти виды прав интеллектуальной собственности образуют сеть правовой защиты инноваций в цифровую эпоху. Теоретические основы защиты интеллектуальной собственности глубоки и разнообразны, среди них значительное влияние оказали теории стимулирования инноваций, провала рынка и баланса интересов. Теория стимулирования инноваций предполагает, что предоставление прав интеллектуальной собственности новаторам позволяет мотивировать их к инновациям и содействовать научно-техническому прогрессу и социальному развитию. Эта теория особенно важна в цифровую эпоху, поскольку цифровые технологии делают распространение и воспроизводство инноваций гораздо менее затратным, и защита интеллектуальной собственности становится ключевым фактором стимулирования инноваций [3]. Теория провала рынка, с другой стороны, подчеркивает, что в сфере интеллектуальной собственности рынок может потерпеть неудачу из-за информационной асимметрии, внешних эффектов и других проблем, и что правительству необходимо вмешаться с помощью правовых средств, чтобы обеспечить новаторам разумную прибыль и в то же время предотвратить злоупотребление правами. Теория баланса интересов, с другой стороны, требует, чтобы при защите прав и интересов новаторов учитывались и интересы общества для обеспечения распространения и использования знаний, а также для содействия научно-техническому прогрессу и социальному благополучию.

В цифровую эпоху эти теории служат важным руководством для практики защиты интеллектуальной собственности. Необходимо постоянно совершенствовать систему защиты интеллектуальной собственности, чтобы новаторы могли полу-

чить достаточную правовую защиту, но при этом уделять внимание балансу интересов всех сторон, чтобы чрезмерная защита прав интеллектуальной собственности не препятствовала распространению и использованию знаний. Применяя эти теории на практике, мы сможем способствовать постоянному совершенствованию и развитию системы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Международно-правовые основы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

В контексте цифровой эпохи международно-правовая база охраны прав интеллектуальной собственности обеспечивает прочную основу для глобальной защиты инноваций. Основные принципы международной охраны интеллектуальной собственности, такие как принцип национального режима, принцип приоритета и принцип независимой защиты, составляют ядро этой структуры. Принцип национального режима требует, чтобы государства-члены относились к иностранцам так же, как и к гражданам, в отношении охраны ИС, обеспечивая глобальным новаторам последовательную правовую защиту в любом государстве-члене. Принцип приоритета, с другой стороны, гарантирует, что новаторы пользуются приоритетом в течение определенного периода времени после первой подачи заявки на патент или регистрации товарного знака, чтобы предотвратить захват другими [4]. Принцип независимой охраны подчеркивает независимость системы охраны интеллектуальной собственности каждой страны, т.е. предоставление, аннулирование или объем охраны прав интеллектуальной собственности в одной стране не зависит от других стран. Эти принципы играют важную роль в международном сотрудничестве в области охраны интеллектуальной собственности и способствуют единству и координации глобальной охраны интеллектуальной собственности.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирная торговая организация (ВТО), а также ее международные организации и конвенции, такие как Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), играют ключевую роль в защите прав интеллектуальной собственности. Являясь специализированным учреждением при ООН, ВОИС стремится содействовать совершенствованию и развитию глобальной системы защиты прав интеллектуальной собственности и обеспечивает надежную правовую защиту глобальных инноваторов путем принятия международных договоров и предоставления правовой помощи. ВТО и ее Соглашение ТРИПС способствуют защите ПИС средствами торговли, включают ПИС в систему международной торговли, обеспечивают соблюдение государствами-членами правил ПИС в процессе торговли, а также способствуют справедливости

и свободе мировой торговли. Кроме того, региональные соглашения по охране интеллектуальной собственности также играют важную роль в глобальной системе охраны интеллектуальной собственности [5]. Европейская патентная конвенция, Североамериканское соглашение о свободной торговле и другие соглашения, заключенные на основе регионального сотрудничества, позволяют добиться координации и единства защиты интеллектуальной собственности среди стран-участниц, а также способствуют распространению и использованию внутрирегиональных инновационных результатов. Эти соглашения не только предоставляют странам-участницам более удобные и эффективные услуги по патентной экспертизе и регистрации, но и усиливают борьбу с нарушениями прав интеллектуальной собственности с помощью механизмов регионального сотрудничества, обеспечивая более безопасную и стабильную инновационную среду для новаторов в регионе.

Международно-правовая база для защиты прав интеллектуальной собственности в цифровую эпоху обеспечивает прочную правовую основу для глобальной защиты инноваций и способствует единству и координации глобальной защиты интеллектуальной собственности благодаря совместному действию международных принципов, международных организаций и конвенций, а также региональных соглашений, обеспечивая надежные правовые гарантии для инноваторов.

Проблемы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

В контексте цифровой эпохи защита интеллектуальной собственности сталкивается с беспрецедентными проблемами, которые в основном обусловлены тремя аспектами: технологией, правом и правоприменением.

Что касается технологических проблем, то стремительное развитие цифровых технологий значительно изменило способы создания, распространения, использования и охраны интеллектуальной собственности. Хотя цифровые технологии сделали создание инноваций более простым, быстрым и широким по охвату, они также сделали границы прав интеллектуальной собственности размытыми, а их защиту – более сложной. Например, чрезвычайно низкая стоимость воспроизведения и распространения цифровых произведений облегчает совершение нарушений и затрудняет их отслеживание. С другой стороны, новые технологии, такие как искусственный интеллект и блокчейн, также предъявляют новые требования к защите интеллектуальной собственности [6]. Такие вопросы, как должны ли произведения, созданные искусственным интеллектом, облагаться авторским правом и как технология блокчейн может быть применена к правам интеллектуальной собственности, например подтверждение и защита прав, должны найти решение в рамках правовой охраны.

Правовые проблемы, традиционные правовые рамки прав интеллектуальной собственности неадекватны при решении новых вопросов в цифровую эпоху. С распространением цифровых технологий продолжают возникать новые проблемы, такие как защита конфиденциальности данных, алгоритмические патенты и трансграничные нарушения, в то время как существующая правовая система зачастую не в состоянии обеспечить эффективную правовую защиту. Например, защита конфиденциальности данных стала важным вопросом защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, но в существующих законах все еще много недостатков, касающихся объема и степени защиты частной жизни и регулирования трансграничных потоков данных [7]. Кроме того, алгоритмические патенты стали важным вопросом защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Кроме того, стандарты экспертизы и выдачи разрешений на алгоритмические патенты сталкиваются с новыми проблемами, и как обеспечить инновационность и практичность алгоритмов, избежав при этом злоупотребления патентами, является сложным вопросом в современной юридической практике.

Проблемы правоприменения Трудности, связанные с обеспечением соблюдения прав интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, значительно возросли. Цифровые технологии сделали нарушение более коварным и сложным, затруднив представление доказательств и установление личности нарушителя. Нарушение прав интеллектуальной собственности часто носит трансграничный характер, а различия в правовых системах, стандартах и процедурах правоприменения в разных странах приводят к тому, что межрегиональное правоприменение сталкивается с многочисленными препятствиями. Кроме того, защита ПИС сталкивается с проблемами ограниченности ресурсов и высоких затрат, что серьезно влияет на эффективность и качество защиты.

Защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху сталкивается с вызовами со стороны технологий, законодательства и правоприменения, которые требуют совместных усилий политиков, юристов-практиков, предприятий и ученых во всем мире для решения и содействия совершенствованию и развитию глобальной системы защиты интеллектуальной собственности путем улучшения правовой системы, укрепления международного сотрудничества и повышения эффективности правоприменения.

Международно-правовые стратегии защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

Перед лицом многочисленных проблем, связанных с защитой интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, международному сообществу необходимо принять ряд эффективных стратегий

правового реагирования, чтобы защитить законные права и интересы инноваторов и способствовать устойчивому развитию мировой экономики.

Совершенствование законов и нормативных актов – это первая задача. В контексте цифровой эры границы прав интеллектуальной собственности становятся все более размытыми, и объем прав нуждается в дальнейшем уточнении. Поэтому международное сообщество должно совместно работать над совершенствованием международных законов и нормативных актов в области охраны интеллектуальной собственности. В частности, необходимо уточнить границы прав интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить новаторам полную правовую защиту их интеллектуальных достижений; в то же время следует ужесточить наказание за нарушение прав интеллектуальной собственности и повысить стоимость нарушения закона, чтобы сдержать распространение нарушений. Кроме того, необходимо усовершенствовать систему добросовестного использования, сбалансировать интересы новаторов и общества, обеспечить распространение и использование знаний, способствовать научно-техническому прогрессу и социальному благосостоянию [1]. Укрепление международного сотрудничества является важным способом решения проблем защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. В современном мире, который становится все более глобализованным, нарушения прав интеллектуальной собственности часто носят транснациональный характер и требуют от стран совместной работы для их устранения. Поэтому международное сообщество должно укреплять сотрудничество правоохранительных органов и совместно бороться с транснациональными нарушениями, чтобы сохранить честность и справедливость в глобальной инновационной среде. Оно должно активно участвовать в международном нормотворчестве и содействовать совершенствованию и развитию глобальной системы защиты интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить более стабильную и предсказуемую правовую среду для инноваторов. Использование новейших технологий является эффективным средством повышения эффективности защиты ПИС. Передовые технологии, такие как блокчейн и цифровые водяные знаки, децентрализованы и защищены от несанкционированного доступа и могут оказать мощную поддержку в подтверждении и защите прав интеллектуальной собственности. Благодаря использованию этих технологий можно повысить сложность и стоимость нарушений и эффективно пресекать их [8]. Международное сообщество должно увеличить объем НИОКР и применение новых технологий, чтобы способствовать инновациям и развитию технологий защиты интеллектуальной собственности. Повышение осведомленности общественности о защите интеллектуальной собственности является основой для создания благоприятной инновационной среды. Только когда все общество совместно уважает и защищает права интеллектуальной

собственности, может быть создана благоприятная атмосфера, способствующая инновациям. Международное сообщество должно повышать осведомленность общественности о правах интеллектуальной собственности и привлекать к ним внимание посредством образования и пропаганды, а также повышать сознательность и инициативность всего общества в вопросах соблюдения и защиты прав интеллектуальной собственности. В то же время новаторам рекомендуется активно подавать заявки на патенты, товарные знаки и другие права интеллектуальной собственности, чтобы повысить их осведомленность о правовой защите и обеспечить надежные гарантии для преобразования и применения инновационных достижений.

Стратегия международно-правовых мер по защите интеллектуальной собственности в цифровую эпоху должна начинаться с совершенствования законов и нормативных актов, укрепления международного сотрудничества, использования новых технологий и повышения осведомленности общественности, чтобы совместно решать задачи и способствовать совершенствованию и развитию глобальной системы защиты интеллектуальной собственности.

Заключение

В данной работе подробно рассматриваются международно-правовые вопросы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, анализируется текущая ситуация с защитой интеллектуальной собственности, проблемы, с которыми она сталкивается, и стратегии их решения. В исследовании отмечается, что защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху сталкивается с многочисленными проблемами в области технологий, законодательства и правоприменения, и что такие стратегии, как совершенствование законов и нормативных актов, укрепление международного сотрудничества, использование новых технологий и повышение осведомленности общественности, являются эффективными способами решения этих проблем.

В будущем, с постоянным появлением новых технологий и непрерывным обновлением правовой базы, тенденция развития защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху будет более сложной и диверсифицированной. С одной стороны, применение передовых технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, обеспечит более эффективные и интеллектуальные средства защиты интеллектуальной собственности; с другой стороны, международно-правовая база защиты интеллектуальной собственности будет постоянно совершенствоваться, чтобы соответствовать новым потребностям цифровой эпохи. В то же время роль международного сотрудничества в области охраны интеллектуальной собственности будет более заметной, и страны будут объединять усилия для решения транснациональных нарушений и других проблем, а также совместно поддержи-

вать честность и справедливость глобальной инновационной среды. Однако данное исследование также имеет определенные ограничения, такие как недостаточно глубокое изучение некоторых конкретных областей. Будущие исследования могут продолжить изучение вопросов в нишевых областях защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, таких как защита авторских прав в Интернете и пересечение конфиденциальности данных и прав интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить более полное и глубокое понимание. В то же время можно сосредоточиться на новых вызовах и возможностях, привносимых новыми технологиями в защиту интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить более дальновидное мышление для развития защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Литература

1. Гайдук В.П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 72–84.
2. Возисов К.А. Международно-правовые аспекты защиты объектов авторского права в сети интернет // Культура: Управление, экономика, право. – 2011. – № 1. – С. 27–31.
3. Драгунова С.А. Охрана авторских прав в сети «Интернет»: международно-правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 3. – С. 146–149.
4. Ковалева О. А., Лёвина Л.К. Международная защита авторских прав и практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (27). – С. 25–30.
5. Гонтарь Л.О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний: международно-правовое регулирование vs саморегулирование // Труды по интеллектуальной собственности. – 2021. – Т. 37, № 1–2. – С. 116–140.
6. Романова Е.А. Архивы и интеллектуальная собственность: актуальные проблемы в цифровую эпоху // Вестник ВНИИДАД. – 2019. – № 2. – С. 12–18.
7. Новиков А.С. Юридические аспекты защиты прав интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Холодная наука. – 2024. – № 11. – С. 41–47.
8. Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. – 2020. – № 2 (93). – С. 44–50.

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE DIGITAL ERA

Liu Kexin

Nanchang Institute of Technology

This article is dedicated to the international legal issues of intellectual property (IP) protection in the context of the digital era, focusing on the emerging challenges posed by the rapid development of digital technologies. The purpose of the study is to deeply analyze the current state of IP protection, the problems it faces, and propose effective response strategies to safeguard the legitimate rights and interests of innovators while fostering the sustainable development of the global economy. By examining measures to improve legislation and regulatory frameworks, strengthen international cooperation, leverage new technologies, and raise public awareness, the article offers a comprehensive legal framework and practical approaches to IP protection in the digital era. The study highlights the scientific novelty of using advanced technologies, such as blockchain, for safeguarding intellectual property rights, as well as the importance of deepening international cooperation. These contributions provide innovative ideas and directions for enhancing intellectual property protection.

Keywords: intellectual property protection, international legal issues, international cooperation, transnational violations, legal challenges.

References

1. Gaiduk V.P. Evolution of Intellectual Property Law in the Digital Era // Russian Law Journal. – 2020. – No. 2. – P. 72–84.
2. Vozisov K.A. International Legal Aspects of Copyright Protection on the Internet // Culture: Management, Economics, Law. – 2011. – No. 1. – P. 27–31.
3. Dragunova S.A. Protection of Copyrights on the Internet: An International Legal Aspect // Problems of Economics and Legal Practice. – 2020. – No. 3. – P. 146–149.
4. Kovaleva O. A., Lyovina L.K. International Copyright Protection and Practices for Combating Illegal Use of Intellectual Property on the Internet // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 1 (27). – P. 25–30.
5. Gontar L.O. Protection of Personal Data in the Context of Internet Companies Development: International Legal Regulation vs Self-Regulation // Works on Intellectual Property. – 2021. – Vol. 37, No. 1–2. – P. 116–140.
6. Romanova E.A. Archives and Intellectual Property: Current Issues in the Digital Era // Bulletin of VNIIDAD. – 2019. – No. 2. – P. 12–18.
7. Novikov A.S. Legal Aspects of Intellectual Property Rights Protection in the Digital Era // Cold Science. – 2024. – No. 11. – P. 41–47.
8. Orkina E.A. Intellectual Property in the Digital Environment: Problems and Solutions // Philosophy of Law. – 2020. – No. 2 (93). – P. 44–50.

Основные модели частных фондов в странах романо-германской правовой системы

Пышкин Антон Юрьевич,

аспирант кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин РУАН имени Г.Б. Мирзоева
E-mail: ajp-land@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу моделей частных фондов в современном законодательстве различных юрисдикций. Объектом исследования выступают правовые конструкции частных фондов в странах романо-германской правовой системы, а предметом – особенности их регулирования в рамках трех выделенных автором основных моделей: классической (германской), голландской и квазианглосаксонской. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и историко-правовой методы, а также метод системного анализа. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации ключевых особенностей различных моделей частных фондов, а также в определении тенденций их развития и взаимовлияния. Научная новизна исследования заключается в выделении и комплексном анализе трех моделей частных фондов, выявлении их отличительных черт и тенденций развития в контексте глобализации и конвергенции правовых систем. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований в области сравнительного правоведения, а также для совершенствования российского законодательства в части регулирования нового института гражданского права – личных фондов.

Ключевые слова: частные фонды, личные фонды, фонды, трасты, гражданское право, наследственные фонды, конвергенция правовых порядков.

В современном мире, характеризующемся глобализацией экономических отношений и усложнением механизмов управления частным капиталом (в том числе, в целях его передачи от поколения к поколению), особую актуальность приобретает изучение различных правовых инструментов, обеспечивающих эффективное распоряжение активами. Одним из таких инструментов в рамках континентальной правовой семьи являются частные фонды, которые в различных правовых порядках приобрели свои уникальные черты и особенности. Сравнительный анализ моделей частных фондов, сложившихся в разных юрисдикциях континентального права, позволяет не только выявить их специфику, но и определить тенденции развития данного института в условиях конвергенции правовых систем. В рамках данной статьи предлагается выделить три основные модели частных фондов, получившие наибольшее распространение в современной практике.

Первая, «классическая» модель частных фондов в их современном виде была разработана в русле германской цивилистической мысли. Здесь возможны две ключевые вариации: «фидуциарный траст» (*fiduziarische Treuhand*), в рамках которой не создается отдельное юридическое лицо, и отношения, аналогичные трастовым, возникают лишь в рамках договора, а также несколько видов фондов (*Stiftung*).

В наибольшей степени с английским трастом схожа договорная конструкция *Treuhand* – еще средневековый институт, приспособленный к потребностям современного оборота [1, с. 73]. В силу данного договора одно лицо – доверитель (*Treugeber*) – передает право собственности на конкретное имущество другому лицу, которое обязано распоряжаться этим имуществом в порядке, предусмотренном договором. Недостаток конструкции состоит в том, что германское право не знает принципа «расщепленной собственности»: «трасти», будучи законным собственником переданного имущества, может распоряжаться им практически любым образом, вплоть до отчуждения третьему лицу. В то же время, доверитель или бенефициар в таком случае имеют разве что право потребовать возмещения ущерба, вытекающее из нарушения договорных обязательств. Это означает, что сама конструкция *Treuhand* не в полной мере защищает права учредителя. Поэтому практическая реализация данной конструкции представляется довольно рискованной.

Также немецкая правовая система предоставляет учредителю (доверителю) возможность за-

ключить более безопасное и гибкое соглашение. Это так называемый *Ermächtigungstreuhand*, договор доверительного управления, по которому вещное право не передается трасти: он просто получает возможность вследствие заключенного договора управлять и (или) распоряжаться выделенным имуществом. Если доверительный управляющий превышает свои полномочия, распоряжение активами будет признано недействительным (как сделка, совершенная с превышением предоставленных полномочий). Здесь, по сути, речь идет о классических посреднических отношениях с соответствующими механизмами защиты доверителя (поручителя).

Отметим, что эта конструкция в меньшей степени похожа на английскую модель траста: здесь реального разделения имущества вовсе не происходит, и защита учредителя, поэтому, имеет второстепенное значение. Он по-прежнему является законным собственником со всеми его полномочиями – а следовательно, на «трастовое имущество» может быть обращено взыскание по его собственным обязательствам [2, р. 24].

Таким образом, соотношение между классическим английским трастом и *Treuhand* можно описать следующим образом.

Во-первых, для создания траста в обязательном порядке необходимо намерение доверителя, выраженное в устной или письменной форме. Основанием же для возникновения *Treuhand* выступает письменный договор доверителя с доверительным собственником.

Во-вторых, английский траст может быть предметом сделок *mortis causa* и, соответственно, использоваться в качестве альтернативного завещанию инструмента наследственного права. Немецкая же конструкция *Treuhand* по своей правовой природе не может быть использована в этих целях.

В-третьих, классический английский траст предполагает прямое обозначение в договоре круга бенефициарных владельцев имущества («бенефициаров» или выгодоприобретателей). Немецкий же правопорядок, по сути, отождествляет понятие «доверитель» с понятием «бенефициар».

В-четвертых, в немецком праве доверительный собственник может передать свой вещно-правовой титул третьему лицу (поскольку является полноценным собственником), в то время как англосаксонские правопорядки не допускают подобного варианта [2, р. 27].

Наконец, в немецком законодательстве существует понятие фонда (*Stiftung*), который функционирует подобно благотворительному трасту в английском законодательстве. Для того чтобы направить свои активы для достижения конкретных целей, учредитель может создать специальное юридическое лицо – фонд. Учредитель должен заявить о своем намерении в письменной форме при своей жизни (тогда речь идет о прижизненном частном фонде) или же посредством завещания («завещательный фонд»).

Здесь существует две ключевые фигуры. Это:

- учредитель, который передает созданному юридическому лицу свое имущество (на которое оно приобретает право собственности) и устанавливает правила управления таким имуществом;
- фонд – вновь созданное юридическое лицо, которое управляет имуществом, но при этом находится под надзором со стороны правительства конкретной земли ФРГ, где такой фонд учрежден (примечательно, что в Германии любой фонд может быть создан только с разрешения региональных органов государственной власти).

Стоит отметить, что помимо создания нового юридического лица, доверитель может также передать имущество уже существующему фонду, указав, что тот должен отделить эти активы от своего собственного имущества (полученного от других учредителей ранее) и должен управлять ими на постоянной основе на условиях и в порядке, предусмотренных учредителем. Такой тип отношений обозначается термином «*Stiftungstreuhand*» (фонд-траст или зависимый фонд).

Учитывая цели настоящего исследования, отметим, что наиболее близким к российской модели личных фондов являются подвид *Stiftung*, используемый в целях передачи наследственных активов – как при жизни, так и *mortis causa* – именуемый *Familienstiftungen* или семейные фонды. По соображениям регуляторной политики, право на создание такой юридической конструкции как фонд, призванный на системной основе обеспечивать потомков учредителя и, таким образом, выводить активы из общего экономического цикла, долгое время рассматривался критически [3, р. 541]. Однако после комплексной реформы законодательства о фондах в 2002 году больше не может быть никаких сомнений в том, что семейный фонд в принципе допустим и может обеспечивать интересы нескольких поколений наследников учредителя такого фонда.

Отметим, что еще в императорскую эпоху семейные фонды играли ту же роль в сохранении и завещании богатств, созданных в ходе промышленной революции, что и трасты в викторианской Британии. О важности таких фондов свидетельствует их прямое регулирование в соответствии с Германским гражданским уложением (BGB), вступившим в силу с 01 января 1900 года [4]. Некоторые немецкие семейные фонды существуют с последних десятилетий XIX века и до сих пор контролируют известные промышленные группы: ярким примером здесь может служить, например, фонд Carl-Zeiss Stiftung, созданный в 1889 году и контролирующей группу по производству стекла, линз и оптических инструментов, в которой занято около 30 000 человек [5].

Несмотря на тесную привязку «классической» модели к Германии, наиболее полное и последовательное воплощение (во многом благодаря кодификации) она получила в Законе о компаниях Лихтенштейна [6]. Именно здесь была закреплена кон-

струкция «частного фонда» (*Privatstiftung*), основой для которого стали немецкие семейные фонды. Однако, в отличие от них, частные фонды в Лихтенштейне регулируются более гибко. В частности, здесь повышена роль учредителей по сравнению с традиционной немецкой доктриной: они в силу закона управомочены отменять и изменять условия функционирования фонда, а также они имеют право сами выступать в качестве бенефициаров. По сути, законодатель стремился создать некую конструкцию, которая будет брать все лучшее как от классических немецких семейных фондов, так и от английских трастов.

Эти стремления имели под собой примечательную экономическую основу. В литературе подчеркивается, что частные фонды Лихтенштейна как оригинальная правовая конструкция родились в попытках «переманить» на территорию Лихтенштейна крупный капитал из государств-преемников Австро-Венгерской и Германской империй. Предоставляя «нейтральную и независимую страну» для соответствующих компаний (ставших транснациональными в результате распада империй в первой четверти XX века), Лихтенштейн успешно смог обеспечить приток иностранного капитала, увеличить доходы казны и стимулировать явление «делового туризма», которое в XX веке по мере глобализации становилось все более популярным для т.н. «офшорных» юрисдикций, чье законодательство намеренно делается максимально удобным для осуществления предпринимательской деятельности, да и в принципе управления экономическими активами в самом широком смысле этого слова [7, р. 304].

Примечательно, что законодательство Лихтенштейна получило свое развитие и в других странах, где были востребованы соответствующие правовые конструкции. Так, «классическая» модель сегодня существует также в Панаме, где в 1995 г. появились «фонды частных интересов» (*fundaciones de intere's privado*). Также на основе законодательства Лихтенштейна развивались и нормы австрийского гражданского права о частных фондах, воплощенные в одноименном акте (*Privatstiftungsgesetz*) [8]. Примечательно, что при масштабной реформе законодательства Лихтенштейна, которая прошла в 2009-м г., учитывался опыт Австрии (что, впрочем, логично, учитывая, что в 19 веке в княжестве Лихтенштейне действовало австрийское гражданское законодательство) [9, с. 95].

Любопытно, что Лихтенштейн, адаптируясь к потребностям глобального мира, где капиталы и их собственники легко перемещаются через национальные границы, попытался преодолеть классический дуализм частного права, обеспечив не только свойственное континентальным правовым порядкам «статутное» регулирование (через модель частных фондов), но и развернутое трастовое законодательство по англосаксонскому образцу. Так, с 1926-м года, т.е. в период первоначальной редакции Закона о компаниях Лихтенштейна, правовое регулирование частных фондов осуществля-

лось, по большей части, путем отсылки к нормам о «трастовых предприятиях» (*Treuunternehmen*) – если те или иные аспекты не были урегулированы в уставе частного фонда или иных локальных актах. Чаще всего на практике нормы трастового законодательства использовались для регламентации отношений между «участниками фонда» (учредитель, управляющие, бенефициары). Это неслучайно, поскольку «трастовые предприятия» – это специальная форма юридического лица, которое имеет право управлять имуществом фондов по законодательству Лихтенштейна. По сути, это профессиональные, постоянно действующие трасты, чья деятельность лицензируется государством [10, с. 511].

Однако после уже упомянутой комплексной реформы 2009 г. нормы, устанавливающие указанную отсылку, были отменены. Законодательство о частных фондах отныне было сконцентрировано в рамках отдельной главы, без отсылок к нормам о трастовых предприятиях. Здесь были подробно описаны различные интересы бенефициаров, более подробно установлены полномочия учредителя и т.п. Во многом это стало возможным потому, что сближение континентальных и англосаксонских институтов было двунаправленным процессом: во многих правовых системах общего права, наряду с трастами, создавались и классические «континентальные» фонды. Впрочем, как указывают отдельные исследователи, применение «по аналогии» норм о трастах в пореформенном законодательстве Лихтенштейна было бы полезным по меньшей мере потому, что такими нормами урегулированы весьма полезные на практике аспекты – а именно, фидуциарные обязанности должностных лиц фонда [10, р. 515].

Вторая модель – т.н. «голландская», поскольку наибольшее распространение она получила в Нидерландах. Здесь в правовой конструкции частного фонда (*Stichting*), который может быть как коммерческим, так и некоммерческим юридическим лицом, уделяется меньше внимания интересам учредителей, равно как и интересам бенефициаров. Согласно ч. 3 ст. 285 Гражданского кодекса Нидерландов, фонды, которые занимаются коммерческой деятельностью, не имеют права действовать в интересах самого учредителя или же в интересах должностных лиц, управляющих фондом (по сути, они исключаются из круга потенциальных бенефициаров).

Отметим, что на некоммерческие частные фонды такие ограничения не распространяются, однако даже в этом случае в голландской модели не предусматривается законодательное наделение правами учредителей и бенефициаров (как это можно увидеть в «классической» или германской модели). При этом, однако, даже в голландской модели частный фонд может быть гибким интересом, обслуживающим интересы семейного капитала, однако эта гибкость достигается не за счет законодательных норм, а путем договорных механизмов. Как в голландском, так и в родственном ему

в исследуемой части бельгийском законодательстве именно за счет договоров, субъектом которых выступает частный фонд, могут быть достигнуты те же экономико-правовые цели, которые достигаются за счет использования конструкции траста.

В частности, здесь существует институт StAK, который представляет собой особый вид частного фонда, имеющий возможность выпускать определенный вид ценных бумаг (т.н. «сертификаты»), которые привязываются к активам фонда, которые переданы ему в собственность учредителем (например, к пакетам корпоративных ценных бумаг – акций, облигаций). Держатели таких сертификатов (т.е., по сути, бенефициары складывающихся здесь трастовых отношений) имеют право на получение дохода от управляемых специальным Советом фонда активов. Наиболее ярким примером здесь является получение определенной доли дивидендов по акциям, которые удостоверяются сертификатом. Неслучайно, как указывает П. Панико, голландские юристы используют выражение «*ten titel van beheer*», что означает «на доверительном управлении», выгоду из которого извлекают как раз держатели сертификатов [11, р. 139].

Основная идея здесь состоит в том, чтобы разделить права корпоративного управления и право на получение прибыли. Это позволяет избежать ситуации, когда собственники капитала передают управление активами своим детям (как при жизни, так и после смерти) с целью их финансового обеспечения, но те разрушают бизнес за счет неграмотных действий. Профессиональный Совет фонда призван нивелировать эти риски, при этом сам не получая прибыль [12].

Примечательна и правовая природа голландских и бельгийских частных фондов: в отличие от германской модели, где они признаются унитарными образованиями, здесь такие фонды являются корпорациями, т.е. здесь отсутствует принципиальный момент учреждения посредством «односторонней воли» учредителя. По этой причине частные фонды в Голландии и Бельгии называют «сиротскими корпоративными образованиями», то есть юридическими лицами без собственника. Данный инструмент позволяет эффективно управлять совместными активами нескольких семей, когда единое руководство акциями сразу нескольких компаний осуществляет Совет фонда, а доход от этого получают владельцы сертификатов (чаще всего – наследники).

Третья модель, которая условно может быть названа как модель «общего права», или квазианглосаксонская модель – одна из наиболее современных; она связана с тем, что в ряде юрисдикций во второй половине XX века, а также в XXI веке стали приниматься специальные законы, вводящие практически полностью идентичные англосаксонскому трасту институты.

В пример здесь можно привести Закон о фондах, принятых в британской юрисдикции Джерси в 2009 г. [13]. Здесь установлены следующие отличия от классического траста:

- за бенефициаром не признается законного интереса в отношении активов фонда;
- бенефициар не обязан исполнять никаких обязанностей, аналогичных фидуциарным обязанностям, которые имеют место в классическом трасте.

Иными словами, «квазисобственнический» характер бенефициарных интересов, который был основным препятствием для имплементации института траста в континентальных правовых порядках, в рамках указанного выше регулирования («третья модель») устраняется. За бенефициаром в лучшем случае остается право требования к фонду на конкретное исполнение, но он не имеет ничего схожего со «справедливым интересом» (классической для траста категорией) в отношении активов фонда.

Кроме того, в соответствии с третьей моделью бенефициар фонда не имеет фидуциарных обязанностей ни перед фондом, ни перед его руководством. Соответственно, сама сфера управления фондом – которое на практике чаще всего называется «советом фонда» – находится вне сферы действия юрисдикции «судов справедливости» в отношении контроля за отношениями между бенефициаром и фондом или его руководством (за исключением отдельных норм, которые в исключительных случаях позволяют суду воздействовать на руководство фонда для надлежащего управления им).

Выводы и рекомендации

Таким образом, в работе выделяются три ключевые модели, по которым осуществляется «правовой дизайн» частных фондов как отдельной категории юридических лиц. Во-первых, это классическая (германская) модель, получившая наиболее полное воплощение в законодательстве Германии и Лихтенштейна. Она характеризуется разнообразием правовых конструкций (Treuhand, Stiftung, Familienstiftungen) и стремлением к балансу интересов учредителей, управляющих и бенефициаров. Голландская модель отличается меньшим вниманием к интересам учредителей и бенефициаров, акцентируя внимание на договорных механизмах обеспечения гибкости управления активами. Особое значение в рамках данной модели имеет институт StAK, позволяющий эффективно разделять права корпоративного управления и права на получение прибыли. Наконец, квазианглосаксонская модель представляет собой попытку адаптации института траста к континентальным правовым системам, характеризуясь отсутствием у бенефициара законного интереса в отношении активов фонда и наличием фидуциарных обязанностей доверительного управляющего.

На основе вышеизложенного можно предложить ряд ключевых рекомендаций для дальнейшего развития и совершенствования данного института.

Прежде всего, учитывая глобализацию экономических отношений и выявленные различия между моделями, представляется целесообразным разработать международные рекомендации

по унификации ключевых аспектов регулирования частных фондов. Это может способствовать более эффективному трансграничному управлению активами и снижению правовых рисков при использовании фондов в различных юрисдикциях.

Следующим важным направлением развития может стать создание гибридных форм частных фондов, сочетающих преимущества различных описанных в статье моделей. В частности, опыт Лихтенштейна по адаптации классической модели к потребностям глобального рынка может быть использован для разработки более гибких правовых конструкций в других юрисдикциях, включая Российскую Федерацию.

Особое внимание следует уделить совершенствованию механизмов защиты интересов бенефициаров, особенно в рамках голландской и квазианглосаксонской моделей. При этом необходимо сохранить баланс между автономией фонда и правами заинтересованных лиц, что может быть достигнуто путем адаптации опыта классической модели к особенностям других правовых систем.

Наконец, опыт голландской модели StAK может быть использован для совершенствования механизмов корпоративного управления в рамках частных фондов. Адаптация этого опыта позволит более эффективно разделять права корпоративного управления и права на получение прибыли, что особенно актуально для управления семейным капиталом и бизнесом – в том числе, в Российской Федерации.

Литература

1. Зикун И.И. Гражданско-правовые титулы управления инвестиционным фондом. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2021.
2. Gvelesiani I. German Treuhand vis-à-vis austrian treuhand (terminological study) // *European Scientific Journal*. 2015.
3. Wachter T. § 22 Erbersatzsteuer fur Familienstiftungen / in: *Handbuch des internationalen Stiftungsrechts*. A. Richter and T. Wachter (eds). Bonn: Zerb, 2007.
4. Bürgerliches Gesetzbuch [Electronic source]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (accessed: 10.06.2024).
5. Carl-Zeiss Stiftung [Electronic source]. – URL: <https://www.carl-zeiss-stiftung.de/> (accessed: 10.06.2024).
6. Personen- und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926 [Electronic source]. – URL: <https://www.gesetze.li/konso/1926004000> (accessed: 10.06.2024).
7. Beattie D. *Liechtenstein: A Modern History*. London: I.B. Tauris, 2004.
8. Privatstiftungsgesetz [Electronic source]. – URL: <https://www.jusline.at/gesetz/psg> (accessed: 10.06.2024).
9. Штайнвендер А. Статус учредителя траста и частного фонда по праву Лихтенштейна // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2021. № 2.

10. Bösch H. *Die liechtensteinische Treuhänderschaft zwischen Trust und Treuhand*. 1995.
11. Panico M. Private foundations and trusts: just the same but different? // *Trusts & Trustees*. 2016. № 1 (22).
12. Stichting Administratiekantoor (STAK) [Electronic source]. – URL: <https://www.guidato.nl/veel-gestelde-vragen/stichting-administratiekantoor-stak/> (accessed: 14.06.2024).
13. Foundations (Jersey) Law 2009 [Electronic source]. – URL: <https://www.jerseylaw.je/laws/current/Pages/13.265.aspx> (accessed: 10.06.2024).

MAIN MODELS OF PRIVATE FUNDS IN THE COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMANIC LEGAL SYSTEM

Pyshkin A.Yu.
RUAS named after G.B. Mirzoev

The article is devoted to the comparative legal analysis of the models of private funds in the modern legislation of various jurisdictions. The object of the study is the legal structures of private funds in the countries of the Romano-Germanic legal system, and the subject is the features of their regulation within the framework of three main models identified by the author: classical (German), Dutch and quasi-Anglo-Saxon. The methodological basis of the study is the comparative legal and historical-legal methods, as well as the method of system analysis. The purpose of the study is to identify and systematize the key features of various models of private funds, as well as to determine the trends of their development and mutual influence. The scientific novelty of the study lies in the identification and comprehensive analysis of three models of private funds, identifying their distinctive features and development trends in the context of globalization and convergence of legal systems. The results obtained can be used for further theoretical research in the field of comparative law, as well as for improving Russian legislation in terms of regulating a new institution of civil law – personal funds.

Keywords: private funds, personal funds, funds, trusts, civil law, inheritance funds, convergence of legal orders.

References

1. Zikun I.I. Civil-law titles of investment fund management. Diss. Cand. of Law. Moscow, 2021.
2. Gvelesiani I. German Treuhand vis-à-vis Austrian treuhand (terminological study) // *European Scientific Journal*. 2015.
3. Wachter T. § 22 Erbersatzsteuer fur Familienstiftungen / in: *Handbuch des internationalen Stiftungsrechts*. A. Richter and T. Wachter (eds). Bonn: Zerb, 2007.
4. Bürgerliches Gesetzbuch [Electronic source]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (accessed: 06/10/2024).
5. Carl-Zeiss Stiftung [Electronic source]. – URL: <https://www.carl-zeiss-stiftung.de/> (accessed: 06/10/2024).
6. Personen- und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926 [Electronic source]. – URL: <https://www.gesetze.li/konso/1926004000> (accessed: 06/10/2024).
7. Beattie D. *Liechtenstein: A Modern History*. London: I.B. Tauris, 2004.
8. Privatstiftungsgesetz [Electronic source]. – URL: <https://www.jusline.at/gesetz/psg> (accessed: 10.06.2024).
9. Steinwender A. The Status of the Founder of a Trust and a Private Foundation under Liechtenstein Law // *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*. 2021. No. 2.
10. Bösch H. *Die liechtensteinische Treuhänderschaft zwischen Trust und Treuhand*. 1995.
11. Panico M. Private foundations and trusts: just the same but different? // *Trusts & Trustees*. 2016. No. 1 (22).
12. Stichting Administratiekantoor (STAK) [Electronic source]. – URL: <https://www.guidato.nl/veel-gestelde-vragen/stichting-administratiekantoor-stak/> (accessed: 06/14/2024).
13. Foundations (Jersey) Law 2009 [Electronic source]. – URL: <https://www.jerseylaw.je/laws/current/Pages/13.265.aspx> (accessed: 06/10/2024).

Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы

Разумовская Владислава Викторовна,

аспирант, кафедра конституционного и международного права, УВО «Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: razumovskaia_16@mail.ru

Южно-Китайское море представляет собой жизненно важный геостратегический регион, где перекрещиваются интересы множества стран Азии и Тихоокеанского региона. Это море, помимо своего экономического значения, является одним из самых загруженных морских путей в мире. С годами, на фоне геополитических изменений, интерес к этому региону становится все более актуальным.

Одним из ключевых факторов роста напряженности становится активная политика Китая, на фоне которой другие страны региона начинают искать возможности для противодействия расширению влияния Пекина. Важность Южно-Китайского моря определяется не только его экономическим и стратегическим положением, но и геополитическими факторами, которые открывают новые горизонты для развития экономического сотрудничества и усиления стабильности в регионе. [1, с. 156].

Ключевые слова: Южно-Китайское море, территориальные споры, международные отношения.

Южно-Китайское море представляет собой не только водный массив, но и стратегически важный регион, где сконцентрированы экономические и политические интересы нескольких стран. На протяжении веков это море становилось ареной конфликтов, споров и разногласий. В XIX веке его наживались Франция и Великобритания – конкуренты, которые установили контроль над Вьетнамом. Данная колониальная борьба за власть и влияние на эти территории заложила основу для будущих конфликтов в регионе. Канаев Е.А. отмечает, что «история Южно-Китайского моря полна маневров за влияние колониальных держав, что цепляет нас до сих пор» [9, с. 67].

С окончанием Второй мировой войны геополитический ландшафт резко изменился. Китай, став свободным от иностранных влияний, инициировал ряд шагов, чтобы подтвердить свои притязания на воды Южно-Китайского моря. Опираясь на исторические документы династии Мин, он выдвинул свои требования. Это создало условия для непростых отношений с соседним Вьетнамом, который также начал активно утверждать свои права на определенные участки этой акватории.

В начале нового тысячелетия, когда Китай стремительно усиливается, конкуренция за контроль над Южно-Китайским морем вновь возвращается в повестку международных отношений. Важным событием стало решение Гаагского суда в 2016 году, который отклонил требования КНР к южно-китайским водам, в ответ на исковые заявления Филиппин. Тем не менее, в ответ на это решение, несмотря на международные предостережения, Пекин продолжил свое строительство военной инфраструктуры на искусственных островах в этом регионе, настаивая на своих претензиях.

Конфликты между Китаем, Вьетнамом, Филиппинами и Тайванем стали более острыми, поскольку эти страны отстаивают свои права и интересы в этом стратегически важном водоеме. Учитывая растущее влияние Китая и его агрессивные шаги по вооружению и милитаризации Южно-Китайского моря, другие государства укрепляют свои оборонные возможности и разрабатывают стратегии действий. Вьетнам, например, активно формирует свои планы, опираясь на исторические и правовые документы, обосновывающие его права в данном регионе.

Эти постоянные напряженные отношения и соперничество за контроль над ресурсами и территориями приводят к многочисленным инцидентам и конфликтам, создавая нестабильность в регионе. Каждый из игроков, пытаясь защитить свои

интересы, ищет возможности для укрепления своей позиции и уменьшения влияния противников на свои воды. Таким образом, Южно-Китайское море – это не просто водоем, а поле битвы, где сталкиваются амбиции, интересы и стратегии стран, что усложняет международные отношения и требует внимательного анализа от политических экспертов и специалистов в области международных отношений.

После принятия решения Гаагского арбитража в 2016 году Филиппины значительно усилили своё военное сотрудничество с США, рассматривая его как ключевой инструмент для обеспечения национальной безопасности. Они активно противостоят действиям Китая, проводят совместные военные учения и обмениваются разведывательной информацией с американскими партнёрами. Эти меры способствуют повышению готовности и эффективности защиты страны. Тайвань, несмотря на сложную обстановку, принимает меры по укреплению своих позиций, ссылаясь на исторические факты и активизируя кооперацию с другими государствами региона. Малайзия и Бруней также участвуют в многосторонних переговорах, стремясь отстоять свои интересы на фоне горящих международных конфликтов. Правовая основа для разрешения морских споров сформирована Конвенцией о морском праве 1982 года, принятой на III Конференции ООН, которая устанавливает единые нормы по делимитации морских границ и создает правовые механизмы для защиты и охраны морских ресурсов.

Согласно международным нормам, прибрежные государства имеют суверенитет над водами, расположенными в пределах 12 морских миль от берега. В этих водах они вправе устанавливать правила их использования. В дополнение к этому, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, более 100 стран, среди которых и Россия, и КНР, имеют право на создание исключительных экономических зон (ИЭЗ), простирающихся на 200 морских миль от базовых линий. Эти зоны предоставляют возможности для освоения ресурсов, таких как рыбалка и добыча полезных ископаемых.

Однако, современные исторические прецеденты, на которые ссылаются государства Южно-Китайского моря для обоснования своих прав на морские ресурсы, не соответствуют международным стандартам, установленным Конвенцией ООН по морскому праву, принятой в 1982 году. В условиях неопределенности и отсутствия согласия между странами, строгое соблюдение международного законодательства в разрешении конфликтов становится критически важным. Эта ситуация стала причиной формирования новой тенденции, которая ведет к ограничению прав малых государств, сталкивающихся с противодействием со стороны более мощных стран. Это имеет негативные последствия для устойчивости международной юстиции и соблюдения принципов правосудия в рамках международного законодательства.

Конфликтные ситуации в Южно-Китайском море продолжают оставаться предметом глобаль-

ной политической повестки, поднимая множество вопросов на международной арене. Это сложная проблема, охватывающая политические, военные и экономические аспекты. В обсуждениях активно участвуют такие страны, как Китай, Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Бруней, каждая из которых имеет свои обоснованные претензии на водные ресурсы, что создает напряженность и конфликтные ситуации.

С начала 2010-х годов наблюдается заметное ухудшение ситуации в Южно-Китайском море, где традиционные методы разрешения конфликтов уступили место новому уровню напряженности. Стремительное развитие инфраструктуры на спорных атоллах и рифах со стороны Китая усиливает недовольство соседей и международных наблюдателей. Пекин явно демонстрирует свою решимость контролировать важнейшие морские пути, что вызывает закономерное беспокойство у других стран региона.

Ситуация усугубляется не только действиями Китая, но и совместными военно-морскими учениями США, Вьетнама и Филиппин. Для Пекина эти маневры представляют собой явную угрозу. В ответ на это китайское руководство увеличивает масштаб своих военно-морских операций, что не может не настораживать. Однако, несмотря на все усиливающиеся споры и конфликты, отдельные страны не прекращают попыток мирного разрешения территориальных споров. Например, президент Филиппин, Родриго Дутерте, проявляет активность в поисках конструктивного диалога с КНР, но, к сожалению, его усилия зачастую оказываются безрезультатными, показывая сложность разрешения таких международных вопросов.

С каждым днем инциденты на море становятся все более частыми. Столкновения между силами флота Китая и Военно-морскими силами Вьетнама и Филиппин приводит к дипломатическим протестам и еще большему накалу ситуации в регионе. Как подчеркивается на тематических обсуждениях, «регулярные инциденты на море подчеркивают высокую степень напряженности и необходимость поиска путей ее разрешения» [1, с. 97].

Заявляя о том, что защищает свои суверенные права, Китай тем не менее воспринимается международным сообществом не иначе как агрессор. По словам А.А. Бокщанина, «Спратли представляют собой архипелаг, состоящий из более чем 750 островов, рифов и атоллов; на эти территории претендуют такие государства, как Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней» [6, с. 133]. С 1974 года архипелаг Парасель под контролем КНР, после вооруженного конфликта с Вьетнамом, который по-прежнему считает эту территорию своей.

Из-за нарастающего военного присутствия Китая в этом районе, Вьетнам начинает усиливать свои военно-морские разведывательные операции, привлекая тем самым внимание мирового сообщества к происходящим событиям.

В последнее время Южно-Китайское море стало местом интенсивного стратегического противостояния с активным участием Китая. Поднебесная с 2013 года осуществляет масштабное строительство искусственных островов в спорной зоне архипелага Спратли, превращая их в военные и стратегически важные объекты. На этих искусственных территориях функционируют аэродромы, военно-морские и авиационные базы, что позволяет Китаю усиливать свои позиции в этом важном регионе. Эти действия КНР значительно увеличивают шансы на конфликты с соседними государствами, так как в водах с пересекающимися интересами стран, действуют подводные лодки, боевые корабли и авиация.

Кроме того, Китай активно использует дипломатические инструменты, подписывая с соседними странами двусторонние соглашения, где в обмен на экономические преимущества поддерживают КНР в вопросах, касающихся морских границ. Например, соглашения о совместном использовании ресурсов шельфа с Брунеем и Малайзией укрепляют позиции Пекина в этом регионе. Вместе с тем, исторические карты и документы остаются основными инструментами защиты притязаний Китая, помогая легитимизировать его действия, не оставляя пространства для компромисса.

Южно-Китайское море является важнейшим транзитным маршрутом для глобальной торговли, где протекает почти 30% морского грузооборота. Согласно статистике Всемирной торговой организации, его годовой оборот составляет около 100 триллионов долларов США. Важнейшие торговые пути региона проходят через стратегически важные проливы, включая загруженный Малаккский залив, подчеркивающий экономическое и политическое влияние региона. Это создает напряженные конфликтные ситуации, в которых пересекаются интересы нескольких сторон.

Напряженность в Южно-Китайском море обостряет конфликтные ситуации. При прекращении морского сообщения страны теряют не только экономические выгоды. Это может привести к резкому росту цен на нефтепродукты, увеличению времени доставки, усиливающей угрозе военного конфликта, и ухудшению международной политической обстановки. Экономика государств, зависящих от стабильного функционирования морского торгового пространства, страдает, теряя источники энергии или сталкиваясь с убытками из-за роста цен на них.

Контроль Южно-Китайского моря обеспечивает доступ к ценным ресурсам и рынкам. Способность манипулировать политическими процессами соседних стран открывает возможности для экономического расширения. Таким образом, доминирование в этом стратегическом районе превращает его в ключевую артерию военно-политического влияния.

В исследовании М.П. Малетиной указывается, что «данный регион выступает как один из ключевых рыболовных угодий на планете». Обострение

конкурентной борьбы за рыболовные ресурсы создает угрозу конфликтов и наводит на мысль о необходимости формирования концепции разумного управления биоресурсами. Неправильное распределение рыбных ресурсов инициирует конфликты, такие как существующие разногласия между Китаем и Вьетнамом [14, с. 8–34].

Также стоит отметить, что геологическая структура Южно-Китайского моря скрывает под своими водами значительные запасы углеводородов. Согласно информации экспертов, в акватории размещается около 11 миллиардов баррелей нефти и до 5 триллионов кубических метров газа. Эти ресурсы играют решающую роль для энергетической безопасности стран, лежащих на его берегах, однако порождают потенциальные конфликты, особенно с Китаем, настаивающим на своих правах на разведку и эксплуатацию ископаемых. Конфликтные точки находятся на грани с Вьетнамом и Филиппинами, которые стремятся к добыче своих ресурсов, в то время как Китай пытается решать вопросы силой.

Рыболовецкие ресурсы Южно-Китайского моря служат основой для экономического развития стран региона, таких как Вьетнам, где активно развиваются рыболовство и нефтедобыча, чтобы увеличить экспорт и создать новые рабочие места. Филиппины также работают над повышением использования морских углеводородных ресурсов, чтобы сократить свою энергетическую зависимость. Малайзия и Бруней развивают свои углеводороды и рыболовство, используя современные технологии, что стимулирует экономический рост и трудоустройство. В то же время, Китай стремится снизить свою зависимость от импорта, что требует контроля над Южно-Китайским морем и развития методов добычи ресурсов.

Международное право, регулирующее эксплуатацию морских ресурсов, играет значительную роль в разрешении конфликтов. В 1982 году Конвенция ООН по морскому праву установила нормы для защиты и использования морских ресурсов. Согласно этим нормам, страны могут устанавливать территориальные воды шириной до 12 миль, обладая полным суверенитетом в этих водах. Исключительная экономическая зона (ИЭЗ) может достигать 200 миль, позволяя использовать как биологические, так и минеральные ресурсы в данной зоне.

На фоне событий в Южно-Китайском море разражается конфликт, в котором задействованы такие страны как Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней. В течение веков КНР использует исторические сведения для поддержки своих территориальных претензий, хотя эти доводы противоречат международным нормам, основанным на принципах равенства и справедливости. Важным шагом в международной практике стало решение Гаагского международного арбитражного суда в 2016 году по делу «Филиппины против КНР», который подтвердил отсутствие у Китая исторических прав на ресурсы в спорных водах.

Несмотря на это, Пекин не признал решение и продолжает отстаивать свою позицию. Безопасность Южно-Китайского моря сказывается на стабильности стран региона, включая членов АСЕАН. Все они подчеркивают необходимость в мирном разрешении разногласий с применением международного права. В 2002 году АСЕАН и КНР подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, которая подтвердила намерение поддерживать мир и активный диалог в этом стратегически важном регионе. Это соглашение способствовало надеждам на разрешение спорных вопросов, связанных с суверенными правами и территориальной целостностью. Однако разнородные интересы стран АСЕАН затрудняют формирование единой позиции. Например, Вьетнам и Филиппины противостоят КНР, тогда как Камбоджа и Лаос находятся в более сдержанных позициях. Это внутреннее разногласие затрудняет АСЕАН согласовать единую стратегию. Специалисты считают, что для достижения внутренней координации и стабилизации ситуации в регионе, АСЕАН необходимо преодолеть разногласия и наладить доверительные отношения между членами организации для упрощения споров и конфликтов [15, с. 65].

Дипломатические отношения между Китаем и АСЕАН были установлены в 2002 году в результате подписания Декларации о поведении стран в Южно-Китайском море, несмотря на то что этот документ не имеет обязательной силы. Тем не менее, он стал основой для многосторонних переговоров о безопасности в этом стратегически важном регионе. Активность многостороннего взаимодействия усилилась с приходом на арену таких держав, как США, Япония и Индия, которые стремятся укрепить свои позиции в этом ключевом регионе. В 2013 году началась подготовка Кодекса поведения в Южно-Китайском море (СОС), однако его разработка до сих пор не завершена из-за противоречий между участниками относительно содержания и правового статуса документа. Важным шагом стало то, что в 2016 году Пекин отклонил решение международного арбитража о своих правах в этом водном пространстве, что подорвало доверие к международным механизмам и усугубило проблемы достижения консенсуса в многостороннем формате.

Напряженность в Южно-Китайском море продолжает оставаться высокой, и существует несколько сценариев дальнейшего развития событий. Первый сценарий предполагает эскалацию конфликта и возможные столкновения между Китаем и его соседями, такими как Вьетнам и Филиппины. Инциденты на море и в воздухе с применением силы становятся всё более частыми, создавая угрозу для стабильности региона и возможность широкомасштабного военного конфликта с вовлечением третьих стран.

Второй сценарий предполагает возможность разрешения конфликта через двусторонние соглашения. В этой ситуации Вьетнам или Филиппины могли бы попытаться наладить диалог с Китаем,

согласившись на совместное использование природных ресурсов в спорных акваториях. Такие действия могут снизить напряженность, однако, это может вызвать недовольство у стран, не участвующих в переговорах, оставляя их в стороне от выгод, которые могут быть получены от сотрудничества.

Таким образом, ситуации в Южно-Китайском море продолжают быть актуальной и сложной проблемой, потенциально угрожающей как региональной, так и глобальной безопасности. Участникам необходимо проявлять мудрость и гибкость в подходах к разрешению конфликтов, чтобы избежать эскалации, которая может повлечь непредсказуемые последствия.

Сценарий 3 предполагает создание многосторонних механизмов, целью которых является выработка Кодекса поведения в Южно-Китайском море. Для этого необходима активизация дипломатических усилий стран региона, особенно сотрудничество с такими многосторонними структурами, как АСЕАН. Это создаст атмосферу для эффективных переговоров по выработке КП. В случае успешного завершения этих многосторонних переговоров, появится возможность установить обязательные правила поведения для стран-участниц, что значительно снизит риски конфронтаций.

Однако необходимо учитывать, что мировые державы, прежде всего США и их союзники, могут повлиять на внешнюю политику Китая, оказывая давление на него. В условиях ограничений со стороны Западных стран и экономической зависимости, «это может подстегнуть Пекин к поиску компромиссов и инициации мирных переговоров» [17, с. 16].

Ключевым аспектом обеспечения стабильности и безопасности в акватории Южно-Китайского моря является выработка конкретных шагов. Необходимо создать многосторонние механизмы для регулярного диалога между всеми заинтересованными сторонами, включая встречи министров иностранных дел и высокопрофильные саммиты для обсуждения вопросов безопасности.

Разработка Кодекса поведения (Коп) для стран, вовлеченных в конфликты в Южно-Китайском море, представляет собой значимую задачу в сфере международных отношений и безопасности. Он должен основываться на взаимном уважении и сотрудничестве, а также включать механизмы для разрешения споров и предотвращения инцидентов, способных привести к эскалации конфликта. Совместное использование ресурсов в спорных районах, например, в рыболовстве и добыче углеводородов, может значительно снизить уровень напряженности и укрепить взаимозависимость, трансформируя тем самым динамику отношений между конфликтующими сторонами.

Стоит также отметить важность внедрения программ обмена опытом между структурами, занимающимися вопросами безопасности, включая военных атташе. Это усилит взаимодействие и создаст условия для конструктивного диалога, спо-

собствующего мирному разрешению конфликтов. В данной ситуации многосторонние механизмы представляют собой стратегический инструмент, способствующий достижению устойчивого мира в Южно-Китайском море. Установление юридических норм для разрешения споров в многостороннем формате дает возможность всем сторонам действовать по установленным правилам, тем самым минимизируя риски односторонних действий, способных вызвать конфликты.

Важную роль в укреплении доверия между государствами играет многосторонний диалог, который способствует формированию партнерских отношений. В условиях глобализации и политической нестабильности, внимание обращается на совместные экономические инициативы, которые могут снизить риск конфликта и обеспечить взаимовыгодное сотрудничество. Многосторонние организации, такие как ООН и АСЕАН, действуют как посредники в разрешении международных споров, выявляя потенциальные конфликты и предотвращая их. Это возможно через создание систем раннего предупреждения, обмен информацией и совместное мониторинг, что увеличивает безопасность в регионе.

Активизация конфликтов в Южно-Китайском море привлекла внимание мирового сообщества и стала предметом изучения и обсуждения на международных форумах. Геополитические интересы в этом районе представлены рядом стран, включая Китай, Тайвань, Вьетнам, Малайзию, Филиппины и Бруней. Конфликты связаны с историей и культурными факторами, а также с желанием контролировать ресурсы региона. Конфликт может проявляться в различных формах – от открытых столкновений до скрытых маневров и провокаций. По заявлениям экспертов, таких как О.С. Мастро, Китай активизирует строительство искусственных островов и военных баз, что вызывает обеспокоенность у соседей [15, с. 56].

По данным исследований, Южно-Китайское море является ключевым маршрутом для стран АСЕАН, поскольку там сосредоточены основные торговые пути и биологические ресурсы. Интерес США, направленный на поддержание стабильности в регионе, также вызывает тревогу у Китая. Обострение противоречий связано с применением международного морского права, в частности, Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, положения которой являются предметом споров между странами-участниками. Сложность в регулировании морских прав и интересов в Южно-Китайском море обостряет конфликтные ситуации, влияя на безопасность движения и экономические интересы всех государств региона.

Китай, игнорируя решения международных судов, вроде резолюции по делу Филиппин 2016 года, не прекращает расширять свои территориальные домогательства в акваториях и месторождениях, что приводит к усилению напряженности как на региональном, так и на общемировом уровнях. Отсутствие глобально принятых норм для разре-

шения споров о морских границах подчеркивает настоятельную необходимость создания многостороннего диалога и консенсуса между всеми заинтересованными сторонами.

На сегодняшний день существует необходимость в разработке четкой стратегии по разрешению споров, возникающих в Южно-Китайском море, что требует активного партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского региона и международных организаций. Налаживание доверительных отношений, основанных на взаимопонимании, является ключевым аспектом, способствующим успешному разрешению конфликтов.

Необходимость регулярных встреч на уровне министерств иностранных дел и участия в многосторонних форумах является залогом для создания фундамента, на основе которого можно сформировать доверительные отношения и взаимопонимание между государствами. Это, в свою очередь, создаст условия для конструктивных обсуждений вопросов безопасности, устойчивости экосистем и экономического сотрудничества. Установление таких отношений может облегчить разрешение конфликтов и улучшить политическую обстановку в регионе. Важно отметить, что такая стратегия, нацеленная на устранение противоречий и создание эффективных диалогов, будет способствовать стабильности в Южно-Китайском море, как это демонстрируют истории успешных дипломатических переговоров, когда страны находили общее решение в вопросах, представляющих взаимный интерес.

По мнению А.А. Бокщанина, «обсуждение Кодекса поведения в Южно-Китайском море может помочь в снижении напряженности и предотвращении вооруженных конфликтов между государствами региона» [6, с. 133]. Установлено, что плодотворное сотрудничество между государствами в управлении общими ресурсами в зонах конфликта может закладывать основу для долгосрочных решений конфликтов. Это осуществляется посредством реализации совместных проектов, направленных на развитие экономических связей и модернизацию инфраструктуры обеих стран.

Чтобы снизить напряженность в Восточной Азии, необходимо обеспечить совместную работу стран в области охраны прибрежных и морских водных ресурсов, а также развивать рыболовство. Кроме того, совместные операции на море и участие в гуманитарных акциях позволят создать платформу для доверительного взаимодействия и выравнивания отношений. Регулярные дискуссии по вопросам безопасности в Южно-Китайском море помогут предостеречь от конфронтации.

Сложная обстановка в восточноазиатском регионе, усугубленная конфликтами в Южно-Китайском море, требует серьезного и всестороннего анализа, а также эффективных мер по его преодолению. Создание взаимовыгодных и безопасных отношений, интеграция в региональную экономику, политическую и правовую системы, а также постоянный диалог между всеми заинте-

ресованными сторонами с учетом норм международного права – вот ключевые элементы успешной стратегии разрешения конфликтов и обеспечения устойчивого мирного развития в Восточной Азии, стратегически важном для мирового сообщества.

Литература

1. Baviera, A. M. (2018). Споры в Южно-Китайском море: критический обзор правового и политического ландшафта. *Asian Journal of International Law*, 8(1), 1–25.
2. Buszynski, L. (2013). Южно-Китайское море: нефть, морские претензии и стратегическое соперничество США и Китая. *The Journal of Strategic Studies*, 36(4), 491–515.
3. Cruz de Castro, R. (2017). Споры в Южно-Китайском море: филиппинская перспектива. *Philippine Journal of International Relations*, 13(2), 45–62.
4. Khan, A. (2020). Геополитика и Южно-Китайское море: роль великих держав. *Международные отношения Азиатско-Тихоокеанского региона*, 20(3), 345–372.
5. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л.Е. Васильев и др. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010–368 с.
6. Бокщанин, А.А. Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – С. 133.
7. Внешняя политика Китая в глобальном и региональном измерениях. Современный контекст глобального управления и прочтения китайской внешней политики // Вестник Российской Академии Наук. – М.: Наука, 2012. – Том 82, – № 4 (апрель 2012).
8. Восточная и Юго-Восточная Азия – 2011: внутренняя и внешняя политика, межстрановые конфликты. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 208 с.
9. Канаев, Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. – М., 2007–224 с.
10. Колотов, В.Н. Основные проблемы региональной безопасности на южном фланге восточно-азиатской дуге нестабильности в 2015 году. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск № 27. – М., ИВ РАН, 2015. – С. 23–33.
11. Локшин, Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл». Сборник «Вьетнамские исследования» Выпуск 4. – М.: ИДВ РАН, 2014. – С. 49–73.
12. Локшин, Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 240 с.
13. Ляо, Н. (2019). Морской Шелковый путь Китая: последствия для региональной безопасности и сотрудничества. *Журнал современного Китая*, 28(115), 1–18.
14. Малетин, Н.П. ЮКМ – бурное море Тихого океана. Юго-Восточная Азия: актуальные про-

блемы развития. Выпуск № 29. – М., ИВ РАН, 2015. – С. 8–34.

15. Мастро, О. С. (2019). Южно-Китайское море: борьба за контроль и будущее отношений США и Китая. *Foreign Affairs*, 98(2), 56–68.
16. Мосяков, Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012–220 с.
17. Мосяков, Д.В. События в Южно-Китайском море как угроза региональной стабильности и безопасности. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск № 27. – М., ИВ РАН, 2015. – С. 16–29.
18. Мурашова, Г.Ф. Курс КНР в ЮВА и Южно-Китайском море: дань традиции или ответ вызову времени? / Г.Ф. Мурашова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2012. – С. 23.
19. Пан, Э. (2021). Правовые перспективы спора в Южно-Китайском море: Конвенция ООН по морскому праву и за ее пределами. *Международное право развития океана*, 52(1), 23–45.
20. Советский союз – Вьетнам: 30 лет отношений. 1950–1980. Документы и материал. М., 1982. – 521 с.

TERRITORIAL DISPUTES IN THE SOUTH CHINA SEA: THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Razumovskaya V.V.
TISBI University of Management

The South China Sea is a vital geostrategic region where the interests of many Asian and Pacific countries intersect. This sea, in addition to its economic importance, is one of the busiest shipping lanes in the world. Over the years, against the background of geopolitical changes, interest in this region has become increasingly relevant. One of the key factors in the growth of tension is China's active policy, against which other countries in the region are beginning to look for opportunities to counter the expansion of Beijing's influence. The importance of the South China Sea is determined not only by its economic and strategic position, but also by geopolitical factors that open up new horizons for the development of economic cooperation and strengthening stability in the region [1, p. 156].

Keywords: South China Sea, territorial disputes, international relations.

References

1. Baviera, A. M. (2018). Disputes in the South China Sea: A critical review of the legal and political landscape. *Asian Journal of International Law*, 8(1), 1–25.
2. Buszynski, L. (2013). The South China Sea: Oil, maritime claims and strategic rivalry between the United States and China. *The Journal of Strategic Studies*, 36(4), 491–515.
3. Cruz de Castro, R. (2017). Disputes in the South China Sea: a Philippine perspective. *Philippine Journal of International Relations*, 13(2), 45–62.
4. Khan, A. (2020). Geopolitics and the South China Sea: the role of the Great Powers. *International relations of the Asia-Pacific region*, 20(3), 345–372.
5. ASEAN at the beginning of the XXI century. Actual problems and prospects / L.E. Vasiliev et al. – М.: Publishing house "FORUM", 2010. – 368 p.
6. Bokshchanin, A.A. China and the countries of the South Seas in the XIV–XVI centuries. – М.: Nauka. The main editorial office of Oriental Literature, 1968, p. 133.
7. China's foreign policy in global and regional dimensions. The modern context of global governance and the reading of Chinese foreign policy // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. – М.: Nauka, 2012. – Volume 82, – No. 4 (April 2012).

8. East and Southeast Asia – 2011: internal and foreign policy, inter – country conflicts. – M.: Institute of Economics RAS, 2012. – 208 p.
9. Kanaev, E.A. Conflict over the islands of the South China Sea: history, nature of settlement, prospects of evolution. M., 2007. – 224 p.
10. Kolotov, V.N. The main problems of regional security on the southern flank of the East Asian arc of instability in 2015. Southeast Asia: current development issues. Issue No. 27. – M., IV RAS, 2015. – pp. 23–33.
11. Lokshin, G.M. Vietnamese-Chinese relations: the tyranny of geography and common sense.” Collection “Vietnamese Studies” Issue 4. – M.: IDV RAS, 2014. – pp. 49–73.
12. Lokshin, G.M. South China Sea: a difficult search for agreement. – M.: IDV RAS, 2013. – 240 s.
13. Liao, N. (2019). China’s Maritime Silk Road: implications for regional security and cooperation. The Journal of Modern China, 28(115), 1–18.
14. Maletin, N.P. South China Sea – the stormy sea of the Pacific Ocean. Southeast Asia: current development issues. Issue No.29. – M., IV RAS, 2015. – pp. 8–34.
15. Mastro, O.S. (2019). The South China Sea: The Struggle for Control and the future of U.S.-China relations. Foreign Affairs, 98(2), 56–68.
16. Mosyakov, D.V. China’s Policy in Southeast Asia: from the past to the present. – M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012. – 220 p.
17. Mosyakov, D.V. Events in the South China Sea as a threat to regional stability and security. Southeast Asia: current development issues. Issue No.27. – M., IV RAS, 2015. – pp. 16–29.
18. Murashova, G.F. The course of the PRC in the Southeast Asia and the South China Sea: a tribute to tradition or a response to the challenge of time? / G.F. Murashova // South-East Asia: actual problems of development. M., 2012. – p. 23.
19. Pan, E. (2021). Legal perspectives on the dispute in the South China Sea: The UN Convention on the Law of the Sea and Beyond. International Ocean Development Law, 52(1), 23–45.
20. The Soviet Union – Vietnam: 30 years of relations. 1950–1980. Documents and materials. M., 1982. – 521 p.

Аспекты арбитражного судопроизводства при взыскании судебных издержек по делам из публичных правоотношений

Школик Олег Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, Уральский юридический институт МВД России
E-mail: o.shkolik@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретических и практических особенностей регулирования института возмещения судебных расходов и его функционирования в рамках судебных споров с государственными органами. Судебные расходы представляются как материальный ущерб выигравшей спор стороны, возникший из необходимости судебной защиты прав и интересов истца. Раскрывается факультативный характер данного ущерба, исследуется сущностная специфика возмещения судебных расходов по делам из публичных правоотношений. Приводится классификация и характеристика судебных издержек с позиции их безусловного и условного характера. Исследуется совокупность свойств особой категории судебных расходов – издержек на оплату услуг по судебному представительству, таких как материальный объем, сложность предъявления и доказывания, а также существенный дисбаланс в соотношении предъявляемых и фактически взыскиваемых сумм. Фундаментальная гипотеза исследования сводится тому, что применительно к спорам с государством, судами широко применяется устоявшийся подход, в соответствии с которым суды стремятся максимально сокращать размер судебных расходов, взыскиваемых с государственных органов, что обусловлено следованием финансовым интересам государства. Рассматриваются тенденции рынка услуг по судебному представительству в спорах с государственными органами, как последствия систематического и бесосновательного сокращения сумм судебных расходов.

Ключевые слова: судебные издержки; судебные расходы; взыскание ущерба; публичные правоотношения; налоговые споры; процессуальное право; арбитражный процесс; юридическая помощь.

Институт возмещения судебных расходов составляет особую категорию процессуального права. Основополагающая сущность института возмещения судебных расходов носит общий характер и сводится к компенсации того дополнительного материального ущерба, который был причинен стороне, в пользу которой был разрешен спор судом, в связи с реализацией ею права на судебную защиту своих прав и интересов. В этом плане факультативный характер ущерба судебных расходов выражается в том, что он дополняет основной ущерб, взыскание которого и является ключевой причиной возникновения самого судебного спора. Однако специфичная сущность возмещения судебных расходов во многом предопределяется совокупностью базисных факторов, сопутствующих конкретным классификационным группам дел. Иными словами, сущностная специфика возмещения судебных расходов в рамках дел из частных правоотношений несколько иная, нежели в рамках дел из публичных правоотношений. В возмещении ущерба из последних воплощаются конституционные принципы, закрепленные в ст. 53 Конституции РФ: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Иными словами, инструмент компенсации этого дополнительного ущерба, воплощаемый в институте взыскания судебных расходов, взыскиваемых с конкретного публично-властного субъекта заложена политическая идея, сообразно которой вред, причиненный в результате неправомерных действий представителями чиновничьего аппарата, не только подлежит возмещению, но и сама ответственность должна быть не только реальной, но и персонафицированной [1].

На данном этапе необходимо охарактеризовать категорию «публичные правоотношения». Под публичными правоотношениями в наиболее общем виде нами понимаются субординационные отношения урегулированные нормами права, в рамках которых одной из сторон, согласно их специфике – стороной обязывающей, всегда выступает государство, в лице олицетворяющих его органов. Однако, обратим внимание, что в целях настоящего исследования мы будем рассматривать аспекты взыскания судебных расходов по делам из публичных правоотношений в рамках наиболее уз-

кого группового понимания, подразумевая только споры, возникающие между налоговыми органами и налогоплательщиками, т.е. дела из налоговых правоотношений.

Процессуальное законодательство определяет структуру судебных расходов через обособление таких элементов как судебные издержки и государственная пошлина. Исходя из положений ст.ст. 101 и 106 АПК РФ, следует, что судебные издержки есть расходы, которые понесены сторонами судебного разбирательства в связи с рассмотрением дела арбитражным судом. При этом нужно отметить, что и сами судебные издержки можно подразделить на две подгруппы: безусловные – расходы, понесенные сторонами судебного разбирательства в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, перечень которых достаточно ясно определен в процессуальном законе; условные – также расходы, понесенные сторонами судебного разбирательства в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, не предусмотренные нормами процессуального законодательства, но признаваемые таковыми по усмотрению суда, при условии доказательства взыскиваемой стороной не только непосредственной связи между этими расходами и рассмотрением дела, но и обоснованием их реальной необходимости [2].

Источником образования условных судебных издержек и обособления их в отдельную категорию, выступило Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – ПП ВС РФ № 1), из пункта 2 которого следовало весьма конкретно определенное мнение высшей судебной инстанции, что в процессуальных законах приведен лишь примерный перечень судебных издержек.

В группе безусловных судебных издержек, определенных процессуальным законодательством, сложившаяся в судопроизводстве практика выделяет расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, как бы в особую категорию. Свойства данной категории, которые и делают ее особенной с точки зрения процессуальных особенностей взыскания, образуют целую совокупность.

Во-первых, в числовом выражении ее материального объема, данная категория расходов занимает самую массивную долю в структуре всех судебных расходов взыскиваемых в рамках большинства дел. Особенно это свойство проявляется именно в делах из публичных правоотношений. Например, для сравнения обратим внимание на дела из частных правоотношений – экономические споры из гражданских отношений, где тривиальный набор судебных расходов складывается из государственной пошлины, подлежащая уплате величина которой в соответствии со ст. 333.21 НК РФ зависима от цены иска и ограничена внушительной суммой в 10 млн рублей, расходов на юридическую

помощь, взыскиваемый размер которых ограничен пределами разумности, а также состоит из традиционно незначительных сумм на проведение экспертиз, привлечение специалистов и т.д. Очевидно, что в данной категории дел, борьба за лидирующие позиции потенциально может развернуться между безусловно взыскиваемой госпошлиной и расходами на юридическую помощь, особенно, если их рассматривать не с позиции сумм, предъявляемых к взысканию, а с позиции сумм, реально взысканных [3]. По налоговым спорам, при аналогичном тривиальном наборе, напротив, госпошлина ограничена суммой в 50 тыс. рублей, а следовательно, ни один из видов судебных издержек или расходов, кроме расходов на юридическую помощь потенциально не может занимать доминирующего положения.

Во-вторых, с позиции формирования доказательственной базы, обоснования не только их реальной необходимости, но и их соответствия разумным пределам, это самая сложная категория судебных издержек. В самом обобщенном и элементарном виде, процесс доказывания предполагает первоначально подтверждение факта того, что расходы были понесены. Это в свою очередь требует обширного внимания и трудозатрат как со стороны взыскателя, так и со стороны суда, поскольку факт расходов является многокомпонентным. Иными словами, доказывание факта расходов, предполагает не только подтверждение самого факта транзакции, т.е. получения оплаты представителем от заказчика, но и подтверждение правомерности расходов – исследование и подтверждение правового основания (договора, правовой сущности уплачиваемых по нему сумм и т.д.), подтверждение судебного характера расходов (исследование и подтверждение функционала и полномочий представителя во взаимосвязи с выполненными действиями представителя) и т.д.

В-третьих, с позиции анализа соотношения сумм, предъявляемых к взысканию с фактически взысканными (присужденными) суммами, свойством данной категории судебных издержек является то, что взыскание их в полном объеме представляет собой настолько необычайное событие, что в среде юридической практики воспринимается как явление феноменальное. Опять же это свойство наиболее ярко проявляется именно при взыскании издержек по налоговым спорам. В пользу данного довода свидетельствуют аналитические данные о практике взыскания судебных расходов. Так, например, из аналитических обзоров, проводимых профессиональным юридическим порталом «Право.Ру» следует, что из десяти самых крупных возмещений судебных расходов, по судебным актам изданным в течение 2023 года, требования взыскателя по расходам были удовлетворены в полном объеме лишь в трех делах [4]. При этом, по делам с частичным удовлетворением требований о взыскании расходов на юридическую помощь, максимальная доля взыскания составила 52,6% от предъявленных к взысканию сумм, а ми-

нимальная 5,78%. Более того, также нужно обратить внимание на то, что среди дел, попавших в рейтинговый аналитический обзор нет ни одного дела из налоговых или иных публичных правоотношений. Иными словами, все судебные издержки, судьба которых была решена в указанных делах, были понесены частными хозяйствующими субъектами и предъявлялись ими к взысканию с противных сторон, т.е. с других частных хозяйствующих субъектов, а следовательно, тут ни коим образом не задевались финансовые интересы государства.

Отсюда мы приходим к фундаментальной гипотезе данного исследования – материальные и процессуальные аспекты осуществления правосудия и как результат принятия судебных решений о взыскании судебных издержек на юридическую помощь по делам из публичных правоотношений таковы, что идут в разрез с вышеприведенными конституционными положениями, в силу следования финансовым интересам государства. В силу этого, рассмотрение арбитражными судами вопросов о возмещении расходов на юридических представителей налогоплательщиков в спорах с налоговыми органами, является поверхностным и немотивированным, что в итоге приводит к принятию необоснованных решений [5]. Тем самым нарушается гарантированное конституционное право налогоплательщика на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями налоговых органов и их должностных лиц.

Рассмотрим аспекты арбитражного судопроизводства при взыскании судебных издержек по делам из публичных правоотношений на двух кейсах с идентичными налоговыми спорами, которые рассматривались в рамках дел № А60–42662/2022 и А60–43970/2022. Кратко отметим, что указанные дела прошли все стадии арбитражного судопроизводства – от решения суда первой инстанции, до отмены всех решений нижестоящих судов и удовлетворения требований налогоплательщика Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Более того, в последующем налоговым органом была направлена надзорная жалоба, ответом на которую был отказ в ее передаче для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ.

Итак, по итогам рассмотрения указанных дел налогоплательщиком были предъявлены к взысканию судебные расходы в общей сумме 23,2 млн рублей, в составе: расходов на оплату услуг юридических представителей, оказываемых одними и теми же лицами, в рамках одного и того же договора; расходы по уплате государственной пошлины; расходы, связанные с проведением независимой (не судебной) экспертизы, которая была проведена по инициативе налогоплательщика еще до его обращения с иском в суд; расходы на проезд и проживание штатного юриста для участия в заседаниях арбитражных судов.

Заявляя указанную сумму судебных расходов, налогоплательщик руководствовался ч. 2 ст. 110 АПК РФ, согласно которой расходы на опла-

ту услуг представителя взыскиваются в разумных пределах. При этом, согласно п. 13 ПП ВС РФ № 1, при определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Основываясь на данных положениях, налогоплательщик требовал от суда принять во внимание наличие в делах следующих критериев разумности пределов судебных расходов:

А) Объем заявленных требований / цена иска – в рамках указанных дел налогоплательщиком оспаривались решения налогового органа, которыми ему предъявлялись налоговые претензии в сумме 17,8 млн рублей. При этом налогоплательщик также относил сюда материальные и правовые последствия, которые повлекли за собой судебные акты арбитражных судов, принятые в пользу налогового органа. В частности, руководствуясь позицией судов по данным делам, налоговый орган дополнительно вменил в обязанность уплату еще 17,8 млн рублей налоговых претензий по предшествующим налоговым периодам, тем самым увеличив сумму потенциальных налоговых доначислений до 35,6 млн рублей. Более того, одним из последствий стали доначисления и по последующим налоговым периодам. При том налоговый орган прямо указывал в своих противоправных решениях, что при их принятии он исходит из решений судов по делам № А60–42662/2022 и № А60–43970/2022, принятым в пользу налогового органа. Таким образом, для налогоплательщика был очевидным факт, что принятие ошибочных судебных решений по указанным делам, явилось результатом последующего возникновения еще 8 (восьми) аналогичных споров, и результатом предъявления ему совокупных налоговых претензий на общую сумму свыше 146,7 млн рублей без учета, накопленных пени.

Б) Сложность дела, которая характеризуется тем, что суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказывали в удовлетворении требований налогоплательщика, при этом каждый из указанных судов трактовал правовую ситуацию и мотивировал свою позицию отлично друг от друга.

В) Продолжительность рассмотрения спора / время необходимое на подготовку процессуальных документов. На момент принятия ВС РФ решений в пользу налогоплательщика, продолжительность рассмотрения первого дела составила 504 дня, из которых 282 дня (т.е. более 56% от общего срока производства) дело рассматривалось с участием представителя, второго дела – 571 день, из которых 356 дней (т.е. более 62% от общего срока производства) с участием представителя.

Руководствуясь также правовой позицией ВС РФ, отраженной в п. 13 ПП ВС РФ № 1, согласно которой разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при срав-

нимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги, а также правовой позиции ВАС РФ, отраженной в п. 20 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82, согласно которой при определении разумных пределов расходов на оплату услуг представителя могут приниматься во внимание стоимость оплаты услуг адвокатов и имеющиеся сведения о ценах на рынке юридических услуг, налогоплательщик представил суду аналитическое исследование стоимости юридических услуг по представлению интересов в судах на территории Москвы и Московской области в 2023 году, проведенное Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и экспертной группой VETA и содержащее статистические данные о реальной стоимости юридических услуг [6]. И хотя стороны по делу располагаются на территории Свердловской области, а производство в трех инстанциях производилось в пределах Уральского (арбитражного) округа, налогоплательщик обосновывал свою позицию тем, что юридические услуги по представительству в деле оказывались в рамках кассационного и надзорного производства, то есть преимущественно на территории г. Москвы в ВС РФ, представителями, местонахождением которых также является г. Москва. Более того, налогоплательщик апеллировал и к тому, что в судебной практике, в альтернативе с подходом оценки расходов исходя из региона судопроизводства, судами применяется и кардинально иной правовой подход. Наглядным примером такого подхода является Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 июня 2018 г. № Ф10–2214/18 по делу № А68–8502/2017, при принятии которого кассационная инстанция руководствовалась стоимостью юридических услуг, сложившихся не по месту (региону) рассмотрения спора, а по месту (региону) оказания юридических услуг (месту нахождения представителя/месту фактического составления процессуальных документов). Таким образом, исходя из указанного правового подхода, при решении вопроса о расходах на оплату услуг представителя, проводя их анализ и оценку на соответствие категории «разумных», необходимо руководствоваться данными о ценах на такие услуги, свойственные именно для территории г. Москвы. Ведь де-юре и де-факто, территория данного региона и является местом оказания юридических услуг, поскольку одновременно сочетает в себе три характеристики: место нахождения представителя; место фактической подготовки им процессуальных документов; место фактического судопроизводства (исходя из стадии участия представителя).

В результате, по итогам рассмотрения заявлений о взыскании заявленных судебных расходов, судом были приняты идентичные по мотивировке и весьма схожие по результирующей части решения. Все заявленные судебные расходы, за исключением расходов на представителей, были удовлетворены в полном объеме. Что же касается расходов на представителей, то здесь судом сумма взысканных расходов была сокращена – по перво-

му делу в 12 раз и составила 8,3% от заявленной суммы издержек данной категории, а по второму делу в 7,5 раз и составила 14,1% от заявленной суммы. При этом судебные решения не содержат какого-либо обоснования причин и количественных критериев или пределов, которыми руководствовались суды при сокращении заявленных сумм.

Таким образом, абсолютно очевидно, что решения были вынесены судами с нарушением норм процессуального закона, поскольку:

Во-первых, следуя правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 21.12.2004 N 454-О, реализация права по уменьшению суммы расходов судом возможна лишь в том случае, если он признает эти расходы чрезмерными в силу конкретных обстоятельств, суды не вправе произвольно уменьшать размер сумм, взыскиваемых в возмещение соответствующих расходов. Схожая правовая позиция отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1, следуя которой суд не вправе уменьшать произвольно размер сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, право суда на уменьшение размера судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, возникает если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер. Таким образом, поскольку в вынесенных судебных актах отсутствуют какие-либо конкретные обстоятельства, из которых они исходили, квалифицируя расходы как чрезмерные, и не определено, из всей совокупности расходов на представителей, какие именно расходы являются неразумными, следовательно уменьшение осуществлено судами произвольно. И сложившаяся судебная практика подтверждает наш вывод о допущенном судами нарушении процессуальных норм при вынесении таких решений. В частности Постановление 20 арбитражного суда от 15.03.2018 г. № 20АП-360/18, вынесенное по делу № А62–7915/2016 отражает правовую позицию, согласно которой уменьшая сумму расходов, суд должен указать мотивы, по которым пришел к выводу о том, что размер предъявленных к взысканию расходов является неразумным и/или завышенным, указать, какие именно судебные расходы являются чрезмерными и подлежат уменьшению, а также представить какой-либо расчет и разумное обоснование уменьшения судебных расходов. Основываясь на этом 20 арбитражный суд пришел к выводу, что отсутствие данных аспектов в решении суда, является свидетельством того, что суд фактически произвольно снижает сумму взыскиваемых судебных расходов.

Особо отметим, что в свое время Коллегия судей Высшего Арбитражного Суда РФ, в Определении от 02.02.2012 № ВАС-16067, выражала аналогичные по своей сути доводы, однако сделала она это с весьма неординарного ракурса. Своеобразие главной идеи здесь заключается

в процессуально-правовых последствиях судебной инициативы, которую проявляет суд при самостоятельном определении суммы расходов, которые надлежит возместить. Иными словами, узловым аспектом здесь выступает то, что процессуальное бремя в отношении судебных расходов – доказывания самого их факта, их необходимости, реальной связи с судопроизводством и главное их соответствие невятным критериям разумности, полностью лежит на стороне выигравшей дело, и в связи с этим, заявляющей требование о возмещении. Следовательно, не принимая доводы требующей стороны и подменяя ее в процессе определения разумного размера расходов, суд неразрывно подменяет и того субъекта, на которого возложено это процессуальное бремя, т.е. суд самостоятельно принимает на себя процессуальные обязанности по мотивированному обоснованию размера расходов и утверждению их своим решением в том объеме который по его мнению соответствует абстрактным критериальным категориям – разумности и не чрезмерности.

Во-вторых, судами не были исследованы все представленные в дела доказательства, т.е. судами были нарушены требования процессуального закона, согласно которым суд должен исследовать доказательства и дать им соответствующую оценку. Однако, судами было проигнорировано представленное им исследование стоимости юридических услуг по представлению интересов в судах на территории Москвы и Московской области, а следовательно, допущено неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела. Суды могли и были должны принять во внимание данное документальное доказательство, так же, как и исследовать его по существу.

Однако, исходя из приведенного выше доказательства того, что решения были вынесены судами с нарушением норм процессуального закона, тем не менее весьма актуальным остается вопрос о коренных факторах, предопределивших их принятие в таком виде. Исследуя практику разрешения вопросов о судебных расходах в рамках экономических споров по административным отношениям, что такой судебный подход является широко применимым и достаточно устоявшимся, поскольку суды стараются максимально сокращать размер и объем судебных расходов, особенно когда их взыскивают с государственных органов [7]. Иными словами, судебные инстанции осознанно придерживаются такого подхода при разрешении вопросов о судебных расходах, при котором качественная мотивировка и обоснование судебного решения идут в разрез с финансовыми интересами государства. В качестве примера можно привести решение апелляционной инстанции по одному из рассмотренных выше дел. В нем апелляционным судом приводятся факты и выводы, не соответствующие как фактическим обстоятельствам дела, так и действительному содержанию решения суда первой инстанции. Так, в частности, одним из подобных доводов апелляционного суда яв-

ляется тот, согласно которому суд первой инстанции абсолютно верно и мотивированно сократил объем признаваемых им расходов на юридическую помощь, поскольку в этот момент он основывался на те расценки лиц, оказывающих услуги судебного представительства, которые не только сложились в регионе, но еще и учитывают категорию дел. При этом, судом апелляционной инстанции данный вывод был усмотрен «между строк» определения суда первой инстанции, поскольку ни в решении суда первой инстанции, ни в решении апелляционной, не содержится указания не только на конкретные данные, которыми они руководствовались, но и даже не определено данными какого конкретно региона руководствовались суды первой и апелляционной инстанций. Еще одним примером пассивного саботажа неотъемлемых характерных черт (обоснованности и мотивированности) решений судов по расходам в рассмотренных выше делах, являются доводы апелляционной инстанции, объясняющие, почему игнорирование судом первой инстанции исследовательских данных о фактической стоимости представительских услуг, не имело за собой каких-либо последствий, значимых для осуществления правосудия. Так суд апелляционной инстанции отклонил доводы взыскивающей стороны, основанные на данном исследовании, поскольку оно исходит из средних (рыночных) показателей без учета конкретных обстоятельств дела. Указанный довод суда апелляционной инстанции является несостоятельным, поскольку из материалов дела следует, что понесенные налогоплательщиком судебные расходы на юридическую помощь складывались исходя из почасовых ставок представителей, т.е. фактического времени, потраченного представителями на ведение дел в арбитражных судах (составление исковых заявлений, жалоб, ходатайств и прочих процессуальных документов, непосредственное участие в судебных заседаниях и т.д.) – критерия, учитывающего все конкретные обстоятельства дела, поскольку все обстоятельства, которые формируют уникальную специфику дела, итоговым результатом выражены в понятной и конкретно определенной величине – времени. При этом судом апелляционной инстанции необоснованно проигнорирован и тот факт, что налогоплательщик ссылался в своих доводах на ту часть исследовательских данных, где определена именно фактическая средняя (рыночная) стоимость юридических услуг, рассчитанная исходя из почасовых ставок адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей) в связи с рассмотрением дел в арбитражных судах. В силу указанных причин сведения о фактической средней (рыночной) стоимости юридических услуг должны были быть приняты во внимание и исследованы, по существу, как судом первой инстанции, так и судом апелляционной инстанции. И более того, игнорирование данной информации судом первой инстанции и отклонение ее судом апелляционной инстанции, лишили суды возможности установить одно из главнейших фактических обстоя-

тельств дела и тем самым осуществить правосудие. В данном случае речь идет о том, что из сопоставления стоимостных величин, приведенных в исследовании с величинами судебных расходов, предъявленных к возмещению, становится очевидным, что стоимость юридических услуг, фактически оказанных в рамках вышеприведенных дел, является существенно меньшей чем средняя стоимость юридических услуг, определенная на основании аналитических данных. Следовательно, суммы предъявленных к возмещению расходов, соответствуют критериям разумности.

Особо нужно отметить то, что систематическая практика безосновательного сокращения сумм судебных расходов, предъявленных к возмещению, выражается не только в естественных и очевидных последствиях – нарушении конституционного права налогоплательщика, на компенсацию полученного им ущерба, но и проявляется в более широком охвате. Например, одной из давних и устойчивых тенденций рынка юридических услуг (услуг по судебному представительству) в отношении налоговых споров и иных споров с государством, является стремление адвокатов и иных юристов избегать стадии взыскания судебных расходов по публичным делам, в т.ч. которые они сопровождали при рассмотрении дела по существу. В подтверждение данного тезиса приведем понятный и весьма наглядный довод – судьбу выше рассмотренных дел, постигла такая же участь. Причина данной тенденции раскрывается двойственностью факторов непосредственным образом связанных с безосновательностью судебных решений по расходам. С одной стороны, процессуальная работа по подготовке и сопровождению взыскания судебных расходов весьма скрупулезна и трудоемка, а с другой стороны, в силу такого патологического подхода, бессмысленна как по трудозатратам, так и по экономическому эффекту. Параллельно с этим, преобладание свойства необоснованности в судебных решениях по расходам, формирует дискредитирующие факторы, которые ложатся тягостным бременем на плечи профессиональных субъектов рынка юридических услуг. Такие судебные подходы по расходам делают репутационные риски для юридических представителей непомерными, а представление интересов стороны при возмещении расходов неприемлемым, в то же время они вносят некоторую сомнительность при восприятии клиентами стоимости самих услуг по судебному представительству, если вероятность их будущего возмещения в более-менее адекватных объемах стремится к нулю.

Литература

1. Пепеляев С.Г. Компенсация расходов на правовую помощь в арбитражных судах / С.Г. Пепеляев. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 186 с.
2. Сасов К.А. Судебные издержки глазами налогового юриста [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [https://www.pgplaw.ru/analyt-](https://www.pgplaw.ru/analyt-ics-and-brochures/articles-comments-interviews/legal-costs-the-eyes-of-a-tax-lawyer/)

[ics-and-brochures/articles-comments-interviews/legal-costs-the-eyes-of-a-tax-lawyer/](https://www.pgplaw.ru/analyt-ics-and-brochures/articles-comments-interviews/legal-costs-the-eyes-of-a-tax-lawyer/) (Дата обращения: 01.10.2024)

3. Князькин С.И. Проблема определения разумности и обоснованности судебных расходов по спорам с органами государственной власти / С.И. Князькин, Д.Ю. Юнев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 15–17.
4. Право.Ru. Судебные расходы: итоговый рейтинг 2023 года [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://pravo.ru/story/250570/> (Дата обращения: 01.10.2024)
5. Сосновский, С.А. Тенденции практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по налоговым делам / С.А. Сосновский, Н.И. Кононов // Налоговед. – 2018. – № 8. – С. 6–17.
6. Экспертная группа VETA: Исследование 2023. Стоимость юридических услуг по представлению интересов в судах. Москва и Московская область. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://veta.expert/upload/iblock/ddf/s0hxbums7nxf0mzwcw5e4gc1pkt3vldhj/Veta_stoimost_yuruslug_2023_moskva_i_oblast_interaktivnaya.pdf.pdf (Дата обращения: 01.10.2024)
7. Сасов К.А. Взыскание судебных расходов с налоговой и других госорганов: обзор позиций судов [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.pgplaw.ru/analyt-ics-and-brochures/articles-comments-interviews/vzyskanie-sudebnykh-raskhodov-s-nalogovoy-i-drugikh-gosorganov-obzor-pozitsiy-sudov-/> (Дата обращения: 01.10.2024)

ASPECTS OF ARBITRATION PROCEEDINGS IN THE RECOVERY OF COURT COSTS IN CASES FROM PUBLIC LEGAL RELATIONS

Shkolik O.A.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the consideration of the theoretical and practical features of the regulation of the institution of reimbursement of court costs and its functioning in the framework of litigation with government agencies. Court costs are presented as material damage to the party who won the dispute, arising from the need for judicial protection of the plaintiff's rights and interests. The optional nature of this damage is revealed, the essential specifics of reimbursement of court costs in cases from public legal relations are investigated. The classification and characterization of court costs from the standpoint of their unconditional and conditional nature is given. The article examines a set of properties of a special category of court costs – the costs of paying for judicial representation services, such as the material volume, the complexity of presentation and proof, as well as a significant imbalance in the ratio of the amounts presented and recovered. The fundamental hypothesis of the study is that in relation to disputes with the state, the courts widely apply a well-established approach, according to which the courts strive to minimize the amount of court costs collected from government agencies, which is conditioned by following the financial interests of the state. The trends of the judicial representation services market in disputes with government agencies are considered as the consequences of a systematic and unjustified reduction in court costs.

Keywords: court expenses; court costs; recovery of damages; public legal relations; tax disputes; procedural law; arbitration; legal assistance.

References

1. Pepelyaev S.G. Compensation of expenses for legal assistance in arbitration courts / S.G. Pepelyaev. – M.: Alpina Publisher, 2013. – 186 p.
2. Sasov K.A. Court costs through the eyes of a tax lawyer [electronic resource] – Access mode. – URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/legal-costs-the-eyes-of-a-tax-lawyer/> / (Date of access: 01.10.2024)
3. Knyazkin S.I. The problem of determining the reasonableness and reasonableness of court costs in disputes with public authorities / S.I. Knyazkin, D. Yu. Yunev // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 15–17.
4. Law. Ru. Court costs: the final rating of 2023 [electronic resource] – Access mode. – URL: <https://pravo.ru/story/250570/> / (Date of access: 01.10.2024)
5. Sosnovsky S.A. Trends in the practice of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in tax matters / S.A. Sosnovsky, N.I. Kononov // Tax specialist. – 2018. – No. 8. – pp. 6–17.
6. VETA Expert Group: Study 2023. The cost of legal services for representing interests in courts. Moscow and the Moscow region. [electronic resource] – Access mode. – URL: https://veta.expert/upload/iblock/ddf/s0hxbums7nxf0mzwcw5e4gc1pkt3vldhj/Veta_stoimost_yuruslug_2023_moskva_i_oblast_interaktivnaya.pdf.pdf (Date of application: 01.10.2024)
7. Sasov K.A. Recovery of court costs from the tax and other government agencies: an overview of the positions of the courts [electronic resource] – Access mode. – URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/vzyskanie-sudebnykh-raskhodov-s-nalogovoy-i-drugikh-gosorganov-obzor-pozitsiy-sudov/> / (Date of access: 01.10.2024)

Бабаева Валентина Андреевна,

кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: tina.babaeva.a@gmail.com

В настоящий момент в доктрине отсутствует единое мнение о соотношении терминов ИТ и ИКТ. В данной статье автор исследует причины такой ситуации. Автор рассматривает и сравнивает позиции таких организаций, как ООН, МСЭ, ЮНЕСКО, а также анализирует позицию законодательства Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что соотношение терминов ИТ и ИКТ обусловлено различием в уровне технологического развития, во время которого рассматривался данный вопрос. Автор предполагает в ближайшем будущем данные понятия могут стать взаимозаменяемыми ввиду конвергенции технологий.

Ключевые слова: Киберпреступность, киберпространство, информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, Радиовещание, Телевидение, конвергенция технологий.

Введение

Основной характеристикой информационного общества является активное внедрение информационных технологий в различные сферы человеческой деятельности и быта, впоследствии чего образовывается так называемое киберпространство¹. На данном историческом этапе человечество вышло на глобальный уровень обмена информацией. Данный прорыв имеет двойственную природу, так как с одной стороны открывает новые перспективы для экономического развития, с другой способствует возникновению новых видов преступлений. Как известно, преступность всегда идет в ногу со временем, следовательно, резкий технологический скачок человечества способствовал также и экспоненциальному росту преступности и ее выходу за рамки одного государства.

Одна из отличительных черт возникшей в связи с таким технологическим скачком категории преступлений заключается в транснациональном характере большинства посягательств. Данный фактор делает этот феномен одним из самых сложных для расследования и уголовного преследования². Так, потерпевший может находиться в одном государстве, в то время как злоумышленник и его пособники могут находиться во втором государстве, используя при атаке сервера из третьего государства³. Стоит отметить, что участники хакерской группировки могут являться гражданами разных государств. Таким образом, расследование подобного преступления потребует международного сотрудничества между тремя и более странами.

Результаты и обсуждение

Согласно позиции Управления ООН по наркотикам и преступности, под термином киберпреступность понимается любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети⁴. При

¹ Carr M. A Political History of Cyberspace / M. Carr // The Oxford Handbook of Cyber Security. – 2021. – № 4 (49).

² Багдеева В.А. Проблемы международной киберпреступности / В.А. Багдеева // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 564–573. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnoy-kiberprestupnosti>.

³ Cerezo A.I. International Cooperation to Fight Transnational Cybercrime / A.I. Cerezo, J. Lopez and A. Patel // Second International Workshop on Digital Forensics and Incident Analysis (WD-FIA 2007), Karlovassi, Greece, 2007, pp. 13–27, doi: 10.1109/WD-FIA.2007.4299369.

⁴ United Nations office on drugs and crime. Cybercrime /United Nations Office on drugs and crime: официальный сайт. – Vienna. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/en/mun/crime-prevention/cybercrime.html>.

этом под этот термин подпадают не только новые категории преступлений, которые возникли с распространением ЭВМ, но и «классические» преступления, которые претерпели трансформацию в связи с цифровизацией населения¹.

Если обратить внимание на статистику, то, согласно данным «Internet world stats» в первой половине 2023 года по всему миру насчитывается 5 385 798 406 интернет-пользователей что составляет 67% от всего населения². При этом в первую десятку стран с самым большим количеством интернет-пользователей входят Бразилия, Индия, Китай и Россия³.

Термин «киберпреступность» (в английском варианте – *cybercrime*) является широким термином, охватывающим преступность в информационном пространстве с использованием информационных технологий и глобальных сетей⁴. Данный термин охватывает более узкие явления, а именно преступления в сфере информационных технологий (Далее – ИТ) и преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). В современной науке отсутствует единое мнение относительно применения терминов «преступления в сфере ИТ» и «преступления в сфере ИКТ» и соотношения этих двух явлений между собой. Это связано с тем, что некоторые специалисты рассматривают ИТ как подмножество ИКТ, тогда как другие придерживаются диаметрально противоположной позиции и считают, что ИКТ – более широкий термин. Существует также третья позиция, согласно которой ИТ и ИКТ – взаимозаменяемые понятия⁵.

Впервые понятие «информационные технологии», так же, как и «компьютерные технологии», стало применяться в конце 60-х годов XX века. Впервые термин был введен Гарольдом Дж. Ливиттом и Томасом Л. Уислером в 1958 году. Они определили ИТ как методы обработки, применения статистических и математических методов для принятия решений и моделирования мышления более высокого порядка с помощью компьютерных программ. Этот термин стал широко распространен среди программистов, а ИТ получили свое развитие с появлением информационных систем⁶.

¹ Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С.И. Буз // Юрист-Правоведь. – № 4(91). – 2019. – С. 78–82.

² Internet World Stats. INTERNET USAGE STATISTICS: The Internet Big Picture. World Internet Users and 2023 Population Stats/ Internet World Stats. – Bogotá. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

³ Расулев А. Преступления в сфере информационных технологий и безопасности: детерминанты и предупреждение / А. Расулев, С. Рахмонова // Общество и Инновации. – 2020. – № 1. – С. 201–208.

⁴ Васюков В.Ф. Преступления в сфере информационных технологий и информационной безопасности: Учеб. Пособие / В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз, М.М. Долгиева, В.Н. Чаплыгина; под науч. ред. А.Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2023. – 1086 с.

⁵ Мамедова М.Г. Интеллектуальное управление рынком труда ИТ-специалистов / М.Г. Мамедова. – Баку: Информационные технологии. – 2019. – 298 с.

⁶ Leavitt H.J. Management in the 1980's / H.J. Leavitt, T.L. Whisler // Harvard Business Rev. – № 36 (6). – 1958. – P. 41–48.

В современной интерпретации информационные технологии охватывают использование технологий для обработки, хранения, извлечения данных и информации. Это относится ко всему оборудованию, программному обеспечению и системам, используемым для управления информацией внутри организаций или отдельных лиц, включая такие области, как компьютерное оборудование и программное обеспечение, сети, управление базами данных и кибербезопасность. ИТ-преступления, которые в основном касаются компьютерных систем и сетей, часто связаны с использованием компьютеров или цифровых устройств. Они также могут использовать другие технологии, подключенные к компьютерным сетям или системам, такие как серверы, маршрутизаторы или устройства IoT (Интернет вещей).

Информационно-коммуникационные технологии относятся к использованию технологий для передачи информации в различных формах, включая голос, изображения, видео и прочие данные. Они охватывают все электронные коммуникационные технологии, приложения и услуги, облегчающие общение и обмен информацией. ИКТ охватывают широкий спектр областей, таких как электронная почта, видеоконференции, социальные сети, мобильная связь и Интернет.

В то время как ИТ фокусируется на управлении и обработке информации, ИКТ фокусируется на передаче информации через различные платформы и каналы. ИТ и ИКТ часто пересекаются на практике, и эти термины иногда используются как синонимы.

По данным Статистического института ЮНЕСКО, «информационные технологии» сосредоточены на технологических инструментах и оборудовании, используемых для обработки и обмена информацией, таких как компьютеры, программное и аппаратное обеспечение. Информационно-коммуникационные технологии относятся к широкому спектру приложений, программного обеспечения, устройств и инструментов, необходимых для передачи и распространения информации. Таким образом, хотя ИТ можно рассматривать как подмножество ИКТ, ИКТ охватывает весь спектр инструментов, необходимых для общения и совместной работы⁷.

Точно так же Международный союз электросвязи (МСЭ) определяет «информационные технологии» как использование компьютеров для управления и обработки информации, а «информационные и коммуникационные технологии» относит к конвергенции технологий, которые позволяют обрабатывать, хранить, извлекать и передавать информацию на разных платформах и устройствах⁸.

⁷ UNESCO Institute for Statistics. Information and communication technologies (ICT) / UNESCO Institute for Statistics. – Quebec. URL: <https://uis.unesco.org/en/glossary-term/information-and-communication-technologies-ict>.

⁸ International Telecommunication Union. Report on the work carried out by the correspondence group on the elaboration of a working definition of the term “ICT”: принят на конференции полномочных представителей 3 ноября 2014 года // International-

Если обратиться к позиции отечественного законодательства, то, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹. Исходя из данной в Федеральном законе формулировки, И.Б. Колчевский и Г.Э. Бицадзе синтезировали следующее определение преступлений в сфере ИТ: противоправные общественно опасные деяния, причиняющие вред разнородным общественным отношениям, совершаемые с использованием информационных технологий, информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей². Понятие ИКТ отсутствует в Российском законодательстве. Однако, учитывая тот факт, что в определении термина «информационные технологии» вышеупомянутый федеральный закон относит к ИТ методы распространения информации, то можно сделать вывод, что, с точки зрения законодательства Российской Федерации, ИКТ можно считать подмножеством ИТ.

Данное суждение доказывает позиция Российской Федерации на Конференции полномочных представителей Международного союза электросвязи (МСЭ) в рамках обсуждения рабочего определения термина ИКТ. Согласно одному из предложенных вариантов, ИКТ – это информационные процессы и методы работы с информацией, реализуемые с помощью средств вычислительной техники и телекоммуникаций³.

Указанное выше расхождение мнений относительно соотношения ИТ и ИКТ может быть объяснено особенностями возникновения и распространения связи в мире. Развитие технологий в мире происходит неравномерно, в связи с чем позиция каждого государства является своего рода «слепком» актуальной ситуации на момент формирования научной доктрины, затрагивающей данную сферу. К примеру, первое преступление в сфере ИКТ было совершено еще в XIX веке. В 1834 году группой злоумышленников была похищена ценная информация о состоянии финансовых рынков путем получения доступа к те-

леграфной системе⁴. В первой половине XX века технологии были более примитивными, а радио, телевидение и телефонная связь были более развиты и распространены, чем компьютеры, которые на тот момент представляли собой громоздкие электронно-вычислительные машины, занимавшие огромные помещения. На тот момент компьютеры и телекоммуникационная связь имели мало общего, следовательно, преступные посяательства на эти системы можно было рассматривать как разные категории преступлений.

Однако, ситуация начала меняться в конце 60-х годов XX века по мере распространения персональных компьютеров и появления первых систем, являвшихся прототипами современного интернета⁵. Интернет предоставлял возможности для распространения и передачи данных по всему миру, созданные сети и приложения имели в своей основе компьютерную логику. На этом этапе ряд противоправных деяний можно было классифицировать и как преступления в сфере ИТ и как преступления в сфере ИКТ одновременно.

Одним из примеров преступления, которое можно рассматривать как преступление в области ИТ и как преступление в области ИКТ одновременно, является неправомерное получение доступа к данным или взлом. Взлом включает в себя получение несанкционированного доступа к компьютерным системам или сетям с целью использования, разрушения, кражи данных или причинения вреда. Это преступление может быть совершено с использованием различных технологий, включая компьютеры, Интернет, мобильные устройства, телекоммуникационные сети и другие виды информационных и коммуникационных технологий.

На этом этапе ИКТ делают упор на коммуникации и совместном использовании данных и включают как аппаратные, так и программные компоненты, необходимые для эффективной коммуникации. Учитывая вышеуказанное, в тот период ИКТ можно было считать более широким понятием, чем ИТ, так как ИКТ включает в себя традиционные ИТ-системы, а также телекоммуникационную инфраструктуру, подключение к Интернету, мобильные технологии и мультимедийные приложения.

Однако на современном этапе замечается тенденция к слиянию ИТ и ИКТ в одно понятие ввиду технологической конвергенции. Впервые термин «технологическая конвергенция» был применен в 1980-х годах, когда появилась телефонная сеть общего пользования, которая не только выполняла функцию передачи звука, но и функцию обмена данными с помощью ISDN. Данная технология обеспечивала передачу цифрового сигнала по телефонным каналам с предоставлением различных услуг. По мере развития технологий границы меж-

al Telecommunication Union: официальный сайт. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/default.aspx>.

¹ Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: Одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года. – Российская Газета. – 2006. – № 165(4131).

² Колчевский И.Б. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура/ И.Б. Колчевский, Г.Э. Бицадзе // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 40–47.

³ International Telecommunication Union. Report on the work carried out by the correspondence group on the elaboration of a working definition of the term “ICT”: принят на конференции полномочных представителей 3 ноября 2014 года // International Telecommunication Union: официальный сайт. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/default.aspx>.

⁴ Standage T. The crooked timber of humanity / T. Standage // The Economist. – 2017. – URL: <https://www.economist.com/1843/2017/10/05/the-crooked-timber-of-humanity>.

⁵ Makkar A. PROTECTOR: An optimized deep learning-based framework for image spam detection and prevention / A. Makkar, N. Kumar // Future Generation Computer Systems. – Vol. 125. – 2021. – P. 41–58.

ду ИТ и ИКТ становятся все более размытыми¹. Многие преступления в настоящее время связаны с использованием одновременно информационных и коммуникационных технологий. Например, такие преступления, как взлом, кража личных данных и онлайн-мошенничество, часто используют как ИТ-системы, так и сети связи. Такое сближение может привести к выработке единого подхода к классификации и борьбе с этими преступлениями.

Сегодняшний цифровой ландшафт тесно взаимосвязан. ИТ-системы и сети ИКТ переплетаются, а функциональность технологий зависит друг от друга. Преступная деятельность часто предполагает использование уязвимостей в этих взаимосвязанных системах. В результате проведение различия между преступлениями, совершаемыми исключительно в сфере ИТ, и преступлениями, совершаемыми исключительно в сфере ИКТ, становится более сложной задачей. Единая категория преступлений может оказаться практичной для эффективной борьбы с межтехнологическим преступным поведением.

Одним из ранних примеров конвергенции ИТ и ИКТ является переход от аналогового к цифровому вещанию на радио и телевидении, который до сих пор происходит во многих странах уже несколько последних десятилетий. В некоторых странах переход в основном завершен, и аналоговое вещание полностью заменено цифровым вещанием. Это означает, что все теле- и радиопередачи являются исключительно цифровыми, что обеспечивает улучшенное качество сигнала и эффективность². С точки зрения кибербезопасности цифровое вещание обычно считается лучше аналогового вещания по ряду причин.

Цифровое вещание включает методы шифрования, которые обеспечивают защиту от несанкционированного доступа и взлома. Шифрование гарантирует, что передаваемые данные остаются конфиденциальными, что снижает риск перехвата данных. Системы цифрового вещания реализуют механизмы аутентификации для проверки целостности и подлинности передаваемых данных для минимизации риска изменения или подделки получаемого зрителем контента, что снижает риск несанкционированной или мошеннической трансляции.

Цифровое вещание использует методы обнаружения и исправления ошибок в целях обеспечения целостности данных. В отличие от аналогового вещания, которое более подвержено ошибкам передачи, цифровое вещание представляет из себя более гибкую и адаптируемую систему. Стоит отметить, что такие изменения как предоставляют ряд новых возможностей для потребителя, напри-

мер, различие форматов, интерактивность функций и услуги передачи данных, так и порождает ряд закономерных рисков, которые требуют надежных мер кибербезопасности для защиты от потенциальных угроз и уязвимостей, связанных с расширенной функциональностью³. Цифровое вещание часто опирается на надежную и безопасную сетевую инфраструктуру, которая подлежит регулярному мониторингу и обнаружению вторжений. Эти меры помогают выявлять и снижать потенциальные риски кибербезопасности, обеспечивая общую надежность и целостность системы вещания.

Хотя цифровое вещание и обеспечивает ряд преимуществ в области кибербезопасности, оно не застраховано от угроз⁴. Радио и телевидение не являются типичными платформами, связанными с преступлениями в области ИТ, данные системы полагаются на технологии передачи, хранения и распространения информации. Если отдельные лица занимаются незаконными действиями, такими как взлом, несанкционированный доступ, манипулирование данными или распространение вредоносного контента через технологическую инфраструктуру радио- и телевизионных систем, это может считаться преступлением как в области ИТ, так и в сфере ИКТ. Эти действия могут включать использование уязвимостей, вмешательство в сигналы или использование технологии для совершения мошенничества или других незаконных действий.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что расхождение во мнениях касательно соотношения терминов ИТ и ИКТ обусловлено различиями уровня технологического развития, при котором тот или иной специалист или организация рассматривали данный вопрос. На данный момент в разных государствах присутствуют отличные представления о соотношении терминов ИТ и ИКТ. Однако, текущие тренды развития технологий указывают на то, что ввиду конвергенции технологий ИТ и ИКТ в ближайшие годы будут считаться взаимозаменяемыми понятиями.

Литература

1. Carr M. A Political History of Cyberspace / M. Carr // The Oxford Handbook of Cyber Security. – 2021. – № 4 (49).
2. Cerezo A.I. International Cooperation to Fight Transnational Cybercrime / A.I. Cerezo, J. Lopez and A. Patel // Second International Workshop on Digital Forensics and Incident Analysis (WD-

³ Micheal K. The Internet and Regulatory Responses in Ethiopia: Telecoms, Cybercrimes, Privacy, E-commerce, and the New Media / K. Micheal, H. Hailu // Mizan Law Review. – 2015. – Vol. 9 – № 1. – P. 108–153.

⁴ Теребиленко Б.Н. Тенденции и риски формирования новых видов услуг в мировой отрасли цифрового телерадиовещания / Б.Н. Теребиленко // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2014. – № 64. – P. 67–72.

¹ Лагутин В.С. Конвергенция информационных технологий в современных сетях связи / В.С. Лагутин, А.Г. Попова, И.В. Степанова // Т-Comm. – 2009. – № S1. – С. 47–50.

² Теребиленко Б.Н. Экономическая и социальная безопасность перехода от аналогового к цифровому телевизионному вещанию / Б.Н. Теребиленко, Н.А. Пузырный // Вестник ГУУ. – 2013. – № 14. – С. 80–83.

- FIA 2007), Karlovassi, Greece, 2007, pp. 13–27, doi: 10.1109/WDFIA.2007.4299369.
3. International Telecommunication Union. Report on the work carried out by the correspondence group on the elaboration of a working definition of the term "ICT": принят на конференции полномочных представителей 3 ноября 2014 года // International Telecommunication Union: официальный сайт. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/default.aspx>.
 4. Internet World Stats. INTERNET USAGE STATISTICS: The Internet Big Picture. World Internet Users and 2023 Population Stats/ Internet World Stats. – Bogotá. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
 5. Leavitt H.J. Management in the 1980's / H.J. Leavitt, T.L. Whisler // Harvard Business Rev. – № 36 (6). – 1958. – P. 41–48.
 6. Makkar A. PROTECTOR: An optimized deep learning-based framework for image spam detection and prevention / A. Makkar, N. Kumar // Future Generation Computer Systems. – Vol. 125. – 2021. – P. 41–58.
 7. Micheal K. The Internet and Regulatory Responses in Ethiopia: Telecoms, Cybercrimes, Privacy, E-commerce, and the New Media / K. Micheal, H. Hailu // Mizan Law Review. – 2015. – Vol. 9 – № 1. – P. 108–153.
 8. Standage T. The crooked timber of humanity / T. Standage // The Economist. – 2017. – URL: <https://www.economist.com/1843/2017/10/05/the-crooked-timber-of-humanity>.
 9. UNESCO Institute for Statistics. Information and communication technologies (ICT) / UNESCO Institute for Statistics. – Quebec. URL: <https://uis.unesco.org/en/glossary-term/information-and-communication-technologies-ict>.
 10. United Nations office on drugs and crime. Cybercrime / United Nations Office on drugs and crime: официальный сайт. – Vienna. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/en/mun/crime-prevention/cybercrime.html>.
 11. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: Одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года. – Российская Газета. – 2006. – № 165(4131).
 12. Багдеева В.А. Проблемы международной киберпреступности / В.А. Багдеева // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 564–573. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnoy-kiberprestupnosti>.
 13. Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С.И. Буз // Юристъ-Правоведъ. – № 4(91). – 2019. – С. 78–82.
 14. Васюков В.Ф. Преступления в сфере информационных технологий и информационной безопасности: Учеб. Пособие / В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз, М.М. Долгиева, В.Н. Чаплыгина; под науч. ред. А.Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2023. – 1086 с.
 15. Колчевский И.Б. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура/ И.Б. Колчевский, Г.Э. Бицадзе // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 40–47.
 16. Лагутин В.С. Конвергенция информационных технологий в современных сетях связи/ В.С. Лагутин, А.Г. Попова, И.В. Степанова // Т-Comm. – 2009. – № S1. – С. 47–50.
 17. Мамедова М.Г. Интеллектуальное управление рынком труда ИТ-специалистов / М.Г. Мамедова. – Баку: Информационные технологии. – 2019. – 298 с.
 18. Расулев А. Преступления в сфере информационных технологий и безопасности: детерминанты и предупреждение/ А. Расулев, С. Рахмонова // Общество и Инновации. – 2020. – № 1. – С. 201–208.
 19. Теребиленко Б.Н. Тенденции и риски формирования новых видов услуг в мировой отрасли цифрового телерадиовещания / Б.Н. Теребиленко //Сегодня и завтра Российской экономики. –2014. – № 64. – P. 67–72.
 20. Теребиленко Б.Н. Экономическая и социальная безопасность перехода от аналогового к цифровому телевизионному вещанию / Б.Н. Теребиленко, Н.А. Пузырный // Вестник ГУУ. –2013. – № 14. – С. 80–83.

CORRELATION OF TERMS IT AND ICT IN MODERN REALITIES

Babaeva V.A.

Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

At the moment, there is no consensus in the doctrine about the correlation of terms IT and ICT. In this article, the author studies the reasons for this situation. The author examines and compares the positions of such organizations as the UN, ITU, UNESCO, and analyzes the position of the Russian Federation legislation concerning this issue. The author comes to conclusion that the absence of consensus concerning the IT and ICT correlation is due to the difference in technological development level at particular periods of time when this problematic was considered. In the near future these concepts may become interchangeable due to the convergence of technologies.

Keywords: Cybercrime, cyberspace, scientific technologies, information and communication technologies, broadcasting, television, convergence technologies.

References

1. Carr M. A Political History of Cyberspace / M. Carr // The Oxford Handbook of Cyber Security. – 2021. – № 4 (49).
2. Cerezo A.I. International Cooperation to Fight Transnational Cybercrime / A.I. Cerezo, J. Lopez and A. Patel // Second International Workshop on Digital Forensics and Incident Analysis (WDFIA 2007), Karlovassi, Greece, 2007, pp. 13–27, doi: 10.1109/WDFIA.2007.4299369.
3. International Telecommunication Union. Report on the work carried out by the correspondence group on the elaboration of a working definition of the term "ICT": adopted at the conference of plenipotentiaries on November 3, 2014 // International Telecommunication Union: official website. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/definitions/default.aspx>.
4. Internet World Stats. INTERNET USAGE STATISTICS: The Internet Big Picture. World Internet Users and 2023 Population

- Stats/ Internet World Stats. – Bogotá. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
5. Leavitt H.J. Management in the 1980's / H.J. Leavitt, T.L. Whisler // *Harvard Business Rev.* – No. 36 (6). – 1958. – P. 41–48.
 6. Makkar A. PROTECTOR: An optimized deep learning-based framework for image spam detection and prevention / A. Makkar, N. Kumar // *Future Generation Computer Systems.* – Vol. 125. – 2021. – P. 41–58.
 7. Micheal K. The Internet and Regulatory Responses in Ethiopia: Telecoms, Cybercrimes, Privacy, E-commerce, and the New Media / K. Micheal, H. Hailu // *Mizan Law Review.* – 2015. – Vol. 9 – No. 1. – P. 108–153.
 8. Standage T. The crooked timber of humanity / T. Standage // *The Economist.* – 2017. – URL: <https://www.economist.com/1843/2017/10/05/the-crooked-timber-of-humanity>.
 9. UNESCO Institute for Statistics. Information and communication technologies (ICT) / UNESCO Institute for Statistics. – Quebec. URL: <https://uis.unesco.org/en/glossary-term/information-and-communication-technologies-ict>.
 10. United Nations office on drugs and crime. Cybercrime / United Nations Office on drugs and crime: official website. – Vienna. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/en/mun/crime-prevention/cybercrime.html>.
 11. Russian Federation. Laws. On information, information technology and information protection: Federal Law No. 149-FZ: Adopted by the State Duma on July 8, 2006: Approved by the Federation Council on July 14, 2006. – *Rossiyskaya Gazeta.* – 2006. – No. 165 (4131).
 12. Bagdeeva V.A. Problems of international cybercrime / V.A. Bagdeeva // *Actual problems of Russian law.* – 2009. – No. 3. – P. 564–573. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnoy-kiberprestupnosti>.
 13. Buz S.I. Cybercrimes: concept, essence and general characteristics / S.I. Buz // *Jurist-Pravoved.* – No. 4 (91). – 2019. – P. 78–82.
 14. Vasyukov V.F. Crimes in the field of information technology and information security: Textbook. Manual / V.F. Vasyukov, A.G. Volevodz, M.M. Dolgieva, V.N. Chaplygina; under scientific ed. A.G. Volevodz. – Moscow: Prometey, 2023. – 1086 p.
 15. Kolchevsky I.B. Crimes in the field of information technology: concept, structure / I.B. Kolchevsky, G.E. Bitsadze // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* – 2021. – No.2 (54). – P. 40–47.
 16. Lagutin V.S. Convergence of information technologies in modern communication networks / V.S. Lagutin, A.G. Popova, I.V. Stepanova // *T-Comm.* – 2009. – No. S1. – P. 47–50.
 17. Mamedova M.G. Intelligent management of the labor market of IT specialists / M.G. Mamedova. – Baku: Information technologies. – 2019. – 298 p.
 18. Rasulev A. Crimes in the field of information technology and security: determinants and prevention / A. Rasulev, S. Rakhmonova // *Society and Innovation.* – 2020. – No. 1. – P. 201–208.
 19. Terebilenko B.N. Trends and risks of the formation of new types of services in the global digital television and radio broadcasting industry / B.N. Terebilenko // *Today and tomorrow of the Russian economy.* – 2014. – № 64. – P. 67–72.
 20. Terebilenko B.N. Economic and social security of the transition from analog to digital television broadcasting / B.N. Terebilenko, N.A. Puzyrny // *Bulletin of the State University of Management.* – 2013. – № 14. – P. 80–83.

Противодействие бандитизму в условиях реформирования правоохранительных органов советской власти на этапе завершения Гражданской войны

Максимов Павел Викторович,

кандидат юридических наук, начальник кафедры специальных дисциплин, Краснодарский университет МВД России
E-mail: paul.max.81@rambler.ru

Целью исследования стало проведение анализа трансформации правоохранительных органов Советской России в период завершения Гражданской войны и начального этапа мирного строительства, а также эффективность их борьбы с бандитизмом как важнейшим социальным вызовом того времени. Основные задачи включали изучение структурных реформ, проведенных в правоохранительных органах, изменения их правового статуса и полномочий, а также анализ методов противодействия бандитизму. Гипотеза исследования заключалась в том, что реформирование органов безопасности, направленное на адаптацию к мирным условиям, способствовало улучшению работы, но имело негативные последствия из-за кадровых сокращений и организационных изменений. В ходе исследования выявлено, что создание ГПУ как структурного подразделения НКВД позволило сосредоточить борьбу с политическим бандитизмом, в то время как уголовный розыск (угро) занимался противодействием корыстным преступлениям. Методы, такие как внедрение в банды, создание специализированных групп и учет преступников, повысили эффективность борьбы. Однако реформы эпохи нэпа, включая омоложение кадров, привели к временному ухудшению ситуации. Результаты исследования подтверждают значимость системного подхода и квалифицированного кадрового состава в борьбе с бандитизмом.

Ключевые слова: Гражданская война, бандитизм, ВЧК-ГПУ, НКВД, реформа правоохранительных органов.

В годы Гражданской войны, беспрецедентный всплеск бандитизма требовал таких же беспрецедентных мер по борьбе с ним, по этому ВЧК и НКВД, противодействовавшие бандитизму наряду с армейскими подразделениями, сыграли важную роль в противодействии криминальной обстановки, которая могла стать раковой для молодого советского государства на начальном этапе его становления. Начало стабилизации общественных отношений на завершающем этапе Гражданской войны, требовало соответствующих изменений в структуре и правовом статусе правоохранительных органов для приведения их деятельности в соответствие с условиями мирного времени и конституционным строем государства. Особенно требовалось реорганизовать ВЧК, в компетенцию которой входили достаточно широкие полномочия, позволявшие оказывать влияние на партийные органы власти, что естественно вызывало опасение у политической верхушки и желание реформировать ВЧК [10].

Противодействие бандитизму в первую очередь было возложено на ВЧК, одновременно с ней, следствием по делам о бандитизме занимались следственные комиссии, оперативно-дознательную работу осуществлял уголовный розыск, который являлся отдельным структурным подразделением рабоче-крестьянской милиции, и всю эту правоохранительную деятельность, чьи полномочия, во многих аспектах дублировались и создавали конфликтные ситуации, контролировал РКП(б)-ВКП(б). Указанные обстоятельства требовали реформирования в первую очередь ВЧК [12].

Реформа началась с декрета ВЦИК от 6 февраля 1922 г., во исполнение решения Политбюро ЦК, формально закрепленного IX Съездом Советов, ВЧК упразднялась, а ее функции возлагались на новый орган – ГПУ (Главное политическое управление), которое становилось структурным подразделением НКВД РСФСР [14]. Соответственно на НКВД РСФСР возлагалась приоритетная задача: «а) подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма» для выполнения которой ГПУ было включено как структурное подразделение. Председателем ГПУ являлся нарком внутренних дел (в то время Дзержинский), а на местах вместо ЧК создавались политотделы, но не при местных управлениях НКВД, а при губернских исполнительных комитетах. При этом, однако, политотделы оставались в непосредственном подчинении НКВД «по Государственному политическому управлению».

Новый орган – ГПУ должен был организовывать борьбу, в первую очередь, с контрреволюцией и антигосударственными преступлениями, в перечень которых был включен бандитизм. Для реализации такой важной задачи, обеспечивающей безопасность государства, закон о создании ГПУ наделял их деятельностью, особыми полномочиями, по реализации мер принуждения с привлечением особых военизированных войск. Положением о ГПУ утвержденным Президиумом ВЦИК [11] были сформулированы задачи ведомства, в числе которых: «а) предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений (как политических, так и экономических); б) борьба со всякого рода бандитскими и вооруженными восстаниями». Бандитизм рассматривался как политическое преступление по причине его высокой степени общественной опасности, что в свою очередь ставит под угрозу государственный строй. Бандами, которые имели сугубо корыстные цели, без политических мотивов, направленных на противодействие советской власти, стала заниматься милиция (уголовный розыск), которая, как структурное подразделение, также входила в состав НКВД. Тогда же были разработаны положения об особом и транспортном отделах ГПУ. В июне 1922 г. был определен состав коллегии ГПУ под председательством Ф. Дзержинского [9]. Общий надзор за законностью действий ГПУ и его местных органов возлагался на НКЮ (Народный комиссариат юстиции РСФСР). С созданием прокуратуры, надзорная функция перейдет к прокуратуре, но в любом случае это было лишь сугубо формально – фактически же органы госбезопасности, в силу своего специфического характера, не подвергались прокурорским ревизиям, а конкретная деятельность таких органов стала определяться системой закрытых инструкций и циркуляров. Почти сразу же ЦК РКП (б) в своем закрытом письме, адресованном губернским парторганизациям, объявил: «ГПУ его местные органы остаются одним из важнейших органов советской власти, которым партия и советская власть должны уделять особое внимание» [8].

Таким образом, ГПУ, формально являвшееся лишь подразделением более крупного правоохранительного органа – НКВД, объявлялось «важнейшим органом». Фактически, партия недвусмысленно давала понять, что ГПУ важнее и сильнее, чем НКВД, в состав которого ГПУ включалось. В подтверждение этого, буквально спустя две недели после принятия Положения о ГПУ, его правовой статус начал меняться в сторону расширения полномочий. В этой связи, следует заметить, что, помимо Дзержинского, на ведущих должностях в ГПУ остались большинство членов его команды по ВЧК. И вот именно эта команда, обладая влиянием в высших властных структурах, начала последовательно отвоевывать утраченные полномочия. Эта политика дала основание В.А. Полякову квалифицировать данные действия ни много ни мало как «контрреформу» органов государственной безопасности [13]. В свою очередь, Н.Ю. Булулуков

обращает внимание на то, что ГПУ провело в этом отношении незаконную аппаратную инициативу, пытаясь внести изменения в Положение о ГПУ без соблюдения установленных процедур [6].

На фоне определенных организационных проблем в системе ВЧК-ОГПУ 1922–1923 гг., в борьбе с бандитизмом первоначально довольно заметно выросла роль уголовного розыска, функционал которого значительно расширился. Приказ наркома НКВД Ф. Дзержинского от 10 апреля 1922 г. № 57 указывал на необходимость усиления угро. На его основе была проведена коренная реорганизация НКВД с выделением угро из милиции с передачей его в непосредственное подчинение наркому. В итоге, Центроузел преобразовали в самостоятельное управление НКВД. На местах была создана сеть уголовно-розыскных учреждений – 79 губернских и облуправлений, 700 уездных отделений и большое количество розыскных столов. При этом существовавшее в составе УУРР важнейшее оперативное подразделение, специализировавшееся на борьбе с бандами – «Бригада-Мобиль», была преобразована в Активный отдел. Это позволило угро разграничить функции с наружной милицией и ТОВЧК, усилить аппарат борьбы с бандитизмом [16].

По мере того, как от условий Гражданской войны, когда не существовало особого деления между армией и «армией по охране внутреннего порядка, т.е. войсками ВЧК и Милицией» [5], страна постепенно переходила к миру, роль милиции и угро в борьбе с бандитизмом неуклонно возрастала. По существу, в 1922 году она превратилась для милиции и угро в одну из главных задач. Не случайно, уже постановлением ВЦИК от 6 декабря 1921 г. с милиции сняли «все пункты охраны, и деятельность милиции обращена исключительно на административно-розыскную работу». Несмотря на 2 больших сокращения 1921 г., в 1 полугодии 1922 г. милиция большими силами участвовала в борьбе с бандитизмом (558 комсостава, 3926 – милиционеров и 2076 сабель) и ликвидации восстаний (68 комсостава, 408 милиционеров и 190 сабель). За первую половину 1922 г. она задержала 7973 бандита!

Происходило также качественное улучшение работы, связанное с укреплением норм законности. Как отмечалось в данной связи в докладе заместителя председателя совета народных судей Московской губернии Лунина, произошло улучшение взаимоотношений органов суда с милицией и следственным аппаратом: «Теперь функции административных органов (ГПУ, Милиция и Угрозыск) строго очерчены законом ... Так на обязанности Милиции лежит охрана внешнего порядка. На Муре и ГПУ – чисто розыскные функции – раскрытие преступлений и собирание признаков преступного деяния для следственного аппарата». Милиция и угро постепенно укреплялись и в организационно-кадровом плане. Ведомственная печать отмечала желание служить, даже несмотря на «плохое материальное обеспечение».

Хотя, ввиду высокой степени организованности многих банд, в начале 1920-х годов отмечались немалые трудности в деле их выявления и ликвидации, органы ВЧК-ГПУ, с одной стороны, и органы угро и милиции – с другой, добились значительных успехов. Среди методов, доказавших свою эффективность, особо отметим практику специализации, создания особых подразделений для борьбы с бандами. Хорошие результаты давала и практика внедрения в банды, к началу рассматриваемого периода обнаружившая свою эффективность в полной мере (среди примеров успешного внедрения отметим ликвидацию петроградским угро и ЧК банды Ивана Белки в 1921 году) [15].

Под ликвидацию особо опасных банд в это время все чаще создавались особые «ударные группы», после ликвидации соответствующей банды, как правило, упразднявшиеся. Однако потребность создания специализированных органов, прямо нацеленных на борьбу с бандами, являлась столь очевидной, что в крупных городах они все же действовали более продолжительное время, что позволяло добиваться серьезных успехов.

К примеру, в Петрограде, где в течение целого ряда лет работа велась в «ударном порядке», непрерывное вынужденное обновление кадров крайне обострило проблему «создания квалифицированного личного состава (даже в ленинградском губрозыске)». В итоге: «В 1922 г. ленинградский губернский уголовный розыск перешел на систему активной работы по специальным видам преступлений. Весь активный состав был разбит на отдельные бригады». И хотя «отсталость работников розыска, отсутствие элементарных познаний давали себя чувствовать», особенно после принятия УК, такой подход позволил с июня 1922 г. не только организовать специальные курсы лекций «для всего активного состава губрозыска», но и существенно повысить уровень специальной подготовки сотрудников, занятых борьбой с бандами [9].

Особые, специально созданные для ликвидации отдельных банд отряды активно действовали и на местах, в провинции. К примеру, долгое время на границе Моршанского уезда Тамбовской губернии и Керенского уезда Пензенской губернии бесчинствовала шайка Гусева и Воняева. С 1919 года на совести бандитов были десятки убийств и грабежей: «Шайка делала внезапные налеты на жителей граждан окрестных сел и промышленяла грабежами на больших и проселочных дорогах». В 1923 году Тамбовский губернский розыск командировал в Моршанский уезд особую бригаду под видом инструкторов лесного дела, которым предстояло жить у лесников. И после необходимой разработки, 27 мая: «Несколько сотрудников милиции и уголовного розыска, переодетшись крестьянами, ночью вышли в лес и встретились с Воняевым, отрекомендовавшись ему бандитами», предлагающим совместное дело. Заподозривший неладное бандит пытался бежать, но был убит [1]. Заметим, что подобные приемы стали в рассматриваемый период типичными и применялись повсеместно.

Нужно признать, что к середине 1920-х годов была проведена большая работа, в том числе информационная, «учетная», причем как в ГПУ, так и в милиции и угро. Банды последовательно ставились на учет, организовывался контроль за их уничтожением. Иными словами, создавалась система борьбы с бандитизмом. На практике это давало все более хорошие результаты. К примеру, в Саратове, где подотдел угро организовал наблюдение за всеми приезжающими, за подозрительными квартирами («хазами») удавалось успешно противостоять криминалитету. Так, в 1924 г. здесь были задержаны 9 человек, ограбивших поезд (в т.ч. иностранных подданных США, Англии): «В данном случае раскрытию преступления способствовало быстрое принятие мер наблюдения за приезжающими, знание преступного мира и умение агентов розыска по отдельной найденной части добратся до целого».

На уровне центральных подразделений НКВД особенно большое значение имела организация работы в сфере регистрации преступников. В данной связи, в циркуляре № 28 от 15 января 1924 года, направленном начальникам губернских и областных угрозысков начальниками ЦАУ (Сергиевский), ОУР (Николаевский) и Научно-технического отдела (Потапов), отмечалось, что ЦРБ ОУР ЦАУ НКВД «в настоящее время обладает большим, ежедневно увеличивающимся собранием регистрационных дактилоскопических карт на уголовных преступников, зарегистрированных почти на всей территории СССР». В этой связи, всем начальникам угрозысков предлагалось: «в случае невозможности на местах установления личности задержанных уголовных преступников – гастролеров, присылать в ОУР ЦАУ НКВД, на предмет установления личности и преступного прошлого, фото-карточки и оттиски пальцев этих преступников – гастролеров», а также все имеющиеся «сведения и данные о личности». Вслед за этим, циркуляр № 29 информировал о бесплатной рассылке местным угро бланков дактилоскопической регистрации (и для единства, и для экономии средств).

Преобразования эпохи нэпа затормозили развитие успешной борьбы с бандитизмом. Виной тому стали, в первую очередь, кампании «упрощения» и «оздоровления» аппарата власти, по существу, вылившиеся в серьезное сокращение милиции и уголовного розыска, как в центре, так и на местах. Начало данному процессу положил перевод на местные бюджеты, в соответствии с Декретом СНК от 17 октября 1922 года, имевший крайне негативные последствия. Во-первых, на местах достаточных средств для содержания милиции и угро просто не было. Во-вторых, в новых условиях исполкомы начали активно и зачастую непрофессионально вмешиваться и в техническую сторону работы, и в кадровую политику. Стремясь предотвратить дезорганизацию аппарата, в декабре 1922 года совещание заведующих губернскими угрозысками (ОУ) высказалось за централизацию аппарата, однако этот призыв

услышан не был. Постановлениями ВЦИК 7 июля и 3 ноября 1923 г. приказ НКВД № 57 окончательно отменялся, а «упрощение» аппарата получало новое дыхание. В итоге, угро лишился той самостоятельности, которую получил при Держинском, и был инкорпорирован в милицию, что привело к фактическому развалу его аппарата.

К примеру, в Козловском уезде Тамбовской губернии, где в апреле 1924 г. местные власти решили «оздоровить» местные угро, сменив старые, опытные кадры, как засидевшиеся на одном месте, узловая станция Козлов и окрестности вскоре «начали буквально «греметь» от преступлений». И это в уезде, где: «До «оздоровления» уголовного розыска, оставшиеся неизловленными преступники лишь изредка выползали из нор, после же «оздоровления» они, учитывая неспособность новых сотрудников вести с ними борьбу, начали действовать в открытую». Лишь срочные меры губернского уголовного розыска, прежде всего, возвращение старых работников, уволенных за «долгое сидение на одном месте», стабилизировали ситуацию [4].

Только к началу 1924 г. настоящий погром в угро был приостановлен (телеграмма Белобородова от 25 июля 1923 г. и письмо Хлопьянкина губисполкомам 17.11.23 г.) [15].

Заметим, что очень многое в деле борьбы с бандитизмом зависело именно от оперативности реакции правоохранительных органов. Так, к примеру, в той же Тамбовской губернии в начале 1924 года вновь поднялась была новая волна грабежей, но на борьбу с бандами обратили особое внимание и спад их активности был обеспечен уже в марте – апреле. Большая и активная работа угро дала плоды в виде ликвидации самых «неуловимых» бандитов. Так, Тамбовский угро уничтожил Ф. Косова, а Козловский угро – Логунова, причем: «Во время схваток с бандами в феврале месяце был ранен начальник Борисоглебского уголрозыска т. Бессонов, и в марте месяце ранены начальник Козловского уголрозыска т. Косицын и агент Умрихин» [3]. В результате, хотя бандитизм начал было поднимать голову из-за неудачных замен работников, ситуацию быстро исправили – «бандитские гнезда были разорены». За год – с октября 1923 по октябрь 1924 гг. результатом стала «ликвидация 38 уголовных шаек и уничтожение при перестрелках и преследованиях 43 бандитов» [2].

В заключении отметим что, не смотря на начало стабилизации общественных отношений на этапе завершения Гражданской войны и реформирования в связи с этим ВЧК в ГПУ-НКВД в целях приведения правоохранительных органов к условиям мирного времени, бандитизм, как особо опасное социальное явление, все еще требовал особого внимания и оперативного реагирования, правоохранительных органов. После реорганизации ВЧК в ГПУ борьба с политическими преступления в том числе политическим бандитизмом, сохранила свою актуальность и в качестве приоритетной задачи осталась в компетенции ГПУ. Противодействие

уголовному бандитизму обеспечивалось милицией (уголовный розыск).

Правоохранительные органы постепенно наладили системное противодействие бандитизму за счет опыта, приобретенного сотрудниками правоохранительных органов в борьбе с бандитизмом и организации системного контроля и учета криминальной деятельности банд, учет преступников по средствам фотографирования и регистрации в регистрационных дактилоскопических картах. Преобразования эпохи нэпа затормозили развитие успешной борьбы с бандитизмом. Неудачные попытки «оптимизации» работы правоохранительной деятельности, связанной с сокращением и омоложением кадрового состава, вызвали очередной всплеск бандитизма, что позволило понять опасность данного социального явления и необходимость сохранения сотрудников правоохранительных органов, с опытом борьбы с бандитизмом, в рядах правоохранительных органов, для обеспечения преемственности и передачи опыта молодым сотрудникам правоохранительных органов.

Литература

1. Батр Н. Ликвидация одного из неуловимых бандитов // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 7–8. – с. 37–21
2. Батраков Н. Работа Тамбовского губрозыска // Административный вестник. – 1925. – № 1. – С. 95. 27
3. Батраков Н. Тамбовский уголовный розыск в борьбе с преступностью // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 7–8. – С.30. 26
4. Батраков Н. Тенденция к «оздоровлению» уголовных розысков и их последствия (Один из отчетов мест) // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 7–8. – С. 30–31. 24
5. Бородулин В. Предпосылки деятельности милиции // Рабоче-крестьянская милиция. – 1922. – № 1. – С. 10–11. 15
6. Булулуков Н.Ю. Правовое регулирование организации и деятельности органов государственной безопасности (1922–1934 гг.). // М.: Академия федеральной службы безопасности. 194 с – 2005. – С. 38–39. 13
7. Зданович А.А. Правовые основы организации и деятельности органов ВЧК-ОГПУ по военной линии и их практические задачи // Вестник Саратовского гос. соц.эком. ун-та. – 2007. – № 19. –С. 147. 9
8. Камалова Г.Т. Подразделения ВЧК-ГПУ-ОГПУ в системе органов государственной власти (1921–1929 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – № 7 (266). – С. 14. 11
9. Крнев. Постановка профессионального развития сотрудников ленинградского губрозыска // Рабоче-крестьянская милиция. – № 5. – С. 28. 20

10. Мардамшин Р.Р. История Башкирской ЧК. // Уфа. – 1995. – С. 19. 1
11. Положение о Государственном политическом управлении НКВД (утв. Постановлением ВЦИК от 06.03. 1922) // М.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, Сб. документов. Январь 1922- декабрь. –1936. –2003. –С.15–17. 7
12. Поляков В.А. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. – 2002. – № 7. – С. 19. 2
13. Поляков В.А. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. – 2002. – № 7. – С. 20. 12
14. Постановление ВЦИК от 06.02. 1922 г. «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах обысков, выемок и арестов» //СУ РСФСР. – 1922. – № 16. – Ст. 160. 4
15. Шумахер С. Организационные формы Уголовно-Розыскных Учреждений в 1917–1924 гг.// Рабоче-крестьянская милиция. Орган ЦАУ НКВД. – 1924. – № 11. – С. 44–46. 25
16. Шумахер. Организационные формы Уголовно-Розыскных Учреждений в 1917–1924 гг.// Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 11. – С. 44–46. 14

COUNTERACTING BANDITRY IN THE CONTEXT OF REFORMING LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE SOVIET GOVERNMENT AT THE END OF THE CIVIL WAR

Maksimov P.V.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The aim of the study was to analyze the transformation of law enforcement agencies in Soviet Russia during the end of the Civil War and the initial stage of peaceful construction, as well as the effectiveness of their fight against banditry as the most important social challenge of that time. The main objectives included studying the structural reforms carried out in law enforcement agencies, changes in their legal status and powers, as well as analyzing methods of combating banditry. The hypothesis of the study was that the reform of security agencies aimed at adapting to peaceful conditions contributed to the improvement of work, but had negative consequences due to personnel reductions and organizational changes. The study revealed that the creation of the GPU as a structural unit of the NKVD made it possible to focus on the fight against political banditry, while the criminal investigation department (UGRO) was engaged in counteracting mercenary crimes. Methods such as infiltration into gangs, the creation of specialized groups and the registration of criminals increased the effectiveness of the fight. However, the reforms of the NEP era, including the rejuvenation of personnel,

led to a temporary deterioration in the situation. The results of the study confirm the importance of a systematic approach and qualified personnel in the fight against banditry.

Keywords: Civil War, banditry, VChK-GPU, NKVD, reform of law enforcement agencies.

References

1. Batr N. Liquidation of one of the elusive bandits // Workers' and Peasants' Militia. – 1924. – № 7–8. – p. 37 21
2. Batrakov N. Work of the Tambov Provincial Investigation Department // Administrative Bulletin. – 1925. – № 1. – P. 95. 27
3. Batrakov N. Tambov Criminal Investigation Department in the Fight against Crime // Workers' and Peasants' Militia. –1924. –№ 7–8. –P.30. 26
4. Batrakov N. The Tendency to “Improvement” of Criminal Investigation Departments and Their Consequences (One of the Local Reports) // Workers' and Peasants' Militia. – 1924. –№ 7–8. – P. 30–31. 24
5. Borodulin V. Prerequisites for the activities of the police // Workers' and Peasants' Militia. – 1922. – № 1. – P. 10–11. 15
6. Bululukov N. Yu. Legal regulation of the organization and activities of state security agencies (1922–1934). // М.: Academy of the Federal Security Service. 194 p. – 2005. – P. 38–39. 13
7. Zdanovich A.A. Legal foundations for the organization and activities of the Cheka-OGPU bodies along military lines and their practical tasks // Bulletin of the Saratov State Social-Economic University. – 2007. – № 19. – P. 147. 9
8. Kamalova G.T. Units of the Cheka-GPU-OGPU in the system of state authorities (1921–1929) // Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. – 2012. – No. 7 (266). – P. 14. 11
9. Krenev. Organization of professional development of employees of the Leningrad provincial search department // Workers 'and Peasants' Militia. – No. 5. – P. 28. 20
10. Mardamshin R.R. History of the Bashkir Cheka. // Ufa. – 1995. – P. 19. 1
11. Regulation on the State Political Administration of the NKVD (approved by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06.03. 1922) // М.: Lubyanka. Stalin and the Cheka-GPU-OGPU-NKVD, Collection of documents. January 1922- December. –1936. –2003. –P.15–17. 7
12. Polyakov V.A. Development of the reform of the All-Russian Extraordinary Commission (1921–1922) // New Historical Bulletin. – 2002. – No. 7. – P. 19. 2
13. Polyakov V.A. Development of the reform of the All-Russian Extraordinary Commission (1921–1922) // New Historical Bulletin. – 2002. – No. 7. – P. 20. 12
14. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06.02. 1922 “On the abolition of the All-Russian Extraordinary Commission and the rules for searches, seizures and arrests” // SU RSFSR. – 1922. – No. 16. – Art. 160. 4
15. Schumacher S. Organizational forms of Criminal Investigation Institutions in 1917–1924// Workers' and Peasants' Militia. Organ of the Central Investigation Department of the NKVD. – 1924. – No. 11. – P. 44–46. 25
16. Schumacher. Organizational forms of Criminal Investigation Institutions in 1917–1924// Workers' and Peasants' Militia. – 1924. – No. 11. – P. 44–46. 14

Использование криптовалюты в легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате преступной деятельности

Малыгин Александр Игоревич,
аспирант АНО ВО «РОСНОУ»
E-mail: maligin25011991@mail.ru

Отсутствие четких юридических определений и правил для криптовалют создает проблемы в борьбе с финансовыми преступлениями, такими как отмывание денег. Растет признание необходимости обновленного законодательства, учитывающего уникальные характеристики и риски, связанные с цифровыми валютами. Это включает в себя обеспечение принятия соответствующих мер для предотвращения их неправомерного использования для незаконной деятельности, включая отмывание денег и финансирование терроризма. Таким образом, развивающаяся природа криптовалют, таких как биткойн, требует активного подхода со стороны законодателей и регулирующих органов для создания комплексных рамок, которые будут способствовать как внедрению безусловно общественно полезных инноваций, так и соблюдению нормативных требований. Решение этих проблем будет иметь решающее значение для защиты финансовой целостности и одновременного содействия росту цифровой экономики в России и во всем мире.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, отмывание денежных средств, признаки преступления, криптовалюта

Непосредственным объектом легализации (отмывания) денежных средств и (или) иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности следует рассматривать отношения общественной безопасности, что предопределяет повышенную общественную опасность данного вида легализации преступных доходов по отношению к иным видам легализации преступных доходов. В качестве дополнительного непосредственного объекта этого преступления следует рассматривать общественные отношения правосудия.

Отдельно стоит отметить расширение предмета легализации (отмывания) денежных средств и (или) иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности за счет включения в него денежных средств, преобразованных из виртуальных активов (криптовалют) оправдано по следующим причинам:

а) в современной действительности криптовалюты могут использоваться как средства платежа, а, соответственно, в таком случае возможно получение криминального дохода исключительно в криптовалюте;

б) криптовалюты могут быть использованы как средство совершения легализации (отмывания) денежных средств и (или) иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности;

в) в зарубежной судебной практике были зафиксированы случаи использования криптовалют для легализации (отмывания) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности.

В настоящее время российское законодательство не содержит конкретного определения или нормативной базы для криптовалют. В результате правовой статус биткойна остается неоднозначным. Обычно его рассматривают как форму цифрового актива или виртуальной валюты, но ему не хватает формального признания и правового статуса, которые предоставляются бумажным валютам или электронным способам оплаты в соответствии с российским законодательством [1].

Точка зрения А.А. Давыдова подчеркивает, что в нынешней правовой ситуации в России криптовалюты считаются суррогатными формами денег. Это обозначение подразумевает, что, хотя они служат средством обмена и сбережения стоимости, они не соответствуют критериям, которые можно классифицировать как безналичные или электрон-

ные средства, как это определено действующими правилами. Следовательно, криптовалюты, такие как биткойн, прямо не подпадают под положения статей 174 и 174.1 УК РФ, которые касаются легализации (отмывания денег) доходов, полученных преступным путем [2]. Развивая эту точку зрения, аргумент Давыдова, вероятно, проистекает из уникальных характеристик криптовалют, таких как их децентрализованный характер и проблемы, которые они создают для традиционного финансового регулирования и надзора.

Криптовалюты, в отличие от традиционных электронных фондов, работают на основе технологии блокчейн и во многих юрисдикциях часто воспринимаются как спекулятивный актив, а не как признанная форма законного платежного средства. С практической точки зрения такая интерпретация может повлиять на то, как правоохранительные и судебные органы рассматривают дела, связанные с криптовалютами, полученными в результате незаконной деятельности. Это подчеркивает продолжающиеся дебаты и проблемы регулирования, связанные с классификацией и обращением с криптовалютами в более широких рамках финансового законодательства и усилий по борьбе с отмыванием денег.

Кроме того, дискуссии о статусе криптовалют как суррогатов денег подчеркивают необходимость законодательной ясности и адаптации к развивающейся вариативности цифровых финансов. Поскольку криптовалюты продолжают завоевывать известность на мировых рынках, их нормативное регулирование, вероятно, останется в центре внимания юридических и политических дискуссий, направленных на обеспечение эффективных мер против финансовых преступлений и одновременное содействие инновациям в цифровой экономике.

Криптовалюты становятся все более распространенными в современных транзакциях, выступая в качестве жизнеспособного средства для получения преступных доходов исключительно с помощью цифровых средств.

Расширение круга предметов преступлений, включая конвертированные средства из виртуальных активов, отражает развивающуюся картину финансовых преступлений, где криптовалюты играют значительную роль в незаконной деятельности из-за их децентрализованного характера и предполагаемой анонимности. Более того, включение преступлений, связанных с криптовалютой, в правовую базу подтверждает необходимость решения возникающих проблем в борьбе с отмыванием денег и финансовыми преступлениями, связанными с цифровыми валютами [3].

Включив положения, охватывающие средства, полученные из криптовалют, власти смогут лучше регулировать и обеспечивать соблюдение законов, чтобы предотвратить противоправное использование этих цифровых активов в незаконных целях. Например, биткойн может служить средством для взяточничества. Поэтому расширение сферы дей-

ствия уголовных законов, включив в него криптовалюты, было необходимо для решения этой современной реальности.

Криптовалюты способствуют отмыванию доходов от организованной преступной деятельности. Они часто характеризуются анонимностью, что позволяет людям скрывать происхождение незаконных средств. Транзакции с использованием криптовалют могут обходить физические границы и уклоняться от государственного надзора, что делает их привлекательным инструментом для отмывания преступных доходов. Например, тот, кто получает взятку в традиционной валюте, может конвертировать ее в биткойны, которые затем можно использовать за рубежом в качестве формы платежа или обменять обратно на традиционную валюту.

Включение криптовалют в закон отражает адаптацию к технологическим достижениям и развивающимся криминальным методикам, гарантируя, что правовые средства остаются актуальными и эффективными в борьбе с современными формами финансовых преступлений.

Применительно к российскому опыту противодействия, следует согласиться с мнением Г.П. Лозовицкой о том, что использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве в настоящее время становится одним из самых перспективных направлений раскрытия и расследования преступлений. Однако цифровые доказательства не активно используются в уголовном или гражданском судопроизводстве [5]. На наш взгляд, следует поддержать мнение и о том, что «в последнее время все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта. В числе наиболее сложных – вопросы правового характера» [6].

Интеграция возможностей искусственного интеллекта (ИИ) в расследование и судебное преследование по делам, связанным с отмыванием средств и активов, полученных от организованной преступности, включая транзакции с криптовалютами, представляет значительные возможности для правоохранительных и судебных систем во всем мире.

Технологии искусственного интеллекта могут революционизировать этот процесс, быстро и эффективно анализируя огромные объемы данных. Например, алгоритмы ИИ могут анализировать сложные финансовые транзакции, выявлять подозрительные закономерности и раскрывать скрытые связи между физическими и юридическими лицами, участвующими в схемах отмывания денег. Эта возможность имеет решающее значение в тех случаях, когда криптовалюты, известные своей псевдоанонимностью и децентрализованным характером, используются для сокрытия происхождения незаконных средств.

Подробно остановимся на криптовалюте как предмете легализации (отмывания) доходов, полученных организованной преступностью. В «Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют»

указано, что в настоящее время «в Российской Федерации отсутствует законодательное регулирование такого высокорискованного финансового инструмента, как цифровая валюта (криптовалюта)» [7].

В Информационном письме Банка России от 29.02.2024 N ИН-08–12/18 «О рисках совершения операций с цифровыми валютами и рекомендациях финансовым организациям исключить предложение услуг, предусматривающих совершение таких операций» указано, что «распространение цифровых валют в Российской Федерации сопряжено с высокими рисками для благосостояния российских граждан и стабильности финансовой системы, а также рисками вовлечения клиентов финансовых организаций в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма» [7]. Следует обратиться к базовым законам, так статья 128 ГК РФ к объектам гражданских прав, в частности относит: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). То есть последние не относятся к имуществу. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дает определение только цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

Помимо высокой латентности, скорости использования и невозможности контроля никакими отечественными правоохранительными и банковскими органами, сложность для правоприменителя при ее использовании в легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем О.Н. Тисен говорит, что «за почти 15 лет существования технологии распределенного реестра отношения в этой сфере существенно трансформировались, появились миксеры, тумблеры и анонимайзеры, позволяющие скрыть следы связи конкретного владельца с транзакциями, сформировалась развитая инфраструктура провайдеров услуг в сфере виртуальных активов, в том числе работающих в теневом секторе, а количество криптовалют многократно увеличилось» [8].

В России оборот криптовалюты не регламентирован никакими нормативными актами, а ее виды усложняются и увеличиваются, на сегодняшний день насчитывается свыше 8200 токенов и монет. Назовем лишь Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH), Ripple (XRP), Binance Coin (BNB), Monero. Следует согласиться с Я.О. Кучиной, что «разнообразие видов криптовалют, разнообразие сочетаний технологической архитектуры, способов их создания, не говоря уже о целях, задачах, функциях не позволяют законодателю своевременно реагировать на их незаконное использование» [9].

«Электронные денежные средства отличаются многообразием и классифицируются: на неконвертируемые валюты (например, Q Coins), которые такому обмену не подлежат; конвертируемые валюты (например, E-Gold, Bitcoin, Liberty Reserve), которые могут быть обменены на фиатную валюту; централизованные валюты (например, E-Gold, Liberty Reserve, Perfect Money), курс которых привязан к величине фиатной валюты или к цене золотой унции; децентрализованные валюты – криптовалюты (например, Bitcoin, Ethereum, Litecoin, Ripple) и многие другие. Они не имеют единого администратора и централизованного контроля. «Информация о передаче прав собственности передается через пиринговую сеть способом, который обеспечивает в период короткого времени, в течение которого происходит подтверждение транзакций, безопасность и целостность передачи стоимости» [10].

По мнению Т.М. Лопатиной «отсутствие централизованного контроля позволяет пользователям обходить банковские системы, что популяризирует использование криптовалют в сфере легализации преступных доходов» [11].

Российский законодатель стремится установить нормы, противодействующие незаконной деятельности с криптовалютой, так Федеральный закон от 08.08.2024 N 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрел, что в ст. 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» указано, что «при наличии у лица, организующего деятельность майнинг-пула, любых оснований полагать, что распределенная цифровая валюта может быть использована участниками майнинг-пула в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, он обязан уведомить об этом уполномоченный орган».

Считаем, что назрела необходимость внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 N 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», так как оно было принято на основе положений статьи 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ. За прошедшее время положение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что «предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления» уже сильно устарело. Объясним почему, проблема заключается в том, что Постановление Пленума Верховного Суда N 32

не называет виртуальные активы предметом преступления, а только то, что предметом преступления могут являться денежные средства, преобразованные из виртуальных активов. Зачастую, самые описываемые в судебной практике варианты – отмыывание доходов от онлайн продажи наркотиков через биткоины, которые затем обналичивались.

Далее, в публичном отчете за 2022 год «Национальная оценка рисков легализации (отмыывания) доходов, полученных преступным путем» указано, что «виртуальные активы в отмыывании доходов могут использоваться в качестве: инструмента для расчетов при осуществлении преступной деятельности или в качестве оплаты за участие в преступной деятельности с последующим выводом в фиатные валюты; инструмента для расчетов преступниками при приобретении на преступные доходы недвижимого и движимого имущества, объектов роскоши и др. за рубежом, в странах, где расчеты с использованием виртуальных активов разрешены; средства перемещения («расслоения») средств, полученных преступным путем, по криптокошелькам и различным платежным инструментам; инструмента для сокрытия владения – преступные доходы могут храниться на виртуальных активах, таким образом сохраняя анонимный характер владения средства ми, полученными преступным путем. Наиболее часто использование виртуальных активов выявляется в схемах незаконного оборота наркотиков, контролируемых преимущественно транснациональной организованной преступностью, для приобретения и сбыта которых активно используются ресурсы сети Интернет (в частности, в ее закрытом сегменте «Даркнет»). Кроме того, в отдельных случаях виртуальные активы могут использоваться в рамках совершения других преступлений, в том числе коррупционной и общеуголовной направленности. В целях дальнейшей конвертации в фиатные деньги, обменниками («криптовбиржами») используются счета в российских кредитных организациях, в том числе зарегистрированные на подставных лиц, через которые посредством P2P-переводов осуществляется перечисление суммы, эквивалентной объему виртуальных активов, поступивших на обменник («криптовбиржу») с кошелька виртуальных активов клиента, на указанное клиентом электронное средство платежа, например банковскую карту. В целях усложнения возможностей отслеживания транзакций с виртуальными активами по перемещению преступных денег используются механизмы, позволяющие обеспечить анонимность совершаемых операций: «миксеры» и приватные виртуальные активы, технология которых затрудняет возможность определения номеров кошельков и размеров переводов».

Следует согласиться с М.А. Филатовой, что законодатель должен признать криптовалюту объектом гражданских прав, так как в настоящее время вменение состава легализации требует установления факта финансовых операций с денежными средствами после их конвертации из криптовалю-

ты и установление цели придания правомерного вида, а не просто цели личного использования.

Таким образом, следует сделать вывод, что редакция пп. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 N 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмыывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», предусматривающее, что «предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления» потеряла свою актуальность и ее следует изложить в следующей редакции: «предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), криптовалюты, цифровые валюты и иные цифровые активы, приобретенных в результате совершения преступления».

Литература

1. Сорокин А.И. Легализация (отмыывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем: некоторые аспекты квалификации / А.И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 1(86). – С. 38–44.
2. Давыдов А.А. Предмет легализации (отмыывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: проблемы квалификации // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей VI Международной научной студенческой конференции. Иркутск, 2018. С. 37.
3. Боровик П.Л. Подходы к построению оптимальной структуры криминалистической характеристики легализации («отмыывания») преступных доходов посредством использования криптовалют / П.Л. Боровик, В.А. Самойло // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. № 1 (41). – С. 88–96.
4. Баратов Ю.А. Квалификация преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Право и управление. – 2023. № 3. – С. 148–152.
5. Лозовицкая Г.П. Особенности профессиональной подготовки экспертов-криминалистов ЭКП МВД России в условиях цифровизации современного общества / Г.П. Лозовицкая // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2019. – № 4(23). – С. 52–62.
6. Лозовицкая Г.П. Искусственный интеллект: правовые проблемы использования / Г.П. Лозовицкая, Л.В. Маринкина // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конферен-

ции, Москва, 23 октября 2020 года / Под общей редакцией И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 517–521.

7. Информация о рисках и угрозах, сопутствующих распространению криптоактивов («виртуальных валют», криптовалюта), размещена на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (пресс-релиз от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойна; пресс-релиз от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалюта)»; доклад для общественных консультаций от 20.01.2022 «Криптовалюта: тренды, риски, меры»).
8. Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. 2024. N 5. С. 7–11.
9. Кучина Я.О. Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 4. С. 118–127.
10. Кочетков А.В. Характеристика свойств и классификации криптовалют // Финансовые исследования. 2017. N 4(53). С. 30.
11. Лопатина Т.М. Криптовалюта как объективный признак состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем // Российский следователь. 2022. N 2. С. 51–55.
12. Данилова О.А. Риски использования криптовалюты в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма: вопросы правового регулирования обращения цифровых денег // Финансовое право. 2023. N 2. С. 26–30.
13. Филатова М.А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. N 5. С. 40–51.

THE USE OF CRYPTOCURRENCY IN LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED AS A RESULT OF CRIMINAL ACTIVITIES

Malygin A.I.
ANO VO "ROSNOU"

The lack of clear legal definitions and rules for cryptocurrencies creates problems in the fight against financial crimes such as money laundering. There is growing recognition of the need for updated legislation that takes into account the unique characteristics and risks associated with digital currencies. This includes ensuring that appropriate measures are in place to prevent their misuse for illicit activities, including money laundering and terrorist financing. The evolving nature of cryptocurrencies such as Bitcoin therefore re-

quires a proactive approach from legislators and regulators to create comprehensive frameworks that will facilitate both the introduction of clearly socially beneficial innovations and compliance with regulatory requirements. Addressing these issues will be critical to protecting financial integrity while facilitating the growth of the digital economy in Russia and around the world.

Keywords: objective side of the crime, money laundering, elements of a crime, cryptocurrency

References

1. Sorokin A.I. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons by criminal means: some aspects of qualification / A.I. Sorokin // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2021. – No. 1 (86). – P. 38–44.
2. Davydov A.A. Subject of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: problems of qualification // Problems of the formation of civil society: collection of articles of the VI International Scientific Student Conference. Irkutsk, 2018. P. 37.
3. Borovik P.L. Approaches to constructing an optimal structure of forensic characteristics of the legalization ("laundering") of criminal proceeds through the use of cryptocurrencies / P.L. Borovik, V.A. Samoilov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. No. 1 (41). – P. 88–96.
4. Baratov Yu.A. Qualification of crimes committed using cryptocurrency // Law and management. – 2023. No. 3. – P. 148–152.
5. Lozovitskaya G.P. Features of professional training of forensic experts of the ECP of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of digitalization of modern society / G.P. Lozovitskaya // Encyclopedia of forensic examination. – 2019. – No. 4 (23). – P. 52–62.
6. Lozovitskaya G.P. Artificial Intelligence: Legal Problems of Use / G.P. Lozovitskaya, L.V. Marinkina // Strategic Development of the Russian Ministry of Internal Affairs System: Status, Trends, Prospects: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 23, 2020 / Edited by I.G. Chistoborodov, A.L. Sitkovsky, V.O. Lapin. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. – P. 517–521.
7. Information on the risks and threats associated with the spread of cryptoassets ("virtual currencies", cryptocurrencies) is posted on the official website of the Bank of Russia in the information and telecommunications network "Internet" (press release dated 27.01.2014 "On the use of "virtual currencies" in transactions, in particular, bitcoin; press release dated 04.09.2017 "On the use of private "virtual currencies" (cryptocurrencies)"; report for public consultations dated 20.01.2022 "Cryptocurrencies: trends, risks, measures").
8. Tisen O.N. The mechanism of committing crimes using cryptocurrencies: based on the results of the analysis of investigative and judicial practice // Russian investigator. 2024. N 5. pp. 7–11.
9. Kuchina Ya.O. Cryptocurrency turnover as an object of a crime and doctrinal errors in its perception // Actual problems of Russian law. 2020. N 4. P. 118–127.
10. Kochetkov A.V. Characteristics of the properties and classification of cryptocurrencies // Financial studies. 2017. N 4 (53). P. 30.
11. Lopatina T.M. Cryptocurrency as an objective sign of the composition of the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means // Russian investigator. 2022. N 2. P. 51–55.
12. Danilova O.A. Risks of using cryptocurrency for the purposes of money laundering and terrorist financing: issues of legal regulation of the circulation of digital money // Financial law. 2023. N 2. P. 26–30.
13. Filatova M.A. Problems of qualification of the legalization (laundering) of digital currency // Criminal law. 2024. N 5. P. 40–51.

Император Павел I, Великий магистр Мальтийского ордена и католическая церковь: проблема взаимоотношений

Рампино Карла,

профессор, научный сотрудник Римской делегации региона Апулия (Республика Италия)
E-mail: rampinocarla@gmail.com

Статья посвящена характеристике отношений между православной и католической религиями на основе анализа взаимодействия императора Российской империи Павла I и Мальтийского ордена. Отмечается, что заинтересованность в соответствующем сотрудничестве проявилась в деятельности императора проявилась уже непосредственно после коронации, в условиях, когда сам Мальтийский орден, усилиями французской революционной армии, был лишен имущества, которым владел во Франции и Италии. По предложению императора в России учреждался Великий приор Мальтийского ордена, а государство брало на себя обязательство гарантировать его защиту. Учитывая его это предложение, посредники, братья Литта, предложили назначить Павла I Великим магистром Мальтийского ордена, что автоматически превращало православного государя во главу католического ордена. Отмечается, что данное назначение не было реализовано по причине вето, наложенного Папой Римским Пием VI, считавшим невозможным сосуществование двух религий в рамках одного ордена. По мнению авторов интерес Павла I к католическому ордену был обусловлен тем, что Мальтийский вопрос для него являлся одним из системных элементов внешней политикой в отношении Турции, Ближнего Востока и Средиземноморья. Отмечается, что стратегия Павла состояла в том, чтобы собрать вокруг Мальтийского ордена все военные и интеллектуальные силы Европы без различия национальности, сословий и конфессий с целью помешать начавшемуся во Франции революционному движению, которое угрожало не только «тронам и алтарям», но и всему порядку вещей, существующему в цивилизованной Европе. В такой ситуации религиозная составляющая отходила на второй план: католическая и православная религии не представляли собой две далекие друг от друга конфессии, а были близки как никогда, объединенные борьбой за поддержание мирового равновесия.

Ключевые слова: Российская империя, Мальтийский орден, Павел I, межрелигиозный диалог, римско-католическая религия, православная религия

Развитие современных отношений между Святым Престолом и Россией берет свое начало в 1990 г., на завершающем этапе существования союзного государства. Именно в этом году Святой Престол и Россия решили придать своим отношениям официальный характер. Однако, дипломатические отношения между Россией и Святым Престолом имеют более глубокие исторические корни, прослеживаются еще в древнерусской истории. В этой связи следует отметить и Крещение Руси (988 г.), первое свидетельство контактов между двумя государствами, и эпизод, когда Великий князь Киевский св. Владимир принял папских легатов [5, с. 114].

В середине XIV века отношения между Московской Русью и Святым Престолом обретают большую стабильность, свидетельством чего является освящение брака между Великим князем Московским Иваном III и Византийской принцессой Софьей (Зоей), предложенной Папой Павлом II [4, с. 36]. Началом важнейших изменений в отношениях между двумя государствами стало учреждение посольств в Риме в царствование Петра I (1698 и 1707 гг.) и Екатерины II (1783–1784 гг.), и продолжение их деятельности при последующих императорах. Предметом исследования в настоящей статье является конкретный исторический момент в дипломатических отношениях между Россией и Святым Престолом, между православной и католической религиями, связанный с деятельностью Суверенного военного Мальтийского Ордена и правлением Павла I, ставшего Великим магистром Мальтийского ордена. В современной историко-правовой науке фигура этого монарха традиционно не причисляется к императорам, сделавшим ее великой державой: в основном о нем говорят как о наследнике, отстраненном от власти Екатериной Великой. Тем не менее, в длительной истории дипломатических отношений между Святым Престолом и Россией особое значение имеет именно то, что связано с его приходом к власти.

Вследствие того обращения, которое демонстрировала к нему Екатерина Великая течение десятилетий своего правления, в Павле развилась устойчивая ненависть к самой венценосной матери, ее фаворитам, советникам и всему, что она представляла [11, с. 37]. Отмена решений Екатерины II была характерной чертой короткого правления Павла I (1796–1801 гг.). Несмотря на этот своеобразный пораженческий подход, Павел I, человек с юности идеологически увлеченный средневековым рыцарством и славным Мальтийским орденом в целом, с большим энтузиазмом привет-

ствовал возобновление переговоров, прерванных его матерью с Суверенным Мальтийским Орденом [14, с. 454].

Следует сказать, что первые контакты между Россией и Орденом Святого Иоанна Иерусалимского относятся к началу XVII в., когда князь Януш Острожский (на Волыни), последний мужской отпрыск волынской ветви Юриковичей, принявший католичество, решил превратить свои обширные владения в Приор Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Чтобы осуществить эту идею, в 1609 г. он внес в завещание формальный пункт, адресованный наследникам. Они, однако, предпочли оставить эти богатые земли себе, не следуя воле покойного и вызывая на протяжении десятилетий нескончаемые тяжбы по поводу княжеского наследства.

Эти процессы продолжались вплоть до 1774 г., когда польскому правительству удалось, наконец, исполнить, хотя бы частично, волю покойного князя Януша и учредить польское отделение Мальтийского ордена с наследственными командорствами. В то время на российском престоле уже находилась Екатерина II, которая, не теряя времени, присоединила данные земли к владениям своей короны. Именно с этого события начались длительные переговоры между судебным приставом графом Литтой и Российской империей с целью превратить эти владения в собственность Ордена.

Судебный пристав Джулио Литта из Милана прибыл в Санкт-Петербург из Милана после проведения консультаций с Антонино Мареской, герцогом Серракаприолой. Принадлежащий к знатной соррентийской семье влиятельных чиновников королевского дома, А. Мареска в июле 1782 г. был назначен полномочным министром в России, сменив на этом посту Муцио да Газта, герцога Сан-Никола. На момент назначения Серракаприолы Россия искала поддержки в Средиземноморье, прежде чем вступить в прямой конфликт с Турцией. По этой причине А. Мареска, совместно с советником Фердинандо Галиани, подготовил торговый договор между Россией и Неаполем, ратифицированный в 1787 г., в котором содержался секретный пункт о преференциальном режиме неаполитанских судов в Черном море [2, с. 97]. Теперь же, в этих переговорах на Серракаприолу была возложена задача обеспечить, чтобы проявления дружбы с Неаполем не трансформировались, в итоге, в предложение союза против Турции [7, 66].

На самом деле Неаполь нуждался и в дружбе с Россией, и в дружбе с Турцией для свободного торгового транзита по Черному морю. Роль и связанная с ней переписка Серракаприолы с Русским двором позволили ему приобрести репутацию опытного переговорщика и доверенного лица. Его положение в качестве «попечителя» Российской Короны было усилено его браком с Анной Александровной Вяземской, второй дочерью князя Вяземского, человека, занимавшего видное положение в России в качестве Генерал-прокурора

Правительствующего Сената, Министра финансов и юстиции, члена Совета императорского двора.

Установив свой личный союз с русской аристократией, Серракаприола попытался укрепить взаимопонимание между двумя государями через брак дочери короля Фердинанда и Великого князя, идея чего поддерживалась и Екатериной. В силу ряда обстоятельств данная затея провалилась, что, однако, не повлияло на решимость Серракаприолы, принявшего участие в проекте «встречи мнений» между двумя Церквями, по согласованию с монсеньором Литта, Апостольским нунцием в Санкт-Петербурге, и Джулио Литта, бейлифом Мальтийского Ордена. Последний пользовался благосклонностью нового Императора Павла I, от которого получил поручение начать переписку с Римским понтификом [8, с. 369].

На самом деле, коронованный император не замедлил засвидетельствовать свое теплое отношение к прославленному Ордену, который в те годы был вытеснен революционными французскими армиями из своих владений во Франции и Италии. Перед принятием в конце 1798 г. соглашения мальтийских рыцарей и императора о передаче Павлу I наследства Великого магистра Гомпеша (который отрекся от своего титула только в 1799 г.), Русскому государю был предоставлен анонимный конфиденциальный меморандум оставшегося неизвестным рыцарем Ордена [3, с. 189]. И в этом меморандуме, и в акте 1798 г. рыцари Великого Приората России, другие рыцари, присутствовавшие в Санкт-Петербурге, представили восемь доказательств того, что тогдашний Великий Магистр Мальтийского Ордена Фердинанд Гомпеш был ответственен за потерю острова Мальта и поэтому считался «виновным в самой глупой небрежности или пособником вероломных, предавших орден Святого Иоанна Иерусалимского».

Этого было более чем достаточно для того, чтобы Павел I составил акт, в котором он объявил о том, что возьмет под свое верховное руководство весь корпус мальтийских рыцарей [6, с. 13]. Он публично высказал желание действовать в качестве защитника Ордена против Бонапарта, который неожиданным ударом завладел островом Мальта 12 июня 1798 г. Император предлагал основать в России Великий приорат и этим новым учреждением «...всегда укреплять в славе то возвышение духа, которое должно производить величайшие дела» [9, с. 148]. С этого момента «...на рыцарский орден обрушился золотой дождь: 300 000 флоринов, ежегодно берущихся из польского старосты и управляемых русской казной в качестве дохода» [18, р. XXVI].

Таким образом, Великий приорат был создан по договору, подписанному в Санкт-Петербурге 15 января 1797 г. двумя полномочными представителями Павла I, а со стороны Мальтийского ордена – братом Джулио, бейлифом Ордена, графом Лоренцо Литта. На этой встрече император России торжественно одобрил и утвердил для себя и своих преемников, навечно, Мальтийский Орден в своих

владениях, назвав его Великим приоратом России [17, р. 111].

В преамбуле документа говорилось, что Павел I желает «...обеспечить, укрепить и умножить в своих государствах основание Мальтийского ордена, уже учрежденного в Польше и особенно в польских губерниях, перешедших под русское владычество; и обеспечить своим подданным, способным быть принятыми в этот орден, преимущества, почести и прерогативы, проистекающие из него». Царь решил, что главным местом собраний Ордена следует считать Петербург, и приказал присутствующим в Петербурге рыцарям принимать все необходимые решения для управления делами Ордена наиболее удобным и полезным образом, с рекомендацией соответствовать, насколько это возможно, древним правилам. Наконец, рыцарям следовало представлять свои определения монарху на утверждение [1, с. 53].

В конце того же года делегация кавалеров Ордена отправилась в Санкт-Петербург, чтобы воздать императору почести за его щедрость [6, с. 3].

В 1798 г. все эти события получили дальнейшее развитие. Великий приорат России включил в себя Великий приорат Польши, и 27 октября 1798 г. Император Павел I был назначен Великим магистром ордена Святого Иоанна Иерусалимского в Санкт-Петербурге. Официальная процедура состоялась 13 ноября в Зимнем дворце, где Павлу I был торжественно вручены знаки отличия Ордена. Через официальные сообщения и дипломатическую переписку это известие было доведено до сведения подданных и всех иностранных держав. С тех пор Павел I представлял собой то, что в международном праве именуется личной унией, две различные суверенные власти: Российскую империю и Суверенный Мальтийский орден.

Отмеченное событие означало не только получение им титула Великого Магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, но и введение в это «священное ополчение», даже лиц не католического исповедания, православных рыцарей и рыцарей, представляющих иные конфессии, что, тем самым, соответствовало совершенно новому экуменическому видению. Став Великим Магистром, император Павел вскоре приспособляет организационно-правовое устройство Ордена к российским реалиям, заботясь, в первую очередь, об интересах русского дворянства православно-вероисповедания. Манифестами от 29 ноября и 28 декабря 1798 г. Великий приорат России был разделен на две самостоятельные ветви: римско-католическую и греко-православную [13, с. 70]. В течение 1799 г. правовой новый статус русской ветви Ордена был еще более расширен конкретизирован рядом нормативных актов, большинство новелл которого означали еще большее расширение благ для членов нового, не католического, «Русского Великого приората» [14, с. 395].

В разгар своей активной нормотворческой деятельности Император Павел I, к большому своему удивлению, узнал, что после нескольких месяцев

молчания папа Пий VI негативно высказался о его избрании Великим Магистром Ордена, организованном братьями Литта без его ведома. В конфиденциальном послании от 29 марта 1799 г. Святой Престол ясно заявил, что он не может признать законность этого избрания, сделанного в пользу не католического суверена и при живом законном Великом Магистре Фердинанде де Гомпеше, который, к тому же, еще не отрекся от престола. Резкая реакция на это неприятное известие со стороны самого императора привела к высылке из России главного архитектора его провозглашения Великим магистром Мальты нунция Дж. Литты, но не прервала его прокатолической деятельности, как в России, так и в Италии.

Впрочем, несмотря на эти обстоятельства, политика Павла I, объявившего себя «католиком в душе», не претерпела никаких изменений ни в отношении Римской церкви, ни в отношении Мальтийского ордена, Великим магистром которого он продолжал себя называть. Не исключено при этом, что в феврале, или в первых числах марта 1801 г., за несколько дней до своего убийства, Павел I тайно перешел в католицизм.

После смерти императора Павла I его политику продолжил его сын и преемник Александр I, который сохранил титул Великого магистра и привилегии протектора, заведя текущими делами Ордена вплоть до избрания нового Великого магистра (Томмази) в марте 1803 г.

Таковы исторические факты, относящиеся к «Мальтийскому вопросу» в России. Открытым при этом остается вопрос о том, каковы истинные причины политики Павла I, совершенно неожиданной со стороны русского монарха, греческого православного вероисповедания, не имеющей ничего общего ни с островом Мальта, ни с Папой. Нам представляется, что нет никаких сомнений в том, что для Павла I «Мальтийская история» была частью Средиземноморской проблемы русской политики того времени.

Уже Екатерина II в своих войнах против турок искала плацдарм для русского флота в Средиземном море, и ее благосклонность к Мальтийскому ордену может быть объяснена именно этим. Но действия Павла I выходят далеко за рамки внешней политики России. На самом деле царь стремился достичь политических и экономических целей своей империи на Ближнем Востоке не за счет нападения на Турцию, а главным образом за счет сближения с ней. Таким образом, для Павла I конечная цель приобретения острова в Средиземном море – будь то один из Ионических островов или остров Мальта – совершенно отличался от планов Екатерины II: для последней Мальта представляла собой центр морских действий против Турции, для Павла I – центр действий объединенного русского и турецкого флотов [16, р. 27].

Не будем забывать, что с 1798 г. существовал формальный союз между Россией и Турцией, и этот союз рассматривается как единственный ключ к открытию России дверей Босфорского про-

лива. Во всяком случае, «Мальтийский вопрос» был в глазах Павла I частью его внешней политики в отношении Турции, Ближнего Востока и Средиземноморья. Группировка вокруг Мальтийского ордена всех военных и интеллектуальных сил Европы без различия национальности, сословия и вероисповедания преследовала своей целью воспрепятствование революционному движению, начавшемуся во Франции, которое угрожало не только «престолам и алтарям», но и, в конечном счете, всему существующему в цивилизованной Европе порядку вещей. Павел I больше склонялся к католицизму и рассматривал во всех случаях проблему антиреволюционной федерации христианских народов Европы с сугубо римской точки зрения [15, с. 112].

Таким образом, в 1798–1799 гг. это был именно проект легитимистской международной лиги (христианской, но, в то же время, вне конфессиональной) для противостояния доктринам и действиям революционного правительства Франции. Оставляя в стороне политико-международные и политико-социальные аспекты, император Павел, несомненно, добавил сильную религиозную, по существу прокатолическую, ноту к своему положению православного государя и, формально, главы католического ордена.

Литература

1. Асварищ М.Б. Мальтийский орден в России (1797–1810) // Власть, общество, армия. – М., 2013. – С. 52–65.
2. Белоголов Й.М. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Т. 1 (1762–1825). – Петроград, 1915. – 483 с. С. 91–125.
3. Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. М., 1912. – 502 с.
4. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А. Трачевского // Сборник Русского Императорского исторического общества. 1890. Т. 70. – 916 с.
5. Захаров В.А. Мальтийский Орден: история и современность. Кн. 2. – М.: Изд-во «ОГНИ», 2003. – 256 с.
6. Конвенция, заключенная между Его Величеством Императором Всероссийским и Государственным Орденом Мальтийским и его Преимуществом гросмейстером. – СПб.: Императорская типография, 1798. – 15 с.
7. Ноздрин О.Я. Мальтийский орден XVI–XVII столетий: в поисках союза с Россией // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 3 (29). – С. 63–69.
8. Папа и император Павел Петрович // Русская старина. – № 5. – 1900. – С. 368–381.
9. Политический журнал на 1798 г. Часть 3. Кн. 3. Сентябрь.
10. Путешествие в Петербург аббата Жержеля в царствование императора Павла I / пер. Н. Соболевского. – М.: книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1913. – 231 с.

11. Сорокин, Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века.: дисс. ... докт. историч. наук. – Омск, 1999. – 481 с.
12. Чиж В.Ф. Император Павел I // Вопросы философии и психологии, 1907. – Кн. 89. – С. 391–468.
13. Шалдунова Т.Н. Российский Император Павел I – Великий магистр Мальтийского ордена // Лесной вестник. – 2006. – № 7. – С. 67–73
14. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб.: издание А.С. Суворина, 1901. – 606 с. С. 395–398.
15. Шиман Т. Смерть Павла Первого. – М.: Московское книгоиздательское товарищество «Образование», 1909. – 157 с.
16. Annuaire 1998/1999. – Roma, 1998. – 324 p.
17. Castillo D.A. The Maltese Cross: A Strategic History of Malta. –L., 2006. – 268 p.
18. Rouet de Journel. Barcelona, 1946. – 840 p.

EMPEROR PAUL I, GRAND MASTER OF THE ORDER OF MALTA AND THE CATHOLIC CHURCH: THE PROBLEM OF RELATIONS

Rampino Carla

Rome Delegation of the Apulia Region (Republic of Italy)

The article is devoted to the characteristics of the relations between the Orthodox and Catholic religions based on the analysis of the interaction of the Emperor of the Russian Empire Paul I and the Order of Malta. It is noted that the interest in the corresponding cooperation was manifested in the activities of the emperor immediately after the coronation, in the conditions when the Order of Malta itself, through the efforts of the French revolutionary army, was deprived of the property it owned in France and Italy. At the suggestion of the emperor, the Grand Prior of the Order of Malta was established in Russia, and the state assumed the obligation to guarantee its protection. Taking into account his proposal, the mediators, the Litta brothers, proposed to appoint Paul I as the Grand Master of the Order of Malta, which automatically turned the Orthodox sovereign into the head of the Catholic order. It is noted that this appointment was not implemented due to the veto imposed by Pope Pius VI, who considered the coexistence of two religions within one order impossible. According to the authors, Paul I's interest in the Catholic order was due to the fact that the Maltese question was one of the systemic elements of his foreign policy in relation to Turkey, the Middle East and the Mediterranean. It is noted that Paul's strategy was to gather around the Maltese Order all the military and intellectual forces of Europe, regardless of nationality, class or confession, in order to prevent the revolutionary movement that had begun in France, which threatened not only "thrones and altars", but also the entire order of things existing in civilized Europe. In such a situation, the religious component faded into the background: the Catholic and Orthodox religions did not represent two confessions distant from each other, but were closer than ever, united by the struggle to maintain world balance.

Keywords: Russian Empire, Order of Malta, Paul I, interreligious dialogue, Roman Catholic religion, Orthodox religion.

References

1. Asvarishch M.B. The Order of Malta in Russia (1797–1810) // Power, Society, Army. – M., 2013. – P. 52–65.
2. Belogolov Y.M. Acts and documents related to the structure and management of the Roman Catholic Church in Russia. Vol. 1 (1762–1825). – Petrograd, 1915. – 483 p. P. 91–125.
3. Golovkin F. The Court and Reign of Paul I.M., 1912. – 502 p.
4. Diplomatic relations between Russia and France in the era of Napoleon I / Ed.A. Trachevsky // Collection of the Russian Imperial Historical Society. 1890. Vol. 70. – 916 p.

5. Zakharov V.A. The Order of Malta: History and Modernity. Book 2. – Moscow: Publishing House “OGNI”, 2003. – 256 p.
6. The Convention concluded between His Majesty the Emperor of All Russia and the Sovereign Order of Malta and His Majesty the Grand Master. – St. Petersburg: Imperial Printing House, 1798. – 15 p.
7. Nozdrin O. Ya. The Order of Malta in the 16th-18th Centuries: in Search of an Alliance with Russia // Bulletin of State and Municipal Administration. – 2018. – No. 3 (29). – P. 63–69.
8. The Pope and Emperor Pavel Petrovich // Russian Antiquity. – No. 5. – 1900. – P. 368–381.
9. Political journal for 1798. Part 3. Book 3. September.
10. Journey to Petersburg of Abbot Zherzhel during the reign of Emperor Paul I / trans. N.Sobolevsky. – M.: K.F. Nekrasov publishing house, 1913. – 231 p.
11. Sorokin, Yu.A. Russian absolutism in the last third of the 18th century: diss. ... doctor of history. – Omsk, 1999. – 481 p.
12. Chizh V.F. Emperor Paul I // Questions of philosophy and psychology, 1907. – Book. 89. – P. 391–468.
13. Shaldunova T.N. Russian Emperor Paul I – Grand Master of the Order of Malta // Lesnoy Vestnik. – 2006. – No. 7. – P. 67–73
14. Schilder N.K. Emperor Paul the First. Historical and biographical essay. – St. Petersburg: A.S. Suvorin’s publication, 1901. – 606 p. P. 395–398.
15. Shiman T. The Death of Paul the First. – Moscow: Moscow Publishing Partnership “Obrazovanie”, 1909. – 157 p.
16. Annuaire 1998/1999. – Roma, 1998. – 324 p.
17. Castillo D.A. The Maltese Cross: A Strategic History of Malta. –L., 2006. – 268 p.
18. Rouet de Journel. Barcelona, 1946. – 840 p.

Применение исковой давности к связанным требованиям в делах о банкротстве в практике Верховного Суда Российской Федерации

Арямов Павел Андреевич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права
Российский государственный университет правосудия
E-mail: aryamov@cmmlaw.ru

В статье рассматривается вопрос исчисления сроков исковой давности у требований, вытекающих из тесно связанного с ним спора о признании сделки недействительной в рамках дела о банкротстве, подлежащих предъявлению исключительно в рамках иного судебного разбирательства в силу императивных требований законодательства. В практике разных коллегий Верховного Суда Российской Федерации встречаются разные подходы к определению момента возникновения права на иск о применении последствий недействительности сделки и, как следствие, к исчислению сроков исковой давности о применении таких последствий. В качестве примера приводятся разъяснения суда высшей инстанции, а также конкретные судебные акты Верховного Суда Российской Федерации о включении требований в реестр требований кредиторов, восстановления срока закрытия реестра требований кредиторов, а также восстановления сроков принятия наследства после признания отказа от наследства недействительной сделкой в рамках дела о банкротстве наследника. Различные подходы в определении момента возникновения у заявителя права на иск при рассмотрении различных категорий заявлений рассматривается как отступление от принципа последовательности в правоприменении, однако применение разных подходов автором статьи находится оправданным в силу правовой природы рассматриваемых явлений и политико-правовых целей рассматриваемых правовых институтов.

Ключевые слова: исковая давность, банкротство, несостоятельность, исчисление исковой давности, связанные требования, акцессорные требования, восстановление сроков исковой давности, недействительность сделок, наследование.

Несмотря на единство высшей судебной инстанции до сих пор при рассмотрении споров разными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации встречаются различные подходы к исчислению сроков исковой давности к связанным обязательствам, требования по которым подлежат предъявлению в рамках различных судебных разбирательств.

Так по общему правилу требование о применении последствий недействительности сделки может быть заявлено как в самом исковом заявлении, так и отдельно после вступления в законную силу решения о признании сделки недействительной.

При этом, по единому мнению исследователей [7] исковая давность в обособленных спорах о признании сделок недействительными в рамках дел о банкротстве исчисляется с субъективного факта осведомленности независимого, действующего в интересах всех кредиторов, арбитражного управляющего о такой сделке.

Вопрос об исчислении исковой давности в ситуации, в которой истец самостоятельно принял решение разделить требования на две части является простым и однозначным. Вывод о том, что к требованию о применении последствий недействительности сделки применяется тот же срок исковой давности, что и к требованию о признании сделки недействительной и сроки по таким требованиям подлежат исчислению с одного момента, находит свое отражение в многочисленной практике Верховного Суда Российской Федерации [2–4], так и в практике судов нижестоящих инстанций.

Вместе с тем ситуация, в которой последствия недействительности сделки подлежат применению в рамках иного спора, чем само требование о признании сделки недействительной, не является настолько же однозначной.

Так пунктом 27 Постановления Пленума № 63 [1] установлено, что если последствием признания сделки должника недействительной является включение в реестр требований кредиторов контрагента по сделке, срок закрытия реестра для такого требования подлежит исчислению с момента вступления в законную силу судебного акта по обособленному спору о признании сделки недействительной.

Вместе с тем в правовой доктрине стоит вопрос относительно момента начала принудительного исполнения судебного акта о признании сделки недействительной. Так одни авторы утверждают о том, что судебный акт по обособленному спору о признании сделки недействительной подлежит немедленному исполнению [8], другие напротив,

что такой судебный акт порождает права исключительно после вступления его в законную силу [9]. Далее автор будет исходить из буквального толкования пункта 27 Постановления Пленума № 63.

Пункт 27 является во многих отношениях спорным с учетом того, что как оспоримые, так и ничтожные сделки не влекут за собой никаких правовых последствий с момента их совершения. Следовательно, вывод из пункта 27 Пленума № 63 о том, что право заявить требование о включение в реестр требований кредиторов возникает в момент вступления в законную силу определения о признании сделки недействительной, является во многих отношениях спорным.

Несмотря на устоявшийся подход из пункта 27 Постановления Пленума № 63 к иному подходу о моменте возникновения права на предъявление требования контрагенту-банкроту приходит СКЭС ВС РФ в Определении по делу КЗСК [5], в котором высшая судебная инстанция определяла момент начала течения срока исковой давности по требованию из недействительности сделки, применяемом в ином деле о банкротстве.

Так высшая судебная инстанция приходит к выводу о том, что если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого дела не приостанавливает течение срока давности по второму, поскольку истец имеет возможность подать второй иск и заявить ходатайство о его приостановлении до рассмотрения первого.

Также высшая судебная инстанция, реализуя свои дискреционные полномочия, исходя из своей социальной обязанности и положения в судебной иерархии описывает ряд ситуаций, в которых рассмотренный подход также подлежит применению, среди которых: оспаривание оспоримой сделки и реституция по ней; оспаривание оспоримой сделки и виндикация ее предмета у последующего приобретателя; оспаривание корпоративного решения об одобрении сделки и оспаривание самой этой сделки; оспаривание зачета в деле о банкротстве и взыскание восстановленной задолженности; оспаривание платежа по основному долгу в деле о банкротстве и взыскание восстановленного долга с поручителя; применение к реституции правил о возмещении неполученного дохода; признание действий арбитражного управляющего незаконными и взыскание с него убытков.

Несмотря на то, что срок исковой давности и срок заявления требований в реестр требований кредиторов являются различными институтами, вопрос, находящийся в фундаменте их разрешения, является одним и тем же – когда у заявителя возникает право на предъявления требования, вытекающего из недействительности сделки.

Представляется, что разница подходов к применению срока закрытия реестра требований кредиторов, который является процессуальным, и срока исковой давности, который в Российском праве является институтом материального права [10] обусловлена правовой природой рассматриваемых

явлений и различие выводов обусловлено не правовой ошибкой, а различными целями применения различных правовых институтов.

Непоследовательность суда высшей инстанции в вопросе определения момента возникновения у заявителя права на иск, вытекающий из недействительности сделки, можно объяснить либо целями применения различных правовых институтов, либо сдвигом парадигмы.

Вместе с тем, применение различных подходов при разрешении вопроса о моменте возникновения права на иск в контексте исчисления сроков исковой давности различными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации является более интересным и значимым.

Так в определении Гражданской коллегии по делу Хазиповой Елены Александровны [6] по вопросу исчисления сроков давности принятия наследства на основании признания отказа от наследства недействительной сделкой суд, руководствуясь пунктом 27 Постановления Пленума № 63 исходил из того, что право на иск о восстановлении сроков принятия наследства у финансового управляющего возникло в момент вступления в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной.

Отличие подходов в определениях гражданской и экономической коллегии Верховного Суда Российской Федерации можно объяснить через сферу правоприменения. Так в первом случае суд исследовал правоотношения в сфере предпринимательской деятельности, что повлекло за собой применение более строгого подхода к сторонам правоотношений, так как их субъектный состав подразумевает профессионализм и риски, связанные с осуществлением ими действий. Во втором же случае предметом разбирательства являлись наследственные отношения, которые относят [11] к социально значимой категории правоотношений. Безотносительно к субъектному составу описываемого судебного разбирательства (истцом по делу выступал финансовый управляющий) обычно в наследственных правоотношениях участвуют не профессиональные участники рынка, а обычные граждане. Применение одних и тех же стандартов и подходов в правоприменении к различным по природе по субъектному составу правоотношениям не может соответствовать целям справедливости.

Таким образом, выявленное различие в подходах Верховного Суда Российской Федерации к определению момента возникновения права на иск в пункт 27 Постановления Пленума № 63, Определении СКЭС Верховного Суда Российской Федерации по делу КЗСК и Определении гражданской коллегии Верховного Суда Российской Федерации обусловлено целями правоприменения в каждом конкретном случае.

Литература

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопро-

сах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

2. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2022 N 305-ЭС22–19852,
3. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2023 N 305-ЭС22–25581
4. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2024 N 304-ЭС22–12819 (7,8))
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 N 306-ЭС19–10346(10) по делу N А65–25939/2017;
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.11.2022 № 8-КФ22–320-К2
7. Правовое регулирование субсидиарной ответственности лиц, контролирующих банк как кредитную организацию (Быков В.П., Черникова Е.В., Звездова И.В.) («Современное право», 2024, N 3)
8. Процессуальные особенности оспаривания сделок в деле о банкротстве (Сысоева О.В.) («Арбитражный и гражданский процесс», 2013, N 2)
9. Немедленно или с ожиданием? (Дубровская И.) («ЭЖ-Юрист», 2015, N 1–2)
10. Эволюция коллизионно-правовой квалификации исковой давности во Франции (Тариканов Д.В.) («Вестник гражданского права», 2023, N 2)
11. Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий (Резанов Н.В.) («Вестник экономического правосудия Российской Федерации», 2022, N 10)

APPLICATION OF LIMITATION PERIODS TO RELATED CLAIMS IN BANKRUPTCY CASES IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Aryamov P.A.

Russian State University of Justice

The article deals with the issue of calculating the limitation period for claims arising from a closely related dispute on invalidation of a transaction in a bankruptcy case, which are subject to presenta-

tion exclusively within the framework of other judicial proceedings due to mandatory legal requirements. In the practice of different collegiums of the Supreme Court of the Russian Federation, there are different approaches to determining the moment when the right to claim for the application of the consequences of the invalidity of the transaction arises and, as a result, to calculating the limitation period for the application of such consequences. As an example, the explanations of the court of the highest instance are given, as well as specific judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation on the inclusion of claims in the register of creditors' claims, the restoration of the deadline for closing the register of creditors' claims, as well as the restoration of the deadlines for accepting inheritance after recognizing the rejection of inheritance as an invalid transaction in the bankruptcy case of the heir. Different approaches in determining the moment when the applicant has the right to claim when considering various categories of applications are considered as a deviation from the principle of consistency in law enforcement, however, the use of different approaches by the author of the article is justified due to the legal nature of the phenomena under consideration and the political and legal goals of the legal institutions under consideration.

Keywords: limitation period, bankruptcy, insolvency, calculation of the limitation period, related claims, accessory claims, restoration of the limitation period, invalidity of transactions, inheritance.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.12.2010 N 63 (as amended on 30.07.2013) "On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)";
2. Definitions of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.12.2022 N 305-ES22–19852,
3. Definitions of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.04.2023 N 305-ES22–25581
4. Definitions of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 31.01.2024 N 304-ES22–12819 (7.8))
5. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation Courts of the Russian Federation dated 02.05.2024 No. 306-ES19–10346 (10) in case No. А65–25939/2017;
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.11.2022 No. 8-КФ22–320-К2
7. Legal regulation of subsidiary liability of persons controlling a bank as a credit institution (Bykov V.P., Chernikova E.V., Zvezdova I.V.) ("Modern Law", 2024, No. 3)
8. Procedural features of challenging transactions in a bankruptcy case (Sysoeva O.V.) ("Arbitration and Civil Procedure", 2013, No. 2)
9. Immediately or with anticipation? (Dubrovskaya I.) ("EJ-Lawyer", 2015, N 1–2)
10. Evolution of the conflict-law qualification of the statute of limitations in France (Tarikanov D.V.) ("Bulletin of Civil Law", 2023, N 2)
11. Unilateral transactions: classifications, freedom of execution, the possibility of including conditions (Rezanov N.V.) («Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation», 2022, N 10)

О некоторых недостатках наследственного договора в российском гражданском праве

Макиев Алан Зурабович,

бакалавр МГУ им. М.В. Ломоносова, магистр МГИМО (У) МИД Российской Федерации, начальник отдела, Минэкономразвития России
E-mail: makieffff@gmail.com

Цель исследования – выявление и анализ некоторых наиболее значимых недостатков наследственного договора в российском гражданском праве, и формулирование рекомендаций по их устранению. Автор рассматривает статью 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляет на ее основе специфику наследственного договора, как сделки, отличной от завещания. Критически оцениваются взгляды тех исследователей, которые считают наследственный договор лишним инструментом в отечественном наследственном законодательстве. Акцентируется внимание на наиболее значимых недостатках рассматриваемого договора, причем основное внимание обращается на риски, с которыми сталкиваются его стороны, прежде всего, наследник. Подчеркивается недостаточная проработанность законодательных положений о наследственном договоре и обосновывается необходимость большей детализации соответствующих положений. По результатам анализа формулируются предложения, реализация которых может способствовать устранению наиболее существенных недостатков данной правовой конструкции.

Ключевые слова: завещание; наследование; наследственный договор; риски наследника; недостатки наследственного договора.

Введение

Любые правовые инструменты, к какой бы сфере общественных правоотношений они ни принадлежали и для каких целей они бы ни предназначались, не являются совершенными. В полной мере это характерно и для инструментов наследственного планирования, в том числе наследственного договора, и проявляется в наличии определенных недостатков, негативно отражающихся на возможностях его использования для целей передачи имущества по наследству.

Наследственный договор, будучи относительно новым инструментом наследственного планирования, поскольку решение о дополнении Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [1] (далее также – ГК РФ) ст. 1140.1 было принято в 2018 г., остается малоизученным феноменом, в том числе и в контексте правоприменительной практики. Вместе с тем, многие нюансы его использования и недостатки являются вполне очевидными и порождают дискуссии в кругу ученых и практикующих юристов, что актуализирует рассматриваемую в данной статье тему.

В рамках исследуемой темы особенной острой отличается вопрос о поиске путей совершенствования положений ГК РФ о наследственном договоре, так как, с одной стороны, потребность в кардинальном развитии данного направления законодательного регулирования не вызывает сомнений, а с другой стороны, дискуссионный характер многих вопросов, в том числе теоретических, затрудняет выработку рекомендаций. Например, имеет место дискуссия о том, какой именно из инструментов имеет (должен иметь) преимущественную юридическую силу – наследственный договор или завещание. И для разрешения этой, как и других связанных проблем, принципиально важно детально анализировать проблематику наследственного договора.

Целью настоящей статьи выступает выявление и анализ некоторых наиболее значимых недостатков наследственного договора в российском гражданском праве, и формулирование рекомендаций по их устранению.

Основная часть

Первоочередное внимание в контексте изучения наследственного договора и его недостатков следует обратить на вопрос обоснованности внедрения данного инструмента в действующее законодательство.

Как было сказано в Пояснительной записке к Законопроекту № 451522–7, введение наследственного договора, как и иных смежных инструментов, имело целью «расширение возможностей наследодателя при выражении им завещательных распоряжений» [2]. Ориентируясь на данный аргумент, соответствующее решение законодателя можно было только поприветствовать как отвечающее интересам всех будущих наследодателей, особенно с учётом того, что само появление наследственного договора в ГК РФ учеными расценивается как одно из наиболее значимых изменений наследственного права, несмотря на его неоднозначную оценку [3, с. 271].

Вместе с тем в научной литературе идея заполнения ГК РФ нормой о наследственном договоре, реализованная в 2018 г., не встретила всеобщей поддержки. Более того, в литературе высказывались даже мнения об отсутствии у населения потребностей в указанном инструменте [4, с. 87], что в целом нельзя считать обоснованным, поскольку наследственный договор до сих пор не получил должной популярности у населения. Тем не менее, невысокая востребованность данного инструмента не даёт поводов для однозначных утверждений о его полной невостребованности.

Поэтому, признавая неоднозначность указанного инструмента, автор статьи не считает возможным ставить под сомнение целесообразность его введения в отечественную цивилистику на законодательном уровне. Более того, если какая-то часть граждан пользуется данным инструментом, выбирая его, например, вместо завещания, то это однозначно свидетельствует о верном решении законодателя. Что же касается отдельных недостатков института наследственного договора, то они должны рассматриваться как предмет для дискуссий и повод для поиска путей совершенствования законодательства, а не как основание для сомнений в целесообразности создания и развития рассматриваемого инструмента.

Сущность и специфика наследственного договора, опосредованные нормами ГК РФ – это те нюансы, через которые раскрывается не только оправданность самого появления данного инструмента в отечественном наследственном праве, но и сопутствующая проблематика. В этой связи важно раскрыть основное содержание ст. 1140.1 ГК РФ.

Так, п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ наделяет наследодателя правом заключить с любым субъектом, допускаемым законом к наследованию, наследственный договор, которые:

1. Содержит условия о:
 - круге наследников;
 - порядке перехода имущества к наследникам после смерти наследодателя.
2. Может содержать также условия о:
 - о душеприказчике;
 - о возложении на наследников обязанности совершить действия имущественного характера;
 - о возложении на наследников обязанности совершить действия неимущественного характера;

То есть первые две группы условий, исходя из указанной нормы, носят характер обязательных, остальные – факультативных, что отражает достаточно широкие возможности в реализации принципа свободы договора.

Безусловно, широкий круг возможностей, предоставляемых как наследодателю, так и наследникам при заключении соответствующего договора, позволяет согласовать массу условий по усмотрению сторон, отвечающих их личным интересам, и в этом проявляется гласный вариант наследственного планирования, когда не только наследодатель, но и наследники осведомлены о соответствующих намерениях, решениях и условиях наследования. Этого нельзя сказать о случаях, когда избирается завещание в качестве инструмента наследственного планирования. В этой связи принципиально важно обратить внимание на ключевые отличия наследственного договора, коими являются, во-первых, отсутствие тайны, что вполне очевидно, во-вторых, возможность оспаривания самого договора уже при жизни наследодателя (п. 11 ст. 1140.1 ГК РФ).

Изложенные отличия обособляют наследственный договор от завещания, отражают не только его специфику, но и, как отмечается в литературе, характер самостоятельной и уникальной юридической конструкции [4, с. 89]. И уникальность выражается, в частности, в том, что рассматриваемая сделка заключается именно на случай наступления смерти наследодателя, и именно тогда начинается действие его основных положений, что кардинально отличается от случая вступления в силу иных гражданско-правовых договоров, ориентированных на действие и практическое применение в период жизни обеих сторон.

В этом смысле рассматриваемый договор многое роднит с завещанием, при том, что от завещания он кардинально отличается двусторонним субъектным составом, значимостью воли наследника (наследников), наличием дополнительных условий применительно к случаям отказа наследодателя от исполнения своих обязательств.

Более того, нельзя не обратить внимание на максимально справедливый, открытый, честный подход к решению вопроса наследования именно при выборе в пользу наследственного договора, так как принцип тайны, свойственный завещанию (ст. 1123 ГК РФ), наследственному договору чужд. И именно этот договор создает условия для учета интересов и наследников, и наследодателя [5].

Однако, несмотря на все преимущества, рассматриваемому договору свойственны и определённые недостатки, весьма разнообразные. Но среди них особо выделяется наличие повышенных рисков, которые целесообразно рассмотреть максимально пристально.

На риски обращают внимание, например, С.А. Устимова и Е.Н. Рассказова [4, с. 89]. Их наличием трудно не признать, ведь если, например, сравнить рассматриваемый договор с завещанием, то он, в отличие от последнего, содержит, как

правило, определённые обязательства, а они могут носить и материальный характер, то есть быть весьма затратными, прежде всего, для наследника.

В контексте изложенного нельзя не обратить внимание на сам характер условий, которые могут содержаться в рассматриваемом договоре. Исходя из них, будущему наследнику может быть предписано совершить какие-либо не противоречащие закону действия, в том числе в части:

- обязанности по содержанию наследодателя или указанного им лица (например, его ребенка);
- выплаты единовременно либо периодически определенной денежной суммы;
- помощи в ведении домашнего хозяйства;
- организации и оплаты отдыха, лечения и пр. [6, с. 147–148].

Учитывая это, принятие на себя обязательств в рамках наследственного договора для наследника может быть чревато существенными материальными затратами, которые в определенных случаях могут быть несопоставимы с материальной ценностью потенциального наследства. И в этом смысле уместно говорить о наличии определенных финансовых рисков. Хотя в определенных случаях для наследника заключение соответствующего договора может быть и крайне выгодным, в том числе и с принятием определенных значимых обязательств, связанных с оказанием существенной поддержки наследодателю.

Безусловно, значимым недостатком наследственного договора является возможность его оспаривания, прежде всего, вторым супругом, который, например, может заявить претензию на свою долю, в связи с чем наследник по наследственному договору сможет рассчитывать лишь на половину наследства [7]. В определенном смысле такой порядок можно рассматривать как справедливый, хотя рисков данное обстоятельство не снимает.

Нельзя не обратить и внимание на весьма существенную специфику наследственного договора, выражающуюся в возможности заключения нескольких наследственных договоров [7], что позволяет п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ. В этом случае приоритетное значение имеет тот наследственный договор, который был заключен ранее. В данном контексте нельзя не обратить внимание на отсутствие каких-либо ограничений в части неоднократного заключения наследственных договоров, в результате чего их количество может превысить все разумные пределы, причём без каких-либо формальных нарушений действующего наследственного законодательства. И, безусловно, в таком случае возможности реализации наследственных прав будут кардинально осложнены.

По этой причине есть повод для вывода о том, что законодатель не вполне детально проработал соответствующий вопрос о рисках неоднократного заключения наследственных договоров. Причём такого рода риски могут быть актуальны как для наследников, так и для самого наследодателя,

поскольку и для него имеют место определённые обязательства. В этом смысле завещание несёт гораздо меньше рисков, поскольку не предполагает для наследников существенных обязательств, как правило, и для самого наследодателя тоже сохраняет определённую свободу в части принятия решений по распоряжению имуществом на случай своей смерти.

Помимо рассмотренных есть и широкий спектр иных рисков для субъектов, заключающих наследственный договор. В числе важнейших выделяется риск одностороннего немотивированного отказа от договора со стороны наследодателя [6, с. 148]. Отказаться без объяснения причины от договора позволяют положения абз. 1 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ.

Однако такой отказ не может не влечь существенных последствий для самого отказавшегося субъекта: закон обязывает наследодателя возместить соответствующие убытки, которые другие стороны понесли в рамках исполнения наследственного договора, что вполне логично для практики любых договорных правоотношений. При этом аналогичные права имеются и у наследников, причём о каких-либо их обязательствах в отношении наследодателя закон не упоминает. В этом смысле можно полагать, что риск отказа несут обе стороны, но для наследников он является более существенным.

Помимо того, имеет место немаловажный риск отчуждения наследодателем соответствующего имущества, которое наследники рассчитывали в дальнейшем получить [6, с. 149]. Соответствующие права предусматриваются п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, который наделяет наследодателя правом совершать любые сделки относительно его имущества. Это обстоятельство, безусловно, ещё больше повышает риски для наследников, поскольку, например, при заключении наследственного договора они могли рассчитывать на более крупное наследство, а в результате же совершения тех или иных сделок размеры наследства могут кардинально уменьшиться.

Нельзя не сказать и о таком немаловажном риске, как возможность появления обязательных наследников [6, с. 149], о чем говорится в абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ. В этом смысле на права обязательных наследников никоим образом не влияет сам наследственный договор, заключенный наследодателем с наследниками, не имеющими права на обязательную долю в наследстве. И в результате лица, не входящие в круг обязательных наследников и заключающие наследственный договор, изначально могут рассчитывать на более крупное наследство и с этим расчётом нести определённые обязательства, весьма затратные для них, однако после появления обязательных наследников ситуация для них может кардинальным образом измениться в худшую сторону.

Таким образом, если в целом обобщить рассмотренные аспекты рисков, вытекающих из наследственного договора, то становится очевидным, что имеет место явная вероятность неполучения бу-

дущим наследником по наследственному договору полагающегося наследства, на которое он рассчитывал изначально, либо получения наследства в гораздо меньшем размере. При этом основания, уменьшающие или нивелирующие его долю в наследстве, остаются вполне законными. И здесь становится очевидно, что законодатель, с одной стороны, позволил субъектам гражданских правоотношений разрешать вопросы наследственного планирования с достаточно широкой степенью свободы усмотрения, с другой стороны, он не позаботился об обеспечении некоторого баланса интересов. В результате субъекты, представляющие сторону наследников, имеют высокие риски оказаться ущемлённой стороной.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в настоящее время отечественный законодатель не конкретизировал в полной мере соотношение между завещанием и наследственным договором, тем самым создав предпосылки для возникновения определённых спорных ситуаций в отдельных случаях [8]. Данную особенность норм наследственного законодательства тоже следует рассматривать в контексте недостатков наследственного договора.

Здесь особое внимание следует обратить также на расположение ст. 1140.1 ГК РФ. Данная норма размещена в самом конце главы 62 «Наследование по завещанию», исходя из чего можно было бы предполагать, что наследственный договор есть своеобразная разновидность завещания. Однако анализ других норм не даёт оснований для такого вывода. Сам субъектный характер данных сделок свидетельствует о том, что наследственный договор – это относительно самостоятельная юридическая конструкция, и в этом смысле её ни в коем случае не следует смешивать с завещанием, несмотря на наличие в целом идентичных задач, состоящих в распоряжении своим имуществом на случай смерти.

Более того, в некоторые авторы даже указывают на преимущественную силу наследственного договора в сравнении с завещанием [9], и это в некоторой мере можно было бы считать обоснованным, исходя, например, из неправомерности одностороннего отказа наследодателя от данного договора, однако наследодатель в случае такого отказа обязан, во-первых, обратиться к нотариусу, во-вторых, уведомить о своем решении другую сторону (наследников), в-третьих, компенсировать наследникам обусловленные исполнением договора убытки (при наличии). Все это отражает более серьезные правовые последствия заключения наследственного договора для наследователя. Однако в наличии таких последствий не усматривается преимуществ наследственного договора перед завещанием, особенно с учетом п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, который дает возможность для совершения последующих сделок, что может нивелировать роль наследственного договора.

Соответственно, вопрос соотношения наследственного договора с завещанием остается крайне

спорным, и, например, Д. В. Лоренц усматривает в существующем порядке конкуренцию норм о завещании и рассматриваемом договоре [10]. Поэтому данный аспект однозначно требует законодательного уточнения.

Говоря о недостатках норм ГК РФ о наследственном договоре, невозможно не отметить крайне невнимательное отношение законодателя к условиям наследственного договора. П. 1 ст. 1140.1 ГК РФ позволяет включать в рассматриваемый договор, в частности, условия об обязанностях совершить какие-либо имущественные или неимущественного характера, не уточняя при этом каких-либо ограничений и (или) дополнительных требований, в частности, условия о раскрытии информации о долгах наследодателя. И этот вопрос совершенно обоснованно поднимается в литературе как проблемный аспект рассматриваемого договора [11, с. 1276].

Изложенные недостатки дают вполне веские основания исследователям говорить о наличии существенных изъянов в конструкции наследственного договора, подчёркивая при этом тот факт, что он уступает и завещанию, и прочим сделкам, в рамках которых происходит отчуждение имущества при жизни наследодателя [12, с. 55].

С учётом выделенных недостатков представляется возможным обозначить два ключевых направления, с ориентацией на которые целесообразно совершенствовать нормы о наследственном договоре:

1. Максимальная детализация нюансов наследственного договора.
2. Устранение дисбаланса в обеспечении интересов сторон рассматриваемого договора.

Реализуя указанные направления, представляется необходимым дополнить ГК РФ соответствующими нормами, детализирующими требования к составлению наследственного договора. Причём нормы целесообразно объединить в специальной главе, например, 60.1, озаглавив её «Наследование на основании наследственного договора».

В числе нюансов, требующих конкретизации, представляется важным выделить:

1. Требования к порядку заключения наследственного договора.
2. Ограничения к заключению наследственного договора.
3. Запреты сокрытия информации, которая может иметь существенное значение для каждой из сторон.

Касательно требований к порядку заключения наследственного договора представляется важным обратить внимание на норму, исключающую возможность видеофиксации процесса заключения данного договора, если об этом заявят стороны (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ). Как представляется автору, целесообразно предусмотреть условие о необходимости аргументации возражений сторон против видеофиксации, особенно применительно к тем случаям, когда имеет место заключение наследственного договора с наследником, не состо-

ящим с наследодателем в родстве или свойстве. Цель подобных требований состоит в том, чтобы исключить разного рода недобросовестные действия в отношении, прежде всего, престарелых граждан.

Касательно второго нюанса необходимо сосредоточить внимание на введении некоторых ограничений к заключению наследственного договора. На сегодняшний день законодательство позволяет заключать сколько угодно наследственных договоров что несёт в себе риски, прежде всего, для наследников, выступающих стороной договора. Особому риску в этом случае подвергаются наследники, заключившие рассматриваемый договор последними.

Касательно запретов представляется необходимым ввести в ГК РФ норму, обязывающую проверять наследодателя, намеревающегося заключить данный договор, на предмет банкротства и на предмет наличия в отношении него дел о банкротстве. Подобная мера должна исключить для потенциального наследника риски, связанные с взятием на себя обязательств по наследственному договору, когда наследодатель фактически является (с высокой долей вероятности может стать) неимущим. Возможно, в подобных случаях и не следует запрещать заключение наследственного договора, однако, указанная информация должна доводиться до сведения наследника.

Выводы

Проанализированное позволяет прийти к выводам о том, что наследственный договор, безусловно, существенно расширяет возможности для субъектов наследственных правоотношений, позволяя планировать передачу наследства максимально свободно по своему усмотрению. Вместе с тем недостатки законодательных норм несут сторонам, прежде всего наследникам, определённые риски, порождают дисбаланс обеспечения интересов. Для устранения этого дисбаланса и пробелов регулирования целесообразно детализировать нормы о наследственном договоре, пересмотреть вопрос обеспечения интересов сторон. Реализация предложенных в данной статье идей должна существенно усовершенствовать рассматриваемый институт.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001 – № 49. – Ст. 4552.
2. Законопроект № 451522–7 «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации (о совместных завещаниях и наследственных договорах)» // Систем обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/451522-7> (дата обращения: 12.12.2024).

3. Захаров Н.Э. Правовая природа наследственного договора, его сходство и различие с завещанием // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – № 4. – С. 270–276.
4. Устимова С.А., Рассказова Е.Н. Новое в наследственном договорном саморегулировании // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 86–90.
5. Беляева И.А. Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 4. – С. 136–145.
6. Сосипатрова Н.Е. Риски в наследственном договоре: оправдано ли законодательное решение? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 5. – С. 147–153.
7. Шатверян Н. Г., Сбитнева Е.А. Наследственный договор – выгода и риски // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 6(145). – С. 48–51.
8. Демичев А.А. Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4, № 16. – С. 477–484.
9. Калачева Т. Л., Махарадзе Н.С. Новеллы III части Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Наследственное право. – 2020. – № 4. – С. 20–23.
10. Лоренц Д.В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 105–129.
11. Корсун М.В. Проблемы применения наследственного договора в РФ // XVI Королевские чтения: междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина: сб. материалов: 5–7 окт. 2021 г.: в 3 т. / науч. ред. М.А. Шлеенков. – Самара, 2021. – Т. 3. – С. 1276–1277.
12. Соломин С. К., Соломина Н.Г. К вопросу о достоверности правовой конструкции наследственного договора // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 48–57.

ON SOME SHORTCOMINGS OF THE INHERITANCE CONTRACT IN RUSSIAN CIVIL LAW

Makiev A.Z.

Moscow State University, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The purpose of the study is to identify and analyze some of the most significant shortcomings of the inheritance contract in Russian civil law, and formulate recommendations for their elimination. The author examines Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation, identifies on its basis the specifics of the inheritance agreement as a transaction other than a will. The views of those researchers who consider the inheritance contract to be an unnecessary tool in the domestic inheritance legislation are critically evaluated. Attention is focused on the most significant disadvantages of the contract under consideration, with the main attention being paid to the risks faced by its parties, primarily the heir. The insufficient elaboration of

the legislative provisions on the inheritance contract is emphasized and the need for greater detail of the relevant provisions is justified. Based on the results of the analysis, proposals are formulated, the implementation of which can contribute to the elimination of the most significant.

Keywords: will; inheritance; inheritance agreement; risks of the heir; disadvantages of the inheritance agreement.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part three) dated 11/26/2001 No. 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001 – No. 49. – Article 4552.
2. Draft Law No. 451522–7 “On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (on joint wills and inheritance agreements)” // Systems for ensuring legislative activity. – Access mode: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/451522–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/451522-7) (date of application: 12.12.2024).
3. Zakharov N.E. The legal nature of the inheritance contract, its similarity and difference with the will // Bulletin of the Academy of Management and Production. – 2023. – No. 4. – pp. 270–276.
4. Ustimova S.A., Rasskazova E.N. New in hereditary contractual self-regulation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 6. – pp. 86–90.
5. Belyaeva I.A. Problematic aspects of the legal structure of the inheritance contract // Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Law. – 2022. – No. 4. – pp. 136–145.
6. Sosipatrova N.E. Risks in the inheritance contract: is the legislative decision justified? // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2023. – No. 5. – pp. 147–153.
7. Shatveryan N. G., Sbitneva E.A. Hereditary contract – benefits and risks // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2022. – № 6(145). – Pp. 48–51.
8. Demichev A.A. Inheritance contract in the system of inheritance law of the Russian Federation: debatable problems // Actual problems of the state and law. – 2020. – vol. 4, No. 16. – pp. 477–484.
9. Kalacheva T. L., Makharadze N.S. Novelties of the III part of the Civil Code of the Russian Federation: problems and ways to solve them // Inheritance law. – 2020. – No. 4. – pp. 20–23.
10. Lorenz D.V. Inheritance contract: an approach of continental law // Right. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – No. 2. – pp. 105–129.
11. Korsun M.V. Problems of the application of the inheritance contract in the Russian Federation // XVI Royal readings: international. youth. scientific conf., dedicated. To the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight: collection of materials: October 5–7, 2021: in 3 volumes / scientific ed. by M.A. Shleenskoy. – Samara, 2021. – Vol. 3. – pp. 1276–1277.
12. Solomin S. K., Solomina N.G. On the question of the reliability of the legal structure of the inheritance contract // Bulletin of the Omsk University. Series: Law. – 2020. – Vol. 17, No. 2. – pp. 48–57.